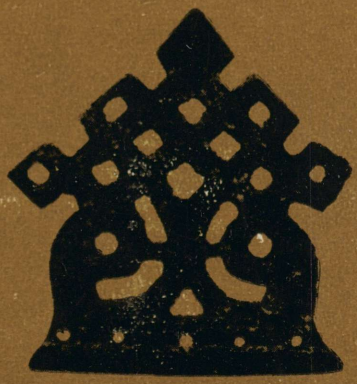

STUDIA ARCHAEOLOGICA IN MEMORIAM HARRI MOORA

STUDIA ARCHAEOLOGICA IN MEMORIAM HARRI MOORA

1970

B-2289

EESTI NSV TEADUSTE AKADEEMIA AJALOO INSTITUUT

STUDIA ARCHAEOLOGICA

IN MEMORIAM

HARRI MOORA

KIRJASTUS «VALGUS» · TALLINN 1970

902. 6
S 84

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Kunstiliselt kujundanud L. Kruusmaa.

Toimetanud
M. Schmiedehelm, L. Jaanits ja J. Selirand

Под редакцией
М. Шмидехельм, Л. Янитса и Ю. Селиранда

Redigiert von
M. Schmiedehelm, L. Jaanits und J. Selirand

1—6—2

HARRI MOORA

2. III 1900—2. V 1968

Harri Moora sündis 2. märtsil 1900. aastal Tartu maakonnas Kuremaa vallas Ehavere külas. Tema esivanemad on pärit Põhja-Tartumaalt, kus mitmed neist on pidanud möldri- või koolmeistriametit. Isa, Albert Moora (1865—1942), oli rentinud Ehavere veski, mille hiljem ostis päriseks. Seal abiellus ta Matilde Rätsepaga (1871—1967). Nende neljast lapsest oli Harri vanim.

Varane lapsepõlv möödus Ehavere veskis, kus ta nagu märkamatult õppis varakult lugema ja kirjutama. 8-aastaselt algas Harri Moora koolitee Tartu Reaalkoolis, mille ta lõpetas 1916. aastal. Vanemate soov oli, et pojast saaks insener. 1917. aastal astus Harri Moora aga Tartu Ülikooli arstiteaduskonda, kust ta juba järgmise aasta algul läks üle ajaloo-keeleteaduskonda. Sõjaolukorra tõttu katkes ülikoolis peatselt õppetöö. 1918. aasta lõpust kuni 1920. aasta märtsini oli Harri Moora mobiliseerituna kodanliku Eesti sõjaväes, kus ta tegeles peamiselt kantseleitööga.

Armeest vabanemise järel asus Harri Moora uuesti õppima Tartu Ülikooli filosoofiateaduskonnas, valides põhiaineteks arheoloogia, Eesti ja naabermaade ajaloo, kunstiajaloo ja etnograafia. Algusest peale oli tema peamine huvi pühendatud arheoloogiale, mida luges väljapaistev soome arheoloog prof. A. M. Tallgren, kes ühtlasi oli äsjaasutatud Arheoloogia Kabineti ja Muuseumi juhataja. Üliõpilasest Harri Moorast kujunes prof. Tallgreni üks lähemaid kaastöölisi. Aastail 1921—1923 töötas ta Arheoloogia Kabinetis mittekoosseisulise abijõuna ning 1923—1924 konservaatorina.

Üliõpilasena alustas Harri Moora ka oma teaduslikku tegevust. Esimesteks katsetusteks selles suunas on arheoloogilisi kaevamisi ja muistiseid tutvustavad väikesed artiklid ajakirjanduses alates 1921. aastast. «Ajaloolises Ajakirjas» avaldas ta 1922. aastal pikema kirjutise eestlaste muistsest vabadusvõitlusest. Tema esimeseks puht arheoloogia-alaseks teaduslikuks artikliks on 1923. aastal Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamatus ilmunud seminaritöö Eesti ja Läti silmiksõlgede kohta.

A. M. Tallgreni Tartust lahkumise järel oli aastail 1923—1925 ülikooli arheoloogiaprofessoriks rootsi arheoloog B. Nerman. Need Harri Moora viimased üliõpilasaastad kujunesid avaldatud tööde poolest eriti viljakaks. Ta toimetas kaks kogumikku üliõpilaste poolt koostatud Saaremaa ja Eesti kinnismuististe kirjeldusi (sisaldasid ka tema enda töid), tutvustas ja propageeris ettevalmistusel olevat muististe kaitse seadust, mis 1925. aastal ka kehtestati, ning avaldas mitu teaduslikku artiklit. Koguteosega

Harri Moora üliõpilasena.

«Tartumaa» algas ühtlasi Harri Moora osavõtt kodu-uurimusliku mitmeköitelise suurteose «Eesti» koostamisest. Harri Moora magistritöö «Latvia varem raua-aeg», millega ta ülikooli lõpetas, jäi aga trükkimata. Nähtavasti selgus talle juba siis, et see teema väärib põhjalikumat käsitlust, mille suurepäraseks näiteks hiljem kujuneski tema doktoriväitekiri.

Ülikooli lõpetamise järel 1925. aasta algul määrati Harri Moora ülikooli teaduslikuks stipendiaadiks, kellena ta asus koguma materjali doktoritöö jaoks. Vastavalt valitud teemale korraldas ta Läti varase rauaaja kalmetel kaevamisi, avaldas nende tulemusi artiklitena ja töötas läbi kogu selle perioodi kohta teada oleva ainese. Ta kirjutas ka vanema rauaaja osa 1926. aastal avaldatud Läti arheoloogia ülevaates. Samal ajal püsis Harri Moora huvi Eesti esiajaloo, iseäranis selle hiliseima järgu vastu. 1926. aastal ilmus tema sulest populaarteaduslik käsitlus «Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal», milles nii arheoloogiliste kui ka kirjalike allikate põhjal oli üldarusaadavas ladusas keeles kokku võetud kõik see, mis oli teada II aastatuhande algussajandite eesti ühiskonnast.

Pärast B. Nermani lahkumist jäi arheoloogia-alase töö juhtimine Eestis praktiliselt Harri Moora õlgadele. 1927. aastast alates luges ta Tartu Ülikoolis õppeülesandetäitjana arheoloogiat, 1930. aastal valiti ta aga arheoloogiaprofessori kohusetäitjaks ning Arheoloogia Kabineti ja Muuseumi juhatajaks.

1929. aastal ilmus Harri Moora doktoritöö esimene, väiksem osa, mis käsitleb Läti varaseimat rauaaega, meie ajaarvamise eelseid sajandeid, tehes seda kogu Baltikumi materjali hõlmaval taustal. Ka kahes osas avaldatud (1929 ja 1931) analüüs hilise rauaaja ehete kohta haarab kõigi Baltimaade vastava ainese.

1932. aastal ilmus Harri Mooralt saksakeelne «Eesti esiajalugu», mis sai laialdaselt tuntuks ka välismaal ja võeti mitme ülikooli õppeprogrammi, kus see mõnel pool on püsinud praeguseni. Mõned välisteadlased on seda hinnanud kui üht parimat terviklikku käsitlust ühe maa esiajaloost. Üksikasjalikuma esituse leidis sama teema «Eesti ajaloo» I köites (1935), mille toimetajaks ja põhiliseks autoriks Harri Moora oli. Mõlema üldkäsitluse vahepeal avaldas ta veel mitu väiksemat artiklit, millest nimetame Ida-Baltimaade emailehete päritolu küsimusele pühendatud kirjutist.

Nimetatud tööd, samuti pedagoogiline tegevus ülikoolis ning kogu arheoloogilise uurimistöö juhtimine võtsid tublisti aega. Seetõttu viibis doktoritöö põhiosa valmimine. Temale omase põhjalikkusega taotles Harri Moora selles kõigi olemasolevate materjalide ammendamist, kogu teemakohase kirjanduse arvessevõtmist. Lisaks Baltimaade muuseumidele töötas ta võrdlusmaterjalide kogumiseks Soome, Rootsi, Norra ja Saksamaa muuseumides. 1935. aastal tegi Harri Moora pikema uurimismatka NSV Liitu, kus tutvus arheoloogia alal tehtava tööga ja ainekogudega Leningradis, Moskvas, Minskis, Kiievis jm. Sellesse aega kuuluvad ka tema esimesed isiklikud kontaktid nõukogude arheoloogidega.

Kui 1938. aastal ilmus väitekirja «Rauaaeg Lätis kuni umbes 500 p. Kr.» teine osa, oli see kujunenud kõige mahukamaks ja põhjalikumaks Ida-Baltimaade arheoloogia alal kirjutatud monograafiaks ja on jäänud selleks praeguseni. Muidugi ei piirdu selle tähtsus Läti arheoloogiaga. Baltimaade keskosas asuv Läti territoorium oli varasel rauaajal lõuna- ja põhjapoolsete nähtuste kokkupuutealaks, mille rikkalik ning mitmekesine materjal võimaldas käsitleda kogu Ida-Baltikumile ühiseid probleeme.

1938. aasta kevadel kaitses Harri Moora oma doktoriväitekirja. Samal aastal valiti ta Tartu Ülikooli korraliseks professoriks, 1940. aasta algul ka filosoofiateaduskonna dekaaniks.

1938. aasta oli Harri Mooral teadusliku produktsiooni seisukohalt üldse väga viljakas.

Kaevamised Jaagupi tarandkalmel on lõppenud. Kaevajate keskel Harri Moora. 1934.

Lisaks kapitaalsele monograafiale avaldas ta ajakirjades veel terve rea väiksemaid artikleid.

Kuigi Arheoloogia Kabinet oli igal suvel korraldanud väljakaevamisi, jäi nende ulatus materiaalsete vahendite nappuse tõttu üsna väikeseks. Tänu Harri Moora pingutustele õnnestus 1930-ndate aastate keskpaigast alates välitööde mahtu mõnevõrra suurendada. Avanes võimalus hakata uurima linnuseid. Harri Moora kaevas kõigepealt väikest Peedu «Kerikmäge» Lõuna-Tartumaal, selgitades välja selle kindlustuste iseloomu ja dateerides ta I aastatuhande teise poolde. Seejärel valis ta uurimisobjektiks muistse Sakala põhjaosas asuva Lõhavere linnamäe, mille kohta arvati, et see on kuulunud Henriku «Liivimaa kroonikas» korduvalt nimetatud eestlaste ülikule Lembitule. Harri Moora poolt aastail 1937—1941 juhitud kaevamised näitasid selle arvamuse paikapidavust. Osutus võimalikuks linnamäe vallis leiduvaid põlemiskihte siduda kroonika andmetega linnuse juures peetud võitlustest. Linnuste uurimise esimesed tulemused avaldati Harri Moora toimetatud kogumikus «Muistse Eesti linnused» (1939), milles temalt endalt oli kaks artiklit mõlema mainitud linnuse kohta.

Harri Moora teaduslik-organisatoorne tegevus sõjaeelseil aastail ei piirdunud üksnes arheoloogiaga. Juba üliõpilaspõlves oli ta kuulunud «Ajaloolise Ajakirja» toimetusse. 1926. aastast alates oli ta Õpetatud Eesti Seltsi juhatuse liige, kuulus pikemat aega Eesti Rahva Muuseumi juhatusse, aastail 1933—1940 oli Eesti filoloogia- ja ajaloo-alase bibliograafia toimetaja jne. 1936. aastal valiti Harri Moora Õpetatud Eesti Seltsi esimeheks, kellena tal oli suur osa seltsi tegevuse aktiviseerimisel ja selles tehtava teadusliku töö taseme tõstmisel. Tema organiseerimisel ja toimetusel ilmus seltsi saja aasta juubeli tähistamiseks 1938. aastal mahukas artiklite kogumik «Liber saecularis», millest autoritena võttis osa humanitaarteadlasi paljudest maadest, sealhulgas ka Nõukogude Liidust.

Harri Moora oli teadlasena võitnud laialdase rahvusvahelise tunnustuse, mida tõendab tema valimine mitme välismaise arheoloogiaseltsi auvõi välisliikmeks.

1940. aasta revolutsioonipäevil tõestas Harri Moora oma kokkukuuluvust rahvaga, kelle kujunemist ja vanimat ajalugu ta uuris. Revolutsioonisuvel oli ta J. Varese valitsuses haridusministri asetäitjaks, võttes osa kõrgemate koolide nõukogulikust ümberkorraldamisest. Sügisel jätkas ta taas tööd Tartu Riiklikus Ülikoolis arheoloogiakateedri juhataja-professorina. 1941. aastal ilmus temalt Moskvas venekeelne artikkel, mis tutvustas nõukogude kolleegidele Eestis tehtud arheoloogilist uurimistööd eelnenud 20 aasta jooksul.

Suure Isamaasõja ajal eemaldati Harri Moora fašistlike okupatsioonivõimude poolt 1942. aasta algul ülikoolist ja määrati Tallinna, kus ta töötas Ajaloomuuseumi direktori kohusetäitjana. 1944. aasta aprillis ta areteeriti.

Kohe pärast Eesti NSV vabastamist 1944. aasta sügisel asus Harri Moora taas tööle oma endisel ametikohal Tartu Riiklikus Ülikoolis, kus ta oli kuni 1950. aastani. Aastail 1948—1949 oli ta ka ajaloo-keeleteaduskonna dekaan. Materialistliku maailmavaatega ja nähtusi sügavalt analüüsiva teadlasena omandas Harri Moora kiiresti marksistliku metodoloogia. See sai nii tema ülikooliloengute ja -seminaride kui ka edaspidise uurimistöö aluseks. Tema juhtimisel korraldati Arheoloogia Muuseumis esimene marksistlikelt alustelt lähtuv Eesti arheoloogia eksositsioon, mis avati 1946. aastal. Ühtlasi oli Harri Moora sõjajärgseil aastail juhtivalt tegev eesti nõukogude etnograafia arendamisel ja noore kaadri kasvatamisel.[1]

Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi asutamisel kutsuti Harri Moora 1947. aasta algul kohakaasluse alusel arheoloogiasektori juhatajaks. Sektorile anti üle ka seni ülikooli juures olnud arheoloogiamuuseum. Arheoloogilisele uurimistööle Eestis avanesid nüüd senisest avaramad võimalused. Nende võimaluste realiseerimisel on Harri Mooral suured teened. Pedagoogilise töö kõrval pööras ta palju tähelepanu arheoloogiasektori organiseerimisele ja juhtimisele. Ta lõi ka tiheda kontakti NSV Liidu juhtivate uurimiskeskustega. Selle tulemusena korraldati 1949. aasta mais Leningradis esimene Nõukogude Baltimaade arheoloogiale pühendatud sessioon, millel peetud ettekandes Harri Moora püstitas Baltimaade arheoloogilise uurimise uued ülesanded. Teine Baltimaade arheoloogiasessioon peeti 1951. aasta kevadel Tartus. Selle peamiseks kohapealseks organiseerijaks oli Harri Moora, kes ise esines ettekandega Eesti linnuste kohta.

1950. aastal tabas Harri Moorat raske hoobina alusetu süüdistus kodanlikus natsionalismis. Samal aastal likvideeriti ülikoolis arheoloogiakateeder ja seega praktiliselt ka spetsialistide ettevalmistamine arheoloogia ning etnograafia alal. Ometi jätkus Harri Mooral visadust ja jõudu ka neil temale raskeil aastail mehiselt edasi töötada. Tema tegevus koondus nüüd Ajaloo Instituudi arheoloogiasektorisse (alates 1958. aastast arheoloogia ja etnograafia sektor), mille juhatajaks ta jäi surmani. Seoses Ajaloo Instituudi ületoomisega Tartust Tallinna asus siia 1952. aastal elama ka Harri Moora.

Et sõja tagajärjel oli tugevasti kannatada saanud ka läti arheoloogide kaader, siis võttis Harri Moora, kes Läti arheoloogilist materjali hästi tundis, endale ülesande kirjutada marksistlikelt alustelt lähtuv Läti esiajaloo üldkäsitlus. Töö avaldati 1952. aastal läti keeles eri raamatuna. Samal aastal ilmusid ka «Läti NSV ajaloo» esimene köide, mille esiajaloo osa koostamisest võttis osa ka Harri Moora, ning lühike «Eesti NSV ajalugu», mille vanimaid perioode käsitlevate peatükkide autoriks ta samuti oli. Põhjalikuma käsitluse leidis Eesti esiajalugu kolmeköitelise Eesti NSV ajaloo esimeses köites (1955, vene keeles täiendatult 1961). Sellega oli Eesti vanima ajaloo marksistlik ümberhindamine põhiliselt lõpule viidud.

Seoses esiajaloo küsimuste läbitöötamisega valmis Harri Mooral neil aastail rida artikleid, milles ta võrdlevalt analüüsis üksikute perioodide materjale kogu Baltikumi ulatuses. Need probleemiderikkad artiklid käsitlevad hilisneoliitikumi ja varajast metalliaega (1952), klassiühiskonna tekkimist (1953) ja vanema rauaaja muistiseid (1954). Artiklid avaldati keskses erialaperioodikas ja need leidsid laialdase tunnustuse, viies tublisti edasi kogu Baltikumi esiajaloo uurimist.

Eestis ilmus Harri Moora organiseerimisel ja toimetusel 1955. aastal arheoloogia-alaste artiklite kogumik «Muistsed asulad ja linnused», mille keskseimaks kirjutiseks on tema enda üldistav artikkel Eesti linnuste uurimistulemustest. Seitse aastat hiljem avaldatud teise analoogilise kogumiku «Muistsed kalmed ja aarded» autoreiks on juba peamiselt Harri Moora õpilased, tema rajatud eesti arheoloogia koolkonna noored esindajad.

Teadlase väga tulemusrikas töö leidis ka ametliku tunnustuse. 1957. aastal valiti Harri Moora Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemikuks ja talle anti Eesti NSV teenelise teadlase aunimetus.

Palju tähelepanu pööras Harri Moora eesti ja naaberrahvaste etnilisele ajaloole. Lähtudes

[1] Harri Moora etnograafia-alase tegevuse kohta vt. A. Viirese artiklit käesolevas kogumikus, lk. 23 jj.

küll esmajoones arheoloogilisest materjalist, mis kaugema mineviku kohta oli suhteliselt paremini dateeritav, taotles ta naaberdistsipliinide kaasatõmbamist etnilise ajaloo uurimisele. See ilmneb juba 1935. aastal väljaantud «Eesti ajaloo» käsitluses, milles ta, keeleteadlast J. Mägistet kaasautoriks kutsudes, kasutas arheoloogilise ja lingvistilise materjali kõrvutamist. Kaugema mineviku elanikkonna etniline kuuluvus jäeti mainitud teoses lahtiseks, alates aga meie ajaarvamise algusest peeti Eesti ala elanikeks eestlaste esivanemaid. Kindla teadusliku põhjenduse sai see seisukoht Harri Moora doktoritöös, milles tehti kindlaks läänemeresoome ja balti hõimude kalmete ning seega ka asustuse levik I aastatuhande esimesel poolel.

Nõukogude Eestis alustas Harri Moora etnogeneesi küsimuste süvendatud uurimist. Tema esimene sellesuunaline artikkel 1950. aastal jälgis Baltimaade hõimude ja rahvaste kujunemist alates I aastatuhandest e.m.a. 1953. aastal üleliidulisel arheoloogide, etnograafide ja antropoloogide sessioonil peetud ettekandes ning järgmisel aastal avaldatud artiklis püstitas Harri Moora probleemi märksa laiemalt, alustades kiviajast ja kasutades lisaks arheoloogilistele ka lingvistilisi ja antropoloogilisi andmeid.

Harri Mooral õnnestus organiseerida etnilise ajaloo kompleksne uurimine. Tõmmanud kaasa keeleteadlasi, arheolooge, antropoloogi, etnograafi ja folkloristi, toimetas ta kogumiku «Eesti rahva etnilisest ajaloost» (1956), milles eesti ja osalt naaberrahvaste etnogeneesi küsimusi valgustatakse nimetatud erialade materjali põhjal. Kõige ulatuslikumaks ja oma sisult keskseks kirjutiseks kogumikus oli tema enda artikkel, mis olulises osas võttis arvesse ka teiste distsipliinide andmed. Artikli sissejuhatuses käsitletakse ka etnogeneesi uurimise teoreetilisi aluseid, kusjuures autor rõhutab, et mitmete erialade, iseäranis keele ja arheoloogia materjale on seni püütud skemaatiliselt kõrvutada; tegelikult on nendevahelised suhted, nagu ka kogu hõimude ja rahvaste kujunemisprotsess, palju keerulisemad. Selles on suurt osa etendanud vastavate hõimude ja rahvaste majanduslik ning ühiskondlik areng, mille seosele etnilise ajalooga on seni pööratud väga vähe tähelepanu.

Nii Harri Moora artikkel kui ka kogumik tervikuna leidsid laialdast vastukaja NSV Liidus ja välismaal. Retsensioonides rõhutati, et kogumik pakub metodoloogiliselt rohkesti uut ja võib saada eeskujuks sellesuunalisele uurimistööle mujalgi. 1959. aastal määras Eesti NSV Ministrite Nõukogu Harri Moorale kui uurijaterühma juhendajale selle eest Nõukogude Eesti esimese preemia teaduse alal. Kokkuvõtlikul, kuid mõnevõrra täiendatud kujul avaldati Harri Moora artikkel ka Soome Muinasuurijate Seltsi ajakirjas (1958). Nagu eelmise artikli jätkuna pühendas Harri Moora oma järgmise kirjutise (1958) etnilise ajaloo valdkonnast balti hõimudele, näidates, et nende asumisala on varem olnud palju laialdasem, kui see oli II aastatuhande algul.

Harri Moora ja A. J. Brjussov Hamburgis 1958. aastal.

Ühiskondlik-majandusliku ajaloo seoseid etnogeneesi protsessiga käsitles Harri Moora koos oma abikaasa, etnograaf Aliise Mooraga ühiselt kirjutatud artiklis «Baltimaade ajaloolis-kultuuriliste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemisest» (1960), milles Baltimaade konkreetse materjali põhjal arendati edasi Harri Moora poolt juba varem avaldatud teoreetilisi seisukohti. Samu küsimusi käsitles Harri Moora ka VII rahvusvahelisel antropoloogia- ja etnograafiakongressil Moskvas 1964. aastal.

Baltimaade etnilise ajaloo uurimine oli mainitud töödega jõudnud teatavasse kindlasse faasi, millest edasiminek nõudis suurema hulga uute materjalide kogumist ning ka uute, alles väheuuritud teadusalade (toponüümika, asustusajalugu) kaasatõmbamist. Seepärast koondas Harri

Moora järgnevalt eri distsipliinide esindajate tähelepanu kitsamale, kuid etnilise ajaloo seisukohalt suurt huvi pakkuvale piirkonnale. Selleks oli Peipsi järve ümbrus — slaavlaste ja läänemeresoomlaste iidne kokkupuuteala, vastastikuste kontaktide ja etnilise segunemise vöönd. Uurimiste tulemusena ilmus Harri Moora toimetatud kogumik «Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost» (1965), milles ta ise, jällegi koos Aliise Mooraga, käsitles vadjalaste ja isurite etnilist ajalugu, tehes seda mitmekülgselt ja probleeme tõstatavalt.

Oma elu viimastel aastatel pühendas Harri Moora rohkesti tähelepanu klassiühiskonna tekkimise perioodile. Seesama «eestlaste kultuur», millest ta 40 aastat tagasi noore mehena oli andnud haarava populaarse ülevaate, paelus uuesti ta mõtteid, nüüd aga uutelt metodoloogilistelt alustelt lähtuvana, kogenud uurija pilguga nähtuna ja teiste Baltimaade rahvaste kultuuriga võrrelduna. Mitmes artiklis ja ettekandes käsitles Harri Moora nüüd Baltimaade maaviljeluse ajalugu (1964, 1965, 1968), käsitöö arenemisjärge (1966), kaubandust (1969). Jätkus ka kokkuvõtete tegemine linnuste uurimistulemustest (1961, 1967). Kui ühele «Eesti arhitektuuri ajaloo» (1965) autoreist määrati Harri Moorale teistkordselt Nõukogude Eesti preemia teaduse alal.

Omaette epohhi Eesti arheoloogia arenemises moodustavad Harri Moora välitööd, mille meetodeid ta aastate jooksul pidevalt täiendas. Välitöödest kujunesid tähtsaimaks juba enne sõda alustatud kaevamised Lõhavere linnamäel, mida ta jätkas aastail 1956—1962. Kogutud rikkalikku materjali ei jõudnud väsimatu uurija aga enam sellisel kujul üldistada, nagu ta oli kavatsenud. Oma viimse uurimuse Baltimaade rahvaste majanduse ja ühiskondliku korra kohta 13. sajandi algul lõpetas Harri Moora juba haigevoodis, kust ta enam ei tõusnud.

Harri Moora oli väljapaistev pedagoog, kes oma õpilastelt nõudis põhjalikku materjali tundmist ja selget probleemide asetamist ning lahendamist. Pärast tema lahkumist Tartu Ülikoolist kujunes noorte eesti arheoloogide peamiseks taimelavaks Ajaloo Instituudi arheoloogiasektor, kus tema juhendamisel valmis ja kaitsti või tuleb veel kaitsmisele rida väitekirju. Ta oli kõrgesti hinnatud juhendajaks või oponendiks ka paljudele spetsialistidele vennasvabariikidest.

Harri Moora elu ja tegevus on olnud lahutamatult seotud Eesti ja kogu Baltikumi arheoloogiaga. Ümmarguselt 40 aastat oli ta Ida-Baltimaade esiajaloo uurijate seas keskne kuju. Võib liialdamata öelda, et Eesti arheoloogia on neil aastatel arenenud koos Harri Moora kui teadlase arenemise ja väljakujunemisega. Tema oli see, kes arendas Eesti arheoloogia muistsete esemete, kalmete ja asulate uurimisest tõeliseks kompleksseks esiajalooteaduseks. Kui Harri Moora enda poolt koostatud historiograafiates Eesti arheoloogia arenguetappe sageli seostatakse juhtivate uurijatega — Grewingk — Hausmann — Tallgren —, siis nüüd võime seda rida jätkates öelda, et on möödunud pikim ja saavutusterohkeim arenguetapp, mis on seotud Harri Moora nimega.

Harri Moora panus nõukogude ajalooteadusse on suur. Ta tööd, mis põhinevad väga heal allikate ja kirjanduse tundmisel, äratasid laialdast tähelepanu oma usaldatavuse ning soliidsusega, neis ei leidu kergel käel tehtud järeldusi. Nõukogude arheoloogide esindajana võttis ta osa mitmetest rahvusvahelistest kongressidest ning valiti Esi- ja Varase Ajaloo Teaduste Rahvusvahelise Liidu Alalise Nõukogu liikmeks. Paljude maade arheoloogidega oli tal ametialaseid sõbralikke kontakte. Ka oli ta rea välismaa teaduslike ühingute liige.

Nõukogude valitsus on Harri Moorat tema teadusliku tegevuse eest autasustanud Tööpunalipu ordeniga, ordeniga «Austuse märk» ja medaliga «Eeskujuliku töö eest Suures Isamaasõjas».

Oma kaastöötajaile ja õpilastele jääb Harri Moora suure teadlasena ja südamliku, kuid põhimõttekindla, tõeliselt mehise inimesena alati suureks eeskujuks.

ХАРРИ АЛЬБЕРТОВИЧ МООРА

2/III 1900 — 2/V 1968

Харри Альбертович Моора родился 2 марта 1900 года в деревне Эхавере Куремааской волости Тартуского уезда. Его предки были родом из северной части Тартумаа, где многие из них работали мельниками и школьными учителями. Отец Х. А. Моора — Альберт Моора (1865—1942) арендовал эхавереcкую мельницу, которую он впоследствии выкупил. Там он женился на Матильде Рятсеп (1871—1967). Харри был старшим из их четырех детей.

Раннее детство Х. А. Моора прошло на эхавереской мельнице, где он очень рано научился читать и писать. С восьмилетнего возраста Х. А. Моора начал учиться в Тартуском реальном училище, которое окончил в 1916 году. Его родители хотели, чтобы их старший сын стал инженером. Однако Х. А. Моора поступил в 1917 году на медицинский факультет Тартуского университета, а в начале следующего года перешел на историко-филологический факультет. Вскоре занятия в университете были прерваны войной. С конца 1918 года по март 1920 года Х. А. Моора был мобилизован в войска буржуазной Эстонии, где состоял в должности писаря.

Демобилизовавшись из армии, Х. А. Моора поступил учиться на философский факультет Тартуского университета, где основными предметами изучения избрал археологию, историю Эстонии и соседних стран, историю искусств и этнографию. Больше всего его сразу же заинтересовала археология. Этот курс, впервые включенный в учебную программу Тартуского университета, читал выдающийся финский археолог профессор А. М. Тальгрен, который одновременно заведовал только что основанными Археологическим кабинетом и музеем.

Очень скоро Х. А. Моора стал одним из ближайших сотрудников профессора Тальгрена: в 1921—1923 годах он — внештатный сотрудник Археологического кабинета, в 1923—1924 — консерватор.

Научную деятельность Х. А. Моора начал, будучи еще студентом. Первые небольшие его статьи об археологических памятниках и раскопках стали публиковаться в периодических изданиях с 1921 года. В том числе можно назвать его статью об освободительной борьбе эстонцев в начале 13 века, опубликованную в 1922 году в «Историческом журнале». Первой же научной статьей, полностью посвященной археологии, является семинарская работа Х. А. Моора о глазчатых фибулах в Эстонии и Латвии, напечатанная в 1923 году в ежегоднике Эстонского ученого общества.

В 1923 году А. М. Тальгрен возвратился в Финляндию. Его место профессора археологии

Тартуского университета с 1923 по 1925 год занимал шведский археолог Б. Нерман. Эти два последних студенческих года были для Х. А. Моора особенно плодотворными. Он был одним из составителей и редактором двух студенческих сборников, посвященных описанию археологических памятников как о-ва Сааремаа, так и всей Эстонии, и опубликовал несколько научных статей. Кроме того, Х. А. Моора принимал активное участие в разъяснении и пропаганде подготавливавшегося закона об охране археологических памятников (последний был принят в 1925 году). В это же время он написал ряд разделов для сборника «Тартумаа», которые положили начало его дальнейшему участию в составлении многотомного краеведческого издания «Эстония». Магистерская работа Х. А. Моора об эпохе раннего железа в Латвии, которой он закончил университет, осталась неопубликованной. По всей вероятности, он уже тогда понял, что данная тема заслуживает более глубокого изучения, и блестяще осуществил это позже в своей докторской диссертации.

Оставленный при университете в качестве научного стипендиата после окончания его в 1925 г., он начал собирать материал для докторской диссертации. В соответствии с избранной темой он вел в Латвии раскопки могильников эпохи раннего железа, результаты которых опубликовал в ряде статей. В то же время он тщательно изучил весь известный к тому времени материал о данном периоде. Им был написан также раздел о первой половине I тысячелетия для обзора археологии Латвии, вышедший в свет в 1926 году.

И в эти годы Х. А. Моора по-прежнему интересовала археология Эстонии, главным образом памятники первых веков II тысячелетия. В 1926 году он опубликовал работу «Культура эстонцев в период их древней независимости», в которой на основе археологических и письменных источников в общедоступной форме обобщил все известные к тому времени данные об общественном строе эстонцев в первые века II тысячелетия.

После ухода Б. Нермана руководство археологической работой в Эстонии практически легло на Х. А. Моора. С 1927 года он начал читать в Тартуском университете курс археологии, а в 1930 году был избран исполняющим обязанности профессора археологии и заведующим Археологическим кабинетом и музеем.

В 1929 году вышла в свет первая менее объемистая часть докторской диссертации Х. А. Моора, в которой на основании сопоставления археологического материала всей Прибалтики исследовался начальный период железного века Латвии, охватывающий последние столетия до нашей эры. Опубликованное в двух частях (1929 и 1931) более обширное исследование, в котором был дан анализ украшений позднего железного века, также охватывает соответствующий материал всей Прибалтики.

Книга «Археология Эстонии», опубликованная на немецком языке в 1932 году, принесла Х. А. Моора широкое признание не только в Эстонии, но и за рубежом. В ряде университетов она была включена в учебную программу, а в некоторых учебных заведениях используется и до настоящего времени. Некоторые зарубежные ученые считали ее одним из лучших обзоров по археологии отдельной страны. В переработанном и расширенном виде этот обзор лег в основу I тома «Истории Эстонии» (1935), одним из основных авторов и редактором которого являлся Х. А. Моора. Кроме этих обобщающих трудов, в первой половине 30-х годов Х. А. Моора опубликовал и ряд небольших статей, из которых в первую очередь необходимо отметить исследование о происхождении восточноприбалтийских украшений с эмалью.

Указанные работы, а также педагогическая деятельность в университете и руководство всей археологической исследовательской работой в Эстонии отнимали много времени и поэтому завершение докторской работы задержалось. С присущей ему основательностью Х. А. Моора стремился дать в ней исчерпывающий анализ всего имевшегося материала и полностью использовать литературу по разрабатываемой теме.

Чтобы собрать сравнительный материал, он работал не только в музеях Прибалтики, но изучал и коллекции музеев Финляндии, Швеции, Норвегии и Германии. В 1935 году Х. А. Моора совершил длительную поездку по Советскому Союзу, во время которой ознакомился с постановкой археологических исследований и археологическими коллекциями в музеях Ленинграда, Москвы, Минска, Киева и других городов. К этому времени относятся его первые личные контакты с советскими археологами.

Докторская диссертация Х. А. Моора «Железный век Латвии примерно до 500-го года после р. Хр.» (II часть) вышла в свет в 1938 году. Это исследование и до настоящего времени является самой обширной и исчерпывающей монографией по археологии Восточной Прибалтики. Ее значение выходит далеко за рамки латвийской археологии. Территория

Латвии, расположенная в центре Прибалтики, являлась в эпоху раннего железа областью, в которой соприкасались северные и южные культурные явления, поэтому ее богатый и разносторонний археологический материал позволял раскрыть многие проблемы, общие для всей Восточной Прибалтики.

Весной 1938 года Х. А. Моора защитил докторскую диссертацию. В том же году он был избран ординарным профессором Тартуского университета, а в начале 1940 года — деканом философского факультета.

1938 год был для Х. А. Моора исключительно продуктивным. Наряду с обширной монографией он опубликовал в периодических изданиях ряд небольших статей.

Археологический кабинет каждое лето проводил раскопки, но из-за недостатка средств они велись в ограниченных масштабах. В середине 30-х годов Х. А. Моора удалось добиться некоторого увеличения средств на археологические исследования. Благодаря этому впервые открылась возможность приступить к раскопкам городищ. Прежде всего Х. А. Моора производил раскопки небольшого городища «Кэрикмяги» в поселке Пеэду, расположенном в южной части Тартумаа. Ему удалось определить характер укреплений этого городища и датировать его второй половиной I тысячелетия. После этого новым объектом исследования он избрал городище Лыхавере, расположенное в северной части древне-эстонской земли Сакала, в отношении которого предполагалось, что оно принадлежало эстонскому старейшине Лембиту, неоднократно упоминавшемуся в Хронике Ливонии Генриха. Раскопки, осуществленные под руководством Х. А. Моора в 1937—1941 годах, подтвердили это предположение. Перегорелые слои, обнаруженные в вале, можно было связать с сообщением хроники о военных действиях, происходивших около городища. Первые результаты исследования городищ были опубликованы в сборнике «Городища древней Эстонии» (1939), вышедшем в свет под редакцией Х. А. Моора. В него вошли и две собственные его статьи, посвященные результатам раскопок городищ Пеэду и Лыхавере.

Научно-организационная деятельность Х. А. Моора в предвоенный период не ограничивалась археологией. Еще в студенческие годы он входил в состав редакции «Исторического журнала». С 1926 года он был членом правления Эстонского ученого общества. Длительное время Х. А. Моора являлся также членом правления Эстонского народного музея. С 1933 по 1940 год он был редактором периодического издания по библиографии филологических и исторических дисциплин в Эстонии.

В 1936 году Х. А. Моора был избран председателем Эстонского ученого общества, где он вел большую работу по активизации деятельности общества и повышению уровня проводившейся в нем научной работы. В 1938 году по инициативе Х. А. Моора и под его редакцией был опубликован объемистый сборник статей, посвященный 100-летнему юбилею общества. Авторами этого сборника являлись ученые многих стран, в том числе и Советского Союза.

Х. А. Моора приобрел широкую международную известность, он был избран почетным членом или членом-корреспондентом ряда зарубежных археологических обществ.

В революционные дни 1940 года Х. А. Моора всецело встал на сторону народа, происхождению и древнейшей истории которого он посвятил всю свою научную деятельность. Летом 1940 года он вошел в состав правительства И. Вареса и на посту заместителя министра просвещения принимал участие в преобразовании высших учебных заведений. Осенью 1940 года Х. А. Моора вновь занял свое место профессора и заведующего кафедрой археологии Тартуского государственного университета. В 1941 году в Москве была опубликована его статья на русском языке, в которой он ознакомил своих советских коллег с результатами археологических исследований в Эстонии за последние 20 лет.

В период Великой Отечественной войны оккупационные власти в начале 1942 года отстранили Х. А. Моора от преподавания в университете и перевели его в Таллин, где он начал работать в Историческом музее, исполняя обязанности директора. В апреле 1944 года Харри Моора был арестован.

Сразу же после освобождения Эстонской ССР, т. е. с осени 1944 года по 1950 год, Х. А. Моора продолжал работать профессором и заведующим кафедрой археологии в Тартуском государственном университете. В 1948—1949 годах он был также деканом историко-филологического факультета. Материалистическое мировоззрение и присущая Х. А. Моора способность глубокого анализа явлений позволили ему быстро освоить марксистскую методологию, которая легла в основу всей его последующей преподавательской и научной деятельности. Уже в 1946 году в Археологическом музее под его руководством была подготовлена новая экспозиция, раскрывавшая археологию Эстонии с марксистских позиций.

Одновременно Х. А. Моора занимал ведущую позицию в развитии эстонской советской этнографии и подготовке молодых кадров.[1]

В начале 1947 года был создан Институт истории Академии наук Эстонской ССР. Х. А. Моора пригласили туда по совместительству руководить сектором археологии. В сектор был включен также Археологический музей, принадлежавший ранее университету. Все это открыло широкие возможности для развертывания археологических исследований. В реализации этих возможностей большие заслуги имел Х. А. Моора, который наряду с педагогической деятельностью уделял большое внимание организации и руководству сектором. Тесная связь была установлена с ведущими научно-исследовательскими учреждениями Советского Союза. В результате этого в мае 1949 года в Ленинграде состоялся пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященный археологии Прибалтики. Выступая на пленуме, Х. А. Моора наметил новые задачи, стоящие перед археологами Прибалтики. Второй пленум, посвященный археологии Прибалтики, состоялся весной 1951 года в Тарту. Основным его организатором был Х. А. Моора. На пленуме он выступил с докладом о городищах Эстонии.

Тяжелым ударом для Х. А. Моора было выдвинутое против него в 1950 году необоснованное обвинение в буржуазном национализме. В том же году в университете была ликвидирована кафедра археологии, а тем самым практически и возможность подготовки специалистов по археологии и этнографии. Однако у Х. А. Моора хватило сил и мужества продолжать работу и в эти тяжелые для него годы. Его деятельность сконцентрировалась теперь в секторе археологии (с 1958 года сектор археологии и этнографии), заведующим которого он оставался до конца своей жизни. В связи с переводом Института истории из Тарту в Таллин сюда в 1952 году переселился и Х. А. Моора.

В результате войны ряды латвийских археологов также заметно поредели. Поэтому Х. А. Моора, прекрасно знавший латвийский археологический материал, принял предложение написать обобщающее марксистское изложение археологии Латвии. Работа была опубликована отдельной книгой на латышском языке в 1952 году. Одновременно Х. А. Моора принимал участие в составлении раздела по древнейшей истории Латвии для первого тома «Истории Латвийской ССР» и написал соответствующие главы по древнейшему периоду истории Эстонии в краткой «Истории Эстонской ССР». Оба труда вышли в свет в 1952 году. Более углубленное и пространное изложение древнейшая история Эстонии получила в первом томе трехтомной «Истории Эстонской ССР» (в 1955 г. на эстонском языке, дополненное издание на русском языке в 1961 г.). С выходом в свет этих работ марксистская переоценка древнейшей истории Эстонии была в основном завершена.

В связи с разработкой обобщающих вопросов археологии в первой половине 50-х годов Х. А. Моора написал ряд статей, в которых он подверг сравнительному анализу археологический материал отдельных периодов всей Прибалтики. В этих проблемных статьях рассматривались поздний неолит и эпоха раннего металла (1952), возникновение классового общества (1953) и памятники периода раннего железа (1954). Опубликованные в центральных периодических изданиях, они получили широкое признание и явились значительным вкладом в изучение древнейшей истории всей Прибалтики.

В 1955 году Х. А. Моора подготовил и отредактировал сборник археологических статей «Древние поселения и городища», в котором центральное место занимала его собственная статья, дающая обобщение результатов исследований городищ в Эстонии. Авторами аналогичного сборника «Древние могильники и клады», изданного под его же редакцией 7 лет позже, были уже в основном ученики школы Х. А. Моора, т. е. представители младшего поколения эстонских археологов.

Исключительно плодотворная деятельность ученого получила заслуженное признание. В 1957 году Х. А. Моора был избран академиком Академии наук Эстонской ССР. В том же году ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Эстонской ССР.

Много внимания Х. А. Моора уделял этнической истории эстонского и соседних народов. Изучение этнической истории далекого прошлого он проводил в первую очередь на основе поддающегося датировке археологического материала, но в то же время стремился установить тесное сотрудничество и с представителями смежных дисциплин. Начало подобного комплексного изучения проблемы восходит к 1935 году, когда для составления соответствующего раздела «Истории Эстонии» Х. А. Моора привлек в соавторы известного языковеда Ю. Мягисте и сопоставил археологический и лингвистический материалы. В то вре-

[1] О деятельности Х. А. Моора в области этнографии см. статью А. Вийреса в настоящем сборнике, стр. 28 и сл.

мя этническая принадлежность древнейшего населения Эстонии оставалась невыясненной, но начиная с начала нашей эры территория Эстонии, по его мнению, была заселена предками эстонцев. Твердое научное обоснование это положение получило в докторской работе Х. А. Моора, в которой было установлено распространение могильников прибалтийско-финских и балтских племен, а тем самым и территория их расселения в первой половине I тысячелетия.

При Советской власти Х. А. Моора начал углубленное изучение вопросов этногенеза. В первой его статье, опубликованной в 1950 году и посвященной этой проблеме, он рассматривал образование прибалтийских племен и народов начиная с I тысячелетия до нашей эры. В докладе, прочитанном в 1953 году на Всесоюзной сессии археологов, этнографов и антропологов, и в статье, опубликованной в следующем году, Х. А. Моора рассматривал проблему значительно шире, начиная уже с каменного века, и использовал наряду с археологическими данные языкознания и антропологии.

Х. А. Моора удалось организовать комплексное изучение этнической истории. В 1956 году под его редакцией был издан сборник «Вопросы этнической истории эстонского народа», к составлению которого он привлек языковедов, археологов, антрополога, этнографа и фольклориста. Вопросы этнической истории эстонского и частично соседних народов рассматривались в сборнике в свете данных всех перечисленных выше дисциплин. Самой обширной и центральной по своему содержанию была статья самого Х. А. Моора, в которой в значительной степени использовались также данные других дисциплин. В вводной части статьи рассматривались теоретические основы изучения этногенеза. При этом автор подчеркивал, что до последнего времени данные различных дисциплин, особенно языка и археологии, сопоставлялись схематично. В действительности же их взаимоотношения, как и весь процесс образования племен и народов, были значительно сложнее. Большую роль в этом процессе играло экономическое и общественное развитие племен и народов. Между тем на связь этих факторов с этнической историей обращалось очень мало внимания.

О статье Х. А. Моора, как и о сборнике в целом, были получены весьма положительные отзывы ученых не только Советского Союза, но и зарубежных. В рецензиях подчеркивалось, что сборник дает много нового в методологическом отношении и может служить примером для других аналогичных исследований. В 1959 году Совет Министров Эстонской ССР присудил Х. А. Моора, как руководителю исследовательской группы, первую премию Советской Эстонии в области науки. Статья Х. А. Моора в более сжатом виде, но в то же время несколько дополненная, была опубликована также в журнале Финского археологического общества. Свою следующую работу (1958) Х. А. Моора, развивая тему предыдущей статьи, посвятил этногенезу балтских племен и показал, что территория их расселения в ранние периоды была значительно шире, чем в начале II тысячелетия.

Связи общественно-экономической истории с процессом этногенеза были рассмотрены в совместной работе Х. А. Моора и его супруги, этнографа Алийзе Хенриковны Моора «К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики» (1960). В этой работе на основе конкретного материала Прибалтики развивались и углублялись ранее высказанные теоретические положения Х. А. Моора. Этим же проблемам был посвящен и доклад Х. А. Моора на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г.

В изучении этнической истории Прибалтики был достигнут уровень, превзойти который можно было лишь путем накопления большого количества нового материала и привлечения данных таких еще мало разработанных дисциплин, как топонимика и история заселения. Поэтому в последующие годы Х. А. Моора обратил внимание представителей различных дисциплин на территорию более узкую, но, с точки зрения истории этнических отношений, представляющую исключительный интерес, — на прилегающие к Чудскому озеру районы, область исконных соприкосновений, взаимных контактов и этнических смешений славян и прибалтийскофинских народов. Результаты исследований были опубликованы в отредактированном Х. А. Моора сборнике «Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений» (1965), в котором он опять совместно с А. Х. Моора рассматривал различные аспекты этнической истории води и ижоры.

В последние годы своей жизни Х. А. Моора уделял много внимания проблеме возникновения классового общества. Та самая «культура эстонцев», о которой он 40 лет назад, будучи еще молодым ученым, написал захватывающий популярный обзор, вновь привлекла его внимание. Но теперь он рассматривал ее уже взором опытного исследователя с новых методологических позиций и сравнивал с культу-

рой других народов Прибалтики. В ряде статей и докладов Х. А. Моора анализировал историю земледелия в Прибалтике (1964, 1965, 1968), уровень развития ремесла (1966), торговли (1969). Продолжалось также и подведение итогов изучения городищ (1961, 1967). Харри Моора, как одному из авторов «Истории эстонской архитектуры» (1965), вторично была присуждена премия Советской Эстонии в области науки.

Особую эпоху в развитии археологии Эстонии представляют полевые исследования, проводившиеся Х. А. Моора, методику которых он совершенствовал из года в год. Важнейшими из них были раскопки городища Лыхавере, начатые еще в довоенное время и продолженные в 1956—1962 годах. Богатейший материал, который дали эти раскопки, неутомимый исследователь уже не успел обобщить в таком виде, в каком предполагал. Свое последнее исследование об экономике и общественном строе народов Прибалтики в начале 13 века Х. А. Моора закончил в больнице, выйти из которой ему уже не было суждено.

Х. А. Моора был выдающимся педагогом, требовавшим от своих учеников глубокого знания материала, четкой постановки и разрешения проблем. После его ухода из Тартуского университета основным центром подготовки кадров эстонских археологов стал сектор археологии Института истории, где под его руководством был написан, защищен или еще будет защищаться ряд диссертаций. Он был также научным руководителем или оппонентом многих специалистов братских республик.

Жизнь и деятельность Х. А. Моора была неразрывно связана с археологией не только Эстонии, но и всей Прибалтики. Около 40 лет он являлся ведущим исследователем древнейшей истории Восточной Прибалтики. Без преувеличения можно сказать, что эстонская археология развивалась в эти годы вместе с ростом и становлением Х. А. Моора как ученого.

Под его руководством эстонская археология превратилась из изучения вещеведческого характера в комплексное, подлинно историческое исследование первобытного общества. И если в историографиях, составленных самим Х. А. Моора, этапы развития эстонской археологической науки обычно связывались с именами таких ведущих исследователей, как К. Гревингк, Р. Гаусман, А. М. Тальгрен, то теперь мы с полным основанием можем сказать, что закончился самый длительный, самый успешный этап развития эстонской археологической науки, этап, связанный навсегда с именем Харри Альбертовича Моора.

Велик вклад Х. А. Моора в советскую историческую науку. Его работы, в основу которых легло исключительное знание источников и литературы, привлекают широкое внимание своей достоверностью и солидностью, в них нет скороспелых выводов. Х. А. Моора принимал участие в различных международных конгрессах как представитель советской археологии, он был избран членом Постоянного Совета Международного союза доисторических и протоисторических наук. Состоял он и членом ряда зарубежных научных обществ. С археологами многих стран Х. А. Моора поддерживал дружеские отношения.

Советское правительство наградило Х. А. Моора за его научную деятельность орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Для своих сотрудников и учеников Харри Альбертович Моора навсегда останется примером крупного ученого и сердечного, но принципиального человека исключительного мужества.

HARRI MOORA

2. III. 1900 — 2. V. 1968

Harri Moora wurde am 2. März 1900 im Kreis Tartumaa, in der Gemeinde Kuremaa, im Dorf Ehavere geboren. Seine Vorfahren stammten aus Nord-Tartumaa, wo mehrere von ihnen sich als Müller oder Schulmeister betätigten. Sein Vater Albert Moora (1865—1942) hatte die Mühle von Ehavere gepachtet, die er später käuflich erwarb. Dort heiratete er Matilde Rätsep (1871—1967). Sie hatten vier Kinder, von denen Harri das älteste war.

Seine frühe Kindheit verbrachte Harri Moora im Elternhause in Ehavere, wo er sehr früh fast unmerklich lesen und schreiben lernte. Mit 8 Jahren begann seine Schulzeit in der Realschule zu Tartu, die er 1916 absolvierte. Seine Eltern wünschten, dass der Sohn Ingenieur würde. Im Jahre 1917 fing Harri Moora aber an, in Tartu Medizin zu studieren. Bereits Anfang des nächsten Jahres ging er zur historisch-philologischen Fakultät über. Der Krieg setzte dem Universitätsstudium bald ein Ende. 1918 bis März 1920 diente Harri Moora in der Armee des bürgerlichen Estlands, wo er hauptsächlich Kanzleiarbeit verrichtete.

Nach dem Heeresdienst setzte er sein Studium an der philosophischen Fakultät der Universität Tartu fort und wählte sich als Studienfächer Archäologie, die Geschichte Estlands und seiner Nachbarländer, Kunstgeschichte und Ethnographie. Sein besonderes Interesse galt von Anfang an der Archäologie, die von dem angesehenen finnischen Archäologen Prof. A. M. Tallgren gelesen wurde, der zugleich Leiter des kürzlich gegründeten Kabinetts und Museums für Archäologie war. Der Student Harri Moora wurde zu einem der nächsten Mitarbeiter von Prof. Tallgren. In den Jahren 1921—1923 arbeitete er als Hilfskraft und 1923—1924 als Konservator beim Kabinett für Archäologie.

Bereits in den Studienjahren begann die wissenschaftliche Tätigkeit Harri Mooras. Seine ersten Versuche in dieser Richtung waren kurze Artikel über archäologische Ausgrabungen und Altertümer, die seit 1921 in der Presse erschienen. In der Zeitschrift «Ajalooline Ajakiri» [«Historische Zeitschrift»] veröffentlichte er 1922 einen längeren Aufsatz über den Freiheitskampf der Esten im 13. Jh. Sein erster wissenschaftlicher Artikel archäologischen Inhalts war seine 1923 in den Sitzungsberichten der Gelehrten Estnischen Gesellschaft erschienene Seminararbeit über die Augenfibeln in Estland und Lettland.

Die Arbeit von A. M. Tallgren an der Universität Tartu setzte in den Jahren 1923—1925 Professor B. Nerman aus Schweden fort. Diese letzten Studienjahre Harri Mooras waren beson-

ders reich an Veröffentlichungen. Er arbeitete an der Drucklegung zweier von Studenten und zum Teil von ihm selbst verfassten Sammelwerke über Bodenaltertümer auf der Insel Saaremaa und in ganz Estland, popularisierte und propagierte das in Vorbereitung befindliche Denkmalschutzgesetz, welches 1925 in Kraft trat, und veröffentlichte mehrere wissenschaftliche Artikel. Mit dem Sammelband «Tartumaa» begann die Mitwirkung Harri Mooras an der Herausgabe des vielbändigen heimatkundlichen Werkes «Eesti». Seine Magisterarbeit über die frühe Eisenzeit Lettlands, mit der er sein Universitätsstudium abschloss, erschien nicht im Druck. Aller Wahrscheinlichkeit nach war ihm schon damals klar, dass dieses Thema einer gründlicheren Forschung bedurfte, was er später durch seine hervorragende Doktordissertation bestätigte.

Nach Abschluss seines Studiums zu Beginn des Jahres 1925 wurde Harri Moora wissenschaftlicher Stipendiat der Universität und machte sich ans Sammeln von Material für seine Dissertation. Dem gewählten Thema entsprechend führte er in Lettland Ausgrabungen früheisenzeitlicher Gräber aus, veröffentlichte die Resultate in Artikeln und bearbeitete das gesamte über diese Periode vorhandene Material. Von seiner Feder stammt der Abschnitt über die ältere Eisenzeit in der 1926 erschienenen Übersicht über die Archäologie Lettlands. Zur gleichen Zeit interessierte sich Harri Moora für die Vorzeit Estlands, besonders für ihre spätere Periode. 1926 erschien seine populärwissenschaftliche Abhandlung über die Kultur der Esten zur jüngeren Eisenzeit, in der er auf Grund archäologischer und schriftlicher Quellen in allgemeinverständlicher fliessender Sprache alles zusammenfasste, was über die estnische Gesellschaft der Anfangsjahrhunderte des II. Jahrtausends bekannt war.

Nachdem B. Nerman Estland verlassen hatte, lag die Leitung der archäologischen Arbeit praktisch Harri Moora ob. Seit 1927 las er an der Universität Tartu als Lehrbeauftragter Archäologie, 1930 wurde er zum stellvertretenden Archäologieprofessor und Leiter des Kabinetts und Museums für Archäologie gewählt.

Im Jahre 1929 erschien der erste, weniger umfangreiche Teil der Doktordissertation Harri Mooras, der die Materialpublikation enthält. Hier wird auch die früheste Eisenzeit Lettlands, die Jahrhunderte vor unserer Zeitrechnung behandelt, und zwar unter Berücksichtigung des Materials aus dem gesamten Baltikum. Auch die in zwei Teilen veröffentlichte ausführliche Analyse der Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit (1929 und 1931) umfasst das gesamte diesbezügliche Material aller baltischen Länder.

Im Jahre 1932 erschien in deutscher Sprache Harri Mooras Buch «Die Vorzeit Estlands», das auch im Ausland Aufsehen erregte und ins Lehrprogramm mehrerer Universitäten aufgenommen wurde, wo es sich mancherorts bis auf den heutigen Tag behauptet hat. Einige ausländische Wissenschaftler haben dieses Werk als eine der besten Gesamtbehandlungen der Vorgeschichte eines Landes eingeschätzt. Ausführlicher wurde dasselbe Thema im I. Band der «Geschichte Estlands» (1935) erörtert. Zwischen diesen umfangreichen Werken veröffentlichte er mehrere kleinere Artikel, von denen der über die Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes besonders hervorzuheben ist.

Diese Schriften, die pädagogische Tätigkeit an der Universität und die Leitung der gesamten archäologischen Forschung erforderten viel Zeit. Dadurch zögerte sich die Fertigstellung des Hauptteils seiner Doktorarbeit hinaus. Mit der ihm eigenen Gründlichkeit war Harri Moora bestrebt, alle vorhandenen Quellen zu erschöpfen, die ganze einschlägige Literatur zu berücksichtigen. Er sammelte Vergleichsmaterial nicht nur in den Museen des Baltikums, sondern auch in denjenigen von Finnland, Schweden, Norwegen und Deutschland. Im Jahre 1935 machte Harri Moora eine längere Studienreise in die Sowjetunion, lernte die dortige archäologische Forschungsarbeit und die Sammlungen von Leningrad, Moskau, Minsk, Kiew u.a.m. kennen. Aus dieser Zeit stammt sein erster persönlicher Kontakt mit sowjetischen Archäologen.

1938 erschien der II. Teil seiner Dissertation «Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr.», die damals die umfangreichste und gründlichste Monographie auf dem Gebiet der Archäologie der ostbaltischen Länder war und es auch heute noch ist. Natürlich ist diese Arbeit nicht nur für die Archäologie Lettlands von Bedeutung. Das Territorium Lettlands war dank seiner zentralen Lage im Ostbaltikum das Gebiet, wo in der frühen Eisenzeit südliche und nördliche Erscheinungen zusammentrafen. Das von hier reichlich vorliegende Material ermöglichte daher die Erforschung allgemeinbaltischer Probleme.

Im Frühling 1938 verteidigte Harri Moora seine Dissertation. Im selben Jahr wurde er zum ordentlichen Professor der Universität Tartu gewählt, zu Beginn des Jahres 1940 auch zum Dekan der philosophischen Fakultät.

Für Harri Moora war das Jahr 1938 äusserst produktiv: ausser seiner kapitalen Monographie erschienen zahlreiche kleinere Artikel in Zeitschriften.

Das Kabinett für Archäologie hatte zwar jeden Sommer Grabungen ausgeführt, doch war ihr Umfang aus materiellen Gründen recht gering. Dank den Bemühungen von Harri Moora gelang es Mitte der 30er Jahre, den Umfang der Feldarbeiten einigermassen zu erweitern. Es bot sich nun die Möglichkeit, Burgberge zu untersuchen. Harri Moora unternahm zunächst Ausgrabungen auf dem kleinen Burgberg Kerikmägi bei Peedu in Süd-Tartumaa, stellte den Charakter seiner Befestigungen und die Zeit seiner Benutzung in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends fest. Danach wandte er sich zur Erforschung des Burgberges Lõhavere im nördlichen Teil der einstigen Landschaft Sakala, von dem man annahm, dass er Lembitu, einem in der Livländischen Chronik des Heinrichs mehrmals erwähnten Ältesten der Esten gehört habe. Die Ausgrabungen in den Jahren 1937—1941 unter Leitung von Harri Moora bewiesen die Richtigkeit dieser Annahme. Es erwies sich als möglich, die Brandschichten im Burgwall auf die in der Chronik erwähnten Kämpfe in der Nähe des Burgberges zurückzuführen. Die ersten Ergebnisse der Burgbergforschungen wurden in dem von Harri Moora redigierten Sammelband über die vorzeitlichen Burgberge Estlands (1939), der zwei Artikel von ihm selbst über die beiden genannten Burgberge enthielt, veröffentlicht.

Harri Mooras wissenschaftlich-organisatorische Tätigkeit vor dem Kriege beschränkte sich nicht nur auf Archäologie. Bereits als Student war er Redaktionsmitglied der Zeitschrift «Ajalooline Ajakiri» gewesen, seit 1926 war er Vorstandsmitglied der Gelehrten Estnischen Geseilschaft, längere Zeit gehörte er zum Vorstand des Estnischen Nationalmuseums, in den Jahren 1933—1940 war er Redakteur der «Jahresberichte der estnischen Philologie und Geschichte» usw. Im Jahre 1936 wurde Harri Moora zum Vorsitzenden der Gelehrten Estnischen Gesellschaft gewählt. Die Intensivierung ihrer Tätigkeit und die Hebung ihres wissenschaftlichen Niveaus war zum grossen Teil sein Verdienst. Er organisierte die Herausgabe (zum 100. Jubiläum der Gesellschaft im Jahre 1938) des «Liber saecularis», welches er selbst redigierte. Als Verfasser zeichneten Wissenschaftler vieler Länder, darunter auch der Sowjetunion.

Harri Moora genoss als Wissenschaftler internationalen Ruf, wovon seine Wahl zum Ehren- oder korrespondierenden Mitglied mehrerer ausländischer wissenschaftlicher Gesellschaften zeugt.

Während der Revolution des Jahres 1940 bewies Harri Moora seine Zugehörigkeit zum Volk, dessen Werdegang und Frühgeschichte er erforschte. Im Revolutionssommer bekleidete er den Posten des stellvertretenden Unterrichtsministers im Kabinett J. Vares und nahm in dieser Eigenschaft an der Reformierung des Hochschulwesens teil. Im Herbst setzte er seine Tätigkeit an der Staatlichen Universität Tartu als Lehrstuhlleiter und Professor für Archäologie fort. Im Jahre 1941 erschien in Moskau in russischer Sprache ein Artikel von ihm, in dem er den sowjetischen Kollegen die archäologische Forschung in Estland im Laufe der letzten 20 Jahre vorstellte.

Während des Grossen Vaterländischen Krieges wurde Harri Moora von den faschistischen Okkupationsbehörden Anfang des Jahres 1942 seines Amtes an der Universität enthoben und nach Tallinn übergeführt, wo er am Historischen Museum als stellvertretender Direktor eingesetzt wurde. Im April 1944 wurde er verhaftet.

Unmittelbar nach der Befreiung der Estnischen SSR im Herbst 1944 setzte Harri Moora seine Arbeit an der Staatlichen Universität Tartu fort, wo er bis 1950 verblieb. In den Jahren 1948—1949 bekleidete er den Posten des Dekans der historisch-philologischen Fakultät. Als Wissenschaftler von materialistischer Weltanschauung und grübelndem Geist eignete sich Harri Moora schnell die marxistische Methodologie an. Diese wurde zur Grundlage seiner Vorlesungen, seiner Seminare und seiner späteren Forschung. Unter seiner Leitung wurde im Jahre 1946 im Archäologiemuseum erstmalig in Estland eine von marxistischer Grundlage ausgehende archäologische Ausstellung eröffnet. Zugleich war Harri Moora in den Nachkriegsjahren an der Entwicklung der sowjetestnischen Ethnographie und an der Ausbildung von Nachwuchskräften führend tätig.[1]

Anlässlich der Gründung des Instituts für Geschichtsforschung bei der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR wurde Harri Moora Anfang 1947 nebenberuflich zum Leiter des Sektors für Archäologie berufen. Dem Sektor wurde auch das bisherige Archäologiemuseum der Universität angegliedert. Die archäologische Forschung konnte sich nun in Estland besser als je entfalten. Die Verwirklichung der gegebenen Möglichkeiten war grösstenteils Harri Mooras Verdienst, der sich neben seinem pädagogischen Wirken der Organisation und Leitung des Sektors widmete. Er knüpfte enge Beziehungen zu den führenden Forschungszentren der UdSSR an, als deren Ergebnis im Mai

[1] Zur ethnographischen Tätigkeit Harri Mooras s. den Artikel von A. Viires im vorliegenden Sammelband, S. 32 ff.

1949 in Leningrad die erste der Archäologie der baltischen Sowjetrepubliken gewidmete Tagung stattfand. Harri Moora schilderte in seinem Vortrag die neuen Aufgaben der archäologischen Forschung im Baltikum. Die zweite der Archäologie des Baltikums gewidmete Tagung fand im Frühling 1951 in Tartu statt. Der örtliche Hauptorganisator war Harri Moora, der mit einem Vortrag über die estnischen Burgberge auftrat.

Im Jahre 1950 traf Harri Moora ein schwerer Schlag — er wurde unbegründeterweise des bürgerlichen Nationalismus bezichtigt. In demselben Jahr wurde der Lehrstuhl für Archäologie an der Universität aufgelöst und somit der Ausbildung von Fachkräften der Archäologie und Ethnographie praktisch ein Ende gesetzt. Harri Moora besass aber die Zähigkeit und Kraft, auch in jenen für ihn schweren Jahren standhaft weiterzuarbeiten. Seine Tätigkeit konzentrierte sich nun auf den Sektor für Archäologie beim Institut für Geschichtsforschung (seit 1958 Sektor für Archäologie und Ethnographie), den er bis zu seinem Ableben leitete. Als das Institut für Geschichtsforschung im Jahre 1952 nach Tallinn übergeführt wurde, verlegte auch Harri Moora seinen Wohnsitz dorthin.

Da die Reihen der lettischen Archäologen durch den Krieg beträchtlich gelichtet waren, übernahm Harri Moora, der sich im lettischen archäologischen Material gut auskannte, die Aufgabe, eine allgemeine Übersicht über die Vorzeit Lettlands vom marxistischen Standpunkt aus zu verfassen. Die Arbeit kam 1952 in Buchform in lettischer Sprache heraus. Im selben Jahr erschienen der erste Band der «Geschichte der Lettischen SSR», an deren Verfassung auch Harri Moora teilnahm, und eine kurze «Geschichte der Estnischen SSR», für die er die Kapitel über die ältesten Perioden geschrieben hatte. Eine gründlichere Behandlung fand die Vorzeit Estlands im ersten Band der dreibändigen Geschichte der Estnischen SSR (1955 estnisch; 1961 russisch mit Ergänzungen). Damit war die marxistische Umbewertung der frühesten Geschichte Estlands zum grössten Teil vollzogen.

Im Zusammenhang mit den genannten Untersuchungen verfasste Harri Moora in jenen Jahren eine Reihe von Artikeln, in denen er eine vergleichende Analyse über die Materialien der einzelnen Perioden des gesamten Baltikums gab. Diese tiefgreifenden Artikel behandeln das Spätneolithikum und die frühe Metallzeit (1952), die Entstehung der Klassengesellschaft (1953) und die früheisenzeitlichen Altertümer (1954). Diese in den zentralen Fachzeitschriften veröffentlichten Artikel haben allgemeine Anerkennung gefunden und die Forschung der Vorzeit des gesamten Baltikums wesentlich gefördert.

In Estland erschien auf Initiative und unter Redaktion von Harri Moora im Jahre 1955 der Sammelband «Vorzeitliche Siedlungen und Burgberge», dessen bedeutendster Artikel — eine Zusammenfassung über die Ergebnisse der Erforschung estnischer Burgberge — von ihm selbst stammt. Die Autoren des folgenden Bandes «Vorzeitliche Grabanlagen und Schätze», der sieben Jahre später erschien, waren bereits Harri Mooras Schüler, junge Vertreter der von ihm geschaffenen Schule.

Die äusserst ergebnisreiche Arbeit dieses verdienstvollen Wissenschaftlers hat offizielle Anerkennung gefunden. Im Jahre 1957 wurde Harri Moora zum Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR gewählt, ihm wurde der Ehrentitel eines Verdienten Wissenschaftlers der Estnischen SSR zugesprochen.

Grosse Aufmerksamkeit widmete Harri Moora der ethnischen Geschichte der Esten und ihrer Nachbarvölker. Obwohl er vor allem vom archäologischen, für die entferntere Vergangenheit leichter datierbaren Material ausging, war er bestrebt, bei der Erforschung der ethnischen Geschichte auch die Nachbardisziplinen heranzuziehen. Diese Richtung offenbarte sich schon in der 1935 erschienenen «Geschichte Estlands», in der er unter Mitwirkung des Linguisten J. Mägiste sprachliches Material dem archäologischen gegenüberstellte. Die ethnische Zugehörigkeit der Bevölkerung der älteren Perioden wurde in jenem Werk zwar nicht gelöst, doch wurde angenommen, dass die Bewohner des estnischen Territoriums seit dem Anfang unserer Zeitrechnung bereits die Vorfahren der Esten gewesen seien. Dieser Standpunkt fand seine wissenschaftliche Begründung in der Doktordissertation von Harri Moora, in der die Verbreitung der Grabanlagen und damit auch der Besiedlung der ostseefinnischen und baltischen Stämme in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends festgestellt wurde.

In Sowjetestland leitete Harri Moora eine eingehende Forschung der Fragen der Ethnogenese ein. In seinem ersten diesbezüglichen Artikel aus dem Jahre 1950 befasst er sich mit der Entwicklung der Stämme und Völker des Baltikums seit dem I. Jahrtausend v.u.Z. In seinem Vortrag auf der Allunionstagung der Archäologen, Ethnographen und Anthropologen im Jahre 1953 und in einem im folgenden Jahr erschienenen Artikel behandelte Harri Moora dieses Problem in grösserem Umfang, mit der Steinzeit begin-

nend und unter Ausnutzung linguistischer und anthropologischer Angaben.

Harri Moora ist es gelungen, eine komplexe Erforschung der ethnischen Geschichte zu organisieren. Durch Heranziehung von Linguisten und Archäologen, eines Anthropologen, eines Ethnographen und eines Folkloristen veröffentlichte er das Sammelwerk «Fragen der ethnischen Geschichte des estnischen Volkes» (1956). In diesem Werk werden Fragen der Ethnogenese des estnischen Volkes und teils auch seiner Nachbarvölker auf Grund der genannten Wissenschaftszweige beleuchtet. Im Mittelpunkt dieses Sammelwerkes steht Harri Mooras eigener umfassender Artikel, in welchem die Forschungsergebnisse der Nachbardisziplinen wesentliche Berücksichtigung fanden. In der Einleitung wird u. a. die theoretische Grundlage der Forschung der Ethnogenese erörtert, wobei der Verfasser betont, dass die Materialien verschiedener Wissenschaftszweige, insbesondere der Sprachwissenschaft und Archäologie, bisher nur schematisch nebeneinandergestellt worden sind, dass aber ihr Verhältnis und überhaupt der Entstehungsprozess der Stämme und Völker tatsächlich viel komplizierter ist. Darin hat die ökonomische und gesellschaftliche Entwicklung der entsprechenden Stämme und Völker, deren Beziehung zur ethnischen Geschichte bisher sehr wenig behandelt worden ist, eine beträchtliche Rolle gespielt.

Der Artikel von Harri Moora und das Sammelwerk als Ganzes fanden sowohl in der UdSSR als auch im Ausland weitgehende Beachtung. Die Rezensenten führten aus, dass diese Arbeit methodologisch viel Neues bringt und vielerorts ein Vorbild für diesbezügliche Forschungen sein könnte. Im Jahre 1959 zeichnete der Ministerrat der Estnischen SSR Harri Moora als Leiter der Forschergruppe für dieses Werk mit dem ersten Preis der Estnischen SSR für wissenschaftliche Tätigkeit aus. Eine Zusammenfassung des Artikels von Harri Moora veröffentlichte mit einigen Ergänzungen die Zeitschrift der Finnischen Altertumforschenden Gesellschaft (1958). Gewissermassen als Fortsetzung der genannten Artikel ist seine nächste Schrift zu betrachten, welche der ethnischen Geschichte der baltischen Stämme gilt (1958) und zum Ergebnis führt, dass das von ihnen besiedelte Gebiet ehemals viel ausgedehnter war als am Anfang des II. Jahrtausends.

Die Beziehung der gesellschaftlich-ökonomischen Geschichte zum Prozess der Ethnogenese behandelte Harri Moora zusammen mit seiner Gattin, der Ethnographin Aliise Moora im Artikel «Zur Frage der Entstehung der historischen Kulturgebiete des Baltikums» (1960), in dem auf Grund konkreten Materials die von Harri Moora schon früher vertretenen theoretischen Standpunkte weiterentwickelt wurden. Dieselben Fragen erörterte Harri Moora auf dem VII. Internationalen Kongress für Anthropologie und Ethnologie in Moskau im Jahre 1964.

Da die Erforschung der ethnischen Geschichte des Baltikums nun eine bestimmte Entwicklungsstufe erreicht hatte, die weitere Untersuchung aber das Sammeln grosser Mengen neuen Materials und die Heranziehung neuer, wenig erforschter Wissenschaftszweige (Toponymik, Siedlungsgeschichte) erforderte, machte Harri Moora die Vertreter der verschiedenen Disziplinen auf ein engeres, in ethnischer Hinsicht jedoch sehr interessantes Territorium aufmerksam: die Umgebung des Peipsisees, von jeher ein Berührungsgebiet der Slawen und Ostseefinnen, eine Zone der wechselseitigen Kontakte und der ethnischen Vermischung. Als Ergebnis dieser Untersuchungen gab Harri Moora das Sammelwerk «Zur Geschichte der slawisch-ostseefinnischen Beziehungen» (1965) heraus, in dem er, wiederum mit Aliise Moora, die ethnische Geschichte der Woten und Ishoren vielseitig erörtert und zahlreiche Probleme aufstellt.

In den letzten Jahren seines Lebens interessierte er sich für die Entstehungsperiode der Klassengesellschaft. Dieselbe «Kultur der Esten», über die er als junger Mann vor 40 Jahren eine packende populäre Übersicht geschrieben hatte, fesselte ihn aufs neue, nun aber von neuen methodologischen Positionen aus, durch den Blick des erfahrenen Wissenschaftlers und verglichen mit der Kultur der anderen Völker des Baltikums. In mehreren Artikeln und Vorträgen befasste sich Harri Moora nun mit der Geschichte des Bodenbaues im Baltikum (1964, 1965, 1968), dem Stand des Handwerks (1966), dem Handel (1969). Die Auswertung der Burgbergforschung wurde fortgesetzt (1961, 1967). Als einem der Verfasser der «Geschichte der estnischen Architektur» (1965) wurde Harri Moora zum zweitenmal der Preis der Estnischen SSR für wissenschaftliche Tätigkeit verliehen.

Eine besondere Epoche in der Entwicklung der estnischen Archäologie stellen Harri Mooras Feldarbeiten dar, deren Methoden er im Laufe der Zeit ständig vervollkommnet hat. Die bedeutsamsten davon waren die schon vor dem Krieg begonnenen Ausgrabungen auf dem Burgberg Lõhavere, die er in den Jahren 1956—1962 fortsetzte. Der unermüdliche Forscher vermochte jedoch das reichhaltige Material nicht mehr seinen Absichten entsprechend auszuwerten und

zu veröffentlichen. Seine letzte Untersuchung über Wirtschaft und Gesellschaftsordnung der Völker des Baltikums zu Anfang des 13. Jahrhunderts beendete Harri Moora bereits auf dem Krankenlager, das zu verlassen ihm nicht mehr vergönnt war.

Harri Moora war ein hervorragender Pädagoge, der von seinen Schülern gründliche Fachkenntnis, klare Aufstellung und Lösung der Probleme forderte. Nachdem er die Universität Tartu verlassen hatte, gestaltete sich der Sektor für Archäologie beim Institut für Geschichtsforschung zur wichtigsten Ausbildungsstätte von Nachwuchskräften, wo unter seiner Leitung eine Reihe von Dissertationen entstand und verteidigt wurde oder noch verteidigt werden. Er wirkte als Studienleiter oder Opponent vieler Fachleute auch aus anderen Republiken der Sowjetunion.

Das Leben und die Tätigkeit Harri Mooras ist untrennbar mit der Archäologie Estlands und des gesamten Baltikums verbunden. Rund 40 Jahre war er unter den Forschern der ostbaltischen Vorzeit die führende Persönlichkeit. Man darf ohne Übertreibung behaupten, dass sich die estnische Archäologie in diesen Jahren Hand in Hand mit dem Wissenschaftler Harri Moora entwickelt hat. Er war es, der die estnische Archäologie von der Untersuchung lediglich altertümlicher Gegenstände, Gräber und Siedlungen der Auffassung ihres Faches als einer wirklich komplexen Geschichtswissenschaft zuwendete. Werden in den Historiographien aus seiner eigenen Feder die Entwicklungsetappen der estnischen Archäologie häufig mit hervorragenden Wissenschaftlern — Grewingk — Hausmann — Tallgren — in Verbindung gebracht, so dürfen wir diese Liste jetzt fortsetzen und behaupten, dass nun die längste und erfolgreichste Entwicklungsetappe hinter uns liegt, und diese ist für immer mit dem Namen Harri Mooras verknüpft.

Der Beitrag Harri Mooras zur sowjetischen Geschichtswissenschaft ist bedeutend. Seine Arbeiten, auf gründlicher Kenntnis der Quellen und der Fachliteratur beruhend, erfreuen sich durch ihre Zuverlässigkeit und Solidität allgemeiner Anerkennung, sie bringen keine unbesonnenen Folgerungen. Harri Moora hat als Vertreter der sowjetischen Archäologen an mehreren internationalen Kongressen teilgenommen und ist zum Mitglied des ständigen Rates des Internationalen Verbandes der Vor- und Frühzeitforschung gewählt worden. Er besass freundschaftliche Fachbeziehungen zu Archäologen vieler Länder und war Mitglied mehrerer ausländischer wissenschaftlicher Vereine.

Die Sowjetregierung hat Harri Moora für seine wissenschaftliche Tätigkeit den Orden des Roten Arbeitsbanners und andere Orden und Medaillen verliehen.

Seinen Mitarbeitern und Schülern wird Harri Moora, der hervorragende Wissenschaftler, der warmherzige, doch prinzipielle und standhafte Mensch, stets ein leuchtendes Vorbild sein.

HARRI MOORA JA EESTI ETNOGRAAFIA

Ants Viires

Kui eesti etnograafia pärast Nõukogude Eesti vabastamist 1944. aasta sügisel raskete sõjaaastate tagajärjel oli olukorras, kus paljus tuli peaaegu otsast peale hakata, siis oli Tartu Ülikooli arheoloogiaprofessor Harri Moora see, kes kohe nõu ja jõuga abiks tuli. Niihästi muuseumikui ka uurimistöö teoreetilisel ja metoodilisel suunamisel osutas ta olulisi teeneid. Eesti Rahva Muuseumi teadusliku nõukogu autoriteetseima liikmena (1945—1950), lühemat aega (1945—1946) ka muuseumi vanema teadusliku töötajana ning kuni 1950. aastani ülikoolis etnograafide järelkasvu eest hoolt kandva arheoloogiakateedri juhatajana oli H. Mooral neil eesti nõukogude teaduse kujunemise aastail otsustav sõna öelda kõigis asjaomastes küsimustes. Tänu tema sügavale huvile ja aktiivsele kaasabile pandi meie vabariigis etnograafiale mõne aastaga kindel marksistlik-leninlik alus.

Hiljem kandis ta Ajaloo Instituudi arheoloogiasektori juhatajana hoolt selle eest, et instituudis alustataks ka etnograafia-alast uurimistööd, ja selle tulemusena loodi 1952. aastal sektoris väike etnograafide grupp. 1958. aastal nimetati sektor ümber arheoloogia ja etnograafia sektoriks, mille juhatajaks akadeemik H. Moora jäi kuni surmani. Sel töökohal oli ta juhtivalt tegev etnograafilise uurimistöö koordineerimisel ja suunamisel vabariigis, taotledes pidevalt lähedast koostööd Etnograafiamuuseumiga ning aidates igati kaasa selle kui teadusliku asutuse profiili kujundamisele. Kõige selle tõttu võib liialdamata öelda, et Harri Moora nimega on tihedalt seotud kogu sõjajärgne etapp eesti etnograafia arengus.

Sealjuures ei saa jätta meenutamata, et kuni sõjani piirdus H. Moora teaduslik looming selgesti arheoloogiaga. Kuidas võis arheoloog nii asjatundlikult orienteeruda etnograafia probleemistikus ja eriti metoodikas, mis olulisel määral erineb arheoloogia omast? Harri Moora oli juba sõjaeelsetel aastatel tuntud kui erakordselt avara silmaringiga, küps ja autoriteetne teadlane. Tema sidemed etnograafiaga ulatusid üliõpilaspäevadeni, mil ta 1923.—1924. aastal kuulas Ilmari Mannise loenguid üldisest ja soome-ugri rahvateadusest, eesti etnograafiast ning eesti rahvariietest.[1] 1924. aastal õiendas ta etnograafia eksami alamastme (*approbatur*) ulatuses.[2] Kuigi tema akadeemiline haridus etnograafia alal piirdus seega ainult miinimumnõuetega, sidus ta juba oma esimeses suuremas ülevaateteoses «Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-

[1] Eesti NSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, f. 2100, nim. 1, sü. 9373, l. 50—53.

[2] Sealsamas, l. 23.

ajal» (1926) arheoloogilist ainest oskuslikult etnograafia, samuti ka ajaloo ja rahvaluuleteaduse uurimistulemustega. Ka keeleteaduse andmeid pidas ta vajalikuks teosesse põimida, usaldades vastava osa kirjutamise mag. J. Mägistele.[3]

Nii avaldub juba selles varases töös taotlus kasutada esiajaloo uurimisel komplekssel ära eri teadusharude saavutused. Kümmekond aastat hiljem, «Eesti ajaloo» I köites (1935), valitseb ta naaberteaduste materjali juba suveräänselt. Etnograafiaga sidus H. Moorat kõigele lisaks veel kauaaegne osavõtt Eesti Rahva Muuseumi tegevust juhtivate organite tööst: 1929—1931 oli ta muuseumiühingu juhatuse ja rahvateadusliku toimkonna liige[4] ning 1931—1938 ülikooli esindajana sihtasutuse «Eesti Rahva Muuseum» hoolekogus ja viimase esindajana sihtasutuse valitsuses[5].

Seega on täiesti loomulik, et H. Moora tundis sõja tagajärjel tekkinud olukorras oma vastutust mitte üksi arheoloogilise, vaid ka etnograafilise töö arendamise eest Eesti NSV-s. Ühelt poolt organiseeris ta Tartu Riikliku Ülikooli arheoloogiakateedri juures ka etnograafide ettevalmistamise, teiselt poolt võttis aktiivselt ja juhtivalt osa Eesti Rahva Muuseumi taasülesehitamisest. Ülikooliõpetuse ja muuseumitöötajate teadusliku kvalifikatsiooni tõstmise oskas ta tulemusrikkalt siduda 1945. aastal eesti ja teiste Nõukogude Liidu rahvaste etnograafia alal korraldatud loeng-harjutustega, kus üliõpilased ja noored teaduslikud töötajad esinesid eri teemadel ettekannetega, millele järgnes prof. Moora hindav ja teoreetiliselt ning metoodiliselt alati paljupakkuv sõnavõtt. Pearõhu asetas ta seejuures dialektilismaterialistliku mõtteviisi juurutamisele, rõhutades kõigi etnograafiliste nähtuste jälgimise vajadust nende konkreetses seoses geograafilise ja ajaloolise keskkonnaga.

Harri Moora juhendamisel ja otsesel kaasabil kavandati muuseumi näitused 1940-ndate aastate teisel poolel, alates esimesest sõjajärgsest näitusest 1945. aasta sügisel. Tema ergutusel ja näpunäidetel toimus 1946. aasta algul muuseumitöötajate õppereis Leningradi, kus loodi kontakt sealsete etnograafilise uurimise keskustega. Ta algatas esemete ja teatmematerjalide süstemaatilise kogumise, et täita muuseumi kogudes eriti marksistliku teaduse seisukohalt leiduvaid olulisi lünki. Kui kogumistöö 1950-ndail aastail vaibus, võttis Teaduste Akadeemia presiidium 1957. aastal akadeemik H. Moora ettepanekul vastu otsuse, mille kohaselt Etnograafiamuuseum alustas esemete ja teatmematerjalide uut ulatuslikku plaanipärast kogumist.

Täie rõhuga tõstis H. Moora algusest peale esile ajalooallikate ja arhiivimaterjalide kasutamise vajaduse etnograafilises uurimistöös. Tema algatusel alustas muuseum 1940-ndate aastate lõpul Eesti NSV Riiklikust Ajaloo Keskarhiivist 19. saj. valla- ja kihelkonnakohtute protokollides leiduvate etnograafiliste andmete väljasedeldamist. Samuti soovitas ta Kirjandusmuuseumi ajalootraditsiooni kogudest etnograafilise ainese välja kirjutada.[6] Harri Moora oli ka see, kelle otsesel ergutusel ja juhendamisel noored etnograafid 1948. aastal alustasid «Eesti etnograafia ülevaate» koostamist, mis pidi vastama uutele metoodilistele nõuetele. Esmakordselt oli siin kavandatud kõigi rahvakultuuri aspektide (nii materiaalse, vaimse kui ka kombestikulise) ühine vaatlemine koos geograafilise keskkonna, ajaloolise ja antropoloogilise tausta arvestamisega. Ülevaate esialgselt valminud peatükkide arutamise 1948.—1949. aastal muutis H. Moora tõeliseks teadusliku töö kooliks, juhtides tähelepanu lahendamist vajavaile probleemidele, nõudes järjekindlalt nähtuste igakülgsete seoste arvestamist, nende ajaloolise arengu nägemist ning konkreetset, selget ja faktidega põhjendatud käsitlust.[7] Kui H. Moora tihe kontakt muuseumiga aastakümne vahetuse murrangulistes sündmustes katkes ja muuseumi senine juhtkond uuega asendati, jäid nimetatud tööd suurelt osalt pooleli ja teostamata. Siiski oli nendega loodud kindel ja asjalik suund etnograafilisele uurimistööle, mis peagi hakkas taas edukalt edasi arenema.

H. Moora ergutusel valmis 1946. aastal ja ilmus järgmisel aastal trükis muuseumi teadusliku töö esimene ulatuslikum kokkuvõte — «Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat» I (XV). Aastaraamatu temaga koos toimetamine oli käesolevate ridade autorile sügavaks elava teaduse õppetunniks, kusjuures toimetustöö sisuline külg langes põhiliselt muidugi prof. Moora õlgadele. Et viia eesti etnograafiat kindlamasse

---

[3] H. Moora, Eestlaste kultuur muistsel iseseisvusajal. Tartu 1926, lk. 97—103, 153.

[4] Eesti Rahva Muuseumi juhatuse, tegevliikmete kogu ja üldiste koosolekute protokollid al. 9. sept. 1927, lk. 251, 263, 264; Eesti Rahva Muuseumi koosolekud 1930—1940, protokollid 12. VI 1930 ja 28. I 1931 (mõlemad EM arhiivis).

[5] Eesti Rahva Muuseumi aruanded 1931/32. a. eest — 1938/1939. a. kohta. Tartu 1932—1939 (avald. ka *ERM Ar. VIII—XIV*, Tartu 1934—1939).

[6] Eesti Rahva Muuseumi teadusliku nõukogu protokollide raamat 2. X 1945 — 28. dets. 1953, lk. 12 (EM arhiivis).

[7] Eesti Rahva Muuseumi teaduslike töötajate koosolekute protokollide raamat 30. jaan. 1948 — 30. dets. 1950, koosolekute protokollid 8. V 1948 — 26. VI 1948, 24. V ja 28. V 1949 (EM arhiivis).

Harri Moora Etnograafiamuuseumi raamatukogus töötamas. 1967. (EM fotokogu 1507 : 11).

kontakti üleliidulise uurimistöö põhisuundadega ja nende teoreetiliste alustega, võttis H. Moora aastaraamatusse S. P. Tolstovi 1946. aastal avaldatud juhtartikli «Etnograafia ja nüüdisaeg» tõlke ning tegi samuti kokkuvõtte M. Rabinovitši ja M. Levini ülevaateist NSVL TA Etnograafia Instituudi töö kohta Suure Isamaasõja aastail. Ka oli Eesti Rahva Muuseumi tegevuse aruanne 1940—1945 tema kirjutatud. Mis aga kõige olulisem — artiklis «Eesti etnograafia nõukogulikul ülesehitamisel» võttis ta kokku ja arendas edasi oma juba korduvalt suusõnal avaldatud programmilisi ja metoodilisi mõtteid, millel oli tähtis osa etnograafilise uurimistöö edasises arengus.

Selles kirjutises tõstis H. Moora marksistliku etnograafia ühe põhinõudena esile kõigi rahvakultuuri arengut mõjustanud tegurite kompleksi, eelkõige ühiskondlik-majanduslike, samuti aga ajalooliste, tehniliste, vaimsete ja looduslike tingimuste arvestamise. Selline kõikvõimalike põhjuste ja seoste silmaspidamise taotlus, mis iseloomustas ka tema senist arheoloogilist uurimistegevust, tõi paratamatult kaasa idee tiheda kontakti vajadusest etnograafia ning terve rea teiste teaduste, esmajoones ajaloo, folkloristika, geograafia ja lingvistika vahel. Mitme teaduse kompleksne koostöö sai 1950-ndaist aastaist peale H. Moora teadusliku tegevuse üheks juhtmõtteks, mis viis viljakate tulemusteni eeskätt eesti rahva etnilise ajaloo ning slaavi-läänemeresoome suhete keerukate probleemide käsitlemisel.

Eelnevaga oli seotud ka H. Moora teine olulisem taotlus — arendada koostööd naabervabariikide etnograafidega, et sel teel meie etnograafilist uurimist kaugemale viia ainult oma vabariigi kitsast silmapiirist — arvestama ka sidemeid naaberterritooriumide ja neil toimuvate arenguprotsessidega. Sellega ühenduses aitas ta igati kaasa Nõukogude Liidu Teaduste Akadeemia kompleksse Balti ekspeditsiooni tööle, mis alates 1955. aastast asendas senist antropoloogilis-etnograafilist ekspeditsiooni. Vilniuses 1955. aastal Baltimaade arheoloogiale, etnograafiale ja antropoloogiale pühendatud konverentsil seadis ta ekspeditsiooni ühe tähtsama eesmärgina üles Baltimaade kultuuriajaloolise

atlase koostamise[8] — töö, mille juurde tegelikult asuti alles kümmekond aastat hiljem ja kaugeltki veel mitte tema poolt ettenähtud mastaapides. Seegi üksik näide aitab suurepäraselt illustreerida H. Moora perspektiivitunnetust teaduslikus uurimistöös, kus ta alatasa seadis kaugemaid eesmärke, avades uurijate ees avara tegevusvälja, milles mitmeid sektoreid pole veel siiamaani suudetud kuigivõrd haarata. Siia kuulub näiteks tema juba 1947. aastal ilmunud artiklis esitatud ja hiljem mitmetel nõupidamistel korratud nõue, et etnograafilises uurimises on vajalik silmas pidada küla ja mõisa vahelisi suhteid, ning seepärast on oluline koguda materjali endise mõisamiljöö, sealhulgas mõisaproletariaadi elutingimuste kohta. Tuleb tõsiselt kahetseda, et sellesuunaliseks tööks pole seniajani leitud nimetamisväärselt võimalusi, samal ajal kui vastavate andmete saamine muutub iga aastaga järjest raskemaks.

Etnograafia uurimisala piiras H. Moora oma ülalnimetatud artiklis vastavalt eesti etnograafia ja folkloristika senistele traditsioonidele ja ka nõukogude etnograafias tollal domineerinud seisukohtadele kapitalismieelse vana rahvakultuuriga. Hilisemaid nähtusi pidas ta etnograafiale olulisteks vaid sedavõrd, kuivõrd need olid vanade, traditsiooniliste nähtuste väljatõrjujateks. Vana rahvakultuuri väljasuremise tegeliku käigu valgustamisel tuli seetõttu jälgida neid konkreetseid viise ja tempot, millega küla eri kihtides kodunesid vabrikutooted ja linnanähtused. Üldse rõhutas ta talurahva kihistumise silmaspidamise vajadust rahvakultuuri eritlemisel.

Kui 1948.—1949. aastal üleliidulisel foorumil arenenud diskussioonides kujunes välja seisukoht, et etnograafia uurimisvaldkondi tuleb laiendada, hõlmates ka kaasaegse sotsialistliku küla uurimise, siis reageeris H. Moora sellele väga kiiresti ja asjalikult. 1949. aasta juunis organiseeris ta Eesti Rahva Muuseumi teaduslike töötajate ja etnograafiaüliõpilaste ühise koosoleku, kus üksikasjalikult tutvustas diskussioonide tulemusi ja seadis neist johtuvaid konkreetseid ülesandeid eesti etnograafidele.[9] Ta rõhutas, et oluline nihkumine etnograafia uurimisobjektis tähendab kõigepealt seda, et rahvakultuuri üksikküsimuste käsitlemisel tuleb nähtusi nende arengus jälgida kuni vahetu kaasajani. See nõue leidiski edasises uurimistöös laialdast rakendamist. Kolhooside etnograafilisel uurimisel nägi ta peamist teed rõhuasetuses asustusajaloo ja eluolu arengu uurimisele ning maa eri osades asuvate, eriti aga eesti ja vene kolhooside olustiku kõrvutamises, millega kerkivad esile kohalik ja rahvuslik omapära.

Kui tegelik kolhoosiuurimine Eesti NSV-s 1950. aastal algas, ei arvestatud neid soovitusi kahjuks kuigivõrd. Materjali kogumine toimus tugeva majandusteadusliku ja sotsioloogilise kallakuga ega andnud nimetamisväärseid tulemusi.

Hiljem on H. Moora kaasaja etnograafilise uurimise küsimuste juures peatunud peamiselt jooksva töö käigus, vastavate käsikirjade arutamisel, eriti aga kokkuvõtete tegemisel kahe suurema monograafilise ülevaate — L. N. Terentjeva «Колхозное крестьянство Латвии» (1960) ja L. A. Anohhina ning M. N. Šmeljova «Культура и быт колхозников Калининской области» (1964) — aruteludest Ajaloo Instituudi etnograafide ja Etnograafiamuuseumi töötajate ühistel koosolekutel 1961. ja 1965. aastal.[10] Ta leidis, et vastav etnograafiline uurimine peaks toimuma rohkem ajaloolise kallakuga, nähtuste arengu jälgimisena, et hoiduda seni sageli esinenud tungimisest teiste distsipliinide (geograafia, majandusteaduse, sotsioloogia) valdkonda, kus etnograafide töö ei saa kasu anda. Küll aga oleks kolhoosiuurimisel rohkem eeldusi õnnestumiseks, kui see toimuks kompleksses koostöös nimetatud teaduste esindajate ja folkloristidega. Etnograafidel ei tuleks jälgida mitte niivõrd materiaalse kultuuri üksikasju ja valitsusorganite korralduste ellurakendamist, kuivõrd viimaste mõju eluolule ning rahva reageerimist neile. Peamõõk peaks seejuures langema perekonnaelu ja -olustiku jälgimisele. Metoodiliselt pidas H. Moora kõige otstarbekamaks kohapeal, statsionaarselt toimuvat teatava küla võrdlevat pere-perelt läbiuurimist. Ühtlasi hoiatas ta, et kaasajale (ka kapitalistlikele maadele) üldiselt omaseid maaelu linnastumise nähtusi ei tohi ära segada sotsialismi arengunähtustega. Kõik need H. Moora seisukohad on tõsiselt arvestatavad ja näitavad, kui hästi ta suutis orienteeruda ka neis küsimustes, mis tema otsesest uurimisvaldkonnast olid üsna kauged.

Suur osa Harri Moora etnograafia-alasest tegevusest on kulunud organiseerimisele, uurimistööde metoodilisele juhendamisele, uute probleemide ja tööülesannete esiletõstmisele, millest trükisõnasse on jäänud vähe otseseid jälgi. Mitmete oluliste etnograafiliste väljaannete toimetajana oli tema sisuliselt ja stiililiselt redi-

[8] Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (Пленарные заседания). Москва 1955, lk. 39.

[9] Eesti Rahva Muuseumi teaduslike töötajate koosolekute protokollide raamat 30. jaan. 1948 — 30. dets. 1950, koosoleku protokoll 17. VI 1949 (EM arhiivis).

[10] ENSV Teaduste Akadeemia Teaduslik Keskarhiiv, f. 22, nim. 2, sü. 201, l. 110—113; sü. 280, l. 44—45.

geeriv töö niivõrd põhjalik, et teda võib teatud määral pidada nende kaasautoriks. Nii langes põhiliselt tema õlgadele suure ülevaateteose «Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult» (1957, vene keeles 1960) toimetamine. Ta kirjutas raamatule sissejuhatava peatüki «Eesti rahvarõivaste arenemise ajaloost», mis tähendas sammu edasi rahvarõivaste uurimisel. See oli tegelikuks näiteks tema metoodiliste põhimõtete rakendamisest konkreetses uurimistöös. Laias ajaloolises haardes, alates 11.—13. sajandist kuni 19. sajandini, leidis siin valgustamist rahvarõivaste areng kogu selle ühiskondlik-majanduslikus ja ajaloolises tingituses, selle seostes tavade ja uskumustega, naaberrahvaste ja valitsevate klasside mõjuga.

Suur oli H. Moora osa ka allakirjutanuga ühiselt toimetatud eesti etnograafia ülevaadetes «Abriss der estnischen Volkskunde» (1964) ja «Эстонцы» (viimane avaldati peatükina koguteoses «Народы Европейской части СССР» II, 1964). Neis leidis rakendamist see rahvakultuuri igakülgne esitus koos tema ajaloolise ja looduslikku taustaga, mille H. Moora oli aluseks võtnud juba omal ajal poolelijäänud «Eesti etnograafia ülevaate» koostamisel. Saksakeelsele käsitlusele kirjutas ta peale esiajaloo osa koostöös oma abikaasa Aliise Mooraga peatüki rahvapärasest ajaarvamisest, aasta töötsüklitest ning kalendritähtpäevadest.

Ühise töö viljana Aliise Mooraga valmis ka pikem oluline, arheoloogilisel ja etnograafilisel materjalil põhinev artikkel «Baltimaade ajaloolis-kultuuriliste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemisest»[11], mille põhiseisukohad H. Moora esitas Etnograafiamuuseumi 50. aastapäeva juubeliaktusel Tartus 1959. aastal. Artiklil oli suur teoreetiline tähtsus. Selles tõsteti esmakordselt täie selgusega esile majandusliku struktuuri iseärasuste ja geograafilise keskkonna oluline osa ajaloolis-kultuuriliste valdkondade ning nende alljaotuste kujunemisel. Samu seisukohti rakendati ka mõlema autori teises ühises artiklis «Lisandeid vadjalaste ja isurite etnilisele ajaloole».[12]

Heaks näiteks H. Moora komplekssest uurimismeetodist on II rahvusvahelisel fennougristide kongressil Helsingis 1965. aastal peetud ettekanne «Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern»[13], milles oskuslikult on ühendatud arheoloogia, etnograafia ja lingvistika andmed, kusjuures kogu käsitlus arvestab looduslikke eeldusi.

Kuigi Harri Moora otseselt etnograafia alale kuuluv teaduslik looming on seega suhteliselt vähene ja enamasti tihedalt seotud tema arheoloogilise tööga, on see oma kindla meetodi ja avara haardega seda väärtuslikum ning eeskuju pakkuv. Hindamatu väärtusega aga on Harri Moora kui teadlaste kasvataja, eesti nõukogude etnograafia sihtideseadja, meetodi väljaarendaja, alati lahke ja abivalmis nõuandja osa. Tema erakordselt laialdane eruditsioon, kindlalt põhjendatud seisukohad ning järeleandmatu, kuid ikka heasoovlik nõudlikkus teaduslikus töös on kahtlemata jätnud kustumatu mulje kõigile, kellel — nagu ka allakirjutanul — on õnn olnud temaga pikemat aega koos töötada. Võib täie kindlusega väita, et Eesti NSV-s avaldatud etnograafiliste uurimuste enamikus ilmneb vähemal või suuremal määral tema mõju. Kui eesti etnograafia töötulemused viimasel aastakümnel on tunnustust leidnud ka väljaspool meie vabariigi ja Nõukogude Liidu piire, siis on see olulisel määral Harri Moora teene.

[11] *EM Ar. XVII*, 1960; vene keeles — *СЭ 1960, nr. 3.*

[12] *EM Ar. XIX*, 1964; vene keeles kogumikus *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*, Tallinn 1965.

[13] *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum, pars II*, Helsinki 1968, lk. 239—257; lühendatult soome keeles ajakirjas *Kotiseutu 1965, nr. 6.*

ХАРРИ АЛЬБЕРТОВИЧ МООРА И ЭСТОНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Вийрес

Когда после освобождения Эстонии осенью 1944 г. эстонская этнография в результате тяжелых военных лет оказалась в таком положении, что работу во многом нужно было начать почти снова, то человеком, который тотчас же поспешил на помощь, был Харри Альбертович Моора, профессор Тартуского государственного университета. Заслуги его велики в выработке теоретической и методической направленности как музейной, так и исследовательской работы. Ему как авторитетному члену Ученого совета Эстонского народного музея (1945—1950) и в то же время (до 1950 г.) заведующему кафедрой археологии Тартуского университета в этот период формирования эстонской советской науки принадлежало решающее слово во всех относящихся сюда вопросах. Своим глубоким интересом к делу и активной помощью он способствовал созданию в нашей республике прочной марксистско-ленинской основы для этнографии.

Позже, будучи заведующим сектором археологии Института истории АН ЭССР, он заботился о том, чтобы в институте проводилась также исследовательская работа по этнографии. В результате этого в 1952 г. при секторе была организована небольшая группа этнографов, а в 1958 г. сектор был переименован в сектор археологии и этнографии, которым академик Х. А. Моора заведовал вплоть до своей смерти. На этом посту он руководил координацией и направлением этнографической работы в республике, всячески поддерживая сотрудничество с Этнографическим музеем и содействуя развитию его профиля как научного учреждения. На основании всего этого можно смело сказать, что весь послевоенный этап развития эстонской этнографии теснейшим образом связан с именем Харри Альбертовича Моора.

Кстати напомним, что до войны научная деятельность Х. А. Моора ограничивалась археологией. Как мог археолог так компетентно ориентироваться в проблематике и особенно в методике этнографии, существенно отличающейся от методики археологии? Х. А. Моора уже до войны был известен как зрелый, авторитетный ученый необычайно широкого кругозора. Его связи с этнографией восходят к студенческим годам. В 1924 г. он экзаменовался у И. Маннинена по этнографии в объеме низшего курса (так наз. *approbatur*). Хотя его академическая подготовленность по этнографии таким образом ограничивалась лишь минимальной программой, он уже в своей первой более крупной работе «Культура эстонцев

в период их древней независимости» (на эстонск. яз., 1926) сумел связать археологический материал с результатами исследований по этнографии, истории и фольклору эстонского народа. Таким образом, уже в его ранних трудах сказывается стремление к комплексному использованию достижений разных отраслей науки. Десять лет спустя, в I томе «Истории Эстонии» (на эстонск. яз., 1935), он уже уверенно владеет материалами смежных дисциплин. Помимо этого, Х. А. Моора был связан с этнографией еще по работе в органах, руководивших деятельностью Эстонского народного музея (1929—1938).

И вполне естественно, что в сложившихся после войны условиях Х. А. Моора чувствовал себя ответственным за развитие в Эстонской ССР не только археологии, но и этнографии. Он организовал при кафедре археологии Тартуского государственного университета подготовку также и этнографов и активно руководил восстановлением Эстонского народного музея. Он с успехом связал свою педагогическую деятельность при университете с работой по повышению научной квалификации музейных работников: при кафедре археологии он организовал лекции-семинар по этнографии народов Советского Союза, где студенты и молодые научные сотрудники музея выступали с докладами по разным темам. Эти доклады серьезно обсуждались и оценивались им с теоретической и методической точек зрения. Главное внимание Х. А. Моора обращал при этом на внедрение диалектико-материалистического образа мышления, подчеркивая необходимость исследовать все этнографические явления в их связи с конкретной географической и исторической средой.

Под руководством Х. А. Моора в 1940-х годах были выработаны планы музейных экспозиций, начиная с первой послевоенной экспозиции осенью 1945 г. При его содействии в 1946 г. была организована учебная поездка музейных работников в Ленинград, где была установлена связь с ленинградскими центрами этнографической работы. Для заполнения имевшихся в музейных фондах пробелов, особенно с точки зрения марксистской науки, по инициативе Х. А. Моора было организовано систематическое собирание этнографических материалов и данных. А когда в 1950-х годах в этой работе возник застой, Президиум Академии наук в 1957 г. по предложению Х. А. Моора принял решение, согласно которому Этнографический музей снова принялся за систематическую работу по собиранию материалов.

Х. А. Моора с самого начала серьезно подчеркивал необходимость использования в этнографической исследовательской работе также исторических источников и архивных материалов. По его инициативе и под его руководством молодые этнографы принялись в начале 1948 г. за составление обзора этнографии Эстонии, который должен был соответствовать новым методическим требованиям. Здесь впервые предполагалось дать обзор народной культуры со всех ее аспектов (материальной, духовной, обрядовой) на фоне географической и исторической среды и антропологических данных. В 1948—1949 гг. происходило обсуждение подготовленных к тому времени глав, которое Х. А. Моора превратил в настоящую школу научно-исследовательской работы, выдвигая проблемы, нуждающиеся в решении, требуя учета взаимосвязей между отдельными явлениями, исследования их исторического развития и конкретного, ясного, опирающегося на факты изложения. Хотя этот труд в большей части остался незаконченным, так как тесный контакт Х. А. Моора с музеем в начале 1950-х годов прервался и правление музеем сменилось, все же этими работами этнографическому исследованию было дано определенное дельное направление, которое вскоре снова стало развиваться.

По инициативе Х. А. Моора в 1947 г. появился I (XV) том «Ежегодника Эстонского народного музея», где были опубликованы первые результаты научной деятельности музея. В своей статье «Эстонская этнография становится советской» он резюмировал и развивал дальше свои ранее неоднократно высказанные программные и теоретические положения, имевшие большое значение для дальнейшего развития этнографической работы. В качестве одного из основных положений марксистской этнографии Х. А. Моора выдвинул требование, чтобы в этнографических исследованиях учитывался весь комплекс факторов, оказывавших влияние на развитие народной культуры, в первую очередь, социально-экономические, далее, исторические, технические, духовные, а также и природные условия. Это стремление Х. А. Моора к учету всевозможных факторов и связей неизбежно привело его к мысли о необходимости установления тесного контакта между этнографией и рядом других дисциплин — прежде всего истории, фольклористики, географии и языкознания. Такое комплексное сотрудничество по разным наукам стало с 1950—1960-х годов одним из основных принципов научной деятельности Х. А. Моора, приведшим к плодотворным результатам осо-

бенно при изучении сложных проблем этнической истории эстонского народа и славяно-прибалтийскофинских взаимоотношений.

С этим было связано также стремление Х. А. Моора к тесному сотрудничеству с этнографами соседних республик, чтобы вывести наши этнографические исследования из узкого кругозора своей республики и учитывать связи с соседними территориями и происходящим там процессом развития. С этой целью он всячески содействовал работе Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. На конференции 1955 г. в Вильнюсе, посвященной археологии, этнографии и антропологии Советской Прибалтики, он выдвинул в качестве одной из важнейших задач составление культурно-исторического атласа Прибалтики — работа, которая была начата лишь спустя десять лет, да и то далеко не в намеченном им объеме. Уже один этот факт прекрасно иллюстрирует чувство перспективы, свойственное Х. А. Моора в научной работе, где он всегда ставил более далекие цели, выдвигая новые задачи, из которых некоторые до сих пор еще ждут выполнения.

В названной выше статье Х. А. Моора, согласно традициям эстонской этнографии и фольклористики и доминировавшей в то время также и в советской этнографии точке зрения, ограничивал область этнографии старой докапиталистической народной культурой. Более поздние явления по его тогдашнему мнению имели значение для этнографии лишь постольку, поскольку они вытесняли старые традиционные явления. Ввиду этого при освещении постепенного отмирания старой народной культуры следовало бы конкретно выяснить, каким образом и каким темпом в разных слоях деревенского населения стали внедряться изделия фабричного производства и другие явления городского характера.

Когда на дискуссии, развернувшейся в 1948—1949 гг. на всесоюзном форуме, было выдвинуто положение, что задачи этнографии следует расширить, распространяя их и на изучение современной социалистической деревни, то Х. А. Моора живо откликнулся на это. На организованном им в июне 1949 г. совместном заседании научных сотрудников Эстонского народного музея и студентов этнографии он подробно изложил результаты дискуссии и вытекающие отсюда задачи эстонских этнографов. Он подчеркивал, что существенный сдвиг в объекте этнографического исследования означает, в первую очередь, необходимость исследования развития явлений вплоть до наших дней. Это требование нашло широкое отражение в дальнейших его исследованиях. При этнографическом исследовании колхозов наиболее существенным он считал изучение истории заселения и быта, а также сопоставление последнего в колхозах, расположенных в разных частях нашей республики и, в частности, в эстонских и русских колхозах, чтобы выяснить их местные и национальные особенности.

Позже Х. А. Моора неоднократно подчеркивал, что этнографам следовало бы изучать современный быт с исторической точки зрения, прослеживая развитие явлений, чтобы избежать (как это до сих пор часто случалось) вторжения в области других дисциплин (географии, экономики, социологии), где работа этнографов не может быть плодотворной. Зато изучение колхозного быта было бы более успешным, если бы оно совершалось комплексно, в сотрудничестве с представителями вышеназванных дисциплин и с фольклористами. Этнографам следовало бы наблюдать не столько отдельные детали материальной культуры и проведение в жизнь постановлений правительственных органов, как влияние этих постановлений на быт, а также реагирование на них населения. При этом главное внимание должно быть уделено изучению семейной жизни и семейного быта. Наиболее целесообразным с методической точки зрения Х. А. Моора считал стационарное проведение сравнительного исследования всех без исключения семей в одной определенной деревне. В то же время он предупреждал, что нельзя смешивать характерные для современности явления урбанизации деревенского населения (наблюдаемые также в капиталистических странах) с явлениями развития социализма. Все эти концепции Х. А. Моора заслуживают серьезнейшего внимания и показывают, как хорошо он умел ориентироваться в вопросах, весьма далеких от его основной научной области.

Значительную часть своей деятельности, связанной с этнографией, Х. А. Моора посвятил организационным работам, методическому руководству исследованиями, выдвижению новых проблем и задач, т. е. работе, от которой в печати сохранилось мало непосредственных следов. Будучи редактором многих важных изданий по этнографии, он так основательно проводил редакцию текста (как в стилистическом отношении, так и по содержанию), что его можно в известной мере считать соавтором этих работ. Он был главным редактором большого сводного труда «Эстонская народная одежда XIX и начала XX века» (1960), для которого он написал вводную главу об истории развития эстонской народной одежды, пред-

ставляющую собой шаг вперед в изучении этой области. Эта глава служит примером того, как Х. А. Моора использовал свои методические принципы в конкретной исследовательской работе. Здесь рассматривается развитие народной одежды от 11—13 до 19 вв. в связи со всеми социально-экономическими и историческими условиями, с обычаями и верованиями, влиянием соседних народов и правящих классов.

Значительно было участие Х. А. Моора также в изданной совместно с автором настоящей статьи сводной работе «Abriss der estnischen Volkskunde» (1964), а также в главе «Эстонцы», опубликованной в труде «Народы Европейской части СССР» II (1964). Для первой из названных работ он написал, помимо раздела о древнейшем периоде, в сотрудничестве со своей супругой Алийзе Моора еще главу о народном времяисчислении, о годовых рабочих циклах и о народном календаре.

В сотрудничестве с Алийзе Моора была написана и основанная на археологическом и этнографическом материале важная статья «К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики» («Советская этнография», 1960, № 3), имеющая большое теоретическое значение. Здесь впервые отчетливо подчеркивается значение особенностей экономической структуры и природной среды в формировании историко-культурных областей и районов. Те же положения легли в основу и другой их совместной статьи «Из этнической истории води и ижоры» (1965).

Прекрасным образцом применяемого Х. А. Моора комплексного метода является доклад, прочитанный им в 1965 г. на II Международном конгрессе финно-угристов в Хельсинки «Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern», где он умело связывает данные археологии, этнографии и языкознания, учитывая при этом также природные условия.

Хотя научная продукция Х. А. Моора в области этнографии ограничена по количеству и большей частью тесно связана с его археологическими исследованиями, она тем не менее весьма ценна и достойна подражания как образец твердости метода и широты кругозора. Неоценимы заслуги Х. А. Моора как воспитателя молодого поколения этнографов, как ученого, давшего основное направление эстонской советской этнографии, развившего ее методику, как старшего коллеги, всегда готового помочь советом.

Его необычайно большая эрудиция, твердо обоснованные точки зрения и неуступчивая, но всегда доброжелательная требовательность в научной работе несомненно оставили неугасимое впечатление на каждого, кто, как и автор настоящей статьи, имел счастье в течение продолжительного времени работать вместе с ним. С полной уверенностью можно сказать, что на подавляющем большинстве опубликованных в Эстонской ССР этнографических работ в большей или меньшей мере сказывается его влияние. Если результаты этнографических исследований, произведенных за последние десятилетия в Эстонии, заслужили признание как в других братских республиках, так и за рубежом, то это в значительной мере является заслугой Харри Альбертовича Моора.

HARRI MOORA UND DIE ESTNISCHE ETHNOGRAPHIE

Ants Viires

Wenn sich die estnische Ethnographie nach der Befreiung der Estnischen SSR im Herbst 1944 infolge der schweren Kriegsjahre in einer solchen Lage befand, dass in vieler Hinsicht beinahe von neuem begonnen werden musste, so war es der Professor für Archäologie an der Universität Tartu Harri Moora, der sofort mit Rat und Tat zu Hilfe kam. Sowohl um die Organisierung der Museumsarbeit als auch um die Ausarbeitung der theoretischen und methodischen Richtlinien der ethnographischen Forschung hat er bedeutende Verdienste. Als massgebendes Mitglied des wissenschaftlichen Rates des Estnischen Nationalmuseums in den J. 1945—1950 und zugleich als Leiter des Lehrstuhls für Archäologie an der Universität, der auch um den Nachwuchs von Ethnographen besorgt war, hatte H. Moora in jenen Jahren der Herausbildung der sowjetestnischen Wissenschaft in allen diesbezüglichen Fragen ein entscheidendes Wort zu sprechen. Dank seinem tiefen Interesse und seiner aktiven Hilfe wurde der estnischen Ethnographie in wenigen Jahren eine feste marxistisch-leninistische Unterlage geschaffen.

Später, als Leiter des Sektors für Archäologie am Institut für Geschichtsforschung war er darum bemüht, dass auch hier mit ethnographischer Forschung begonnen werde, woraufhin 1952 beim Sektor eine kleine Ethnographen-Gruppe zustande kam. 1958 wurde der Sektor zum Sektor für Archäologie und Ethnographie umbenannt, dessen Leiter H. Moora bis zu seinem Tode verblieb. In dieser Stellung lenkte und koordinierte er in Estland die ethnographische Forschungsarbeit, indem er ständig eine Zusammenarbeit mit dem Museum für Ethnographie und die Entwicklung desselben als wissenschaftliche Institution anstrebte. Auf Grund alles dessen kann man ohne Übertreibung sagen, dass die gesamte Entwicklung der estnischen Ethnographie in der Nachkriegszeit mit dem Namen Harri Mooras aufs engste verbunden ist.

Es muss vermerkt werden, dass bis zum Kriege H. Mooras wissenschaftliche Tätigkeit sich nur auf die Archäologie beschränkte. Wie konnte sich ein Archäologe in der Problematik der Ethnographie und besonders in ihrer Methodik orientieren, welche von der der archäologischen Arbeitsweise bekanntlich stark abweicht? H. Moora war schon in der Vorkriegszeit als reifer Wissenschaftler von weitem Gesichtskreis und grosser Autorität bekannt. Seine Beziehungen zur Ethnographie reichten bis in seine Studienjahre zurück. Im J. 1924 hatte er vor Ilmari Manninen ein Examen im Umfang

der Unterstufe der Ethnographie abgelegt. Obwohl seine akademische Ausbildung in der Ethnographie somit nur auf das Minimalprogramm beschränkt war, verband er bereits in seiner ersten grösseren Schrift «Die Kultur der Esten zur Zeit ihrer Selbständigkeit im Altertum» (estnisch, 1926) das archäologische Material geschickt mit den Resultaten sowie der ethnographischen, als auch der geschichtlichen und folkloristischen Forschung.

So offenbarte sich bereits in dieser seiner frühen Arbeit das Bestreben nach komplexer Ausnutzung bei archäologischen Untersuchungen auch der Resultate verschiedener anderen Wissenschaften. Zehn Jahre später, im I. Band der «Geschichte Estlands» (estnisch) beherrscht er das Material der Nachbarwissenschaften schon suverän. Nebendem war H. Moora mit der Ethnographie auch noch durch sein Mitwirken in den leitenden Organen des Estnischen Nationalmuseums verbunden (1929—1938).

Es ist daher zu verstehen, dass H. Moora sich in der infolge des Krieges entstandenen Lage nicht nur für die Entwicklung der archäologischen, sondern auch der ethnographischen Tätigkeit in der Estnischen SSR verantwortlich fühlte. Einerseits organisierte er am Lehrstuhl für Archäologie der Universität auch die Vorbereitung von Ethnographen, andererseits betätigte er sich führend an der Wiederherstellung des Estnischen Nationalmuseums. Er verstand es, diese beiden Wirkungskreise erfolgreich zu verbinden, indem er 1945 an den Übungen für Studenten in der Ethnographie der Völker der Sowjetunion auch die jüngeren Mitarbeiter des Museums zwecks Erhöhung ihrer Qualifikation teilnehmen liess. Hier wurden von den Teilnehmern Vorträge über verschiedene Themen gehalten, denen von seiner Seite eine abschätzende, immer sehr anregende Besprechung folgte.

Unter H. Mooras Leitung und unmittelbarer Beteiligung veranstaltete das Museum in der zweiten Hälfte der 1940-er Jahre Ausstellungen. Auf seine Anregung fand Anfang 1946 eine Exkursion der Museumsarbeiter nach Leningrad statt, wo mit den dortigen Zentralen der ethnographischen Forschung Beziehungen angeknüpft wurden. Seiner Initiative ist es zu verdanken, dass am Museum mit einer systematischen Sammeltätigkeit von ethnographischen Gegenständen und Angaben begonnen wurde, welche zum Zweck hatte die vom Standpunkt der marxistischen Wissenschaft im Museumsmaterial vorhandenen bedeutenden Lücken auszufüllen. Als diese Sammeltätigkeit in den 1950-er Jahren ins Stocken kam, fasste das Präsidium der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR 1957 auf Antrag des Akademikers H. Moora einen Beschluss, demzufolge das Museum für Ethnographie von neuem eine planmässige und weitgehende Sammeltätigkeit von Gegenständen und Angabenmaterialien zu entwickeln begann.

Von Anfang an betonte H. Moora die Notwendigkeit der Ausnutzung bei der ethnographischen Forschungsarbeit von geschichtlichen Quellen und Archivmaterialien. Auf seine Anregung und unter seiner Leitung begannen die jungen Ethnographen 1948 eine Übersicht über die Ethnographie Estlands zu verfassen, welche den neuen methodischen Anforderungen gerecht werden sollte. Zum ersten Mal wurde hiermit eine allgemeine Behandlung der Volkskultur in allen ihren Aspekten — der materiellen und geistigen sowie des Brauchtums — unter Berücksichtigung der geographischen Umwelt, des geschichtlichen und anthropologischen Hintergrundes geplant. Die Besprechung der niedergeschriebenen Kapitel gestaltete sich unter H. Mooras Leitung zu einer richtigen ethnographischen Schulung. Immerfort richtete er die Aufmerksamkeit auf ungelöste Probleme und forderte konsequent eine allseitige Beachtung der Zusammenhänge der Erscheinungen und ihrer geschichtlichen Entwicklung, sowie eine konkrete, klare, sich auf Tatsachen stützende Behandlung des Stoffes. Wenngleich die meisten dieser Arbeiten unbeendet blieben, als H. Mooras enger Kontakt mit dem Museum unter den umwälzenden Geschehnissen um die Wende des Jahrzehntes, beim Übergang der Leitung des Museums in andere Hände abbrach, war durch seine Tätigkeit dennoch der ethnographischen Forschung eine sichere Richtlinie gegeben, welche sich bald von neuem erfolgreich weiterzuentwickeln begann.

Auf H. Mooras Anregung erschien 1947 auch als erstes ausführliches Ergebnis der wissenschaftlichen Tätigkeit des Museums der I. (XV.) Band des Jahrbuches des Estnischen Nationalmuseums («Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat»). In seinem Artikel «Die estnische Ethnographie in sowjetischem Aufbau» veröffentlichte er seine bereits mehrmals mündlich ausgesprochenen programmatischen und methodischen Gedanken, die für die weitere Entwicklung der ethnographischen Forschung von ausschlaggebender Bedeutung waren. Als eine grundlegende Forderung der marxistischen Ethnographie hob er die Notwendigkeit hervor, bei der Forschung den ganzen Komplex derjenigen Faktoren zu berücksichtigen, welche die Entwicklung der Volkskultur beeinflusst haben, vor allem die gesellschaftlichen und wirtschaftli-

chen, jedoch auch die geschichtlichen, technischen und geistigen Voraussetzungen sowie die Naturverhältnisse. Dieses Bestreben nach der Berücksichtigung aller möglichen Ursachen und Verbindungen, bezeichnend auch für H. Mooras bisherige archäologische Forschungsarbeit, führte unweigerlich zur Forderung eines engeren Kontaktes zwischen der Ethnographie und einer Reihe anderer Wissenschaftszweige, vor allem der Geschichte, der Folkloristik, der Geographie und der Sprachwissenschaft. Die Zusammenarbeit von mehreren Wissenschaften wurde seit den 1950-er Jahren eine der Grundlagen seiner wissenschaftlichen Tätigkeit, welche besonders bei der Behandlung der komplizierten Probleme der ethnischen Geschichte des estnischen Volkes und der Beziehungen zwischen den Slawen und den ostseefinnischen Stämmen zu fruchtbaren Resultaten führte.

Hiermit verbunden war auch das Bestreben H. Mooras nach Zusammenarbeit mit den Ethnographen der Nachbarrepubliken, um auf diese Weise die ethnographische Forschung aus dem engen Gesichtskreis der eigenen Republik herauszuführen und auch die Verbindungen mit den Nachbargebieten und den dort verlaufenden Entwicklungsprozessen in Betracht zu ziehen. Von diesem Standpunkt aus förderte er in jeglicher Hinsicht die Arbeit der Baltischen Vereinten Komplexen Expedition der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Auf der der Archäologie, Ethnographie und Anthropologie des Baltikums gewidmeten Konferenz in Vilnius 1955 stellte er als eine der wichtigsten Aufgaben der Expedition die Herausgabe eines kulturhistorischen Atlasses der Baltischen Republiken auf — eine Arbeit, die erst etwa 10 Jahre später unternommen wurde, dabei noch längst nicht in dem von H. Moora vorgesehenen Umfang. Schon dieses Beispiel beleuchtet vortrefflich H. Mooras Sinn für Perspektive in seiner wissenschaftlichen Arbeit, bei welcher er stets entfernte Ziele aufstellte und den Forschern weite Arbeitsgefilde vorlegte, von denen mehrere bisher erst kaum berührt worden sind.

In dem obengenannten Artikel beschränkte H. Moora das Gebiet der Ethnographie den bis dahin in der estnischen Ethnographie und Folkloristik waltenden Tradition und damals auch noch in der sowjetischen Ethnographie dominierenden Ansichten gemäss auf die alte Volkskultur der vorkapitalistischen Zeit. Die späteren Erscheinungen waren nach seiner damaligen Meinung für die Ethnographie nur insofern von Bedeutung, als sie die alten traditionellen Erscheinungen verdrängten. Bei der Untersuchung des Aussterbens der alten Volkskultur waren daher die Art und das Tempo zu beachten, in welcher Weise sich bei den verschiedenen Schichten der Landbevölkerung Fabrikserzeugnisse und städtische Erscheinungen einbürgerten.

Als in den Diskussionen, die sich 1948—1949 auf allsowjetischem Forum entspannten, sich der Standpunkt herausbildete, dass die Aufgaben der Ethnographie erweitert werden müssten, indem auch die Erforschung des gegenwärtigen sozialistischen Dorfes miteinzuziehen sei, so reagierte H. Moora darauf sehr schnell und sachlich. Im Juni 1949 organisierte er eine gemeinsame Sitzung der wissenschaftlichen Mitarbeiter des Estnischen Nationalmuseums und der Studenten der Ethnographie, auf der er die Ergebnisse der Diskussion ausführlich darlegte und die sich hieraus für die estnischen Ethnographen ergebenden konkreten Aufgaben aufstellte. Er betonte hierbei, dass die Erweiterung des Untersuchungsobjektes im Wesentlichen darin bestehe, dass bei der Behandlung der einzelnen Fragen der Volkskultur die Erscheinungen in ihrer Entwicklung bis auf den heutigen Tag zu verfolgen seien. Diese Anforderung hat in der folgenden ethnographischen Forschungstätigkeit weite Verwertung gefunden. Bei der Erforschung der Kolchose legte er besonderes Gewicht auf die Untersuchung der Siedlungsgeschichte und der Entwicklung der Lebensweise, sowie auf den Vergleich des Brauchtums in den in verschiedenen Landesteilen gelegenen Kolchosen, besonders aber in den estnischen und russischen Kolchosen, um die örtlichen und nationalen Unterschiede deutlich hervorzubringen. Später betonte er mehrmals, dass die Behandlung der zeitgenössischen Ethnographie sich unter grösserem geschichtlichen Aspekt, unter dem Gesichtspunkt der Entwicklung der Erscheinungen vollziehen müsse, um ein bisher öfters vorgekommenes Eindringen in andere Disziplinen (Geographie, Ökonomik, Soziologie) zu verhindern, wo die Arbeit der Ethnographen keinen Nutzen bringen könne. Wohl aber könnte die Kolchosenforschung zu besseren Resultaten führen, wenn Vertreter der genannten Wissenschaften, wie auch Folkloristen zur komplexen Mitarbeit herangezogen würden. Die Ethnographen sollten nicht soviel die Einzelheiten der materiellen Kultur und die Verwirklichung der Verordnungen der Verwaltungsorgane in Betracht ziehen als den Einfluss der letzteren auf die Lebensweise und das Reagieren der Bevölkerung auf diese Verordnungen. Dabei müsste das Gewicht hauptsächlich auf das Familienleben und das diesbezügliche Brauchtum gelegt werden. Methodisch hielt

H. Moora es für am meisten angebracht ein gewisses Dorf an Ort und Stelle Familie für Familie vergleichend zu untersuchen. Dabei warnte er vor einem Verwechseln der für die Jetztzeit — auch in den kapitalistischen Ländern — charakteristischen Urbanisierungserscheinungen mit den Entwicklungserscheinungen des Sozialismus. Alle diese Ansichten H. Mooras verdienen ernsthafte Beachtung und zeigen, wie ausserordentlich gut er es verstand sich in Fragen zu orientieren, die seinem eigentlichen Forschungsgebiet recht fern lagen.

Einen grossen Teil seiner Tätigkeit auf dem Gebiet der Ethnographie widmete H. Moora der Organisation und der methodischen Leitung der Arbeit, der Aufstellung neuer Probleme und Aufgaben, wovon im Druck nur wenig Spuren erhalten sind. Seine Arbeit als Redakteur einer Anzahl wichtiger ethnographischen Publikationen war inhaltlich und stilistisch dermassen gründlich, dass man ihn gewissermassen als Mitverfasser dieser Arbeiten ansehen kann. So lag im Grunde auf seinen Schultern die Redaktion des grossen übersichtlichen Werkes über die estnischen Volkstrachten (estnisch 1957, russisch 1960). Von ihm selbst stammt das einleitende Kapitel über die Entwicklung der estnischen Volkstrachten, welches einen neuen grossen Schritt in der Erforschung der estnischen Volkstrachten bedeutet. Dieses Kapitel ist ein Musterbeispiel für die Anwendung seiner methodischen Grundsätze in der konkreten Forschungsarbeit. Auf einer weiten geschichtlichen Grundlage wird hier die Entwicklung der Volkstrachten vom 11.—13. bis zum 19. Jahrhundert verfolgt, in Abhängigkeit von den jeweiligen sozial-ökonomischen und geschichtlichen Verhältnissen, gleichwie in Verbindung mit dem Brauchtum und den religiösen Vorstellungen, mit der Beeinflussung seitens der Nachbarvölkerschaften und der herrschenden Klassen.

Gross war H. Mooras Anteil auch an den zusammen mit dem Verfasser des vorliegenden Artikels veröffentlichten übersichtlichen Arbeiten «Abriss der estnischen Volkskunde» (1964) und «Эстонцы», welche letztere ein Kapitel des Sammelwerkes «Народы Европейской части СССР» II (1964) bildet. In diesen Arbeiten wird die Volkskultur auf dem von der Geschichte und den Naturverhältnissen gegebenen Hintergrund allseitig behandelt. Für den «Abriss der estnischen Volkskunde» verfasste er ausser dem die Vorgeschichte behandelnden Teil zusammen mit seiner Gemahlin Aliise Moora das Kapitel über die volkstümliche Zeitrechnung, die Arbeitszyklen des Jahres und die kalendarischen Gedenktage.

Als Resultat gemeinsamer Arbeit mit Aliise Moora erschien auch ein auf archäologischem und ethnographischem Material basierender wichtiger Artikel über die Entstehung der historischen Kulturgebiete des Baltikums (in «Etnograafia Muuseumi Aastaraamat» XVII, 1960, russisch: «Советская этнография» 1960, No. 3). Dieser Artikel ist von grossem theoretischem Wert. Hier wird zum ersten Mal die Rolle der Struktur des Wirtschaftslebens sowie die der geographischen Umwelt für die Entstehung der Kulturgebiete und deren Unterabteilungen anschaulich hervorgehoben. Diese Anschauungen kommen auch in einem anderen gemeinsamen Artikel beider Verfasser über die ethnische Geschichte der Woten und Ishoren (estnisch 1964, russisch 1965) zur Geltung.

Ein vortreffliches Beispiel der Anwendung der komplexen Forschungsmethode bietet auch H. Mooras Vortrag, gehalten auf dem II. Internationalen Fennougristenkongress in Helsinki 1965 «Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern», wo unter Beachtung der naturgegebenen Bedingungen archäologische, ethnographische und sprachliche Daten miteinander verknüpft sind.

Obwohl Harri Mooras wissenschaftliche Produktion auf unmittelbar ethnographischem Gebiet begrenzt und meistens mit seiner archäologischen Tätigkeit eng verbunden war, ist sie durch ihre sichere Methode und weite Problemstellung um so wertvoller und vorbildlicher. Unschätzbar ist aber der Wert, den Harri Moora sich in der Erziehung von Wissenschaftlern, in der Aufstellung der Richtlinien der sowjetestnischen Ethnographie und der Ausarbeitung ihrer Methodik, sowie als immer zuvorkommender, hilfsbereiter Ratgeber erworben hat. Seine ausserordentlich vielseitige Erudition, seine fest begründeten Anschauungen und seine hohen, jedoch immer wohlwollenden Anforderungen in der wissenschaftlichen Arbeit haben zweifellos einen unverlöschbaren Eindruck bei allen hinterlassen, die — wie auch der Verfasser des vorliegenden Artikels — das Glück hatten, längere Zeit mit ihm zusammen zu arbeiten. Man kann mit Sicherheit behaupten, dass in dem bei weitem überwiegenden Teil der in der Estnischen SSR veröffentlichten ethnographischen Arbeiten H. Mooras Einfluss in grösserem oder geringerem Masse hervortritt. Wenn die Ergebnisse der estnischen ethnographischen Forschungsarbeit während des letzten Jahrzehntes ausserhalb der Grenzen sowohl unserer Republik als auch der Sowjetunion Anerkennung gefunden haben, so ist dies im Wesentlichen das Verdienst von Harri Moora.

HARRI MOORA ERIALASED TÖÖD

ТРУДЫ ХАРРИ АЛЬБЕРТОВИЧА МООРА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

FACHSCHRIFTEN VON HARRI MOORA

1921. a.

Läinud suve muinasteaduse uurimine. — *Tallinna Teataja 24. XII 1921, nr. 299.*

1922. a.

Arhäoloogilisist töist läinud suvel. — *Päevaleht 26. II 1922, nr. 48.*

Eestlaste vabadusvõitlusest 700-ja aasta eest. Mõningaid jooni. — *Ajalooline Ajakiri 1922, nr. 1,* lk. 14—31.

Muinasjäänuste kaitseseadusest. — *Päevaleht 13. XII 1922, nr. 309.*

1923. a.

Über die Augenfibel in Est- und Lettland. — *Sb. GEG 1922*, Dorpat 1923, lk. 109—123.

Kaks tähtsat muinasloolist leidu. — *Vaba Maa 28. VII 1923, nr. 169.*

Meie muistsed linnamäed õhust. — *Odamees 1923, nr. 6*, lk. 194—195.

Millal saame meie muinasjäänuste kaitseseaduse? — *Postimees 7. II 1923, nr. 36.*

Muinasjäänuste kaitsest eri mais. — *Postimees 4. II 1923, nr. 33.*

Saaremaa muinasajast. — *Odamees 1923, nr. 9*, lk. 283—285.

[Rets.] E. Laid, Eesti muinaslinnad. Tartu 1923. — *Loodus II, 1923,* lk. 698—700.

1924. a.

Eestlaste, liivlaste ja lätlaste vaatest ristiusule nende kristianiseerimise algul. — *Ajalooline Ajakiri 1924, nr. 3*, lk. 81—90.

Kihelkonna kihelkond. — Rmt-s: *Saaremaa ja Muhu muinasjäänused. AK Toim. II.* [Toim. H. Moora.] Tartu 1924, lk. 55—79.

1925. a.

Hõbeaare Pilistverest. — *ERM Ar. I*, Tartu 1925, lk. 110—117.

(Koos W. Andersoniga) Kohtla rahaleid. Res.: Der Münzfund von Kohtla. — *ERM Ar. I*, Tartu 1925, lk. 104—109, 155.

Kiviaja asulad. Ohvrikivid. (Koos T. Vaasiga) Mitmesuguseist ebamääraseist muistiseist. Kohalikkude kinnismuististega tutvumisest ja nende kirjeldamisest. — Rmt-s: *Eesti kinnismuistised, muinasaegsed ja poolajaloolised. AK Toim. III.* Toim. H. Moora. Tartu 1925, lk. 18—26, 65—73, 103—108, 114—116.

Muinasajalooline ülevaade. — Rmt-s: *Tartumaa. Maadeteadusline, majandusline ja ajaloo-*

line kirjeldus. Eesti I. Tartu 1925, lk. 128—136, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 148—149, 167—168, 197—199, 220, 248—249, 276, 295—296, 322, 348—349, 365—366, 387—389, 411, 439, 466, 500—501, 531, 666.

Tartumaa muinasjäänuste lühikene ülevaade. — *Äratrükk «Tartumaast».* Eesti Kirjanduse Seltsi Kirjastus 1925, 22 lk.

Meie ohvrikivid. — *Agu 1925, nr. 1,* lk. 7—10.

Pilte Saaremaalt. — *Odamees 1925, nr. 4—5,* lk. 93—94.

Põhjamaade muinasuurijate kongressilt Helsingis. — *Postimees 10. VII 1925, nr. 182.*

Vecakā dzelzslaikmeta izrakumi Jēkabpils apriņķī. [Ingliskeelse resümeega.] — *Latvijas Saule III, 1925,* lk. 387—390, 393.

1926. a.

Agrais dzelzs laikmets. — Rmt-s: *Latvijas archaioloģija.* Rīgā 1926, lk. 35—53.

Baltische Randstaaten. Bibliographie des Jahres 1925. — *Vorgeschichtliches Jahrbuch. Für die Gesellschaft für Vorgeschichtliche Forschung herausgegeben von Max Ebert. Band II,* Berlin u. Leipzig 1926, lk. 163—165.

Die Bodenaltertümer Estlands. — *ÕES Ar. 1924,* Dorpat 1926, lk. 105—129.

Die Bodenaltertümer Estlands (Eesti kinnismuistised). Referat und Erläuterungen zum estnischen Text. — *Veröffentl. AK III,* Tartu (Dorpat) 1926, 26 lk.

Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal. *AK Toim. IV,* Tartu 1926, 156 lk. + 3 kaarti.

Rets.: H. S[epp] — *Ajalooline Ajakiri 1926, nr. 3,* lk. 117—118.
M. J. Eisen — *Eesti Kirjandus 1926, nr. 10,* lk. 543—544.
A. M. T[allgren] — *ESA I,* Helsinki 1927, lk. 201—202.

Muinasjäänused. — Rmt-s: *Võrumaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti II.* Tartu 1926, lk. 141—149, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 193—194, 243—244, 304—305, 345, 389—390, 415—416.

Üks varema raua-aja kalme Põhja-Eestis. Res.: Ein Grabfeld der älteren Eisenzeit aus Nord-Estland. — *ERM Ar. II,* Tartu 1926, lk. 187—200, 215—218.

1927. a.

Muinasteaduslikkude kogude juht. *Eesti Rahva Muuseumi väljaanne nr. 27,* Tartu 1927, 46 lk.

Rets.: G. Ränk — *Eesti Kirjandus 1930, nr. 3,* lk. 153—154.

1928. a.

Ausgrabungen ältereisenzeitlicher Hügelgräber im Kreise Jēkabpils. Res.: Senā dzelzslaikmeta uzkalniņu kapu izrakumi Jēkabpils apriņķī. *Piemineklu Valdes Materiālu Krājumi. Archaioloģijas Raksti 1:3,* Rīgā 1928, 21 lk. + 19 tahvlit.

Baltische Randstaaten. Bibliographie des Jahres 1926. — *Vorgeschichtliches Jahrbuch. Für die Gesellschaft für Vorgeschichtliche Forschung herausgegeben von Max Ebert. Band III,* Berlin u. Leipzig 1928, lk. 181—182.

Muinasaeg. — Rmt-s: *Setumaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti III.* Tartu 1928, lk. 108—112, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 216—218, 271—273, 308, 327.

Muinasaeg. *Äratrükk koguteosest «Setumaa»,* Tartu 1928, 6 lk. + 4 tahvlit.

1929. a.

Arheoloogiakabinett. — Rmt-s: *Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919—1929.* Tartu 1929, lk. 193.

Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit, I. — *ÕES Ar. 1928,* Tartu 1929, lk. 141—170 + 5 tahvlit.

Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I. Teil: Die Funde. — *ÕES Toim. XXV,* Tartu 1929, XVI +194 lk. + 3 tabelit. Tafeln zum I. Teil, 6 lk. + XLIV tahvlit.

Rets.: E. L[ai]d — *Päevaleht 12. IX 1929, nr. 246.*
M. S[chmiedehelm] — *Postimees 9. X 1929, nr. 284.*
M. Schmiedehelm — *Ajalooline Ajakiri 1929, nr. 3,* lk. 166—171.

Wotische Altertümer aus Estland. — *ESA IV,* Helsinki 1929, lk. 272—283.

[Rets.] A. Spreckelsen: Das Gräberfeld Laakt (Lagedi) Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. ÕES Toim. XXIV, Tartu 1927. — *Eesti Kirjandus 1929, nr. 4,* lk. 188—190.

[Rets.] Die neueste Übersicht der Vorgeschichte von Estland, Lettland und Litauen. Südostbaltikum (Estland, Lettland, Litauen) von Ed. Sturm, A. Friedenthal und F. Jakobson in «Reallexikon der Vorgeschichte», herausgegeben von Max Ebert, Band XIII, Berlin 1928—29. — *ÕES Ar. 1928,* Tartu 1929, lk. 193—202.

1930. a.

Balti muinasteadlaste kongress Riias 19.— 23. aug. 1930. — *Ajalooline Ajakiri 1930, nr. 3,* lk. 138—145.

Baltische Randstaaten [Eesti osa]. Bibliographie des Jahres 1927. — *Vorgeschichtliches Jahrbuch. Für die Gesellschaft für Vorgeschichtliche Forschung herausgegeben von Max Ebert. Band IV*, Berlin u. Leipzig 1930, lk. 186—187.

Max Ebert. — *Ajalooline Ajakiri 1930, nr. 1/2*, lk. 120—121.

Meie arkeoloogilise uurimise seniseid saavutisi ja lähemaid ülesandeid. — *Ajalooline Ajakiri 1930, nr. 1/2*, lk. 36—42.

Muinasaeg. — Rmt-s: *Pärnumaa. Maadeteaduslik, tulundusliк ja ajalooline kirjeldus. Eesti IV*. Tartu 1930, lk. 158—168, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 279, 310—311, 343, 383—384, 430, 470—471, 510, 550—552, 591, 629—630.

Pärnumaa muinasaeg. Lühike ülevaade ja muististe loend. Res.: Die Vorgeschichte des Kreises Pärnumaa. — *Äratrükk «Pärnumaast»*, Tartu 1930, 23 lk.

[Rets.] «Senatne». — *Ajalooline Ajakiri 1930, nr. 1/2*, lk. 121.

1931. a.

Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit, II. — *ÕES Ar. 1929*, Tartu 1931, lk. 25—44 + 2 tahvlit.

Ein Hügelgrab der römischen Eisenzeit in Īle, Kreis Jelgava, Lettland. — Rmt-s: *Congressus Secundus*, lk. 437—460 + 9 tahvlit.

Muinasteaduslikkude kogude juht. 2. täiend. tr. *Eesti Rahva Muuseumi väljaanne nr. 34*, Tartu 1931, 47 lk.

1932. a.

Die Vorzeit Estlands. *Veröffentl. AK VI*, Tartu 1932, 90 lk. + 28 tahvlit 42 joonisega.

Rets.: O. Menghin — *Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXII. Jahrgang, 1935*, Wien 1935, lk. 44.
R. Indreko — *Ajalooline Ajakiri 1933, nr. 1*, lk. 61—63.

Muinasaeg. — Rmt-s: *Valgamaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti V*. Tartu 1932, lk. 104—111, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 262—263, 330—332, 388, 453.

Valgamaa muinasaeg. Lühike ülevaade ja muististe loend. Res.: Die Vorgeschichte des Kreises Valgamaa. — *Äratrükk «Valgamaast»*, Tartu 1932, 16 lk.

1933. a.

Saaremaa muinasaeg. Res.: Die Vorgeschichte des Kreises Saaremaa (Ösel u. Moon). — *Äratrükk koguteosest «Eesti»*, Tartu 1933, 55 lk.

1934. a.

Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuckes. — *Excavationes et studia. Opuscula in honorem Alfred Hackman 14. 10. 1934. SMYA XL*, Helsinki 1934, lk. 75—90.

Muinasaeg. — Rmt-s: *Saaremaa. Maadeteaduslik, majanduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti VI*. Tartu 1934, lk. 244—262, [sama üksikute kihelkondade kaupa] lk. 387—388, 442—444, 475—476, 496—499, 526—528, 561—565, 596—598, 639—642, 671, 695—698, 722—724, 771—774.

[Bibl.] Urgeschichte. — Rmt-s: *Eesti filoloogia ja ajaloo aastaülevaade. Jahresbericht der estnischen Philologie und Geschichte IV*. Tartu (Dorpat) 1934, lk. 129—133.

1935. a.

A propos de la fondation de Tartu. — *ÕES Ar. 1933*, Tartu 1935, lk. 186—201 + 1 kaart.

Der Verwahrfund von Piilsi, Kirchspiel Avinurme. — *ÕES Ar. 1933*, Tartu 1935, lk. 283—303 + 4 tahvlit.

Jääaeg ja looduslikud olud pärast seda. Kiviaeg. Pronksiaeg ja varane rauaaeg. (Koos J. Mägistega) Rooma rauaaeg. Keskmine rauaaeg. (Koos E. Laiu, J. Mägiste ja H. Kruusiga) Noorem rauaaeg. — Rmt-s: *Eesti ajalugu I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus*. Tartu 1935, lk. 1—269 + 35 tahvlit. Peatoimetaja H. Kruus, tegevtoimetaja H. Moora.

Rets.: M. Schmiedehelm — *Eesti Kirjandus 1936, nr. 3*, lk. 151—152.
E. R[oone] — *Tänapäev, mai 1936, nr. 5*, lk. 162—163.

1936. a.

Jääaeg ja looduslikud olud pärast seda. Kiviaeg. Pronksiaeg ja varane rauaaeg. (Koos J. Mägistega) Rooma rauaaeg. Keskmine rauaaeg. (Koos E. Laiu, J. Mägiste ja H. Kruusiga) Noorem rauaaeg. — Rmt-s: *Eesti ajalugu I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus. 2. tr.* Tartu 1936, lk. 1—269 + 35 tahvlit. Peatoimetaja H. Kruus, tegevtoimetaja H. Moora.

Muistsed linnused meie ajaloo allikate ja mälestussammastena. — *ERK 1936, nr. 4/5*, lk. 82—85.

Peedu «Kerikmäe» linnus. — *ERK 1936, nr. 7/8*, lk. 195—199.

Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti ja Muuseumi poolt korraldatud Muinas-Eesti näituse juht. Tallinn 1936, 22 lk.

1937. a.

Esiajalooline aeg. — Rmt-s: *Eesti majandusajalugu I*. Tartu 1937, lk. 7—32 + 4 tahvlit 6 joonisega.

1938. a.

Das II Hügelgrab von Gailīši, Gemeinde Īle, Kreis Jelgava. [Lätikeelse resümeega.] — *Senatne un Māksla 1938, II*, Rīgā 1938, lk. 64—73.

Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil: Analyse. — *ÕES Toim. XXIX*, Tartu 1938, 749 lk. + 16 tahvlit + 1 tabel.

Muinasaeg. — Rmt-s: *Läänemaa. Maateaduslik, majanduslik ja ajalooline kirjeldus. Eesti VIII*. Tartu 1938, lk. 248—258.

Muinasteadus. Res.: Archaeology. — Rmt-s: *Õpetatud Eesti Selts 1838—1938. Lühike tegevus-ülevaade*. Tartu 1938, lk. 38—41, 63.

Muuseum. Res.: The Museum of the Learned Estonian Society. — *Sealsamas*, lk. 52—54, 65—66.

Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit aus Estland. — *ÕES Ar. 1937:I*, Tartu 1938, lk. 365—380.

Saaremaan rautakausi ja suuruuden aika. — *Suomalainen Suomi 1938, nr. 8*, lk. 398—406.

Tutuli de l'âge du fer romain dans la région de la Baltique orientale. — *ÕES Toim. XXX (Liber saecularis)*, Tartu 1938, lk. 447—454 + 4 tahvlit.

1939. a.

Eine memelländische Halsringform in Estland. — *Prussia. Zeitschrift für Heimatkunde, Bd. 33, Heft 1—2*, Königsberg (Pr.) 1939, lk. 231—235.

Muistse Eesti linnused. Res.: Les forteresses préhistoriques d'Estonie. — Rmt-s: *Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused*. Toim. H. Moora. Tartu 1939, lk. 9—16, 219—220.

Peedu Kerikmägi. Res.: La forteresse de Kerikmägi à Peedu. — *Sealsamas*, lk. 101—120 + 1 tahvel, lk. 231—233.

(Koos O. Saadrega) Lõhavere linnamägi. Res.: La forteresse de Linnamägi à Lõhavere. — *Sealsamas*, lk. 139—182 + 6 tahvlit, lk. 236—241.

Rets.: J. Konks — *Eesti Kirjandus 1939, nr. 7*, lk. 238.

1940. a.

Eesti ajaloo uurimine uutel tähistel. — *Rahva Hääl 18. XI 1940*, nr. 138.

[Toim.] Eesti filoloogia ja ajaloo aastaülevaade. Jahresbericht der estnischen Philologie und Geschichte, V—VI (1922—1923), Tartu 1934; VII—VIII (1924—1925), Tartu 1940 [ilmunud ainult äratõmbed]; XII (1929), Tartu 1933; XIII (1930), Tartu 1935; XIV (1931), Tartu 1938. Toim. H. Moora.

Viron muinaislinnoista. Res.: Über die vorgeschichtlichen Burgen Estlands. — *SM XLVI, 1939*, Helsinki 1940, lk. 1—16.

1941. a.

Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. — *КСИИМК X*, 1941, lk. 89—94.

1942. a.

Läänemaa muinasaeg. Res.: Die Vorgeschichte des Kreises Wiek (Läänemaa). — *AK Toim. VII*, Tartu 1942, 38 lk. + 1 kaart.

1945. a.

Madal- ja Kõrg-Eesti probleem ajalooliselt. — *Teaduslik sessioon 14.—16. VII 1945. aastal. Ettekannete kokkuvõtted. ENSV Tartu Riiklik Ülikool*, Tartu 1945, lk. 8—9.

Проблема низменной и возвышенной Эстонии в историческом развитии. — *Научная конференция 14—16 июля 1945 года. Сводки докладов. Тартуский Государственный Университет ЭССР*, Тарту 1945, lk. 41—42.

1946. a.

Vene kultuurikeskuse osast eesti kultuuri arengus. — *Rahva Hääl 3. III 1946, nr. 53.*

Fr. Engels: «Perekonna, eraomanduse ja riigi tekkimine». — *Rahva Hääl 24. XII 1946, nr. 301.*

[Toim.] F. Engels, Perekonna, eraomanduse ja riigi tekkimine. Tallinn 1946. Tõlke läbi töötanud ja terminoloogiliselt redigeerinud H. Moora.

1947. a.

Eesti etnograafia nõukogulikul ülesehitamisel. Res.: Эстонская этнография становится советской. Res.: Soviet reconstruction in the sphere of Estonian ethnography. — *ERM Ar., uus sari I (XV)*, Tartu 1947, lk. 24—35, 199—201, 216—218.

1948. a.

Arheoloogiliste kaevamistööde tulemusi. — *Nõukogude Õpetaja 19. XI 1948, nr. 47.*

Eesti-Vene suhteist IX—XIII sajandil. Res.: К вопросу об эстонско-русских отношениях в

IX—XIII вв. — Rmt-s: *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Teaduslik sessioon 23.—29. aprillini 1947. E. Ühiskonnateaduste osakonna istungid.* Tartu 1948, lk. 20—48.

1949. a.

Leiud kaugest minevikust. — *Pilt ja Sõna 1949, nr. 1.*

Изучение прошлого Прибалтики. — *Советская Эстония 12. V 1949, № 110.*

Eesti kodanlik ajalookäsitus valitseva ekspluataatorliku kildkonna teenistuses. — *Rahva Hääl 28. X 1949, nr. 255; Edasi 28. X 1949, nr. 255.*

Eesti-vene suhetest 9.—13. sajandini. — *Nõukogude Õpetaja 18. XI 1949, nr. 46* ja *25. XI 1949, nr. 47.*

1950. a.

Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики по данным археологии. — *КСИЭ XII*, 1950, lk. 29—37.

1951. a.

Городища первого и начала второго тысячелетия на территории Эстонии. — *Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 год*, Москва 1951, lk. 11—16.

1952. a.

Arheoloogilised väliuurimised Eesti NSV alal 1950. ja 1951. aastal. Res.: Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1950 и 1951 гг. — *TA Toim. 1952, nr. 1*, lk. 117—130.

Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952, 172 lk. + 4 kaarti.

Rets.: A. Stubavs — *Padomju Latvijas skola 1953, nr. 4*, lk. 96—98.

Ürgkogukondlik kord Eesti NSV territooriumil. Varafeodaalsete suhete kujunemine. Kagu-Eesti ala Kiievi riigi koosseisus (X—XII saj.). — Rmt-s: *Eesti NSV ajalugu (kõige vanemast ajast tänapäevani)*. Tallinn 1952, lk. 5—29 + 1 kaart.

Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР. Зарождение раннефеодальных отношений. Юго-восточная Эстония в составе Киевского государства (X—XII вв.). — Rmt-s: *История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)*. Таллин 1952, lk. 5—33 + 1 kaart.

Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. — *КСИИМК XLII*, 1952, lk. 24—39.

(Koos E. Šnorega) Родовое общество и его разложение. — Rmt-s: *История Латвийской ССР. Том I. С древнейших времен до 1860 г.* Рига 1952, lk. 6—43.

Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. — *КСИИМК XLVIII*, 1952, lk. 3—24.

1953. a.

Arheoloogilised väliuurimised Eesti NSV-s 1952. a. Res.: Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1952 году. — *TA Toim. 1953, nr. 1*, lk. 60—69.

Tallinna tekkimisest ja vanusest. О возникновении города Таллина. — *TA Toim. 1953, nr. 2*, lk. 167—180 + 1 tahvel.

(Koos E. Šnorega) Pirmatnējā kopienas iekārta Latvijas PSR teritorijā. — Rmt-s: *Latvijas PSR vēsture. I sējums. No vissenākajiem laikiem līdz 1860. gadam.* Rīgā 1953, lk. 5—34.

Возникновение классового общества в Прибалтике (по археологическим данным). — *CA XVII*, 1953, lk. 105—132.

Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. — *Тезисы докладов на сессии Отделении истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1952 г.*, Москва 1953, lk. 56—62.

1954. a.

Ürgkogukondliku korra periodiseerimisest Eesti NSV territooriumil. — Rmt-s: *Eesti NSV ajaloo periodiseerimisest.* Tallinn 1954, lk. 5—20.

Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. — *КСИИМК 53*, 1954, lk. 3—22.

Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. — *КСИИМК 55*, 1954, lk. 52—63.

Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. — *CA XXI*, 1954, lk. 95—118.

[Rets.] Фосс М. Е., Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА № 29, М. 1952. — *CA XX*, 1954, lk. 385—390.

1955. a.

Baltimaade arheoloogia, etnograafia ja antropoloogia alane ühendatud konverents Vilniuses. — *TA Toim. 1955, nr. 2*, lk. 326—327.

Esimene osa. Ürgkogukondlik kord Eesti NSV territooriumil. I. Sugukondlik kord. II. Ürgkogukondliku korra lagunemine ja klassiühiskonna algete tärkamine. Teine osa. Varane feodalism. Historiograafia. III. Varafeodaalsete suhete kujunemine. Eesti poliitiline ühendus Muistse Vene riigiga (IX—XII saj.) (§§ 1, 2, 4). (Koos A. Mooraga) Kuues osa. Pärisorjuse lagunemine ja kapitalistlike suhete kujunemine. XIX. Olustik ja kultuur XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel (§ 4). — Rmt-s: *Eesti NSV ajalugu kolmes köites. I köide. Kõige vanemast ajast XIX sajandi 50-ndate aastateni.* Tallinn 1955, lk. 11—94, 101—109, 691—701.

Rets.: P. Ariste — *Edasi 13. I 1956, nr. 9.*

Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s. Res.: О результатах исследования городищ в Эстонской ССР. — Rmt-s: *Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik I.* Toim. H. Moora ja L. Jaanits. Tallinn 1955, lk. 46—94 + 7 tahvlit.

Археологические материалы об истории Эстонии. — *Советская Эстония 9. IX 1955, № 214.*

Некоторые вопросы изучения славяно-прибалтийских культурных взаимоотношений. — *Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (Пленарные заседания)*, Москва 1955, lk. 35—39.

1956. a.

Arheoloogilised, etnograafilised ja antropoloogilised uurimused. — Rmt-s: *Kümme aastat Eesti NSV Teaduste Akadeemiat (1946—1956).* Tallinn 1956, lk. 145—148.

Археологические, этнографические и антропологические исследования. — Rmt-s: *Десять лет Академии наук Эстонской ССР (1946—1956).* Таллин 1956, lk. 169—173.

Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. — Rmt-s: *Eesti rahva etnilisest ajaloost. Artiklite kogumik.* Toim. H. Moora. Tallinn 1956, lk. 41—119.

Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Res.: Die Entstehung des estnischen Volkes und seiner Nachbarvölker im Lichte der Archäologie. — Rmt-s: *Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей.* Под редакцией Х. А. Моора. Таллин 1956, lk. 49—141, 320—321.

Rets.: I. Hegyi — *Ethnographia 1957, nr. 4*, Budapest, lk. 650—652.
J. Gulya — *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae VIII, fasc. 1*, Budapest 1958, lk. 134—140.
Chr. Kupfer — *Deutsches Jahrbuch für Volkskunde, Bd. IV, 1958*, Berlin, lk. 226—230.
I. Paulson — *Ethnos 1960:3—4*, Stockholm, lk. 256—257.
I. Paulson — *Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 85, H. 2*, Braunschweig 1961, lk. 282—284.
Н. Чебоксаров, *СЭ 1960, № 3*, lk. 180—182.

Некоторые новые результаты в изучении славяно-эстонских культурных отношений. — *Советская Эстония 14. XI 1956, № 266.*

(Koos F. D. Gurevitši ja P. N. Tretjakoviga) Финно-угорские и летто-литовские племена в I тысячелетии до н. э. Финно-угорские и летто-литовские племена на рубеже нашей эры. — Rmt-s: *Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР.* Москва 1956, lk. 373—388, 530—536.

Uusi seisukohti eesti rahva kujunemise küsimuses. — *Rahva Hääl 18. XII 1956, nr. 294.*

1957. a.

Eesti rahvarõivaste arenemise ajaloost. Varasemaid andmeid ketramisest ja kudumisest. — Rmt-s: *Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult.* Vastutav toimetaja H. Moora. Tallinn 1957, lk. 7—28, 203—204.

Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva. — *Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää. SMYA 58*, Helsinki 1957, lk. 225—232.

Ürgkogukondlik kord Eesti NSV territooriumil. Varajane feodalism Eesti maa-alal (X—XII saj.). — Rmt-s: *Eesti NSV ajalugu (kõige vanemast ajast tänapäevani). 2. tr.* Tallinn 1957, lk. 5—32 + 1 kaart.

К истории сложения балтийских племен. — *Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 года*, Москва 1957, lk. 42—45.

1958. a.

Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. — *SMYA 59:3*, Helsinki 1958, 39 lk.

Rets.: A. Gardawski — *Rocznik Olsztyński III, 1960*, Olsztyn 1961, lk. 265—271.
R. Odoj — *Rocznik Białostocki I*, Białystok 1961, lk. 317—320.

Археологические исследования в Прибалтике. — *Вестник АН СССР 1958, № 10*, lk. 53—56.

Rets.: J. Antoniewicz — *Rocznik Olsztyński III, 1960*, Olsztyn 1961, lk. 272—273.

(Koos F. D. Gurevitšiga) Латышские и литовские племена Прибалтики в первой половине I тысячелетия. Племена Прибалтики [во второй половине I тысячелетия]. — Rmt-s: *Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.* Москва 1958, lk. 111—124, 643—657.

О древней территории расселения балтийских племен. — *CA 1958, № 2*, lk. 9—33.

Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР. Раннефеодальное общество на территории Эстонии (X—XII века). — Rmt-s: *История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Второе издание.* Таллин 1958, lk. 5—36 + 1 kaart.

1959. a.

Nõukogude Eesti preemia. — *TA Toim. 1959, nr. 3*, lk. 359—360.

1960. a.

(Koos A. Mooraga) Baltimaade ajaloolis-kultuuriliste allvaldkondade ja vähemate alljaotuste kujunemisest. Res.: Zur Frage der Entstehung der historischen Kulturgebiete des Baltikums. — *EM Ar. XVII*, Tartu 1960, lk. 20—83 + 1 tahvel.

Rets.: S. Vahtre — *Edasi 19. V 1961, nr. 98.*

XI rahvusvaheline ajaloolaste kongress Stokholmis. — *TA Toim. 1960, nr. 4*, lk. 416—418.

Из истории развития эстонской народной одежды. Древнее прядение и ткачество. — Rmt-s: *Эстонская народная одежда XIX и начала XX века.* Ответственный редактор Х. А. Моора. Таллин 1960, lk. 7—30, 192—193.

(Koos A. Mooraga) К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. — *СЭ 1960, № 3*, lk. 21—51 + 1 kaart.

Некоторые результаты археологических работ в Эстонии. — *Referātu tezes zinātniskai sesijai par 1959. g. arheoloģiskām un etnografiskām ekspedicijām. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 года,* Rīga 1960, lk. 40—42.

1961. a.

Die wichtigsten Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum. — Rmt-s: *Bericht über den V. internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte Hamburg 1958.* Berlin 1961, lk. 554—556.

Раздел первый. Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР. I. Родовое общество. II. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение классового общества. Раздел второй. Ранний феодализм. Историография. III. Возникновение раннефеодальных отношений. Политическая связь Эстонии с Русью (IX—XII вв.) (§§ 1, 2, 4). (Koos A. Mooraga). Раздел шестой. Разложение крепостничества и формирование капиталистических отношений. XIX. Быт и культура в конце XVIII и первой половине XIX века (§ 4). — Rmt-s: *История Эстонской ССР в трех томах. Том I (с древнейших времен до середины XIX века).* Таллин 1961, lk. 12—106, 114—124, 837—848.

[Rets.] В. П. Пашуто, Образование Литовского государства. М. 1959, 531 стр. + 2 карты. — *Вопросы истории 1961, № 9*, lk. 150—155.

1962. a.

Eessõna. Предисловие. Vorwort. — Rmt-s: *Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II.* Toim. H. Moora. Tallinn 1962, lk. 5—10.

Клад V века, найденный в Реола близ гор. Тарту. — *Światowit XXIV, 1962 (Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antoniewicza II)*, Warszawa 1962, lk. 343—351.

1963. a.

(Koos H. Ligiga) К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период зарождения феодальных отношений (XI—XIII вв.). — *Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в гор. Вильнюсе (сентябрь 1963 г.)*, Вильнюс 1963, lk. 29—33.

Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. — Rmt-s: *Munera Archaeologica Josepho Kostrzewski.* Poznań 1963, lk. 355—367.

1964. a.

(Koos J. Kahki ja Õ. Elangoga) Historische Übersicht. (Koos A. Mooraga) Volkstümliche Zeitrechnung, Arbeitszyklen, Gedenk- und Fest-

tage des Jahres. — Rmt-s: *Abriss der estnischen Volkskunde.* In Zusammenarbeit mit Fachgenossen herausgegeben von H. Moora und A. Viires. Tallinn 1964, lk. 32—61, 236—249.

(Koos A. Mooraga) Lisandeid vadjalaste ja isurite etnilisele ajaloole. — *EM Ar. XIX*, Tallinn 1964, lk. 188—209.

Zur Frage nach der Entstehung des ostbaltischen historischen Kulturgebietes. — *VII. Internationaler Kongress für Anthropologie und Ethnologie, Moskau, August 1964*, Tallinn 1964, 9 lk.

К вопросу о возникновении прибалтийской историко-культурной области. — *VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.)*, Москва 1964, 8 lk.

(Koos H. Ligiga) К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.). — Rmt-s: *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г.* Вильнюс 1964, lk. 77—89.

(Koos J. Kahki ja Õ. Elangoga) Краткий исторический очерк [Эстонии]. — Rmt-s: *Народы Европейской части СССР, II.* Москва 1964, lk. 212—222.

1965. a.

Jõgeva rajooni varasemast asustusest. — Rmt-s: *Jõgeva rajoonis.* Tallinn 1965, lk. 10—14.

Maanviljelyn varhaishistoriaa virolaisilla ja heidän naapurikansoillaan. — *Kotiseutu 1965, nr. 6*, Helsinki 1965, lk. 135—143.

I. Ürgkogukondlik kord. Vanimad asulad ja ehitised Eesti alal VII aastatuhandest e.m.a. kuni IX sajandini m.a.j. II. Feodalismile ülemineku periood. Linnustevõrgu väljakujunemine. Linnataoliste asulate tekkimine X sajandist kuni XIII sajandi alguseni. Res.: I. Первобытно-общинный строй. Древнейшие поселения и постройки на территории Эстонии (VII тысячелетие до н. э. — IX в. н. э.). II. Зарождение феодализма. Возникновение сильных укреплений и поселений городского типа (X — начало XIII в.). — Rmt-s: *Eesti arhitektuuri ajalugu.* Tallinn 1965, lk. 9—26, 543—544.

(Koos A. Mooraga) Из этнической истории води и ижоры. Res.: Beiträge zur ethnischen Geschichte der Woten und Ižoren (Ingrier). — Rmt-s: *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost.* Toimetanud H. Moora ja L. Jaanits. Tallinn 1965, lk. 63—90.

[Rets.] (Koos A. Annistiga) Teos eesti rahvausundi uurimise alalt (Oskar Loorits, Grundzüge des estnischen Volksglaubens. I, Lund 1949, 591 lk. II, Lund 1951, 490 lk. III, Lund 1957, 691 lk.) — *Keel ja Kirjandus 1965, nr. 8*, lk. 501—508.

1966. a.

Käsitöö arenemisjärg Baltimail 12.—13. sajandil. Res.: Об уровне развития ремесленного производства в Прибалтике в 12—13 веках. Res.: Zum Stand des Handwerks im Ostbaltikum im 12.—13. Jahrhundert. — Rmt-s: *Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade arheoloogiast.* Toimetanud H. Moora ja J. Selirand. Tallinn 1966, lk. 123—128.

[Bibl.] M. Schmiedehelmi teaduslikud tööd. Научные труды М. Х. Шмидехельм. M. Schmiedehelms wissenschaftliche Arbeiten. — *Sealsamas*, lk. 24—26.

1967. a.

Einige Ergebnisse der Burgbergforschung im Ostbaltikum. — *SM 1967*, Helsinki 1967, lk. 64—96.

Muististe piiratud uurimisest — ajalooteaduseks. — *Horisont 1967, nr. 8*, lk. 14—18.

Ühisjooni ja erinevusi Eesti ja Soome esiajaloos. — *Kodumaa 6. XII 1967*, nr. 49.

Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии. — *CA 1967, № 3*, lk. 82—90.

1968. a.

Hieman Eestin ja Suomen esihistoriasta. — *Neuvosto-Eesti, sanomalehti «Kotimaan» julkaisu*, Tallinna 1968, lk. 18—21.

Sakala maakonna kujunemine. — Rmt-s: *Viljandi rajoonis. Kodu-uurijate seminar-kokkutulek 25.—28. juunini 1968. a. Ettekannete kokkuvõtted.* Tallinn 1968, lk. 62—66.

Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern. — Rmt-s: *Congressus secundus internationalis fennougristarum Helsingiae habitus 23.—28. VIII. 1965, pars II. Acta Ethnologica.* Helsinki 1968, lk. 239—257.

1969. a.

Über den ostbaltischen Handel im 12.—13. Jahrhundert. — *Archeologia Polski, t. XIII:2*, Wrocław 1969, lk. 517—525.

(Koos H. Ligiga) Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века (К вопросу о возникновении феодальных отношений). Таллин 1969, 71 lk.

1970. a.

(Koos H. Ligiga) Wirtschaft und Gesellschaftsordnung der Völker des Baltikums zu Anfang des 13. Jahrhunderts. Tallinn 1970, 99 lk.

Lisa:

KAASTÖÖ TEATMETEOSTELE

СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

MITARBEIT AN NACHSCHLAGEWERKEN

Eesti biograafiline leksikon. Akadeemilise Ajaloo Seltsi Toimetised II. Tartu 1929 (vihud I—IV, 1926—1929).

Märksõnad:

Aspelin, J. R.; Ebert, M.; Friedenthal, A.; Glück, E.; Grewingk, C.; Hueck, A.; Jung, J.; Kaupo; Kruse, F.; Lembitu; Loeschcke, G.; Sievers, C. G.

Eesti biograafilise leksikoni täiendusköide. Akadeemilise Ajaloo Seltsi Toimetised X. Tartu—Tallinn 1940.

Märksõnad:

Bolz, M. H.; Ebert, M.; Friedenthal, A.; Indreko, R.; Nerman, B.; Schmiedehelm, M.; Tallgren, A. M.

Eesti entsüklopeedia I—VIII. K./Ü. «Loodus», Tartu 1932—1937. Arheoloogia osakonna toimetaja H. Moora.

Märksõnad:

Eesti, esiajalugu, II; Esiajalugu, II; Euroopa, esiajalugu, II; Gorodiščе, III; Keraamika, arheol., IV; Kiviaeg, IV; Kivikalme, IV; Leedu, esiajalugu, V; Läti, esiajalugu, V; Matmine, V; Mesoliitikum, V; Muinaslinn, V; Muinasteadus, V; Muinasteaduslikud organisatsioonid, V; Muistis, V; Neoliitikum, V; Paleoliitikum, VI; Pronksiaeg, VI; Raua-aeg, VII; Skandinaavia, esiajalugu, VII; Sküüti kultuur, VII; Soome, esiajalugu, VII; Soome-ugri rahvad, esiajalugu, VII;

Большая Советская Энциклопедия. Второе издание.

Märksõnad:

Варбола, т. 6; Кунда, т. 24; Леоле, т. 24; Медвежья голова, т. 26.

Советская историческая энциклопедия. Москва 1961—.

Märksõnad:

Асва, т. 1; Варбола, т. 2; каменные могильники, т. 6; Лыхавере, т. 8.

Glossarium archaeologicum. Union Internationale des Sciences Pré- et Protohistoriques. Bonn—Warszawa 1962 —.

Fasciculum 22: Relvastus II. Mõõk.

Fasciculum 23: Relvastus III. Kirves, vasarkirves, oda.

Jan Filip, Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Manuel Encyclopédique de Préhistoire et Protohistoire Européennes.

1. (a—k) Prag — Prague 1966.

Märksõna:

Estland, lk. 339—340.

2. (l—z) Prag — Prague 1969.

Märksõna:

Lõhavere, lk. 728.

STUDIES OF THE BALTO-SLAVONIC CONTACTS IN THE 6TH—8TH CENTURIES IN NORTHERN POLAND

Jerzy Antoniewicz

So far, insufficient light has been thrown in archaeological literature on the problems of contacts between the Balts and the Slavs in north-eastern and central Europe. Some aspects of these contacts, especially of those concerning the Slavonic-Prussian contacts in the early Middle Ages, have already been discussed by the author of this work.[1] On the basis of archaeological sources, the Lithuanian-Slavonic relations were presented by a Lithuanian authoress[2], and M. Schmiedehelm described Slavonic barrows occuring in south-eastern Estonia[3]. The materials published by the latter prove the existence of the most westwardly situated Slavonic sites to the south-west of Lake Peipsi.[4] This was due to the expansion of the Slavonic Krivichi who dominated the commercial route[5] leading from the shores of the Baltic Sea through Pskov to Novgorod. Not long ago, there also appeared a valuable work by the Latvian researcher V. Urtāns on the connections of the Latvian tribes with the Slavs in the second half of the I Millennium.[6] In Poland, an important monograph on the Szeligi earthwork, situated upon the Vistula highway, Płock district, in northern Masovia, has also been published, giving valuable materials relative to the commercial and other contacts of the Balts with the western Slavs.[7] Several imported objects of Baltic origin were revealed during the excavation work on that earthwork.[8]

Many objects giving evidence of a far-reaching trade (among others from countries situated

---

[1] J. Antoniewicz, *Wiadomości Archeologiczne XXII* (1955), pp. 233—274; *Vznik a počatky Slovanů II* (1958), pp. 211—223; *Archaeologia Polona III* (1960), pp. 172—180; *Acta Baltico-Slavica II* (1965), pp. 7—25; *Liber Iosepho Kostrzewski*, Warszawa 1968, pp. 540—550.

[2] O. Navickaitė-Kuncienė, Senosius Rusios importas X—XIII amzių lietuvoje. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai 2/17* (1967), pp. 115—133.

[3] M. Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*, Tallinn 1965, pp. 17—50.

[4] В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). *CA XVIII* (1953), p. 209; В. В. Седов, Кривичи и словене. Автореферат кандидатской диссертации. Москва 1954.

[5] J. Antoniewicz, The Problem of the "Prussian Street" in Novgorod the Great. *Acta Baltico-Slavica II* (1965), p. 24; Э. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига 1965, pp. 98—114 and map.

[6] V. Urtāns, Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. *AE VIII*, Rīga 1968, pp. 65—82.

[7] W. Szymański, Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Warszawa 1957.

[8] W. Szymański, Niektóre aspekty kontaktów słowiańsko — bałtyjskich w świetle wyników badań w Szeligach, pow. Płock. *Archeologia Polski XIII* (1968), pp. 187—207.

on the Baltic Sea shores) have been brought to light since World War II, during numerous excavations carried out at the 10th—13th centuries sites situated in important centres of Poland and early Russia (Ruthenia). Objects imported from early Russia and Poland[9] were also revealed during excavations carried out on the territories of Prussia, Lithuania and Latvia. Thus these mutual contacts of the countries situated on the Baltic shores with Slavonic ones, which took place at the beginning of the II Millennium, are not new to us; but Balto-Slavonic relations in the I Millennium, especially in its second half, are insufficiently known on the basis of archaeological sources.

One of the most distinct proofs of the influence of the Balts' culture upon the Slavonic territories in the 7th—8th centuries were bell-shaped pendants with a characteristic collar, discovered both in Poland and on eastern Slavonic territories. Their prototypes occurred on tribal territories of the Latgals and the Sehls (*selones*) in eastern Latvia, in the 7th and 8th centuries.[10] They have also been discovered at some distance from these territories, for example in eastern Lithuania at Sudata, Švenčionis district[11], and on the southern Balto-Slavonic ethnical borderland at Pasym, Szczytno district in Masuria[12], as well on the Slavonic — Finnish borderland in Estonia, at Arniko, Põlva district[13]. These analogies are, of course, not very distinct, for their wandering was not long, as it was taking place within the area covered by the Baltic ethnos and the only copy which went beyond the ethnical border of the Baltic tribes was that found in Estonia. It should, however, be noticed that its way to the place where it was found was not long, as it had come from the tribal territory of the Latgals and the Sehls.

The finding of such bell-shaped pendants on Slavonic territories, both western and eastern, is more interesting. Let us consider these finds on the eastern Slavonic territories. They were found in long barrows of the Krivichi, in the Smolensk region[14], and, in one case, at an earthwork in northern Byelorussia[15]. It should, however, be stressed that not all pendants from the area upon the upper Dnieper river, known so far, are of Latvian (Latgal) origin. Most probably in that region, between the upper Dvina (Daugava) and the upper Dnieper, a separate group of those pendants was formed within the circle of the Baltic tribes of the 6th century, under the influences from the areas on the Black Sea shores. Hence the pendants from the Smolensk region are more open bowl-like in shape and have a larger collar, resembling similar pendants from the areas upon the Vorskla and Seym rivers, which occur in hoards dated to the 6th—7th centuries.[16] It is difficult to say what connection there is between those pendants and similar ones which were worn in the Crimea in the 2nd—3rd centuries.[17] They also have large collars like those from the Seym and Vorskla basins. It should, however, be emphasized that the way of suspending the latter differs from that of the specimens from the Crimea and the Smolensk regions, and that is why the specimens from the Seym and Vorskla basins cannot be regarded as analogies. Neither can the various bell-shaped pendants without collars, which occurred among the Ugro-Finnish peoples[18] as well as in the Ukraine and in the Crimea in the 6th—7th centuries[19].

In view of the above survey, it may be assumed that the oldest bell-shaped collared pendants appeared in the Crimea in the 2nd—3rd centuries and came into common use in the upper Dnieper and upper Dvina (Daugava) basins in the 7th—8th centuries. It is impossible, of course, to state whether the Crimean proto-

---

[9] Ф. Д. Гуревич, Прибалтийский импорт в Понеманье в 10—13 вв. *PVF*, pp. 52—58; А. Стубавс, Некоторые археологические находки 11—13 веков из городища Кокнесе. *PVF*, pp. 166—173; Э. Мугуревич, А. Стубавс, Экономические связи населения низовья Даугавы с Русью в период раннего феодализма (X—XII вв.). *Тезисы докладов и сообщений конференции по истории экономических связей Прибалтики с Россией*, Рига 1966, pp. 3—5.

[10] LKS, Pl. 33; F. Balodis, Det äldsta Lettland. Uppsala 1940, p. 140, fig. 8; V. Urtāns, Kalniešu otrais kapulauks. *Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti*, Rīgā 1962, Pl. VIII, fig. 2.

[11] M. Kaczyński, *Wiadomości Archeologiczne XXIX* (1963), p. 145, fig. 18.

[12] R. Odoj, *Rocznik Olsztyński VII* (1968), p. 132.

[13] Schmiedehelm, p. 21, fig. 4:2.

[14] Н. Н. Чернягин, Длинные курганы и сопки. *МИА 6*, Москва 1941, Pl. VII : 12; VIII : 1, 3, 4, 21 (Piščino, Hotyn and Jarcevo).

[15] А. Г. Митрофанов, Новые данные о памятниках VI—VIII вв. средней и северной Белоруссии. *Древности Белоруссии*, Минск 1966, p. 227, fig. 4 : 22.

[16] Б. А. Рыбаков, Древние русы. *CA XVII* (1953), figs, 11, 13.

[17] Н. А. Богданова, И. И. Гущина, Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму. *КСИА 112* (1967), fig. 49 : 3.

[18] Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. *МИА 94*, Москва 1961, figs. 55 : 11 and ff.

[19] Szymański, Niektóre aspekty, pp. 206—207 wrongly supposes that pendants from Suuk-Su in the Crimea, described in *CA 1961, 1*, p. 183, fig. 1 were the prototypes of the bell-shaped pendants from Latvia and the Smolensk region. They have, however, no collars. We know earlier collared pendants from Skalistoye in the Crimea, similar to those from Smolensk region.

types have any genetic connection with the specimens from the upper Dnieper basin. From that basin, from the area of the mixed Balto-Slavonic culture, the bell-shaped pendants reached Latvia. It was not before the 7th century that they were manufactured in eastern Latvia. It is striking that, in Latgalia, these ornaments were still worn in the 10th—13th centuries, their collars becoming smaller and smaller.[20] Other Latvian tribes, living more to the west, did not wear them. Thus it may be concluded that this ornament was connected with the ethnical borderland of the Balts, and its origin and development should be sought in the mixed Balto-Slavonic culture among the Balts upon the upper Dnieper, in the second half of the I Millennium; then it developed among the Slavonic Krivichi of the Smolensk region who had assimilated the Balts. A «secondary» centre of these artefacts arose in the Baltic circle in eastern Latvia.

The wandering of the «secondary» ornament of this type from the other centre of its production, i.e. from the area upon the middle Dvina is very interesting. Besides the above mentioned ornament from Arniko in Estonia, other specimens were found on western Slavonic territories, on the route of the Vistula river at Szeligi near Płock[21]; the westernmost find was discovered in a culture-bearing layer at Gniezno in western Poland. Other pendants of that type must have wandered along the Bug river, for they were found at Zimne in Volhynia.[22] The penetration of these artefacts from the Dvina basin into Poland and Volhynia must be most strongly emphasized, as there are tendencies in literature to neglect this fact.[23] According to these, the mentioned artefacts had been manufactured there under the influence of the Slavonic territories, inspired by their production and owing to the spread of «some style of ornamentation beyond its maternal areas». The argument to support this view was that the pendants from Latgalia have no holes on their collars for hanging further pendants — which is not true.[24] The spread of these pendants along the Slavonic rivers, in the basins of which many imported objects of various periods and from distant countries have been found, suggests that these bell-shaped pendants had come from the Baltic areas to the places of their discovery by waterway from the basin of the middle or lower Dvina.

Further objects found at the Szeligi earthwork should also be interpreted in a different way than it has been done by their discoverer, W. Szymański. The significance of the discovery of a fragment of a horse-bit (a cheek-piece, a cheek-bar), the origin of which is wrongly interpreted by W. Szymański, is most controversial. He is right in saying that the chronology of this object cannot be limited to the period between the 6th and the 7th century, but seems to be wrong assuming that its analogies should be looked for only in the Danube basin and in the Hungarian valley. It should be strongly emphasized that there exist fairly close parallels to it in Lithuania, and partly in Prussia, dated to the 8th—9th centuries. Almost all such objects from the Baltic territories have the same feature: two holes to join the cheek-piece with the strap and the whole bridle gear. The cheek-pieces of Hunnic and Avarian origin from the Hungarian valley do not bear this feature. Thus it seems that the closest parallel to the Szeligi find, especially as regards its shape and ornamentation, are the cheek-pieces of horse-bits found in a barrow at Stare Marcele near Vilnius, in eastern Lithuania.[25] They are ornamented at the same places as those found in Poland. Only their ends are different: those of the Szeligi find are biconical, the Lithuanian ones — button-like. The cheek-pieces from Stare Marcele are dated to the 9th—10th centuries and represent, as the author of this article believes, a more developed form as compared to the Szeligi find which is more primitive in its workmanship. It seems, therefore, that the Szeligi object should be dated to the 8th—9th centuries and it may be that it is not connected chronologically with the culture-bearing layer of the examined earthwork. This specimen found upon the Vistula is a further proof of the 8th—9th centuries contacts between the tribal territories of Prussia and Lithuania on the one hand and the Slavonic areas of Masovia on the other.[26]

---

[20] Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, Нукшинский могильник. *МИАЛ I*, Рига 1957, Pl. III : 9, IV : 3 and ff.; Люцинский могильник. *МАР 14*, С.-Петербург 1893, Pl. VIII : 9—11.

[21] Szymański, Szeligi pod Płockiem, fig. 14.

[22] В. В. Ауліх, Металеві пряжкі і прикрасу з верхнього горізонту городища в с. Зимне. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 4* (1962), p. 103, Pl. II : 10.

[23] Szymański, Niektóre aspekty, p. 208; Szymański, Szeligi pod Płockiem, p. 306.

[24] LKS, Pl. 33.

[25] Wł. Hołubowicz, Pięć lat pracy terenowej Museum Archeologicznego w Wilnie. *Rocznik Archeologiczny I* (1937), p. 84.

[26] The 10th — 12th cent. commercial contacts with northern Russia and Latgalia (by Vistula route) are confirmed by finds of bronze bracelets with acanthus designs, found in Ośnica, Płock district (*Wiadomości*

A pair of bronze pincers was also found at the Szeligi earthwork. Their discoverer has rightly observed that such pincers were in fairly common use throughout Europe in the 6th—8th centuries. He has, however, not emphasized that, so far, they have been almost completely unknown in the Slavonic culture of the Polish territories of the 7th—8th centuries. Their occurrence on the Polish territories in the cultures of the Roman period is also insignificant (besides the areas of Prussia and Sudovia). We mean here, of course, pincers made of bronze, not of iron. In view of the above, the bronze pincers from Szeligi, similar in shape to the Baltic ones, should be regarded as a direct evidence of import, or as a good imitation of the Baltic pincers.

Among other objects found at the Szeligi earthwork, an iron axe with a slender blade should be mentioned. This type of axes was in use on both Baltic and Slavonic territories in the Great Migration Period. W. Szymański supposes in his work that that axe, which is in a bad state of preservation, must have had projections at the top of the shaft-hole. As axes of this type certainly occurred in Lithuania in the 5th—8th centuries[27], it seems that the Szeligi find corresponds rather to the Baltic area than to southern Poland, where finds of that type of axes are usually of a later date. That is why we cannot exclude the Baltic territories as a source of inspiration for manufacturing such axes in the Płock region — independently of possible sources of inspiration in southern Poland. Future excavations and a greater amount of materials from Masovia and from southern Poland may solve this problem.

Four trapezoid pendants found at the Szeligi earthwork, seem to originate from Prussian territories. Their closest parallels were found at Tumiany near Olsztyn, in Masuria. They are pendants attached to suspensions ending with spirals, like those from Szeligi. Unfortunately, the Tumiany pendants are preserved only in fragments. They were found in a grave dated by a bronze brooch — evidence to the 6th—7th centuries[28], in a cemetery of the so-called «Masurian—Germanic» culture assigned to the Galindians. The Szeligi pendants have been discussed on a wide comparative background of materials from the Dnieper basin, Lithuania and from the Hungarian valley, which does not seem right.[29] It seems that they should not be considered as ornaments in themselves but only in connection with the suspensions ending with spirals, not to mention the tubule of a spirally twisted band. As neither the pendants from the Smolensk region nor those from Lithuania were suspended in this way, it seems that this type of pendants does not originate from those areas. In the present state of research, it may be assumed that, most probably, they were of Prussian origin.

In view of the above, at the beginning of the early Middle Ages of Płock region in northern Masovia must have had particularly strong connections with the Baltic tribal territories, particularly with Prussia, eastern Lithuania and Latgalia. In spite of the fact that the remaining archaeological material is of distinctly local, Slavonic origin, several metal finds are either objects imported from the north or north-east, or made locally according to the «fashion» coming from those territories. It is not clear, so far, whether the rather great number of the supposed imports discovered at the Szeligi earthwork is a result of the situation of this earthwork on the Vistula route or whether it also reflects the overpowering influence of the Baltic culture upon Slavonic Masovia, independently from the existence of the Vistula route. It may be only supposed that both these factors had a bearing on the penetration of Baltic imports into that region.

It should also be realized that the distance between the Baltic tribal territory in Prussia and the Szeligi earthwork was about 75 to 100 km in a bee-line. On the basis of his previous research, the author of this article points out that it was not too great a distance for the development of a bilateral exchange of goods in the so-called «passage zone» between the Slavs and the Balts in the first centuries A. D.[30] For example: the «passage zone» between the Baltic and the Iranian (Scythian) peoples in

---

Archeologiczne XXIV, 1957, p. 369), at Asote and Šelupiņki in Latgalia as well as at Borodino in the Smolensk region (*MIIA 92*, 1960, p. 115). Similar bracelets were found at Gdov near Lake Peipsi (*MAP 29*, pl. XXV:16). The acanthus designs are also known from eastern Finnland (*SMYA XXIV : 3*, 1924, p. 167—168).

[27] А. Таутавичюс, К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров. *PVF*, p. 187 and ff.

[28] J. Heydeck, Das Gräberfeld von Daumen. *Prussia XIX* (1895), Pl. VII:4.

[29] Szymański, Niektóre aspekty, pp. 192—205.

[30] J. Antoniewicz, Problem stref pogranicznych Bałtów ze Słowianami i Finami w starożytności (V w. przed n. e. — V w. n. e.). *Komunikaty mazursko-warmińskie, 1966, I*, pp. 481 and ff. This problem, as regards earlier periods, is similarly presented by W. Hensel, in: *Polska przed tysiącem lat*, Warszawa 1964, p. 14 and ff., fig. 2. He has not, however, precisely defined the zones of the mutual contacts.

the Seym basin in the northern Ukraine was about 120 km, that between the Balts and the Finns in the Lovat' river and Sebjez Lakes regions — about 100 km, and in the Gauya basin in Latvia — about 40 to 80 km.[31] Thus, the great number of the 6th—8th centuries Baltic imported objects found upon the Vistula should not be astonishing. In the light of the author's research, they are the result of a peaceful penetration, or of wars, as well as of the exchange of goods between the neighbours. Such neighbourhood creates a so-called «mixed passage zone» in the material culture and in the language. Future linguistic and archaeological researches will state precisely the historical role of northern Masovia as a geographically defined «passage zone». Northern Masovia may have been the zone of the penetration of the Baltic culture, on the one hand, and a platform for the penetration of the Slavonic culture into Prussia and Sudovia, on the other.

[31] Antoniewicz, Problem stref, pp. 492, 498 and 501; Я. Граудонис, Об этнической принадлежности могильников с каменными конструкциями на территории Латвии. *PVF*, pp. 42—50 and map.

BALTI-SLAAVI KOKKUPUUDETEST PÕHJA-POOLAS 6.—8. SAJANDIL

Jerzy Antoniewicz

Lühikokkuvõte

Autor eristab Põhja-Masoovias Płocki lähedal Visla kaubatee ääres asuva Szeligi linnamäe (6.—8. sajand) leidude hulgas rea esemeid (kellukesekujulised pronksripatsid, valjaste kang, kitsas raudkirves, pronksist pintsett, trapetsikujulised ripatsid), mis tema arvates on saadud balti hõimudelt või valmistatud nende eeskujul. Üksikasjalikumalt analüüsib ta kellukesekujuliste ripatsite tekkimist, arengut ja levikut. Põhja-Masoovias suhteliselt arvukate baltipäraste esemete esinemise põhjal arvab autor, et see piirkond oli I aastatuhande teisel poolel läbikäimistsooniks lääneslaavi ja balti hõimude vahel.

О БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ СОПРИКОСНОВЕНИЯХ В СЕВЕРНОЙ ПОЛЬШЕ В 6—8 вв.

Ежи Антоневич

Резюме

Среди находок с Шелигского городища (6—8 вв.), расположенного в Северной Мазовии на Вислинском торговом пути близ Плоцка, автор отмечает ряд предметов (бронзовые колокольчикообразные подвески, стержень удил, узкий железный топор, бронзовая пинцетка, трапециевидные подвески), которые, по его мнению, были получены от балтских племен или изготовлены по их примеру. Более подробно он анализирует происхождение, развитие и распространение колокольчикообразных подвесок. Учитывая сравнительную многочисленность находок балтского типа в Северной Мазовии, автор считает, что эта территория во второй половине I тысячелетия была зоной непосредственных соприкосновений и взаимоотношений между западнославянскими и балтскими племенами.

EIN MEDAILLON MIT DER DARSTELLUNG DER BETENDEN MUTTER GOTTES (MARIA ORANS) AUS KEKOMÄKI IN KARELIEN

Włodzimierz Antoniewicz

Jedes Zusammentreffen mit Prof. H. Moora, jeder so aufschlussreiche Briefwechsel oder Austausch von wissenschaftlichen Arbeiten mit ihm erweckt im Gedächtnis aufs Neue eine Reihe von Erinnerungen an gemeinsam in freundschaftlicher und vertrauensvoller Atmosphäre verbrachte Stunden. Diese ungewöhnliche Persönlichkeit eines Mannes von Edelmut und grosser Kultur habe ich an Professor H. Moora in seinen jungen Jahren kennengelernt, als ich 1930 in Riga auf dem Baltischen Archäologen-Kongress mit ihm persönlich zusammentraf, dann während meines Aufenthaltes in Tartu, sowie auf vielen internationalen Kongressen vorgeschichtlicher und frühgeschichtlicher Wissenschaften, letztens in Prag, schliesslich während der wissenschaftlichen Zusammenkunft in Helsinki. Es strahlten von ihm stets freundschaftliche und gerechte Gefühle für alle Kollegen und Schüler aus, in seinen Aussagen dominierte stets gründliche Arbeitsamkeit und Gelehrtheit, vereint mit einer Lebensweise, Moralität und Denkensart, die auch sein Meister Prof. A. M. Tallgren, Prof. A. Äyräpää und Prof. E. Kivikoski verkörperten. Freundlichkeit, Güte, Hilfsbereitschaft, restlose Hingabe an die wissenschaftliche Arbeit, dazu ein echter Sinn für Humor herrschten bei ihm immer vor. Die Lebensjahre dieses grössten Archäologen Estlands, der 1970 seinen 70. Geburtstag erreicht hätte, können durch ein reichliches und gründliches Lehrgut, eine didaktische und organisatorische Arbeit gemessen werden, die er bis zuletzt durch seinen immer jungen, schöpferischen, hervorragenden Geist schaffte.

* *
*

In der Ortschaft Kekomäki in Karelien wurde in einem weiblichen Skelettgrab ein silbernes Medaillon, die betende Mutter Gottes darstellend, entdeckt (Abb. 1:1).[1] Es ist bemerkenswert, dass diese Darstellung bis zum heutigen Tag in Form einer modernen überstilisierten Nachbildung vorkommt. *Longe et lato* ist sie als Anhängsel unter dem Namen der «betenden Madonna» verbreitet und vom finnischen Kunstgewerbe dazu bestimmt, sowohl die inländischen Bedürfnisse nach Schmuck zu befriedigen als auch ein Exportartikel zu sein (Abb. 1:2).

Es war dies die Folge des hohen künstlerischen Wertes des altertümlichen Medaillons von Kekomäki, das als wertvolles Unikat für Karelien die Aufmerksamkeit nicht nur finnischer Archäologen allein erweckt hatte. Ich erlaube

[1] Ella Kivikoski, Finlands förhistoria. Helsingfors 1961, S. 270—272, 278—281 und Abb. 232.

Abb. 1. 1 — Medaillon «Maria Orans» aus Kekomäki, Karelien; 2 — neuzeitlicher Anhänger aus Finnland; 3 — Silbermedaillon und 4 — Goldmedaillon aus Staraja Rjasan.

TARTU ÜLIKOOL
RAAMATUKOGU

Abb. 2. Mosaik an der Kuppel der St. Sophia-Kirche in Saloniki (842—850).

mir hier, eine kurze Beschreibung des originellen, die betende Mutter Gottes darstellenden Averses des karelischen Anhängsels zu geben.

Auf einem runden Silberblättchen ist mit einem Eisenstichel die Gestalt der heiligen Maria bis zur Taille in Frontstellung eingraviert. Um den Kopf ist eine durch Linien begrenzte Aureole graviert, deren Fläche ein S-Ornament ausfüllt. Dieses S-Motiv stammt wahrscheinlich aus den Darstellungen stilisierter und verstreuter Blumen. Die Stirn und das Gesicht werden vom Saum des bis zur Taille herabfallenden Mantels umrahmt. Die Schösse des Mantels sind schraffiert und von einem Band mit vereinfachtem S-Muster eingefasst. Ähnliche Motive schmücken beide Ärmel, unter denen beide von der Seite nach oben gerichteten Hände in Gebetstellung hervorstehen. Unter den oberhalb der Taille geöffneten Mantelschössen kommt das Kleid zum Vorschein, das von dem entblössten Hals bis zur Taille herabfällt und gesäumt, umgürtet und vom S-Ornament geschmückt ist. Die ziemlich tief gravierten Linien sind mit schwarzer Farbe ausgefüllt

Abb. 3. Ein Werk der Nowgoroder Schule (11. Jh.?) (Museo Christiano im Watikan).

(Niello-Technik). Das Medaillon ist in einen ziemlich breiten, runden Rahmen aus geschmiedetem Silberblech gefasst. Der Innenrand der Einfassung ist ringsherum mit Perlenmuster geschmückt. Der Aussenrand hat die Form eines verstärkten Wulstes. Der Rahmen ist auf der Achse der Mutter-Gottes-Figur mit einem länglichen zweiteiligen, mit drei Wülsten verzierten Röhrchen versehen, wobei jeden Teil ausserdem ein geschnitzter Knopf schmückt. Ich beschreibe nicht die Rückseite, denn es interessiert uns hier vor allem das Motiv der betenden Mutter Gottes.

Wie in der Archäologie üblich, beschäftigt uns die Frage, wann und woher dieses künstlerische Kleinod in den östlichen Norden gekommen ist? In Zusammenhang damit muss betont werden, dass der Juvelierkünstler trotz der originellen Herstellung einer guten Komposition der betenden Maria, ihr eine allzu stilisierte Darstellung gab, was vermuten lässt, dass dies eine eigenartige Kopie eines mehr realistisch gehaltenen Urbildes ist. Ich kenne aus Karelien bis jetzt keine Analogie zu dem in Kekomäki entdeckten Medaillon. Es ist also wahrschein-

Abb. 4. Miniatur von Etschmiadzin (Ende der Antike — Anfang des Mittelalters).

Abb. 5. Bleisiegel aus Nowgorod.

Abb. 6. Bleisiegel des Smolensker Bischofs Manuil (1137—1168).

lich aus den südlich von Karelien liegenden Ländern eingeführt worden.

Bemühen wir uns jetzt, alle Abstammungsmöglichkeiten dieses Kunstwerkes zu untersuchen. Die betende Mutter Gottes tritt in der Ikonographie des frühen Christentums in zwei Gestalten auf. Die eine stellt, wie auf dem Medaillon von Kekomäki, die Madonna immer stehend, frontal gerichtet, reich geschmückt dar, mit beiden in den Ellenbogen nach oben ausgestreckten Händen. die Handflächen nach oben und aussen gerichtet. Das ist Theotokos Mutter Gottes, welche in der byzantinischen Liturgie die Kirche symbolisiert.[2] Sie ist als Orantin die einzige Vermittlerin zwischen den sündhaften Glaubensbekennern und dem Gottessohn Jesus Christus, dem barmherzigen und für seiner Mutter Gebete empfindsamen (Abb. 2). Eine Abänderung in der Ikonographie stellt die betende Mutter Gottes mit dem Jesuskind auf dem Schoss oder an der Brust dar (Abb. 3, 4). Es ist der Blachernittiss-Typus, so genannt nach dem Heiligtum Blachern in Konstantinopel, wo sich das Kleid der Mutter Gottes befindet, eine Reliquie, die angeblich aus Jerusalem zur Zeit Leon I (457—474) dahin gebracht worden ist. Diese Gestalt kommt verhältnismässig oft in der Wandmalerei, in Mosaiken und Kirchennischen byzantinischer, russischer und rumänischer Kirchen aus der Periode des frühen und entwickelten Mittelalters vor.

In der vorliegenden Arbeit wollen wir uns mit Kunstwerken beschäftigen, die beide Medaillontypen vertreten. In liturgischer Hinsicht sind sie gleichbedeutend, die Darstellung beider Maria-Gestalten entwickelte sich im allgemeinen synchronisch. Was die göttliche Verehrung betrifft, war die Darstellung jedoch sehr bedeutend. Die Medaillons mit der betenden Mutter Gottes hatten höchst wahrscheinlich auch eine apostropäische Wirkung. Wenn wir uns von Karelien und vom Ladogasee nach Süden wenden, bemerken wir in Nowgorod am Ilmensee interessante Erscheinungen aus dem 12. Jh. Unter ihnen erweckt ein von einem Nowgoroder Toreuten in Blei gegossenes Siegel byzantinischen Typus sicherlich unser Interesse (Abb. 5). Auf der Vorderseite hat es die Darstellung der Blachernittiss-Mutter-Gottes mit dem Jesuskind auf dem Schoss. Denselben Typus weisen die Siegel des Kiewer Erzbischofs Nikifor (1104—1121), des Bischofs Manuil aus Smolensk (1137—1168) (Abb. 6), des Bischofs Nifont aus Nowgorod (1130—1156), sowie des Bischofs Kozma von Galitsch (1157—1165) auf.[3] Ein

[2] Joseph Nasrallah, Marie dans la Sainte et Divine Liturgie Byzantine. Nouvelles Editions Latines. Paris 1966.

[3] В. Л. Янин, Из истории русской художественной и политической жизни XII в. *CA 1957*, № 1, Abb. 2—5.

interessantes ähnliches Siegel enthielt der 1954 in Garwiena in Rumänien entdeckte Schatz.[4] Siegel der gleichen Art wurden den Staats- und Kirchenurkunden in Alt-Russland angehängt.

Einen anderen Charakter tragen drei goldene Medaillons eines 1822 in Alt-Rjasan entdeckten Schatzes.[5] Sie gehören zu einer Halskette, aus fünf Medaillons und sechs in Gold gearbeiteten Glasperlen zusammengesetzt. Es interessieren uns hier drei Medaillons mit kostbarer Einfassung, Cabochon-Steinen und feiner Gold- und Silberdrahtverzierung. Das eine Medaillon stellt die Mutter Gottes in Büstenformat dar, beide Hände im Gebet erhoben (Abb. 1:4), das zweite die hl. Irene und das dritte die hl. Barbara, beide ebenfalls als Orantinnen.[6] Der Schatz ist am Anfang des 12. Jhs. vergraben worden. Auch unter den Kunstwerken eines anderen Schatzes aus Alt-Rjasan, 1937 und 1950 im Ofen eines infolge des Tatarenansturmes zerstörten Hauses entdeckt, fand man ein silbernes Medaillon der Mutter Gottes vom Blachernittiss-Typus in einer fünfteiligen Umrahmung, von innen und von aussen mit einem Perlenmuster verziert.[7] Es ist graviert und in Niello-Technik schwarz ausgefüllt (Abb. 1:3). Alle Elemente des Schatzes deuten auf den Anfang des 13. Jhs. hin. Ferner ist 1939 ein silbernes in Niello-Technik gefertigtes Medaillon vom Blachernittiss-Typus in Kiew in der Strelezka-Strasse entdeckt worden.[8] Die Mutter Gottes mit dem Heiligenschein und einem Schleier auf dem Haupte ist in einen mit S-Motiven und stilisierten Blumen geschmückten Mantel gehüllt, unter dem ein glattes Kleid sichtbar ist. Die Fassung mit Perlenrand von innen und aussen ist mittels quergehender groben Linien in sechs Flächen eingeteilt. Auf der Achse der runden Figur hat dieses Kunstwerk ein längliches von einem Perlenmuster umschlossenes Röhrchen zum Durchfädeln einer Schnur oder einer Kette zum Aufhängen. Dieses Medaillon kann auf das 13. Jh. hindeuten. Als Randbemerkung kann noch hinzugefügt werden, dass die Darstellungstypen der betenden Mutter Gottes und der von Blachernittiss in Alt-Russland auch in Steinplastik auf Medaillons mit Schlangendarstellungen, den für das 12.—13. Jh. charakteristischen sog. «smejewiki», sowie auf metallenen, kleinen Medaillons aus derselben Periode, z. B. in Nowgorod und Schumsk zu finden sind.[9]

Aus dieser notwendigkeitshalber recht gedrängten Übersicht ergibt sich, dass die Medaillons mit der betenden Mutter Gottes und der von Blachernittiss wertvolle Arbeiten des 12.—13. Jhs. sind. Es ist nicht zu zweifeln, dass die in Metall gravierten Gestalten ihr Vorbild in Darstellungen ähnlicher Madonnagestalten auf Vitragen, Fresken, Holz- und Steinreliefs haben. Es handelt sich hier in erster Linie um Kunstwerke, charakteristisch für Kiew und Alt-Russland, die starke Kultureinflüsse seitens der byzantinischen Plastik verraten. Von dort strömten sie bis Nowgorod und Alt-Rjasan. Es muss hier hauptsächlich an den alten Handelsweg «von den Warägern nach Griechenland» gedacht werden, der von Kiew nach Norden dnepraufwärts das Radimitscher Gebiet bis Smolensk durchschnitt und von dort über Witebsk und die Dwina durch das Kriwitscher Gebiet, ferner dem Lowat-Flusse entlang an den Ilmensee und bis Nowgorod gelangte. Weiter erreichte dieser Weg den Ladogasee, von wo aus er in einer Richtung nach Karelien, in der anderen nach Schweden führte. Es ist auch erwähnenswert, dass manche Kiewer Fürsten (z. B. Swjatoslaw in 966 und 967) in Staatsangelegenheiten über Tschernigow im Sewerjaner Gebiet bis nach Rjasan zogen, und auch noch weiter über Murom bis nach «der Grossen Stadt» der Wolgabulgaren, wo Handelsbeziehungen angeknüpft wurden.[10] Es ist kaum zu zweifeln, dass in den eigenen Goldschmiedezentren wie Nowgorod und Alt-Rjasan im 12.—13. Jh. eine Gold- und Silbermanufaktur existierte, wo auch Medaillons hergestellt werden konnten. Zugleich ist aber auch der starke künstlerische Einfluss des damals so hervorragenden Kulturzentrums Kiew unverkennbar. Es kann also angenommen werden, dass das in Kekomäki in Karelien gefundene Medaillon der betenden Mutter Gottes aus Nordrussland kam und indirekt mit Kiew, dem Zentrum der Kunstgewerbeindustrie und Grossplastik des 12.—13. Jhs. in Verbindung stand.

---

[4] Г. Штефан, Археологические исследования на территории Румынской Народной Республики в 1954 году. *CA XXIX—XXX*, Москва 1959, S. 293—294, Abb. 2—5.

[5] А. Л. Монгайт, Старая Рязань. *МИА 49*, Москва 1955, S. 140—142, 150, Abb. 108—113a, 118; А. Л. Монгайт, Рязанская земля. Москва 1961, Abb. 110, 136.

[6] Монгайт, Старая Рязань, Abb. 110.

[7] Ebenda, Abb. 17.

[8] Г. Ф. Корзухина, Русские клады IX—XIII вв. Москва—Ленинград 1954, Taf. XXXIX : 2.

[9] М. В. Седова, Новгородские амулеты-змеевики. *Культура древней Руси*. Москва 1966, S. 243—245, Abb. 1 : 8; П. А. Раппопорт, Археологические и архитектурные заметки. *КСИА 96*, Москва 1963, S. 33, Abb. 5.

[10] Очерки истории Карелии. Петрозаводск 1957, S. 40—59; Атлас истории СССР, часть I. Москва 1949, S. 8, 9.

MEDALJON PALVETAVA JUMALAEMA (MARIA ORANS) KUJUTUSEGA KARJALAST

Włodzimierz Antoniewicz

Lühikokkuvõte

Karjalast, Kekomäe kalmistu ühest naisehauast on leitud palvetava jumalaema kujutusega hõbemedaljon (joon. 1:1). Varase ristiusu ikonograafias esineb palvetav jumalaema kahel kujul: kas ülestõstetud kätega (joon. 2) või laps süles (joon. 3, 4). Lapsega jumalaema kujutusi esineb 12. sajandist pärinevail tinapitsateil Novgorodist (joon. 5), Smolenskist (joon. 6), Kiievist ja Galitšist ning Rumeeniast. Ülestõstetud kätega jumalaema kujutusi on leitud Vana-Vene aladelt paljudest kohtadest; neid esineb ka 12. sajandi algul peidetud Vana-Rjazani aarde kuldmedaljonidel (joon. 1:4) ning sealtsamast leitud 13. sajandi alguse aarde hõbemedaljonil (joon. 1:3). Samasugune hõbemedaljon on leitud ka Kiievist. Neile metalligraveeringuile olid eeskujuks Vana-Vene sakraalkunstile iseloomulikud madonnakujutused freskodel, klaasi- ja puumaalidel ning kivireljeefidel. Tõenäoliselt on Kekomäe medaljon valmistatud mõnes Vana-Vene põhjaosa kullassepatöökeskuses ning vahetult seotud Kiievi 12.—13. sajandi kunstistiiliga.

МЕДАЛЬОН С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МОЛЯЩЕЙСЯ БОГОМАТЕРИ (MARIA ORANS) ИЗ КАРЕЛИИ

Влодзимеж Антоневич

Резюме

В Карелии в одном женском погребении могильника Кекомяки найден серебряный медальон с изображением молящейся богоматери (рис. 1 : 1). В иконографии раннего христианства молящаяся богоматерь изображается в двух видах: с поднятыми руками (рис. 2) или же с ребенком на руках (рис. 3, 4). Изображения богоматери с ребенком на руках встречаются на оловянных печатях из Новгорода (рис. 5), Смоленска (рис. 6), Киева и Галича, а также из Румынии. Изображения богоматери с поднятыми руками были найдены во многих местах Древней Руси; такое изображение имеется и на золотых медальонах (рис. 1 : 4), входящих в клад из Старой Рязани, зарытый в начале 12 в., и на серебряном медальоне (рис. 1 : 3) из найденного там же клада начала 13 в. Такой же серебряный медальон найден и в Киеве. Образцами для этих гравировок по металлу послужили характерные для древнерусского сакрального искусства изображения мадонны на фресках, в живописи по стеклу и дереву, а также на каменных рельефах. Можно предполагать, что медальон из Кекомяки был изготовлен в одном из ювелирных центров, находящихся в северной части древней Руси, и непосредственно связан с художественным стилем, господствовавшим в 12—13 вв. в Киеве.

LÄÄTSA KIVIKALME TARTU RAJOONIS

M. Aun

Meie ajaarvamise I aastatuhande teisest poolest tunneme Eesti alalt peamiselt linnuste materjali. Tolleaegsete kalmistute kohta on meil seni andmeid veel üsna napilt. Nagu eelneva perioodi kivikalmete uurimine on näidanud, lõppes tarandkalmete kasutamine Kirde-Eestis 4.—5. sajandil ning Kagu-Eestis 5.—6. sajandi paiku.[1] Üksikjuhtudel on tarandkalmetesse maetud veel mõne sajandi võrra hiljemgi, näiteks Kurna I (Harju raj.), Ojaveski (Rakvere raj.) jt. kalmetesse. Alates I aastatuhande keskpaigast on teada üksikuid väga rikkalike panustega maa-aluseid põletusmatuseid, näiteks 6. sajandisse kuuluv Kirimäe leid.[2] Samal ajal jätkus ka matmine kivikalmetesse. Tarandkalmete areng, mida eriti hästi on õnnestunud jälgida Virunuka kalmete juures[3], viis lõpptulemusena kindla sisekonstruktsioonita kivikalmete tekkimisele[4].

1931. aastal kaevas M. Schmiedehelm läbi ühe sellise kivikalme, mis asus Võrtsjärvest 1,7 km ida pool Verevi külas Läätsa talu põllul (praegu Tartu raj.).[5] Koht oli põlluks küntud võrdlemisi hilja, sest veel 17. sajandi lõpul seal põldu ei olnud.[6] Kalmest paar meetrit lõuna pool on olnud teine niisama suur kivikuhelik, mida kohalikud elanikud on pidanud kalmeks. 1920-ndate aastate algul oli see hävitatud, leide sealt aga pole saadud.[7]

Läätsa kalmest umbes 1,5 km kirde pool asub Verevi külas endise Sandimardi talu maal veel teinegi kivikalme, mis on rajatud tarandkalmena, kuid mida on matmiseks kasutatud ka II aastatuhande algul.[8] Kohapealt saadud teadete järgi oli käesoleva sajandi algul Läätsa kalme lähemas ümbruses olnud veel kaks kivikalmet (joon. 1), mis aga 1923. aastaks olid juba lõhutud.[9]

Läätsa kalme oli kujult peaaegu ümmargune, läbimõõduga 13—14 m ja ulatus ümbritsevast põllupinnast vaid 15—35 cm kõrgemale (joon. 2). Säilinud oli ta suhteliselt hästi, kuigi kalme põhja-, lõuna- ja kaguosas esines sissekaevatud lohke, kust oli ära veetud ka osa kive.

---

[1] Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 206; S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. *TA Toim. 1965, nr. 3*, lk. 350.

[2] M. Schmiedehelm, Der Fund von Kirimäe in Estland. *SMYA XXXV*, Helsinki 1924, lk. 3—36.

[3] Laul, lk. 324.

[4] Moora, EZL II, lk. 20.

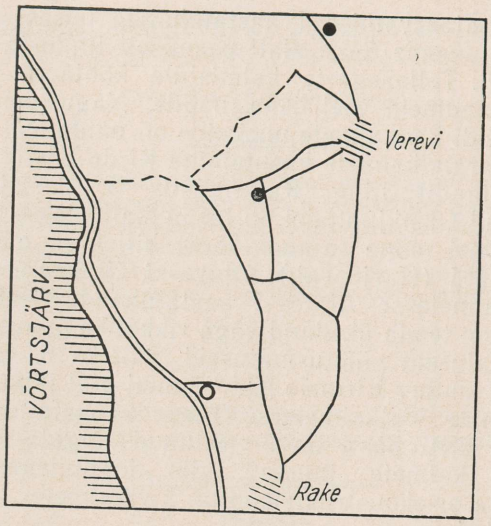
[5] Kaevamisaruanne AI-s.

[6] J. Selirand, Eesti mandri kalmed 11.—13. sajandil. Tallinn 1965, lk. 90 (käsikiri AI-s).

[7] O. Laid, Rannu kihelkonna kirjeldus 1923. a., lk. 5 (käsikiri AI-s).

[8] H. Moora kaevamisaruanne 1932. a. AI-s; vt. ka Selirand, lk. 87—89.

[9] Laid, lk. 6.

Joon. 1. Kivikalmed Verevi küla ümbruses. Läbikaevatud kalmed märgitud punktiga, lõhutud kalme — ringiga.

Kalme oli ehitatud ühes kihis laotud võrdlemisi suurtest kividest, keskmise läbimõõduga umbes 60—70 cm, mõnedel isegi kuni 1,15 m. Kalme kesk- ja lõunaosas esines suurte kivide vahel rohkesti väikesi, umbes rusikasuurusi munakaid, mis asetsesid enamasti kahes kihis. Eriti rohkesti oli neid kalme lõunaosas, kus nad moodustasid tiheda lasu, olles suurte kividega võrreldes ülekaalus.

Kivid olid kalmesse laotud ilma kindla korrata. Kalme keskosas võis küll jälgida üht peaaegu põhja—lõuna suunas mahapandud suurte kivide rida, kuid tarandimüüri see siiski ei moodustanud. Ilmsele seosele tarandkalmetega see kivirida ikkagi viitab.

Kultuurkihi paksus kalmes oli keskmiselt 50—60 cm, ruudu 4/d keskosas aga isegi kuni 85 cm. Kalme äärte suunas kultuurkiht õhenes, olles vaid 25—40 cm paksune.

Maetud oli kalmesse peamiselt põletatult, põletamata luid oli märkimisväärselt ainult kalme loodeosas. Nagu põletusmatustega kivikalmete puhul tavaline, ei saa ka Läätsa kalmes määrata matuste ligikaudsetki arvu. Põletatud luid esines peaaegu kogu kalme alal, neist on aga plaanile märgitud vaid kaks suuremat luupesa — üks kalme kesk-, teine lääneosas (joon. 2). Üldiselt paistab silma, et luud ei paiknenud peamiselt kalme keskosas, nagu harilikult tarandkalmetes, vaid olid laiali kogu kalme ulatuses. Luid esines vähe ja väikeste tükikestena, mis oli nähtavasti tingitud surnute tugevamast põletamisest.

Kalme lääneosas, ruudus 3/c leiti umbes 50 cm sügavusel aluspinnal ligi 1 cm paksune põlenud kiht, mis koosnes päris mustaks ja peeneks põlenud luupurust ning söesegusest mullast. Suurem söelaik esines kalme loodeosas, väiksemaid aga ka kirde- ning edelaosas.

Leide saadi Läätsa kalmest suhteliselt vähe — kokku vaid 98 numbrit, kusjuures valdava enamiku neist moodustasid savinõukillud.[10] Leiud, nagu luudki, paiknesid laiali kogu kalme ulatuses. Veidi tihedamalt esines neid ainult kalme kesk- ja lõunaosas, s. o. põhiliselt aladel, kus oli ka rohkesti väikesi kive.

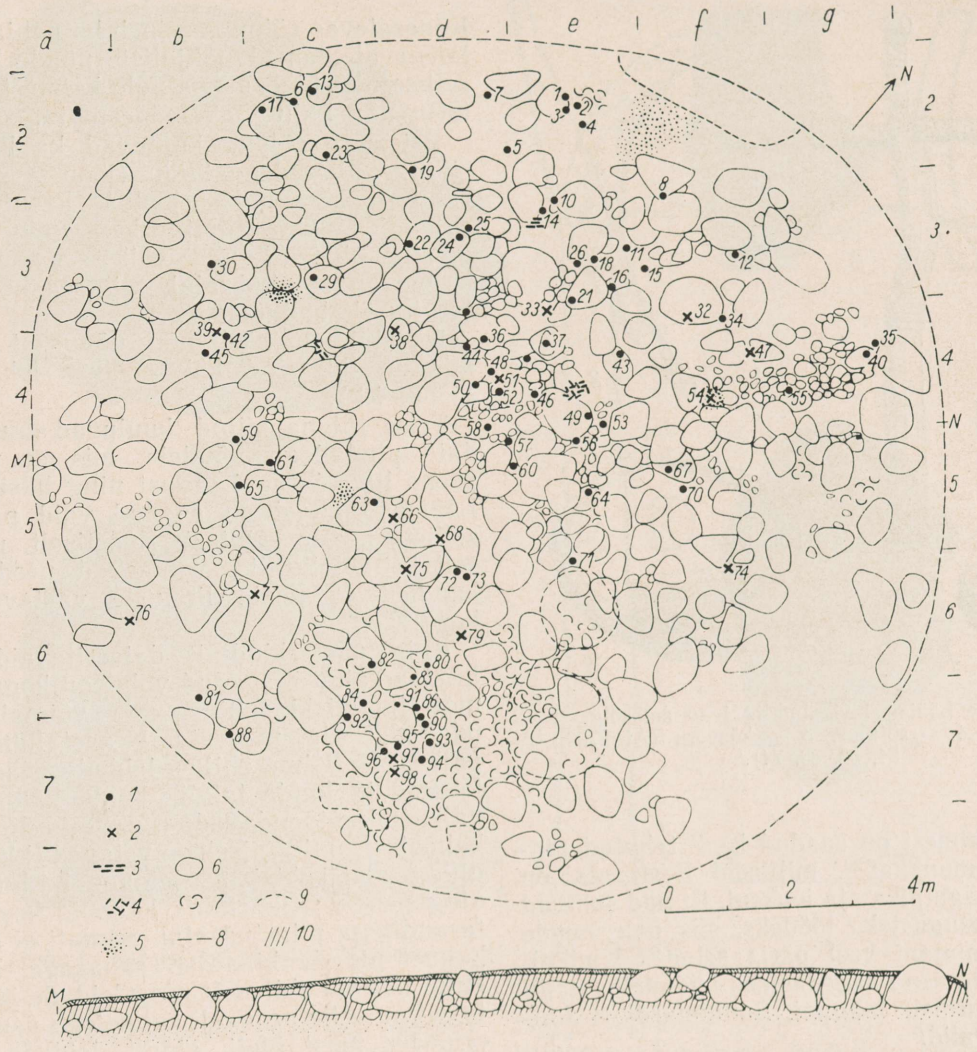
Leitud metallesemete hulgas on esikohal ehted, töö- ja tarberiistu esineb vaid üksikuid. Täiesti puuduvad relvad. Sellise koosseisuga inventar on iseloomulik ka tarandkalmetele.

Täpsemat dateerimist võimaldavatest ehetest on Läätsa kivikalmest leitud üks 5. sajandisse kuuluv[11] tagasipainutatud jalaga ja spiraalselt mässitud peaokkaga ambsõlg (joon. 3:1). 5.—6. sajandist pärineb ilmselt ka ambsõle valatud pinge[12], millele vasteid leiame nende sajandite aardeleidudes esinevate sõlgede juures[13]. Ligikaudu 6. sajandisse peaks kuuluma kalmest leitud jämenevate otstega käevõru (joon. 3:5). Käevõrud, mille otsad on tunduvalt jämedamad kui kaar, tulid meie aladel kasutusele alates 5. sajandi lõpust.[14] Neid esines aga ka veel 6. sajandil. Läätsa käevõru lihtsus ja lohakas töötlus lubavad teda pidada pigem hiliseks kui varaseks eksemplariks.

Muud Läätsa kalmest saadud ehted võisid olla kasutusel mitme sajandi vältel, mistõttu nende vanust ei ole võimalik täpsemalt määrata. Selliste leidude hulka kuuluvad kolm pronksist spiraalsõrmust, üks sõrmuse katkend, sinakast klaasist väike helmes ja lamekumerast pronkstraadist keeratud spiraaltoruke.[15]

Kõik kolm spiraalsõrmust on valmistatud õhukesest lamekumerast pronkstraadist, neist kahel on säilinud 3 ja 1/4 ning ühel 3 ja 1/2 keeret. Sõrmuste otste äärtel on väikesed täkked (joon. 3:4), mis arvatavasti pärinevad otsi ilustanud ristikriipsukestest. Selliseid spiraalsõrmuseid on leitud lähedal asuvast Sandimardi kalmest[16], Jäbara C kalmest[17] jm., kus nad

[10] AI 2766:1—98.
[11] Moora, EZL II, lk. 130.
[12] AI 2766:51.
[13] M. Schmiedehelm, Keskmise raua-aja aareleide Kambjast. *ERM Ar. IX—X (1933/34)*, Tartu 1934, joon. 2:3; 3:4.
[14] O. Kleemann, Die Kolbenarmringe in den Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte 35*, Halle/Saale 1951, lk. 114.
[15] AI 2766:33, 75, 77, 38, 62, 79.
[16] AI 2817:102.
[17] Шмидехельм, Археологические памятники, joon. 14:10.

Joon. 2. Läätsa kivikalme plaan. 1 — keraamika, 2 — metall- ja klaasleid, 3 — põlemata luud, 4 — põlenud luud, 5 — söelaik, 6 — kivi, 7 — väikesed kivid, 8 — kalme piir, 9 — sissekaevatud lohu piir, 10 — kultuurkiht (profiilil).

esinevad koos 3.—5. sajandi ning hilisema materjaliga.

Pronkssõrmuse katkend on paeljas pronksiriba, mille välisküljel kaks soont (joon. 3:3). Sellele sõrmusele üsna lähedane eksemplar on leitud Jäbara B kalme äärevarest, mida on kasutatud matmiseks kuni 6. sajandi alguseni.[18] A. Vassara arvates pärineb Läätsa sõrmuse katkend paelja lõikega spiraalsõrmusest, milliseid meie alal kanti ka keskmise rauaaja algul.[19]

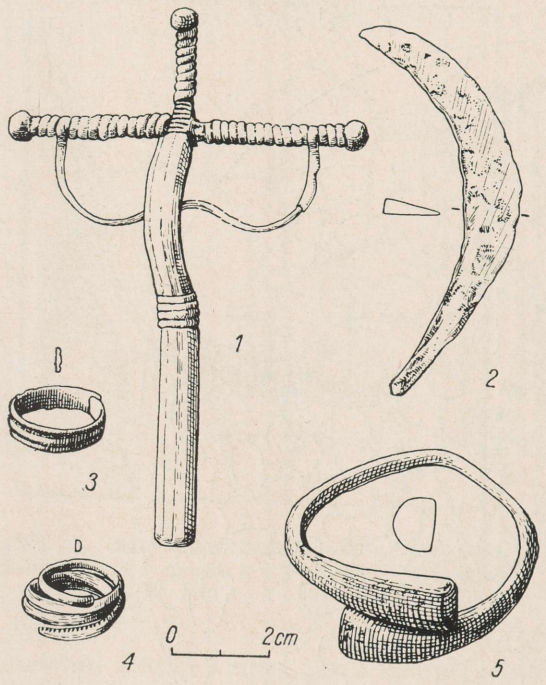
Töö- ja tarberiistadest on Läätsa kalmest saadud kaks noakatkendit. Neist üks kuulub nn. kõvernugade tüüpi (joon. 3:2), milliseid tavaliselt leitakse Põhja-Eesti kivikalmetest ja dateeritakse 3.—4. sajandisse.[20] Kõvernuge esineb aga ka hilisemates leiukompleksides.[21] Teisest noast on säilinud vaid osa terast, mistõttu tema kuju pole võimalik määrata. Kalme leidude hulgas on veel mõned väiksemad rauatükikesed, mida ei saa seostada mingi kindla esemega.

[18] Шмидехельм, Археологические памятники, joon. 19:22, lk. 90.

[19] A. Vassar, Nurmsi kivikalme Eestis ja tarandkalmete areng. Tartu 1943, lk. 196 (käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus).

[20] Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 132.

[21] Vassar, Nurmsi kivikalme, lk. 214.

Joon. 3. Leide Läätsa kivikalmest. 1 — ambsõlg, 2 — kõvernuga, 3, 4 — sõrmus, 5 — käevõru (AI 2766 : 47, 54, 33, 38, 74).

Läätsa kalmest on saadud ka 7 tahutud pindadega kivimunakat[22], milliseid Eesti alal on kasutatud väga pika aja jooksul. Et nad sobivad väga mitmesugusteks töödeks, siis pole nende otstarve seniajani veel päris selge.[23] Kivikalmetes on nad üsna sagedasteks leidudeks, nagu näitavad Nurmsi, Jaagupi, Sandimardi jt. kalmete materjalid.

Enamik savinõukilde pärineb käsitsi vormitud nõudest, kuid esineb ka üksikuid kedrakeraamika kilde. Kahjuks on kõik killud üsna väikesed ja pärinevad enamasti nõude seintest, mistõttu nende põhjal on väga raske määrata nõude kuju ja suurust. Koostise, pinnatöötluse ning põletuse järgi võib leitud killud jagada kahte suuremasse rühma. Esimesse kuuluvad need, mille koostises esineb kivipurdu või jämedamat liiva ja mis on kuulunud lohakamalt vormitud ning nõrgemini põletatud nõudele. Sellest rühmast õnnestus ligikaudselt määrata üht tüüpi nõude kuju. Need nõud on olnud lameda põhja ja sirgete seintega, veidi sissepoole hoiduva, serva suunas kitseneva võrikuga (joon. 4:1). Analoogilise profiiliga nõu on leitud Kurna I kalmest.[24] Kõnesolevas rühmas esineb ka põhjalt ülespoole laienevate lamedapõhjaliste nõude kilde. Ühegi sellise nõu ülaosa aga pole kalmest leitud, mistõttu nõu kuju jääb määramata.

Esimesse rühma kuuluvad ka kaks nõrgalt riibitud pindadega kildu (joon. 4:3).[25] Nõrgalt riibitud keraamika kadus kasutuselt 5.—6. sajandi paiku.[26] Riibitud keraamika vähene esinemine Läätsa kalmes võiks seega tõendada, et kalme on rajatud ajal, mil see keraamika oli tarvituselt kadumas.

Üks kild on pärit nõu nõgusast kaelaosast, mis on ilustatud kahe põikse lohukestereaga (joon. 4:2).

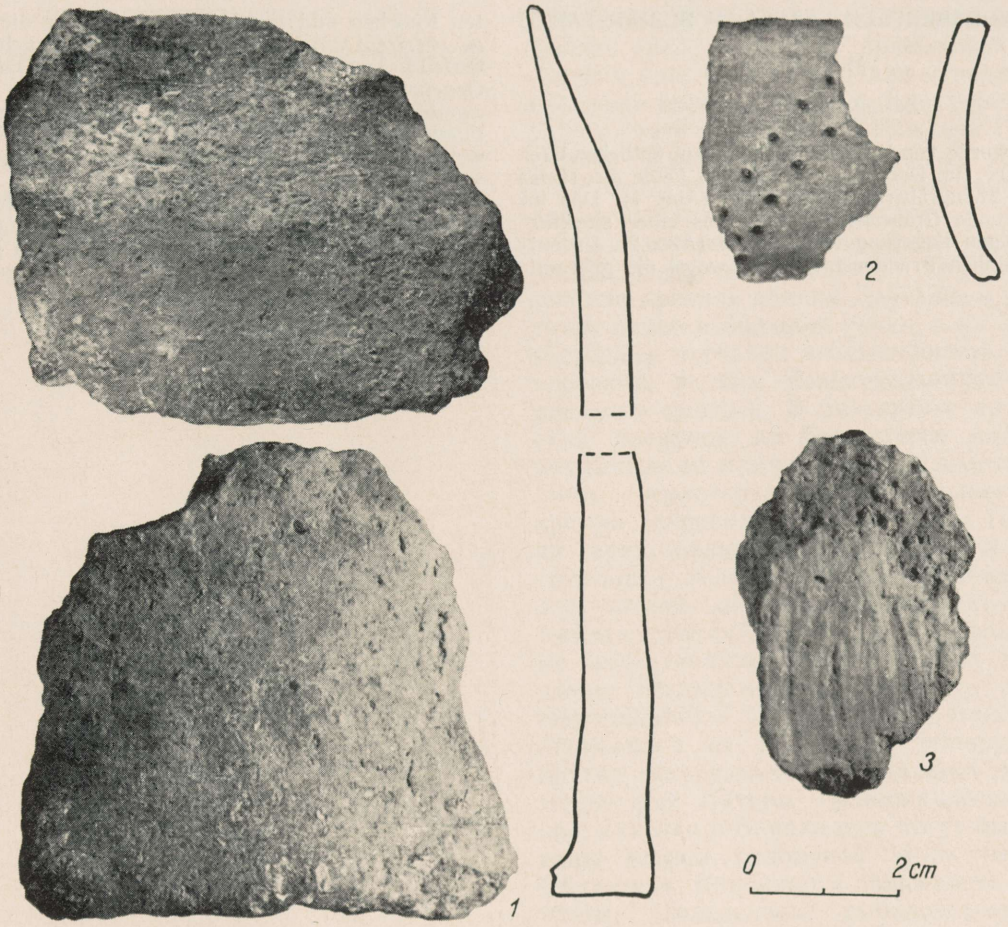
Teise rühma killud kuuluvad mustade siledate pindadega nõudele, mis on valmistatud peene liiva ja savi segust ning hästi põletatud. Läätsa kalmest on saadud vaid paar kildu[27] selliste nõude seintest. Koostiselt, pinnatöötluselt ja põletuselt sarnanevad need I aastatuhande teise poole linnuste vastava keraamikaga.[28]

Kuigi päris kindlalt dateeritavaid leide on Läätsa kalmest saadud vähe, on kogu esemeline materjal siiski selline, mis võimaldab kalme tekkimise aja määrata I aastatuhande keskpaika. Nii kalme ehitus, leidude vähesus kui ka leidude ja luude laiali, kogu kalme ulatuses paiknemine tõendavad, et see on hilisem tarandkalmetest, mida iseloomustavad kindel tarandiline konstruktsioon, leidude ja luude rohkus ning nende paiknemine kalmete keskosas, s. o. taranditega piiratud alal. Samuti ei saa Läätsa kalmet pidada hilisesse rauaaega kuuluvaks, kuigi ta oma ehituselt ning leidude ja luude asetuselt on selle perioodi kalmetega üsna sarnane, erinedes neist õieti ainult leidude vähesuse, vanuse ja koosseisu poolest.

Muidugi pole võimatu, et Läätsa kalmesse on üksikjuhtudel maetud ka hiljem. Peale väheste põletamata luude võivad sellega seoses olla ka II aastatuhande algusest pärinevad kedrakeraamika killud. Siiski tundub tõenäolisem, et need on kalmesse sattunud mitte seoses matustega, vaid hilisemate ohverandidena.

Millal Läätsa kalme täpselt rajati, seda on olemasoleva leiumaterjali alusel muidugi üsna raske öelda. Kõige tõenäolisemalt võis see toimuda 5. ja 6. sajandi vahetusel. Maetud on aga kalmesse arvatavasti veel 6. sajandilgi.

[22] AI 2766:28, 31, 41, 62, 69, 78, 87.
[23] Vassar, Nurmsi kivikalme, lk. 234.
[24] AM 29 (alanumbrita).
[25] AI 2766:14, 52.
[26] Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 36.
[27] AI 2766:13, 50.
[28] М. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. *Труды ПОКЭ I*, lk. 164—165.

Joon. 4. Keraamikat Läätsa kivikalmest. (1 — AI 2766 : 83, 86; 2 — 2766 : 14; 3 — 2766 : 30).

I aastatuhande keskpaigast ja teisest poolest tunneme Eesti alalt peale Läätsa kalme veel teisigi kindla sisekonstruktsioonita kivikalmeid, nagu näiteks Nehatu[29] ja Kurna III kalme[30] Harju rajoonis ning Kõola kalme[31] Jõgeva rajoonis. Kindlasti leidub selliseid kalmeid veelgi, eriti Kesk-Eestis, kus kivikalmetesse matmise traditsioon on olnud püsivam kui Kirde- ja Kagu-Eestis.[32]

[29] A. Vassar, Kivikalme Nehatus. ERK 1936, nr. 7/8, lk. 190—195.

[30] A. Friedenthal, Das Gräberfeld Cournal, Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. Reval 1911, lk. 60, 61; plaan III; vt. ka Moora, EZL II, lk. 20.

[31] Laul, lk. 324.

[32] A. Vassar, Lisandeid eesti hõimude uurimisele Lääne- ja Edela-Eestis I—IV sajandil. *EA*, lk. 186.

КАМЕННЫЙ МОГИЛЬНИК В ЛЯЭТСА ТАРТУСКОГО РАЙОНА

М. Аун

Резюме

В 1931 г. М. Шмидехельм раскопала каменный могильник на восточном побережье оз. Выртсъярв, в деревне Вереви, на пахотном поле хутора Ляэтса (рис. 1), который представлял собой круглую по очертанию низкую кладку камней без определенной внутренней конструкции (рис. 2). Преобладало трупосожжение, причем кости и находки были разбросаны по всему могильнику. Находок было 98 номеров, главным образом фрагментов керамики (рис. 4). Судя по допускающим датировку предметам (арбалетовидная фибула и тетива другой такой фибулы, браслет, рис. 3), по малочисленности могильного инвентаря, по строению могильника и погребальному обряду, этот могильник относится к рубежу 5—6 веков, и, вероятно, еще и к 6 веку.

Примерно в то же время были заложены еще некоторые каменные могильники такого же характера, например, могильники Нехату и Курна III в Харьюском районе, могильник Кыола в Йыгеваском районе и др.

DAS STEINGRÄBERFELD LÄÄTSA IM BEZIRK TARTU

M. Aun

Zusammenfassung

Im J. 1931 wurde von M. Schmiedehelm am östlichen Ufer des Võrtsjärv, im Dorf Verevi, auf dem Felde des Hofes Läätsa ein Steingräberfeld aufgedeckt (Abb. 1). Das im Grundriss runde Gräberfeld bestand aus einer strukturlosen, niedrigen Lagerung von Steinen (Abb. 2). Es enthielt vornehmlich Brandbestattungen, wobei die gebrannten Knochen und Fundgegenstände über die ganze Anlage verstreut waren. Es wurden 98 Funde geborgen, grösstenteils Tongefässscherben (Abb. 4). Die datierbaren Gegenstände (eine Armbrustfibel und die Sehne einer zweiten, ein Armring, Abb. 3), die geringe Anzahl der Funde, der Aufbau des Gräberfeldes und die Bestattungsweise lassen es in die Wende des 5.—6. Jahrhunderts und wohl auch noch ins 6. Jh. datieren.

Etwa gleichzeitig mit dem Steingräberfeld aus Läätsa sind manche andere gleichartige Grabanlagen angelegt worden, wie z. B. die von Nehatu und Kurna III im Bezirk Harju, das Gräberfeld Kõola im Bezirk Jõgeva u. a.

СТРОИТЕЛЬСТВО НА ИКШКИЛЬСКОМ ВИНАКАЛНСЕ

Я. Граудонис

Городище Винакалнс, или Эрглюкалнс, известно исследователям древнейшей истории Латвии уже с 19 века. План и подробное его описание опубликованы Э. Брастынем.[1] В 1967 году в связи с постройкой Рижской ГЭС экспедицией Института истории АН Латвийской ССР было осуществлено полное археологическое исследование Винакалнса.[2]

Укрепленное поселение было заложено на песчаном моренном холме, к югу от которого лежала древняя долина Даугавы, к востоку — сухое русло небольшой речки, а на запад простиралась песчаная возвышенность, заросшая вереском, редким можжевельником и низкорослыми соснами. В результате археологических раскопок на Винакалнсе найдено 280 предметов из камня (топоры, долота, высверлины, зернотерки, шлифовальные камни), кремня (скребки, осколки), кости (наконечники стрел, шилья, долота, булавки и др.), рога (рукоятки, топоры), глины (фрагменты цедилок, тиглей, литейных формочек) и бронзы (шилья, слитки), кроме того, черепки керамики (штрихованной, в небольшом количестве также гладкостенной, отдельные фрагменты текстильной) и т. д. Находки с Винакалнса не отличаются от предметов, обнаруженных в других поселениях I тысячелетия до н. э. на территории Латвии. Хронологически позднейшие находки с Винакалнса могут быть датированы второй половиной этого тысячелетия. Обитатели Винакалнса занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, охотой, собирательством, осуществляли обмен, обрабатывали на месте в небольших количествах привозную бронзу.

В заселении Винакалнса различаются два периода. В наиболее раннем периоде, как это установлено также в поселениях Асоте, Мукукалнса и др.[3], люди обитали во впадине около вершины холма на его северо-западной стороне, защищенной с востока и юга от господствующих ветров. Здесь в культурном слое толщиной 0,16 м были обнаружены черепки штрихованной керамики, костяные изделия, кости

---

[1] Оно расположено в Икшкиле Огрского района (бывш. Рижский уезд) Латвийской ССР. A. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg 1892, стр. 43; E. Brastiņš, Latvijas pilskalni. Vidzeme. Rīgā 1930, стр. 22—23.

[2] J. Graudonis, Nocietinātā apmetne Vīnakalnā. *Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu un etnogrāfu 1967. gada pētījumu rezultātiem*, Rīgā 1968, стр. 57—59. В настоящее время городище полностью снесено.

[3] Э. Шноре, Асотское городище. *МИАЛ II*, Рига 1961, стр. 9; J. Graudonis, Die befestigte Siedlung Mūkukalns in Lettland. *SM 1966*, стр. 42, рис. 2, 4.

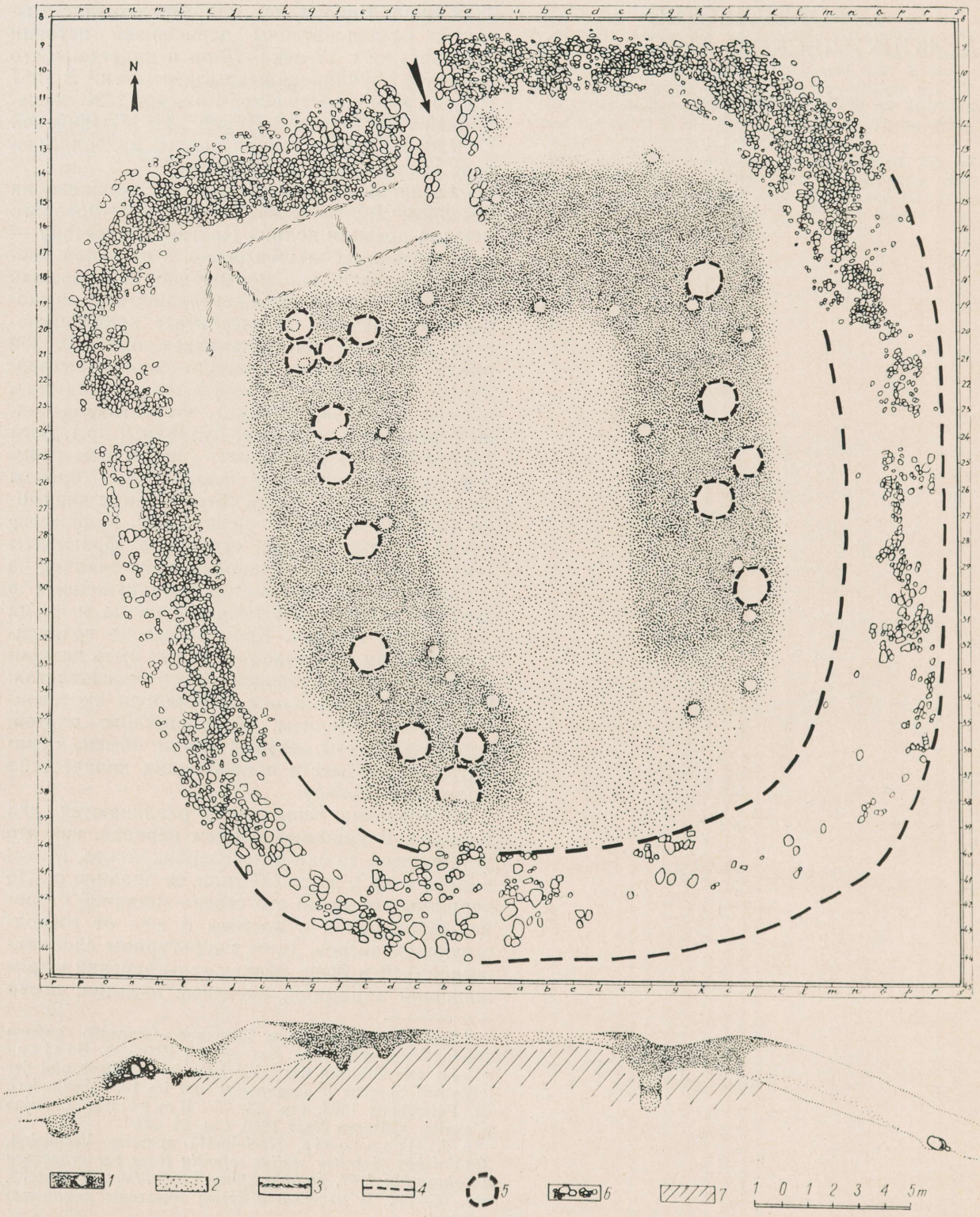

Рис. 1. План поселения Винакалнс. 1 — темный культурный слой с ямами от столбов; 2 — сероватый культурный слой; 3 — остатки истлевшего дерева (от камер); 4 — граница каменной кладки; 5 — место очага; 6 — камни; 7 — материк.

животных, раковины. Слабые следы черного культурного слоя были констатированы также в северной и северо-восточной частях холма. Остатки построек этого периода не сохранились. Вдоль нижнего края впадины обнаружены ров и несколько столбовых ям. На западной стороне ров достигал 1,2 м в ширину при глубине 1,2 м. По аналогии с Кивуткалнсом и Мукукалнсом[4] можно полагать, что в раннем периоде поселение Винакалнса имело вначале оборонительную систему, связанную со рвом; столбовая конструкция относится к более позднему периоду.

Найденный в этом культурном слое образец угля датируется примерно 1000 г. до н. э.[5] Это свидетельствует о заселенности Винакалнса уже с начала I тысячелетия до н. э.

Следы гари в культурном слое древнего периода заселенности городища свидетельствуют о том, что поселение пережило какую-то крупную катастрофу. Возможно, что оно погибло в результате нападения врага. Вполне вероятно, что именно поэтому в последующий период поселение было перемещено на вершину холма. Находившаяся здесь на песчаном холме площадка первоначально охватывала всего 120—140 м², при этом крутизна склонов была неодинаковой. Для создания достаточно большого и хорошо укрепленного поселения здесь были проведены крупные, хорошо распланированные строительные работы.

В ходе раскопок выяснилось, что на вершине холма залегал культурный слой, склоны которого были покрыты наносным песком. Под этими наружными слоями на склонах холма обнаружилась каменная кладка (рис. 2), высота которой по склону достигала 2—4 м.[6] Эта кладка служила для укрепления мощной насыпи из песка толщиной до 1,7 м, окружавшей весь первоначальный холм, покрывая тем самым и впадину с остатками описанного выше древнейшего поселения. Под песчаной насыпью вокруг холма шла каменная гряда — на севере и западе по его подножию, а на юге и востоке — повыше, пересекая покатый склон. Гряда была выложена из крупных продолговатых и плоских валунов (размерами 1,0×0,7×0,4 м; 0,8×0,5×0,4 м и т. д.), расположенных радиально таким образом, что между большими камнями, как клинья, были вставлены камни меньших размеров. Гряда была шириной 1,0—1,5 м и высотой 0,6—0,9 м (рис. 1).

На северо—северо-западе холма каменная гряда и кладка, покрывающая склоны, прерывались. Концы гряды поворачивались здесь вверх по склону, окаймляя вход (подъем) в поселение. В нижней части склона подъем был шириной 2,2 м, в верхней — 1,8 м, а на площадке за валом — только 1,2 м.

На северо-западном краю площадки между ее застроенной частью и верхним краем каменной кладки удалось проследить деревянные камеры, заполненные рыхлой землей. Они были длиной 2,5—3,5 м, шириной — около 2,2 м, а глубина их достигала 1,2 м. Камеры охватывали застроенный северо-западный угол площадки с севера и запада.

В результате возведения большой песчаной насыпи на склонах была создана горизонтальная площадка размером примерно 500—550 м². Неправильный четырехугольник культурного слоя мощностью от 0,3 до 1,0, местами — до 1,5 м, четко ограничивал заселенную часть этой площадки размером примерно 420—460 м². В ее центре на площади примерно 120—160 м², вытянутой в направлении с севера на юг, культурный слой был сероватого цвета и беден находками. Эта центральная часть была окружена полосой культурного слоя интенсивно черного цвета шириной 5—7 м, более богатого керамикой и другими находками. Здесь в большом количестве были также найдены обожженные и необожженные камни, обнаружены места построек и очагов. Застроенную и заселенную часть площадки кольцеобразно охватывал пояс укреплений шириной 6—10 м без каких-либо признаков культурного слоя.

На основании этих наблюдений можно реконструировать планировку и процесс застройки Винакалнса в поздний период его заселенности, которые по своей полноте могут быть сопоставлены лишь с аналогичными материалами Кивуткалнса.[7]

Для расширения площадки и увеличения крутизны склонов была возведена насыпь, для которой использовался мелкий светлый песок,

---

[4] Я. Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига 1967, стр. 19—22, 162—163.

[5] Образец по степени минерализации угля датирован М. Шимкунайте (Вильнюс), за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

[6] Кладка была разрушена в начале XX столетия или еще раньше (см. Brastiņš, стр. 23). Только на северном и частично на западном краю холма под 1—2-метровым слоем наносного песка каменная кладка местами сохранилась почти полностью.

[7] Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы, стр. 162; J. Graudonis, Doles Ķivutkalna arheoloģisko izrakumu resultāti. *Zinātniskās atskaites sesijas 1967 g.*, стр. 21—25; Я. Я. Граудонис, Поселение и могильник Кивуткалнс. *Археологические открытия 1967 года.* Москва 1968, стр. 269—270.

Рис. 2. Каменная кладка на северо-восточном склоне Винакалнса.

залегавший рядом с холмом. В качестве стабильного основания этой насыпи и во избежание сползания конструкции с крутых склонов вокруг всего холма была сложена гряда из больших камней. С севера и запада у подножия холма эта гряда была уже и ниже и сложена из камней меньшего размера. С юга и востока, где песчаная насыпь должна была пересекать покатый склон, использовались более крупные валуны, которые укладывались особенно тщательно. Вместе с укладкой каменной гряды, положенной в основу всех строительных работ, был построен и вход в поселение, края которого тоже были укреплены такой же каменной грядой. Лишь после закладки такого мощного каменного основания была возведена большая песчаная насыпь в целях расширения горизонтальной площадки и создания вокруг нее крутых склонов. В зависимости от первоначального рельефа местности искусственные склоны холма с различных сторон имели различную высоту и крутизну. Так, например, западный склон высотой 2,5—3,0 м имел крутизну около 60—65°, а крутизна северного склона высотой лишь 2,0—2,5 м была увеличена насыпью из песка с глиной до 75—80°. Северо-восточному склону высотой более 5 м была придана крутизна в 55—60°. Везде, за исключением западной стороны, в основание каменной гряды и песчаной насыпи была уложена красная глина, которая должна была придать бо́льшую стабильность всей конструкции, возведенной на рыхлом песке.

Песчаная насыпь вокруг всего холма была обложена камнями, чтобы предохранить рыхлый песок от сползания по крутому склону и не дать врагу разрушить насыпь, что явилось бы угрозой для всей системы укрепления. На крутом западном склоне крупные продолговатые валуны и куски плитняка были уложены радиально, причем каждый последующий слой укладывался с небольшим отступом в сторону площадки. На северной стороне плоские куски плитняка были уложены почти вертикально. На северо-восточном склоне в кладке высотой 4,0 м различаются четыре пояса (рис. 2). В нижнем поясе высотой 1,0 м с уклоном 30—50° небольшие валуны были уложены на красную глину. В следующем поясе высотой примерно 0,8 м камни, точно уложенные на нижележащие, образовали почти вертикальную стену. Третий пояс, сложенный под уклоном примерно 70°, имел высоту около 1,0 м. Примыкавший к его верхнему краю четвертый пояс высотой 0,8—1,2 м аналогично второму был сложен вертикально. Вся каменная кладка поражает тщательностью своей работы. Для каждого пояса были подобраны камни примерно одинакового размера, которые укладывались очень плотно, а щели заклинивались небольшими осколками. Камни каждого следующего

пояса были меньше камней, находившихся под ними. Камни первого и второго поясов полностью, а третьего и четвертого — частично (на северной стороне — вся кладка целиком), были покрыты плотным слоем красной глины толщиной до 0,2 м.

Заполнение впадины в северо-западной части укрепленного поселения требовало большого количества песка, поэтому здесь применялся другой строительный прием — постройка упомянутых камер. Эти камеры служили, по-видимому, для того, чтобы частично воспринимать давление застроенной части и таким образом, обеспечивая стабильность всей насыпи в северо-западной впадине, служить надежным основанием для охватывающего площадку оборонительного вала. Последний приходилось строить над только что возведенной насыпью мелкого песка. Правильность этой интерпретации подтверждается тем, что камеры были заполнены таким же песком, из какого состояла насыпь.

Всю заселенную площадку кольцеобразно охватывал земляной вал, вплотную прилегавший к внешним стенам построек. Он был, по-видимому, покрыт красной глиной, каменного покрытия не было обнаружено.

Песок описанной большой насыпи оказался совершенно стерильным, без каких-либо прослоек. Земляная насыпь оборонительного вала, размещавшегося на песчаной насыпи склона, также не содержала промежуточных прослоек. Это позволяет сделать вывод, что большие строительные работы, включавшие создание площадки и крутых склонов, их укрепление, постройка входа и оборонительного вала, осуществлялись в один прием.

Бедный находками сероватый культурный слой центральной части площадки Винакалнса свидетельствует о том, что здесь находился незастроенный двор поселения. Постройки располагались вокруг него и вследствие ограниченности площади, пригодной для застройки, плотно примыкали одна к другой. На северном и восточном краях площадки внешние стены всех построек сливались в прямую линию. На юго-западном конце, в соответствии со смещенным наискось на восток краем площадки, постройки выдвигались уступообразно к середине.

Постройки Винакалнса размерами 4—4,5× ×4,5—5 м были четырехугольными. Судя по обнаруженным ямам от столбов, они, по крайней мере частично, были столбового характера, однако не исключается возможность использования и срубной конструкции (например, при постройке камер). Учитывая приведенные размеры построек и площадь самой зоны застройки, можно сделать вывод, что в этом небольшом поселении одновременно имелось 10—12 построек. О конструкции их стен и крыш, к сожалению, никаких конкретных данных получить не удалось.

Для отопления жилых домов, приготовления пищи и литья бронзы использовались открытые очаги, которые были круглыми или овальными, в средней части несколько углубленными, и достигали в диаметре 1 м или немного больше. В основании очагов обнаруживалась нерегулярная каменная кладка, на одном краю обычно лежал крупный плоский кусок гранита или плитняка. Углубление в очаге повышало безопасность пользования им, а сложенные в основании камни улучшали тягу.

В постройках очаги располагались ближе к внешней стене, примыкавшей к валу (рис. 1). Поставленные тесно вокруг площадки постройки должны были иметь вход со двора. Для того чтобы воспрепятствовать притоку холодного воздуха (особенно в зимнее время), очаги в постройках располагались, по-видимому, против входа.

Тот факт, что предполагаемая мастерская бронзолитейщика (остатки постройки с находками тиглей и литейных форм) находилась непосредственно справа от входа в поселение, где было место только для одной постройки, позволяет с известной уверенностью утверждать, что при размещении построек на площадке была учтена их пожарная безопасность.

В поселении, хорошо защищенном крутыми склонами и окруженном к тому же валом, определенные оборонительные функции могли иметь и внешние стены домов. В это кольцеобразно укрепленное поселение можно было попасть только через специально построенный на северо-западной стороне вход. Вероятно, в интересах безопасности на месте входа была сохранена естественная крутизна склона, и по направлению к площадке этот вход сужался. Особого укрепления для защиты входа у подножия склона обнаружить не удалось. По всей вероятности, какие-либо укрепления существовали у входа на площадку, однако по обнаруженным здесь столбовым ямам реконструировать их невозможно. Можно, однако, полагать, что в верхней части склона имелись ворота, запиравшие вход, через которые можно было попасть во двор поселения только проходя между двумя стоящими рядом постройками.

Отдельные строительные приемы, констатированные на Винакалнсе, были обнаружены уже и раньше в памятниках этого типа более

обширных областей.[8] Тем не менее конструкций, подобных обнаруженным на Винакалнсе, столь предусмотрительно и умело распланированных и отличающихся простотой и совершенством, автор не знает ни в Прибалтике, ни в соседних областях. Перед нами предстали строители, умеющие не только целенаправленно планировать и осуществлять сложные и трудоемкие работы, но и выбирать наиболее подходящие для данных строительных материалов приемы. Подтверждением этого служит описанная выше система сооружений, возведенная на песке и просуществовавшая более двух тысячелетий.

[8] Планировка поселения с кольцеобразным расположением построек вокруг незастроенного двора установлена на городищах дьяковской культуры, в Смоленской области и других местах. (А. Ф. Дубинин, Троицкое городище Подмосковья. *СА 1964, № 1*, стр. 180, рис. 2; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва—Ленинград 1963, стр. 14, рис. 13). Земляные насыпи фортификационного назначения известны в поселениях Верхнего Поволжья и Эстонии (П. Н. Третьяков, Древнейшие городища Верхнего Поволжья. *СА IX*, Москва—Ленинград 1947, стр. 65—66; А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. *MAL*, стр. 116). Каменные конструкции в основании защитного вала открыты на городищах Латвии и Эстонии (R. Šnore, Izrakumi Doles pag. Klaņģu pilskalnā. *Senatne un Māksla, 1936, I*, стр. 58—59, рис. 3, 4; Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы, стр. 16, рис. 7; Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 169). Отдельные приемы возведения построек и укреплений I тысячелетия до н. э. (земляная насыпь, каменная насыпь и т. п.) нашли отражение в формах могильников Латвии, Эстонии и Литвы (J. Graudonis, Celtniecība Latvijā I g. t. pr. m. ē. un m. ē. sākumā (pēc arheoloģiskiem materiāliem). *Известия АН Латвийской ССР, 1961, № 4 (165)*, стр. 16; Шмидехельм, стр. 169; P. Kulikauskas, Seniausi pastatai Lietuvoje. *Lietuvas TSR architekturos klausimai I*, Kaunas 1960, стр. 51—54).

EHITUSED IKŠĶILE VĪNAKALNSIL

J. Graudonis

Lühikokkuvõte

1967. aastal kaevati läbi I aastatuhandest e. m. a. pärinev Vīnakalnsi kindlustatud asula Ikšķiles. Esialgse asula kultuurkiht oli säilinud nõos moreenkünka loodenõlval. Selle asula kindlustustest leiti 1,2 m sügavuse kraavi ja tarapostide jälgi. Järgneval perioodil on asula hõlmanud kogu künkaplatoo (joon. 1). Selle algselt väikese pindala (120—140 m²) laiendamiseks ja nõlvade järsendamiseks on nõlvadele kantud kuni 1,7 m paksune liivakiht. Juba enne seda oli künka jalami ümber laotud graniidirahnudest 1—1,5 m laiune ja kuni 0,9 m kõrgune alus. Liivast kuhjatud järsud nõlvad kaeti kuni 4 m kõrguseni kividega (joon. 2). Nii tekkinud 500—550 m² suuruse platoo keskele jäi ehitusteta õu (120—160 m²). Seda ümbritses 5—7 m laiune hoonestatud vöönd, mis koosnes postkonstruktsioonis ehitatud nelinurksetest hoonetest suurusega 4—4,5×4,5—5 m. Nendes olid kividest laotud ümmargused või piklikud, veidi maasse süvendatud kolded. Ehitustevööndit ümbritses tihedalt muldvall, milles leidus ainult üks kindlustatud sissepääs. Vīnakalnsi asulas kasutatud ehitusvõtteid esineb ka mujal Baltimaadel ja naaberaladel, kuid autoril ei ole andmeid, et neid mujal oleks rakendatud sellise läbimõeldud kompleksina.

DER AUSBAU DES VĪNAKALNS BEI IKŠĶILE

J. Graudonis

Zusammenfassung

Im J. 1967 wurde die aus dem I. Jahrtausend vor u. Z. stammende befestigte Siedlung Vīnakalns bei Ikšķile ausgegraben. Die Kulturschicht der ältesten Siedlung war in einer Vertiefung auf dem nordwestlichen Abhang eines Moränenhügels erhalten. Von den Befestigungen dieser Siedlung fanden sich Spuren von einem 1,2 m tiefen Graben und von Pfostenlöchern einer Umzäunung. In der folgenden Periode umfasste die Siedlung den ganzen Gipfel der Anhöhe (Abb. 1). Zwecks Erweiterung dieser anfangs recht beschränkten Fläche (120×140 m²) und um die Abhänge steiler zu gestalten, wurde auf die letzteren eine bis 1,7 m starke Sandschicht aufgetragen, nachdem der Fuss des Hügels durch eine 1—1,5 m breite und bis 0,9 m hohe Einfriedung aus Feldsteinen gesichert worden war. Die steilen, aus Sand aufgetragenen Abhänge wurden bis 4 m Höhe mit Steinen bedeckt (Abb. 2). In der Mitte des auf diese Weise entstandenen, 500—550 m² messenden Plateaus befand sich ein unbebauter Hof (120—160 m²), umringt von einem 5—7 m breiten Gürtel in Pfostenkonstruktion errichteter viereckigen Gebäude von 4—4,5×4,5—5 m Grösse. In denselben befanden sich runde oder längliche, etwas in den Boden eingelassene Herdstellen aus Steinen. Der Gürtel der Gebäude war von einem dicht an die Gebäude lehnenden Erdwall umgeben, der nur einen einzigen geschützten Eingang hatte. Elemente derartiger Befestigungen finden sich auch anderorts im Baltikum und in den Nachbargebieten, doch ist dem Verfasser nicht bekannt, dass sie irgendwo so durchdacht und komplex angewandt worden seien.

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Ф. Д. Гуревич

В древнерусских летописях упоминается ряд городов домонгольского времени, существовавших на территории современной Белоруссии. Многие из них существовали до 12 в. Древнейшее упоминание о Полоцке относится к 862 г.[1] В 10 в. существовали Туров и, по-видимому, Заславль[2], а в 11 в. летопись насчитывает более 10 городов[3], с которыми связываются определенные события в политической жизни Руси.

Известно, что письменные свидетельства, относящиеся к начальной поре истории городов, чрезвычайно лаконичны, поэтому особую ценность приобретают данные археологии.

Систематические раскопки Гродно, Полоцка, Минска, Друцка, Новогрудка, Волковыска, Турова и др. дали обстоятельные материалы, на основании которых можно судить о времени возникновения этих городов. Рекогносцировочные работы, произведенные на территории других городов Белоруссии, также расширяют наши представления об их древнейшей истории по сравнению с тем, что известно нам по письменным источникам.

Простое совпадение во времени письменных и археологических данных еще не является доказательством того, что данное поселение можно причислить к разряду городских. Решающим доводом для таких заключений служит то, что все упомянутые летописью пункты, где производились раскопки, представали в качестве центров развитого ремесла, которое является экономической основой городской жизни. Разнообразный и вместе с тем типичный материал, добытый при раскопках древнерусских городов Белоруссии, помогает установить городской характер культуры и тех упоминаемых в летописях поселений, археологические материалы которых еще незначительны.

Наряду с публикациями, посвященными археологическим материалам отдельных городов Белоруссии, в литературе появились исследования, подводящие первые итоги их изучения. Таков раздел «Древнерусские города» в работе Э. М. Загорульского о древностях Белоруссии[4], книга Л. В. Алексеева о Полоцкой земле, значительная часть которой отведена характеристике городов этой территории[5],

---

[1] ПВЛ, стр. 18.

[2] ПВЛ, стр. 54, 83.

[3] М. Н. Тихомиров, Древнерусские города. Москва 1956, стр. 33—34.

[4] Э. М. Загорульский, Археология Белоруссии. Минск 1965, гл. 8.

[5] Л. В. Алексеев, Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.). Москва 1966, стр. 132—237.

статьи Г. В. Штыхова и П. Ф. Лысенко [6] и некоторые другие работы.

В настоящей статье мы пытаемся сравнить данные первых письменных свидетельств с наиболее ранними археологическими материалами тех городов на территории Белоруссии, в которых производились раскопки или разведочные работы. Ограничивая себя памятниками, о которых сохранились письменные данные, мы лишены возможности использовать интересные материалы раскопок Давидгородка [7], Браслава [8] и других укрепленных поселений, не запечатленных летописью.

Больше всего поселений исследовано в северной Белоруссии, на территории Полоцкой и частично Смоленской земель. Древнейшие материалы, относящиеся к истории стольного города, представлены данными славянского поселения, занимавшего площадь 0,5 га и возникшего в 8—9 вв. в низовьях р. Полоты. Это поселение существовало до 10 в. Однако подлинно городские материалы, добытые в Полоцке, происходят с детинца, сохранившегося у впадения р. Полоты в Западную Двину и занимавшего площадь в 7 га. Раскопками получены разнообразные данные, отражающие развитое железообрабатывающее, костерезное и иные ремесла. Наиболее ранние материалы датируются второй половиной 10 в.[9]

Многолетние раскопки Минска позволили реконструировать границы древнего города. Детинец Минска, занимавший площадь около 3 га, находился на берегу р. Свислочи. Впоследствии к нему примкнул довольно большой посад. Один из авторов раскопок Э. М. Загорульский полагает, что Минск являлся в первую очередь городом-крепостью на южных границах Полоцкой земли, о чем свидетельствуют мощные валы детинца и большое количество оружия, найденного при раскопках. Вместе с тем в этом городе с начала его существования хорошо представлены многие ремесла — кузнечное, ювелирное, костерезное и другие.[10]

Вопрос о времени возникновения Минска вызвал споры в исторической и археологической литературе. Существует мнение, впервые высказанное историком А. Н. Ясинским, о том, что Минск первоначально стоял на берегу р. Менки, в 12 км от современного города, где у д. Строчица сохранилось городище площадью около 1 га. При разведочных работах на этом городище были найдены материалы 10 в.[11] Соотношения Минска и Строчицкого городища останутся невыясненными впредь до раскопок последнего. Пока же можно отметить, что археологические материалы Минска хорошо согласуются с первым летописным упоминанием о нем в 1067 г.[12]

Древнейшие материалы Друцка, в котором отчетливо сохранились остатки древнего города — детинец и окольный город, датируются первой половиной 11 в. (в то время как в летописи он известен начиная с 1092 г.). Древнерусскому Друцку предшествовал славянский поселок конца I тысячелетия н. э.[13]

При раскопках на территории окольного города Витебска, появившегося в летописи начиная с 1021 г., в древних напластованиях обнаружены остатки поселения балтских племен третьей четверти I тысячелетия. Далее встречены материалы 9—10 вв., принадлежавшие жителям славянского поселка. Находки 10 в., по-видимому, связаны с городской культурой. Это наконечники стрел, костяные и янтарные изделия, обточенные на гончарном круге, часть псалий и другие находки.[14]

Небольшие работы в Логойске, Лукомле и Заславле, произведенные под руководством Г. В. Штыхова, показывают, что археологические материалы этих городов соответствуют первым летописным свидетельствам о них. Остатки древнего Логойска, первые данные о котором относятся к концу 11 в., сохранились на берегу р. Гайны. Его детинец, площадью 1,5 га,

---

[6] Г. В. Штыхов, Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей. *Древности Белоруссии,* Минск 1966, стр. 238—252; П. Ф. Лысенко, Археологическое изучение городов Туровской земли. *Там же*, стр. 257—275.

[7] Ю. В. Кухаренко, Средневековые памятники Полесья. *Свод археологических источников, Е1—57*, Москва 1961, стр. 21—22.

[8] Л. В. Алексеев, Раскопки древнего Браслава. *КСИА 81*, Москва 1960, стр. 95—106; Алексеев, Полоцкая земля, стр. 173—178.

[9] Г. В. Штыхов, Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Автореферат кандидатской диссертации. Минск 1965, стр. 1—24; Загорульский, Археология Белоруссии, стр. 165—168; Алексеев, Полоцкая земля, стр. 131—141.

[10] Э. М. Загорульский, Древний Минск. Автореферат кандидатской диссертации. Минск 1962; Загорульский, Археология Белоруссии, стр. 179—193.

[11] В. Р. Тарасенко, Древний Минск. *Материалы по археологии БССР I*, Минск 1957, стр. 188—189; Алексеев, Полоцкая земля, стр. 147—148; Штыхов, Сравнительное изучение, стр. 247—251.

[12] ПВЛ, стр. 112.

[13] Алексеев, Полоцкая земля, стр. 149—158; Л. В. Алексеев, Работы в древнерусском Друцке и его округе. *Археологические открытия 1967 года.* Москва 1968, стр. 256; ПВЛ, стр. 141.

[14] ПСРЛ, т. XXV, Москва 1949, стр. 374; Г. В. Штыхов, Археологические раскопки в Витебске. *Материалы IX конференции молодых ученых. Вопросы истории,* Минск 1965, стр. 61—67.

огражден огромным земляным валом и рвом. В итоге разведочных работ 1966 г. на детинце обнаружены керамика и другие находки 10—11 вв.[15] Многослойным оказался детинец Лукомля. В нижних его напластованиях обнаружены следы поселения культуры штрихованной керамики и поселения балтских племен третьей четверти I тысячелетия н. э. Здесь найдены также остатки славянского поселения 8—9 вв. и, наконец, древнерусские материалы 11 в. Лукомль наряду с Логойском известен в конце 11 в.[16].

Культурный слой домонгольского Заславля (по летописи 10 в.) разрушен позднейшей застройкой. На небольшом участке посада Г. В. Штыхову удалось проследить напластования 10 в.[17] Сходство керамики заславльского городища с керамикой близлежащих многочисленных курганов, древнейшие из которых относились к 11 в., было отмечено в свое время и А. Н. Лявданским.[18]

Начало археологических работ в Орше (летописная Рша — 1067 г.) позволило установить, что ее детинец был укреплен валом, имевшим в ширину 15 м. Древнейшие находки (керамика, глиняные пряслица) относятся ко второй половине 11 в.[19]

На востоке Белоруссии много лет ведутся раскопки Мстиславля (1156 г.), в результате которых удалось выяснить, что город возник в 12 в. на месте небольшого славянского поселка конца I — начала II тысячелетия н. э.[20]

В городах Туровской земли систематические раскопки производились в Турове и Пинске. Городище древнего Турова стоит на месте впадения р. Язды в рукав Припяти — Струмень. Ров делит его на две неравные части — детинец площадью 7,5 га и посад, занимающий 15 га. Раскопки детинца показали, что нижние культурные слои согласно керамике, бусинам «лимонкам», браслету с суженными концами и другим находкам датируются 10—11 вв.[21]

На левом берегу р. Пины у впадения ее в Припять стоят детинец и окольный город древнерусского Пинска, который в 1097 г. замышляли отнять у князя Святополка. Древнейшие археологические материалы Пинска относятся ко второй половине 11 в.[22]

Работы на городище Слуцка, упоминающегося в летописи впервые в 1116 г., показали, что там сохранились детинец и окольный город. На детинце найдено много предметов деревообрабатывающего, кожевенного и сапожного ремесел. Керамика Слуцка аналогична керамике южных городов Туровской земли.[23]

На северо-западной окраине современного Клецка (1127 г.) сохранились остатки детинца и окольного города. Древнейшая керамика детинца датируется 11 в.[24]

Культурный слой древнего городища Мозыря (упоминается в 1155 г.) разрушен. Из собранной домонгольской керамики наиболее ранняя относится к 11—12 вв.[25]

Из городов Неманской земли (Черная Русь) одно лишь Гродно упоминается в летописи 12 в.[26] Сведения об остальных городах появились в 1252 г. Тогда впервые были упомянуты Новогрудок, Волковыск, Слоним и другие города.[27]

Материалы раскопок показали, что древнерусское Гродно возникло в самом конце 11 в. Как полагает Н. Н. Воронин, это был город-крепость, в котором работало немало ремесленников.[28]

Древнерусский Новогрудок оказался примерно на два с половиной столетия старше первых летописных упоминаний о нем. К середине или второй половине 10 в. относятся его детинец, посад и находившийся вблизи города курганный могильник, служивший некрополем Новогрудка. Появившееся здесь население пришло со своей сложившейся культурой до-

---

[15] Г. В. Штыхов, Археологические раскопки в Орше и Логойске. *Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР*, Минск 1967, стр. 388—395; Тихомиров, стр. 33.

[16] Алексеев, Полоцкая земля, стр. 182—183; В. Д. Будько, Белорусская археологическая экспедиция. *Археологические открытия 1966 года*. Москва 1967, стр. 265; ПВЛ, стр. 159.

[17] Г. В. Штыхов, Работы Полоцкой экспедиции. *Археологические открытия 1967 года*, стр. 256.

[18] А. Н. Ляўданскі, Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. *Працы катэдры археолёгіі I*, Менск 1928, стр. 67.

[19] Ю. И. Драгун, Основные итоги изучения детинца древней Орши. *Тезисы доклада на секции славяно-русской археологии пленума Института археологии Академии наук СССР в 1968 г.* (машинопись).

[20] ПСРЛ, т. II, Москва 1962, стр. 483; Л. В. Алексеев, Археология белорусского средневековья. В статье: В. Д. Будько, А. Г. Митрофанов, Археология Белоруссии за советский период. *СА 1967, № 4*, стр. 144.

[21] М. Д. Полубояринова, Раскопки древнего Турова. *КСИА 96*, Москва 1963, стр. 45; Лысенко, стр. 268—269.

[22] ПВЛ, стр. 178; Т. В. Равдина, Раскопки в Пинске. *СА 1966, № 1*, стр. 289—290; Лысенко, стр. 266.

[23] ПСРЛ, т. II, стр. 282; Будько, стр. 265—266.

[24] ПСРЛ, т. II, стр. 292; Лысенко, стр. 269—270.

[25] ПСРЛ, т. II, стр. 482; Лысенко, стр. 270.

[26] ПСРЛ, т. II, стр. 292.

[27] ПСРЛ, т. II, стр. 816.

[28] Н. Н. Воронин, Древнее Гродно. *МИА 41*, Москва 1954, стр. 34—45.

мостроительства, основными ремеслами и сформировавшимися связями.[29]

Несколько позднее сформировался город в Волковыске. Судя по археологическим материалам, это произошло в 11 в. Как и в других городах Белоруссии, в Волковыске с начала его существования были развиты разнообразные ремесла.[30]

Небольшие работы на месте древнего Слонима дали очень интересные результаты. Раскопками были открыты срубные постройки 12—13 вв., в которых отразились разнообразная ремесленная деятельность его обитателей и их обширные торговые связи.[31]

Результаты археологических исследований еще одного неманского города Турийска (летописные данные 1276 г.) не отражены в литературе. Известно лишь, что обнаруженные материалы относятся к 12—13 вв.[32]

Из приведенной ниже таблицы видно, что в одних случаях письменные данные и археологические источники соответствуют друг другу, а в других археологические материалы существенно корректируют летописные данные, указывая на более раннюю дату возникновения того или иного города.

Города, как центры ремесла и торговли, на территории Белоруссии стали возникать в 10 в., что соответствует времени формирования ряда городов как на юге, так и на северо-западе Древней Руси[33]. К числу древнейших городов интересующих нас земель, помимо известных летописи Полоцка, Заславля и Турова, следует отнести Новогрудок и, по-видимому, Витебск.

При этом характерно то, что города Туровской земли и Понеманья возникали на новых, ранее незаселенных местах, в то время как на территории, относящейся к Полоцкой и Смоленской землям, они часто основывались на местах, занятых до третьей четверти I тысячелетия н. э. балтскими племенами, а в конце этого тысячелетия — славянскими поселениями догородского облика.

Территория	Город	Первое упоминание в летописи	Наиболее ранние археологические материалы
Полоцкая и Смоленская земли	Полоцк	9 в.	10 в.
	Минск	1067 г.	Вторая половина 11 в.
	Друцк	1092 г.	Первая половина 11 в.
	Витебск	1021 г.	10 в.
	Логойск	Конец 11 в.	Конец 10 — начало 11 в.
	Лукомль	Конец 11 в.	11 в.
	Заславль	10 в.	10 в.
	Орша	1067 г.	Вторая половина 11 в.
	Мстиславль	1156 г.	12 в.
Туровская земля	Туров	980 г.	10—11 вв.
	Пинск	1097 г.	Вторая половина 11 в.
	Слуцк	1116 г.	Конец 11 — начало 12 в.
	Клецк	1127 г.	Конец 11 — начало 12 в.
	Мозырь	1155 г.	11—12 вв.
Неманская земля (Черная Русь)	Гродно	1128 г.	Конец 11 в.
	Новогрудок	1252 г.	Середина — вторая половина 10 в.
	Волковыск	1252 г.	11 в.
	Слоним	1252 г.	12 в.
	Турийск	1276 г.	12—13 вв.

[29] Ф. Д. Гуревич, К истории Новогрудка X—XI вв. *Культура и искусство Древней Руси.* Ленинград 1967, стр. 26—30.

[30] В. Р. Тарасенко, Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске. *Материалы по археологии БССР I*, стр. 258—279; Я. Г. Зверуго, Некоторые итоги раскопок Волковыска. *Древности Белоруссии*, стр. 284—298.

[31] Г. И. Пех, Раскопки древнего Слонима. *Древности Белоруссии*, стр. 275—279.

[32] ПСРЛ, т. II, стр. 874; П. А. Раппопорт, Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. *МИА 140*, Ленинград 1967, стр. 83.

[33] Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт, Археологическое изучение древнерусского города. *КСИА 96*, Москва 1963, стр. 15.

LINNADE TEKKIMISE AJAST VALGEVENE TERRITOORIUMIL

F. D. Gurevitš

Lühikokkuvõte

Artiklis võrreldakse esimesi kirjalikke teateid Valgevene linnadest nende vanimate arheoloogiliste materjalidega. 19 linna kohta teada olevate allikate kõrvutamine näitab, et enamikku neist on leetopissis esmakordselt mainitud ajal, mil nende arheoloogiline materjal kajastab varase vana-vene linnakultuuri olemasolu. Mõningail juhtudel aga korrigeerib see materjal oluliselt leetopisside andmeid, osutades linnade varasemale tekkele. Linnad tekkisid Valgevene territooriumil käsitöö- ja kaubanduskeskustena 10. sajandil, seega samal ajal kui muistse Vene lõuna- ja loodeosas. Leetopissidest teadaolevate Polotski, Zaslavli ja Turovi kõrval tuleb arheoloogia andmeil Valgevene vanimate linnade hulka arvata Novogrudok ja nähtavasti ka Vitebsk. Iseloomulikul viisil on Turovimaa ja Neemeni jõgikonna linnad tekkinud varem asustamata kohtadele, kuna mitmed Polotski- ja Smolenskimaa linnad on tekkinud kohtadele, kus kuni I aastatuhande kolmanda veerandini on olnud balti hõimude, sama aastatuhande lõpul aga slaavlaste asulad.

ÜBER DIE ZEIT DER ENTSTEHUNG DER STÄDTE IN BELORUSSLAND

F. D. Gurewitsch

Zusammenfassung

Im Artikel werden die erstmaligen schriftlichen Angaben über 19 Städte des belorussischen Gebiets mit dem frühesten bei ihrer Untersuchung zu Tage gekommenen archäologischen Material verglichen. Dabei hat es sich erwiesen, dass die erstmalige Erwähnung des einen oder des anderen Punktes in einer Chronik in vielen Fällen mit den archäologischen, für die altrussischen Städte charakteristischen Tatsachen gut übereinstimmt. Manchmal aber korrigieren die archäologischen Materialien wesentlich die Angaben der Chroniken, indem sie auf eine frühere Entstehung der Städte hinweisen.

Die Städte als Zentren des Handels und Handwerks kommen in Belorussland im 10. Jh. auf, wie dies zu derselben Zeit auch in den südlichen und nordwestlichen Gebieten Altrusslands der Fall war. Zu den ältesten Städten auf dem Territorium Belorusslands gehören — ausser den aus den Chroniken bekannten Städten Polotsk, Saslawl und Turow — dem archäologischen Material nach zu urteilen noch Nowogrudok und wahrscheinlich auch Witebsk.

Es ist charakteristisch, dass die Städte des Turower und des Nemengebietes an neuen, bis dahin unbesiedelten Orten errichtet wurden, während die Städte des Polotsker und Smolensker Gebietes oftmals an Orten gegründet wurden, wo bis zum dritten Viertel des I. Jahrtausends baltische Stämme lebten und wo am Ende dieses Jahrtausends slawische Siedlungen entstanden.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ МАКРОЛИТЫ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Н. Гурина

В начале нынешнего столетия внимание археологов привлекли необычные по форме и величине каменные орудия, найденные в огромном количестве в Верхнем Поволжье. Они буквально наводнили Ленинградский антропологический музей, будучи доставленными туда инженером Кандыбо.[1] Кроме того, лучшие экземпляры аналогичных орудий Кандыбо продал Романченко, который передал их впоследствии в Государственный Эрмитаж.[2] Точное место находок не было сообщено. Материалы фигурировали под общим названием «Тверская губерния». В последующее время сборы каменных орудий были продолжены любителями археологии, краеведами П. Ф. Симсоном и Е. Н. Басовой, которая произвела частичные раскопки у г. Ржева.[3]

В статье П. Ф. Симсона было высказано мнение о палеолитическом возрасте собранных орудий, поддержанное затем рядом исследователей[4] вопреки критике этого положения Н. И. Криштафовичем[5].

С 1916 г., после выхода в свет статьи П. П. Ефименко[6], в археологии твердо укрепилось суждение о их ранненеолитическом возрасте. Он, однако, с большой долей осторожности отнес эти орудия к раннему, докерамическому неолиту, сопоставив их с орудиями типа кампиньи Западной Европы. Данное положение, в частности, послужило одним из оснований для Б. С. Жукова при датировке Льяловской стоянки ранним возрастом сопоставить часть орудий ее с «пик» и «транше».[7] Значительную роль в популяризации этой

---

[1] Музей антропологии и этнографии, № 2001.

[2] Государственный Эрмитаж, № 83.

[3] Е. Н. Басова, Памятники труда человека каменного периода под г. Ржевом Тверской губ. *Сборник Ржевского общества краеведения № 1*, 1926, стр. 57—83.

[4] П. Ф. Симсон, Каменный век под г. Ржевом. Тверь 1903; Н. Е. Макаренко, Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги. *Известия Императорской Археологической комиссии 6*, С.-Петербург 1904, стр. 79—100; Н. К. Рерих, Каменный век на озере Пирос. *ЗОРСА VII, вып. 1*, стр. 160—170; И. Т. Савенков, Отчет о деятельности Академии наук за 1913 г.

[5] Н. И. Криштафович, О геологическом исследовании палеолитических стоянок в европейской России летом 1904 г. *Древности. Труды Московского Археологического общества XXI, вып. 2*, Москва 1907, стр. 174—183.

[6] П. П. Ефименко, Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии. *Русский антропологический журнал 1916, вып. 1—2*, С.-Петербург 1916, стр. 60—82.

[7] Б. С. Жуков, Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского уезда. *Труды Антропологического института, вып. 1*, Москва 1925, стр. 37—78.

концепции сыграла книга В. И. Равдоникаса.[8]

С тех пор в сознании советских и зарубежных археологов прочно укрепилось мнение о раннем возрасте верхневолжских макролитов и о ведущих в них формах «пик» и «транше». Позже это мнение было распространено и на близкие по характеру материалы из бассейна р. Оки, в которых исследователи видели наличие тех же ведущих форм орудий.

Эта уверенность, как ни странно, не была поколеблена последующими изысканиями, давшими принципиально новые материалы. Так, Б. Ф. Земляков в 1941 г. произвел раскопки на Городищенской Горе под г. Ржевом, продолженные затем Л. Я. Крижевской. Только в 1950 г. на основании изучения музейных собраний и произведенных разведок и раскопок на Городищенской Горе Л. Я. Крижевская впервые высказала мысль о том, что верхневолжские макролиты являются продукцией мастерских по обработке кремня.[9] При этом не отрицалась возможность наличия в этом районе и более ранних памятников. Небольшой объем полевых исследований в этот период в известной мере ограничил выводы автора, оставившего ряд вопросов открытыми.

С 1955 г. верхневолжский неолит, в частности проблема макролитов, явился предметом исследований Верхневолжской неолитической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, производившихся под руководством автора. В то же время изучение мезолитических и отчасти неолитических памятников этого района производили и другие археологи (Д. А. Крайнов, Л. В. Кольцов).

В результате сплошного обследования побережья Волги, произведенного Верхневолжской неолитической экспедицией на участке, начиная с 10-го километра ниже г. Старица до ее истоков из оз. Пено, побережья этого озера и связанных с ним озер (Волго, Селигер), а также истоков Западной Двины и оз. Охват, было открыто свыше 100 древних памятников, различных по своему характеру, ряд которых подвергался систематическим раскопкам.

Основными выводами в результате их изучения явились следующие:

1) На участке течения р. Волги от г. Старица до г. Селижарова установлено наличие выходов кремня на поверхность в виде пластов или крупных валунов и приуроченность к ним производственных мастерских по его первичной обработке, а также мастерских — поселков, где в течение длительного времени производилась специализированная обработка камня. Примером этого является поселок-мастерская у д. Свеклино.

2) Долговременные неолитические поселения на этом участке, по-видимому, отсутствовали, в то время как огромное количество их сосредоточивалось на побережьях связанных с Волгой озер: Пено, Волго, Вселуг, Селигер и др.[10]

3) Многочисленные и устойчивые серии орудий, своеобразие керамики, компактность расположения памятников заставили выделить на этой территории особую неолитическую культуру, названную нами валдайской.[11]

4) Среди огромного количества материала мастерских и поселений рассматриваемой территории не встречалось ни одного экземпляра топоров типа «пик» и «транше». Не было их и среди окских материалов. Орудия, принимаемые за «транше», являются здесь ни чем иным, как теслами со слегка вогнутым желобчатым и потому асимметричным лезвием, обработанным с помощью не одного поперечного крупного скола, а многих мелких продольных сколов или крупной ретуши, направленной параллельно лезвию. Отдельные экземпляры таких орудий имеют пришлифовку желобка. Что же касается типа «пик», то среди разнообразных топоров валдайской культуры, в частности среди верхневолжских макролитов, встречаются вытянутые, обработанные с двух сторон топоры, но, как правило, не столь удлиненных пропорций. В целом же «архаичность» форм является ни чем иным, как следствием незавершенности обработки, что характерно для полуфабрикатов, вышедших из мастерских.

Тщательное изучение этих форм привело к выводу, что значительное количество предметов, принимаемых за крупные рубящие орудия, является заготовками нуклеусов. В этой связи и заключаются особый характер их обработки и крупная величина. Данное положение следует распространить и на абсолютное большинство «скребков типа рабо», опубликованных К. А. Альтином[12] и взятых за эталон «ме-

[8] В. И. Равдоникас, История первобытного общества I. Ленинград 1947.

[9] Л. Я. Крижевская, Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. *МИА 13*, Москва 1950, стр. 55—69.

[10] Н. Н. Гурина, К вопросу о макролитах Верхней Волги. *КСИА 92*, Москва 1962, стр. 24—28.

[11] Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура. *СА 1958, № 3*, стр. 31—45.

[12] C. A. Althin, The chronology of the stone age settlement of Scania, Sweden, I. The mesolithic settlement. *AA Lund 1*, Lund 1954, табл. 4; 5; 10: 7, 9, 10; 14: 2, 5, 6; 16: 1, 4, 5, 7; 25 и др. Судя по форме и следам отжатых от них пластин, будучи на рисунках правильно поставленными (т. е. перевернутыми на 180°), они оказываются нуклеусами, подготовленными к снятию

золитических» орудий некоторыми советскими исследователями [13].

В большой мере ключом к пониманию многих макролитических форм послужила упомянутая нами мастерская-поселок у д. Свеклино. В результате пятилетних раскопок этого памятника с тщательным наблюдением за его стратиграфией был обнаружен огромный серийный материал — десятки сотен нуклеусов, ножевидных пластин и краевых сколов, позволяющих с полной последовательностью восстановить процесс изготовления первичных основ орудий. При этом особого внимания заслуживают нуклеусы, начиная от только что подготовленных к использованию болванок до сильно сработанных. Существенным при этом является наличие нескольких стандартов нуклеусов, представленных многочисленными сериями. Среди них выделяются два основных типа: одноплощадные и двухплощадные (расположенные на противоположных концах). Важно также то, что все одноплощадные нуклеусы подготовлены особым, весьма стандартным способом — длинная грань их всегда приострена многочисленными сколами, направленными от края орудия в противоположные друг другу стороны. Противоположная грань плоская или округлая. Приострен и нижний конец, в результате чего нуклеус имеет клиновидную форму с трехгранным поперечным сечением. Было установлено, что заостренная сторона и конец нуклеуса служили для зажима его в деревянных плахах при снятии пластин. Внешнее сходство таких нуклеусов с рубящими орудиями дало возможность некоторым исследователям утверждать об архаических формах верхневолжских макролитов.

До последнего времени подобные крупные нуклеусы встречались преимущественно без сопровождения керамики. Это обстоятельство в свою очередь как будто свидетельствовало об архаичности этих изделий, и, может быть, поэтому, а, может, больше по традиции, верхневолжские макролиты относились к эпохе мезолита.

Особое значение для правильного решения проблемы макролитов имеют результаты полевых исследований 1968 г. В результате произведенных археологических разведок на северо-восточном побережье оз. Селигер среди 10 вновь открытых неолитических стоянок нами было обнаружено поселение Кочище II, расположенное в непосредственной близости от ранее исследованного поселения Кочище. Оно занимало песчаный холм, в прошлом дюну между дд. Кочище и Лежнево.

На вершине дюны, расчлененной на три части, располагалось не менее трех существовавших примерно одновременно, судя по однотипности кремня и керамики, поселений, близко примыкающих друг к другу. Многочисленные траншеи военного времени и выдувы подняли на поверхность значительное количество отщепов кремня, обломков орудий и фрагменты керамики.

Рекогносцировочные раскопы площадью 16 м², заложенные на одном из холмов, показали наличие культурного слоя — желтого песка мощностью до 0,30—0,40 м, залегающего непосредственно под дерновым слоем на сероватом материковом песке. На площади всех квадратов находки распределялись равномерно и состояли из довольно значительного количества отщепов и чешуек чрезвычайно однородного, желтоватого и желтовато-сероватого кремня не очень высокого качества.

Из числа орудий обнаружены наконечник стрелы на ножевидной пластине с мелкой ретушью на брюшке и на конце пера и черешке, относительно многочисленные ножевидные пластинки правильного огранения, иногда очень тонкие, мелкие нуклеусы, скребки, выкол из шлифованного крупного орудия, использовавшийся в качестве режущего инструмента и т. д. Относительно немногочисленная керамика представлена обломками сравнительно тонкостенных сосудов желтовато-розоватого цвета с незначительной примесью мелкого песка и какого-то органического вещества в тесте. Внутренняя поверхность их имеет слабые расчесы, внешняя хорошо заглажена, покрыта разреженным орнаментом из оттисков гребенки и мелких точек. Эта керамика тождественна сосудам ранее исследованных соседних поселений Кочище [14], Засыпь, Щепочник [15].

Особый интерес представил кв. № 3, где на глубине 0,50 м в ямке диаметром 25×25 см, врезанной дном на 10 см в материк, был найден «клад», состоящий из 16 предметов (7 отщепов, 2 тесел и 7 заготовок нуклеусов). Все находки были настолько плотно прижаты друг

пластин и уже частично использованными в этих целях. Мелкие выщербинки-заломы, наблюдаемые по краю ударной площадки, являются лишь следствием применения отжимника.

[13] А. Я. Брюсов, Проблемы происхождения культур каменного века в северной части Европейской территории СССР. *СА 1968, № 4*, стр. 3—15.

[14] И. В. Гаврилова, Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер. *КСИА 92*, Москва 1962, стр. 87—90.

[15] Н. Н. Гурина, Поселение Щепочник в связи с происхождением Валдайской культуры. *КСИА 82*, Москва 1961, стр. 150—157.

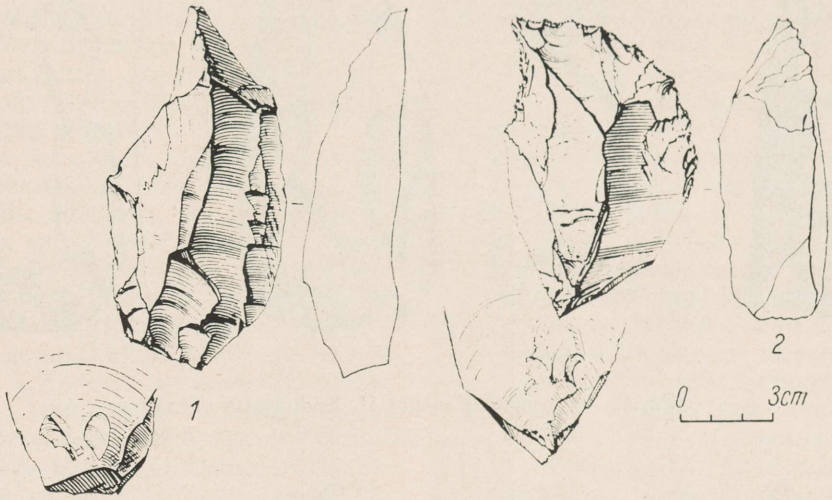

Рис. 1. Поселение Кочище II. Отщепы кремня.

к другу, что между ними не оставалось свободного пространства. Это заставляет предполагать, что они были во что-то завернуты.

Обращает на себя внимание прежде всего полное тождество материала, из которого изготовлены предметы, что позволяет утверждать об использовании одного блока кремня. Наличие корки на 4 отщепах, на небольшом участке одного из нуклеусов и на одном тесле свидетельствует о том, что примененный кремень залегал в виде пластов; при этом очевидно, что корка совершенно лишена следов окатанности.

Все отщепы крупные[16], имеют отчетливо сохранившуюся часть ударной площадки, хорошо выраженный ударный бугорок и раковистость излома. Судя по тому, что отщепы такого крупного размера были отколоты одним ударом, можно заключить, что сила, примененная при этом, была довольно значительной. Противоположная сторона отщепа (спинка), там, где не имеется корки, покрыта двумя, тремя или несколькими крупными сколами (рис. 1 : 1—2).

Тесла по своим очертаниям различны. Одно из них размерами 11,5×6 см в плане близко к овалу, слегка сужено к тыльной части (рис. 2 : 2). Продольное сечение его уплощенно-трапециевидное. Одна сторона тесла плоская (благодаря тому, что здесь использована естественная поверхность кремневого пласта), по краям обработана довольно правильной крупной ретушью. Противоположная сторона орудия в средней части сохранила корку, края же (за исключением тыльной части) утонышены с помощью крупной ретуши. Слегка скошенное лезвие покрыто мелкой ретушью, параллельной длинной оси орудия; один небольшой участок его пришлифован.

Второе тесло несколько меньше по величине (10,5×6 см), тонкообушное по форме (рис. 2 : 1). Плоская сторона его образована с помощью одного сильного удара, она лишь слегка подправлена в тыльной части и лезвии. Противоположная сторона резко выпуклая, благодаря чему поперечное сечение средней части тесла трехгранное. Рабочая часть спущена к лезвию с помощью удлиненной ретуши, параллельной длинной оси орудия. Оба тесла совершенно не имеют следов сработанности.

Заготовки нуклеусов различные по форме. По очертаниям среди них можно выделить три группы. В первую входят три предмета, которые представляют собой как бы сектор округлого диска с обоюдовыпуклыми сторонами, напоминающего гигантскую чечевицу (рис. 3 : 1—3). В результате этого две параллельные грани предмета выпуклые, а край их пересечения округлой формы. Две другие грани (как бы место разреза чечевицы), расположенные под прямым углом друг к другу, — плоские. Обе или одна из них образована в результате одного сильного удара, вторая иногда выравнивалась несколькими сравнительно крупными сколами, поэтому не такая ровная. Обе же выпуклые грани сплошь обработаны относительно крупными сколами.

[16] Размеры их следующие: 4×9; 7,5×10; 8×11; 8,5×10; 10×10; 9×14,5; 10×18 см.

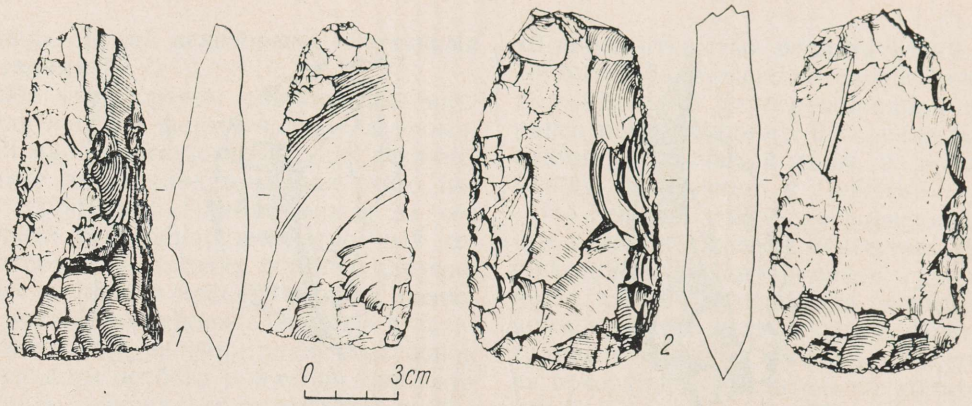

Рис. 2. Поселение Кочище II. Кремневые тесла.

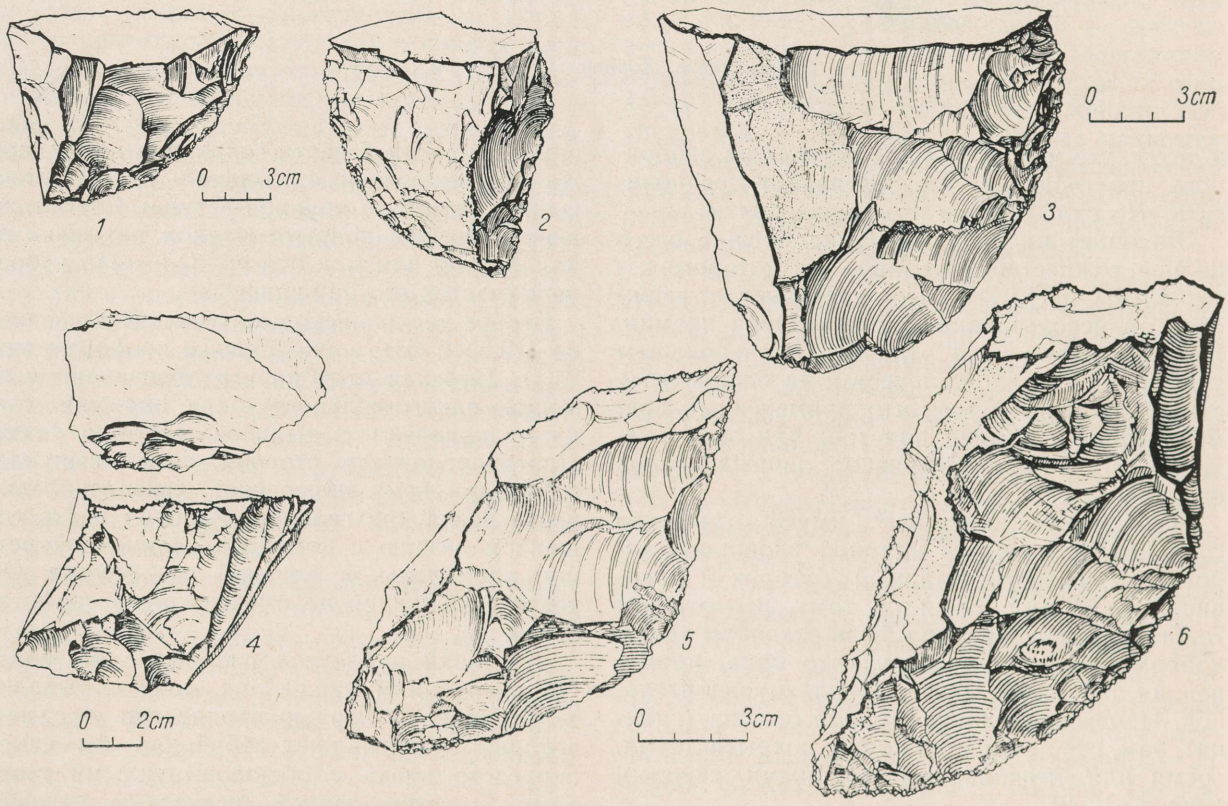

Рис. 3. Поселение Кочище II. 1—3 — заготовки нуклеусов в виде сектора, 4 — заготовка ромбовидного нуклеуса, 5, 6 — заготовки килевидных нуклеусов.

Все эти предметы имеют очень правильную форму и крупную величину.[17] Такие заготовки нуклеусов, иногда менее четкой формы, встречались и ранее среди верхневолжских макролитов, однако всегда интерпретировались как рубящие орудия.

Два других предмета тождественны и очень сходны с тремя вышеописанными. Отличие их от первой группы состоит в том, что с одного заостренного конца округлое ребро его, полученное от пересечения выпуклых сторон, частично снято краевым сколом. В результате этого предмет по очертаниям в плане потерял форму сектора и приобрел сходство с ромбом, треугольным в сечении (рис. 3 : 4). У обоих

[17] Размеры их следующие: 1) плоские стороны: 10×4 и 7×3,5 см; длина округлого края 14 см; 2) соответственно 11×5, 10×4 и 15 см; 3) 14×6, 13×6 и 19 см.

нуклеусов ударными площадками служат более длинные плоские стороны, покрытые тонкой коркой (типа патины), свидетельствующей о том, что для их получения была использована наружная сторона пласта.[18]

Последняя пара заготовок нуклеусов имеет несколько иные очертания. Они представляют собой тоже как бы секторы, но не круга, а овала, и потому у них более вытянутые пропорции (рис. 3 : 5, 6). Выпуклые их стороны обработаны крупными и рядом более мелких сколов, короткая плоская сторона (в данном случае ударная площадка) образована одним сильным ударом. Конец, противоположный ударной площадке, приострен. Таким образом, эта группа заготовок нуклеусов отличается от первой группы лишь тем, что ударной площадкой для них является не удлиненная, а короткая плоская сторона, в результате чего они вытянуты в вертикальном, а не в горизонтальном направлении.[19] На одном экземпляре небольшой участок, примыкающий к ударной площадке, в месте пересечения выпуклых граней снят краевым сколом. Этому типу больше всего подходит название «килевидные».

Как указывалось выше, из заготовок нуклеусов четыре совсем не имеют следов использования, а с трех лишь на небольших участках сняты краевые сколы. Обе выпуклые грани и округлое ребро этих предметов обработаны сплошь мелкими сколами. В результате того, что отжим фасеток производился со стороны округлого ребра перпендикулярно ему, самый край ребра получил мелкие заломы, по виду сходные со следами сработанности. Именно это и послужило основанием для ряда исследователей считать такого типа заготовки нуклеусов рубящими орудиями.

При этом следует отметить, что сделанный нами вывод подтверждается С. А. Семеновым. Произведя наблюдения за предметами «клада», он написал следующее: «Осмотр материала из разведки «Селигер» Кочище II (кв. 3) показал, что «макролитоидные» предметы из кремня, двусторонне обработанные крупной плоской ретушью, представляют собой нуклеусы, предназначенные для получения отщепов и пластин. Считать их «рубящими» орудиями нет оснований. Для рубящих функций по дереву существовали топоры и тесла. Две заготовки тесел находятся среди рассмотренных материалов. Одна заготовка тесла слегка пришлифована в рабочей части на абразиве.»

Таким образом, для одноплощадного нуклеуса подготовлялся специальный, тщательно обработанный блок с заостренным нижним концом, служившим для его зажима в деревянном предмете, скорее всего в тяжелом обрубке дерева, с целью придачи нуклеусу устойчивости в процессе снятия с него пластин.

Начатые экземпляры, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют еще об одном техническом приеме при использовании нуклеусов. Так, работу начинали со снятия части приостренного края, примыкающего к ударной площадке, посредством краевого скола, в то время как вторая плоская перпендикулярная ей грань нуклеуса находилась на противоположной стороне, будучи обращенной к мастеру. Часть, с которой начинали снимать пластины, была обращена в обратную от него сторону.

По-видимому, эксплуатацию нуклеуса начинали со снятия краевого скола потому, что он являлся как бы направляющим для всех последующих ножевидных пластин. Этого нельзя было бы получить в том случае, если бы начало отжима пластин производили с широкой плоской грани, перпендикулярной площадке.

Таким образом предметы, найденные в 1968 г. на поселении Кочище II, раскрывают один из существенных моментов производства кремневых орудий. Неразрывная связь предметов наглядно иллюстрируется залеганием их компактной массой в специально сделанном углублении. По-видимому, это производилось для сохранения присущей кремню влажности, необходимой при последующей обработке.

Бесспорная связь найденных предметов с поселением, о чем с очевидностью свидетельствует не только стратиграфия, но и полное тождество кремня (многочисленных отщепов и орудий) с кремнем «клада», имеет большое принципиальное значение для понимания сущности макролитов и времени их бытования. Наличие на поселении керамики, типичной для значительной группы стоянок оз. Селигер, не оставляет сомнений в их неолитическом возрасте. Бóльшая хронологическая детализация будет возможна лишь после широких исследований группы стоянок, имеющих такую сзоеобразную керамику. Существующие же пока факты указывают как будто на поздненеолитический ее возраст.

---

[18] Размеры нуклеусов следующие: 1) плоские грани: 7,5×4,5 и 5×4 см; длина округлого ребра 7 см; ширина негатива краевого скола 2 см; 2) плоские грани: 7,5×4 и 9×3 см (эта грань орудия лишь слегка уплощена крупными сколами и имеет в средней части ребро), длина округлого ребра 11 см.

[19] Они имеют следующие размеры: 1) уплощенные грани: 13×4 и 6×4 см; длина округлого края 20 см; 2) соответственно 9×3, 8×4 и 10,5 см.

ÜLEM-VOLGA MAKROLIIDID UUTE UURIMISTE VALGUSEL

N. N. Gurina

Lühikokkuvõte

Volga ülemjooksu alade makroliitilisi tulekiviesemeid on paljud uurijad pidanud mesoliitilisteks või varaneoliitilisteks kirvesteks, hoolimata viimastel aastakümnetel kogutud materjalidest, mis näitavad, et tegemist on tulekivi töötlemise kohtades valmistatud poolfabrikaatidega. Selgesti tõendab seda ka autori poolt 1968. aastal Seligeri järve kirdekaldal hilisneoliitilisest Kotšištše II asulast avastatud tulekiviesemete kogumik, mis oli korraga maasse peidetud. See koosneb 16 esemest. Nende hulgas oli 7 suurt laastu (joon. 1), 2 alles tarvitamata neoliitilist ristiteraga kirvest (joon. 2) ja 7 tüüpilist makroliiti, mis osutusid kasutamiseks täielikult ettevalmistatud nukleusteks (joon. 3).

DIE MAKROLITHEN VOM OBERLAUF DER WOLGA IM LICHTE NEUER FORSCHUNGEN

N. N. Gurina

Zusammenfassung

Die aus dem Gebiet der oberen Wolga stammenden Feuerstein-Makrolithen sind von vielen Forschern für mesolithische oder frühneolithische Äxte gehalten worden, ungeachtet des in den letzten Jahrzehnten gesammelten Fundstoffes, welcher darauf hinweist, dass es sich um Halbfabrikate handelt, die in den Stätten der Feuersteinbearbeitung hergestellt wurden. Ganz sicher wird dies durch einen von der Verfasserin 1968 in der spätneolithischen Siedlung Kotschistsche II am Seligersee entdeckten geschlossenen Fund von Feuersteinartefakten bewiesen, welche gleichzeitig vergraben worden sind. Dieser Fund enthielt 16 Gegenstände, und zwar 7 grosse Feuersteinspäne (Abb. 1), 2 noch unbenutzte neolithische Queräxte (Abb. 2) und 7 typische Makrolithen, welche sich als zur Benutzung vollständig vorbereitete Nuklei erwiesen (Abb. 3).

KULTUURI ARENGUPIDEVUSEST EESTIS ÜLEMINEKUL KESKMISELT NOOREMALE KIVIAJALE

L. Jaanits

Mesoliitilise Kunda kultuuri pärandile neoliitilises kammkeraamika kultuuris on juba mõnikümmend aastat tagasi osutanud H. Moora, R. Indreko ja A. Äyräpää.[1] Mitme aastatuhande pikkune lünk arheoloogilistes allikates ei võimaldanud seda küsimust tollal veel konkreetsemalt käsitleda. Paaril viimasel aastakümnel on see lünk hakanud siiski vähehaaval täituma. 1950-ndail aastail selgus, et Eesti ja Läti territooriumil on olnud omapärane varaneoliitiline kultuur, millele on iseloomulik siinne vanim keraamika. Järgnev aastakümme tõi lisaks selle kultuuri uusi leiukohti ning ühtlasi täiendas meie teadmisi mesoliitikumi hilisemate järkude kohta.[2] Varaneoliitilise leiumaterjali teatavat lähedust kohalikule mesoliitilisele ainesele on märkinud juba N. Gurina ja F. Zagorskis.[3] Käesolevas kirjutises püütakse kõnesolevat probleemi mõnevõrra üksikasjalikumalt analüüsida. Võiksime küsimuse asetada selliselt: varaneoliitikumis ilmub siia täiesti uue nähtusena keraamika; kuivõrd on sellega kaasnev muu materiaalne kultuur uus ja kuivõrd see seostub kohaliku mesoliitilise kultuuriga?

Võrdluseks on meil kasutada rea suhteliselt hästi dateeritud mesoliitiliste leiukohtade materjal. Kunda ja Siimusaare esindavad mesoliitikumi varasemat järku, peamiselt VII ja VI aastatuhandet e. m.a. Mõlema asula lõpp on seostatav looduslike tingimuste muutumisega boreaalse ja atlantilise kliimaperioodi vahetusel.[4] Narva jõe alamjooksu leiukohad (Siivertsi, Tõrvala, Narva asula III ja II mesoliitiline kiht) on eelmistest veidi hilisemad, kuuludes VI aastatuhande teise poolde ja V aastatuhandesse e. m. a., kusjuures Siivertsi ja Tõrvala on õietolmu analüüsi abil dateeritud vastavalt boreaalse ja atlantilise kliimaperioodi piirile ning atlantilise perioodi varasesse ossa[5], Narva asula

---

[1] Eesti ajalugu I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus. Tartu 1935, lk. 58; R. Indreko, Eesti ürgaeg. Pilte Eestist 7—9000 aasta eest. *Elav Teadus 69,* Tartu 1937, lk. 47; R. Indreko, Die mittlere Steinzeit in Estland. *Handlingar 66,* Stockholm 1948, lk. 406; A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. *AA XXI,* København 1950, lk. 40.

[2] L. Jaanits, Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland. *FM LXXII, 1965,* Helsingfors 1966, lk. 12 jj., 36 jj.

[3] Н. Н. Гурина, Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции). *МИА 144,* Ленинград 1967, lk. 175; Ф. А. Загорскис, Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореферат кандидатской диссертации. Рига 1967, lk. 15, 23, 26.

[4] Л. Ю. Янитс, Новые данные по мезолиту Эстонии. *МИА 126,* Москва—Ленинград 1966, lk. 114 jj.

[5] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 90—95; Г. Н. Лисицына, Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-запада европейской части СССР. Rmt-s:

kultuurkihtide vanus on määratud aga radioaktiivse süsiniku meetodil[6]. Hilismesoliitikumi, IV aastatuhandesse e. m. a., on seni kindlamalt dateeritud ainult Narva asula I kultuurkihi kahjuks üsna väikesearvuline materjal. Pärnu jõe alamjooksu rikkalik luuesemete kogu, samuti kui Läti territooriumilt Lubānast, Ludzast ja Dvietest kogutud hulgalised leiud kuuluvad erinevatesse kiviaja ja osalt hilisematessegi perioodidesse. Ka Zvejnieki kalmistu ja Osa asula alumise kultuurkihi leiud, kuigi neid tuleb pidada mesoliitikumi kuuluvaiks, ei ole praegu veel täpsemini dateeritud.[7]

Varaneoliitilist leiukompleksi esindavad kõige ilmekamalt Eestis Kääpa ja Riigiküla I asula[8], Lätis aga Osa asula varaneoliitilise kihi[9] materjalid. Riigiküla III asula leiuaines on suhteliselt vähene, Narva asula neoliitilises kihis, Äkalis ja mõnedes Läti asulates aga esinevad varaneoliitilised leiud hilisematega tugevasti segatult. Otsustades Kääpa materjalide vanusemäärangute järgi C^{14} meetodil kuulub varaneoliitiline kultuur III aastatuhande esimesse poolde ja keskossa e. m. a., kuid on võimalik, et selle algus ulatub veidi varasemasse aega.[10]

Võrreldes mesoliitilist ja varaneoliitilist leiumaterjali tervikuna, võime nende vahel konstateerida mitmeid ühisjooni. Mõlemal perioodil on esemete valmistamiseks kasutatud samu toormaterjale. Domineerivad luu ja sarv, kivi on kasutatud suhteliselt vähem, seejuures peamiselt kohalikke kristallilisi kiviliike ja kvartsi. Tulekiviesemeid esineb väga vähe; rohkesti on neid ainult sellistes asulates, mille vahetus läheduses seda toormaterjali leidub (Siimusaare). Sarnasus on eriti silmatorkav, kui kiviaja varasemaid perioode võrrelda hilisema neoliitikumiga alates kammkeraamika kultuurist, mil tulekivi ja kiltkivi osatähtsus on järsult suurenenud, kuna sarvesemeid on tunduvalt vähem.

Nii mesoliitikumis kui varaneoliitikumiski on materjalide töötlemisel kasutatud ka põhiliselt samasuguseid tehnilisi võtteid. Muidugi on kõnesoleval väga pikal ajavahemikul leidnud aset tehnika teatav arenemine, kuid seegi on toimunud peamiselt juba mesoliitikumi jooksul. Nii oli kristalliliste kiviliikide algeline lihvimine kasutusel juba Kundas, Narva kultuurkihtides esineb aga kiviesemeid, mis ei ole sugugi halvemini lihvitud kui Kääpa kiviriistad. Luu ja sarve puurimine oli samuti tuntud juba mesoliitikumis, kusjuures eriti peente aukude puurimine, näiteks hammasripatsitele ja harpuuniotstele, muutus mesoliitikumi hilisematel järkudel üha levinumaks. Tulekivi töötlemisel piirduti mõlemal perioodil peamiselt servaretušiga.

Varaneoliitilisele kultuurile on kõige iseloomulikum luu- ja sarvinventar. See esineb suhteliselt ühtlasena kõigis selle perioodi asulates, on ehk isegi ühtlasem kui nendes leiduv keraamika. Üldreeglina on kõige arvukamalt esindatud kolm rühma esemeid, nimelt kahte põhitüüpi luunooleotsad (joon. 1:4, 6, 7, 9, 10), lüheldased, enamasti veidi kaarja kuju ja kiilutaolise teraga sarvesemed (joon. 2:3) ja ligikaudu 45°-lise teranurgaga lõhestatud toruluust riistad (joon. 2:6) ning nende valmistamisel järelejäänud viltu läbisaetud luuotsad. Mainitud esemeid võiks nimetada varaneoliitikumi juhtvormideks, nende rohkus on selle perioodi asulate inventari üheks omapärasemaks tunnuseks. Peale nende tuleb ette naasklitaolisi luuteravikke, laiemaid ja kitsamaid luutalbu, ludasid, pistodasid, odaotsi, harpuuni- ja ahinguotsi, õngekonkse, hammasripatseid jm.

Meie mesoliitilistele asulatele ei ole esemeliikide selline arvuline suhe iseloomulik. Seejuures tuleb aga arvestada, et küllaldase põhjalikkusega tunneme seni ainult varasema mesoliitikumi, Kunda etapi luuinventari, kuna mesoliitikumi hilisemate järkude materjal on esialgu alles vähene ja võib seetõttu olla mõnevõrra juhusliku koosseisuga.

Varaneoliitilised nooleotsad jagunevad kahte põhitüüpi: a) ligikaudu pajulehetaolise lehega ja kitseneva, teravalt lõppeva rootsuga ning b) tinglikult kaksikkoonilise kujuga ja samuti teravalt lõppeva rootsuga. Mõlemat tüüpi nooleotste hulgas leidub üsna erineva pikkusega eksemplare, mõlemad on keskel laienevad; peamiseks eristavaks tunnuseks on nende ristläbilõige, mis esimesel tüübil on teravovaalne kuni lamerombjas, nii et eseme külgservad on teravad (joon. 1:4, 6, 7), teisel tüübil aga ovaaljas kuni ümar, teravaid külgservi ei ole (joon. 1:9, 10).

Mesoliitiliste asulate inventaris leidub nooleotsi üldiselt vähe. Luunooleotstest on kõige iseloomulikumad väga pikad, kas ühe või kahe kisuga eksemplarid. Selliseid ühekisulisi nooleotsi esineb juba Kundas, Siivertsis, Tõrvalas

---

Н. Н. Гурина, Древняя история Северо-запада европейской части СССР. *МИА 87*, Москва—Ленинград 1961, lk. 542—549.

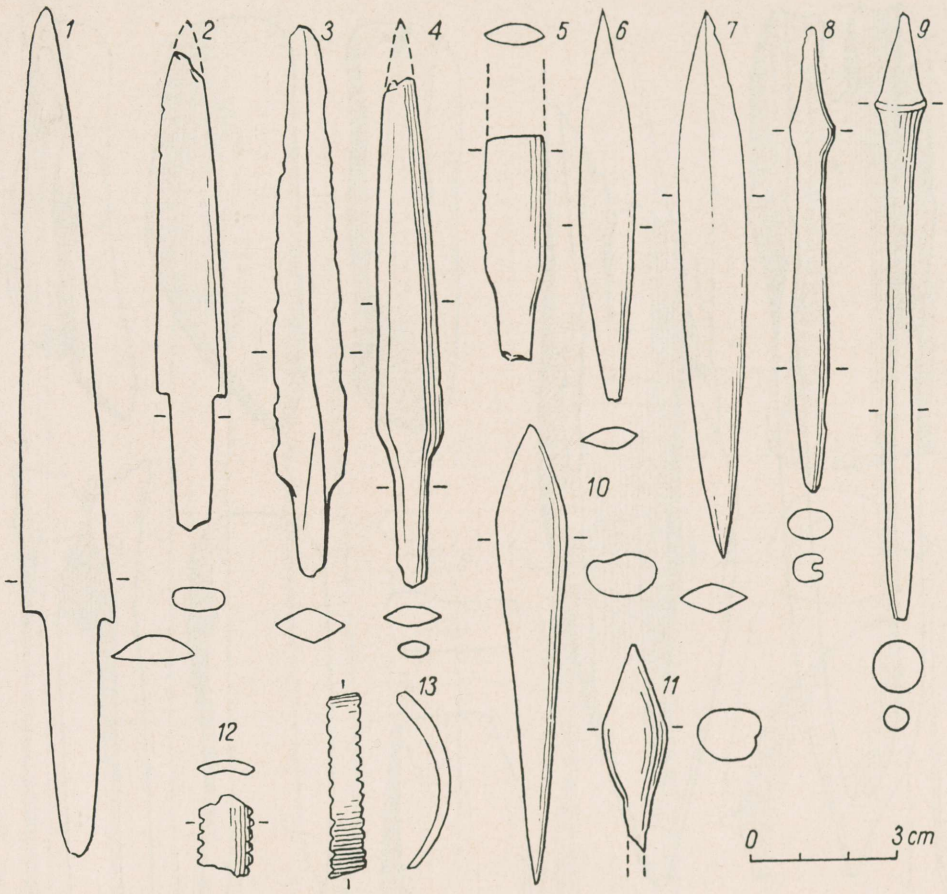
[6] Jaanits, Über die Ergebnisse, lk. 44.

[7] Загорскис, lk. 22, 23.

[8] Jaanits, Die frühneolithische Kultur in Estland. *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum, pars II.* Helsinki 1968, lk. 12—25; Гурина, Из истории древних племен, lk. 72 jj.

[9] Загорскис, lk. 12 jj.

[10] Jaanits, Die frühneolithische Kultur, lk. 22; Загорскис, lk. 22.

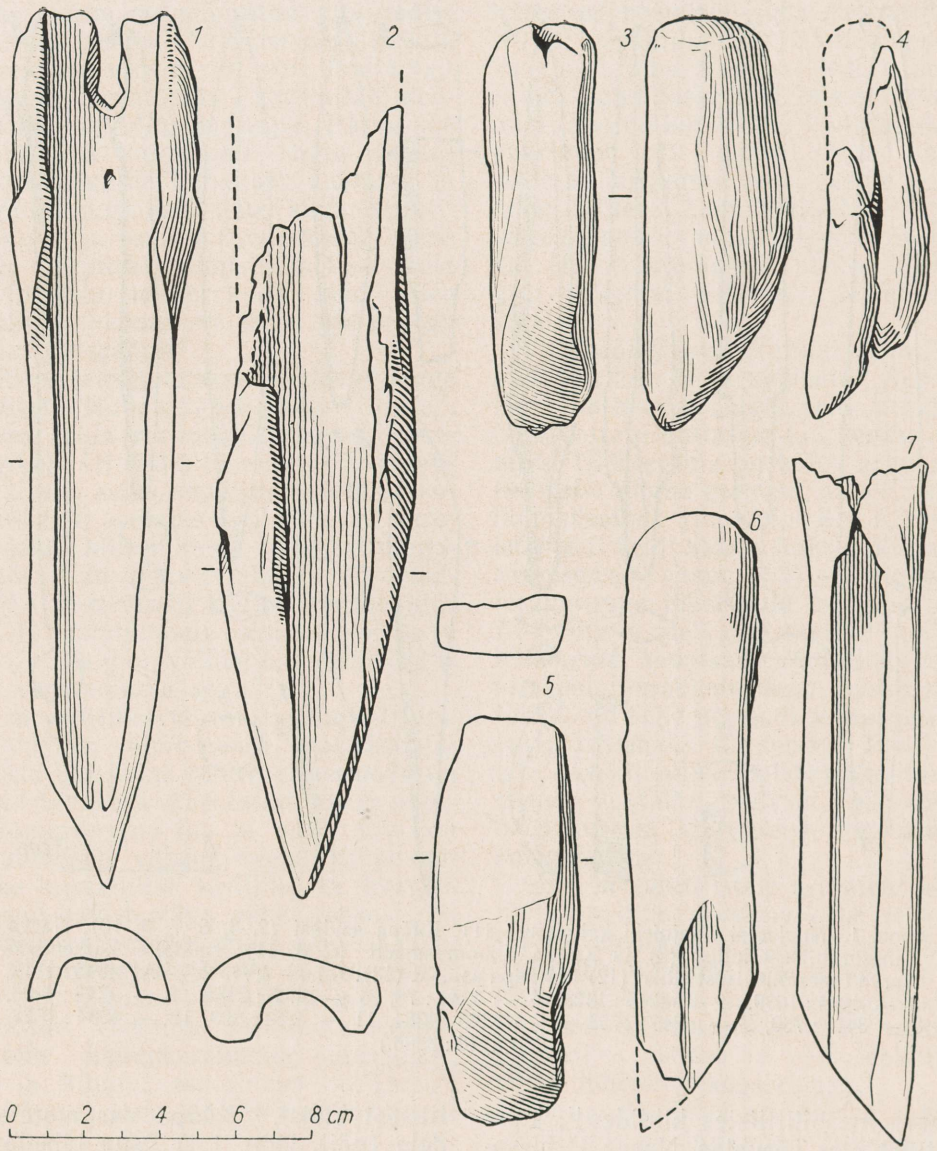
Joon. 1. Nooleotsi Zvejnieki kalmistust (1), Kääpa asulast (2, 4, 6, 7, 9, 10), Narva I mesoliitilisest kihist (3) ja Kunda Lammasmäelt (5, 8, 11); ripatsite katkendeid Narva I mesoliitilisest kihist (12) ja Kääpa asulast (13). (1 — LVI, 2 — AI 4245 : 1812, 3 — 4264 : 1039, 4 — 4245 : 1428, 5 — 4284 : 78, 6 — 4245 : 2468, 7 — 4245 : 4403, 8 — 3410 : 750, 9 — 4245 : 1753, 10 — 4245 : 4284, 11 — 4284 : 323, 12 — 4264 : 1022, 13 — 4245 : 3966.)

ja kõigis Narva mesoliitilistes kihtides[11], kuna kahekisulisi tuleb ette Tõrvalas, Narva II mesoliitilises kihis ja Osa mesoliitilises kihis[12]. Eriti iseloomulikud on nii ühe- kui ka kahekisulised luunooleotsad panustena Zvejnieki kalmistus (joon. 1:1).[13] Üks kahe kisuga nooleots on leitud ka Kääpa asulast (joon. 1:2).

Enamik varaneoliitilisi pajulehetaolisi nooleotsi on aga kiskudeta. Mesoliitilistele leiukohtadele ei ole need nii iseloomulikud, kuid ette neid siiski tuleb. Mõned eksemplarid on teada juba Kundast (joon. 1:5), üks Narva II—III mesoliitilisest kihist.[14] Kääpa vastavatele eksemplaridele (näit. joon. 1:4) üsna lähedane pikk lühikese rootsuga nooleots on leitud Narva I mesoliitilisest kihist (joon. 1:3); sealtsamast on veel paar katkendit nähtavasti sama tüüpi otsikutest[15].

Koos kõnesolevate nooleotstega tuleks mainida ka paari katkendit Kääpalt, mis nähtavasti on seoses mesoliitiliste esemevormidega. Üks neist kuulub pajulehetaolist tüüpi pikale ja õhukesele otsikule (joon. 3:4), mille mõlemas servas on kahe rühmana pisikesi sälke, mis muudavad servad hambuliseks. Teine katkend (joon. 3:5) pärineb samasuguste servasälkudega esemest, mis on aga eelmisest tunduvalt paksem, segmentja ristlõikega. Terve ese võis olla

[11] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 251, joon. 69:1, 7; Янитс, Новые данные по мезолиту, lk. 123, joon. 3:12—14; Jaanits, Über die Ergebnisse, joon. 22:7.
[12] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 252 jj., joon. 70:1, 2; AI 4264:2938; LVI O/238.
[13] Zvejnieki kalmistu leiumaterjal asub LVI-s.
[14] AI 3575:130; 4264:1419.
[15] AI 4264:1027, 2177.

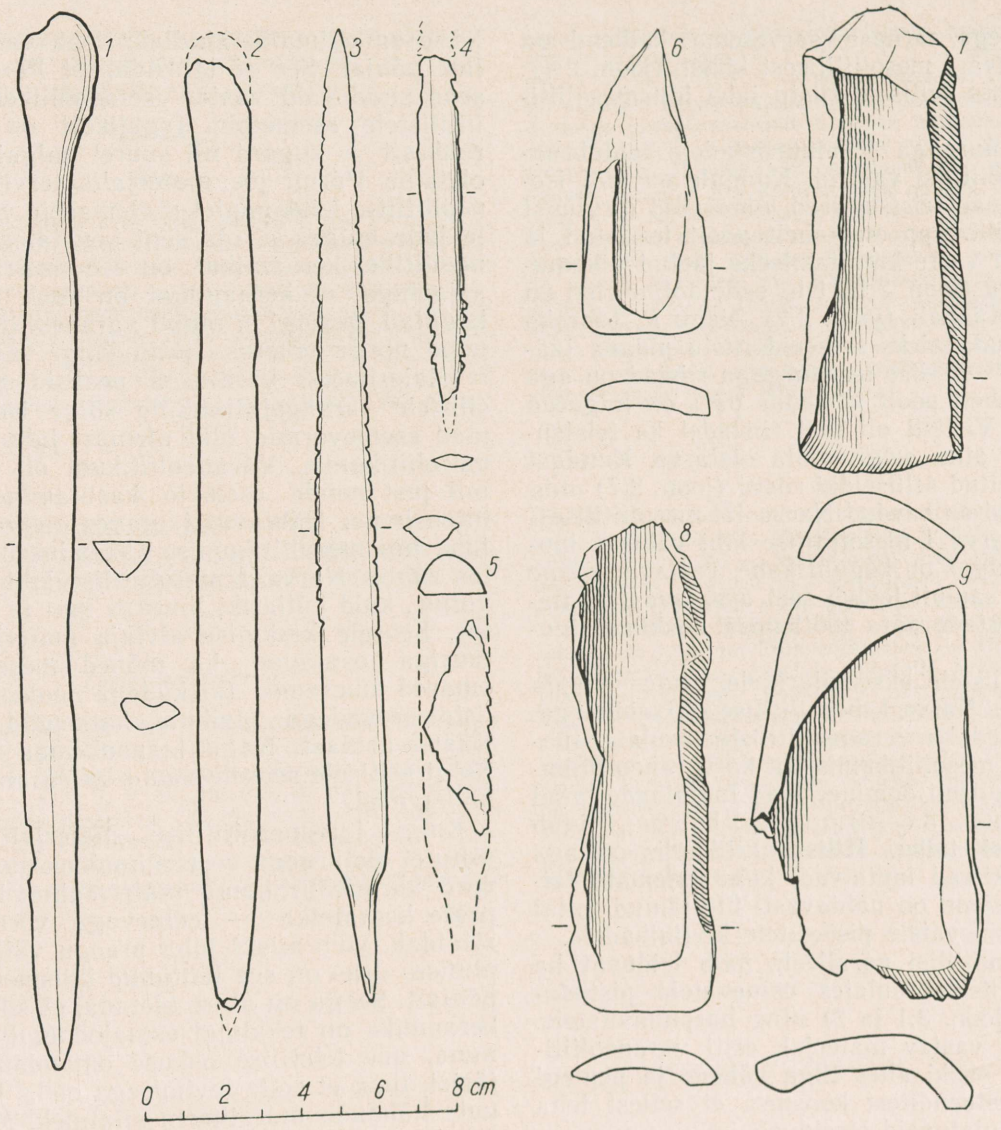

Joon. 2. Jäätuuri Kunda rabast (1) ja Kääpa asulast (2); sarvesemeid Kääpa asulast (3), Narva I mesoliitilisest kihist (4) ja Kunda Lammasmäelt (5); nurkteraga riistu Kääpa asulast (6) ja Kunda rabast (7). (1 — AI 1579 : 24, 2 — 4245 : 1760, 3 — 4245 : 2303, 4 — 4264 : 329, 5 — 3410 : 30, 6 —4245 : 2671, 7 — 1579 : 19.)

samasugune pikk lühikese rootsuga teravik, nagu neid esineb mitmes Eesti ja Läti mesoliitilises leiukohas[16], muuhulgas ka Kundas (joon. 3:3). Neid teravikke on peetud nooleotsteks, oma suuruse ja raskuse poolest sobiksid nad pigemini aga heiteodaotsikuiks.

Kaksikkoonilised ja neile lähedased nooleotsad on Eesti mesoliitilistes leiukohtades võrdlemisi haruldased. Mõningaid eksemplare esineb siiski Kundas (joon. 1:8, 11). Ühel neist leidub pikisoon tulekiviterade jaoks — nähtus, mis ei paista olevat omane meie hilismesoliitilistele luuesemetele. Rohkesti esineb kaksikkoonilisi ja stiilusekujulisi nooleotsi sellistes Läti leiukohtades, kust on saadud nii mesoliitilist kui ka neoliitilist materjali (Ludza, Lubāna,

[16] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 248 jj.; И. Лозе, Мезолитические находки Лубанской низменности. *Известия Академии наук Латвийской ССР 1964, № 3*, Рига 1964, lk. 12 jj., tahv. II: 5, 6.

Joon. 3. Pistodasid Tõrvalast (1) ja Kääpa asulast (2); hambuliste servadega otsikuid Kunda rabast (3) ja Kääpa asulast (4, 5); luutalbu Narva II—III mesoliitilisest kihist (6), Kunda Lammasmäelt (7) ja Kääpa asulast (8, 9). (1 — AI 4308, 2 — 4245 : 2298, 3 — 1579 : 15, 4 — 4245 : 2123, 5 — 4245 : 2407, 6 — 4264 : 1355, 7 — 3410 : 529, 8 — 4245 : 3519, 9 — 4245 : 3584.)

Dviete). Väga iseloomulikud on need ka idapoolse metsavööndi kiviaja leiukohtadele kuni Uraalini välja.[17]

Lisaks eelöeldule võiks tähendada, et nähtavasti pärandina mesoliitikumist on varaneoliitilistel luunooleotstel suhteliselt pikk roots. Hilisneoliitilistel otsikutel on see harilikult lühem.

Kiilutaolise teraga sarvriistade kuju on väga lihtne ja lähtub tooraine — põdrasarveharu — looduslikust vormist. Sarvriistu on rohkesti valmistatud juba mesoliitikumis. Kundale on siiski iseloomulikud mõnevõrra teistsugused sarvriistad, nimelt lamedad, kandiliseks töödeldud kannaga kirveterad (joon. 2:5), mis asetati sarvest kirvepeas olevasse pesasse. Tundub aga, et kõnesolevaid varaneoliitilisi sarvriistu on kasutatud varretamata, millele osutab nende peoshoidmiseks sobivalt ümaraks lõigatud kannaots.

[17] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 258 jj.; joon. 72: 1, 2; 73; М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера европейской части СССР. *МИА 29*, Москва 1952, lk. 44 jj., joon. 15—17.

Ühe nendega sarnase sarveseme katkend on leitud Narva I mesoliitilisest kihist (joon. 2:4). Seega esines selliseid riistu juba hilismesoliitikumis.

45°-lise nurgaga toruluuriistadele leidub samuti mesoliitilisi vasteid. Kundale on küll iseloomulikumad teistsugused lõhestatud toruluust riistad, mille tipp on kahelt poolt teritatud ja pärasse on varre kinnitamiseks jäetud pikisuunaline nõgu (joon. 2:1). Üks selletaoline riist on leitud ka Kääpalt (joon. 2:2). Nagu R. Indreko on näidanud, tuleks selliseid riistu pidada jäätuuradeks.[18] 45°-lise teranurgaga riistad on aga teritatud ühelt poolt ja nende pära on lõigatud lamedaks. Vististi oli neil riistadel ka teistsugune, seni alles selgitamata otstarve. Kundast on siiski leitud selliseidki riistu (joon. 2:7) ning ühe katkend on saadud Narva III mesoliitilisest kihist.[19] Narva I mesoliitilise kihi väheste luuesemete hulgas on koguni kahe vastava eseme katkendid, samuti leidub seal arvatavasti samasuguste riistade pära töötlemisel tekkinud luujätteid.[20]

Mesoliitilistele eksemplaridele, alates Kunda ja lõpetades Narva I mesoliitilise kihi leidudega, on lähedased ka varaneoliitiliste asulate luutalvad. Nii mesoliitikumis kui ka varaneoliitikumis on arvuliselt domineerivad luutalbade laiad vormid (joon. 3:6—9), mille hulgas leidub õõnesteralisi talbu. Hilisneoliitikumis on aga ülekaalus kitsad luutalvad, kuna laiemate talbade funktsioon on nähtavasti üle läinud tollal arvukalt esinevatele pisikestele kivitalbadele.

Hilismesoliitilisi paralleele näib leiduvat ka varaneoliitilistes asulates esinevatele pistodadele (vrd. joon. 3:1 ja 2) ning harpuuniotstele. Esialgu on vastav materjal, eriti varaneoliitikumi osas, siiski alles liiga vähene ja pealegi enamasti katkenditest koosnev, et sellest teha kaugemale ulatuvaid järeldusi.

Lõpuks mainiksin veel mõningaid Kääpa asulast leitud hambuliseks lõigatud äärtega ripatseid kopra esihammastest (joon. 1:13), millele on vaste (joon. 1:12) Narva I mesoliitilisest kihist, seega jällegi hilismesoliitikumist.

Eespool jäeti teadlikult võrdlusest välja Pärnu jõe alamjooksult kogutud rikkalik luu- ja sarveesemete materjal, sest selle eriaegseid komplekse on võimalik kindlaks teha vaid paralleelide põhjal. See ei tähenda, et Pärnu leidude seas puuduksid vasted iseloomulikele varaneoliitilistele esemetele. Tegelikult on neid seal rohkesti — koguni nii suurel hulgal, et peame oletama Pärnu jõe materjalis tervikliku varaneoliitilise leiukompleksi olemasolu. Kuigi Pärnu leidude hulgas ei ole seni konstateeritud varaneoliitilist keraamikat, on see vististi seletatav asjaoluga, et keraamikat on sealt üldse vähe kogutud, pealegi ei olnud varaneoliitilised savinõud nõrga põletuse tõttu kuigi vastupidavad.

Ülalesitatud võrdlused peaksid näitama, et siinsele varaneoliitikumile kõige iseloomulikumad esemevormid olid olemas juba kohalikus mesoliitikumis. Varaneoliitikum oli perioodiks, mil just nende esemete kasutamine oli eriti intensiivne. Nähtavasti arenes selline tendents juba hilismesoliitikumis. Tähendusrikas on selles suhtes Narva I mesoliitilise kihi väikesearvuline, kuid küllaltki ilmekas luu- ja sarvinventar. Seosele keskmise kiviaja materiaalse kultuuriga osutavad ka mõned mesoliitikumile omased luuesemed (kiskudega nooleots, hambuliste servadega otsikute katkendid, jäätuur) Kääpa asulast. Nagu eespool juba näidati, ei räägi sellisele seosele vastu ka varaneoliitilised kiviesemed.

Kuigi hilismesoliitilise materjali nappuse tõttu ei ole praegu veel võimalik otsustada, kuivõrd varaneoliitikumi materiaalne kultuur — peale keraamika — eelnevaga võrreldes uut sisaldab, võib siiski juba praegu väita, et oma olulises osas on see lähtunud hilismesoliitiliselt põhjalt. Seega on alust oletada, et siinne vanim keraamika on tekkinud esmajoones kultuurilaenuna, uue tehnilise oskuse omandamise tagajärjel, ilma et selle levimisega oleks kaasnenud uute hõimude massilisem siiatulek. Muidugi ei taheta sellega eitada igasuguseid etnilisi liikumisi varaneoliitikumis. Tõenäoliselt on neid mõningal määral esinenud, nagu varem mesoliitikumiski. Tundub aga, et võimalikud juurdetulijad ei olnud eriti arvukad ega muutnud oluliselt siinse elanikkonna materiaalset kultuuri ja etnilist ilmet. Et Ida-Baltimaade varaneoliitilises keraamikas pealegi ilmneb küllalt tugevaid piirkondlikke erinevusi, siis on tõenäoline, et kultuurimõjusid, aga võib-olla ka väiksemaid asukaterühmi on siia saabunud mitmest suunast.[21]

[18] Indreko, Die mittlere Steinzeit, lk. 297 jj.

[19] Sealsamas, lk. 297, joon. 65:9; Янитс, Новые данные по мезолиту, joon. 4:2; Jaanits, Über die Ergebnisse, joon. 23:14 (joonisel on ese ekslikult paigutatud II mesoliitilise kihi leidude hulka).

[20] AI 4264:332, 369, 382, 2174.

[21] Vrd. Jaanits, Die frühneolithische Kultur, lk. 23 jj., kaart joon. 1.

О БЕСПРЕРЫВНОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭСТОНИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ

Л. Янитс

Резюме

Сравнивая костяные и роговые изделия (рис. 1 : 4, 6, 7, 9, 10, 13; 2 : 3, 6), характерные для ранненеолитических поселений Эстонии и Латвии (первая половина и середина III тысячелетия до н. э.), с мезолитическими находками с той же территории, можно убедиться, что все ведущие в раннем неолите типы предметов были в употреблении уже и в мезолите (рис. 1 : 3, 5, 8, 11, 12; 2 : 4, 7), хотя они были там не так многочисленны. С другой стороны, в ранненеолитических поселениях мы встречаем единичные орудия, характерные главным образом для мезолита (рис. 1 : 1; 2 : 1; 3 : 3 — мезолитические, рис. 1 : 2; 2 : 2; 3 : 4, 5 — неолитические). Наряду с ними имеются также формы предметов, имевших довольно большое распространение в обоих названных периодах (рис. 3 : 1, 6, 7 — мезолитические; рис. 3 : 2, 8, 9 — неолитические). Принимая во внимание, что в мезолите и раннем неолите для изготовления орудий предпочитали одно и то же сырье (кость, рог, кристаллические каменные породы) и техника их обработки развивалась в течение всего этого времени беспрерывно, хотя и медленно, автор полагает, что ранненеолитическая культура возникла здесь на основе местной мезолитической культуры. Умение изготовления керамики является для местного населения, по-видимому, культурным заимствованием, усвоенным, возможно, у небольших групп проникавших сюда новых пришельцев.

ÜBER DIE LÜCKENLOSIGKEIT DER KULTURENTWICKLUNG IN ESTLAND BEIM ÜBERGANG VON DER MITTLEREN ZUR JÜNGEREN STEINZEIT

L. Jaanits

Zusammenfassung

Ein Vergleich der für die frühneolithischen Siedlungen (erste Hälfte und Mitte des III. Jahrtausends vor u. Z.) Estlands und Lettlands typischen Knochen- und Horngeräte (Abb. 1:4, 6, 7, 9, 10, 13; 2:3, 6) mit den mesolithischen Funden desselben Gebiets zeigt, dass alle fürs Frühneolithikum als führend zu bezeichnenden Formen bereits im Mesolithikum bekannt waren (Abb. 1:3, 5, 8, 11, 12; 2:4, 7), wenngleich nicht so zahlreich. Anderseits finden sich in den frühneolithischen Siedlungen auch einzelne speziell für das Mesolithikum typische Gegenstände (Abb. 1:1; 2:1; 3:3 — mesolithisch, Abb. 1:2; 2:2; 3:4,5 — neolithisch). Daneben gibt es Formen, welche in beiden genannten Perioden recht verbreitet waren (Abb. 3:1, 6, 7 — mesolithisch, Abb. 3:2, 8, 9 — neolithisch). Da im Mesolithikum sowie im Frühneolithikum zur Herstellung von Arbeitsgeräten die gleichen Rohstoffe bevorzugt wurden (Knochen, Geweih, kristalline Gesteinsarten) und die Technik ihrer Bearbeitung sich während dieser Zeit ununterbrochen, wenngleich langsam entwickelte, so ist der Verfasser der Meinung, dass die hiesige frühneolithische Kultur sich auf Grund der örtlichen mesolithischen Kultur entwickelt hat. Die Kunst der Anfertigung von Tonware hat die örtliche Bevölkerung scheinbar als Kulturentlehnung erworben, vielleicht durch kleinere eingewanderte Ansiedlergruppen.

ZU DEN AXTFÖRMIGEN ANHÄNGERN DER JÜNGSTEN EISENZEIT

Ella Kivikoski

Als Jorma Leppäaho vor mehr als 30 Jahren die silbernen Schmuckstücke musterte, die kurz zuvor mit dem Schatzfund von Tavajärvi in Kuusamo in die Sammlungen des Nationalmuseums gelangt waren, galt seine Aufmerksamkeit ihrem schlechten Material. Nach seiner Feststellung war dies auch in einigen anderen Fällen ein Kennzeichen der Schmuckstücke aus lappländischen Schatzfunden.[1] Er nahm an, dass es eine eigens für den Lappenhandel hergestellte Ware gewesen sei und die Absicht bestanden habe, die lappischen Käufer einfach zu betrügen; mit anderen Worten: er setzte voraus, dass die Goldschmiede der alten Kulturlandschaften gegen Ende der Eisenzeit Schmuck speziell für den Lappenhandel gefertigt hätten, vergleichbar mit dem überlieferten, im 17. Jahrhundert geübten Brauch der Silberschmiede von Bergen, bestimmte bei den Lappen beliebte Gegenstände zu erzeugen, wie etwa silberne Halsringe, Anhänger und Fibeln.[2] Zwar wird man nicht behaupten wollen, dass während der Kreuzzüge der den Norden erreichende Handel der südlichen Siedlungsgebiete — damals vielleicht in erster Linie Kareliens — gleich wirksam und auf gleiche Weise organisiert gewesen wäre wie der dieser neuzeitlichen Werkstätten, doch ist nicht zu leugnen, dass die Schatzfunde des nördlichen Skandinaviens wiederholt gleiche Schmuckformen umfassen, vor allem silberne Hals- und Armringe, hufeisenförmige Fibeln, Silberketten und dazu gehörige Anhänger. In den karelischen Grabfunden der entsprechenden Zeit fehlen sie beispielsweise und sind auch sonst im Nachlass der ständig besiedelten Gebiete sehr selten. Demgegenüber erscheinen gleiche Schmuckformen zuweilen auch in den Grabfunden Lapplands. Desgleichen sind vereinzelte Stücke selbst in den Funden von den grossen Opferstätten Schwedisch-Lapplands enthalten.

Eine dieser nordischen Schmuckformen ist der sog. axtförmige Anhänger, ein Schmuck, der aus dünnem Silberblech mittels Treiben und Gravieren hergestellt wurde und oft Anlass zur Nachahmung gegeben hat. Ein Beispiel dafür sind die etwa 120 kleinen, aus zinnhaltigem Metall gegossenen axtförmigen Anhänger.

Inga Serning hat in ihrer Monographie über die Opferfunde Lapplands[3] diese Gruppe von

[1] J. Leppäaho erwähnt das in seinem Aufsatz in Suomen esihistoria. *Suomen historian käsikirja I,* Porvoo 1949, S. 85.

[2] Z. B. Phebe Fjellström, Lapskt silver. Uppsala 1962, passim.

[3] Inga Serning, Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. *Acta Lapponica XI,* Stockholm 1956, S. 59 ff.

Schmuckstücken besprochen. Daher kann hier von ihrer Beschreibung abgesehen werden. Vielmehr ist es meine Absicht, die gut ausgearbeiteten silbernen Stücke von stattlicher Grösse mit dem Ziel zu untersuchen, dadurch zur Einsicht über den Ursprung des Typs zu kommen.

Das engere Herstellungsgebiet der Silberschmuckstücke der lappischen Funde hat man in verschiedenen Gegenden gesucht. Björkman[4] hat nachweisen wollen, dass es für die geflochtenen, silbernen Halsringe mit losem Endstück Entsprechungen in den östlich der Ostsee gelegenen Gebieten gibt, doch weder in Westfinnland noch in Skandinavien. Er hält daher Karelien für das wahrscheinliche Entstehungsgebiet dieser Ringe. Anscheinend sind seiner Meinung nach auch die hufeisenförmigen Fibeln und axtförmigen Anhänger in diesen Funden der gleichen Herkunft. Als ihr Herstellungszentrum hat Äyräpää in erster Linie Nowgorod angesehen[5], Appelgren und Tallgren aber — namentlich in Hinsicht auf die Stücke von Vardö — das Ostbaltikum[6]. Serning schliesslich meint, die Werkstätten hätten in der Kulturlandschaft an der Südostküste des Ladogasees, in Ingermanland, Nowgorod oder Karelien gelegen.[7]

Die Karte Abb. 1 zeigt die Verbreitung der grossen axtförmigen Anhänger aus Silber: Kuusamo—Tavajärvi (2), Kuusamo—Lämsä (1), Gråträsk in Norrland (2), Skjervöy (1), Lenvik-Botnhamn (3) und Vardö (2) in Nordnorwegen. Weitere Fundorte sind: Liikva (1), Kaberla (1) und Kumna (1) in Nordestland, Osmino (1) in Ingermanland und noch weiter östlich der Fluss Waga (1).

Gehen wir von dem in Kuusamo—Lämsä geborgenen Anhänger (Abb. 2) aus und wenden wir uns seinem Hauptmotiv zu. Seine Mitte füllt ein getriebener senkrechter Stab, dessen unteres Ende kreuzförmig ist. Die Kreuzarme laufen dreiblättrig aus. Zu beiden Seiten dieser Mittelfigur erscheinen die Darstellungen zweier Trinkhörner, die unteren mit der Mündung nach oben, die oberen auf der Seite liegend. Der untere und obere Rand sind mit einem gewinkelten Flechtband verziert. Diese Figuren sind von kleinen gestempelten Dreiecken und Punktmotiven umrandet.

Durch einen Ring mit ihr verbunden, hängt der Anhänger an einer feingeflochtenen Silberkette. Der Ring ist in die glatten Endzwingen der Kette eingehängt und mit dem Anhänger durch eine im Unterteil nach beiden Seiten spiralig auslaufende Öse verbunden. Einige weitere axtförmige Anhänger, nämlich die Stücke aus Lämsä, Skjervöy und Lenvik hängen an gleichartigen Silberketten.

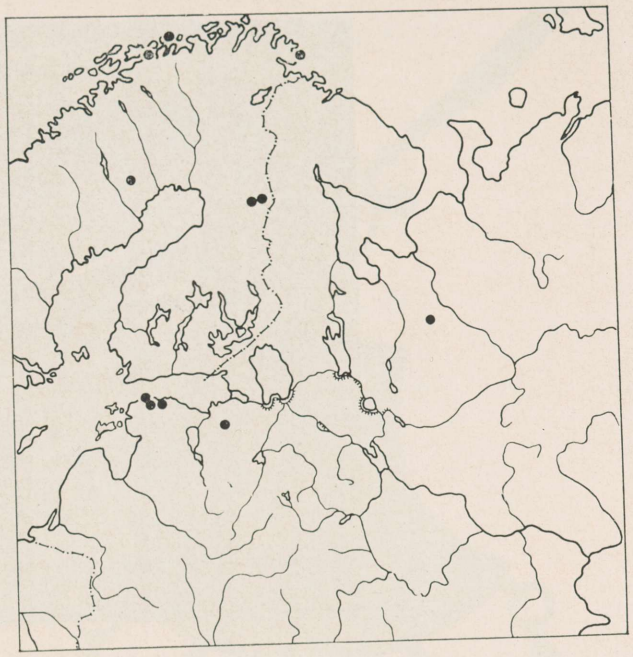

Abb. 1. Die Verbreitung der grossen silbernen axtförmigen Anhänger.

Von diesen ähnelt der Anhänger aus Skjervöy (Abb. 3) dem von Lämsä so sehr, dass angenommen werden darf, sie seien von ein und demselben Silberschmied hergestellt worden. Sein Motiv besteht aus der gleichen dreiarmigen Kreuzfigur, den gleichen — hier gleichsam umgestülpten — Trinkhörnern, dem gleichen Zierstreifen am unteren Rande des Gegenstandes. Zu den Übereinstimmungen zählt ferner — und meines Erachtens als eine der wichtigsten — eine Doppelspiralzier am Ring, ähnlich der am Ansatz der Anschlussöse von Lämsä. Unterschiede bestehen vor allem in den S-förmigen Figuren (Schlangen?) zu beiden Seiten des Kreuzes. Dagegen bedeuten die Schwimmfussberlocks offenkundig keinen wesentlichen Unterschied. Sie sind unverkennbar nachträglich auf den Zierstreifen genietet worden, unbekümmert dessen, dass der einheitliche Eindruck des Musters dadurch verdorben wurde.

Als Kreuzstab, obschon gleichsam gespalten, lässt sich auch das Muster des aus Tavajärvi

[4] Tuomas Björkman, Kuusamon Lämsän hopeaaarre. *SM LXIV, 1957*, Helsinki 1957, S. 20 ff.

[5] Aarne Äyräpää, Uusinta muinaislöytösatoa Oulun läänistä. *Jouko III. Pohjois-pohjalaisen osakunnan kotiseutujulkaisu*, Helsinki 1937, S. 60 ff.

[6] A. M. Tallgren, Biarmia. *ESA VI*, Helsinki 1931, S. 113 ff.

[7] Serning, S. 59 ff.

Abb. 2. Silberner Anhänger aus Kuusamo — Lämsä, Nordfinnland.

stammenden Anhängers (Abb. 4:1) bezeichnen. Das Schmuckstück wird ebenfalls durch einen aus kleinen Buckeln bestehenden Zierstreifen, wie durch Dreiecks- und Punktstempel bereichert. Als vertikale Stäbe erscheinen ferner die Ziermuster in der Mitte der Anhänger aus Lenvik (Abb. 4:3, 4); Buckelchen an den Enden der Stabverzweigungen nähern ihn dem in dem Fund von Tavajärvi erhaltenen Anhänger (Abb. 4:1). Auf einem der Exemplare aus Gråträsk[8] wird der Stab von einer Winkellinie begleitet, wie sie auch das Stück von Vardö (Abb. 4:5) verziert. Das andere zeigt längs den Seiten verlaufende Bogenfiguren.

Ein senkrechter Kreuzstab erscheint ferner auf dem kürzlich im Gräberfeld Kaberla gefundenen, aus schlechtem Silber gefertigten Anhänger (Abb. 5), sowie auf dem Anhänger aus Kumna (Abb. 4:2). Ein weiterer auf dem Anhänger von Liikva[9] endet in einem Dreieck. Dazu lassen beide eine Schiffs(?)figur und eine Ranke erkennen. Der Fund aus dem Fluss Waga[10] zeigt ein gleicharmiges Kreuz. Wieder enden dessen Arme in Dreiblattform (vgl. den Anhänger aus Lämsä, Abb. 2). Die Verbindung von Kreuz und senkrechtem Stab fehlt hingegen auf einem der im Fund von Tavajärvi erhaltenen Anhänger.[11] Seine Hauptverzierung ist eine Doppelpalmette. Auch der Anhänger von Osmino[12] ist nur durch recht plumpe Bogenfiguren ausgeschmückt.

Vergleichen wir die zuletzt genannten Anhänger miteinander, so entspricht die Verzierung am unteren Rande des Stücks von Tavajärvi der auf den Exemplaren aus Lämsä und Skjervöy (Abb. 2, 3), so dass auch sie sich an die Gruppe anschliessen lassen. Endlich sei noch angeführt, dass die Schiffsfiguren auf den Anhängern aus Lenvik (Abb. 4:3, 4) offenbar als missverstandene Kopie der Bilder auf den Anhängern von Liikva, Kaberla und Kumna anzusehen sind.

Aus ständig besiedelten Gebieten stammen nur die drei in Estland gefundenen Anhänger und der von Osmino aus Ingermanland. Aus Karelien ist der Typ überhaupt nicht bekannt. Mit Hinweis auf die Schwimmfussberlocks am Anhänger von Skjervöy hält Serning es für sicher, dass Estland als Herstellungsland des Anhängers nicht in Frage kommen kann. Da diese Berlocks aber, wie gesagt, erst nachträglich, also nicht notwendig in ihrem Herkunftsgebiet am Anhänger befestigt worden sind, ist

[8] Serning, Taf. 45, Abb. 4, 5.
[9] Tallgren, ZAE II, Taf. V:17.
[10] Tallgren, Biarmia, S. 114, Abb. 6.
[11] Kivikoski, EZF II, Taf. 133, Abb. 1059.
[12] А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. *МАР 20*, С.-Петербург 1896, Taf. XII, Abb. 22.

diese Schlussfolgerung kaum haltbar; auf der Suche nach dem Herkunftsgebiet kann man keineswegs von Estland absehen, vielmehr sprechen gewisse Umstände eben für Estland als Herstellungsland.

Der Anhänger von Liikva gehört einem Schatzfund an, der auch zahlreiche scheibenförmige Silberblechanhänger mit gleichen Ziermotiven enthält. Bevor wir uns ihnen zuwenden, sei die Aufmerksamkeit auf manche estnische Altertümer gelenkt, deren Ornamentik uns vielleicht den Schlüssel zur Bestimmung der Herkunft in die Hand geben kann. Ich meine gewisse, ins 14. Jahrhundert datierte und durch das Trinkhornmotiv verzierte Grabsteine, Kreuze und Motive der Kirchenarchitektur, denen Armin Tuulse eine Untersuchung gewidmet hat.[13]

Abb. 6 zeigt einen in Kihelkonna auf Saaremaa gefundenen Grabstein, den Tuulse auf Grund seiner Form ins 14. Jahrhundert datiert. Ein anderer, sehr ähnlicher Stein stammt aus Muhu, ein dritter aus Läänemaa. Tuulse ist der Ansicht, sie verträten alte vorchristliche Traditionen und seien Denkmäler des Trinkopfers, das man zur Zeit der Herrschaft des Deutschordens mit dem neuen christlichen Ritual und Brauchtum zu verbinden suchte. Als an Stelle des heidnischen Trinkopfers die christliche Kommunion eingeführt wurde, verdrängte der Kelch nicht sogleich das Trinkhorn, das als Symbol neben dem Kreuz Bestand hatte, wie das zum Beispiel auch ein pommerischer Grabstein zeigt.[14] Freilich sind diese Vorkommen jünger als die kreuz- und trinkhornverzierten Anhänger. Da aber keineswegs anzunehmen ist, dass die erhaltenen Trinkhornfiguren die ältesten ihrer Art sind, darf man gewiss ursprünglich heidnische Vorbilder dieses Motivs voraussetzen. Unter diesem Vorbehalt ist der Vergleich möglich und fruchtbar, denn in den östlichen Küstengebieten der Ostsee bietet nur Estland diese Vergleichsmöglichkeiten.

Der Anteil von Schmuckgegenständen an der Zusammensetzung der estnischen Schatzfunde aus dem 9.—13. Jahrhundert, die den finnländischen Funden gegenüber so ausserordentlich zahlreich sind, ist in der jüngsten Gruppe (ausgehendes 12. und 13. Jh.) vorherrschend. Münzen sind nur spärlich vorhanden oder fehlen völlig, wie es die vor einigen Jahren erschienene Untersuchung E. Tõnissons zeigt.[15] Unter den

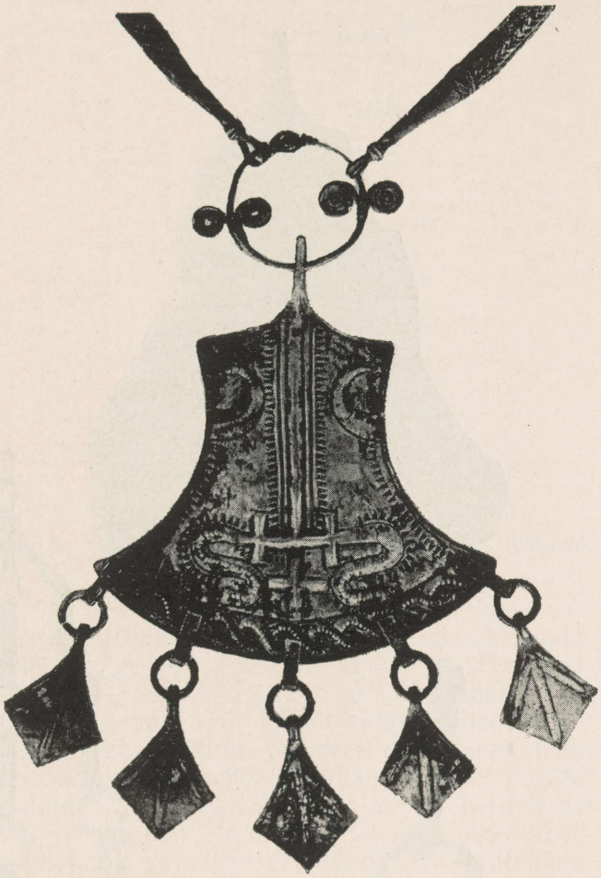

Abb. 3. Silberner Anhänger aus Skjervöy, Eidet inre, Troms, Norwegen.

Schmuckstücken sind die runden Silberblech-Anhänger, estn. *rinnaleht*, sehr häufig. Zum Teil sind sie, wie die axtförmigen Anhänger, durch Treiben hergestellt. Auch die Motive sind gleich. Unter den runden Anhängern von Liikva[16] zeigt einer die gleichen Bandgeflechte wie der axtförmige Anhänger des Schatzes, nur umranden sie hier den ganzen Anhänger. Das Motiv ist auch auf vielen anderen Scheibenanhängern des Landes das gleiche, und querlaufend erscheint es ebenfalls oft, mit einem scharfen Werkzeug geritzt, an den damals in Estland gängigen breiten Armringen. Als zweites, sehr häufiges Motiv sind C-förmige Figuren zu nennen, und weiter in Blätterstreifen endende, oft wirbelförmige Motive. Nach Tõnisson ist der

[13] Armin Tuulse, Dryckeshorn som symbol i Estlands medeltida konst. *Corolla Archaeologica in honorem C. A. Nordman*, Helsinki 1952, S. 188 ff.

[14] Ebenda, S. 194, Abb. 5.

[15] E. Tõnisson, Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. *MKA*, S. 182 ff.

[16] Tallgren, ZAE II, Taf. V:15—19.

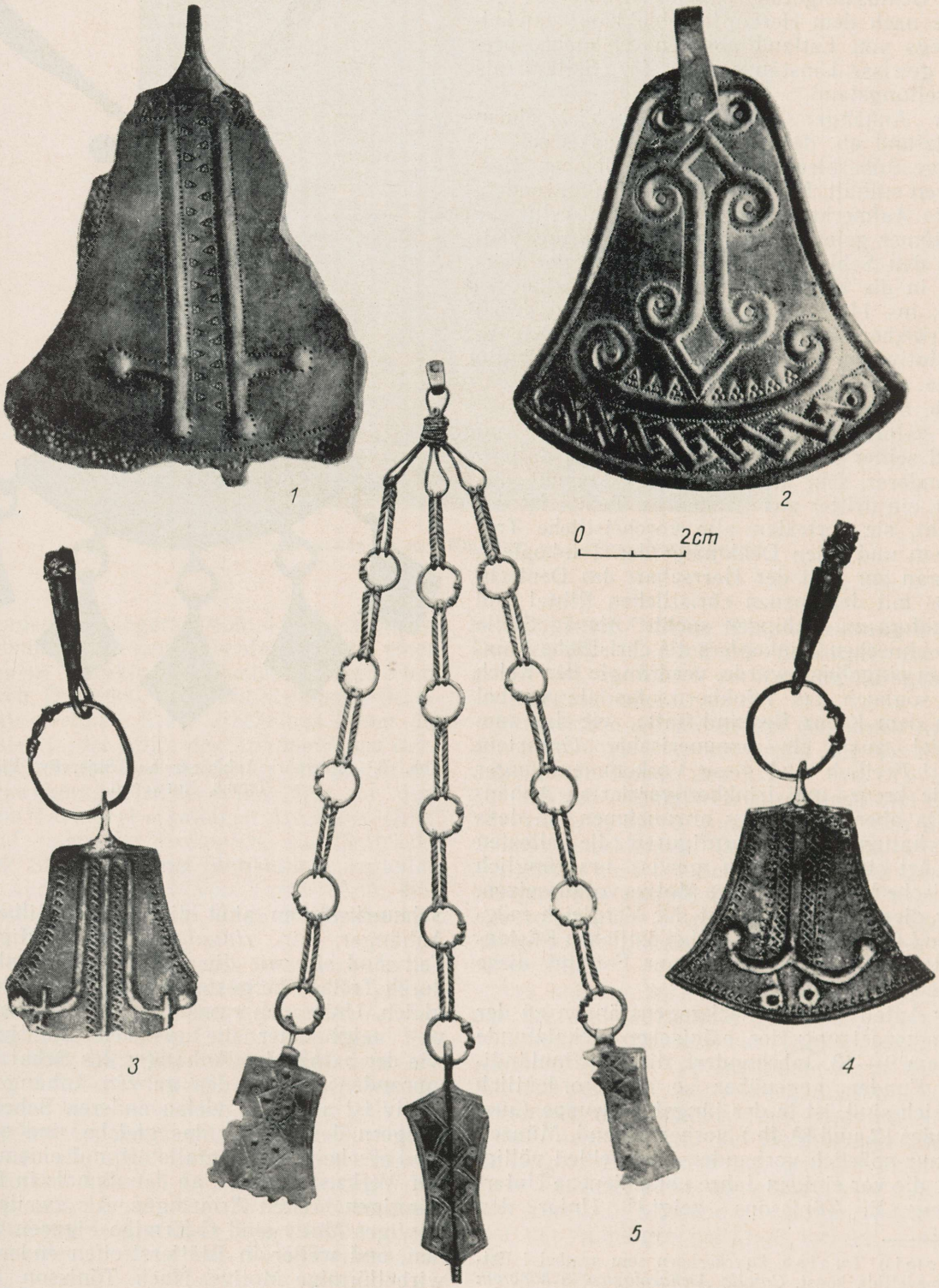

Abb. 4. Silberne Anhänger aus Kuusamo—Tavajärvi, Nordfinnland (1), Kumna, Nordestland (2), Lenvik, Botnhamn (3, 4) und Vardö (5) Nordnorwegen.

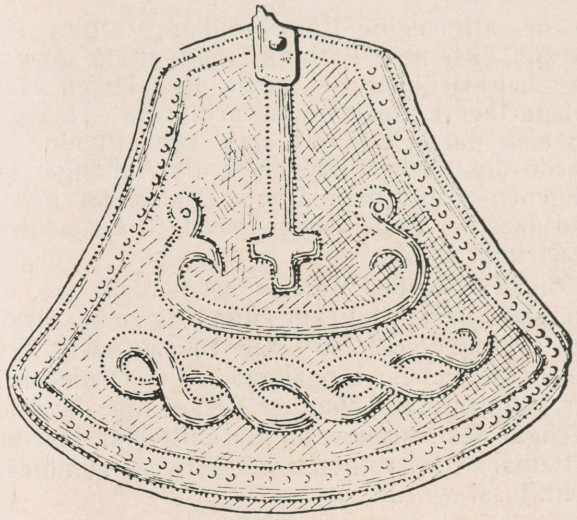

Abb. 5. Silberner Anhänger aus Kaberla, Nordestland.

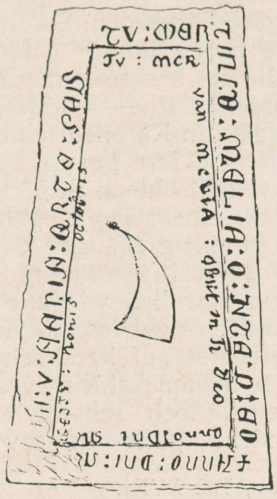

Abb. 6. Grabstein in Kihelkonna, Saaremaa, Estland.

Flechtbandstreifen namentlich in Nordestland besonders häufig. Viele Forscher erblicken in ihm ein magisches Motiv und man hat angenommen, dass auch der *rinnaleht*-Schmuck selbst ein Amulett sei.

In Finnisch-Karelien gibt es zahlreiche runde Silberblech-Anhänger mit mehr oder weniger ähnlichen Pflanzenmotiven; auch weiter westlich kommen sie vor, so im Schatzfund von Voipala in Sysmä. Die runden Silberblech-Anhänger sind als Ganzes viel weiter verbreitet als die Gruppe der Axtform. Ihre frühen Vertreter stammen seit der Wikingerzeit sowohl von Skandinavien als auch von Westfinnland. Bei den wikingerzeitlichen Stücken ist aber die geometrische Verzierung vorherrschend, die sich zumindest bis ins 11. Jahrhundert hinein hält. Die filigranverzierten Formen bilden eine besondere Gruppe.

Stücke mit Pflanzendekor kennzeichnen eine besonders späte östliche Gruppe. Tõnisson versetzt die estnischen Vorkommen in das 13. Jahrhundert; Nordman hat viele karelische in die Zeit um 1200 oder in den Beginn des 13. Jahrhunderts datiert [17]. Diese Datierungen sind jedoch sehr unbestimmt, und man kann daraus keine Priorität der Produktion für ein bestimmtes Gebiet ableiten. Wohlbegründet ist nur zu betonen, dass diese Anhänger keinen typischen Schmuck der karelischen Frauentracht darstellen; dagegen sind es in Estland die *rinnaleht*-Anhänger. Letztere sind offenbar in Estland hergestellt worden, was auch Tõnisson annimmt. Schatzfunde, in denen sie enthalten sind, konzentrieren sich dort in der Umgebung der ältesten Städte und Handelsplätze, also in der Gegend um Tallinn, Rakvere und Tartu. Dass die karelischen Scheibenanhänger von dorther stammen, kann gewiss nicht mit Sicherheit behauptet werden. Zumindest ist aber eine Wechselwirkung zwischen den Werkstätten offenkundig, wobei Karelien die empfangende Seite gewesen zu sein scheint, mag es sich nun um Einfuhr oder um lokale Entlehnung der Sachform und ihrer Motive für ein begrenztes Absatzgebiet gehandelt haben.

Man rufe in Erinnerung, dass die Anhänger in Form von Miniaturäxten durch das Trinkhornmotiv, die C-Figuren (Palmette) und das Bandgeflecht gerade in Estland nahe Entsprechungen haben. Andere Übereinstimmungen kommen hinzu. Das gleiche gewinkelte Flechtband, das an den Anhängern von Lämsä, Skjervöy und dem einen von Tavajärvi vorkommt, ist in Estland z. B. als Verzierung auf den Endstücken der Halsringe belegt.[18] Die S-förmigen Motive am Anhänger von Skjervöy haben Gegenstücke in Estland [19], ebenso das Dreiblattmotiv [20].

Mit Hinweis auf diese nahen Entsprechungen in den Motiven und auf dem Hintergrund enger Werkstättenbeziehungen in der Produktion der Scheibenanhänger darf jetzt wohl als gesichert gelten, dass axtförmige Anhänger in

[17] C. A. Nordman, Karelska järnåldersstudier. *SMYA 34:3*, Helsingfors 1924, S. 82 ff.

[18] Z. B. Tõnisson, Taf. XXVI:4.
[19] Ebenda, Taf. XXV:6.
[20] Ebenda, Taf. XXVI:6 (wotisch?).

Estland hergestellt wurden. So erscheint es verlockend, ihre Herstellung — damit meine ich namentlich die der besprochenen stattlichen Arbeiten aus Edelmetall — überhaupt nach Estland zu verlegen. In Karelien fehlen gleich deutliche Hinweise auf ihre Fertigung. Doch ist zu beachten, dass geflochtene Silberketten zu einigen Anhängern einem Typ angehören, der aus Estland nur in einem einzigen Schatzfund vorliegt[21] und dazu dort fremd anmutet. Dieser Typ ist sowohl aus Karelien wie aus Westfinnland bekannt. So wäre es gewiss möglich, dass Kette und Anhänger erst auf karelischem Gebiet zu einem ganzen Schmuckstück zusammengestellt worden wären. Jedoch scheint eine derartige Erklärung nicht ganz ungezwungen. Eine zweite, allgemeine Einschränkung ergibt sich daraus, dass man Estland — schon aus geographischen Gründen — nicht als aktiven Handelspartner Lapplands betrachtet hat. Dagegen sei aber daran erinnert, dass zum Funde von Vardö das obere Ende einer als Anhänger getragenen estnischen Doppelkreuznadel gehört und dass der Fund früher geradezu als estnisch bezeichnet wurde.

Reicht also das Material noch nicht aus, die eingangs gestellte Frage endgültig zu beantworten, so weist doch auf der Suche nach ihrer Herkunft manche Einzelheit in der Ornamentik der axtförmigen Anhänger darauf hin, dass das Sachgut des Nordens, ob nun mittelbar oder unmittelbar, von estnischen Motiven zumindest beeinflusst wurde.

[21] Tõnisson, Taf. XVIII.

HILISEIMA RAUAAJA KIRVEKUJULISTEST RIPATSITEST

Ella Kivikoski

Lühikokkuvõte

Artiklis käsitletakse Lapimaa hiliseima rauaaja hõbeaaretes esinevate ehete päritolu küsimust. Üksikasjalikumalt peatutakse õhukesest hõbekarrast valmistatud kirvekujulistel ripatsitel ehk rinnalehtedel (joon. 2—4). Autor jälgib nende levikut (joon. 1), analüüsib ornamentikat ja selle seost muude samaaegsete hõbeehete ilustustega ning jõuab seisukohale, et Lapimaa ripatsite ornamenti on mõjustanud Eesti alal valmistatud eeskujud. Nimelt on Eesti 13.—14. sajandi aardeleidudes mõnede kirvekujuliste rinnalehtede (joon. 4:2; 5) kõrval rohkesti ümmargusi rinnalehti, mis on suurelt osalt valmistatud samas tehnikas (kummimine) ja ilustatud samasuguste motiividega kui Lapimaa ripatsidki. Oma seisukoha kinnituseks võrdleb autor mõnedel Lapimaa ripatsitel esinevat joomasarvemotiivi sama motiiviga 14. sajandi hauakividel Eestis (joon. 6).

О ТОПОРОВИДНЫХ ПОДВЕСКАХ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Элла Кивикоски

Резюме

В статье рассматривается вопрос о происхождении украшений, входящих в клады серебряных вещей, обнаруженные на территории лопарей. Автор подробно останавливается на топоровидных подвесках, или нагрудных бляшках (рис. 2—4), изготовленных из тонкого серебряного листа. На основании их распространения (рис. 1) и анализа их орнаментики и ее связей с орнаментикой других серебряных украшений того же времени автор приходит к выводу, что орнамент названных подвесок с Лопарской земли развивался под влиянием образцов, изготовляемых на территории Эстонии. Дело в том, что в обнаруженных в Эстонии кладах 13—14 вв., помимо некоторых топоровидных подвесок (рис. 4 : 2; 5), в большом количестве имеются круглые нагрудные бляшки, выполненные той же техникой (чеканкой) и украшенные теми же мотивами, что и лопарские подвески. Для подтверждения своего мнения автор сравнивает встречающийся на лопарских подвесках мотив питьевого рога с тем же мотивом, представленным в Эстонии на некоторых надгробных камнях (рис. 6).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩ В ЛИТВЕ В 1967—1968 гг.

П. Куликаускас

В 1967—1968 годах на территории Литвы продолжались археологические раскопки городищ Занеманского края — юго-западной части Литвы. Исследования были начаты в 1961 г. в связи с изучением литовскими археологами этнической истории древних литовских племен ятвягов.[1] Для получения как можно большего количества сравнительного материала городища исследовались в разных частях Занеманья. В течение трех последних лет раскапывались 4 городища: два — археологами Института истории Академии наук Литовской ССР и два — сотрудниками Вильнюсского государственного университета.

Научные сотрудники Института истории АН Лит. ССР А. Меркявичюс и В. Даугудис в 1968 г. производили раскопки на городищах Кумелёнис и Мешкучяй Капсукского района.

Городище Кумелёнис находится на левом берегу реки Шешупе вблизи города Капсукас. Оно сильно разрушено, сохранились лишь незначительная часть площадки около вала, сам вал и часть склонов. Установлено, что для сооружения городища было использовано стоящее отдельно на берегу р. Шешупе возвышение, окруженное ее водами, которое было укреплено мощным валом и рвом шириной 6 м и глубиной 1,3 м, отделявшим городище от остального берега реки. Культурный слой достигал на небольшой части площадки мощности 0,6—0,8 м и распадался на три основных горизонта, свидетельствующих об отдельных этапах строительства городища. Поперечный же разрез вала дал возможность выделить 5 строительных этапов.

Исследования показали, что городище Кумелёнис было построено в первых веках н. э. В ту пору оно было на одну треть меньше, чем в последнее время своего существования. К раннему периоду существования городища относится найденная в нижнем горизонте культурного слоя штрихованная и гладкостенная керамика темного цвета, характерная для многих городищ и поселений Литвы. Средний горизонт культурного слоя датируется 4—9 веками. Он содержал керамику с облитой поверхностью, типичную и для других археологических памятников Занеманья. Венчики этих сосудов покрыты по краю волнистыми защипами.

Верхний горизонт культурного слоя относится к 10—11 вв. Для него показательна гончарная керамика с волнистыми орнаментами и вдавленными параллельными ровика-

---

[1] П. Куликаускас, Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы. *БРФ*, стр. 72—86.

Рис. 1. Городище Обелите. Остатки вала первого городища.

ми. Других находок на городище обнаружено мало. Найдено лишь несколько железных наконечников стрел и обуглившихся зерен боба.

Городище Кумелёнис в 10—11 вв. было сильно укреплено валом высотой 4,5 м и шириной 15 м у подножия. Как показали исследования, размеры вала на первом этапе своего существования составляли лишь 0,6 м в высоту и 1,7 м в ширину у подножия.

В ходе раскопок городища Кумелёнис было установлено, что с запада к нему примыкало поселение площадью около 1,5 га. Поселение существовало в 3—11 вв. н. э. Несмотря на то, что место бывшего поселения долгое время распахивалось, культурный слой сохранился и достигал мощности 30—40 см. В нем обнаружены остатки хозяйственных ям, печи для плавки металла, тигли, много керамики, кости животных и некоторые металлические предметы.

В 1968 году исследовалось и городище в местности Мешкучяй, которое было сильно разрушено. Удалось лишь установить, что в нем сохранилась такая же керамика, как на городище Кумелёнис. У северного подножия Мешкучяйского городища обнаружены следы существовавшего одновременно с ним, но также разрушенного поселения. Исследователи А. Меркявичюс и В. Даугудис датируют указанные памятники в Мешкучяй I тысячелетием н. э.[2]

[2] Отчет в Институте истории АН Лит. ССР.

Автор данной статьи в 1967 и 1968 годах исследовал два неизученных до сих пор городища в местностях Обелите и Каукай Алитусского района. Оба городища находятся в неисследованной восточной части Занеманского края.

Городище Обелите по сравнению с городищем Каукай более древнее. Оно сооружено на правом берегу речки Першеке и занимает довольно значительную площадь. Как выглядело это городище в первоначальном виде, сказать трудно, так как оно почти совсем разрушено. Площадь городища долгое время распахивалась и здесь производились строительные работы. В настоящее время на городище находится усадьба колхозника Каминскаса с многочисленными постройками, садом и огородом.

Городище Обелите почти со всех сторон было окружено валом, часть которого сохранилась у восточного края площадки, где он, судя по уцелевшим остаткам, достигал 14 м в ширину. Следы вала заметны также у западного и северного краев площадки (рис. 1).

В 1967—1968 гг. были исследованы лишь упомянутые остатки вала у восточного края городища. В результате разрушения площадки городища многочисленными кладоискательскими ямами и ямами для хранения картофеля было заложено лишь два небольших раскопа. Раскоп I, размером 7×2 м, был заложен у северного конца вала, а II, размером 4×2 м, — на южном конце вала. Исследованиями было установлено, что вал строился из глины

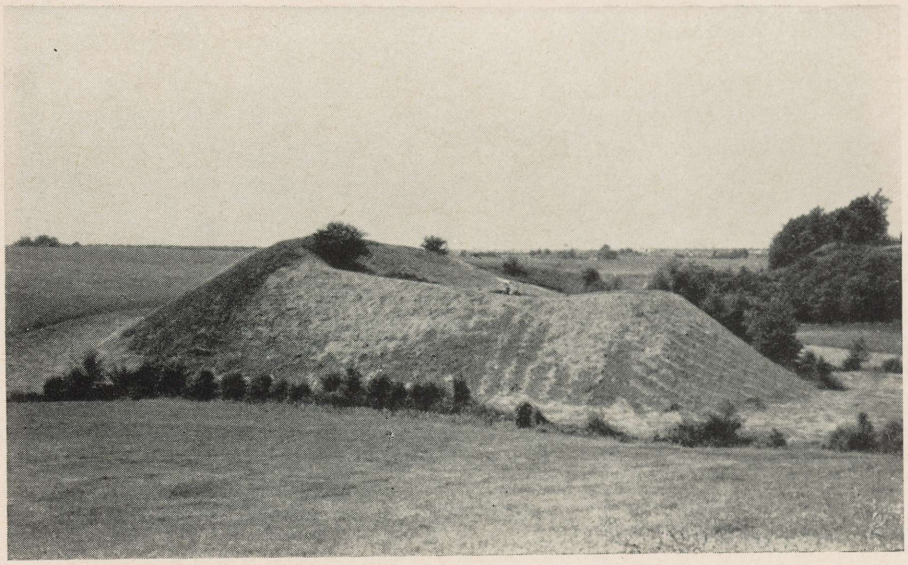

Рис. 2. Городище Каукай. Общий вид второго городища с востока.

и деревянных бревен три раза. В самом начале здесь был лишь мощный деревянный тын, обмазанный толстым слоем глины. От него на глубине 2 м сохранились большие куски углей и обожженной глины. Для этого этапа вала характерна керамика со штрихованной поверхностью довольно архаичного типа. После пожара высота вала была увеличена до 1,5 м. Здесь тоже обнаружена обожженная глина, а также керамика с облитой (шероховатой) поверхностью. Третьему этапу сооружения вала соответствует прослойка углей и спай утрамбованной глины в 50—60 см.

При раскопках вала, кроме указанных типов керамики, были найдены кости животных и бронзовый пластинчатый перстень. Обнаруженный материал позволяет сделать вывод о том, что городище Обелите было построено в начале нашей эры и существовало приблизительно до 5—6 вв., когда перестало использоваться. Жители этой местности не ушли отсюда, а построили себе новое, более усовершенствованное городище на левом берегу той же речки Першеке напротив старого городища. Указанное новое городище находится в местности Каукай [3], которая раньше также носила название Обелите.

Городище Каукай имеет очень хорошую сохранность. Так как левый берег речки Першеке ниже правого, оно лежит несколько ниже, чем старое городище (рис. 2).

Склоны городища Каукай высокие и крутые, особенно на восточной и южной сторонах. Площадка его небольшая и почти круглая. В северо-южном направлении длина площадки около 26 м, а с востока на запад — 25 м. Городище почти со всех сторон окружено валом, высота которого колеблется. Наибольшую высоту до 6—8 м он достигает на южном конце площадки. Ширина его верхней части около 4 м.

В 1967—1968 годах исследовались западная часть площадки и ров у юго-восточного подножия городища. Раскопки показали, что на городище сохранился культурный слой значительной мощности, толщина которого у подножия южного вала достигает 1,8 м, а на середине площадки — всего 0,5—0,6 м. Культурный слой по находкам и оттенкам земли разделяется на два основных горизонта (рис. 3).

Нижний горизонт культурного слоя состоял в основном из глины. Он сравнительно тонкий и находками не богат. Верхний горизонт — супесчаный гумус темного цвета — очень богат археологическими материалами. Для нижнего горизонта культурного слоя характерна керамика с облитой поверхностью. Его помогают датировать найденные здесь металлические предметы, среди которых следует отметить височное улиткообразное спиральное кольцо, впервые представленное в археологи-

[3] Название «Каукай» на литовском языке означает языческого домашнего бога литовцев «Каукаса», который приносил бедным счастье и богатство.

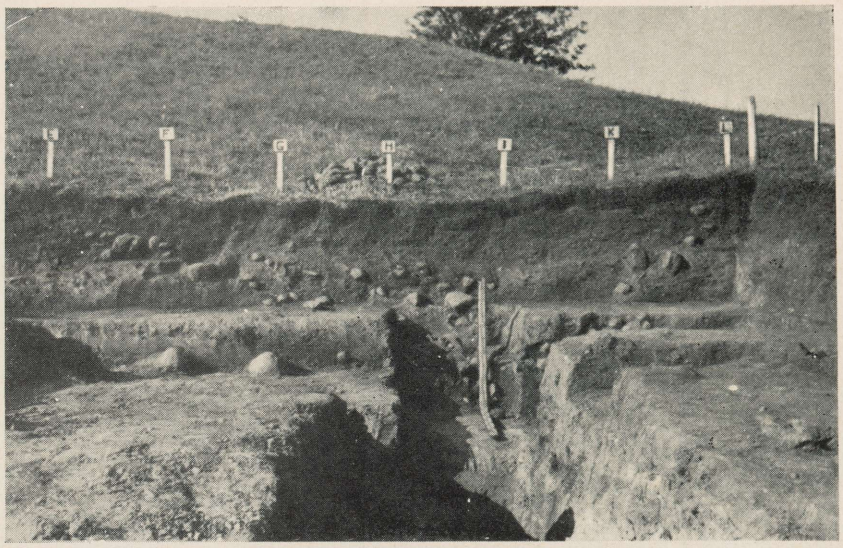

Рис. 3. Городище Каукай. Разрез культурного слоя у подножия вала.

ческом материале Литвы. До сих пор нам были известны височные кольца лишь трех видов: спиральные плоские, пластинчатые и кольцеобразные.[4] В этом же слое обнаружены спираль арбалетовидной фибулы (рис. 4:1) и железная арбалетовидная фибула с короткой ножкой. На основании этих предметов нижний горизонт культурного слоя датируется 5—7 вв.

Более интересным был верхний горизонт культурного слоя, который в толщину местами достигал 1 м и более и сохранил очень много разнообразного археологического материала.

Для верхнего горизонта культурного слоя характерны каменные кладки, которые концентрировались по краям площадки у подножия валов. Здесь они сложены по 4—6 рядов. Между камнями найдено очень много керамики, костей животных, обуглившихся бобовых зерен. При этом следует отметить, что такие каменные кладки характерны и для других городищ Занеманья. Ими укреплялись склоны и валы городищ, они использовались при сооружении оборонительных стен, а также для вымостки полов хозяйственных помещений и, возможно, как метательное оружие при нападении врага.

В исследованной части площадки городища были обнаружены также открытые очаги, сложенные из камней (рис. 5) и имевшие круглую или овальную форму, размерами 0,8×1,5 м. Очаги были углублены в землю на 40—60 сантиметров. На них, как правило, обнаружены угли, пепел, обожженные камни, кости животных и керамика. Около очагов земля темного цвета, очень много зерен, костей животных, керамики и других находок. В исследованной части городища Каукай обнаружено 6 очагов, вскрыто и несколько ям от вертикальных столбов, обложенных камнями. Остатки таких ям сохранились у подножия северного вала и на середине площадки. Все это свидетельствует о стоявших на городище надземных постройках столбовых конструкций с открытыми очагами. В жилых домах имелись погреба для хранения пищевых

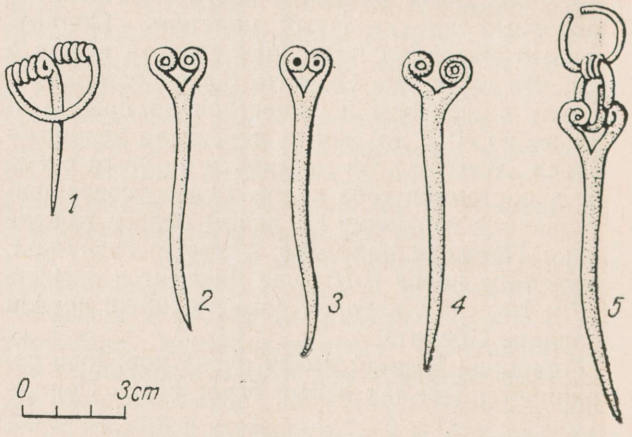

Рис. 4. Фрагмент арбалетовидной фибулы (1) и булавки (2—5) из городища Каукай.

[4] Senovės Lietuvių papuošalai I. *Lietuvių liaudies menas*, Vilnius 1958, № 58, 62—63, 66, 251—253, 256—257.

Рис. 5. Городище Каукай. Остатки очага.

запасов. Формы и величину этих домов проследить не удалось.

На городище Каукай обнаружено 5 хозяйственных ям. Они имеют большие размеры: диаметр верхней части — 1,3 м, глубина — 2—2,3 м, диаметр дна — 0,5—0,9 м. Две ямы были вымощены камнями. В насыпях обнаружена керамика и в одном случае — зерна.

В исследованной части площадки городища размером 25×10 м обнаружено много находок, приблизительно 40 видов, что свидетельствует о неожиданной гибели городища, скорее всего от вражеского нападения или пожара. В верхнем горизонте культурного слоя найдено большое число стеклянных и бронзовых бусин, которые были разбросаны по всей площадке. Особенно часто они обнаруживались вблизи очагов.

Стеклянные бусины представлены тремя основными типами: бусины синего и зеленого цвета, а также из желтой непрозрачной стеклянной массы. Все бусины небольших размеров. Часто встречались двухчастные, трехчастные и даже пятичастные бусины. Всего найдено около 20 бусин темно-синего и около 15 — желтого цвета. Янтарных бусин найдена лишь одна.

Бронзовые спиральные бусины (около 30) сделаны из плоской узкой проволоки в 6—8 витков, все почти одинаковые, с суживающимися концами. Такие бусины очень характерны и для других археологических памятников Занеманья (Нендриняй, Кумелёнис), но известны также и в восточной части Литвы. Довольно часто встречались бронзовые предметы: фрагменты витых шейных гривен, плоские браслеты и их обломки, оковки и пряжки от ремней, перстни, бубенчики, булавки и т. д. Среди фрагментов шейных гривен стоит упомянуть об одном: от витой гривны с длинным плоским концом. Обнаруженные здесь браслеты можно выделить в два типа: обыкновенные плоские с концами в виде звериных головок и с расширенными концами. На городище Каукай найдено 6 довольно интересных булавок с головкой в виде двух загнутых во внутрь плоских спиралек (рис. 4 : 2—5). Такие булавки также характерны для Занеманья. У некоторых булавок сохранились части цепочек. До-

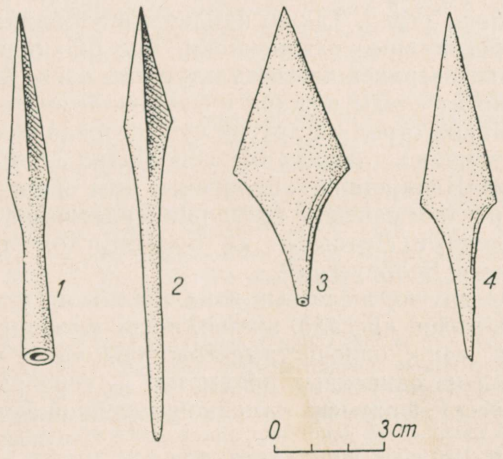

Рис. 6. Железные наконечники стрел из городища Каукай.

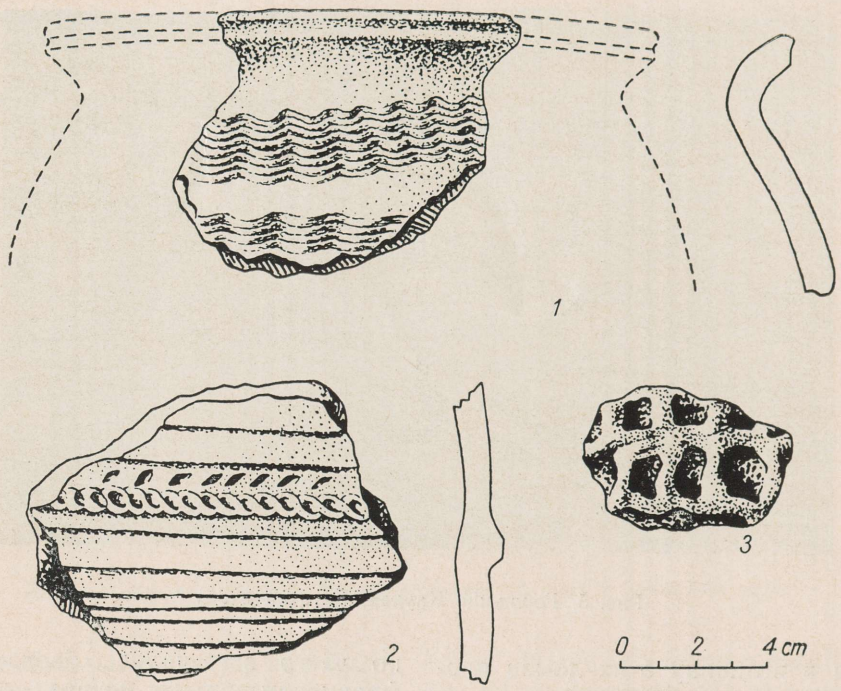

Рис. 7. Керамика из верхнего слоя городища Каукай.

вольно значительные фрагменты цепочек обнаружены и отдельно.

В числе находок с городища Каукай часто встречаются железные наконечники стрел (рис. 6). В таком количестве их до сих пор не удалось обнаружить ни на одном из литовских городищ. Все 80 наконечников стрел разнообразны по своей форме. Среди них преобладают ромбовидные наконечники с упором и без упора, ромбовидные с наибольшим расширением пера, а также шиповидные втульчатые наконечники стрел. Также найдены шиловидные и двуроговидные наконечники. Все они обнаружены в верхней части культурного слоя. Часть их носит следы пожара и ударов. Таких наконечников стрел на других существовавших одновременно литовских городищах найдено мало. Ближайшие аналогии к ним обнаружены на занеманском городище Рудамина[5] и за пределами Литвы — на Волковыском городище в Белоруссии[6].

Из других железных изделий можно упомянуть ножи, кресало, шилья, косы, цилиндрический замок, одночастные ножницы, части удил и др.; из одиночных предметов — серебряную подвеску, фрагмент каменной литейной формы. Обнаружены также каменная зернотерка и несколько камней для трения зерен.

Очень много на городище Каукай найдено керамики (около 3000 черепков, рис. 7). Кроме облитой керамики, типичной для городища, имеется также керамика с волнистым орнаментом разной композиции, а также керамика с параллельными ровиками. В одном случае на дне горшка выдавлен четырехугольный знак.

Среди керамических изделий значительное место занимают глиняные пряслица (которых обнаружено 50) двух основных видов: цилиндрические и конусообразные.

На городище Каукай найдено много костей животных. Среди них преобладают кости крупного рогатого скота и свиней. Особенно много хорошо сохранившихся костей ног, позвоночников, челюстей, а также множество зубов.

Среди обнаруженных на городище Каукай зерен преобладают обуглившиеся бобовые зерна, типичные для городищ Занеманья.

Раскопки Каукайского городища еще не закончены. Они были продолжены летом 1969 г. Однако на основании полученного в 1967—1968 годах материала можно сделать следующие выводы:

1. Местность Обелите-Каукай была заселена, по-видимому, уже в каменном веке. Об этом

[5] Куликаускас, рис. 6 : 2—4.

[6] Я. Г. Зверуго, Оружие древнего Волковыска. *Белорусские древности*, Минск 1967, стр. 307 и др.

свидетельствуют найденные здесь каменные топорики. Один из них был найден местными жителями на месте поселения около городища Каукай, другие — на самом городище. Древних жителей привлекали здесь хорошие условия жизни. Вблизи городищ достаточно прекрасных озер, лугов, пастбищ.

2. Уже в первой половине I тысячелетия н. э. здесь существовало большое поселение с городищем, которое погибло в середине I тысячелетия, после чего жители соорудили себе новое, еще более сильно укрепленное городище на левом берегу той же речки Першеке.

3. Вновь построенное городище существовало с 5—6 веков до начала 14 века, когда оно погибло от жестокого нападения врага.

4. Жители обоих городищ занимались земледелием, скотоводством и домашними промыслами. По наличию своеобразных форм керамики, булавок, бусин, браслетов и других изделий можно сделать вывод о том, что городища принадлежали литовским племенам, жившим в Занеманье в I — в начале II тысячелетия.

LINNUSTE UURIMISEST LEEDUS AASTAIL 1967—1968

P. Kulikauskas

Lühikokkuvõte

1967. ja 1968. aastal jätkus Užnemunė, Leedu edelaosa linnuste uurimine. Leedu NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut kaevas kaht linnust Kapsukase rajoonis, Vilniuse Riiklik Ülikool kaht linnust Alytuse rajoonis. Užnemunė linnuste uurimise eesmärgiks on selgitada selle piirkonna muistsete asukate etnilist ajalugu.

Kapsukase rajoonis uuritud linnused Kumelionys ja Meškučiai olid tugevasti lõhutud. Kaevamised selgitasid, et mõlemad olid ehitatud meie ajaarvamise algul ja neid kasutati kuni 11. sajandini. Linnuste jalamil avastati samaaegsed asulad. Nii linnustele kui ka asulaile on iseloomulik riibitud keraamika ja Užnemunė tüüpi varbitud keraamika.

Alytuse rajoonis Obelites on kaks linnust. Vanem, praegu täielikult lõhutud linnus on rajatud meie ajaarvamise esimestel sajanditel Peršeke jõe paremale kaldale (joon. 1). 1968. aastal uuriti selle valli jäänuseid. Linnusele on iseloomulik riibitud ja varbitud keraamika. Leiti palju põletatud savi. Obelite linnus jäeti maha I aastatuhande keskel, mil jõe vastaskaldale püstitati uus, Kaukai linnus (joon. 2). Viimase 26×25 m suurune õu on ümbritsetud valliga, mille kõrgus lõunapoolsel küljel ulatub 5—8 meetrini. Linnuse idapoolsel jalamil on säilinud 8 m laiune ja 1,5 m sügavune kraav.

Kaukai linnuse kultuurkiht oli kohati kuni 1,8 m paksune (joon. 3). Selle alumise osa moodustab hele savi, millest leiti varbitud keraamikat, oimurõngas ja ambsõlg. Kultuurkihi vanem osa kuulub 5.—7. sajandisse. Kultuurkihi ülemiseks osaks on tume liivakas huumus. Selles avastati kivisillutist, koldeid (joon. 5), majapidamisauke, leiti mitmesuguseid esemeid (joon. 4, 6), loomaluid, söestunud viljateri ja lainelise ornamendiga kedrakeraamikat (joon. 7). Linnust oli kasutatud kuni 14. sajandi alguseni, mil selle hävitas vaenlase kallaletung ja tulekahi. Seda kinnitavad leitud arvukad nooleotsad ja põlenud ehituste jäänused. Kaevamisi Kaukai linnusel jätkati 1969. aastal.

BURGBERGFORSCHUNGEN IN LITAUEN IN D. J. 1967—1968

P. Kulikauskas

Zusammenfassung

In den Jahren 1967—1968 wurden die 1961 begonnenen Untersuchungen der Burgberge des Užnemunė-Gebietes — des südwestlichen Teils Litauens — fortgesetzt. Diese Untersuchungen haben die Erforschung der ethnischen Geschichte der einstmaligen Bewohner des genannten Gebietes zum Ziel.

Im Bezirk Kapsukas fanden Ausgrabungen auf den Wallburgen in Kumelionys und Meškučiai statt, die beide stark zerstört waren. Die Untersuchungen erwiesen, dass diese Burgen zu Anfang u. Z. entstanden sind und bis ins 11. Jh. existierten. Am Fuss beider Burgen kamen Spuren ehemaliger Siedlungen zu Tage. Sowohl für die Burgen als auch für die Siedlungen ist Binsenstrich- und Bewurfkeramik vom Užnemunė-Typus kennzeichnend.

Im Bezirk Alytus haben sich zwei Burgberge erhalten. Der ältere von ihnen, Obelite, ist in den ersten Jahrhunderten u. Z. am rechten Ufer des Peršeke-Flüsschens erbaut worden. Diese stark zerstörte Burg von beträchtlicher Grösse ist durch einen Wall befestigt (Abb. 1), von dem 1968 ein Teil untersucht wurde. Für diese Wallburg ist handgeformte Binsenstrich- und Bewurfkeramik charakteristisch. Auch fanden sich reichlich Stücke gebrannten Tons. Der Burgberg Obelite existierte bis in die Mitte des I. Jahrtausends u. Z. Um diese Zeit wurde er von der Bevölkerung verlassen, die sich daselbst gegenüber, auf dem linken Ufer der Peršeke in Kaukai eine neue Burg errichtete (Abb. 2). Diese hat eine Fläche von 26×25 m und ist von einem Wall umgeben. Letzterer hat sich in grösster Höhe (5—8 m) am südlichen Ende des Plateaus erhalten. Im Osten ist am Fuss des Berges ein Graben von 8 m Breite und 1,5 m Tiefe zu sehen.

Die Kulturschicht erreichte auf dem Burgberg Kaukai stellenweise eine Mächtigkeit bis 1,8 m und zerfiel in zwei Lagen (Abb. 3). Die untere bestand aus hellem Lehm und enthielt ausser Bewurfkeramik auch einen Schläfenring und eine Armbrustfibel. Diese Schicht stammt aus dem 5. — 7. Jh. u. Z. Die obere Lage der Kulturschicht bestand aus dunklem sandigem Humus. Hier waren viele Steinlagerungen, Herdstellen (Abb. 5), wirtschaftliche Gruben, verschiedene Gegenstände (Abb. 4, 6), verkohlte Getreidekörner und mit Wellenornament verzierte Scheibenkeramik (Abb. 7) erhalten. Es liess sich feststellen, dass dieser Burgberg bis zum Anfang des 14. Jhs. zu Verteidigunszwecken diente und dann durch einen feindlichen Angriff und eine Feuersbrunst vernichtet wurde. Davon zeugen zahlreiche hier gefundene Pfeilspitzen und verkohlte Gebäudereste. Die Ausgrabungen der Wallburg in Kaukai wurden im J. 1969 fortgesetzt.

UNIKAALNE LEID SAAREMAALT

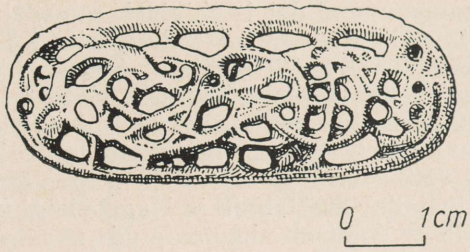
Aita Kustin

1960. aastal leiti Saaremaal Valjala lähedal Rahu külas paikneva kivikalme kaevamisel[1] unikaalne pronksese (joon. 1). See on ovaalne 6 cm pikkune ja 2,3 cm laiune veidi õõneskumer ažuurne valatud põimornamendiga plaadike. Ese on olnud tules, selle siseküljel on säilinud sütt ja rauaroostet. Plaadikese keskel ja kummaski otsas on väikesed augud, mida siseküljelt märgitsevad sulanud pronksiräbu mügarikud. Esimesel pilgul näis, nagu oleks tegemist sõlega: mügarikud plaadikese kummaski otsas võiksid olla tules deformeerunud nõelahoidja ja -kand, rooste aga pärineda raudnõelast, mida Saaremaal ja mujalgi pronkssõlgede ning -pannalde küljes sageli kasutati. Lähemal vaatlusel selgus, et sõleks ei saa kõnesolevat eset siiski lugeda; selle vastu kõnelevad neediaugud. Kui ka oletada, et augud plaadikese otstes ei olnud needi jaoks, vaid keekandja või mingi ripatsi kinnitamiseks, ei saa keskmist auku siiski pidada muuks kui neediauguks. Pronksiräbu mügarikud on ilmselt needivastused, mis orgaanilise aine põlemisel osaliselt sulasid. Vähene rauarooste on nähtavasti juhuslik ja sekundaarne. Teatava massiivsuse ja kinnitusviisi tõttu sobib see plaadike kõige paremini naastuna mingi nahkeseme kaunistamiseks.

Plaadikese leiusuhted jäid kalme iseloomust ja matmisviisist tingituna mõneti hämaraks. Nagu noorema rauaaja kivikalmetele omane, ei olnud ka Rahu kalmes luud ja leiud kivide all ning vahel mitte esialgses asendis — rühmiti, vaid hajali. Korduvate uute matmistega on varasemad hauakompleksid sageli laiali paisatud ning hilisematega segunenud, mistõttu üksteise lähedal võis tihti olla ka eriaegseid ja mitmele surnule kuulunud esemeid. Selline erinevate matuste segunemine valitses eriti kalme kompaktse leiutiheda kultuurkihiga keskosas, kuhu oli maetud pidevalt alates 11. sajandist kuni 13. sajandi alguseni. Üksikmatuste komplekse sai kalme selles osas eraldada vaid väga tinglikult.

Meid huvitav plaadike asetses kalme keskosas väikeste korratult paiknevate raud- ja paekivide vahel tumedas söeses mullas 20 cm sügavusel. Sealsamas oli hajali põlenud luid ning suuremaid söetükke. Otse plaadi juures teisi leide ei olnud. Tinglike kaasleidudena tuleks arvesse rühm esemeid, mis asetses plaadikesest 30—55 cm kaugusel. Sealt leiti kaks ühesugust rihmakeelt, mis olid teineteisest 25 cm kaugusel, nn. ojamaa-balti tüüpi pannal, laieneva esiosaga vahelitiotsine hõbesõrmus ja hoburaud-

[1] Kaevamised korraldati Eesti NSV TA Ajaloo Instituudi poolt autori juhatusel.

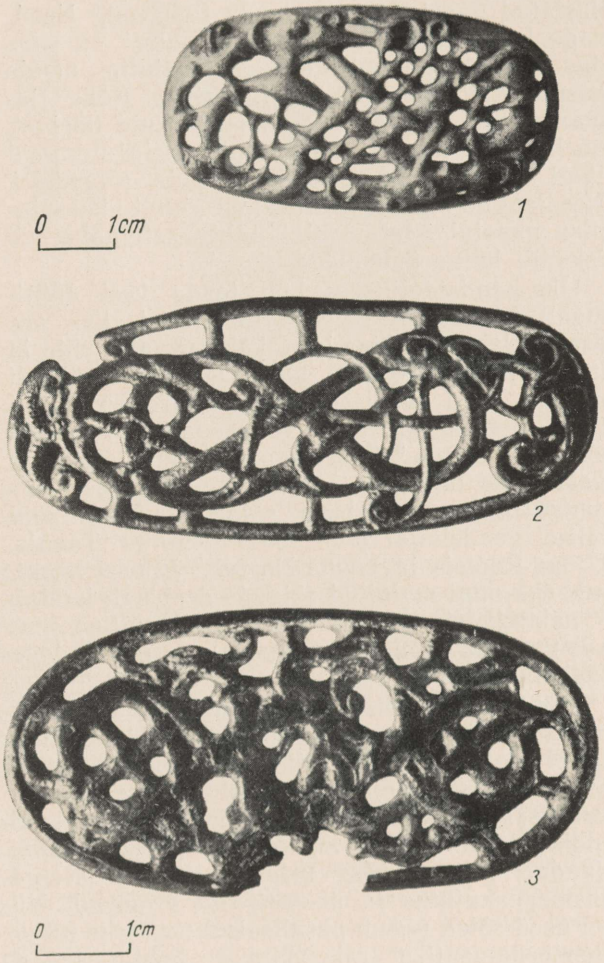
Joon. 1. Ehteplaadike Rahu kalmest (AI 4239 : 1149).

sõlg sõrmusekujulise spiraaliga kaarel.[2] Pannal ja üks rihmakeel on tules tugevasti deformeerunud, teistel esemetel on tulejäljed pisut nõrgemad, enam-vähem niisama tugevad kui plaadikeselgi. Rihmakeeled ja pannal kuuluvad mehe relvavöö juurde. Arvestades sõrmuse läbimõõtu (2,5 cm), võib ka seda lugeda mehe ehteks. Hoburaudsõlg oli kõige tavalisem rõivakinnitusvahend nii meestel kui ka naistel. Märkimisväärseid ajalisi erinevusi mainitud esemete vahel ei ole, kõik nad pärinevad 11. sajandist või 12. sajandi algupoolest. Leidude ühtlase iseloomu ja lähestikku paiknemise põhjal võib oletada, et nad on pandud mulda ühekorraga. Järelikult võib arvata, et käsitletav plaadike või naast pärineb mehe põletusmatusest.

Naast on ilustatud hilises ruunikivistiilis loomornamendiga. Seda ornamenti iseloomustab tugevasti stiliseeritud loomakujutus, mille keha moodustavad hargnevad ning väänlevad, üksteisest läbipõimuvad jämedamad ja veidi peenemad, osalt kaheksakujulised, spiraalidega lõppevad lingud. Pea kontuur pika väljavenitatud koonu ja nõrga tagasikeeratud alalõuaga on vaevu jälgitav. Tüüpilisele ruunikivistiilis loomapeale omane püstjas kõrv ning mandlikujuline silm, samuti looma jalad puuduvad.

Eesti mandrilt ega mujalt Ida-Baltimaadelt pole niisuguseid naaste seni leitud. Rahu naastuga sarnaneb niihästi lihtsustatud loomapea kui ka lingude kuju, spiraalide asendi ja kõigi muude üksikasjade poolest aga täiesti üks Ojamaalt saadud naast (joon. 2:1). Niisugune kõigi detailide sarnasus on kõnesoleva ornamendi puhul väga haruldane. Autorile pole teada teisi samas stiilis kaunistatud esemeid, millel kõik ornamendi detailid sel määral kattuksid kui mainitud naastudel. Selle sarnasuse tõttu võib suure tõenäolisusega väita, et mõlemad naastud on valmistanud sama meister. Samas valemis nad siiski valatud ei ole, nimelt on Ojamaa naast Rahu omast 4 mm võrra pikem ja 5 mm võrra laiem.

[2] AI 4239:1101, 1156, 1100, 1129, 1159.

Joon. 2. Ruunikivistiilis naaste Ojamaalt. (1 — SHM Go 13566, 2287 : 3; 2, 3 — Gotlands Fornsal Dep. C 698, 699.)

Ojamaalt on saadud veel kolm samalaadset eset. Nii Rahu naastuga kui ka omavahel võrreldunа on nad ornamendi detailide, lingude kuju ja põimingu poolest kõik erinevad. Nii on kahe naastu ornamendis küll lihtsustatud ruunikivilooma pea, kuid peaaegu ühejämedused erinevalt põimitud lingud (joon. 2:2).[3] Kolmanda ornament (joon. 2:3) meenutab oma peentest ja jämedatest silmustest koosneva põimingu ning rõhutatud spiraalide tõttu suuresti hilise ruunikivistiili varianti, mida vastava tähtsaima leiu järgi Lääne-Norras Urnesi puukiriku portaalidel nimetatakse urnesi stiiliks.[4] Kaks katkendit, mis pärinevad ilmselt samasugustest urnesi stiilis

[3] Teine on pildistatud: P. Paulsen, Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart 1953, joon. 188.

[4] S. Lindquist, Yngre vikingastilar. *Nordisk Kultur XXVII*, Stockholm 1931, joon. 25, lk. 172.

ilustatud naastudest, on teada Soomest.[5] Need, nagu ka kõik neli Ojamaa eksemplari, on saadud üksikult juhuleidudena, mistõttu nende kasutusviis jääb samuti selgusetuks. Kõik Ojamaa naastud on peaaegu terved, kuid nõelast, nõelahoidjast ega -kannast pole ühelgi mingeid jälgi. Niisiis ei saa neidki pidada sõlgedeks. Neediaugud kummaski otsas on ainult ühel Ojamaa naastul[6], teised olid nähtavasti naha või tekstiili külge õmmeldud.

Üks nendetaoline ese on teada veel Jüütimaalt Aarhusi maakonnast Ennerist, kus see asetses kääpa põhjas koos kahe ovaalse sõle ja inimkoljuga.[7] Koljut pole antropoloogiliselt uuritud, kuid ovaalsete sõlgede järgi, mis olid tüüpilised naisepanused, võib arvata, et tegemist on naisehauaga.[8] Saaremaa, Ojamaa ja Soome naastudest on Taani leid pisut erinev. See sarnaneb rohkem ovaalsete sõlgedega, mis olid hilisel vendeliajal (700—800) levinud Taanis, Lõuna-Rootsis ja Lõuna-Norras.[9] Enneri naast, mis ehk ongi mainitud sõlgede derivaat, kuulub 9. sajandi teise poolde. Selle tüpoloogiline seos käsitletavate Saaremaa ja Ojamaa naastudega jääb lahtiseks.

Mõnevõrra meenutavad meid huvitavaid naaste veel Lõuna-Skandinaavias 11. sajandi teisel poolel ja 12. sajandi algul kasutusel olnud ažuursed loomakujulised sõled.[10] Neilgi esineb kaheksakujuliste silmustega loomornament, kuid üldkujult on nad hoopis teistsugused: raam puudub ning puhtas urnesi stiilis teostatud loomapeakujutus ja põiming on erinevad. Nii on need sõled pigem paralleelseks näiteks hilise loomornamentika rakendamise kohta, otsest seost vaadeldavate naastudega ei näi neil olevat.

Ruunikivistiil kujunes teatavasti jellingestiili baasil 11. sajandi esimesel poolel ning sai oma nimetuse Rootsi ruunikivide järgi, mida üksnes Upplandist on teada üle tuhande.[11] Peale ruunikivide esineb Skandinaavias niisugust ornamenti ka hauamonumentidel ja -kividel, relvadel, ehetel, mitmetel tarbe- ja sakraalesemetel.[12] Tuntumaid näiteid selle stiili kohta on Söderala kiriku tuulelipp 11. sajandi keskpaigast Hälsinglandis ning puukirikute kaunistused 11. sajandi lõpust ja 12. sajandist. Peale eelmainitud Urnesi kiriku Norras võib nimetada veel Blomskogi Värmlandis, Vrigstadet Smålandis ja Hagebyhögi Östergötlandis.[13] Selliselt kaunistatud naaste aga pole Skandinaavia poolsaarelt seni leitud. Seepärast tuleb praeguste, olgugi nappide andmete põhjal pidada selle ehtetüübi tekke- ja levikupaigaks ennekõike Ojamaad.

Ojamaal esineb ruunikiviilustust õige mitmekesistel esemetel. Üks esinduslikumaid selle stiili näiteid on hõbekauss Lilla Valla aardest.[14] Samas stiilis ornamenti esineb odaotste hõbetaušeeringus, käevõrudel, sõlgedel jt. ehetel. Hilise ruunikivistiili parimateks näideteks puulõikes loetakse Hemse ja Guldrupe kirikuilustuste fragmente.[15] Vaadeldava ornamendi levikut Ojamaal näitab eriti asjaolu, et seda kasutati ka naiste kohalikku eritüüpi toositaoliste ja loomapeakujuliste sõlgede kaunistamiseks.[16] 11. sajandi keskpaigast peale, mil toositaolised sõled kadusid, püsis see ornament eeskätt meeste vöödel, pannaldel, nõeltel jt. väikeesemeil.[17] Ilmselt samal ajal, 11. sajandi teisel poolel, on valmistatud ka kõnesolevad naastud. Et seniste leidude arv on väga väike, tuleb arvata, et neid naaste tehti ainult lühema aja vältel. Üldiselt on ruunikivistiil Ojamaa metallkäsitöös esindatud hästi ja omapäraselt. Leidude suhteliselt väikesest koguhulgast järeldab M. Stenberger, et mainitud stiilifaas pidi olema lühikese kestusega.[18] Tema arvates võis selles stiilis esemeid valmistada ainult üks või paar töökoda.

---

[5] E. Kivikoski, Suomen rautakauden kuvasto II. Porvoo 1951, joon. 867.

[6] Vt. viide 3.

[7] J. Brøndsted, Danish inhumation graves of the Viking Age. *AA VII*, København 1936, joon. 24, lk. 117 jj.

[8] Vrd. sealsamas, lk. 220.

[9] M. Strömberg, Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit im Schonen. Völkerwanderungszeit — Wikingerzeit. *AA Lund 4*, Lund 1961, *I*, joon. 5:4; *II*, tahv. 32:3; 59:7, 12, 13.

[10] J. Petersen, Vikingatidens smykker i Norge. Stavanger 1955, joon. 98, 99; N. Åberg, Nordische Ornamentik in vorgeschichtlicher Zeit. *Mannus-Bibliothek 47*, Leipzig 1931, joon. 243.

[11] M. Stenberger, Det forntida Sverige. Uppsala 1964, lk. 757.

[12] Stenberger, Det forntida Sverige, joon. 308—311, vt. ka lk. 759; W. Holmquist, Sigtunamästaren och hans krets. *Situne Dei 1948*, Halmstad 1949, joon. 38, 44, 56, 58—60; Petersen, tahv. 96; S. Curman, B. Nerman, D. Selling, Tiotusend år i Sverige. Stockholm 1945, joon. 235.

[13] Sealsamas, joon. 243—245.

[14] S. Lindquist, Gotlands Bildsteine I. Stockholm 1941, tahv. 62—72; M. Stenberger, Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit II. Lund 1947, joon. 212, 242, 247, 249:2.

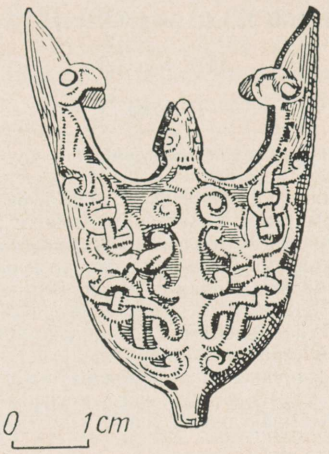
[15] Lindquist, Yngre vikingastilar, joon. 28, 29.

[16] H. Rydh, Dosförmiga spännen från vikingatiden. Stockholm 1919, joon. 48—50; loomapeakujulisi sõlgi on näit. Barshalder Grötlingbo khk., Klinte khk., Stenstugårds Viklau khk., Ala khk. (Gotlands Fornsal C 8654:1, C 78, C 2059, C 8998).

[17] M. Stenberger, Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland. *AA XXXII*, København 1961, lk. 68.

[18] Sealsamas, lk. 58 jj.

Eestis esineb ruunikivistiilis kaheksakujuliste lingudega loomornamenti peamiselt mõõgapidemete ja odaotste hõbetaušeeringus. Ühtekokku on seni saadud vähemalt kaheksa niisugust odaotsa [19], kaks tervet mõõka[20] ja umbes paarkümmend mõõgapideme osa, millest enamik on leitud Saaremaalt[21]. Samasuguseid toredusrelvi kohtame ka Väina- ja Koiva-liivlaste alal ning Soomes.[22] Mainitud ornamendi järgi otsustades ei tohiks olla kahtlust, et sel viisil ilustatud relvad on valmistatud Skandinaavias, kõige tõenäolisemalt Ojamaal.[23] Ojamaal endal leidub vastavaid paralleele küll vähe, kuid see on suurel määral tingitud ristiusu levikust seal 11. sajandi keskpaiku, mil uue, kristliku kombe kohaselt maeti mehed ilma relvadeta.[24] Ruunikivistiilis loomornamenti esineb ka mõningail Eesti aardeleidude hõbedast hoburaudsõlgedel, mis pärinevad ilmselt samuti Ojamaalt.[25] Ka Kumna ja Padiküla aaretest saadud kaelakeede otsahülssidele leidub sealsetes ehetes mitmeid vasteid, mistõttu neidki võib lugeda Ojamaa meistrite tööks.[26] Lõpuks nimetagem veel paari ruunikivistiilis ilustatud mõõgatupeotsikut Saaremaalt. Ühe, katkise eksemplari täpsemat leiukohta ei teata[27], teine (joon. 3) saadi samast Rahu kalmest eelkirjeldatud naastust 10 m kauguselt. Sellised mõõgatupeotsikud olid levinud esmajoones Ojamaal, mistõttu P. Paulsen peab neid õigustatult sealseks eritüübiks.[28] Mõõgatupeotsiku ja ehteplaadikese ornamenti võrreldes näeme, et tupeotsikul on loomakujutus muutunud puht pinnatäiteornamendiks, kaheksakujulised silmused on tihenenud ja ähmastunud, ruunikivistiilis loomapea on täielikult kadunud, seevastu esineb palmetimotiiv, mis naastul puudub. Niisiis ilmnevad mõõgatupeotsiku ornamendis ruunikivistiili algava languse tunnused. Järk-järgult muutuski ruunikiviornament šabloonilisekspõimitud geomeetriliseks pinnatäiteornamendiks, mida leidub 11. sajandi lõpu ja 12. sajandi sõlgedel, pannaldel, vöönaastudel ja paljudel teistel väikeesemetel.

Joon. 3. Mõõgatupeotsik Rahu kalmest (AI 4239 : 120).

Ojamaa kaunid ja elegantsed ehtenaastud kuuluvad mitmete sealsete sõlgede, relvade ja hõbeehete kõrval kahtlemata paremate ruunikivistiilis kunstkäsitöö näidete hulka. Tõsiasi, et samasugune naast ja mõõgatupeotsik saadi ka Saaremaa kalmest, annab, nagu paljud muudki ühised esemevormid, tunnistust saarlaste tihedatest sidemetest skandinaavlastega II aastatuhande algul.

[19] Randvere (A. Kustin, Randvere kivikalmistu Saaremaal. *MKA,* tahv. XII:1) ja Kurevere (AI 4368:140) kivikalmest ning lähemalt teadmata kohast Saaremaalt (B. Nerman, Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. *Handlingar 40:1,* Stockholm 1929, joon. 107); Lahepera (AI 1984:131) ja Lümandu (AI 3636:38) kalmetest ning juhuleiud Lehtsest ja Rohult (А. Антейн, Наконечники копий с посеребренными втулками в древней Прибалтике и исследование дамаскирования их перьев. *Acta Universitatis Wratislaviensis 56, Studia Archeologiczne II,* Wrocław 1967, joon. 2:3,8) ning Kohtla-Järve rajoonist Kalmeistrilt (AI 4183) Eesti mandriosast. Mainitud arv võib olla suurem, sest mitmete odaotste ornament on tules hävinud.

[20] Saaremaalt Kurevere kalmest (A. Kustin, Kiviringkalme Kureveres Saaremaal. *PVF,* joon. 2) ja Harju rajoonist Kiviloo kalmest (AI 3904).

[21] Viltina (AI 3884:751, 755, 1638, 1651, 2180, 3194, 4039, 4049), Randvere (Kustin, Randvere, joon. 10:6), Ilpla (AI K1:66, 67), Uduvere, Tahula (Nerman, Verbindungen, joon. 67, 68) ja Kalmu kalmetest (AI 3822: 302) Saaremaalt; Pajumaa (AM 134:64), Päinurme (AI 2635:1536), Raasiku (AI 3748:58, 59), arvatavasti ka Tarbja kalmetest (Tallgren, ZAE II, joon. 153) Eesti mandrilt.

[22] Nerman, Verbindungen, joon. 101—103; Антейн, joon. 2:1, 2, 6, 7; Kivikoski, joon. 784—787, 799—803; J. Leppäaho, Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. *SMYA 61,* Helsinki 1964, tahv. 33; 34; 35:2; 44—55.

[23] Lindquist, Yngre vikingastilar, lk. 174; C. A. Nordman, Nordisk ornamentik i Finlands järnålder. *Nordisk Kultur XXVII,* lk. 196 jj.; Stenberger, Det forntida Sverige, lk. 689.

[24] Stenberger, Das Gräberfeld bei Ihre, lk. 98 jj.

[25] E. Tõnisson, Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. *MKA,* tahv. XIX:3; XXI:1,3, vt. ka lk. 219.

[26] Vt. E. Tõnissoni artikkel käesolevas kogumikus, joon. 3; Tõnisson, tahv. XVIII; vrd. Stenberger, Die Schatzfunde Gotlands II, joon. 242, 247.

[27] Nerman, Verbindungen, joon. 92.

[28] Paulsen, lk. 127 jj.; joon. 182—186, tahv. XI.

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА С О-ВА САРЕМАА

Айта Кустин

Резюме

В 1960 г. при раскопках могильника с трупосожжением в д. Раху на о-ве Сааремаа была найдена элегантная бронзовая бляшка, украшенная зооморфным орнаментом в позднем стиле рунических камней (рис. 1). На основании дырочек от заклепок можно полагать, что эта бляшка в свое время была прикреплена к какому-нибудь кожаному изделию. Поблизости от нее в могильнике лежали два одинаковых язычка от ремня, поясная пряжка так называемого готландско-прибалтийского типа, большой серебряный перстень и подковообразная фибула. На основании этого можно полагать, что эта бляшка происходит из мужского погребения с трупосожжением. Четыре такие бляшки известны с о-ва Готланда (рис. 2), два фрагмента — из Финляндии и один — из Дании. Так как на Скандинавском полуострове таких бляшек до настоящего времени не было обнаружено, то можно считать, что они изготовлялись исключительно на о-ве Готланде, судя по стилю, во второй половине 11 века.

Предметы оружия, украшенные зооморфным орнаментом в стиле рунических камней, найденные в Эстонии, а также на территории даугавских и гауяских ливов и в Финляндии, и некоторые единичные серебряные предметы украшений происходят из Скандинавии, причем частью несомненно с о-ва Готланда. Специально готландский тип представлен двумя наконечниками ножен мечей, украшенными в стиле рунических камней (рис. 3). Описанная бляшка, так же как и названные наконечники ножен мечей, и многие другие общие формы предметов свидетельствуют о тесных связях между жителями о-ва Сааремаа и Скандинавии в начале II тысячелетия.

EIN UNIKALER FUND VON DER INSEL SAAREMAA

Aita Kustin

Zusammenfassung

Im J. 1960 wurde auf der Insel Saaremaa im Dorf Rahu bei der Ausgrabung eines Steingräberfeldes mit Brandbestattungen eine kleine elegante Bronzeplatte mit im Runensteinstil ausgeführter Tierornamentik gefunden (Abb. 1). Nach den Nietenlöchern in der Platte zu schliessen war sie wahrscheinlich ursprünglich als ein Beschlag auf Leder befestigt gewesen. In der Nähe der Platte lagen zwei gleiche Riemenzungen, eine Schnalle vom sog. gotländisch-baltischen Typus, ein grosser silberner Fingerring und eine Hufeisenfibel. Nach diesen bedingungsweise zusammengehörenden Funden zu schliessen, handelt es sich hier um die Brandbestattung eines Mannes. Vier derartige Gegenstände sind aus Gotland (Abb. 2), zwei Bruchstücke aus Finnland und eines aus Dänemark bekannt. Da Beschläge von der hier behandelten Form auf der Skandinavischen Halbinsel bisher fehlen, so ist anzunehmen, dass solche nur auf Gotland hergestellt wurden, und zwar dem Stil nach zu urteilen in der zweiten Hälfte des 11. Jhs.

Mit Tierornamentik im Runensteinstil verzierte Waffen, die in Estland und auf dem Territorium der Daugava- und Gauja-Liven gefunden worden sind, sowie einzelne silberne Schmuckstücke stammen aus Skandinavien, zum Teil sicherlich von Gotland. Einen gotländischen Sondertypus vertreten zwei auf Saaremaa gefundene, im Runensteinstil verzierte Ortbänder (Abb. 3). Der hier behandelte Beschlag, wie auch die Ortbänder und noch viele andere gemeinsame Formen von Gegenständen zeugen von engen Beziehungen zwischen den Insulanern von Saaremaa und den Skandinaviern am Beginn des II. Jahrtausends.

EIN GEWEIHGEGENSTAND AUS FINNLAND

Ville Luho

Im Jahre 1933 gelangte in die Sammlungen des Finnischen Nationalmuseums «eine Kiste voll Knochen, Zähnen und Geweihstücken eines grossen Tieres, anscheinend eines Elches», wie es im Verzeichnis vermerkt ist[1], und die Angabe setzt sich fort: «Knochen zerbrochen, Geweih zerstückelt, ein grosser Wirbel verrusst, dazwischen ein paar russige Rollsteine». Nach der Katalogisierung geriet der Fund in Vergessenheit. 35 Jahre später, als das Lager der Vorgeschichtlichen Abteilung der Archäologischen Kommission nach Reparaturarbeiten geordnet wurde, fand sich jene «Kiste voll Knochen» wieder. Bei einer Durchsicht der Knochen zeigte es sich, dass unter ihnen auch ein anscheinend aus Elchgeweih hergestellter hackenförmiger Gegenstand vorlag. Der Typ ist in Finnland meines Wissens zuvor nicht angetroffen worden.

Die «Knochen» wurden am 7. Juni 1933 im Gelände des Gehöftes Niemelä im Dorfe Kuukkajärvi des Kirchspiels Uurainen beim Ausheben eines Strassengrabens von den Hofbesitzern August Vehnämäki und Matti Piesala gefunden. Daselbst hatte man 3—4 Feuerstellen und möglicherweise den Grund einer Kote bemerkt. An der Erdoberfläche waren ausserdem ein paar Gruben und ein Steinhügel zu sehen. Die Knochen hatten in rund 40 cm Tiefe gelegen.

Das Kirchspiel Uurainen liegt in Mittelfinnland, von der Stadt Jyväskylä etwa 37 km in der Luftlinie nach Nordwesten, und die Fundstelle von der Kirche von Uurainen etwa 8 km in der Luftlinie nach Südwesten, an der nach Multia führenden Landstrasse, südwestlich der vom nordwestlichen Ende des Kyynämöinen-Sees nach Norden ausgreifenden Bucht Majalahti.

Der Gegenstand (Abb. 1) hat etwas gebogene Form und ist an einem Ende naturgemäss zugespitzt. Es ist dies eine 22 cm lange, in ihrem oberen Teil 3,3 cm dicke, im Querschnitt rundliche, sorgfältig abgebrochene Geweihsprosse. Am oberen oder Ansatzteil zeigen sich deutliche, glatte Schnitzspuren, die mit einem metallenen (eisernen?) Werkzeug ausgeführt zu sein scheinen. Diese Schnitzspuren weisen darauf hin, dass der Gegenstand ehemals wie eine Hacke geschäftet war. Die Spitze ist abgenutzt, so dass ihre ursprüngliche Form nicht mehr mit Sicherheit zu bestimmen ist. Unmittelbar an der Spitze ist ein geschnitzter oder geschliffener Abfall der Schneide zu sehen. Die Schneide scheint ursprünglich im Querschnitt spitzoval gewesen zu sein.

Der Gegenstand ähnelt sehr den in Estland gefundenen Geweihäxten oder Hacken ohne

[1] NM 9697.

Abb. 1. Geweihgegenstand aus Uurainen, Finnland.

Schaftloch. R. Indreko beschreibt solche folgendermassen: «Die einfachste Form der Geweihäxte bilden die aus einer Geweihsprosse angefertigten Stücke ... Im übrigen ist die Form der Äxte durch die Form der betreffenden Geweihsprossen bedingt, d. h. sie haben runden oder etwas ovalen Querschnitt (Abb. 46:1). Die Schneide ist an allen Exemplaren von der einen Seite in grösserer Ausdehnung geschliffen worden als von der anderen, so dass die Äxte einem querschneidigen Typus angehören.

Ferner sind 5 Geräte zu nennen, die aus je einer langen, gebogenen Geweihsprosse angefertigt sind und schmale hackenartige Querbeile darstellen (Abb. 46:2).»[2]

Indrekos obenbeschriebenen Gegenstände sind auf dem bekannten Wohnplatz Lammasmägi in Kunda gefunden worden. Über das Alter der Typen schreibt er folgendes: «Man darf aber dabei nicht vergessen, dass die Äxte aus Geweihsprossen als eine sehr schlichte Form, sehr langlebig waren und beinahe in derselben Gestalt wie zur Ancylus-Zeit noch in der Bronzezeit vorkommen, wie dies die Funde von der Burgsiedlung Asva auf Saaremaa beweisen.»[3]

Ausser den beiden dargestellten Typen beschreibt Indreko noch einen dritten aus Estland, der als Entsprechung unseres Gegenstandes in Frage kommen kann. Über diesen Typ führt er folgendes an: «Ferner gibt es unter den Pärnu-Funden vier Geräte mit spitzem Ende, die aus recht kräftigen Geweihstangen angefertigt sind; solche Typen fehlen in Kunda. Es ist aber zu bezweifeln, ob diese Geräte überhaupt als Äxte, d. h. geschäftet, benutzt wurden; sie scheinen zum Schlagen viel geeigneter, wenn man sie unmittelbar in der Hand hält, zu welchem Zweck vielleicht auch die Unebenheiten an dem der Spitze entgegengesetzten Ende abgehauen sein mögen.»[4] Das Alter des Typs wird von Indreko nicht genauer bestimmt, er stellt nur fest, dass der Typ unter den Funden von Kunda fehlt. Der Gegenstand von Uurainen ist jedoch, wie gesagt, wahrscheinlich geschäftet gewesen.

Das Alter der Hacke von Uurainen ist schwer mit Sicherheit festzulegen. Danach zu schliessen, dass an ihr immer noch Sandkörner haften, hat der Fund in sandigem Boden gelegen. Wenn das zutrifft — was durch die Mitteilung der Finder, dass die Fundstelle eine Sandheide sei, gestützt wird — kann der Gegenstand nicht sehr alt sein, denn wir wissen auf Grund unserer Grabungsfunde, dass in Finnland weder unverbrannter Knochen noch ebensolches Geweih im Sandboden viele hundert Jahre liegen kann, ohne sich durch die Kalkarmut des Bodens zu zersetzen. Die zusammen mit dem Geweihgegenstand dem Nationalmuseum zugesandten Knochen befinden sich in ziemlich gutem Zustand. An der Fundstelle ist keine Bodenprobe zur Bestimmung ihres Kalkgehalts entnommen worden, doch ist dieser hier wohl kaum beträchtlicher als im allgemeinen sonstwo im Lande. Es dürfte daher kein Anlass bestehen, den Gegenstand als steinzeitlich anzusehen, er kann auch kaum als bronzezeitlich erachtet werden, obschon die «Knochen» nach dem Bericht der Finder von rund 40 cm Boden bedeckt gewesen waren. Die Bestimmung der Fundtiefe mag fehlerhaft geschätzt worden sein, auch ist die Fundstätte von keinem Sachverständigen besichtet worden.

Nach den Beobachtungen der Finder hätten sich am Fundort 3—4 Feuerstellen und ein Kotengrund befunden. Wenn diese Feststellung zutrifft — sie ist hinsichtlich der Feuerstellen durch ein paar zum Funde gehörende russige Steine sowie einen verrussten, teilweise verbrannten Wirbelknochen gestützt —, handelt es sich um eine Lagerstätte. Die Gegend war Wildnisgebiet, worauf der Name Majalahti (Hüttenbucht) und der des in der Nähe gelegenen Weihers Majalampi (Hüttenweiher) hinweisen. Ob diese Namen und der Fund miteinander im Zusammenhang stehen, ist gewiss eine Frage, die nicht mit Sicherheit gelöst werden kann, doch besteht die Möglichkeit, dass ein solcher Zusammenhang wirklich bestand. Hierbei drängt sich von selbst der Fund von Majakaarre in Pihtipudas auf[5], zu dem in Finnland zuvor unbekannte Knochen- und Geweihgegenstände gehören. Ich halte den Fund von Pihtipudas für lappisch beheimatet und meine, dass auch der Fund von Uurainen lappischer Herkunft ist, obschon sich das kaum überzeugend nachweisen lässt. Auch Pihtipudas liegt in Mittelfinnland, von Uurainen rund 100 km in der Luftlinie nach Norden. Aus historischen Quellen wissen wir, dass noch um die Mitte des 15. Jahrhunderts Lappen in den Ödmarken Mittelfinnlands wohnhaft waren, so dass es gut möglich sein kann, dass der Fund von Uurainen als lappische Hinterlassenschaft in unsere Hände geraten ist. Wie dem auch sei, älter als eisenzeitlich dürfte der Geweihgegenstand von Uurainen nicht sein.

In Estland war die betreffende Gegenstandsform vom Mesolithikum bis zur Bronzezeit gebräuchlich, in Finnland offenbar noch länger.

[2] R. Indreko, Die mittlere Steinzeit in Estland. *Handlingar 66,* Stockholm 1948, S. 158.
[3] Ebenda, S. 160.
[4] Ebenda, S. 162.
[5] Ville Luho, Riemenschneider. *FM 1966,* Helsingfors 1967, S. 25—35.

SARVESE SOOMEST

Ville Luho

Lühikokkuvõte

1933. aastal leiti Kesk-Soomest Uurainenі kihelkonnast Kyynämöineni järve kaldalt Kuukkajärvi külast 40 cm sügavuselt liivast 22 cm pikkune kaarjas sarvese (joon. 1), mida on kasutatud nähtavasti varretatult. Ese on lähedane mõnedele Eesti territooriumilt nii mesoliitilistest (Kunda, Pärnu) kui ka hilispronksiaja (Asva) leiukohtadest saadud sarvriistadele. Et Soome pinnases luuaines üldiselt kaua ei säili ja eseme pinda on oletatavasti rauast terariistaga lõigatud, siis ei ole see tõenäoliselt kuigi vana. Leidja andmeil on läheduses olnud ka 3—4 tuleaset, mistõttu võib oletada, et seal on asunud laplaste laagriplats. Kunagise asula olemasolule võiksid osutada ka läheduses olevate *Majalahti* ja *Majalampi* nimetus.

РОГОВОЕ ИЗДЕЛИЕ ИЗ ФИНЛЯНДИИ

Вилле Лухо

Резюме

В 1933 г. в Средней Финляндии в деревне Кууккаярви прихода Уурайнен на берегу озера Кюйнямэйнен в песке, на глубине 40 см, было найдено дугообразное изделие из рога длиной 22 см (рис. 1), которое прикреплялось, по-видимому, к рукоятке. По форме этот предмет имеет сходство с некоторыми роговыми изделиями, найденными в Эстонии в памятниках как мезолита (Кунда, Пярну), так и позднего бронзового века (Асва). Так как костный материал в почвах Финляндии в общем долго не сохраняется и так как изделие, по всей вероятности, было обработано железным орудием, то оно, очевидно, не является особенно древним. По сведениям, полученным от лица, нашедшего этот предмет, поблизости от него были обнаружены 3—4 очага. Поэтому можно предполагать, что там находился лагерь лопарей. О существовании здесь когда-то поселения свидетельствуют, возможно, и некоторые топонимы окружающей местности.

SÕRVE LAEVKALMED

V. Lõugas

Enam kui sada aastat tagasi kaevati Kuramaal Riia lahe rannikul läbi tol ajal ainuke ida pool Balti merd teada olnud laevkalmete rühm.[1] Alles 1940. aastal avastas A. Vassar ühe samasuguse laevkalme Saaremaal Sõrve poolsaarel Lülle küla karjamaal väikese kivikirstkalmete rühma äärel.[2] Need kalmed asuvad väikesel kõrgemal ja kuivemal puisniidul madala ja niiske alusega lehtmetsade vahel.

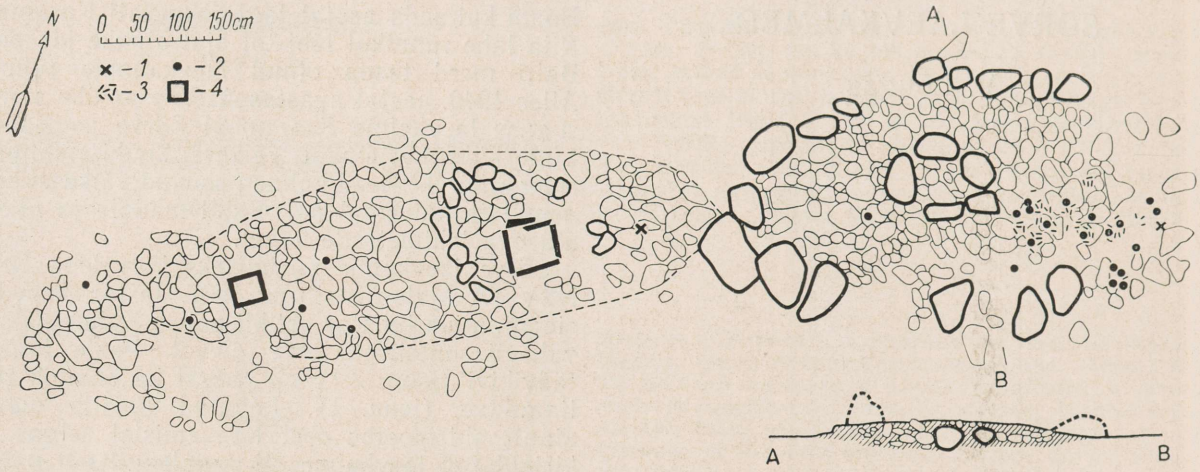
Sõrve laevkalme uurimiseks korraldas Eesti NSV TA Ajaloo Instituut 1967. aastal ekspeditsiooni, mida juhatas artikli autor. Kalme paistis väliselt suhteliselt terve olevat. Peale ilmeka täävikivi (joon. 2:1) oli paigal ka enamik reelingukive (joon. 1). Lõhutud paistis olevat ainult ahtripoolne osa. Kaevamistel selgus, et kirjeldatud laevkalme oli (analoogiliselt paljudele Ojamaa ja Kuramaa laevkalmetele) ehitatud teise, tänapäeval suurelt osalt juba lõhutud laevkalme taha. (Arvestades laevade asetust, nimetame 1967. aastal avastatud laevkalmet kui eespoolset I laevaks ja varem teada olnud kalmet II laevaks.) Tõuke lõhutud laevkalme otsimiseks andis suur piklik kivi, mis lamas teada olnud laevkalmest veidi eemal ja sarnanes nii suuruselt (pikkus 125 cm) kui ka kujult selle täävikiviga. Vaevalt sai maapind kalme ümbruses võsast ja paksust rohust puhastatud, kui laeva ees hakkaski paistma sellega samasuunaline teravovaalne, nõrgalt kumer kühm. See oli I laeva kivitäidis, mida piiras madal ovaalne nõgu. Viimane oli tekkinud suurte reelingukivide väljamurdmise tõttu. Kivitäidise väljapuhastamise järel selgus, et reelingukividest oli alles jäänud ainult üks, mis seisis küllakil II laeva täävikivist otse vasakul (joon. 1; 2:4). Eemalt leitud täävikivi oli nähtavasti asunud kivistiku edelaotsal, kus sisetäidis järsult hõrenes ja kuhu lõppes ka laeva ümbritsev nõgu. I laeva pikkus oli ca 7,5 m.

Välisele lõhutusele vaatamata oli I laeva sisseehitus hästi säilinud. Puutumata olid ka kaks väikest kirstu. 1. kirst (joon. 3) paiknes laeva vööriosas ning kujutas endast 1—3 cm paksustest jotnia liivakivi plaatidest korrapärast, 40 cm pikkuste külgedega kuupi. On usutav, et kirstu on katnud samast kivimist plaat, mille tükke leidus siin-seal kirstu ümbruses (vrd. allpool 2. kirstuga). Kirstu täitis enamasti tumedavõitu muld. Selles oli üsna palju jämedat kruusa,

---

[1] C. Grewingk, Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwe oder Teufelsböte Kurlands überhaupt. *Verh. GEG IX*, Dorpat 1879, lk. 2—48; E. Šturms, Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. *Congressus Secundus*, lk. 111 jj.; Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего металла. Рига 1967, lk. 68 jj.

[2] Aruanne AI-s.

Joon. 1. Sõrve laevkalmete plaan. 1 — kiviese, 2 — keraamika ja 3 — põlenud luud (väljaspool kirste), 4 — serviti plaatidest kirst.

mida kalme täitekivide vahel ei esinenud. Põlenud luutükke leidus kirstu loodenurgas juba 20 cm sügavusel, eriti ohtrasti aga 35—37 cm sügavuselt alates. Kirstu põhi oli kaetud kaltsineerunud luude puruga. Üldse korjati 1. kirstust 2400 cm³ (1460 g) luid. Muid leide kirstus polnud. Kirstu lähedalt kalmest leiti mõned väikesed, tõenäoliselt hilisemad savinõutükid.[3]

Laeva ahtriosas asus 2. kirst, kaetud suure jotnia liivakivist plaadiga, mille läbimõõt oli 1,3 m. Täitekivide survel oli see vajunud tükkideks (joon. 4). Katteplaadi all avanes samasugune jotnia liivakivi plaatidest ja ühest paeplaadist ehitatud ilus korrapärane kirst nagu laeva vööriosaski. 48—50 cm sügavune kirst oli ida-lääne suunas piklik (mõõtmed 30—32 × × 53 cm). Selle ülemine pool oli täidetud juba 1. kirstu juurest tuttava kruusase mullaga. Põlenud ja tugevasti kaltsineerunud luud olid puistatud hunnikusse kirstu põhjale vastu selle lääneotsa. Esimesi luutükikesi esines mullas 37—38 cm sügavusel. Samast sügavusest leiti kirstu kagunurgast pronksist nooleots (joon. 5:3). Sellest 3—4 cm sügavamal hakkas mulla seest välja paistma väikese savinõu (joon. 5:4) suu. Nõu oli kirstu põhjas püsti, kaitstud kahelt poolt väiksemate kivide ja ühe serviti asetatud plaadikesega. Kattekivide survel oli nõu koos kirstu põhjaplaadiga üleni pragunenud. Kirstu lääneotsast, põlenud luude hulgast, leiti pronkspintsett (joon. 5:2) ja mingi pronksplekist eseme fragment (joon. 5:1).

Ruumi kirstude vahel ja ümber, mis omal ajal oli piiratud suurte reelingukividega, täitsid raudkivid. Selle kivitäidise alumine kiht oli kompaktne, koosnedes 25—40 cm läbimõõduga kividest. Kivitäidise ülemised, väiksemad kivid olid enamasti aga kohalt liigutatud. Nende seast leiti 2. kirstu lähedusest kvartsiidist kivikirve poolfabrikaat (joon. 6:1). Kivitäidise üldpaksus I kalmes ulatus 60 cm-ni.

Huvitav oli 2. kirstu umbes 0,5 m kaugusel ümbritsev suurematest raudkividest ring, mis ilmselt oli paigale pandud kirstu suure katteplaadi veidi ebakorrapärase serva järgi. Plaadi all ümbritses kirstu üksnes muld.

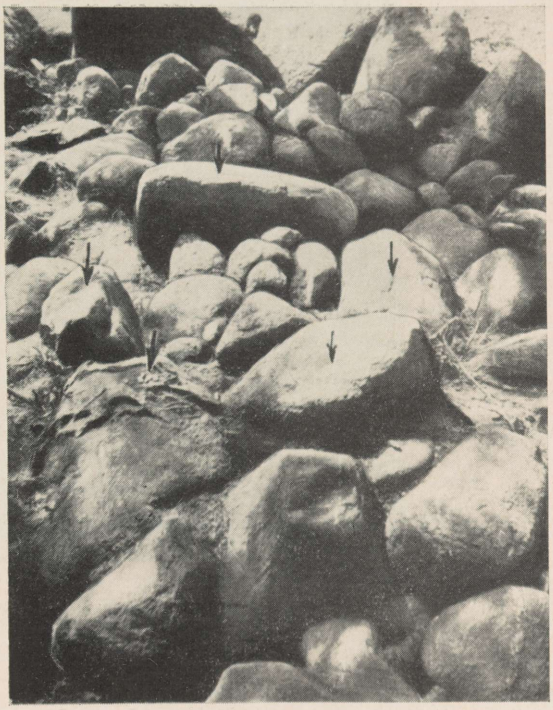
II laeval oli alles enamik reelingukive, mis ulatusid 15—47 cm üle murupinna, ja täävikivi, mille 123-sentimeetrisest pikkusest ulatus maa seest välja 70 cm. Kaevamise ajal aga selgus, et koos eemaldatud reelingukividega oli kalme lõunapoolsest küljest välja lõhutud ka osa kivitäidist ja nähtavasti tühjendatud kirst, mis asus laeva vööripoolses otsas (joon. 2:2, 3). See kirst oli ehitatud viiest suuremast raudkivist. Kirstu läbimõõt põhjast lõunasse oli 45—60 cm ja idast läände 60 cm, sügavus — 45 cm. Kirst oli ääreni täis paarikümne-sentimeetrise läbimõõduga kive, mille vahel leidus mõni juhuslik luukild. Tõenäoliselt on selles kirstus olnud suur riibitud savinõu (joon. 5:5), mille killud leiti kirstu lähedalt koos kaltsineerunud luudega. Muid leide siin polnud. Üksnes kaugemalt, laeva ahtrist, leiti ülemiste täitekivide vahelt viljahõõrumiskivi (joon. 6:2).

I ja II laeva ehitust võrreldes peame nentima nende küllaltki suurt sarnasust, isegi detailides, kuigi samal ajal ei saa jääda märkimata ka teatud lihtsamate joonte esinemine II laeva juures (raudkividest kirst, lihtne riibitud pinnaga ma-

[3] AI 4409:21, 24, 25.

1

2

3

4

Joon. 2. Sõrve laevkalmed. 1 — II laeva täävikivi ja 2 — raudkividest kirst (↓); 3 — vaade lõunast laevkalmetele pärast II laeva kivitäidise eemaldamist; 4 — I laeva kivitäidis.

Joon. 3. Vaade I laeva 1. kirstule pärast kamara eemaldamist.

tuseurn, võib-olla ka hauapanuste puudumine). Oma ehituselt sarnanevad Sõrve laevkalmed kõige enam Kuramaa ja Soome laevkalmetega.[4] Nii ühed kui teised on ehitatud paarikaupa ja täidetud seest kividega. Kivitäidise olemasolu poolest erinevad nad Ojamaa laevkalmetest ja sarnanevad läänemeresoome hõimude alal hilispronksiajal levinud kivikirstkalmetega. Ühiseks jooneks eriti Sõrve ja Kuramaa laevkalmete vahel on põletusjäänuste sängitamine väikestesse kivikirstudesse kas savinõus või lahtiselt.

Arvestades nende omavahelist sarnasust, on Sõrve laevkalmed ehitatud kas korraga või väga lühikese ajavahemiku järel. I laevast saadud metall-leidude järgi otsustades on see toimunud üsna pronksiaja IV ja V perioodi vahetuse paiku (umbes 800 aastat e. m. a.), mis H. Hanssoni järgi on ka Ojamaa laevkalmete tekkeajaks.[5] Sõrve nooleots meenutab Skandinaavias pronksiaja IV perioodil levinud lihtsaid ornamenteerimata lantsette.[6] Ka kitsa ilustamata pintseti võib dateerida samasse aega, kuigi seesuguseid esines juba varem. Pronksiaja V perioodil polnud sellised pintsetid üldiselt enam kasutusel.

Huvitav on Sõrve laevkalme keraamika. Tumeda, mitte just eriti hoolikalt silutud pinnaga väikese savitassi koostises on üsna palju keskmise jämedusega liiva. Kuigi selline nõuvorm oli hilispronksiajal Balti mere ümbruse maades laialdaselt levinud, võib Saaremaa samaaegsetes kindlustatud asulates (Asva, Ridala) esineva analoogilise keraamika põhjal pidada seda tassi kohalike traditsioonide järgi valmistatuks. Üks kõrvaga savitass on saadud ka Kuramaa laevkalmetest, kust leiame samasuguseid plastiliselt kujundatud tassikõrvu nagu Sõrve tassil.[7]

Suur riibitud pinnaga savinõu II laevast esindab põlist kohalikku keraamikat, mis hilispronksiajal oli Ida-Baltikumis eriti levinud. Analoogilisi suuri, jämeda koostisega savinõusid esineb arvukalt Asvas ja Ridalas. Ka osa Kuramaa laevkalmete keraamikast (Musiņa 2. kalmest) on kaetud riibetega.[8]

E. Šturms rõhutas omal ajal Kuramaa laevkalmete keraamika suurt sarnasust Ojamaalt leitud keraamikaga.[9] Laialdaselt levinud nõuvormide esinemise tõttu nii siin kui seal on selline sarnasus üldiselt olemas, kuid teiselt poolt puudus E. Šturmsil tollal võimalus kindlaks teha, kui erandlik või tavaline on laevkalmetest leitud keraamika Kuramaa muu hilispronksiaegse keraamika hulgas. Et Kuramaa on siiani jäänud üheks kõige vähem uuritud piirkonnaks Ida-Baltikumis, siis pole Kuramaa

[4] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. *SMYA 54*, Helsinki 1954, lk. 106, 140.
[5] H. Hansson, Gotlands bronsålder. Stockholm 1927, lk. 61.
[6] Ka Kuramaa laevkalmetest on leitud üks nooleots, mis on kaotsis. Vt. Šturms, lk. 129.
[7] Šturms, tahv. IV:2; V.
[8] Sealsamas, tahv. II:2.
[9] Sealsamas, lk. 131.

Joon. 4. Vaade I laeva 2. kirstule enne avamist.

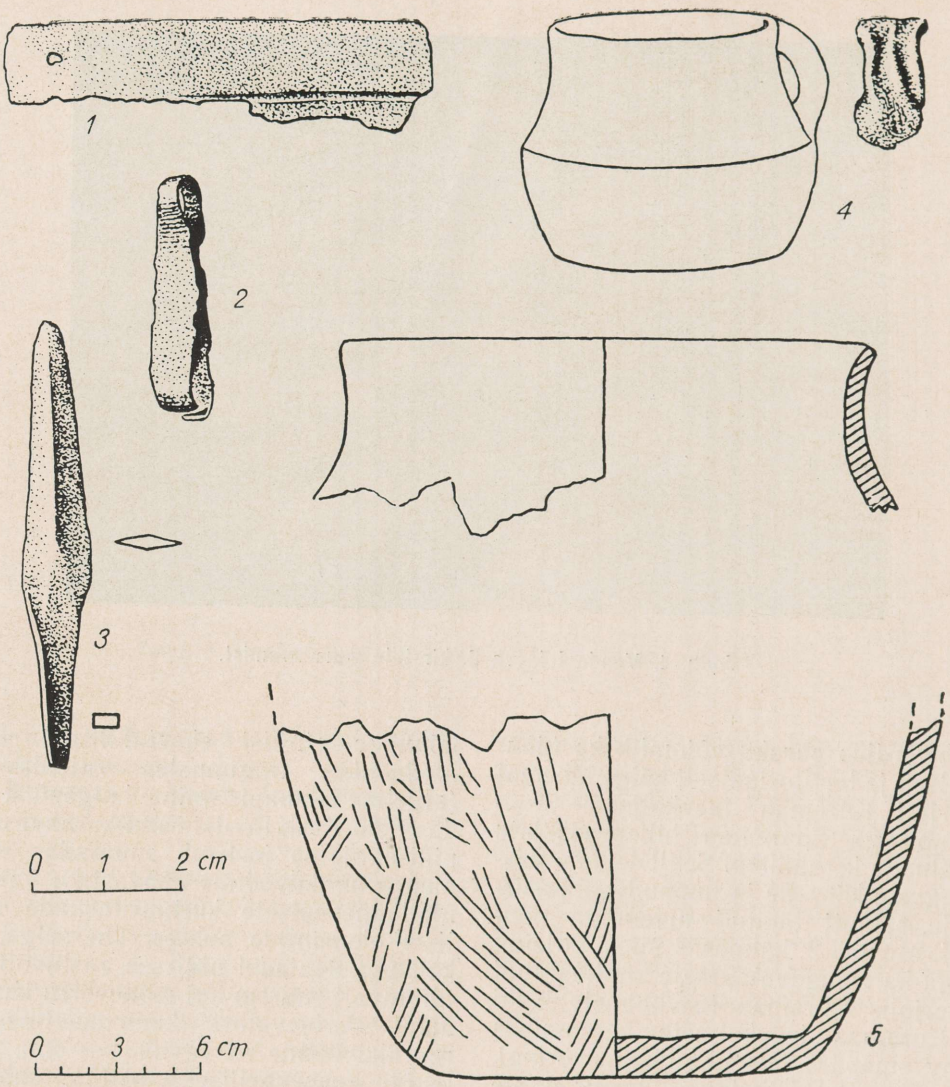
suhtes selline võrdlus paraku võimalik ka tänapäeval. Ajaliselt ja territoriaalselt kõige lähemat võrdlusmaterjali Kuramaa laevkalmete savinõudele pakub aga Saaremaa hilispronksiaja asulate ja kalmete keraamika. Sealt leiame vasteid mitmesuguste kõrvade ja nuppudega varustatud nõudele, samuti täkitud nivendiga nõudele, mida oli Musiņa 2. kalmes.[10] Siiski ei leidu Saaremaa ega ka Daugava-äärsete kindlustatud asulate materjalis Kuramaa laevkalmete kõiki nõuvorme. Kuramaa laevkalmete keraamikas ilmneb teatav omapära, mis, nagu kalmevormgi, on seletatav ülemeresidemetega. Ometi ei ole Kuramaa ja Sõrve laevkalmete keraamika Ida-Baltikumi rannikuvöötme muu keraamika hulgas täiesti võõras nähtus, mis tingimata sunniks arvestama Skandinaaviast lähtunud kolonisatsiooni.

Ida-Baltikumi ja Soome laevkalmed asuvad piirkonnas, mis juba hilisest kiviajast saadik oli tihedamates kokkupuudetes Skandinaaviaga. Eriti tähtsat osa edaspidises kultuuride lähenemises etendasid venekirveste kultuuri hõimud, kes jõudsid piki Balti mere idarannikut Edelakes jõudsid piki Balti mere idarannikut Edela-Soome ja sealt edasi Kesk-Rootsi rannikule.[11]

Asudes peamiselt Eesti ja Soome rannikuvöötmesse ja assimileerudes kohaliku põlisrahvastikuga, suurendasid venekirveste kultuuri hõimud sellel piirialal tunduvalt läänemeresoome hõimude etnilist ebastabiilsust. Ühesugustes looduslikes tingimustes viljeldav majandus (algeline loomapidamine, hülgepüük jne.) lähendas neid Kesk-Rootsi rannikurahvastikule. Edaspidise ajaloo jooksul suurendas see lähedus meie rannikuvöötme rahvastiku vastuvõtlikkust nii läänepoolsete kultuurilaenude kui ka etniliste elementide suhtes. On selge, et otsestel kokkupuutealadel pidi see vastuvõtlikkus olema tunduvalt suurem kui mõnevõrra kaugemal sisemaal. Erinevatest komponentidest tekkinud rannikuvöötme rahvastik, kes oma põhikoelt oli ja jäi soomeugriliseks, säilitas suhteliselt tihedamaid sidemeid Skandinaaviaga ning oli aktiivne kultuurilaenude vahendaja kogu pronksiaja jooksul. Nimetatud piirkonna arheoloogiline materjal kinnitab, et just rannikuvöötme rahvastik on hakanud II aastatuhandel e. m. a. üle võtma esialgu Skandinaavia metallesemete vorme ning seejärel ka muinasgermaani maailmale omast surnutekultust. Nii juurdus Soome ja Eesti rannikul uus, Skandinaaviast ülevõetud kalmevorm — kivikirstkalme. Pole ülearune meelde tuletada, kuidas omal ajal, ainult võõrast kalmevormi ja Skandinaavia pronksikultuuri elujõudu silmas pidades, omistati need kalmed sisserändajatele Skandinaaviast. Sellise lähenemisviisi sünnis etendas peamist osa eeldus, et läänemeresoome hõimud olid kultuuriliselt ja majanduslikult maha jäänud ning passiivsed, mis võimaldas arenenumatel ja aktiivsematel germaani hõimudel tungida nende eluruumi.

[10] Šturms, tahv. IV, V.

[11] A. Oldeberg, Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm 1952, lk. 187 jj., 213.

Joon. 5. Leide Sõrve laevkalmete kirstudest. 1 — pronkseseme katkend, 2 — pintsett, 3 — nooleots, 4 — savitass, 5 — riibitud pinnaga savinõu (AI 4409:35, 34, 32, 33, 16—23 jt.).

Nüüd, kus läänemeresoome hõimude arheoloogilisi muistiseid on hoopis paremini tundma õpitud, on enamik uurijaid sellest seisukohast juba ammu lahti öelnud. Samal ajal, ja nähtavasti õigusega, ei eitata täielikult teatavat etniliste elementide segunemist eespool nimetatud kokkupuutealal, ehkki seda ei kujutleta enam nii tormilise ekspansioonina — rannikuvöötme koloniseerimisena skandinaavlaste poolt.

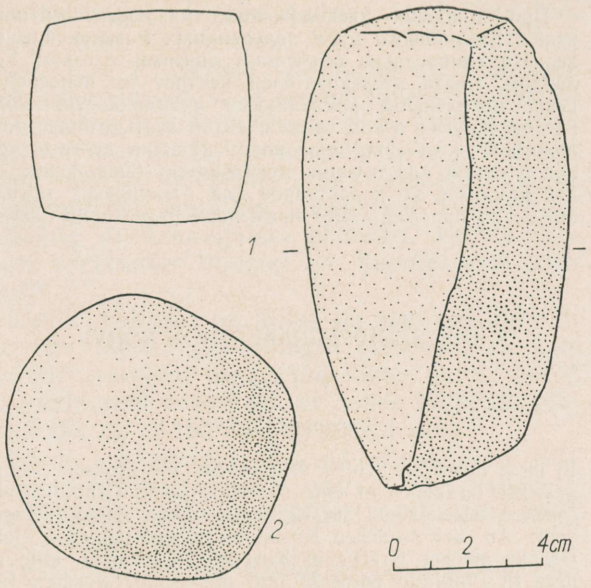
Seega võime Skandinaavia kultuurilaenudele vastuvõtliku etnilise elemendi olemasolu idapoolsete laevkalmete levikupiirkonnas oletada juba kaua enne laevkalmete teket. Siinsete laevkalmete tekkeaeg — pronksiaja V periood — erineb aga silmatorkavalt eelnevast, suhteliselt rahuliku rütmiga ajast.

Nagu mujal, nii võib ka läänemeresoome hõimude juures hilispronksiajal täheldada märgatavat edu kõigil elualadel. Neil on küllaltki arenenud loomapidamine, nad on üsna intensiivselt tegelnud algelise maaviljelusega, metalli- ja muu käsitööga. Edusammud majanduse alal on kaasa toonud olulisi muutusi ühiskondlikes vahekordades. Neid muutusi peegeldavad kõige ilmekamalt kindlustatud asulate tekkimine ja üleminek kivikirstkalmetesse matmisele.

Lääne-Eesti ja Edela-Soome metallikultuuris leiame hilispronksiajal arvukalt kinnitusi tihedatest sidemetest Skandinaavia ja Ojamaaga. Peamiselt sealtpoolt pärinevad Eesti ja Soome metallesemed, mille vorme on hakatud kohapeal

reprodutseerima.[12] Ühtlasi iseloomustab pronksiaja V perioodi eriti vilgas suhtlemine kogu Läänemere ulatuses. Eriline külgetõmbejõud on olnud Läänemere lõunarannikul, kust käisid läbi Põhja-Euroopa ühendused Lausitzi kultuuri aladega idapoolses Kesk-Euroopas. Rannikuvöötme asulate uurimise tulemused Eestis, Soomes ja Rootsis kinnitavad, et Lausitzi kultuuri elemendid on lühikese ajaga tunginud materiaalse ja vaimse kultuuri sellistesse sfääridesse, mis on mõeldav üksnes tingimusel, et ka siinne rahvastik ise oli aktiivne ülemeresidemete alalhoidja, võõraste kultuurinähtuste aktiivne ülevõtja.

Eelöeldust tekib nagu iseenesest küsimus: kas ei või ka siinsed laevkalmed olla selliste ülemeresõitude kauged mälestusmärgid, näiteks kohalike «Ojamaa-sõprade» matmispaigad? Juba H. Hansson juhtis tähelepanu Kuramaa laevkalmete peamisele ehituslikule erijoonele, mis ei lubanud tal neid tingimusteta kõrvutada Ojamaa laevkalmetega.[13] Selleks erijooneks oli Kuramaa laevkalmete kivitäidis, mida me nüüd tunneme ka Soome ja Sõrve laevkalmete juures, kuid mis Ojamaa laevkalmetes puudub. Kui tõepoolest eeldada selle kalmevormi kaasatoomist Ojamaalt saabunud kolonistide poolt, siis jääks arusaamatuks, kuidas kõik need üksteisest üsna kaugele ehitatud laevkalmed on läbi teinud ühe ja sama muutuse — omandanud kivitäidise. Ojamaa kolonisatsiooni oletamisel peaks vähemalt osa neist kalmetest olema samasugused kui Ojamaal. Kui aga silmas pidada selle kalmevormi idapoolsete ülevõtjate etnilist lähedust, siis polegi selles midagi kummalist, kui kõik idapoolsed laevkalmed on siin juba varem levinud kivikirstkalmete eeskujul rajatud kivitäidisega.

Joon. 6. Poolvalmis kivikirves ja hõõrumiskivi Sõrve laevkalmetest (AI 4409:31, 5).

Sellise seletusega ei taheta idapoolsete laevkalmete tekkelugu muidugi lahendatuks pidada. Soome, Sõrve ja Kuramaa laevkalmete sünkroonsus sunnib arvestama võimalust, et nad esindavad Ojamaa laevkalmete (üldarv ca 350) teatavat kronoloogiliselt piiratud esinemisvormi, mida esialgu lihtsalt halvasti tuntakse. Probleemi lõplik lahendamine sõltub niisiis eeskätt Ojamaa laevkalmete uurimisjärje edenemisest.

[12] Samal ajal ei erine siinse rannikuvöötme asulad oma muu leiumaterjali poolest nimetamisväärselt metsavöötme asulatest kaugemal ida pool. Küll aga esineb Kesk-Rootsi rannikul asulaid, mis oma iseloomult erinevad järsult sisemaa asulatest ja võiksid olla rajatud idast tulnud elanike poolt (vrd. B. Ambrosiani, Keramikboplatsen på Hamnbrinken vid Darsgärde. *Tor 1959,* Uppsala, lk. 124—127).

[13] Hansson, lk. 86.

ЛАДЬЕВИДНЫЕ МОГИЛЬНИКИ В СЫРВЕ

В. Лыугас

Резюме

Ладьевидные могильники, построенные из больших камней, являются специфически скандинавской формой погребальных сооружений, особенно характерной для о-ва Готланда. На восточном побережье Балтийского моря небольшая группа таких могильников была обнаружена и исследована в Курземе, другая — в Финляндии. В 1940 г. наличие таких же могильников было выявлено и в Эстонии, на Сырвеской косе о-ва Саарема. В 1967 г. эти до сего времени единственные в Эстонии ладьевидные могильники были раскопаны (рис. 1).

Сырвеские могильники, так же как и другие восточные могильники этого типа, были построены попарно на одной линии и заполнены камнями (рис. 2). Могильники были частично разрушены. У первой ладьи были снесены почти все бортовые камни, у второй — часть бортовых камней у кормы, часть камней изнутри, а также опустошен каменный ящик.

В первой ладье было два небольших ящика из каменных плит (рис. 3, 4), содержавшие пережженные человеческие кости. Судя по могильному инвентарю второго ящика (рис. 5 : 1—4 — наконечник стрелы, пинцетка, фрагмент бронзового изделия и глиняная чашка), эти могильники были построены более или менее одновременно с наиболее древними готландскими могильниками (около 800 г. до н. э.). Во второй ладье был один ящик, построенный из булыжников (рис. 2 : 2). Рядом с ящиком лежали фрагменты штрихованного сосуда (рис. 5 : 5) и остатки пережженных костей. Внутри ладей были найдены растиральный камень и подготовка каменного топора (рис. 6).

Происхождение расположенных на восточном побережье Балтийского моря ладьевидных могильников археологи единогласно объясняют связями с о-вом Готландом. Часть исследователей считает их непосредственно могильными памятниками скандинавских колонистов. Другие, в том числе и автор статьи, более осторожны в своих суждениях ввиду наличия местных черт как в самой конструкции могильников (заполнение ладей камнями, не характерное для готландских могильников, но напоминающее применение такого же приема у широко распространенных в Эстонии могильников с каменными ящиками), так и в керамике.

Население территории распространения ладьевидных могильников на восточном побережье Балтийского моря поддерживало связи со Скандинавией уже начиная с каменного века. Особенно оживленными эти связи были около 8 века до н. э. Возможно, что ладьевидные могильники возникли тогда как погребальные сооружения местных мореходцев.

DIE SCHIFFSGRÄBER VON SÕRVE

V. Lõugas

Zusammenfassung

In ihrer Form an Schiffe erinnernde, aus grossen Steinen gesetzte Gräber sind eine skandinavische Grabform, besonders bezeichnend für Gotland (etwa 350 Schiffsgräber). An der östlichen Küste der Ostsee ist eine kleine Gruppe solcher Gräber in Kurzeme (Lettland), eine andere in Finnland entdeckt und untersucht worden. 1940 wurden die einzigen in Estland bisher bekannten Schiffsgräber auf der Landzunge Sõrve (Saaremaa) festgestellt und 1967 untersucht (Abb. 1).

Die Schiffsgräber von Sõrve waren — wie auch einige andere östliche Gräber dieser Art — paarweise in Längsrichtung aneinandergebaut und mit Steinen angefüllt (Abb. 2). Die Gräber waren teilweise zerstört; beim I. Schiff fehlten fast alle «Relingssteine», beim II. Schiff ein Teil der Steine von den Seiten des Hecks und teilweise die Füllung. Auch war die hier befindliche Steinkiste bereits durchsucht.

Das I. Schiff enthielt zwei kleine Steinplattenkisten (Abb. 3, 4) mit gebrannten Knochen. Nach den Beigaben der zweiten Kiste zu urteilen (eine Pfeilspitze, eine Pinzette, das Bruchstück eines Metallgegenstandes, ein tassenförmiges Tongefäss, Abb. 5) sind diese Gräber etwa zu gleicher Zeit wie die älteren gotländischen Steinschiffe erbaut worden (etwa um 800 v. u. Z.).

Der Inhalt der Kiste des II. Schiffes — Bruchstücke eines strichkeramischen Gefässes (Abb. 5:5) und Reste gebrannter Knochen — lagen neben der Kiste zwischen den Steinen der Ausfüllung. In den Schiffen fanden sich noch ein Getreidereibstein und eine halbfertige Steinaxt (Abb. 6).

Das Aufkommen von Schiffsgräbern an der Ostküste der Ostsee wird allgemein auf Beziehungen zu Gotland zurückgeführt. Ein Teil der Forscher ersieht in diesen Anlagen Grabstätten skandinavischer Kolonisten. Andere (unter ihnen auch der Verfasser) sind in Anbetracht gewisser örtlicher Züge im Aufbau der Gräber (die Steinfüllung, die für die gotländischen Gräber nicht typisch ist, dagegen an die Füllung der in Estland verbreiteten Steinkistengräber erinnert) sowie der Keramik in ihrem Urteil vorsichtiger.

Die Bevölkerung des Verbreitungsgebietes der Steinschiffe an der östlichen Küste der Ostsee hat seit der Steinzeit mit Skandinavien Beziehungen unterhalten. Besonders lebhaft waren diese Beziehungen etwa im 8. Jh. v. u. Z. Es ist möglich, dass die Schiffsgräber damals als Grabstätten örtlicher Seefahrer erbaut worden sind.

EESTI TERRITOORIUMI KIVIAJA ELANIKE ANTROPOLOOGILISEST KUULUVUSEST

K. Mark

Ida-Baltimaade vanim kultuur on Kunda kultuur, mida dateeritakse VIII—IV aastatuhandesse e. m. a. Sellele kultuurile on tüüpilised mitmesugused luust ja sarvest tööriistad, samuti kiviesemed. Kunda kultuur oli levinud Eesti ja Läti territooriumil, ulatudes ka Leedu, Kaliningradi oblasti ja Põhja-Poola aladele. Mõned analoogilised leiud on teada veel Leningradi, Vologda ja Arhangelski oblastist. Kunda kultuuri variandiks Soomes on Suomusjärvi kultuur.[1]

Kunda kultuuri päritolus on veel paljugi selgusetut. Mõned arheoloogid oletavad, et seile kultuuri kandjad on tulnud lõuna poolt, teised on avaldanud arvamust, et nende hõimude lähtekohaks on olnud idapoolsemad alad.

Leedu arheoloogid on Leedu mesoliitilisi luueesemeid sidunud Kunda kultuuriga.[2] Seega ei ole võimatu, et Kunda kultuuri juuri tuleks siiski otsida lõuna poolt.

Igal juhul näivad paleoantropoloogilised materjalid seda seisukohta toetavat. Leedu NSV territooriumilt on leitud kaks koljut, mis tõenäoliselt on pärit mesoliitikumist. Üks neist on leitud Kirsnast (Lõuna-Leedus), teine Kebeliaist (Leedu lääneosas). Kirsna koljut on kirjeldanud J. Žilinskas (1931) ja hiljem on seda täiendavalt mõõtnud artikli autor.[3] Kirsna koljut iseloomustavad kõik europiidse suurrassi tunnused, peale selle dolihhokraansus, ajukolju suured mõõtmed, kitsas ja kõrge nägu ning keskmise laiusega (mesoriinne) nina. See kolju sarnaneb kõige rohkem koljudega Vološkoje mesoliitilisest kalmistust Dnepri alamjooksul.[4] Kebeliai koljul pole näoosa säilinud, ent muidu sarnaneb see täiesti Kirsna koljuga.

Suurt huvi pakub paleoantropoloogiline materjal Läti NSV põhjaosas, Burtnieki järve kaldal asuvast Zvejnieki kalmistust, mis kuulub umbes V—IV aastatuhandesse e. m. a. Arheoloogilistel kaevamistel 1965. ja 1966. aastal saadi sealt suur hulk luustikke. Antropoloogilisteks mõõtmisteks sobis esialgu 18 koljut, mida on mõõtnud R. Denisova, kuid seni on need andmed kahjuks veel trükis avaldamata. Et autoril oli võimalus Zvejnieki paleoantropoloogilise mater-

---

[1] Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин 1959, lk. 325.

[2] Р. Яблонските, Мезолит Литвы. *КСИИМК XLII*, Москва 1952, lk. 46.

[3] J. Žilinskas, Akmens periodo žmogus žemaitijoj ir Suvalkijoj. Kaunas 1931; К. Ю. Марк, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике, *TA Toim. 1956, nr. 1*, lk. 45.

[4] Г. Ф. Дебец, Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. *СЭ 1955, № 3*, Москва 1955, lk. 62 jj.

jaliga tutvuda, võiks öelda, et mõned nendest koljudest näivad olevat europiidsed ja sarnanevad mesoliitiliste koljudega Dnepri alamjooksult. Kirsna koljul on Zvejnieki koljudega küll sarnasust, kuid ta erineb nendest kitsama ja kõrgema näo poolest.

Zvejnieki koljude hulgas on aga selliseidki, mille juures on selgesti märgata teatud mongoliidset segu. Seega on põhjust oletada, et juba mesoliitikumis tuli Ida-Baltimaadele mõningal määral asukaid ka ida poolt.

IV aastatuhandel e.m.a. tekkisid Karjala lõunaosse asulad, kus kiviesemete materjaliks kasutati peamiselt tulekivi ja kiltkivi. G. Pankrušev oletab, et need asulad kuulusid esimestele tulnukatele lõunast, arvatavasti Volga—Okaa aladelt.[5] Samasse muististerühma paigutab G. Pankrušev ka tuntud Oleni saare kalmistu Oneega järve põhjaosas, mis uuemate andmete järgi dateeritakse IV aastatuhandesse e.m.a.[6]

Oleni saare kalmistu koljude kohta on andnud lühikese kirjelduse J. Žirov; täpsemalt on neid kirjeldanud V. Jakimov.[7]

V. Jakimovi töös avaldatud arvulistest andmetest on näha, et Oleni saare koljud on keskmiste ajukolju mõõtmetega, massiivsed, mesokraansed, väga laia ja keskmise kõrgusega ortognaatse näo ja mesoriinse ninaga. Enamik primaarseid tunnuseid aga viitab sellele, et nimetatud koljud on europiidide ja mongoliidide vahepealsed.

Tundub tõenäoline, et Oleni saare koljude hulgas ülekaalus olev europiidne komponent on seotud Ida-Euroopa hilispaleoliitilise elanikkonna järglastega. Kuid pole alust eitada ka mongoliidse komponendi olemasolu.

Igal juhul on ilmne, et algselt idapoolse päritoluga elemente hakkas Ida-Euroopa metsavööndi läänepoolsetesse osadesse ilmuma hiljemalt mesoliitikumi lõpul, V—IV aastatuhandel e.m.a., kuigi ei ole võimatu, et neid tuli siia juba varemgi.

Idas oli kõige lähem ala, kus sel ajal tõenäoliselt võis esineda mongoliidsete tunnustega rahvastikku, Uraali mägede ümbrus. Sinna oli nähtavasti juba hilispaleoliitikumis asunud siberipärase kultuuriga hõime.

III aastatuhande teisel poolel e.m.a. ilmus Ida-Baltimaadele tüüpilise kammkeraamika kultuur, mis levis üldjoontes samal territooriumil kui varem mesoliitiline Kunda—Suomusjärvi kultuur. L. Jaanitsa arvates on see kultuur kujunenud Laadoga piirkonnas, kus tal näib olevat arenguline seos Sperringsi tüüpi keraamikaga ja kus ta on saanud teisigi mõjustusi.[8]

Tüüpilist kammkeraamikat seovad H. Moora ja L. Jaanits läänemeresoome hõimude eellastega, kusjuures nad on oma seisukohta küllalt hästi põhjendanud.[9] Sellega on nõustunud ka P. Ariste ja käesoleva töö autor.[10] Seega on mitme erineva teadusala esindajad jõudnud antud probleemi suhtes samale seisukohale.

Tüüpilise kammkeraamika kultuuri kandjatele näib olevat iseloomulik protolaponoiidne tüüp, mis on kahtlemata idapoolse päritoluga ja tähistaks autori arvates soome-ugri hõimude ilmumist Ida-Baltimaadele.

Varem oli siin arvatavasti rohkem europiidseid elemente. Võib-olla näitavad seda Laadoga järve äärest väljakaevatud koljud, millel on ülekaalus europiidsed jooned.[11]

Osalt võivad need koljud kuuluda veel varasemasse neoliitikumi, sest Laadoga järve ääres on tüüpilise kammkeraamika kõrval esindatud ka Narva tüüpi keraamika.[12] Mõlemaid keraamikatüüpe on samuti leitud Narva-Riigiküla I neoliitilisest asulast.[13] Selle asula koljude hulgas on esindatud ka kaks erinevat rassitüüpi: üks kolju kuulub protolaponoiidsesse tüüpi, teine esindab aga dolihhokraanset europiidset tüüpi.

Tüüpilise kammkeraamika kultuuri ja hilise kammkeraamika kultuuri kandjate koljuleidude hulgas on protolaponoiidne tüüp ülekaalus. Siia kuulub enamik koljusid neoliitilistest kalmistutest Eestis (Valma, Narva-Riigiküla, Kõljala ja Tamula), Lätis (Kreiči) ja Leedus (Turloiš-

[5] Г. А. Панкрушев, Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Москва—Ленинград 1964, lk. 81—82.

[6] Г. А. Панкрушев, Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. *Скандинавский сборник VII*, Таллин 1963, lk. 161.

[7] Е. В. Жиров, Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. *КСИИМК VI*, Москва 1940, lk. 53; В. П. Якимов, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. *Сборник Музея антропологии и этнографии XIX*, Москва—Ленинград 1960, lk. 221—359.

[8] L. Jaanits, Eesti NSV territooriumi kiviaja elanike päritolust. *EA*, lk. 130 jj.

[9] H. Moora, Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmetel, *EA*, lk. 53; Янитс, lk. 339.

[10] P. Ariste, Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk. *EA*, lk. 10 jj.; K. Mark, Eesti rahva etnilise ajaloo küsimusi paleoantropoloogia valgusel. *EA*, lk. 194; K. Mark, Zur Entstehung der Rassentypen bei den Ostseefinnen. *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum, pars II, Helsinki 1968*, lk. 62.

[11] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР. *Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия IV*, Москва—Ленинград 1948, lk. 89—91.

[12] Н. Н. Гурина, Из истории древних племен западных областей СССР. *МИА 144*, Москва—Ленинград 1967, lk. 186.

[13] Sealsamas, lk. 72.

kes).[14] Üksikuid protoeuroopa tüübi esindajaid nende hulgas võiks ehk vaadelda kui Kunda kultuuri ja varaneoliitilise rahvastiku pärandit. Hilisneoliitiliste koljude juures (Tamulast ja Kreičist) on protoeuroopa tüübi esinemine seletatav aga ka venekirveste kultuuri rahvastiku mõjuga.

Hilisneoliitikumis, II aastatuhande alguses e. m. a., tuli Ida-Baltimaadele uus sisserändajate laine. Need olid loomakasvatajate hõimud, kellele kuulunud venekirveste ehk nöörkeraamika kultuur erines järsult kohalikust küttide ja kalastajate hõimude kammkeraamika kultuurist. Oletatakse, et venekirveste kultuuri tõid Ida-Baltimaadele balti hõimud, leedulaste ja lätlaste kauged eellased.[15] Lingvistika andmeil leidub läänemeresoome keeltes rohkesti balti laensõnu, mis on seotud algelise loomakasvatuse ja maaharimisega, abielu- ja sugulussuhetega jne. See näitab läänemeresoome ja balti hõimude tihedaid suhteid ajajärgul, mil levisid loomakasvatus ja viljakasvatuse algmed.[16]

Venekirveste kultuuri kandjatele Eesti NSV territooriumil on iseloomulik puhtal kujul europiidne tüüp, sealjuures suurte mõõtmetega, massiivne, pikapealine, võrdlemisi laia ja kõrge näoga kolju. See tüüp kujutab endast protoeuroopa tüübi ühte varianti.[17]

Segunemine balti hõimudega suurendas ilmselt europiidse elemendi osatähtsust läänemeresoomlaste hulgas. Sellega võib seletada atlandi-balti rassi kujunemist. Huvitav on märkida, et atlandi-balti rass on praegusel ajal levinud läänemeresoomlaste hulgas just samal territooriumil, kus hilisneoliitikumis domineerisid venekirveste kultuuri hõimud. Veel 11.—13. sajandil m. a. j. ei erinenud Lääne- ja Kesk-Eesti elanikkond oma antropoloogilise tüübi poolest kuigi märgatavalt venekirveste kultuuri hõimudest.[18]

Arvestades asjaolu, et V—IV aastatuhandel e. m. a. leidus uraali rassi esindajaid Ida-Euroopa metsavööndis, kus neid on teada Oneega järve ümbruses ja mõningal määral isegi Ida-Baltimaades, tuleks arvata, et juba sel ajal (kui mitte varem) olid soome-ugri hõimud hakanud Uraali piirkonnast levima laiemale territooriumile.

III—II aastatuhandel e. m. a. oli uraali rass levinud juba igale poole, kus hiljem on teada soome-ugri rahvaste asumisalad. Kui Volga—Okaa piirkonnas esialgu võib-olla oligi vähem soome-ugri hõime ning neid tuli siia suuremal hulgal alles II aastatuhandel e. m. a. seoses Volossovo kultuuriga, siis oleks põhjust oletada, et soome-ugri hõimude peamisteks liikumisteedeks läände olid põhjapoolsemad alad. Igal juhul III aastatuhande keskel jõudsid läänemeresoomlaste esivanemad juba oma praegustele asupaikadele.

---

[14] Марк, Новые палеоантроп. материалы; K. Mark, Zur Entstehung der gegenwartigen Rassentypen im Ostbaltikum. *SMYA 59:4*, Helsinki 1958; Р. Денисова, Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. *СЭ 1960, № 3*, lk. 163—169.

[15] Moora, lk. 54 jj.

[16] Ariste, lk. 11—12.

[17] Mark, Eesti rahva etnilise ajaloo küsimusi, lk. 200—201; Mark, Zur Entstehung der gegenw. Rassentypen, lk. 7 jj.

[18] Mark, Eesti rahva etnilise ajaloo küsimusi, lk. 203—204.

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

К. Марк

Резюме

Восходящие к мезолиту скелеты, найденные на соседних территориях, позволяют предполагать, что древнейшее население Эстонии принадлежало к европеоидной большой расе, к которой уже в позднем мезолите примешались некоторые монголоидные элементы. Доля последних возросла в неолите во время культуры типичной гребенчато-ямочной керамики. В позднем же неолите под влиянием племен культуры ладьевидных топоров население приняло в основном европеоидный облик.

ÜBER DIE ANTHROPOLOGISCHE ZUGEHÖRIGKEIT DER STEINZEITLICHEN BEVÖLKERUNG ESTLANDS

K. Mark

Zusammenfassung

Die aus den Nachbargebieten vorliegenden mesolithischen Skelettfunde geben Grund zur Annahme, dass die älteste Bevölkerung Estlands einer europiden Grossrasse angehörte, unter die sich bereits im Mesolithikum mongolide Elemente mischten. Im Neolithikum, zur Zeit der typischen Kammkeramik, nahm der Anteil der mongoliden Elemente zu. Im Spätneolithikum dagegen nahm die Bevölkerung vornehmlich europiden Charakter an.

ФИБУЛА С ЭМАЛЬЮ ИЗ РУДИШКЯЙ (СЕВЕРНАЯ ЛИТВА)

М. Михельбертас

Весной 1968 г. во время разведывательной археологической экспедиции Института истории АН Литовской ССР по северным районам Литвы краеведы Рудишкяйской восьмилетней школы (Ионишкский район) подарили институту несколько предметов из разрушенного могильника.

Могильник расположен на расстоянии около 500 м на юго-запад от деревни Рудишкяй, на левом берегу р. Муша, прим. в 250—300 м от русла речки. Территория могильника находится на издавна распахиваемом поле, где местные краеведы, по их рассказам, каждую осень и весну после вспашки находили много человеческих костей и разные предметы. При осмотре территории могильника экспедиции удалось обнаружить лишь фрагменты человеческих костей.

Среди подаренных краеведами предметов было 5 железных втульчатых топоров, 2 железных маленьких серпа, 3 железных втульчатых наконечника копий, 1 железный нож, 7 бронзовых браслетов разных типов, 3 бронзовых спиральных кольца, 1 бронзовая булавка с раструбовидной головкой, 2 бронзовые шейные гривны, 3 бронзовые пластинки от головных украшений и 1 бронзовая треугольная прорезная фибула с выемчатой эмалью (рис. 1).[1] Эти предметы в основном датируются 5—8 вв. н. э., однако некоторые из них (один втульчатый топор, браслет сегментарного сечения, украшенный поперечными линиями) можно отнести к 3—4 вв. н. э., а другие (массивные браслеты с зигзаговидным орнаментом, шейные гривны с витой дужкой и четырехгранными концами) к 9—12 вв. Данную хронологию могильника подтверждают и находки, поступившие из этого могильника уже раньше в Шяуляйский краеведческий музей «Аушра». Там хранятся бронзовая шейная гривна с высокими конусовидными концами, браслет, украшенный поперечными линиями (оба предмета типичны для 4—5 вв.), бронзовые массивные пластинчатые браслеты с треугольным ребром, булавка с раструбовидной головкой, разные типы арбалетовидных фибул, железные втульчатые топоры с широкими лезвиями (перечисленные предметы характерны для 5—8 вв.), бронзовые подковообразные фибулы, булавки с крестовидными головками (их можно датировать 9—12 вв.) и некоторые другие предметы.[2] Судя по этим случайным находкам, в Рудишкяй находится грунтовой

[1] Предметы находятся в ИЭМ Лит. ССР.

[2] № 33—34, 126—149, 1076—1080. Один пластинчатый браслет с треугольным ребром из Рудишкяй хранится в КГИМ № 1770.

могильник, в котором хоронили по обряду трупоположения с 3—4 до 12 вв.

Фибула с эмалью из Рудишкяй имеет литой ажурный корпус с четырьмя гнездами для эмали. Нижнее и оба верхних гнезда заполнены эмалью красного кирпичного цвета, второе гнездо снизу — эмалью красного, но более светлого, почти оранжевого цвета. Фибулу разделяют на отдельные части 6 поперечных поясков, которые заканчиваются круглыми отростками. На ножке фибулы отростки становятся почти крестовидными. Высота фибулы — 12,5 см, ширина нижней части вместе с отростками — 5 см, ширина спирали — 5,5 см (спираль отломана).

Фибула принадлежит к типу широко известных плоских прорезных фибул треугольных очертаний. Это первая находка фибул данного типа в Литве. Треугольные прорезные фибулы с эмалью обнаружены на территории западнобалтских племен (в местностях Грунайки и Здоры, бывш. Грунейкен и Здоррен) [3], но особенно часты их находки в Среднем Поднепровье [4]. По мнению Б. А. Рыбакова, нахождение треугольных фибул с эмалью в Прибалтике носит случайный характер. Основная масса местонахождений фибул данного типа располагается вокруг Киева по обоим берегам Днепра. Кроме Среднего Поднепровья и Прибалтики, треугольные фибулы были обнаружены на Верхней Оке (Мощинский клад), однако там они не производились. Местом производства треугольных прорезных фибул с эмалью Б. А. Рыбаков считает Среднее Поднепровье, где они развились из римских сильно профилированных фибул. В подтверждение своего мнения Б. А. Рыбаков приводит эволюционный ряд развития треугольных прорезных фибул.[5] Для доказательства того, что эти фибулы изготовлялись в Среднем Поднепровье, приводится и тот факт, что орнамент прорезных фибул был хорошо известен гончарам и другим ремесленникам черняховского

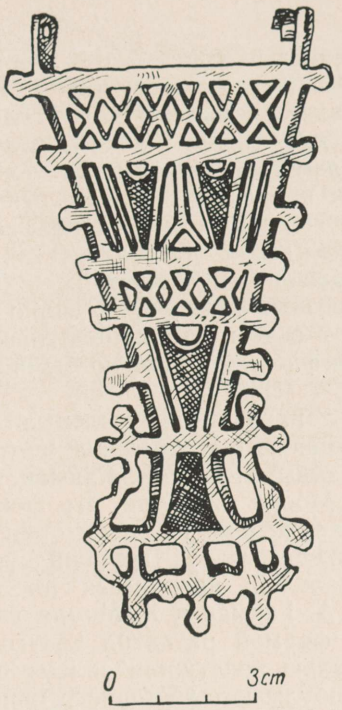

Рис. 1. Фибула с эмалью из Рудишкяй.

периода.[6] Мнения, что треугольные прорезные фибулы, обнаруженные в Прибалтике, импортированы из Поднепровья, придерживается и М. Шмидехельм.[7]

Но можно ли считать Среднее Поднепровье единственным центром производства фибул данного типа? Нам кажется, что более тщательный просмотр находок всех найденных в Прибалтике треугольных фибул с эмалью позволит внести в этот вопрос некоторые уточнения.

Во-первых, в Прибалтике известно несколько прорезных треугольных фибул без эмали. Такая фибула была обнаружена в Самуэли (бывш. Гертруденгоф) в юго-восточной Эстонии.[8] Данную находку М. Шмидехельм считает изделием местного производства, так как она выполнена в обычной для южной Эстонии технике. Наконец, вторая очень интересная треугольная фибула без эмали была обнаружена в Латвии на о-ве Мартиньсала.[9] Эти на-

[3] O. Tischler, Ostpreussische Gräberfelder, III. *Schriften der Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft XIX*, Königsberg i. Pr. 1879, табл. XI:1; G. Bujack, Die Bronzen mit Glasfluss im Prussia-Museum. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 46. Vereinsjahr*, Königsberg i. Pr. 1891, табл. II; W. Gaerte, Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1929, рис. 190:b.

[4] Б. И. и В. И. Ханенко, Древности Поднепровья и побережья Черного моря, VI. Киев 1907, рис. 348, А. А. Спицын, Предметы с выемчатою эмалью. *ЗОРСА V, вып. 1*, С.-Петербург 1903, табл. XXXII; М. Макаренко, Борзенськи емалі и стари емалі України взагалі, Чернигив и північне Лівобережжя. Київ 1927, стр. 80 и сл.; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. Москва 1948, рис. 3.

[5] Там же, стр. 53 и сл., рис. 6, 7.

[6] Е. В. Махно, К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. *КСИИМК 62*, Москва 1956, стр. 148 и сл., рис. 53, 54.

[7] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 218.

[8] Спицын, стр. 163, рис. 173; Махно, рис. 53:5; Шмидехельм, рис. 58:1.

[9] V. Urtāns, Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. *AE VIII*, Rīgā 1968, стр. 75, рисунок на обложке.

ходки треугольных фибул без эмали, конечно, не доказывают еще того, что в Прибалтике производились и фибулы этого типа с эмалью (так же, как, между прочим, сходный орнамент на некоторых предметах черняховского периода и прорезных треугольных фибулах с эмалью в Поднепровье не доказывает местного происхождения последних, так как орнамент в равной мере может быть заимствован и от привозных изделий). Однако они свидетельствуют о том, что прибалтийским мастерам такие фибулы с эмалью были хорошо известны.

Поэтому находки треугольных прорезных фибул с эмалью в Прибалтике не следует считать случайными. Еще А. Гакман, а вслед за ним и Х. Моора отметили, что фибулы этого типа, обнаруженные на территории Восточной Пруссии, связаны с группой украшенных эмалью изделий, находимых на Мазурском поозерье. А. Гакман и Х. Моора указали, что исходной формой развития треугольных фибул с эмалью послужили сильно профилированные фибулы юго-восточного прибалтийского варианта, и допускали возможность их развития в Восточной Прибалтике.[10]

Находка прорезной треугольной фибулы с эмалью в Рудишкяй подтверждает гипотезу о том, что такие фибулы могли изготовляться в Прибалтике на территории балтских племен. Фибулы, аналогичные фибуле из Рудишкяй, судя по опубликованным материалам, в Среднем Поднепровье неизвестны. Наиболее близкой к нашей фибуле является фибула без эмали, обнаруженная на Мартиньсале в Латвии, которую можно считать явным подражанием фибулам типа Рудишкяй. Фибула из Мартиньсала имеет точно такой же ажурный орнамент, корпус ее украшен почти аналогичными отростками, хотя их количество несколько меньше.

Техника выполнения фибулы из Рудишкяй и ее орнамент свидетельствуют о том, что она является изделием местного производства. Такой же ажурный орнамент был очень распространен на разных бронзовых украшениях Западной Литвы.[11] Известен он также и в Центральной Литве и Жемайтии.[12] Такие же круглые отростки, как на фибуле из Рудишкяй, характерны для многих изделий из Северо-Восточной Литвы. Так, например, поперечные пояски, которые заканчиваются круглыми отростками, имеются на подвесках с эмалью из Эйкотишкис и окрестностей Дусетос.[13] Близкими по форме кружочками заканчиваются отростки подковообразной фибулы из Ракенай[14], такими же кружочками-отростками закончены углы ажурных подвесок без эмали из окрестностей Дусетос.[15] Круглые плоские отростки имеет также украшенное эмалью продолговатое звено цепи с эмалью из Жадавайняй.[16] Такие же круглые и почти крестовидные отростки имеет украшенное эмалью звено цепи от питьевого рога из Лиел-Пудери (Восточная Латвия).[17] Как мы видим, существовал своеобразный стиль изделий с эмалью, характерный для Северо-Восточной Литвы и Восточной Латвии. Поэтому можно говорить, что фибула из Рудишкяй была сделана местным мастером из среды балтских племен, обитавших в Северо-Восточной Литве и Восточной Латвии.

Довольно сложным является вопрос о датировке фибулы из Рудишкяй. Как уже упоминалось выше, это случайная находка с территории разрушенного могильника, хронологические рамки которого охватывают время от 3—4 до 12 вв. Поэтому установить точную дату фибулы по остальным материалам из этого могильника невозможно. В. Герте датирует треугольные прорезные фибулы, как и большинство предметов с эмалью, обнаруженных на территории Восточной Пруссии, 3—4 вв.[18] Б. А. Рыбаков, говоря о прорезных треугольных фибулах Среднего Поднепровья, считает временем их расцвета 4—5 вв.[19] В. Уртан относит треугольную прорезную фибулу без эмали с о-ва Мартиньсала к 6 в.[20] Несмотря на то, что фибула с Мартиньсала по стилю наиболее близка к фибуле из Рудишкяй, все же необходимо иметь в виду, что она является лишь подражанием фибулам с эмалью рудишкяйского типа и что датировку ее нельзя автоматически переносить на нашу фибулу. Судя по другим предметам с выемчатой

---

[10] H. Moora, Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emaillverzierten Schmuckes. *SMYA XL*, Helsinki 1934, стр. 87.

[11] H. Moora, EZL II, рис. 29:4; 30:8, 14, 15; Senovės lietuvių papuošalai, I. *Lietuvių liaudies menas*, Vilnius 1958, рис. 154. Несколько изделий из Западной Литвы с таким орнаментом хранится в ИЭМ Лит. ССР, № AR 38:864, 1694, 1695.

[12] Senovės lietuvių papuošalai I, рис. 140, 217; Moora, EZL II, рис. 29:3.

[13] P. Kulikauskas, Emaliuotieji dirbiniai Lietuvoje. *Vytauto Didžiojo kultūros muziejaus metraštis*, Kaunas 1941, табл. X:1—4.

[14] Там же, табл. XII : 3.

[15] Там же, табл. XII : 1, 2.

[16] M. Michelbertas, Emaliuotos juostos Lietuvoje. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A, 2(27), 1968*, рис. 2.

[17] Moora, EZL II, рис. 69:3.

[18] Gaerte, стр. 240.

[19] Рыбаков, стр. 56.

[20] Urtāns, стр. 75.

эмалью, найденным в Литве, рудишкяйскую фибулу следует датировать примерно 4—5 вв. Во-первых, этой датировке не противоречит материал самого могильника Рудишкяй, так как в нем обнаружено несколько предметов названного периода. Во-вторых, этой датировке не противоречит также хронология треугольных фибул из бывш. Восточной Пруссии (рудишкяйскую фибулу необходимо считать более поздним их вариантом в типологическом отношении). С этой датировкой совпадает хронология треугольных фибул с эмалью из Среднего Поднепровья. Следует отметить также и то обстоятельство, что другие изделия с эмалью, украшенные такими же отростками, как фибула из Рудишкяй, в Литве датированы в основном 3—4 вв. Это тоже не противоречит нашей датировке. Возможно, что изделия с эмалью упомянутого стиля были известны еще и в 5 в. Фибула из Рудишкяй является наиболее западной находкой данного стиля.

Рассмотренная фибула пополнила количество обнаруженных в Литве предметов с эмалью. В настоящее время из Литвы известны 43 изделия с эмалью, которые найдены в 24 местах.[21] Фибула из Рудишкяй обнаружена во втором выделенном нами районе распространения эмалевых изделий, к которому принадлежат Центральная Жемайтия и северная часть Центральной Литвы. Раньше из этого района были известны лишь украшенные эмалью звенья цепей от питьевых рогов. Данный район в 3—5 вв. был территорией древних жемайтов и земгалов, очень близких в то время по своей материальной культуре.

[21] О других предметах с эмалью в Литве см. Moora, EZL II, стр. 105 и сл.; Kulikauskas, стр. 43 и сл.; Michelbertas, стр. 37 и сл.

EMAILSÕLG RŪDIŠKIAIST (PÕHJA-LEEDU)

M. Michelbertas

Lühikokkuvõte

Meie ajaarvamise 3.—4. kuni 12. sajandisse kuuluvast Rūdiškiai maa-alusest kalmistust (Joniškise raj.) saadud juhuleidude hulgas on kolmnurkne ažuurne pronkssõlg, mis on ilustatud punase emailiga (joon. 1). Seni on selliste sõlgede valmistamiskeskuseks peetud Kesk-Dnepri alasid. Emailsõlg Rūdiškiai kalmistust on aga arvatavasti valmistatud kohapealsete meistrite poolt 4.—5. sajandil. Leid tõendab, et emailehteid võidi valmistada ka Baltimaadel, kus nende üheks levikukeskuseks oli Kesk-Žemaitia ja Kesk-Leedu põhjapoolne osa — žemaidi ja semgali hõimude asuala.

EINE EMAILFIBEL AUS RŪDIŠKIAI (NORDLITAUEN)

M. Michelbertas

Zusammenfassung

Unter den Gelegenheitsfunden aus dem Flachgräberfeld Rūdiškiai (Rayon Joniškis), das in die Zeit vom 3. oder 4. bis zum 12. Jahrhundert gehört, findet sich eine bronzene durchbrochene mit rotem Email verzierte Dreieckfibel (Abb. 1). Bisher galt das mittlere Dneprgebiet als Zentrum der Herstellung solcher Fibeln. Die Emailfibel von Rūdiškiai aber ist aller Wahrscheinlichkeit nach im 4.—5. Jh. von örtlichen Meistern angefertigt worden. Der Fund beweist, dass Emailschmuck auch im Baltikum hergestellt werden konnte. Das Zentrum der Verbreitung solcher Schmuckstücke befand sich hier in Mittel-Žemaitien und im nördlichen Teil Mittellitauens, im Siedlungsgebiet žemaitischer und semgallischer Stämme.

ТАМЗЕСКИЙ КЛАД МОНЕТ НАЧАЛА 13 ВЕКА

А. Молвыгин

В октябре 1967 года в деревне Тамзе, расположенной на северном побережье острова Муху, был найден клад монет. Его обнаружил ученик Пийриской 8-летней школы А. Паас в борозде свежевспаханного поля, примерно в 20 м к западу от хлева бывшего хутора Ору. По его словам, монеты находились на глубине 30—40 см. Первоначально никаких следов от упаковки клада обнаружено не было. Лишь впоследствии при изучении монет на нескольких денариях были найдены следы приставшей к ним бересты. Это позволяет предполагать, что монеты клада были обернуты берестой. Всего найдено 440 монет и 2 серебряных украшения. Тамзеский клад передан в Институт истории АН Эстонской ССР.[1] Есть все основания считать, что клад сохранился полностью.

Монеты тамзеского клада подразделяются на две основные группы. К одной из них относятся полубрактеаты и брактеаты, к другой — двусторонние монеты.

ПОЛУБРАКТЕАТЫ И БРАКТЕАТЫ

Швеция

Все 343 полубрактеата и брактеата тамзеского клада относятся ко времени Кнута Эриксона 1167—1196. Из них 341 экземпляр принадлежит, по классификации Б. Тордемана, ко второй группе шведских средневековых монет.[2]

Относительно места чеканки данных монет мнения исследователей расходятся. Г. Гильдебранд и Б. Тордеман считают, что они чеканились в Кальмаре.[3] П. Гауберг, Р. Гальстер и К. А. Нордман относят их к чекану Висби.[4]

Последним свое мнение относительно происхождения средневековых шведских монет второй группы высказал в 1963 г. руководитель Монетного кабинета Государственного исторического музея Швеции Н. Л. Расмуссон. Он присоединился к мнению исследователей, которые видят в них чекан Висби.[5]

---

[1] Инв. номер 4457. Первоначально было найдено 439 монет. Весной 1968 г. А. Паас снова осмотрел место находки и обнаружил еще одну монету — денарий Мюнстера. Во время написания статьи эта монета находилась в руках А. Пааса.

[2] B. Thordeman, De svenska medeltidsmyntens gruppering. *Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad 1938, №5,* København, стр. 135—136; B. Thordeman, Sveriges medeltidsmynt. *Nordisk kultur XXIX,* Stockholm 1936, стр. 15—18.

[3] H. Hildebrand, Sveriges mynt under medeltiden. Stockholm 1887, стр. 38; Thordeman, De svenska medeltidsmyntens gruppering, стр. 135—136.

[4] P. Hauberg, Gullands Myntvaesen. *Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1891,* København 1891, стр. 58; O. Meier, Der Brakteatenfund von Bokel bei Bevern Kreis Bremerwörde. Hannover 1932, стр. 146—147, примеч. к монетам № 428 и 429; C. A. Nordman, Karelska järnåldersstudier. *SMYA XXXIV:3,* Helsingfors 1924, стр. 63 и сл.

[5] N. L. Rasmusson, Münz- und Geldgeschichte des Ostseeraumes vom Ende des 10. bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. *Visby-symposiet för historiska vetenskaper 1963. Acta visbyensia 1,* Visby 1965, стр. 138—140.

В настоящей статье мы не имеем возможности подробно остановиться на аргументации обеих сторон. Отметим лишь, что в эстонских кладах конца 12 — начала 13 вв. шведские монеты представлены в подавляющем своем большинстве только рассматриваемыми ниже полубрактеатами и брактеатами. Так как территория Эстонии по данным археологического материала имела с о-вом Готландом более тесные связи, чем с материковой Швецией, то отсюда логично вытекает вывод, что шведские средневековые монеты второй группы скорее всего чеканились в Висби.

Висби

Полубрактеаты (рис. 1 : 1—5).

1—83 Лиц. ст. Звездообразная фигура.

Обр. ст. Примитивное изображение стены здания. Ср. C. I. Schive, Norges mynter i middelalderen. Christiania 1865, табл. VI, № 28.

Вес[6]: 196; 192; 183; 203; 210; 197; 204; 174; 189; 238; 221; 189; 211; 190; 223; 238; 217; 160; 202; 175; 216; 193; 202; 166; 192; 190; 142; 201; 196; 232; 181; 206; 196; 185; 195; 196; 198; 218; 146; 191; 200; 174; 169; 224; 122; 195; 194; 191; 207; 196; 139; 196; 101; 153; 209; 211; 195; 173; 243; 195; 192; 233; 209; 205; 205; 220; 194; 192; 224; 164; 262; 197; 157; 202; 212; 201; 193; 226; 199; 220. Вес монет, разрезанных пополам: 107; 113; 120. Средний вес 80 целых монет — 196.

84—227 Лиц. ст. Звездообразная фигура.

Обр. ст. Примитивное изображение фронтона здания. Ср. Schive, табл. VI, № 27.

Вес: 194; 192; 202; 155; 199; 124; 191; 217; 145; 233; 201; 143; 199; 192; 199; 144; 206; 192; 151; 199; 206; 208; 187; 239; 173; 194; 197; 227; 198; 201; 197; 188; 194; 221; 211; 204; 191; 199; 186; 225; 191; 204; 214; 205; 158; 230; 169; 216; 201; 200; 213; 223; 201; 153; 202; 211; 216; 201; 192; 197; 199; 188; 212; 211; 204; 200; 196; 194; 201; 210; 245; 221; 214; 191; 183; 210; 200; 200; 207; 201; 187; 200; 220; 190; 193; 201; 201; 214; 214; 193; 196; 189; 171; 193; 180; 252; 213; 228; 202; 280; 203; 202; 191; 201; 155; 114; 195; 227; 254; 191; 210; 212; 192; 200; 171; 212; 245; 220; 188; 190; 233; 191; 205; 206; 195; 204; 195; 210; 239; 188; 189; 199; 184; 194; 185; 193; 189; 191; 189; 193. Вес монет, разрезанных пополам: 134; 121; 116; 121. Средний вес 140 целых монет — 199.

228—277 Лиц. ст. Звездообразная фигура.

Ср. Schive, табл. VI, № 25 и 26.

Обр. ст. Примитивное изображение здания с узким и высоким фронтоном.

Ср. Hauberg, стр. 58, № 5 и 6.

Вес: 191; 241; 200; 187; 184; 206; 189; 177; 197; 186; 191; 200; 179; 188; 211; 206; 213; 207; 193; 202; 197; 203; 199; 192; 172; 197; 206; 230; 189; 196; 186; 202; 202; 161; 200; 184; 200; 200; 194; 187; 167; 188; 206; 220; 148; 200; 199; 234; 197; 223. Средний вес 50 монет — 196.

278—290 Как предыдущие, но на лицевой стороне следы искаженных букв от круговой легенды.

Ср. Hauberg, стр. 58, № 1; Schive, табл. VI, № 24.

Вес: 213; 150; 205; 198; 209; 190; 220; 169; 221; 249; 160; 194; 192. Средний вес монет — 198.

291—315 Потертые висбиские полубрактеаты, тип которых установить невозможно.

Вес: 211; 214; 198; 226; 155; 186; 168; 140; 85; 191; 204; 179; 244; 213; 135; 181; 199; 150; 151; 143; 209; 188; 190; 187. Вес монеты, разрезанной пополам, 80. Средний вес 24 целых монет — 181.

Брактеаты.

316—326 Звездообразное изображение с кружком и точкой в центре.

Ср. Schive, табл. VI, № 31.

Вес: 149; 167; 206; 170; 182; 109; 146; 165; 207; 89; 179. Средний вес монет — 161.

327—328 Примитивное изображение фронтона здания.

Ср. Hildebrand, стр. 38, № 439.

Вес: 179; 189. Средний вес монет — 184.

329—337 То же.

Ср. Hauberg, стр. 58, № 3.

Вес: 147; 193; 161; 185; 210; 139; 220; 201; 142. Средний вес монет — 177.

338—339 Примитивное изображение стены здания.

Ср. Hildebrand, стр. 38, № 440.

Вес: 189; 187. Средний вес монет — 188.

340—341 То же.

Ср. Hildebrand, стр. 39, № 443.

Вес: 137; 123. Средний вес монет — 130.

Неопределенный монетный двор

Полубрактеаты (рис. 1 : 6).

342—343 Лиц. ст. Якореобразные фигуры вокруг кружка с точкой в центре.

Обр. ст. Крестообразная фигура.

Ср. Hildebrand, стр. 43, № 462.

Вес: 144; 167. Средний вес монет — 155.

ДВУСТОРОННИЕ МОНЕТЫ[7]

Германия

Кёльн

344 Денарий.

Совместный чекан архиепископа Пилигримма 1021—1036 и императора Конрада II 1027—1039.

H. Dannenberg, Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit I. Berlin 1876, No. 381; W. Hävernick, Die Münzen von Köln. *Die Münzen und Medaillen von Köln I*, Köln 1935, No. 222.

Вес[8]: 1,28.

345 Квадрант (четверть денария).

Первый тип монет архиепископа Филиппа фон Гейнсберга 1167—1168?

Hävernick, № 504. Однако у В. Геверника под указанным номером оболы (половина денария).

Вес: 0,28.

346—369 Денарии (рис. 1 : 7).

Пятый тип монет архиепископа Филиппа фон Гейнсберга 1190—1191?

Hävernick, № 573.

Вес: 1,39; 1,38; 1,37; 1,39; 1,43; 1,27; 1,40; 1,46; 1,42; 1,37; 1,52; 1,26; 1,42; 1,35; 1,43; 1,44; 1,38; 1,23; 1,42; 1,39; 1,35; 1,58; 1,32; 1,41. Средний вес монет — 1,39.

Зёст

370—372 Денарии (рис. 1 : 8).

С именем архиепископа Кёльна Филиппа фон Гейнсберга 1167—1191.

---

[6] Вес полубрактеатов и брактеатов дается в миллиграммах.

[7] Приношу глубокую благодарность профессору П. Берггаузу (Мюнстер) за просмотр и уточнение места чеканки ряда двусторонних монет на основании данных новейшей нумизматической литературы, недоступной автору статьи.

[8] Вес двусторонних монет дается в граммах.

Hävernick, № 882.
Вес: 1,23; 1,31; 1,27. Средний вес монет — 1,27.
373—375 Денарии.
С именем архиепископа Кёльна Адольфа 1193—1205.
Hävernick, № 918.
Вес: 1,48; 1,27; 1,41. Средний вес монет — 1,38.
376 Денарий.
С именем архиепископа Кёльна Адольфа 1193—1205.
Hävernick, № 921.
Вес: 1,38.

Шваленберг

377—378 Денарии.
С именем архиепископа Кёльна Филиппа фон Гейнсберга 1167—1191.
Hävernick, № 887-а.
По определению В. Геверника эти монеты чеканились в Зёсте. Последующие исследования Г. Крузи показали, что данный тип денариев выпускался в Шваленберге. H. Krusy, Schwalenberger, Waldecker und Pyrmonter Münzen auf Soester Schlag. *Festschrift des Vereins der Münzforscher und Münzfreunde für Westfalen und Nachbargebiete.* Münster 1938, S. 29—40.
Вес: 1,43; 1,27. Средний вес монет — 1,35.

Корбах

379—380 Денарии.
С именем архиепископа Кёльна Адольфа 1193—1205.
Hävernick, № 923.
По мнению В. Геверника этот тип монет чеканился в Зёсте. Последующие исследования Г. Крузи доказали, что рассматриваемый тип денариев выпускался в Корбахе. Krusy, стр. 29—40.
Вес: 1,36; 1,41. Средний вес монет — 1,38.

Липпштадт

381 Денарий.
С именем архиепископа Кёльна Адольфа 1193—1205.
Hävernick, № 930.
В. Геверник относит этот тип монет к чекану Липпштадта или Лемго (в отношении последнего стоит вопросительный знак). П. Берггауз показал, что данный тип монет чеканился безусловно в Липпштадте.
P. Berghaus, Lippstädter Geld im Wandel der Jahrhunderte. *Festschrift zum 50 jährigen Bestehen der Volksbank Lippstadt.* Lippstadt 1964, стр. 359—384, № 3.
Вес: 1,36.

Мюнстер

382—417 Денарии (рис. 1 : 10).
K. Kennepohl, Die Münzen von Osnabrück. *Veröffentlichungen des Museums der Stadt Osnabrück 1,* München 1938, стр. 40, № 30.
Вес: 1,65; 1,39; 1,27; 1,28; 1,42; 1,51; 1,40; 1,42; 1,56; 1,48; 1,27; 1,29; 1,50; 1,43; 1,32; 1,34; 1,27; 1,24; 1,42, 1,40; 1,44; 1,34; 1,40; 1,29; 1,56; 1,35; 1,32; 1,13; 1,41; 1,40; 1,20; 1,60; 1,38; 1,53; 1,35; 1,38. Средний вес монет — 1,39.
418—429 Денарии.
Kennepohl, стр. 41, № 32.
Вес: 1,12; 1,34; 1,54; 1,08; 1,24; 1,11; 1,23; 1,36; 1,29; 1,38; 1,45; 1,28. Средний вес монет — 1,28.
К. Кеннепол относит монеты, подобные №№ 382—429 тамзеского клада, к чекану Оснабрюка и указывает, что они подражают типу денариев епископа Мюнстера Германа II фон Катценелленбогена 1173—1203. Kennepohl, стр. 40—41. Исследования Б. Пеуса показали, что данные монеты не подражания, а подлинные денарии епископа Мюнстера Германа II. B. Peus, Das Münzwesen der Bischöfe von Münster bis zum beginnenden 13. Jahrhundert. *Westfalia Sacra, Bd. II,* Münster 1950, стр. 204—206. Мнение последнего полностью поддерживает П. Берггауз. Письмо автору статьи от 15 октября 1969.

Падерборн

430 Денарий (рис. 1 : 9).
Чекан Бернгарда II фон Озеде 1186—1203.
J. Weingärtner, Die Gold- und Silber-Münzen des Bisthums Paderborn nebst historischen Nachrichten. Münster 1882, № 3.
Вес: 1,33.

Неопределенные монетные дворы

431—432 Денарии.
Подражание пятому типу монет архиепископа Кёльна Филиппа фон Гейнсберга 1190—1191?
H. J. Lückger, Die Münzen von Köln. Nachträge und Berichtigungen zu Band I des Kölner Münzwerk. München 1939, стр. 44, № 193.
Вес: 1,51; 1,63. Средний вес монет — 1,57.
433 Денарий.
Hävernick, № 519.
По определению В. Геверника этот тип монет чеканился в Лимбурге во время правления графа Арнольда фон Альтена 1173—1204. П. Берггауз и И. Шпигель оспаривают это мнение, не указывая, однако, происхождение монеты. P. Berghaus, J. Spiegel, Die Münzen der Grafen von Limburg. *Die Geschichte der Grafen und Herren von Limburg und Limburg-Styrum und ihrer Besitzungen, Teil II, Bd. 4,* Assen-München 1968, стр. 301—303.
Вес: 1,12.
434 Денарий.
Неопределенный королевский монетный двор из области Рейна или Вестфалии.
Ср. Hävernick, № 1101.
Вес: 1,31.

Англия

435 Стерлинг.
Чекан короля Генриха II (1154—1189) в период прим. с 1158 по 1161 год. Место чеканки?
Ср. J. J. North, English hammered coinage. London 1963, № 952, табл. XV, № 24.
Вес: 1,45.
436—438 Стерлинги.
Чекан короля Генриха II в период прим. с 1170 по 1180 год. Место чеканки?
Ср. North, № 961, табл. XV, № 31.
Вес: 1,34; 1,54; 1,45. Средний вес монет — 1,44.
439 Стерлинг (рис. 1 : 11).
Чекан короля Генриха II в период прим. с 1180 по 1189 год. Винчестерский монетный двор.
Ср. North, № 962, табл. XV, № 34.
Вес: 1,46.

Кроме монет, в состав тамзеского клада входят височное украшение (вес — 9,8 г) и серебряная бляшка (вес — 34,6 г) (рис. 1 : 12, 13). Их происхождение еще не подвергалось детальному изучению. Весьма вероятно, что они происходят из Древней Руси. Во всяком случае, по устному сообщению доцента Уппсальского университета У. Э. Гагберга, оба предмета вряд ли изготовлены в Швеции.

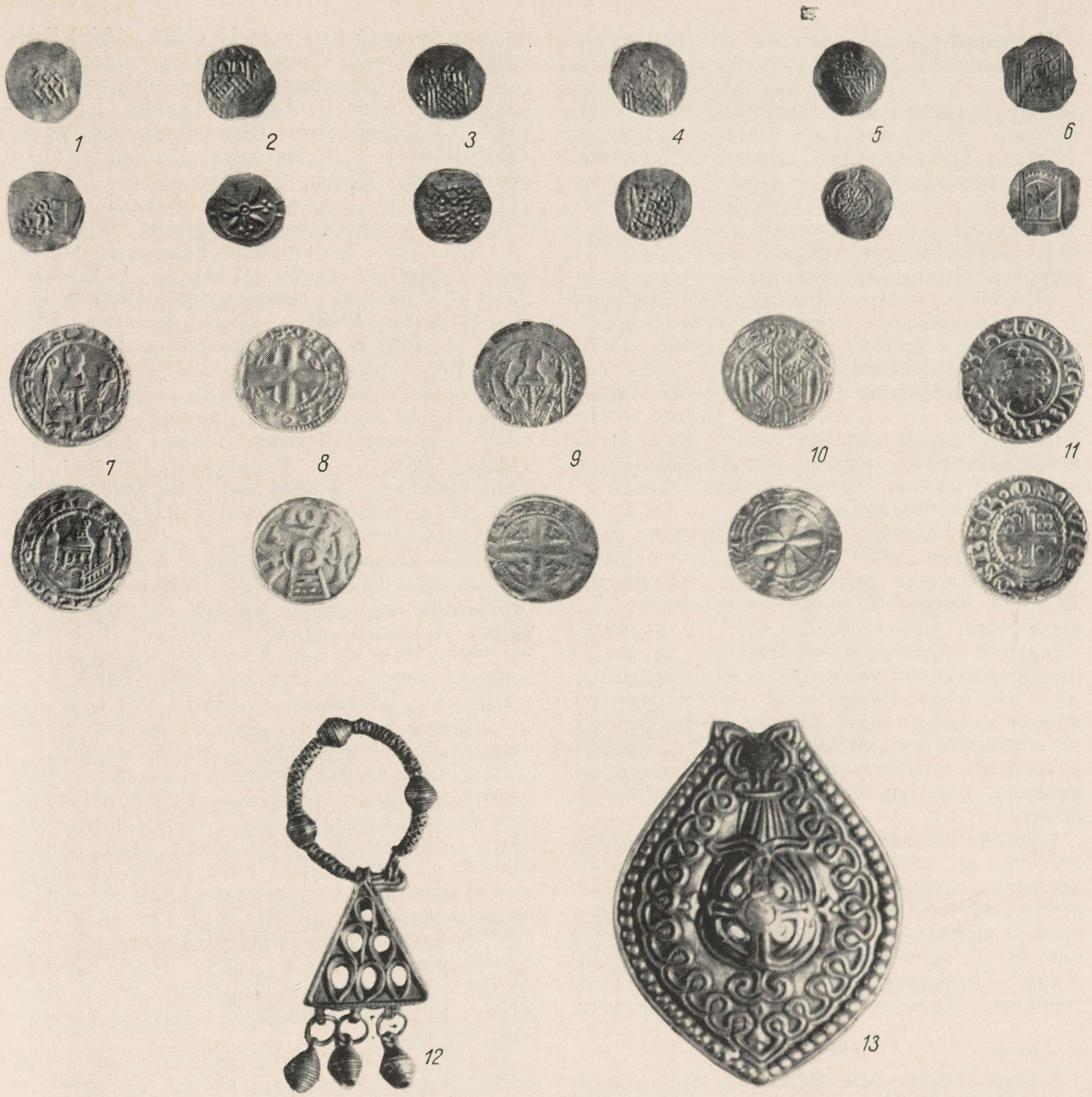

Рис. 1. Тамзеский клад 1—5 — Висби, полубрактеаты (1167—1196); 6 — Швеция, полубрактеат; 7 — Кёльн, денарий архиепископа Филиппа фон Гейнсберга (чекан 1190—1191 гг.); 8 — Зёст, денарий с именем архиепископа Кёльна Филиппа фон Гейнсберга (1167—1191); 9 — денарий неопределенного германского монетного двора (конец 12 в); 10 — Оснабрюк, денарий — подражание монетам Мюнстерского епископа Германна II (1174—1203); 11 — Англия, стерлинг короля Генриха II (чекан 1180—1189 гг.); 12 — височное украшение; 13 — бляшка.

Изучение хронологического состава тамзеского клада показывает, что его старшей монетой является денарий Кёльна, чеканенный совместно архиепископом Пилигриммом и императором Конрадом II в период с 1027 по 1036 год. Так как данная монета представлена лишь одним экземпляром и от остальных монет клада ее отделяет лакуна почти в 150 лет, то вхождение этого денария в состав тамзеского клада следует считать случайным и имеющим пережиточный характер.

Остальные монеты представляют исключительно компактный комплекс, охватывающий период всего лишь в полстолетие (1158—1205). Эти хронологические рамки сужаются еще больше, если учесть, что основная часть монет клада датируется последними тремя десятилетиями 12 в. и первыми годами 13 в. Итак, перед нами один из сравнительно редко встречающихся кладов, состав которых сложился в исключительно короткий срок.

Судя по младшим монетам, которыми являются денарии 1193—1205 гг., время сокрытия тамзеского клада относится к последним годам 12 или к началу 13 в. Не исключено, что монеты были зарыты уже в 1206 г., когда о-в Сааремаа подвергся нападению датчан и непосредственная угроза их вторжения нависла и над о-вом Муху.[9] Если отнести дату сокрытия клада на более позднее время, то трудно объяснить отсутствие в нем монет второго и третьего десятилетий 13 в., входящих, как правило, в состав эстонских кладов этого периода.[10]

Находка данного комплекса монет на острове Муху не является случайной. Население эстонских островов принимало активное участие в мореходстве и торговле. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что с о-ва Муху, кроме тамзеского клада, известны и другие монетные находки. Так, невдалеке от городища Линнузе в первой половине 19 в. найден денарий Конрада II (1024—1039).[11] На самом городище Линнузе найден клад, который, помимо серебряных украшений, содержал следующие монеты: Англия, Генрих II (1180—1189) — 2 стерлинга; Шотландия, Вильгельм (1165—1214) — 1 стерлинг; Германия, архиепископство Кёльн, Филипп фон Гейнеберг (1167—1191) — 3 денария; Адольф (1193—1205) — подражание английским стерлингам — 1 экз.; Зёст, архиепископ Кёльна Теодорих I фон Гейнсберг (1208—1212) — 1 денарий; Зёст — 1 денарий; епископство Мюнстер, Герман II (1174—1203) — 2 экз.; без имени епископа, ок. 1200 г. — 4 экз.; епископство Падерборн, Бернгард III (1203—1223) — 1 денарий; 2 неопределенных германских денария, из которых один епископской, другой императорской чеканки; Швеция, Иоанн Сверкерсон (1216—1222) — 3 брактеата; Готланд, ок. 1180—1200 г. — 1 брактеат.[12] Во второй половине 19 в. около Вийракюла найден германский денарий Конрада II (1024—1039).[13] В 1872 г. во время раскопок Я. Гольцмайером могильника около деревни Пяэлда невдалеке от Ринтсиской церкви найден английский денарий Этельреда II (979—1016).[14] В первой половине 19 в. на о-ве Муху найден кёльнский денарий одного из Оттонов (936—1002).[15]

Наконец, интересно отметить, что недалеко от деревни Тамзе найдены 34 медные чаши, по-видимому, германского происхождения.[16]

Особенно тесные торговые связи жители о-вов Сааремаа и Муху имели с о-вом Готландом. Между ними, с одной стороны, и готландцами — с другой, существовал даже заключенный на длительный срок договор о торговых отношениях. Островитяне были основными посредниками в торговле о-ва Готланда с северной частью Восточной Прибалтики.[17] Рассматриваемая находка, 78% монет которой составляют висбиские полубрактеаты и брактеаты, является конкретным подтверждением этих связей.

Тамзеский клад представляет собой самый большой комплекс монет второй половины 12

---

[9] Henriku Liivimaa kroonika. Tõlk. J. Mägiste. Stockholm 1962, стр. 55, § 13.

[10] Например, младшими монетами клада с городища Муху являются брактеаты Иоанна Сверкерсона 1216—1222 и денарии Падерборна 1203—1223. См. В. М. Потин, Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси. *Труды Государственного Эрмитажа IX. Нумизматика 3*, Ленинград 1967, стр. 115, № 47. В Кумнаском кладе денарии Кёльна 1208—1222 и датская монета Вальдемара II и архиепископа Сунессона 1202—1223. См. в настоящем сборнике статью E. Tõnisson, Kumna hõbeaare, стр. 218 и сл., примеч. 39. В Костивереском кладе (хранится в Институте истории АН ЭССР, монеты — инв. номер 13751/67, украшения — 3797) денарии Зёста 1208—1212 годов и т. д.

[11] Потин, Топография находок западноевроп. монет, стр. 115, № 46.

[12] Там же, стр. 115, № 47.

[13] Там же, стр. 115, № 48.

[14] Там же, стр. 115, № 49. Следует отметить, что в тексте эстонское название места находки искажено.

[15] Там же, стр. 115, № 50. Место находки неизвестно.

[16] Saaremaa ja Muhu muinasjäänused. *AK Toim. II*. Tartu 1924, стр. 135.

[17] H. Moora, Über den ostbaltischen Handel im 12.—13. Jahrhundert. *Archeologia Polski XIII:2*, Wrocław 1968, стр. 525.

— первой четверти 13 вв., найденный на территории Эстонии и Латвии. Узкие хронологические границы и большая географическая компактность его монет (см. табл.) красноречиво свидетельствуют о том, что в противоположность кладам длительного накопления, являющимся в первую очередь сокровищами, монеты, найденные в Тамзе, представляют собой отражение непосредственной торговой деятельности их владельца.

Указанные выше своеобразия состава тамзеского клада позволяют сделать предположение, что весь комплекс монет мог быть приобретен в результате торговых сделок, осуществленных, судя по его младшим монетам, в конце 12 или самом начале 13 в.

Не исключено, что часть монет была приобретена во время поездки мухусца на о-в Готланд. Но в таком случае состав тамзеского клада отражает не только экономические связи жителей о-ва Муху, но и картину денежного рынка на о-ве Готланде.[18] Это делает тамзеский клад особенно ценным источником, так как расширяет наши сведения об одном из наименее изученных периодов денежного обращения на о-ве Готланде, каковым является конец 12 — начало 13 в.

Сопоставление состава тамзеского клада с другими эстонскими монетами и вещевыми находками второй половины 12 — первой четверти 13 в. при одновременном привлечении археологического материала поможет расширить наши сведения о социально-экономических отношениях и торговых связях населения Эстонии накануне ее захвата немецкими и датскими феодалами.

Наряду с этим локальным значением эстонский нумизматический материал рассматриваемого времени имеет и более широкий интерес. Восточная Прибалтика, и в первую очередь территория Эстонии, благодаря своему географическому положению являлась важным путем притока западноевропейских денариев на Русь. С начала 12 в. число находок монет в Восточной Прибалтике сокращается, но в отличие от большинства стран Балтийского бассейна[19] и Руси[20], где импорт западных монет к 1140 г. полностью прекратился, в восточноприбалтийские земли монета продолжала поступать в течение всего 12 и 13 вв., хотя и в значительно меньшем объеме.

Таким образом, эстонские монетные находки указанного времени имеют большое значение и для изучения общих закономерностей передвижения монетного серебра в период затухания[21] или, как считают другие исследователи, изменения форм импорта серебра из Западной Европы в Восточную.[22]

Хронологический и географический состав монет тамзеского клада

Место чеканки	Время чеканки	Число монет	%-ное соотношение к общему числу монет
	Германия		
Кёльн	1027—1036	1	
Кёльн	1167—1168?	1	
Кёльн	1190—1191?	24	
Зёст	1167—1191	3	
Зёст	1193—1205	4	
Шваленберг	1167—1191	2	
Корбах	1193—1205	2	
Липпштадт	1193—1205	1	
Мюнстер	1173—1203	49	
Падерборн	1186—1203	1	
Неопределенные монетные дворы	Вторая половина 12 в.	4	
Всего германских монет		92	21
	Англия		
Монетный двор?	1158—1161	1	
Монетный двор?	1170—1180	3	
Винчестер	1180—1189	1	
Всего английских монет		5	1
	Швеция		
Висби	1167—1196	341	
Неопределенный монетный двор	1167—1196	2	
Всего шведских монет		343	78
Всего монет		440	100

[18] В связи с полным отсутствием письменных источников и малочисленностью монетных находок данных о денежном обращении на о-ве Готланде в 13 в. очень мало. К 1940 г. на о-ве зарегистрирована лишь одна небольшая находка монет 13 в., датируемая серединой столетия. Она состояла из 19 английских стерлингов, 1 ирландской монеты и 2 немецких денариев. Кроме того, в состав клада входили 2 серебряных слитка. N. L. Rasmusson, Sterlingar och barrer som betalningsmedel på Gotland under 1200-talet. *Gotländskt Arkiv XII,* Visby 1940, стр. 29—33.

[19] Rasmusson, Münz- und Geldgeschichte, стр. 136—137.

[20] В. М. Потин, Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Ленинград 1968, стр. 73.

[21] Rasmusson, Münz- und Geldgeschichte, стр. 136.

[22] Потин, Древняя Русь и европ. государства, стр. 73 и сл.

TAMSE MÜNDIAARE 13. SAJANDI ALGUSEST

A. Molvõgin

Lühikokkuvõte

1967. aastal leiti Muhust Tamse külast aare, mis koosneb 440 mündist ja kahest hõbeehtest (joon. 1). Müntide seas on 343 rootsi (sealhulgas 341 Visby) poolbrakteaati ja brakteaati, 92 saksa ja 5 inglise münti. Välja arvatud üks Kölni denaar (1027—1036), üks inglise sterling (1158—1161) ja neli 12. sajandi teisest poolest pärinevat saksa münti, on kõik muud mündid vermitud ajavahemikus 1167—1205. Autor oletab, et aare võiks olla maetud 1206. aastal seoses taanlaste sõjaretkega Saaremaale. Aarde koosseisu järgi otsustades võiks osa sellesse kuuluvaid münte olla saadud Muhust Ojamaale sooritatud kaubaretke tulemusena. Sellisena annaks aare ühtlasi ettekujutuse Ojamaal 13. sajandi algul käibel olnud müntidest.

EIN MÜNZFUND AUS DEM BEGINN DES 13. JAHRHUNDERTS AUS TAMSE

A. Molvõgin

Zusammenfassung

Im Jahre 1967 wurde auf der Insel Muhu im Dorf Tamse ein Schatzfund gehoben, 440 Münzen und zwei silberne Schmuckstücke enthaltend (Abb. 1). Unter den Münzen finden sich 343 Halbbrakteaten und Brakteaten aus Schweden (341 aus Visby) sowie 92 deutsche und 5 englische Münzen. Mit Ausnahme eines Kölner Denars (1027—1036), eines englischen Sterlings (1158—1161) und 4 deutscher Münzen aus der zweiten Hälfte des 12. Jhs. sind alle übrigen Münzen im Zeitraum 1167—1205 geprägt worden. Der Verf. nimmt an, dass der Schatz Verbindung mit dem Kriegszug der Dänen nach Saaremaa im J. 1206 vergraben worden sein könnte. Der Bestand des Schatzes legt den Gedanken nahe, dass ein Teil der zum Schatz gehörenden Münzen der Ertrag einer Handelsfahrt von Muhu nach Gotland sein könnte. In dieser Hinsicht bietet der Fund zugleich eine Vorstellung von den auf Gotland zu Beginn des 13. Jahrhunderts in Umlauf gewesenen Münzen.

SURNUTE PÕLETAMISE KOHAST RAKKE LÄHEDAL

Tanel Moora

1964. aasta suvel inspekteeris käesolevate ridade autor arheoloogilisi muistiseid Rakvere rajoonis. Väike-Rakke küla [1] põldudel ühe äraveetud kivikalme aseme otsimisel hakkas värskelt küntud pruunja mullaga kesal silma umbes 12-meetrise läbimõõduga süsimust laik. Selle lähemal uurimisel ilmnes, et pinnas sisaldas seal väga palju sütt ja nõge ning suures kuumuses murenenud graniidipurdu.[2] Esines ka põlenud inimluude kilde, sealhulgas hambaid ja koljutükke.

Naabruses, Sepa talus elava August Saare sõnade järgi oli varem sellel kohal olnud umbes 8-meetrise läbimõõduga, ümara põhiplaaniga kivihunnik. See koosnenud ühest kihist «sülekividest», mida kaks meest kanderaamiga vabalt tõsta suutnud. Nende vahel olnud ka väiksemaid kive. Et kivihunnik olevat põllutöid seganud, vedanud ta selle umbes nelikümmend aastat tagasi ära. Kivid olnud enamasti tules pragunenud ja murenenud pindadega. Muld kivide vahel määrinud nagu ahjunõgi. Suuremaid söetükke ei olevat aga tähele pandud. Nüüd olevat söelaik künniga tublisti laiemaks aetud ja ka hallimaks segatud.[3] Kivide eemaldamisel leitud ka mõned esemed, mis viimase sõja ajal olevat kaduma läinud.[4]

Et söelaigu pind tänu oma koostisele kuivas päikese käes tuhkjaks, sai mulda rehaga riisudes künnikihi ülemises osas leiduvad luukillud ja hambad kokku koguda. Seejuures leiti ka kuus savinõukildu.

Saadud andmete järgi otsustades tundus, et antud juhul pole tegemist kivikalme asemega, vaid tõenäoliselt kohaga, kus toimus kremat-sioon, mille järel surnute põrm siit kusagil eemal asuvale kalmele viidi ja sinna maeti. Eesti alalt on küll teada arvukalt põletusmatustega kalmeid, kuid nende senine uurimine on näidanud, et kalmel enesel on surnuid põletatud äärmiselt harva.[5] Nähtavasti on kogu põle-

---

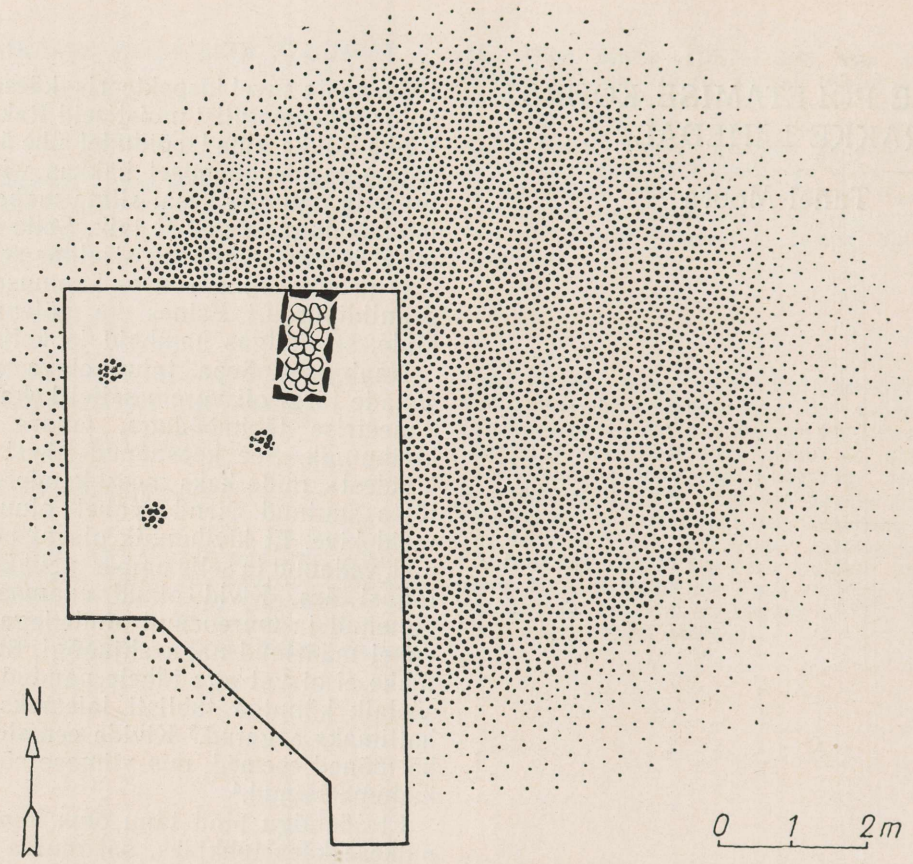
[1] Küla asub Rakke asulast linnulennult umbes 2 km kagu pool.

[2] Geoloogiakandidaat A. Raukase andmeil moodustavad Rakke ümbruse kristalliinsete rändkivimite valdava osa graniidid, mis on meil arvukamalt esinevaist rändkivimeist ühed murenemiskindlamad.

[3] Nagu hilisemad mõõtmised näitasid, oli kõige mustema värvitooniga ala läbimõõt tõepoolest umbes 8 m.

[4] Kivihunniku ümbrust, kust kündmisel on leitud luustikke, kutsutud varem Kabelimäeks. Kunagi olevat keegi kivihunnikust kulda otsinud. Seepärast jälgitud kivide vedamisel hoolega, «kas mullas ka midagi väärtuslikku ei leidu». August Saare kirjelduste ja jooniste järgi aga võis otsustada, et leitud oli üsna hilise päritoluga esemeid, nagu kaks viinakortlit, paar vaskmünti, vitssõlg, suitsed jms.

[5] Matmiskombestikku Eesti ala kivikalmetes on põhjalikult kirjeldanud ja analüüsinud A. Vassar, Nurmsi kivikalme Eestis ja tarandkalmete areng. Tartu 1943,

Joon. 1. Väike-Rakke krematsioonikoha skeem. Tihe punktiir tähistab söelaigu tuumikuala. Kaevandis märgitud kolle ja lohud.

tusmatmise kombe esinemise aja vältel olnud tavaks toimetada krematsiooni kalmest eemal. Et käesolevas kirjeldatava põletamiskoha avastamiseni polnud Baltimaade põhjaosast nende kohta õieti ainsatki teadet, otsustati sellel praktiliselt täiesti lõhutud muistisel siiski läbi viia proovikaevamised. Loodeti saada leide ja künnikihi alt koguda sütt selle vanuse määramiseks radioaktiivse süsiniku meetodil.

1965. aasta suvel korraldatud proovikaevamistel kaevati kogu söelaigu pindalast läbi umbes kaks viiendikku (joon. 1, 2). Seejuures ilmnes, et must kiht koosneb põhiliselt graniidipurrust ja täiesti mineraliseerunud ning lagunenud söest ja tuhast. Väikesed mullaosakesed olid siia sattunud ilmselt künniga. Keskmiselt 25—28 cm sügavusel, s. o. künnikihi lõppedes, algas adrakriimudega kaetud puutumatu pinnas. Viimase moodustasid siin väikesed kõvaks põlenud või paakunud liivsavi läätsed ja nende vahel olev pudedam liivkruusane materjal. Sellel ümbruskonna muldadele tüüpilisel horisondil paiknenud huumusekiht oli kas tules täielikult hävinud või siis mehaaniliselt eemaldatud.

Puutumatu pinnase väljapuhastamisel leiti kolm sellesse kuni 45 cm sügavuseni süvendatud auku, läbimõõduga umbes 25 cm (joon. 2). Need olid täitunud sama materjaliga, millest oli moodustunud künnikiht. Mõnevõrra ootamatult avastati söelaigu keskosa all puutumatus pinnases ka põhja-lõunasuunaline ristkülikukujuline kividest kolle suurusega 150×65 cm. Umbes 20-sentimeetrise koldesüvendi ääri palistasid serviti asetatud graniidilõhmud, kuna muu osa oli täidetud kuni kahe rusika suuruste kividega. Kivide vahel leidus rohkesti hallikat mineraliseerunud tuhka. Pärast koldekivide eemaldamist selgus, et süsi on ka süvendites täielikult humifitseerunud ja seda pole võimalik kasutada C^{14} meetodil dateerimiseks.

Vaatamata mulla hoolikale läbisõelumisele saadi kaevamistel varasemale leiumaterjalile lisaks vaid väheseid luukilde ja hambaid. Söelaigu ääreosast leiti peale nende veel mingi pronkseseme katkend.

lk. 18 jj. (käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus). Sealsamas, lk. 24 on märgitud ka mõned juhud, kus võib oletada surnu põletamist kalmel.

Joon. 2. Kaevand Väike-Rakke krematsioonikohal, pildistatud kagust.

Leiumaterjali vähesus ja suuremate söetükkide puudumine teevad muistise ligikaudsegi dateerimise väga küsitavaks. Siit leitud keraamika kuulub ajajärku, mil surnute põletamise komme ei olnud Baltimaade põhjaosas veel nähtavasti levinud. Nimelt kuuluvad kolm võib-olla ühest nõust pärinevat savinõukildu nn. hilise nöörkeraamika hulka (joon. 3:1—3). Eesti alal valmistati sellist keraamikat umbes II aastatuhande teisel poolel e. m. a.[6] Ülejäänud koredama koostisega savinõukildude välispinda katavad tekstiilivajutused. Neist üks pärineb püstjate seinte ja väga paksu servaga suuremast nõust, millel serva all on olnud augukeste vöönd (joon. 3:4). Et sellised massiivse servaosaga nõud näivad Eesti alal tarvituselt kaduvat juba hilisel pronksiajal, siis võiks kõiki leitud savinõukilde pidada isegi ühevanuseks.[7]

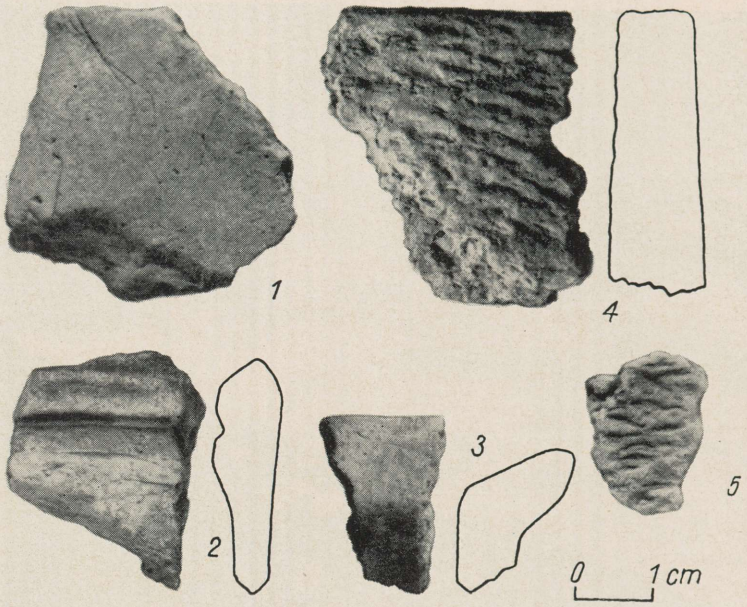
Tundub olevat põhjust väita, et surnute põletamise kombe laialdasem levik Läänemere ümbruskonnas asunud hõimude seas on toimunud üldiselt seoses maaviljeluse esilekerkimisega ja selle muutumisega vastava hõimu põhiliseks elatusalaks. Eesti muistse elanikkonna majanduses toimunud seda laadi muutustest kõneleb uue kalmetüübi — tarandkalme — tekkimine meie ajaarvamise 2.—3. sajandil. Kõrvuti laibamatmisega aga esines siin põletusmatmist suhteliselt pika aja vältel varemgi. Baltimaadel teada olevad varaseimad põletusmatused Rēznese kääbaskalmistus Väina ääres on dateeritud II ja I aastatuhande vahetusse e. m. a.[8] Et see komme hilisel pronksiajal ka Eesti alal päris tundmatu polnud, seda näitavad umbes 800. aasta paiku e. m. a. rajatud põletusmatustega laevkalmed Sõrves Saaremaal.[9] Sarnasuse

[6] Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин 1959, lk. 300—301, tahv. XXVII. Kuigi meie seniste teadmiste põhjal on raske täpsemalt öelda, millal hiline nöörkeraamika tarvituselt kadus, on vaevalt usutav, et seda oleks tarvitatud veel II ja I aastatuhande vahetusel e.m.a.

[7] Seda enam, et näit. Akali asulakohast on saadud hilist nöörkeraamikat ja tekstiilkeraamikat kultuurkihi samadest osadest. Янитс, lk. 149, 156 jj.

[8] Я. Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига 1967, lk. 37.

[9] Vt. V. Lõugase artiklit käesolevas kogumikus, lk. 111 jj.

Joon. 3. Keraamikat Väike-Rakke krematsioonikohalt. 1—3 — hiline nöörkeraamika; 4—5 — tekstiilkeraamika.

põhjal Soome kivikirstkalmetega, kust on leitud juba meie ajaarvamise eelse II aastatuhande lõppu kuuluvaid põletusmatuseid[10], võiks oletada sellise matmisviisi esinemist ka Eesti rannikul ning läänesaartel leiduvais vanimais kivikirstkalmeis[11]. Seetõttu ei tundu päris võimatuna, et tulevikus avastatakse meil ka sisemaalt, kuhu kivikirstkalmete levikuala ei ulatu, pronksiaja põletusmatustega maa-aluseid haudu.[12] Pole aga usutav, et ülalkirjeldatud keraamika põhjal võiks Väike-Rakke krematsioonikoha dateerida pronksiaega. Tõenäoliselt on need savinõukillud pärit mingist hävitatud vanemast kultuurkihist.

Seevastu kolle näib olevat seotud pigem põletuskohaga. Kesk- ja Lääne-Leedus avastatud krematsioonikohtade uurimise tulemustele tuginedes tundub usutav, et koldel, nagu kivipurru ja söega täitunud aukudelgi, oli teatav funktsioon surnupõletamisega kaasnevate kombetalituste juures.[13] Selle oletuse kasuks räägib ka asjaolu, et kolde äärekividena kasutatud hallgraniidilõhmud näivad pärinevat põletamisaluse kividest, sest sellised lõhmud eralduvad graniidirahnudest vaid viimaste pinna väga tugeval kuumutamisel. Kollet saadi kasutada vaid mõnda aega peale krematsioonikoha rajamist. Hiljem, kui põletamisalust kas laiendati või see murenenud kivide asendamisel veidi teise kuju sai, on kolle ilmselt mattunud kivide ja purrukihi alla.

Eesti ala kivikalmetest leitud põlenud kiviprügi osutab sellele, et surnuid on sageli põletatud sellisel kividest laotud alusel. Põhja-Eestis, kus koos surnute põrmuga on kalmesse mõnikord sattunud lupja, põletati surnuid ilmselt ka paest laotud alusel.[14]

Leedu territooriumil uuritud krematsioonikohtadel leidus seevastu vaid üksikuid põlenud kive. Selles suhtes on erandiks Rimaisiai (Kedainiai raj.) kalmistu lähedal avastatud krematsioonikoht, kus surnuid on põletatud väikestest kividest laotud sillutisel.[15]

[10] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. *SMYA 54*, Helsinki 1954, lk. 107.

[11] Vanimad kivikirstkalmed Eesti alalt võiksid kuuluda hilisesse pronksiaega. Vt. Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 33. Seni meil uuritud kivikirstkalmete varaseimad põletusmatused näivad teatavate ehtenõelte ja keraamika järgi otsustades kuuluvat aga alles I aastatuhande lõppu e.m.a. (V. Lõugase andmeil).

[12] Selline pronksiaja maa-alune kalmistu, kus esineb ka põletusmatuseid, on näiteks leitud Väina alamjooksult Kivutkalnsi kindlustatud asula kultuurkihi alt. Граудонис, lk. 163.

[13] I. Sadauskaitė, Dėl mirusiųjų deginimo papročio. *Iš lietuvių kultūros istorijos III*, Vilnius 1961, lk. 129.

[14] Vassar, lk. 24—25. Eriti palju lubjakorraga kaetud esemeid on leitud just nendest kalmetest, mille ümbruskonnas kristallilisi rändkive esineb vähe, näit. Jäbara tarandkalmeist (Kohtla-Järve raj.).

[15] Kaevamisaruanne Kaunase Riiklikus Ajaloomuuseumis.

Rimaisiai krematsioonikoht sarnaneb meid huvitava muistisega veel selleski, et sealt pole peale põlenud inimluude saadud ainsatki leidu. Kesk- ja Lääne-Leedu alal uuritud surnute põletamise kohad olid aga väga leiurikkad. Näiteks leiti Palangas Komjaunimo tänaval kaevatud kalmistu krematsioonikohalt rohkem esemeid kui selle kalmistu põletusmatustega haudadest.[16] Kõnesoleva krematsioonikoha leiurikkus on nähtavasti seletatav sellega, et koos põletusmatmise kombega on Ida-Leedust sinna levinud ka teatud tava, mille kohaselt surnu põletamisel temale kuulunud esemeid purustati. Haudaviimiseks aga korjati tuleasemele jäänud luudest ja esemekatkendeist üles vaid osa.[17]

Paks söe ja graniidipurru kiht ning mitmesuguse vanusega inimestele kuulunud hambad tunnistavad, et surnuid on Väike-Rakke krematsioonikohal põletatud korduvalt. Sealt leitud luukildude vähesus viitab sellele, et neis paigus on valitsenud komme surnu põrm kustunud tuleasemelt väga hoolikalt üles korjata.

Põletuskohale oleks aga pidanud jääma midagi ka surnule kaasapandavatest esemetest, sest vaevalt oleks peale krematsiooni suudetud leida kõiki esemekatkendeid. Nende täielik puudumine ei tohiks siiski veel tähendada panuste hauda-asetamise kombe puudumist. Pigem viitab see surnute põletamisele ilma esemeteta. Viimased võidi matta põletamata koos krematsioonikohast toodud põrmuga. Sellise tava olemasolu osutavad Järvamaa ja Lõuna-Virumaa I aastatuhande esimese poole tarandkalmed, mistõttu võiks oletada, et ka Väike-Rakke krematsioonikohta on kasutatud nimetatud ajal. Sellise dateeringuga sobiks hästi ka paari põlenud hobusehamba esinemine põletamiskoha luuleidude hulgas, sest neid on samuti leitud mitmest Põhja-Eesti tarandkalmest.[18]

Pole nähtavasti juhuslik, et surnute põletamiseks oli valitud koht kõrgele Rakke voorele. Ümbruskonnale avaneb sealt erakordselt avar vaade. Viljaka mulla järgi otsustades võis seal muiste kasvada suhteliselt hõre laialehine mets. Vaid mõnikümmend meetrit eemal algava, sügavale voore nõlvasse lõikuva termokarstilise nõo põhjast immitses alles hiljuti allikas.

Surnuid oli põletatud just sellises kohas, missugusena me pärimuste põhjal oleme harjunud ette kujutama muistset hiiekohta.

Pole võimatu, et tulevikus leitakse sellistelt looduslikult kaunitelt kohtadelt veel teisigi sellelaadseid muistiseid.

[16] Kaevamisaruanne ja leiumaterjal Vilniuse Ajaloo ja Etnograafia Muuseumis.

[17] Põrmu haudasängitamisel on tihti lisatud ka uusi panuseid, mida näiteks selgesti tunnistavad Leedu põletusmatustega haudadest leitud merevaigust helmed. Kesk- ja Lääne-Leedu krematsioonikohtade leiurikkus on tingitud eelkõige muidugi asjaolust, et seal muutus põletusmatmine valitsevaks alles II aastatuhande esimeste sajandite vältel, s. o. ajal, mil seal oli tavaks surnutele rikkalikult panuseid kaasa anda.

[18] Näit. Tarbjalt, Jäbarast, Padalt jm. Luud on määranud bioloogiadoktor K. Paaver.

МЕСТО ТРУПОСОЖЖЕНИЙ БЛИЗ РАККЕ

Танель Моора

Резюме

В 1965 г. автор произвел разведочные раскопки близ Ракке (Раквереский район) на северо-востоке Эстонии. Здесь на возвышенности, откуда открывался широкий вид на окрестности, было обнаружено зольно-угольное пятно диаметром 8 м, под которым находились очаг и 3 углубленные в грунт ямы (рис. 1, 2). Прежде на месте этого зольно-угольного пятна имелась кладка из крупных камней. При раскопках были найдены осколки пережженных человеческих костей и некоторые фрагменты керамики второй половины II тысячелетия до н. э. (рис. 3). Автор полагает, что керамика происходит из несохранившегося, более древнего культурного слоя, тогда как зольно-угольный слой вместе с очагом и каменной кладкой представляет собой остатки места сжигания умерших, которое, по-видимому, связано с обычаем трупосожжения и погребения в каменных могильниках, широко распространившимся в Эстонии в первой половине I тысячелетия н. э.

EINE TOTEN-VERBRENNUNGSSTÄTTE IN DER NÄHE VON RAKKE

Tanel Moora

Zusammenfassung

Im J. 1965 machte der Verfasser Probegrabungen in Nordostestland, unweit Rakke (Bezirk Rakvere). Auf einer Anhöhe mit weitem Ausblick wurde ein kohle- und aschehaltiger Fleck von 8 m Dm freigelegt, unter dem eine viereckige Herdstelle und 3 in den gewachsenen Boden vertiefte Gruben zum Vorschein kamen (Abb. 1, 2). Ehemals hatte sich an der Stelle des Fleckes eine Lagerung grösserer Steine befunden. Die Ausgrabung förderte gebrannte Splitter menschlicher Knochen und einige Tongefässscherben (Abb. 3) zu Tage, welche aus der zweiten Hälfte des II. Jahrtausends v. u. Z. stammen. Der Verfasser meint, dass die Tongefässscherben aus einer älteren zerstörten Kulturschicht stammen, der Kohle und Asche enthaltende Fleck aber, mitsamt der Herdstelle und der Steinlagerung den Überrest einer Verbrennungsstätte von Toten darstellt, und verbindet dieselbe mit dem sich in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. verbreitenden Brauch der Brandbestattung in Steingräbern.

УПОМЯНУТ ЛИ ГОРОД ЛУДЗА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ 12 ВЕКА?

Э. Мугуревич

На территории Латвии очень мало географических пунктов, упомянутых в письменных источниках до 13 в. Особенно редко упоминаются даже в источниках первой половины 13 в. населенные пункты Восточной Латвии. Поэтому всякое, даже гипотетическое указание источников на древнее поселение на территории Латвии представляет большой научный интерес. Конкретным примером этого является город Лудза. В научной и научно-популярной литературе все более широкое распространение получает утверждение, что Лудза упоминалась уже в древнерусских исторических источниках второй половины 12 века.[1] Естественно, что возникает вопрос, каковы эти исторические источники и в какой мере достоверны их свидетельства о существовании города Лудза в 12 в.

Утверждение, будто название города Лудза содержится в древнерусских исторических источниках 12 века, обычно основывается на том, что в Ипатьевской летописи упомянут город Лучин. Действительно, киевские летописи, известные по сохранившемуся в Ипатьевском монастыре списку[2], содержат указание о том, что у князя Рюрика Ростиславовича в 1173 году[3] по дороге из Новгорода в Смоленск в городе Лучин родился сын, названный Михаилом. В честь новорожденного в городе была построена церковь святого Михаила.

Документы и литература свидетельствуют о том, что город Лучин упоминается в исторических источниках уже в 1150 году[4] в связи с феодальными податями смоленскому князю. Относительно местоположения упомянутого в древнерусских источниках города Лучина высказывалось несколько гипотез. Наиболее из-

---

[1] B. Brežgo, Ludza. Pils un pilsētas vēsture. Rēzekne 1931, стр. 3; J. Jušķevičs, Ludzas vēsture. *Ludzas apriņķis senāk un tagad,* Rīgā 1935, стр. 185; С. П. Сахаров, Город Лудза в прошлом и настоящем. Рига 1935, стр. 6; Latviešu konversācijas vārdnīca, t. XIII, 1935, стр. 24 775; Большая Советская Энциклопедия, т. 25. Москва 1954, стр. 454; Административно-территориальное деление Латвийской ССР, 1967 год. Рига 1967, стр. 58 (такие же факты приводятся в изданиях предыдущих лет этой брошюры); J. Timoškāns, Ludza. *Latvijas PSR mazā enciklopēdija, II sēj.,* Rīgā 1968, стр. 436.

[2] Ипатьевская летопись. *ПСРЛ II, изд. 2,* С.-Петербург 1908, стр. 566—567. Хроника в той же самой редакции была снова издана в 1962 году.

[3] В литературу вошла неправильная датировка этого события. Часть изданий относит посещение Лучина к 1171 году (Brežgo; Jušķevičs), в других оно датируется 1177 годом (Административно-территориальное деление Латвийской ССР; Latvijas PSR mazā enciklopēdija и др.).

[4] 1150 г. уставные грамоты князя Ростислава Смоленского. *Памятники русского права, вып. II.* Сост. А. А. Зимин. Москва 1953, стр. 40, 44.

вестной в первой половине 19 века была гипотеза Н. Карамзина[5], сформулированная в 1816 году, но не получившая, к сожалению, сколько-нибудь обстоятельной аргументации. Комментируя упомянутый текст киевских летописей о событиях в Лучине, Н. Карамзин отмечает, что Лучин — это современный ему Люцин, расположенный в Витебской губернии.

Гипотеза Н. Карамзина не нашла широкой поддержки в России, однако исследователи, занимавшиеся историей городов восточной части Латвии, как мы видим, повторяли ее неоднократно. Из скудного текста хроники делались далеко идущие выводы, примером которых может служить утверждение о том, будто во второй половине 12 века район Лудзы входил в состав Смоленского княжества.[6] Необходимость возведения в Лудзе православной церкви объяснялась тем, что здесь наряду с латгалами жили кривичи. Наконец, делался вывод, что Лудза представляла собой крупный экономический и политический центр, которому принадлежала важная роль в распространении православия.

Нет сомнений в том, что окрестности Лудзы уже в период раннего феодализма, т. е. до вторжения немецких крестоносцев, были густо населенным районом, о чем наглядно свидетельствуют археологические памятники. В самой Лудзе неподалеку друг от друга находились два больших городища с поселениями или посадами.[7] Близ центрального лудзенского городища, на котором немцы позднее построили каменный замок, лежит один из наиболее изученных могильников латгалов — Одукалнс.[8] Археологические исследования на Одукалнсе, Нукшинском[9] и Кивтском[10] могильниках, раскопки на Кишукалнсе[11] недвусмысленно свидетельствуют о том, что Лудза была одним из наиболее крупных политических и экономических центров Восточной Латвии 10—12 вв., расположенным на скрещении важных дорог[12]. Однако можно ли идентифицировать упомянутый в древнерусских источниках Лучин с Лудзой? Для ответа на этот вопрос требуются дополнительные данные.

В первую очередь следует проверить, не было ли в Новгородском и Смоленском княжествах какого-либо другого населенного пункта, носившего название Лучин или связанного с его традицией.

Оказывается, в области верховьев рек Даугавы и Днепра существуют по крайней мере два топонима, сохранившие древнее название Лучин. Поэтому и у советских историков нет единого мнения по вопросу идентификации древнерусского города Лучин. Часть из них[13] помещает древний Лучин на месте деревни Лучан, которая находится в Смоленской области на берегу реки Ельша — правого притока Межи (бассейн Даугавы), к западу от города Белый. Другие историки[14] полагают, что древний Лучин идентичен поселку Лучин, расположенному на правом берегу Днепра в 7—8 км к югу от города Рогачева.

В пользу первого предположения (древний Лучин идентичен деревне Лучан) свидетельствует географическое расположение Лучина, так как, судя по Ипатьевской летописи, он должен был лежать близ дороги из древнего Новгорода на Смоленск, как это в данном случае и констатируется.[15] Кроме того, «Лучин городок» в этом районе упоминается и в более позднее время, например в 1495 году.[16]

Вторая гипотеза подтверждается археологическими материалами, так как неподалеку от берега Днепра, близ Лучина, обнаружены два

---

[5] Н. Карамзин, История государства Российского, т. III. С.-Петербург 1816, стр. 392. Эта гипотеза в виде примечания к тексту хроники повторяется во всех последующих изданиях труда (сравн. Н. М. Карамзин, История государства Российского, изд. 5, кн. 1, т. III. С.-Петербург 1842, примечание на стр. 9, ссылка 12).

[6] Сахаров, стр. 6.

[7] Fr. Balodis, Latviešu kultūras ziedu laiks Latgalē. *Latvijas Saule 1925, No. 34*, стр. 356.

[8] Люцинский могильник. *МАР 14*, С.-Петербург 1893.

[9] Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, Нукшинский могильник. *МИАЛ I*, Рига 1957.

[10] Э. Шноре, И. Цимермане, Поселение и могильник в Кивты. *БРФ*, стр. 183—184.

[11] Э. Шноре, Раскопки 1959 г. на городище и в поселении Кишукалнс в с. Шелупинки Лудзенского р-на. *Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 года*, Рига 1960, стр. 23—25.

[12] Э. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли X—XIII вв. Рига 1965, стр. 107.

[13] Н. В. Голубовский, История Смоленской земли до начала XV века. Киев 1885; Памятники русского права II, стр. 48; Н. Н. Усачев, Материалы и примечания к исторической карте «Смоленское княжество XII—XIV вв». *Материалы по изучению Смоленской области V*, Смоленск 1963, стр. 228.

[14] Россия, т. IX, 1905, стр. 490—491; М. Н. Тихомиров, Список русских городов дальних и ближних. *Исторические записки 40*, Москва 1952. Этой гипотезы уже ранее придерживался Н. Барсов (Географический словарь русской земли IX—XIV ст. *Материалы для историко-географического словаря России*, Вильно 1885, стр. 117—118), указывая, что данные исторических источников позволяют предположить существование двух Лучинов — одного в Смоленской, а другого — в Могилевской губернии.

[15] М. В. Фехнер, Важнейшие торговые пути Северо-западной и Северо-восточной Руси X—XIII вв. Карта. *Труды ГИМ 32*, Москва 1956.

[16] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. 1340—1506. С.-Петербург 1846, № 128, стр. 151.

городища и около 50 курганных захоронений.[17]

Что же касается основного для нас вопроса об идентичности Лучина и Лудзы, то следует сказать, что русские советские историки полностью отказались от этой гипотезы. Это и понятно, так как с развитием исторической географии не только непрерывно совершенствуется и детализируется изучение и комментирование документов, но осуществляется и детальный учет археологических памятников и топонимов данной области. В этих условиях идентификация древнего Лучина с упомянутыми выше Лучаном или Лучином, несомненно, значительно ближе к решению вопроса, чем локализация Лучина на месте Лудзы. Здесь, во-первых, следует принимать во внимание то, что Лудза не соответствует древнему Лучину по своему географическому расположению, так как она находится в 250 км к западу от трассы смоленско-новгородской дороги. Для того, чтобы таким путем попасть из Новгорода в Смоленск, нужно было бы сделать крюк более, чем в 300 км, причем пришлось бы проезжать через такие известные в то время города, как Псков, Полоцк и Витебск, которые не могли быть не упомянутыми летописцем. Во-вторых, не следует забывать, что Лучин во всех исторических источниках упоминается как древнерусский город[18], чего нельзя сказать о Лудзе, основным населением которой, по крайней мере с 7—8 вв., были латгалы.[19] В-третьих, для того, чтобы идентифицировать Лудзу с Лучином, необходимо преодолеть трудности лингвистического характера, так как в данном случае трудно объяснить трансформацию некоторых звуков топонима *Лудза*, тогда как первые две гипотезы с этого рода препятствием не сталкиваются.

В этой связи естественно возникает вопрос о том, какие названия Лудза имеет в средневековых источниках. Древнейшие источники, в которых фиксируется название Лудзы, относятся к 14—15 вв.[20] Отметим, что уже в то время название этого населенного пункта — *Ludzen* (1434[21] и 1478 гг.[22]) очень близко нынешнему наименованию города. В 1501 году Лудзенский приход упоминается как *carspel tor Ludszen*[23], а несколькими годами позднее — как *Luddesen*[24]. Хроника Реннера[25] в середине 16 века называет Лудзенский замок *Ludsen* или *Ludsehn*. Более заметные изменения в названии Лудзы произошли, по-видимому, тогда, когда замок попал под власть Польши. Польская ревизия 1599 года[26] называет укрепление *Zamek Lucyn*, а озеро — *jezior Lucen*. Фактически же в названии Лудзы никаких перемен не произошло, просто польская администрация употребляла название, встречающееся в документах, составленных на латинском языке: *Lucinum*[27] (1606 г.), *districtus Lucensis*[28] (1487 г.), хотя в то же время в латинских документах 17 века встречается употреблявшееся на средненижненемецком языке название *Lutcen*[29] или *Ludzen*[30]. Тем не менее, как в польской, так и в более поздней русской литературе

---

[17] Лучин возле Рогачева исследовал в начале 1930-х гг. белорусский археолог А. З. Коваленя. На одном городище обнаружена лепная керамика и обломок синего стеклянного браслета. На другом городище, обнесенном четырьмя валами, найдено шиферное пряслице (А. З. Каваленя, Археолёгічныя разведкі у Магілёускай, Бабруйскай і Менскай акругах. *Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. II. Працы археолёгічнай камісіі, т. II*, Менск 1930, стр. 149—151). Из Лучина возле Рогачева известен клад серебряных денежных гривен киевского типа и еще клад, найденный в ящике и состоящий из серебряных гривен и других украшений (Б. А. Рыбакоў, Радзімічы. *Працы сэкцыі археолёгіі, т. III*, Менск 1932, стр. 113). В 1905 году Е. Р. Романов раскопал несколько курганов большого могильника. Среди вещевого материала имеются браслетообразные завязные височные кольца, свидетельствующие о кривическом населении этого края. За сведения об археологических памятниках Лучина возле Рогачева автор приносит благодарность археологам В. В. Седову (Москва) и Г. В. Штыхову (Минск).

[18] Н. М. Тихомиров, Древнерусские города. Москва 1956, стр. 37, 40. В составленном в 14 веке списке древнерусских городов Лучин упомянут среди киевских городов (Тихомиров, Список русских городов, стр. 219).

[19] Р. Денисова, Новый краниологический материал из могильника латгалов VII—XII веков и некоторые вопросы этнической антропологии восточных латышей. *Известия АН Латвийской ССР, 1964, № 2.*

[20] Древнейшие документы, относящиеся к лудзенскому каменному замку, не сохранились, однако, по мнению историков и архитекторов, его возведение датируется концом 14 либо началом 15 века. W. Neumann, Die Ordensburgen im sog. polnischen Livland. *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. XIV, H. 3*, Riga 1889, стр. 317; A. Tuulse, Die Burgen in Estland und Lettland, *ÕES Toim. XXXIII*, Dorpat 1942, стр. 91. Годом строительства замка упоминается 1399 год.

[21] LUB VIII, 746.

[22] GU I, 528. Аналогично обозначается также название Лудзенского округа (415, 574).

[23] LUB (2), 19.

[24] LUB (2), 443.

[25] J. Renner, Livländische Historien 1556—1561. Hrsg. von P. Karstedt, Lübeck 1953, стр. 36, 38 и др.

[26] J. Jakubowski, J. Kordzikowski, Polska XVI wieku. Inflanty. Warszawa 1915, стр. 4.

[27] W. Mannhardt, Letto-Preussische Götterlehre. *Magazin der Lettisch-Literärischen Gesellschaft XXI*, Riga 1936, стр. 441—445.

[28] GU I, 574.

[29] Latvijas ēvstures avoti, III sēj., 2. dala, Rīgā 1941, стр. 292.

[30] Mannhardt, стр. 451.

Лудза называется только *Lucin* (*Люцин*) [31] (*miast Lucyn, jezior lucińckie, jezior Luža*). Можно полагать, что название *Люцин* в русском языке происходит от польского *Lucin*. Однако никогда ни в польском, ни в русском варианте для обозначения города Лудза не встречается слово *Лучин*. В то же время местное население на латышском языке называет себя *ludzuoniši* [32], а город — *Ludza*.

Оказывается, что название *Лудза* популярно в Восточной Латвии и встречается также в других местах — всего в 15 географических пунктах [33] — в различных вариантах. Происхождение этого названия в каждом из упомянутых случаев требует, разумеется, специальных изысканий.[34]

Таким образом, на нынешнем уровне исследований нет никаких оснований для идентификации упоминаемого в источниках второй половины 12 века Лучина с городом Лудза. Лудза имеет свою, безусловно яркую историю, которая, судя по выдающимся находкам на Одукалнсе, на несколько столетий древнее вторжения немецких крестоносцев и возведения каменного замка. Однако вследствие своеобразных исторических и политических условий Лудза, как и многие другие города и населенные пункты Латвии, впервые упоминается в письменных источниках сравнительно поздно, лишь на рубеже 14—15 вв.

[31] G. Manteuffel, Lucyn w Inflantach. Krakow 1884, стр. 6.

[32] A. Kivrāne, Zvirgzdines pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti X*, Rīgā 1930, стр. 23, 33.

[33] J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, I d., 2. sēj. Rīgā 1961, стр. 343—344.

[34] По крайней мере некоторые из них могли быть древними топонимами. Например, в Трикатском округе в 1690 году (GU I, стр. 515) отмечена Лудзенская волость (*Wacke zu Ludszen*).

KAS MAINITAKSE LUDZA LINNA 12. SAJANDI KIRJALIKES ALLIKATES?

Ē. Mugurevičs

Lühikokkuvõte

Artiklis käsitletakse üht Ida-Läti ajaloolise geograafia probleemi, nimelt küsimust, kas 12. sajandi teise poole muistse Vene kirjalikes allikates on mainitud Ludza linna. N. Karamzini hüpoteesi (1816. aastast) järgides kinnitatakse mõnikord läti ajaloo-alases kirjanduses, et muistne Ludza on identne Ipatjevi leetopissis 1173. aastal mainitud Lutšini linnaga. Arvestades kirjalikke ajalooallikaid, toponüümika, keeleteaduse ja arheoloogia andmeid, jõuab autor järeldusele, et Lutšini linna selline lokaliseerimine on teaduslikult põhjendamatu. Seda kinnitavad järgmised tõsiasjad: a) Lutšini ja Ludza asukoha geograafiline erinevus; b) Ludza ei olnud vana-vene, vaid latgalite asula; c) toponüümid *Ludza* ja *Лучин* on lingvistiliselt erinevad; d) Lutšini linn asus kas Belõi lähedal Jelša jõe kaldal (on olemas vastav toponüüm, koht vastab muistse Lutšini geograafilisele asendile) või Dnepri kaldal Rogatšovist lõuna pool (on olemas vastav toponüüm ja selle perioodi arheoloogilised muistised).

WIRD DIE STADT LUDZA IN DEN GESCHICHTSQUELLEN DES 12. JHS. ERWÄHNT?

Ē. Mugurevičs

Zusammenfassung

Im Artikel wird ein Problem der historischen Geographie des östlichen Lettlands erörtert — nämlich die Frage, ob die Stadt Ludza in den altrussischen Geschichtsquellen der zweiten Hälfte des 12. Jhs. erwähnt wird. Im Anschluss an eine von N. Karamsin (1816) geäusserte Hypothese wird in der lettischen historischen Literatur manchmal behauptet, dass die in der Ipatjew-Chronik vom J. 1173 genannte Stadt Lutschin mit dem alten Ludza zu identifizieren sei. Sich auf die Angaben schriftlicher historischer Quellen, auf die Toponymik und Sprachkunde stützend und das archäologische Material beachtend kommt Verf. zum Schluss, dass eine solche Lokalisierung der Stadt Lutschin jeglicher wissenschaftlicher Begründung entbehrt. Die wichtigsten Argumente des Verf. sind die folgenden: 1) die geographische Lage von Lutschin und Ludza stimmt nicht überein; 2) Ludza war keine altrussische, sondern eine lettgallische Siedlung; 3) die Toponyme *Ludza* und *Лучин* sind in linguistischer Hinsicht recht verschieden; 4) die Stadt Lutschin befand sich entweder am Fluss Jelscha westlich von der Stadt Belyi (im Smolensker Gebiet), wo es einen entsprechenden Ortsnamen gibt und die geographische Lage des diesbezüglichen Ortes der des alten Lutschin entspricht, oder am Dneprufer, südlich von Rogatschew, wo es ebenfalls einen entsprechenden Ortsnamen und viele archäologische Denkmäler aus der in Frage kommenden Periode gibt.

ДРЕВНЕЙШАЯ ПРЯЖА В ЛИТВЕ

Римуте Римантене

Очень редко представляются такие благоприятные условия для сохранения органических остатков, как в неолитических стоянках Швянтойи Кретингского района. Здесь группа стоянок была расположена у бывших приморских озер. Они были обитаемы лишь в периоды сухого климата между литориновыми трансгрессиями. Весь участок, занятый стоянками, был окончательно заболочен в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Стоянки были обнаружены во время мелиоративных работ, а с 1966 года началось их археологическое исследование.

В ходе раскопок, кроме многочисленных хорошо сохранившихся керамических, кремневых, костяных, янтарных и деревянных изделий, чрезвычайный интерес возбудили остатки древней пряжи, большинство из которых было обнаружено в раскопе № 2 и некоторые — в раскопе № 1, вскрытых уже в 1967 году. Раскопки продолжаются.

Поверхность раскопа № 2 была покрыта торфом и ничем не отличалась от окружающей местности. При мелиоративных работах этот участок был пересечен открытой мелиорационной канавой глубиной 2 м, на стенах которой хорошо выделялась перешейка бывших озер шириной 74 м. В разрезе обнаружились следующие слои: поверхность была покрыта слоем торфа мощностью 45—50 см. Под ним залегал тонкий слой (5—10 см) коричневой глины, который характеризовался отдельными черепками шнуровой керамики позднего неолита. За ним следовал слой торфа толщиной 10—25 см, а затем — слой зеленого сапропеля. В сапропеле на глубине 100—110 см, т. е. на глубине 180—200 см от поверхности земли, залегал культурный слой, восходящий к раннему неолиту.[1]

Раскоп № 1 был проведен на расстоянии приблизительно 100 м от раскопа № 2. В нем наблюдались такие же слои. Нижний культурный слой здесь также образовался из отбросов, попавших в озеро, или во время трансгрессий, размывавших разрушенную стоянку, находившуюся на берегу озера. Не исключена возможность, что обе открытые площадки принадлежали одной и той же стоянке, расположенной на береговом мысу.

В раскопе № 2 среди многочисленных костей и чешуй рыб, нескольких костей диких животных найдено и много керамики, принадлежащей нарво-неманской культуре.

---

[1] Датировка (4400±90 от наших дней) этого же культурного слоя из раскопа № 1 была произведена в лаборатории геобиохимии Института зоологии и ботаники АН Эстонской ССР.

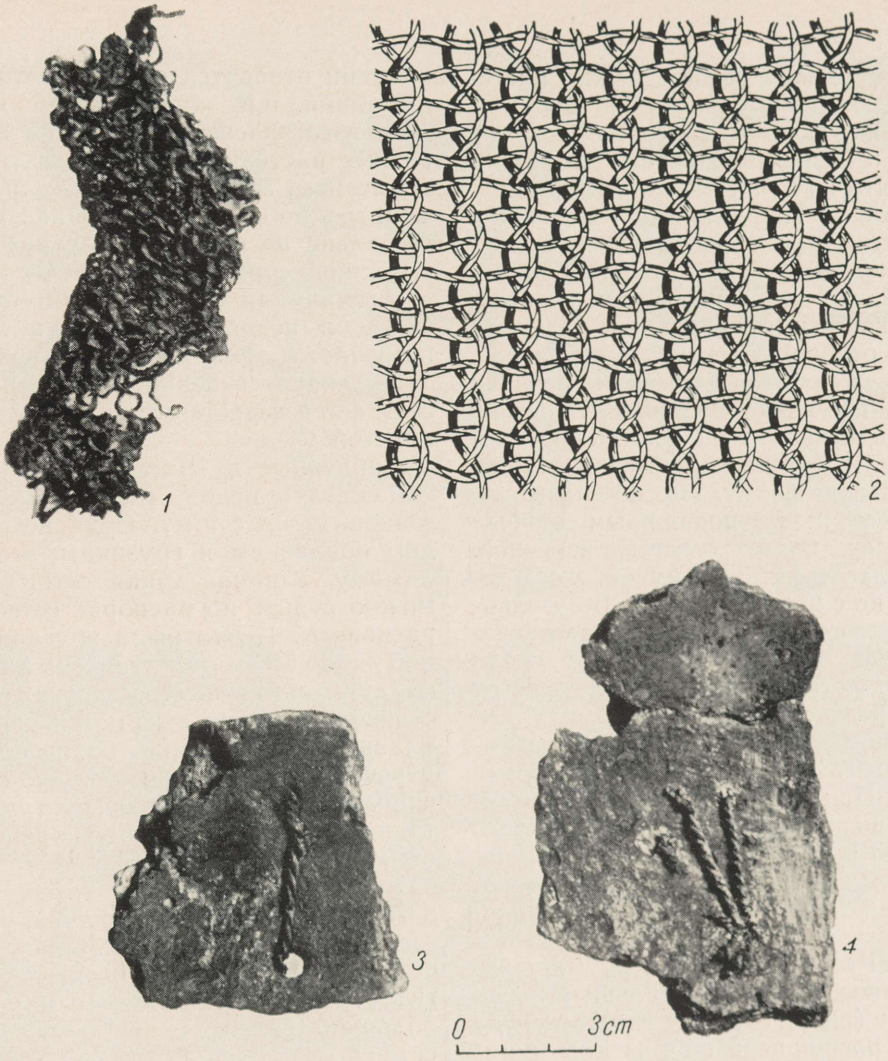

Рис. 1. Поселение Швянтойи. 1 — кусок ткани и 2 — схема ее; 3, 4 — починка веревкой лопнувших горшков.

Самыми интересными находками были разнообразные изделия из веревок. Все они залегали в насыщенном водой слое сапропеля, благодаря чему сохранились довольно хорошо. Но извлечь их как обычные археологические находки оказалось невозможным, так как они были мягче сапропеля. Заметив маленький кусок веревки, приходилось вынимать большие куски сапропеля и тут же мыть их в ванночке. Размытый кусок ткани, сети или веревки дезинфицировали раствором фенола, обертывали марлей и укладывали в полиэтиленовые мешочки для дальнейшей консервации.

При микроскопическом анализе веревок [2] выяснилось, что все они были изготовлены из очень тонко обработанного лыка липы. Витые веревки состояли из двух прядей.

Материалы из Швянтойи показали все разнообразие использования пряжи рыбаками неолита.

Уникальной находкой явился маленький кусок ткани, длиной 6 см и шириной 2,5 см (рис. 1 : 1, 2). С помощью лупы, увеличивающей предметы в 8 раз, удалось установить способ его изготовления. Основа ткани была заложена на дощечках с двумя отверстиями. При повороте дощечки образовался зев для утка. Подобная вышеописанной техника была известна в Литве еще в недалеком прошлом и применялась, главным образом, для изготовления мужских поясов и вожжей. Она обычно носила название витья (*vijimas*), и ее можно

[2] Анализы были сделаны канд. биол. наук Е. Шимкунайте в Вильнюсе.

считать промежуточным звеном между плетением и ткачеством.

Разумеется, по одному маленькому куску трудно судить о назначении ткани. Несомненно только то, что он относился к одежде.

Все остальные куски сделаны из веревок и являются фрагментами сетей, которых в раскопе № 2 обнаружено 6 экземпляров; кроме того, были найдены отдельные куски веревок, из которых некоторые происходят из раскопа № 1. Все сети отличаются друг от друга.

Одна сеть была сплетена из невитых веревок без узлов, с помощью подвижных петель (рис 2 : 2). Найденный кусок так сильно поврежден по краям, что невозможно определить его первоначальную форму. Но, по-видимому, чтобы сделать его менее подвижным, он был кругом скреплен более толстой веревкой. Можно предполагать, что мы имеем здесь дело с сачком, а не с большой сетью. Безузелковые сети редко встречаются в археологическом материале. Даже в Швейцарии среди многочисленных остатков неолитических сетей они являются редкостью.[3]

Все остальные сети из Швянтойи (6 экземпляров) были изготовлены из двух пряденых витых веревок. При плетении сетей применялся рыбацкий (шкотовый) узел, который употребляется и до настоящего времени. По уцелевшим кромкам сетей видно, что способ изготовления их был такой же, как и теперь: плетение начиналось от угла, образуя по краям двойные петли. Расстояние между двумя узлами неравномерное. Довольно большой кусок уцелевшей сети (рис. 2 : 1) был изготовлен из очень тонкой и ровной веревки с ячейками шириной в 2 см. Найдена также сеть из такой же тонкой веревки, но с ячейками в 6 см. Большинство же сетей с крупными ячейками было изготовлено из более толстых веревок (толщиной около 0,5—0,7 см). Интересно отметить, что рядом с одной такой крупноячейной сетью был обнаружен фрагмент костяного продолговатого предмета с дыркой, в которой сохранился кусок такой же веревки.

Сети из диких волокон, скрепленных обычными рыбацкими узлами, характерны для Северной Европы периода мезолита — начала неолита. Самые ранние остатки сетей известны из Корпилахти (Антреа).[4] К более позднему времени относятся остатки сети из Сийвертси в Эстонии[5] и из торфяника Вис 1, Коми АССР.[6] Для изготовления этих сетей использовались разные растения. В Корпилахти это были волокна ивы, а в Сийвертси — лык липы, как и в Литве, но сеть из торфяника Вис 1 была изготовлена из веревок, сделанных из крученых корешков и листьев осоки.

Упомянутый северный тип сети с рыбацким узлом в позднем неолите в Швейцарии не встречается. Там уже в это время употреблялась льняная веревка. В материалах швейцарских сетей известен лишь довольно подвижной простой узел.[7]

Найденные в Швянтойи куски сетей были так скатаны водой, что невозможно было восстановить их форму. Судя по найденным рядом поплавкам и грузикам, это была, по-видимому, длинная узкая сеть. О ширине сети можно судить по распорке сетей, найденной в раскопе № 1. Это была круглая палочка длиной около 70 см с мачужками на концах. Такие орудия, найденные в других торфяниковых стоянках, обычно считаются распорками.[8] Поплавки изготовлялись из сосновой коры или дерева и были трапециевидной или округлой формы, а грузики — обычно почти необработанные камни, привязанные веревкой или простым лыком.

Кроме обыкновенных сетей, была найдена и часть сачка, т. е. кусок луки, уцелевшей вместе с остатками приплетенной к ней тонкой сети. Части лук сачков известны и из других торфяниковых стоянок каменного века, в большинстве случаев они сохранились без сетей.[9]

Веревками был скреплен и какой-то сильно поврежденный предмет из бересты. Вероятно, это была сумка. Куски берестяных сумок известны и из других торфяниковых стоянок каменного века.[10]

Лык липы или веревка, сделанная из него, употреблялись при изготовлении вершей, несколько кусков которых было найдено в раскопах № 1 и № 2 в Швянтойи. Все они изго-

---

[3] E. Vogt, Geflechte und Gewebe der Steinzeit. Basel 1937, стр. 35.

[4] S. Pälsi, Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg. *SMYA XXVIII:2*, Helsinki 1920, стр. 3—19; A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. *AA XXI*, København 1950, стр. 6.

[5] R. Indreko, Die mittlere Steinzeit in Estland. *Handlingar 66*, Stockholm 1948, стр. 325.

[6] Г. М. Буров, Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. *СА 1966*, № 1, стр. 162—163.

[7] H. Reinerth, Die jüngere Steinzeit der Schweiz. Leipzig 1926, рис. 39:13, 14; Vogt, стр. 35.

[8] В. М. Раушенбах, Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды *ГИМ 29*, Москва 1956, рис. 10 : 10, стр. 33.

[9] Буров, стр. 161—162.

[10] Раушенбах, рис. 8 : 9, стр. 24.

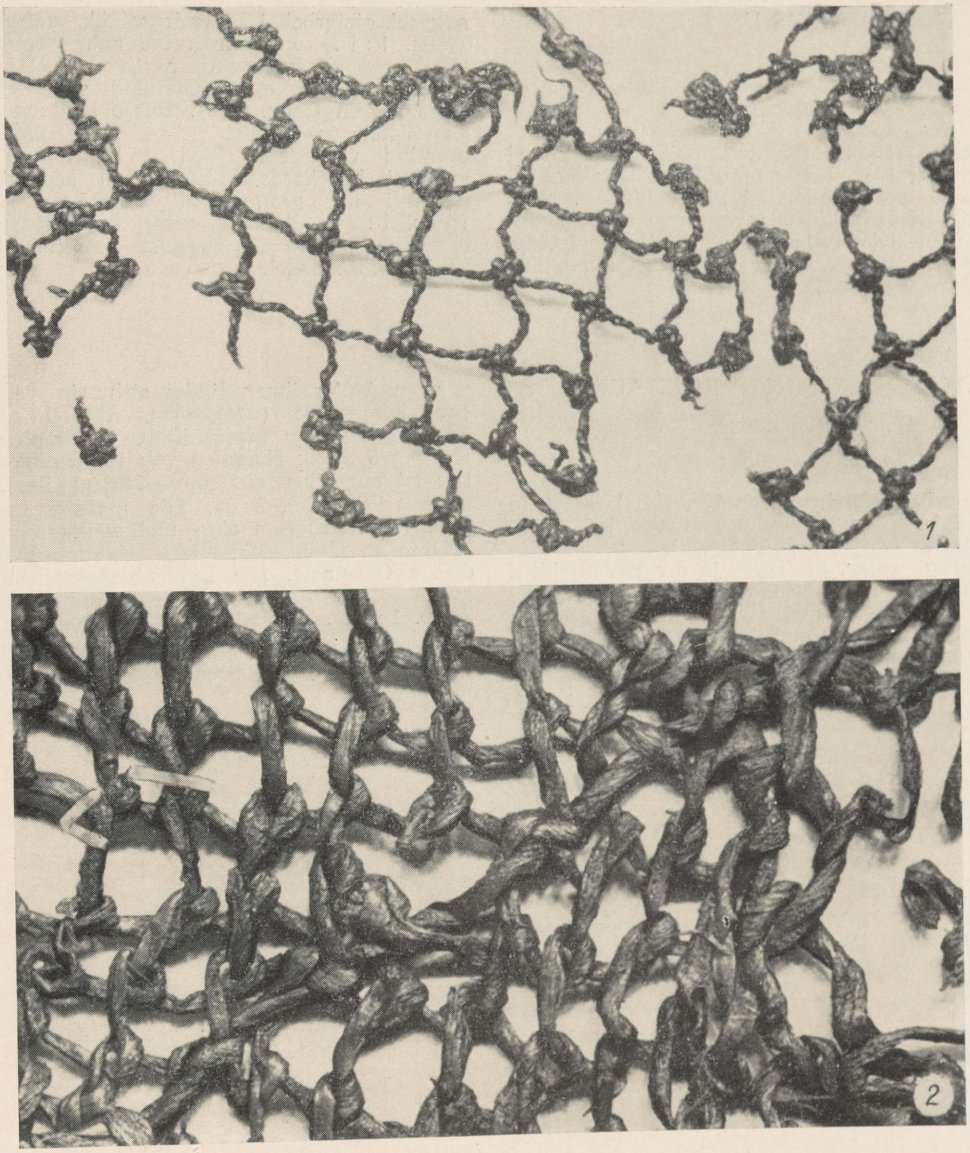

Рис. 2. Поселение Швянтойи. 1 — узелковая мелкоячейная сеть; 2 — безузелковая сеть.

товлены из узких плоских лучин, связанных веревками. Одно уцелевшее днище от верши диаметром 10 см состоит из узких дощечек, перевитых веревкой. Такой же веревкой оно прикреплялось к стенкам верши.

О разнообразии применения веревок из лыка свидетельствует и керамика. В раскопе № 2 был найден фрагмент тулова большого лопнувшего горшка. По обоим краям трещины были высверлены дырочки и части скреплены несколько раз обмотанной веревкой с узлами. Такие черепки найдены и в раскопе № 1 (рис. 1: 3, 4).

Узел или перевитый шнур не случайно является главным мотивом орнамента керамики швянтойских стоянок. Появление этого орнамента несомненно связано с рыбной ловлей, как основным источником пропитания.

Таким образом, эти пока редкие находки помогают нам открыть страничку быта жителей раннего неолита, который может быть восстановлен только по фрагментам.

VANIM KEDRUS LEEDUS

Rimutė Rimantienė

Lühikokkuvõte

Leedu loodeosas Šventoji turbarabas paiknevast kahest kiviaja asulast leiti 1967. aastal mitu fragmenti vanimat kedrust, mis kõik olid valmistatud niinekiududest. Need lebasid kunagise järve põhjakihis koos puust kalapüügiriistade, luu- ja tulekiviesemete ning Narva-Neemeni tüüpi varaneoliitilise keraamikaga. Kedrust on kasutatud mitmesugusel otstarbel. Üks kedrusetükk suurusega 6×2,5 cm (joon. 1 : 1,2) on valmistatud kahe auguga kõlade abil. Ülejäänud 6 fragmenti pärinevad kalapüügivõrkudest. Ainult üks neist on valmistatud sõlmedeta ja keerutamata niinest (joon. 2 : 2). Teised kuuluvad kitsa- ja laiasilmalistele (läbimõõt 2—6 cm) kalamehesõlmedega punutud võrkudele (joon. 2 : 1), mille valmistamiseks kasutati kahekordselt keerutatud kedrust. Niinekedrust kasutati ka pragunenud savinõude kokkusidumiseks (joon. 1 : 3,4). Leiud Šventoji turbarabast on võimaldanud heita mõneti uut valgust neoliitikumi kalurite eluviisile Baltimaadel.

DIE ÄLTESTEN GESPINSTE IN LITAUEN

Rimutė Rimantienė

Zusammenfassung

Auf den steinzeitlichen Wohnplätzen No. No. 1 und 2 im Torfmoor bei Šventoji in NW-litauen wurden 1967 mehrere Stücke ältester Gespinste gefunden, die alle aus Lindenbast angefertigt waren. Sie lagen in der Bodenschicht des ehemaligen Sees, zusammen mit hölzernen Fischereigeräten, Knochen- und Feuersteinwerkzeugen sowie frühneolithischer Keramik von Narva—Nemen-Typus. Die Gespinste sind zu allerhand Zwecken gebraucht worden. Unter ihnen findet sich ein vereinzeltes Stück Brettchengewebe (6×2,5 cm, Abb. 1 : 1,2), zu dessen Anfertigung man zweilöcherige Brettchen benutzte. Die übrigen 6 Stück stammen von Fischereigeräten. Von diesen ist nur eins aus ungedrehtem Bast, ohne Knoten angefertigt (Abb. 2 : 2). Die übrigen, in Fischerknoten geflochten, gehörten eng- und weitmaschigen (2—6 cm) Netzen an (Abb. 2:1). Hierzu benutzte man zweifach gedrehte Gespinste. Die Lindenbastgespinste wurden auch zur Wiederherstellung gesprungener Gefässe verwendet (Abb. 1 : 3,4). Somit haben die Funde vom Šventoji-Moor manche neue Einsicht in die Lebensweise der neolithischen Fischer der Baltischen Länder gebracht.

PADISE VANALINNA MÄGI

O. Saadre

Harju rajooni Padise külanõukogu territooriumil asuv linnamägi on kuulunud meie selliste linnuste hulka, mille täpsem vanus on määramata. H. Moora artiklis «Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s»[1] oli ta tinglikult arvatud «üksikute ülikate kantside» rühma 11.—13. sajandist. 1963. ja 1964. aastal oli linnuse uurimine Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituudi arheoloogia ja etnograafia sektori tööplaanis. Kaevamiste läbiviimine usaldati autorile.[2]

Padise linnamägi, rahvapärimustes Vanalinna mägi[3], ka Vana linnamägi[4], asub Padise kloostri varemeist ligikaudu 1 km lõunas Siimika[5]—Ossa—Kloostri—Padise jõe käärus, kus jõgi pika aja jooksul on läbi uuristanud kvaternaarseid liivasid ja moodustanud neemiku[6], millele linnus oligi rajatud (joon. 1). Neemik on oma kitsamas osas läbi lõigatud põhja—lõuna suunas kulgeva kaarja valliga (joon. 2) ja madala kraaviga. Valli kõrgus kraavi põhjast arvates on 4,4 m, kalle 13°.[7] Valli lõunapoolne ots on madalam, üle selle läheb tee linnamäele. Tõenäoliselt kulges see sealt ka muiste. Neemiku pind on lauskjalt lääne ja loode poole laskuva trapetsi kujuline, üldpindalaga ca 3350 m² (80 × 42 m). Nõlvad on umbes 14 m kõrgused, nende tõus põhjaküljel on 40°, lääneküljel 36° ja lõunaküljel 28°. Linnamäel kasvanud looduskaitsealune männimets hävis suurelt osalt 1967. a. augustitormis.

Et saada ettekujutust linnuse tekke- ja kasutusajast, kaevati linnamäe valli jalamil (joon. 1, kaevandid A, A_1), vallil (I, J), lõunaäärel (K, K_1, M), läänepoolsel (B, L) ja platool (C, D, E, F, G, H). Kokku kaevati kahel suvel läbi 216 m².

Vallikaevandid. Kaevand A (4×4 m) paiknes vahetult valli õuepoolsel jalamil. Siin võis otse kamara all täheldada vallilt kultuurkihile vajunud liiva, mis ulatus kuni 1,5 m kaugusele kaevandi idaservast. Sealt lääne pool algas vahe-

---

[1] *MAL*, kaart joon. 12, lk. 48.

[2] Kaevamised toimusid mõlema aasta juulis TRÜ üliõpilastest praktikantide osavõtul, kusjuures 1963. aastal abistasid kaevamisi Padise, Risti ja Vasalemma kooli koduloo ringide pioneerid Padise 8-klassilise kooli õpetaja H. Ridbecki organiseerimisel.

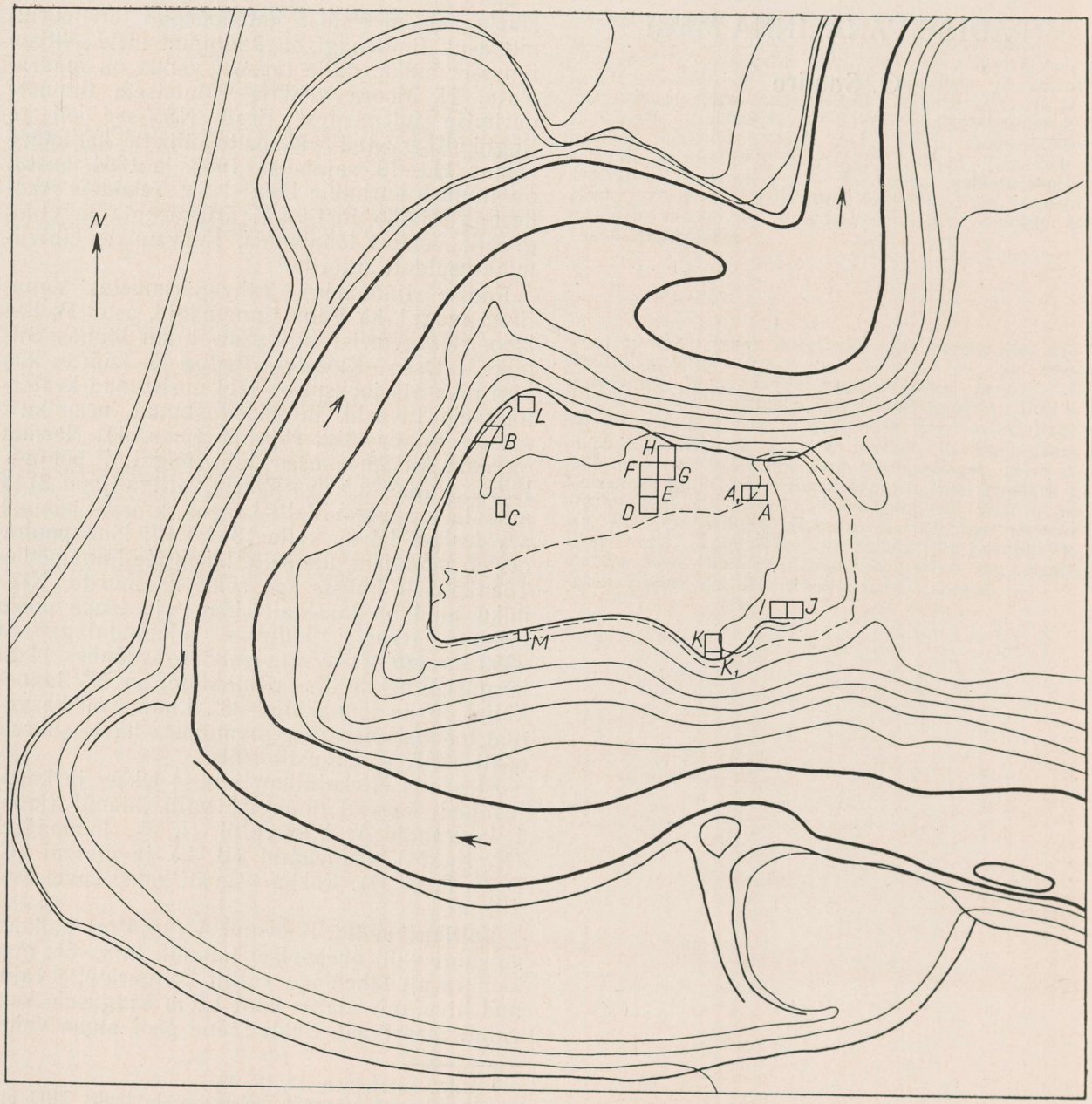
[3] H. Moora koostatud kaardil «Eesti muistse iseseisvuseaja lõpul XIII saj.», Tartu 1936, nr. 16 all.

[4] E. Laid, Eesti muinaslinnad. Tartu 1923, lk. 65. Sealsamas on antud ka linnuse kohta käiv varasem bibliograafia.

[5] *Symike* — vanim teada olev Siimika jõe nimetus (1310. aastast). Vt. P. Johansen, Die Estlandliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen — Reval 1933, lk. 733.

[6] Geoloogiadoktor V. Maasiku andmeil.

[7] Need ja järgnevad andmed pärinevad linnamäe kaevamisaruannetest AI-s.

Joon. 1. Padise Vanalinna mäe plaan. A—C — 1963. a. kaevandid, D—M — 1964. a. kaevandid.

Joon. 2. Linnamäe vall edelast.

tult kamara all kuni 20 cm paksune hallikas söeraasukestega liivakiht, mis ilmselt ulatus ka valli alla.[8] Selles kihis leidus hulk kive, mis kaevandi kagunurgas moodustasid nagu mingi leeaseme. Kivid olid põlenud, rabedad ja nende vahel umbes 40-sentimeetrises sõõris leidus väga peenikesi söetükikesi. Kaevandi läänepoolses pikenduses — A_1 — oli söeraase vähem. Söeseguse kihi all oli heledam liiv, mis lainjalt läks üle roostekarva tihedaks liivaks. Leide kaevandis ei olnud.

Kaevandites I ja J, mis paiknesid valli lõunaotsal, üle valli kulgeva tee kohal, ei olnud samuti leide. Liiv oli aga mitmes kohas vöötidena söeraasukestega segatud, sealsamas esines söestunud palgijäänuseid. Kaevandi J põhjaseinas oli neli sellist vööti (joon. 3). Tugevasti söestunud tukijäänuseid tuli ette valli harjast 3 m sügavusel. Sellest kaevandist 2,6 m sügavuselt võetud söeproov dateeriti Eesti NSV Teaduste Akadeemia Zooloogia ja Botaanika Instituudi geobiokeemia laboratooriumis keemiakandidaat A. Liiva poolt 780±100 aasta vanuseks ja võib seega pärineda 11. sajandi lõpust kuni 13. sajandini.[9]

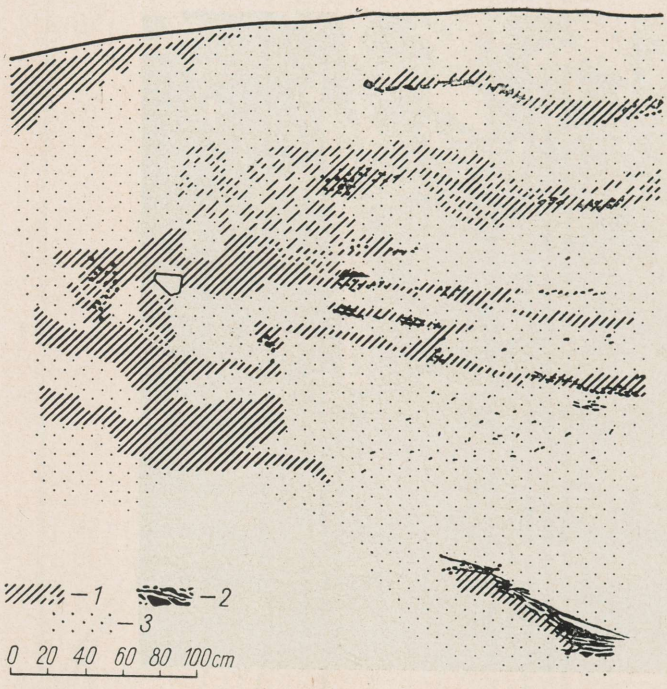
Lõunaääre kaevandid K, K_1, M. Kaevandis K hakkas vahetult kamara all esinema hallikas söeraasudega liiv, mille paksus oli ca 20 cm. 15—20 cm sügavuses leiti kaevandi põhjaääre lähedal kolm võrdlemisi lähestikku paiknevat pesakonda savinõukilde, kokku 72 väiksemat tükki (joon. 4). Savinõud olid valmistatud tihedast peene liiva ja kivipurruga segatud savist, nad olid ühtlase põletuse, pruunika värvuse ning siledate pindadega. Kaks servatükikest meenutavad väga Virunuka tarandkalmest leitud siledapinnalist keraamikat.[10] Kaevandi lääneosas leiti ca 35 cm sügavusel 21-sentimeetrise läbimõõduga postiauk, mille ümber olid kinnituskivid, ja kaevandi pikenduses K_1 — kaks katlakujulist süvendit, mille läbimõõt ülal oli 70 cm, sügavus aga kuni 60 cm. Nendes oli rohkesti söepuru sisaldavat tumehalli liiva.

Kaevandis M (2×4 m) oli õhukese kamara all 18—20 cm paksune hallikas söeraasudega ja mõne suurema söetükiga liiv, selle all ca 20 cm paksune lainjas kiht heledamat liiva, millele

[8] Seda tõendas ka geoloog V. Maasiku tehtud proovipuurimine vallil kaevandi A kohal. Tume huumusekiht söeraasudega oli 3,25—3,5 m sügavusel. Sügavamal oli puhas pestud jõeliiv.

[9] Dateerimiskaart TA-217.

[10] S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. *TA Toim. 1965, nr. 3,* tahv. VIII:1, lk. 345.

Joon. 3. Kaevandi J põhjaseina profiil. 1 — tuhasegune liiv, 2 — söestunud palgid ja söetükid, 3 — kollane liiv.

järgnes tihe roostepruunide laikudega liiv. Leide ei olnud.

Lääneääre kaevandid B ja L. Kaevandi B lääneosas oli otse kamara all hele puhas liiv, mis ulatus ligemale poolde kaevandisse. Ida pool muutus liiv tumedamaks ja kaevandi idaääres leidus väiksemaid raudkive, mis kõik olid tules olnud (joon. 5). Kivilasu paksus oli ca 30 cm. Heleda liiva eemaldamisel tulid nähtavale põlenud palkide jäänused, mis asetsesid põhja—lõuna suunas; oli ka üksikuid püsti asetsevaid tukke.

Heleda liivaga kaetud tukid ja põlenud kivid meenutavad samasuguseid jäänuseid Peedu linnuse kirdeotsal ja Lõhavere linnusel.[11] Ilmselt oli siin olnud mingi puitvarjualune, mille katusel asusid kivid. Varjualuse läänepoolse seina vastu oli kuhjatud vall. Puitehituse kokkuvarisemise järel veeresid kivid eemale, tukid kattis aga seinatagune hele liiv. Kaevandis polnud ühtki leidu, küll aga selgus, et tuli oli siin kunagi väga tugevalt lõõmanud, sest kogu liiv tukkide all oli punaseks põlenud.

Kaevandis L jätkusid puitseina jäänused. Juba 30 cm sügavusel tuli kaevandi loodenurgas välja hulgaliselt sütt, sellest edelas põlenud kive kuni 100 cm sügavuseni. 70 cm sügavusel paljanesid mingi puitkonstruktsiooni nurk ja postiaugu äärekivid (joon. 6). Siit ca 40 cm sügavuselt võetud söestunud puidu dateering C^{14} järgi andis tulemuseks 1240±70 aastat.[12] Seega võib puit olla pärit 7. sajandi keskelt kuni 8. sajandi lõpuni. Ainsate leidudena saadi pronksist ehtenõela jala katkend ja ebamäärase vanusega tuleraud (?).

Võib arvata, et ka linnamäe lõuna- ja põhjaäärt on kunagi piiranud vall.[13] Kultuurkiht on aga linnamäe servadelt aegade jooksul maha varisenud. Kohalike elanike teateil on eriti varisenud ja variseb edasi põhjapoolne nõlv, kus muide ka kaevamiste ajal võis näha varisenud liivakihte, milles esines tuha- ja söeviirge.

Linnuse platoo. Kaevandid D, E, F, G ja H asetsesid platoo põhjaosas. Nende iseloom oli igal pool ühesugune: 5—10 cm paksune mullakiht, selle all pisut heledam liiv ja siis 20—25 cm paksune söeraasude ning põlenud kividega liivakiht hallika kuni mustjashalli värvusega. Selle all taas hele liiv ja lõpuks jälle roostekarva tihe liiv. Kultuurkihis ei olnud leide peale ühe ebamäärase lameda nooleotsa. Kuni 30-cm läbimõõduga põlenud raudkivid asusid hajali.

Kaevandis C oli murukamara all heledas liivas vaid mõningaid raudkive, söesegust kihti ei olnud, samuti puudusid leiud.

Nagu eelnevast selgub, ei saadud kaevamistel linnust dateerivaid leide. Savinõukillud on vähe iseloomulikud. Ilmselt on nõud käsitsi valmistatud, kuid oma savikoostise, põletuse, sileda pinna ja pruunika värvuse ning kaelaosa kujunduse poolest võiksid nad kuuluda nii I aastatuhande esimesse kui ka teise poolde.[14]

Õuepinna suuruse, õhukese kultuurkihi ja leiuvaesusega sarnaneb linnus väga M. Schmiedehelmi kaevatud Koila linnusega[15], kuid Padise linnamäe C^{14} proovid dateerivad linnuse palju hilisemasse aega (7.—13. sajandisse, kusjuures linnus võis hävida juba 7.—9. sajandi piires).

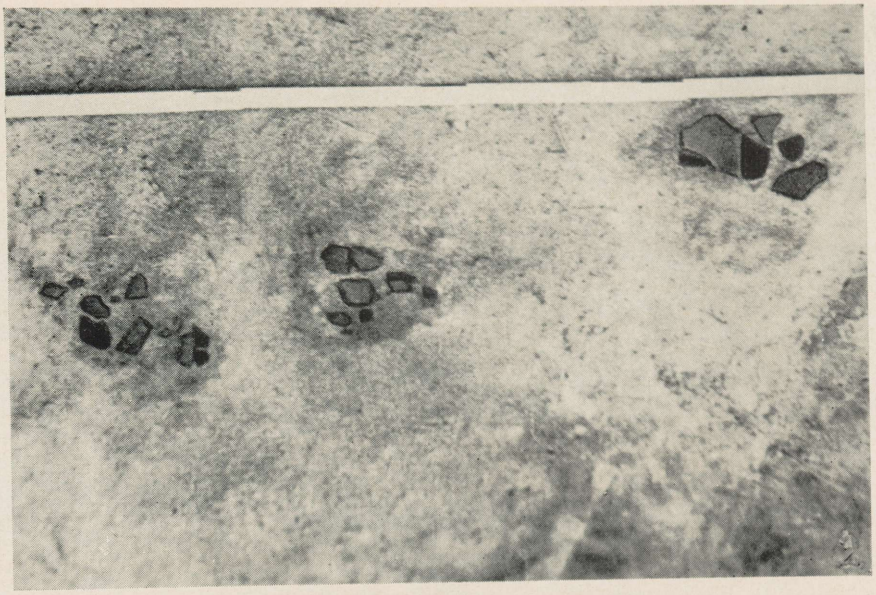
[11] H. Moora, Peedu Kerikmägi. *MEL*, lk. 107—110, tahv. IX; H. Moora ja O. Saadre, Lõhavere linnamägi. *MEL*, lk. 178 jj., tahv. XV.

[12] Dateerimiskaart TA-107.

[13] Eesti NSV Oktoobrirevolutsiooni ja Sotsialistliku Ülesehitustöö Riiklik Keskarhiiv, fond 62:2750, Padise mõisamaade plaanil, valmistatud 1844, on märgitud vall ka linnamäe põhjapoolsele küljele, kus seda praegu enam ei ole. Linnamäge ennast on aga nimetatud *Sure tükki mäggi*.

[14] Laul, lk. 346.

[15] H. Moora, Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s. *MAL*, lk. 47 jj.; Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 166 jj.

Joon. 4. Pesiti asetsevad savinõukillud kaevandis K.

Joon. 5. Kivid ja hele liiv kaevandis B 20 cm sügavusel. Pildistatud põhjast.

Ei ole täpsemalt selgunud ka linnuse otstarve. H. Moora vihjas omal ajal võimalusele, et linnus on kuidagi seotud mere ja mingi sadamakohaga. Käesoleval ajal on Kloostri jõgi liiga madal merele pääsemiseks ja jõe suudme lähedal ei teata olnud ka sadamat.

Kui jälgida seda vihjet ja vaadelda Paldiski lahe rannikut Kurkse ja Madise vahel, nagu see võis olla üle tuhande aasta tagasi, osutub olukord teiseks. Siis ulatus laht Siimika jõe suudme kohal üle kilomeetri maa sisse[16], moodustades läänetuulte eest varjatud lahesopi, suurepärase sadamakoha selleaegseile madala süvisega meresõidukeile. Ka jõgi oli kindlasti

[16] Geoloogiakandidaat H. Kesseli andmeil.

Joon. 6. Puitehitise jäänused ja põlenud kivid kaevandis L 70 cm sügavusel. Pildistatud idast.

veerikkam ja võimaldas paatidega merel käia. Sel ajal oli juba olemas ka praegune Padise kloostrist mööda kulgev maantee [17] ning on väga võimalik, et selles vee- ja maateede ristumiskohas oli mingi kaubavahetuspunkt, mille kaitsefunktsioone täitis linnus. Mingil rüüsteretkel linnus rüüstati või hävitati. Võimalik, et seda vahepeal ei kasutatud, ja alles 13. sajandi alguse sõjakeerises ehitati linnuse idapoolne vall uuesti.

Linnuse enese ja ümbruse edasine asustusajalooline uurimine peaks Padise probleemistikku selgust tooma. Et linnusel aga muistse Rävala lääneosas teatud osa täita oli, kinnitab seegi, et Taani võimud selle ala juba pärast Tallinna vallutamist andsid tsistertslastele [18], kes rajasid oma kloostri 1310. aastal endise linnuse lähedale vee- ja maantee ristumiskohale [19].

[17] Johansen, lk. 240.

[18] Johansen, lk. 88.
[19] Sealsamas, lk. 733.

ГОРОДИЩЕ *ВАНАЛИННА МЯГИ* В ПАДИЗЕ

О. Саадре

Резюме

Городище Падизе (площадью 3350 м²) расположено на северо-западе Эстонии вблизи морского побережья. Оно выстроено на образованном извилиной реки мысу, который с восточной стороны перерезан валом и неглубоким рвом (рис. 1, 2). Раскопками, произведенными в 1963 и 1964 гг. Институтом истории АН ЭССР, были исследованы как вал, так и плато городища (рис. 1, раскопы А-М), всего 216 м². В валу, нанесенном из песка, были обнаружены расположенные поясами остатки обгорелых бревен (рис. 3). Остатки деревянных конструкций (рис. 6) и камни со следами пребывания в огне (рис. 5) имелись также и на западном краю городища. По-видимому, оно в свое время было со всех сторон окружено валом, который потом сполз по крутым склонам. Находок здесь было мало, главным образом черепки керамики (рис. 4), относящиеся, видимо, к I тысячелетию н. э. Возраст обугленных остатков дерева из раскопа L был определен радиокарбонным методом в 1240±70 лет, а из вала (из раскопа J) — в 780±100 лет. Данные раскопок и радиокарбонные датировки свидетельствуют о том, что городище было выстроено во второй половине I тысячелетия для защиты торгового места, расположенного здесь на перекрестке сухопутного и водного путей. Позже оно погибло от пожара, но по крайней мере восточный вал его был снова возведен в 12—13 вв.

DER BURGBERG *VANALINNA MÄGI* IN PADISE

O. Saadre

Zusammenfassung

Der Burgberg Padise (Fläche 3350 m²) liegt im nordwestlichen Estland unweit der Meeresküste, auf einer durch eine Flusskrümmung gebildeten Landzunge, die im Osten von einem Wall und einem seichten Graben durchschnitten wird (Abb. 1, 2). Die 1963 und 1964 vom Institut für Geschichtsforschung der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR ausgeführten Grabungen betrafen sowohl den Wall als auch den Hof des Burgberges und umfassten 216 m² (Abb. 1, Grabungstellen A-M). In dem aus Sand aufgeschichteten Wall fanden sich Schichten verkohlter Balken (Abb. 3). Reste von Holzkonstruktionen (Abb. 6) und Steine mit Brandspuren (Abb. 5) liessen sich auch am westlichen Rande der Burg feststellen. Scheinbar ist die Burg vormals rundherum von einem Wall umgeben gewesen, der aber mit der Zeit den steilen Abhang entlang niedergerutscht ist. Es gab hier nur wenige Funde, vornehmlich Tongefässscherben (Abb. 4), scheinbar aus dem I. Jahrtausend stammend. Das Alter der Holzreste aus Grabungsstelle L ist nach dem Radiokarbonverfahren auf 1240±70 Jahre bestimmt worden, dagegen das Alter einiger Holzproben aus dem Wall (Stelle J) auf 780±100 Jahre. Die Ergebnisse der Ausgrabungen sowie die genannten Daten könnten darauf hinweisen, dass diese Burg in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends zum Schutz eines an der Kreuzung eines Land- und eines Wasserweges befindlichen Handelsplatzes angelegt worden ist. Später ist sie durch eine Feuersbrunst vernichtet worden, jedoch hat man im 12.—13. Jh. zum mindesten den östlichen Wall von neuem errichtet.

ASUSTUSEST JA ETNILISTEST OLUDEST KAGU-EESTIS I AASTATUHANDEL

M. Schmiedehelm ja S. Laul

Kagu-Eesti I aastatuhande muistiseid oli seniajani uuritud suhteliselt vähe. Viimastel aastatel on saadud uut materjali eeskätt kalmete kaevamisega, mis lubab mõnevõrra selgitada ka selle piirkonna asustuse kujunemist. Erilist huvi pakub Kagu-Eesti idapoolne ääreosa, sest siin esineb kaht täiesti erinevat liiki kalmeid — tarandkalmeid ja kääpaid, mida peetakse kuulunuks kahele erinevale etnilisele rühmale.[1] Nimetatud piirkonda asustades on need rühmad siin omavahel kokku puutudes teineteist tugevasti mõjustanud.

Nagu kalmete levikukaardilt näha (tahv. I), asetsevad tarandkalmed Kagu-Eesti lääne- ja keskosas. Idapoolsetele aladele ilmusid aastatuhande keskpaiku uue muististeliigina kääpad. Kääbaste levikuala lääneserv puutub kohati kokku tarandkalmete piirkonnaga. Kaevamisi teostatigi eeskätt just nendes kohtades, kus tarandkalme ja kääpad asetsesid samas kalmistus. Sellised kalmeterühmad on teada Ahja jõe paremal kaldal Kõnnu küla juures (Tartu raj.), Ahja jõe vasakul kaldal Leevi ja Karilatsi külas, Kanepi lähedal Leesmeti külas (Põlva raj.) ning Võrust kagu pool Loosil (Võru raj.). Viimastel aastatel kaevati nii kivikalmeid kui ka kääpaid Loosil ja Kõnnus.[2]

Loosi kalmistu, mis asub Võrust 25 km kaugusel, on juba ammust ajast köitnud uurijate ja asjaarmastajate tähelepanu.[3] Siin asuvad koos tarandkalme ja 31 kääbast (joon. 1). Oma ehituselt ei erine Loosi tarandkalme (tahv. II) teistest Kagu-Eesti tarandkalmetest. Kalme idaosas oli kolm üksteise külge ehitatud suurtest raudkividest tarandit. Neid on kalmes olnud rohkem, kuid kalme lääneosas on nad lõhutud, säilinud on ainult väiksemad sisetäidise kivid. Leidude järgi otsustades on kalme lõhutud lääneosa olnud varasem. Siit on leitud 3.—4. sajandisse kuuluvaid teljetoruga kärbissõlgi, samasse aega dateeritavaid pronkshelmeid, luunulakujuline ripats ja ripatshelmes, lamekumera läbilõikega käevõrusid (joon. 2:1—4, 6, 7).[4] 3. sajandisse kuuluva pahksõle katkend[5] on leitud II tarandist. See lubab arvata, et kalme on

---

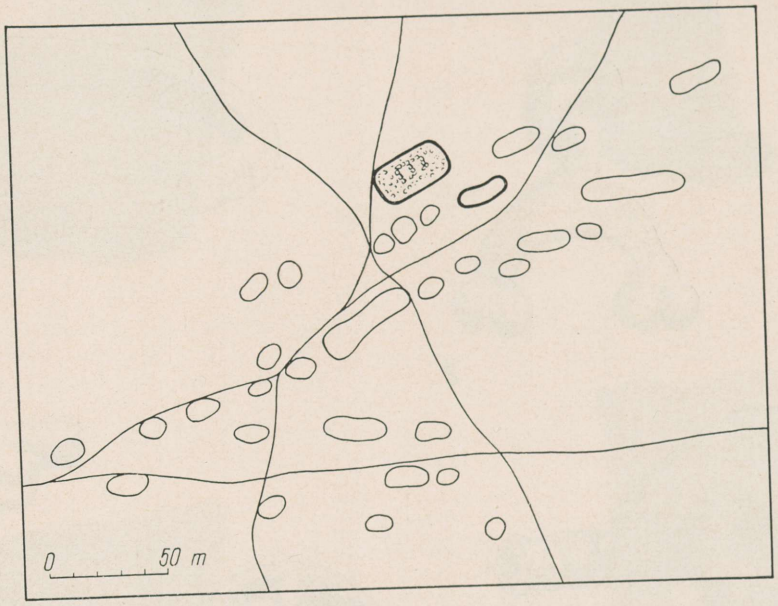
[1] H. Moora, Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. *EA*, lk. 106.

[2] Loosi kalmistut kaevati 1965.—1967. a., Kõnnu kalmistut 1968. ja 1969. a. Kaevamisaruanded ja leiumaterjal säilitatakse AI-s (nr. 4375:1—120; 4376:1—18; 4447:1—29; 4461:1—6).

[3] M. Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*, Tallinn 1965, lk. 19 jj.

[4] Moora, EZL II, lk. 88—91, 250, 422; S. Laul, Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis. *TA Toim. 1965, nr. 3*, lk. 333 jj.

[5] AI 4375:51; Moora, EZL II, lk. 85.

Joon. 1. Loosi kivikalme ja kääbaste asendi skeem. 1965.—1967. aastal kaevatud kalmed piiratud tugevama joonega.

rajatud ja suuremas osas valmis ehitatud 3. sajandi vältel. Hilisem on ainult idapoolne, III tarand, kust saadud leidudest võivad spiraaltorukesed ja pronkshelmes[6] kuuluda 4. sajandisse. Põlenud luude hulk III tarandis näitab aga, et maetud on sellesse rohkesti. Panuste vähenemine matustes on Kagu-Eesti tarandkalmetes üldiselt märgatav 4. sajandi lõpust alates.[7] Seega viitab ka panuste vähesus Loosi kalme idapoolses tarandis selle hilisemale kasutamisajale.

Peale kalme tarandilise osa on matmiseks kasutatud veel äärevaret, mis ümbritseb tarandeid kolmest küljest. Võimalik, et äärevare on olnud ka kalme lõhutud lääneotsas, kuid siin ei saa seda kalme muust osast eraldada. Äärevaret on matmiseks kasutatud juba 3. sajandi lõpul või 4. sajandil. Nii leiti kalme põhjapoolsest äärevarest, I tarandi otsamüüri tagant põlenud luude pesa, mille juures oli nimetatud aega kuuluv peakilpsõlg (joon. 2:4).[8] Enamasti on äärevaresse maetud aga ilma panusteta, mis lubab neid matuseid pidada hilisemateks, kivikalme kasutamise lõpuperioodi kuuluvaiks. Eriti intensiivselt on äärevaret kasutatud kalme kagunurgas, kus kivilade on hõre, ulatudes idapoolseimast tarandist 7 m kaugusele. Põlenud luud asetsesid siin liivas, kive oli paiguti ainult üksikuid.

Analoogiliselt on kalme äärevaret matmiseks kasutatud 5., võimalik, et ka 6. sajandil Virunuka IV kalmes (Võru raj.), kus kalme kagunurgas olnud kivivarest leiti rohkesti luid koos hilise keraamikaga.[9] Näib, et Loosi kalme kagunurk on olnud kasutusel samal ajal, s. o. ajal, mil kalmetesse uusi tarandeid enam ei ehitatud. Matmiseks kasutati veel äärevaresid, mis kujutavad endast korratut kiviladet. Mõnikord rajati küll ka uusi kalmeid, kuid samuti ilma kindla struktuurita.[10]

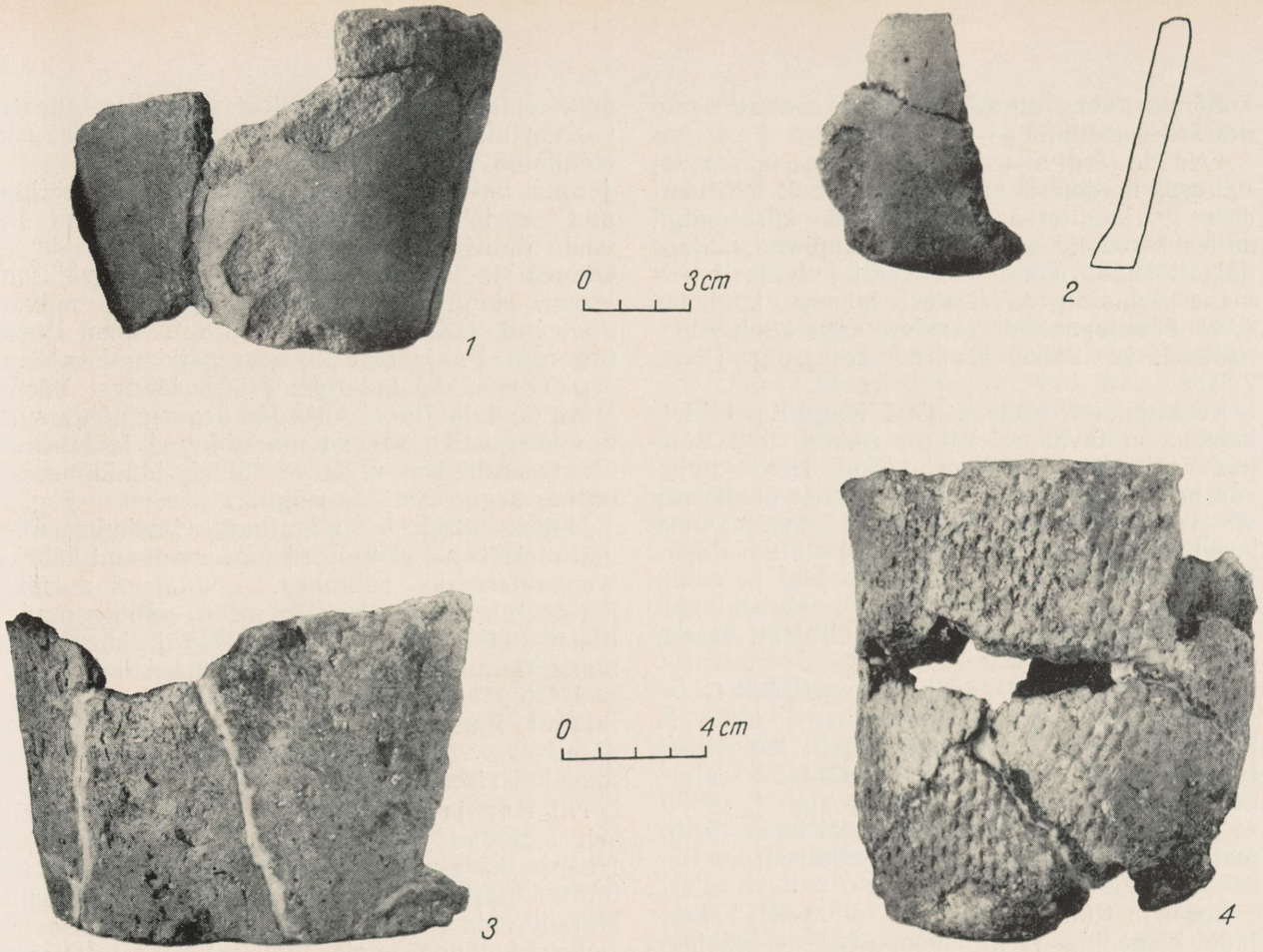
Loosi kalmes ulatusid matused äärevare kividest kaugemalegi, paiknedes mõnekümne sentimeetri sügavusel liivas. Siin ilmneb matmiskombes teatud sarnasus juba I aastatuhande teise poole kääbastega, kus luupesad sageli asuvad samuti kääpakuhjatise liivas.

Leidudest, millest enamik eespool juba nimetatud, oli Loosi kalme vaene. Suhteliselt vähe leiti ka keraamikat. Põhjapoolsest äärevarest leiti tekstiilivajutustega kaetud savinõutükke, mis sarnanevad Kagu-Eesti ja Ida-Läti kivikal-

[6] AI 4375:1, 19, 43.
[7] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 323.
[8] Vrd. Шмидехельм, Археологические памятники, lk. 80.
[9] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 346 jj.
[10] Üheks selliseks kalmeks on M. Auna poolt kirjeldatud Läätsa kivikalme Tartu rajoonis, vt. käesolev kogumik, lk. 57 jj.

Joon. 2. Leide Loosi (1—4, 6, 7) ja Kõnnu (5) kivikalmetest ning Kõnnu kääpast (8). 1 — ripatshelmes, 2 — ripats, 3 — käevõru, 4 — peakilpsõlg, 5 — ketassõlg, 6 — kärbissõlg, 7, 8 — raudpandlad (AI 4375:98, 68, 82, 74; 4447:1; 4375:103, 106; 4461:1).

Joon. 3. Keraamikat Loosi kääpast (1) ja tarandkalmest (2) ning Kõnnu kääpast (3, 4). (AI 4376:1, 9, 10; 4375: 29, 30; 4461:4; 4461:3).

mete alal levinud tekstiilkeraamikaga.[11] Rohkem oli siledaseinaliste nõude kilde, mis on valmistatud peenema kivipurruga savisegust. Nendest üks osa on ebakorrapäraselt ja hooletult silutud pindadega. Sellistel nõudel on olnud veidi vähem või rohkem profileeritud võrik ja kaarjas õlg. Teine osa sama koostisega nõudest on paremini viimistletud, olles pealt tasandatud peaaegu kiilaks (joon. 3:2). Nõude allosad on olnud põhja suunas sirgelt või nõgusalt ahenevad. Võrikuosi pole kahjuks säilinud, kuid ilmselt on need olnud profileeritud nagu teistest Kagu-Eesti tarandkalmetest leitud samasuguse koostise ja allosadega nõudel.[12]

Teine kaevatud kalmistu asub Kõnnu külas, Võnnust 8 km ida pool. Kõnnu kalmistusse kuuluvad tarandkalme ja 8 kääbast.

Kõnnu tarandkalme asub kääbastiku edelaäärel. Kalme pikkus on loode—kagu suunas 35 meetrit, laius 10 meetrit. Tervikuna ei ole kalme läbi kaevatud. Uuritud osas sarnaneb Kõnnu kivikalme oma ehituselt teiste Kagu-Eesti tarandkalmetega (tahv. III). Loodeosas tuli nähtavale kolm üksteise külge liitunud tarandit, mis olid laotud suurtest raudkividest. Nähtavasti on kalme loodeääres olnud veel üks tarand, mis aga on lõhutud. Kaguosas on kalmel olnud samuti tarandiline ehitus, kuid kõik tarandid ei ole säilinud. Ühtekokku võis kalme kaevatud osas täheldada kuut enam-vähem tervet tarandit.

Kõnnu kalmesse oli maetud põletatult. Luud paiknesid tarandimüüridega piiratud alal kivide vahel. Mõnes kohas ulatusid luud, söeterakesed ning tuhk pesana kivide vahelt sügavamale põhjaliiva sisse.

[11] R. Šnore, Izrakumi Saleniekų «Kara kapos» Makašānu pagastā. *Senatne un Māksla 1936, II*, Rīgā 1936, lk. 31, joon. 5:14; lk. 41, joon. 11:5; Э. Шноре, И. Циммерман, Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). *PVF*, lk. 181, joon. 2:12; Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 343.

[12] Tarandkalmetest leitud keraamika liigituse kohta vt. lähemalt Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 342—347.

Kõnnu kalme oli samuti leiuvaene, sarnanedes selles suhtes Loosi kalmega.[13]

Leidude järgi otsustades oli kalme läbikaevatud ossa maetud 3. ja 4. sajandil. Siit leiti nendesse sajanditesse dateeritavaid kärbissõlgi, millest kolm olid teljetoruga eksemplarid, neljandal oli teljetoru asemel lihtsalt pulgake.[14] Viimane kärbissõlg on teistest hilisem, kuuludes 4. või 5. sajandisse.[15] Samasse aega kuulub tõenäoliselt ka väike ažuurne ketassõlg (joon. 2:5).[16]

Keraamikast, mille poolest Kagu-Eesti kivikalmed on tavaliselt kaunis rikkad, leiti Kõnnus vaid mõned väikesed killud. Need kuuluvad helepruunile tasandatud pinnaga nõule, mis on valmistatud kivipurrulisest savist. Oma koostiselt sarnanevad nimetatud killud Kagu-Eesti tarandkalmete koredamat liiki keraamikaga, mis on sageli riibitud või tekstiilijälgedega kaetud, mõnikord aga ka lihtsalt tasandatud pinnaga.[17]

Kalme loodeosast saadi peamiselt 3.—4. sajandi leide. Kaguosas 3. sajandisse kuuluvaid esemeid ei olnud. Siit leitud balti hõimudele iseloomulik ketassõlg võiks kuuluda 4. sajandisse[18], pulgakesega kärbissõlg aga 4. või 5. sajandisse. Peale 5. sajandit katkes Kagu-Eestis matmine tarandkalmetesse, tõenäoliselt on see nii olnud ka Kõnnus.

Loosi ja Kõnnu kivikalmed on selle kalmetüübi kõige ida- ja kirdepoolsemaks esindajaks Kagu-Eestis. Kõnnu kalmest edasi kirde ja ida suunas laiub juba asustuseta Emajõe suudme ja Peipsi järve äärne soine madalik. Ometi liituvad nad oma ehituse, keraamika ja metallist leidude poolest teiste Kagu-Eesti tarandkalmetega. Seetõttu pakkus nende uurimine väärtuslikke andmeid eesti hõimude asustusajaloo selgitamiseks I aastatuhande esimesel poolel, seda enam et need kalmed — eriti täielikult läbiuuritud Loosi kalme — peegeldavad tarandkalmete hilisemat arenguastet.

Kagu-Eesti asustuskäiku on suurel määral mõjustanud selle piirkonna pinnavormide mitmekesisus, tema mullastikulised ja muud looduslikud tingimused. Eriti suurt mõju avaldasid looduslikud tingimused asustuse levikule meie ajaarvamise esimestest sajanditest peale, kui karjakasvatuse kõrval hakkas tähtsat osa etendama viljakasvatus.[19]

Suur osa Kagu-Eestist on mägise reljeefiga, mis on lõhestatud ürgorgude, soiste ja liivaste aladega. Siin on kaks suurt kõrgustikku — Otepää ja Haanja, edelaosas veidi väiksem Karula kuplistik. Haanja kõrgustiku nõlvad alanevad läänes Mustjõe oruni, idas Piusa ürgoruni. Põhjast piirab kõrgustikku Võru ürgorg. Otepää kõrgustikku piirab läänest Võrtsjärve madalik, idast Ahja jõe ürgorg; põhja suunas kõrgustiku servad madalduvad ja lähevad üle tasandikuks, millesse lõikub ida-läänesuunaline ürgne Emajõe nõgu.

Heites pilgu tarandkalmete levikukaardile, märkame kohe, et kalmed on koondunud kaheks kompaktsemaks rühmaks. Lõunapoolne rühm jääb eelnimetatud Mustjõe—Võru—Piusa madalikust lõuna poole, põhiliselt Haanja kõrgustiku läänejalamile, põhjapoolse rühma kalmed asuvad Otepää kõrgustiku lääne-, põhja- ja idajalamil. Ilmselt on kõrgustike äärealad olnud algeliseks viljakasvatuseks mõnevõrra sobivamad kui sisealad.

Nii Haanja kui Otepää kõrgustikku ümbritseb leetunud saviliivade vöönd (tahv. I).[20] Haanja kõrgustiku lääneäärel levivad sellised mullad paralleelselt Mustjõega Mõnistest kuni Nursini, ida pool aga Vastseliina ümbruses ja Petserist lõuna poole jäävatel aladel. Otepää kõrgustikku piirab saviliivade vöönd alates Kambja—Elva piirkonnast, kust see pöördub kaarega Valguta ja Rõngu juurest lõunasse, ulatudes Sangaste ja Antslani. Sealt kulgeb nimetatud muldade vöönd kirdesse, ulatudes ühe haruga Peipsi rannikut piiravate viljatute liivade sisse kuni Räpinani, teine haru pöördub aga põhja ja ulatub üle Põlva ja Võnnu Emajõeni.

Selles mullastikuvööndis paikneb enamik tarandkalmetest. Nähtavasti on selliseid kõrgustike äärealadel levinud kergemaid liivmuldasid I aastatuhande algupoolel maaviljeluse tehniliselt algelise taseme juures olnud kergem harida. See ongi tinginud esmajoones just nende piirkondade asustamise.

Kõrgustike sisealadel oli põlluharimine mõnevõrra ebasoodsam. Selle tõttu jäid meie ajaarvamise esimese viie sajandi jooksul, mil asus-

---

[13] Kagu-Eesti kirdeosas on läbi kaevatud veel Mäletjärve tarandkalme, mis on väike, koosnedes vaid ühest tarandist, ning suhteliselt samuti leiuvaene.

[14] AI 4447:3,4,6,7.

[15] Moora, EZL II, lk. 88—91.

[16] AI 4447:1; Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 331.

[17] Sealsamas, lk. 343.

[18] Kõnnu sõlele lähedane sõlg on leitud näiteks Läänе-Leedust Senkai kalmistust. M. Michelbertas, Senkų kapinynas. *Lietuvos archeologiniai paminklai*, Vilnius 1968, lk. 118, joon. 3:1.

[19] H. Moora, Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei den Esten und ihren Nachbarvölkern. *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum, pars II*, Helsinki 1968, lk. 241.

[20] Mullastiku märkimisel levikukaardile oli aluseks A. Lillema, Eesti NSV mullastik. Tallinn 1958.

tus oli veel küllalt hõre, Kagu-Eesti kõrgustike kõrgemad piirkonnad asustamata.

Eelnimetatud lõunapoolse rühma kalmetest paikneb suur osa Mustjõe ja selle harujõgede piirkonnas. Kõigist selle piirkonna uuritud kalmetest on leitud varaseid sõlgi. Nii on Virunuka kalmetest leitud peasarja silmiksõlg ja mitmed preisi sarja silmiksõled[21], ühest Sadrametsa kalmest (Võru raj.) on saadud tugevasti profileeritud sõlg, preisi sarja silmiksõlg ning õhuke neljakandilise läbilõikega käevõru[22]. Mustjõe piirkonna kalmetest kirde pool, Haanja kõrgustiku põhjaserval asuvast Hannuste kalmest (Võru raj.) on leitud varane profileeritud sõlg ja õhukesi käevõrusid.[23] Seega on nimetatud kalmed rajatud juba 2. sajandi keskpaiku, olles Kagu-Eesti kõige varasemateks tarandkalmeteks.

Põhjapoolse rühma kalmetest pole kindlasti 2. sajandisse dateeritavaid esemeid seni teada. Varasemateks sõlgedeks on siin kolmnurkse jalaga peakilpsõled ja teljetoruga kärbissõled, mis kuuluvad aga juba 3. sajandi ehete hulka.[24] Seega näib, et enamik põhjapoolse rühma kalmeid on rajatud lõunapoolsetest mõnevõrra hiljem — 3. sajandil. Võimalik, et rühm kivikalmeid Otepää kõrgustiku keskosas, Pikajärve ja Valgjärve ümbruses, on tekkinud veelgi hiljem. Pikajärve kalmest (Põlva raj.) saadud leiud[25] on enamasti hilised, kuuludes I aastatuhande keskpaika.

Põhjapoolse rühma kivikalmete hulgas on siiski teistest varasem Kardla kivikalme, mis asub Tartust mõnikümmend kilomeetrit loode pool. Sealt on leitud varajast tüüpi peasarja silmiksõlg ja õhuke käevõru.[26] Kagu-Eesti loodeosast, kus paikneb ka Kardla kalme, on teada kalmistuid juba tarandkalmete-eelsest ajast (Vehendi kivikirstkalmed, Tamsa maa-alune kalmistu), nii et 2. sajandil, kui tekkisid tarandkalmed Kagu-Eesti lõunaosas, oli ka loodepiirkond juba osaliselt asustatud.

Kagu-Eesti asustuskäiku jälgides näeme, et meie ajaarvamise esimestel sajanditel leidus siin asustust kahes piirkonnas — loodes ja lõunas. Nendest kahest piirkonnast lähtudes levis asustus 3. sajandi jooksul ka Kagu-Eesti läänе- ja keskosadesse.

Juba 2. sajandil asustati Haanja kõrgustiku läänejalami ja Mustjõe vaheline ala. Siit levis asustus edasi kõrgustiku põhja- ja kirdenõlvale. Nagu nähtub Loosi tarandkalme rajamise ajast, asustati idapoolsed alad mõnevõrra hiljem.

Põhjapoolses piirkonnas oli peamiseks asustuse levimise ajaks 3. sajand, mil võeti kasutusele Otepää kõrgustikku piiravad maa-alad.

Kõnnu tarandkalme kaevamistel selgus, et 3. sajandi jooksul oli asustus levinud ka Kagu-Eesti kirdeossa, lähtudes lõuna poolt piki Ahjat ja selle lisajõgesid. Sidemetele lõunapoolse piirkonnaga osutavad Kõnnu kalmest leitud kärbissõled, mis kuuluvad kõik läti varianti. Sellised sõled on levinud eelkõige Põhja-Läti ja Kagu-Eesti lõunapoolse rühma kivikalmetes. Lõunapoolse piirkonnaga seob Kõnnu kalmistut ka siinsest kääpast leitud tekstiilkeraamika, mis võiks kuuluda tarandkalmete kasutamise lõpuperioodi. Tekstiilkeraamika on iseloomulik eelkõige just lõunapoolsetele, Haanja kõrgustiku ümbruse kalmetele, kuna Kõnnu kalmistust lääne pool, Otepää kõrgustiku põhjajalamil asuvais kalmeis domineerib riibitud keraamika.

Tarandkalmete hulga järgi otsustades oli Kagu-Eesti kirdeosa I aastatuhande esimesel poolel alles väga hõredalt asustatud. Samuti on kalmed ise väikesed ja leiuvaesed, mis lubab arvata, et ka neid kasutanud kollektiivid on olnud väiksemad ja majanduslikult nõrgemad kui tarandkalmete tuumikalal Otepää kõrgustiku ümbruskonnas, kus kalmed on suured ja leiurohked.

Ahja jõgikonnast ida poole I aastatuhande esimese poole kivikalmed ei levinud. Ka Haanja kõrgustiku idapoolselt jalamilt pole tarandkalmeid teada.

Siia, Kagu-Eesti idaossa ilmusid I aastatuhande keskpaiku uut liiki muistised — kääpad. Nende seni suhteliselt vähe uuritud muististe uurimisele andsid mõningat lisa ka viimastel aastatel kaevatud kääpad Loosil ja Kõnnus.

Loosi kääbastest kaevati läbi kivikalmele kõige lähemal, nimelt 14 m kagu pool asuv kääbas, mille pikkus oli 23 m, laius kuni 9,5 m ja kõrgus kuni 1,25 m (joon. 1). Nagu kõigil selle kääbastiku kalmetel, nii oli ka selle kääpa pind kohati rikutud «varandusteotsijate» poolt kaevatud aukudega.

Kaevamiste käigus selgus, et see pikkade kääbaste tüüpi kuuluv kalme oli tekkinud algselt kahest omaette kääpast — piklikust edelas ja väikesest ümmargusest kirdepoolsel otsal (tahv. IV), millist nähtust on tähele pandud ka mitme

[21] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 325 jj.

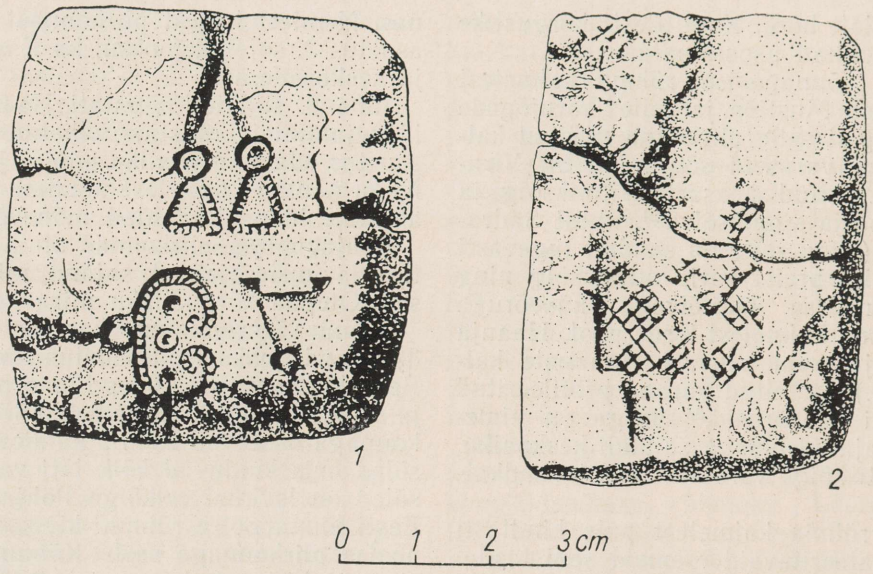
[22] Valga M $\frac{352}{A17:104}$, sarnaneb Slavekast leitud sõlega (vt. Moora, EZL II, joon. 15:1); AI 4054; Valga M $\frac{352}{A17:9}$.

[23] AI 2767 : 5; 2767 : 9, 21, 22, 23. Vt. ka Moora, EZL II, joon. 5 : 2; 49 : 1.

[24] Moora, EZL II, lk. 70, 81 jj.; S. Laul, Jaagupi tarandkalme. *MKA*, lk. 20 jj.

[25] AI 1260 : 1—36; RK, tahv. 5 : 9, 14; 6 : 2; 8 : 11; 9 : 22.

[26] AI 2415c : 1, 5.

Joon. 4. Valamisvormid Loosi kääpast (AI 4376:18, 17).

Lindora kääpa puhul (Võru raj.).[27] Nagu selgub kääpa läbilõikest, oli mõlema kääpa vahel alguses madal kraav, pärast see aga täideti või varises kinni ja mõlemad kääpad ümbritseti ühise kraaviga.

Kääpa kuhjatis koosnes kollasest, kohati punasest, väheseid söeraasukesi sisaldavast liivast. 10—30 cm paksune hall söe- ja tuhakiht, mis on iseloomulik Kagu-Eesti ja Pihkva ala kääbastele, hakkas kääpa edelaosas nähtavale ilmuma 40 cm sügavuses (arvestades kääpa tipust) ja saavutas oma suurima kompaktsuse 70—80 cm sügavuses. Kohati oli selles tumedamaid, rohkem sütt sisaldavaid laike, millest mõned ulatusid läbi söe- ja tuhakihi sügavamale, kääpa all olevasse valgesse liiva. Peale mõne üksiku väikese kivi oli kääpa edelaosa kuhjatises ka paar rühma suuremaid kive. Need asetsesid korratult eri kõrgustel. Algse edelapoolse kääpa kirdeotsa ligidal läbis aga kääbast loode—kagu suunas võrdlemisi korralikult laotud kivirida. Selle kagupoolses osas olid kivid suuremad, loodepoolses väiksemad, keskel rida katkes. Kivirea loodeotsast edela pool asus ligikaudu täisnurga all kaks kivi ja kaguotsast samas suunas üks piklik kivi. Nimetatud kivirida oli ilmselt edelapoolse kääpa söe- ja tuhakihi piiriks. See kiht ulatus vaid natuke kõige loodepoolsemate kivide alla, mujal aga lõppes kaunis sirge joonena kivide juures. Kääpa edelaosast leiti siledapinnalisi savinõutükke ja üks rauast noatera ots[28], viimase kõrvalt ka ainuke sellest kalmeosast saadud põlenud luukild.

Algses kirdepoolses kääpas esines 0,8—1 m sügavuses samuti hall söe- ja tuhakiht üksikute söesemate laikudega, millest üks ulatus 1,22 m sügavuseni. Hallis kihis oli ka põlenud luukilde. Mõni sentimeeter allpool seda kihti ilmus nähtavale suur saviurn, mille põhi ulatus kääpaalusesse valgesse liiva, kus urni ümber oli ka põlenud luukilde ja söest mulda. Urn oli umbes poolest saadik täidetud põlenud luudega ja sisaldas ülemises, liivaga täidetud osas 2 väikest spiraaltorukest (üks samasugune oli veel väljaspool, urni ääre kõrval), 2 väikest tükki rauaräbu ning luude vahel 3 valamisvormi (joon. 4).

Kõnnu kääbastikku on tugevasti lõhutud. See koosneb nüüd seitsmest tihedalt koos asuvast ümmargusest ja ühest piklikust kääpast, mis on teistest 80 m loode pool. Ümmargustest kääbastest kirde pool on nähtavasti olnud veel üks või paar täiesti lõhutud piklikku kääbast. Sealt leiti ühe augu varisevast servast saviurni katkendeid koos põlenud luudega.[29]

1968. aastal kaevati läbi ümmargune (läbimõõt umbes 8 m, kõrgus 0,5 m) kääbas, mis asus vahetult kivikalme samal ajal läbiuuritud loodeosa kõrval (tahv. III). Kääpa kuhjatis koosnes kollasest, veidi söetükikesi sisaldavast liivast. Erinevalt teistest seni Kagu-Eestis kaevatud kääbastest ilmnes selles kuhjatises kor-

[27] Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, lk. 37.

[28] AI 4376 : 1—10.

[29] AI 4461 : 6.

ratu kivilasu. Kivid erinesid suuruselt ja asetsesid eri kõrgustel — peaaegu kääpa pinnast kuni põhjani. Tavaline hall söe- ja tuhakiht asus 20—80 cm sügavuses (arvates kääpa tipust). Kivide tõttu polnud see nii horisontaalne kui tavaliselt ja oli erineva paksusega. Kohati oli see kiht valkjas, millest paistab, et sellesse oli segatud ka valget liiva. Kääpas leidus rohkesti põlenud luid. Neid oli palju kääpa keskosas, kivide vahel juba 10—20 cm sügavuses söe- ja tuhakihis ja vähemal või suuremal hulgal mõnes teiseski kohas. Kääpa põhjapoolses osas, kus kive oli vähem, leiti 10—20 cm sügavuses kahe puruks vajutatud savinõu katkendeid (joon. 3:3, 4), neist üks tekstiilivajutustega. Savinõutükkide vahel oli põlenud luid ja pisike pronkstraadist rõngas.[30] Ilmselt on siin tegemist urni ja selle kattega. Kääpa kirdeosast leiti roostest tugevasti kahjustatud raudpannal ja selle tilguti katkend (joon. 2:8). Kääpa põhjaks oli valge liiv. Erinevalt seni uuritud Kagu-Eesti kääbastest puudus siin kääbast ümbritsev kraav.

Pinna järgi otsustades sisaldab hulga kive ka selle kääpa kõrval ida pool asuv suur ümmargune kääbas. Seevastu temast põhja pool olev ümmargune kääbas ja eemal asuv piklik kääbas, nagu selgus 1969. aastal paari lõhutud koha profiili väljapuhastamisel, osutusid tavalisteks liivakääbasteks.

Loosi kääpa edelapoolsest, piklikust osast saadud savinõukillud pärinevad enamikus ühest nõust (joon. 3:1). See on valmistatud liiva ja õige peene kivipurruga segatud savist, on hästi põletatud, siledapinnaline, madal, sirgete seintega. Selline keraamika vastab täiesti Loosi tarandkalme kõige hilisemast, III tarandist saadud savinõukildudele (joon. 3:2). S. Laulu poolt koostatud Kagu-Eesti tarandkalmete keraamika klassifikatsiooni järgi võib selle keraamika paigutada tema 2. ja 3. rühma vahele, lähemale viimasele. Virunuka kalmest on sellist keraamikat leitud ka väljastpoolt tarandeid, ühest ilmselt hilisest omaette olevast kalmeosast.[31] Seega on Loosi kääpa edelaosast saadud keraamika kohalikku päritolu ja kuulub tõenäoliselt 5.—6. sajandisse.

Loosi kääpa kirdeots — algne väike ümarkääbas — oli leidude poolest rikkam. Siit leitud mahukas urn (kõrgus 29,7 cm, võriku läbimõõt 27,8 cm) sarnaneb mõõtmetelt ja suurtes joontes ka kujult Kagu-Eesti ja Pihkva ala I aastatuhande teise poole kääbastest saadud muu funeraalkeraamikaga. Mõnes suhtes see urn siiski erineb näiteks Lindorast, Obinitsast ja veel rohkem ida poolt leitud urnidest.[32] Loosi urn on valmistatud märksa peenema kivipurru ja liivaga segatud savist, pinnalt paremini tasandatud (eriti sisepinnalt) ja kõvemini põletatud. Urni profiilgi on veidi erinev, moodustades ülaosas kergelt kaarja õla, kuna allosa on profileeritud veidi nõgusalt. Savikoostiselt sarnaneb ta mõnevõrra eespool kirjeldatud keraamikaga kääpa edelapoolsest osast. Paistab, et selle urni kuju ja valmistamistehnika olid mõnevõrra mõjustatud tarandkalmete alal kasutatavast keraamikast. Olgu märgitud, et ka varem Loosi kääbastest saadud savinõude katkendid on suhteliselt peeneteralisemast materjalist ja siledama pinnaga.[33]

Huvi pakuvad Loosi urnis olnud valamisvormid. On iseloomulik, et vaatamata Kagu-Eestis kaevatud kääbaste suhteliselt väikesele arvule on neist siiski nüüd juba teist korda leitud metallivalaja varustust: peale Loosi on valamisvormide katkendeid ja koguni valamiskulp saadud veel Tartu rajooni Arniko metsas H. Moora poolt 1925. aastal kaevatud pikast kääpast.[34] Kivikalmetest pole valamisvorme seni leitud, küll aga linnustest. Nende esinemine hauapanustena osutab võib-olla vastava käsitöö mõningasele spetsialiseerumisele. Ehk on nad kuulunud külasepale, kelle saadustel oli laialdasem levik. Loosi valemid on valmistatud viirsavist.[35] Üht valamisrenniga valemit on kasutatud kaanena. Teine on ette nähtud ühe umbes südamekujulise ja kolme kolmnurkse ripatsi valamiseks (joon. 4:1), kolmas aga õhukese neljakandilise plaadikese valamiseks (joon. 4:2). Hästi säilinud südamekujuline tinaripats, vormilt väga lähedane Loosi valemil kujutatud ripatsile, ja teise samasuguse katkend[36] on leitud 1968. aastal T. Moora kaevatud Preedi (Paide raj.) kivikalmest, mille leiud kuuluvad peamiselt 6.—7. sajandisse. Need ripatsid kinnitavad ühtlasi H. Moora poolt avaldatud seisukohta, et Baltimail leitavaid valamisvorme kasutati peamiselt tinast ehete valmistamiseks.[37] Loosi vale-

[30] AI 4461 : 5.

[31] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 345, 323.

[32] Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, tahv. V : 2, lk. 40 jj.; В. Крейтон, Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1913 г. *Труды Псковского археологического общества 1913—1914 г., вып. 10*, Псков 1914.

[33] Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, lk. 41 jj., tahv. VI : 2.

[34] AI 2591 : VI : 6; Х. Моора, Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. *Munera Archaeologica Josepho Kostrzewski*. Poznań 1963, lk. 357, joon. 1; Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, joon. 4 : 3.

[35] Määranud geoloogiakandidaat E. Jürgenson.

[36] AI 4426 : 652, 659.

[37] Моора, Об оловянных украшениях, lk. 355 jj., 362.

miga väga sarnane kolmnurksete ripatsite valamisvorm on leitud Pihkva lähedalt Kamno linnusest, mille S. A. Tarakanova dateeris 7.—8. sajandisse.[38] Vormid mitmesuguse mustriga nelinurksete plaadikeste valamiseks olid väga tavalised Baltimail ja naaberaladel.[39]

Peale keraamika on tarandkalmete mõju tunda ka Loosi kääpa struktuuris. Vaevalt millegi muuga saab seletada kivirea olemasolu, mis läbis kääbast kõrval oleva tarandkalme müüridega samas suunas, olgugi et see kivirida piiras algset piklikku kääbast ainult ühest otsast, oli laotud väiksematest kividest ja «tarandi» nurgad tähistatud vaid paari kiviga.

Veelgi tihedamat seost tarandkalmetega näitab Kõnnu kääbas. Viimane on suhteliselt hästi dateeritav. Sellest leitud pannal kuulub 5.—6. sajandisse (joon. 2:8). Sellise kujuga pandlaid, nii rauast kui pronksist, on rohkesti teada balti hõimude aladelt — Läti, Leedu ja endise Ida-Preisi territooriumilt[40], mõned aga ka Eestist.

Erinevalt teistest seni Kagu-Eestis uuritud kääbastest on Kõnnu kääpas urnina ja urnikattena kasutatud suhteliselt väikesi nõusid, millest üks kuulub tekstiilkeraamika hulka. Mõlemad nõud on kujult sirgeseinalised ja valmistatud jämedama kivipurruga segatud savist (joon. 3:3,4). Need nõud kuuluvad S. Laulu poolt antud klassifikatsiooni järgi Kagu-Eesti tarandkalmete keraamika 1. rühma.[41] Ka Kõnnu nõul esinevate tekstiilivajutuste iseloom on sellele keraamikale väga tüüpiline. Need on tehtud tõenäoliselt lina, kanepi või mõne teise taime kiududest labases koeripstehnikas valmistatud kangaga.[42] Sellist keraamikat on eriti rohkesti leitud Kagu-Eesti lõunapoolsest osast, samuti Põhja- ja Ida-Läti kivikalmete piirkonnast, nagu Salenieki kalmest, Kivti asulast ja mujalt.[43] Antud tüüpi tekstiilkeraamikat esineb tarandkalmetes põhiliselt kuni I aastatuhande keskpaigani, aga seda valmistati ja tarvitati ilmselt veel vähemalt 6. sajandi jooksul, millele osutavad mõned vastavad leiud Rõuge linnusest ja asulast.[44] Sellesse aega tuleb arvatavasti dateerida ka Kõnnu urnimatus.

Nagu näeme, on Kõnnu kääpas kasutatud ainult igapäevast, kohaliku päritoluga tarbekeraamikat, seejuures ka urnina.

Kõnnu kääbas erineb ka oma struktuurilt kõikidest seni Kagu-Eestis kaevatud I aastatuhande teise poole kääbastest. Selles on kahe erineva kalmetüübi elemente. Vahetu naabrus kivikalmega, millega ta peaaegu ühte sulas, korratu kivilasu ja keraamika seovad seda kääbast tarandkalmetega nende hilisemal arenemisastmel, mil nad kaotasid oma tarandilise struktuuri. Sellisteks laguneva või juba sootuks lagunenud siseehitusega kalmeteks on näiteks Virunuka V kalme, osalt ka IV kalme idapoolne ots[45], käesolevas kogumikus M. Auna poolt kirjeldatud Läätsa kalme Võrtsjärve idakaldal ja mõned teised. Tarandkalmete struktuuri lagunemise protsess on toimunud 4.—5. sajandi jooksul, matmisteks kasutati neid kivikalmeid mõningal määral aga veel järgmistel sajanditel.

Vaatamata Kõnnu kääpa suurele sarnasusele kivikalmetega tuleb seda ometi pidada kääpaks, millele osutab rida Kagu-Eesti kääbastele iseloomulikke jooni, nagu liivakuhjatis, kuhjatise all olev hall söe- ja tuhakiht, eeskätt aga urnimatus, mis on tarandkalmetele ja üldse Eesti alale täiesti võõras, kääbastes seevastu üsna tavaline. Nagu juba nimetatud, leiti ühest sama kääbastiku lõhutud kääpast ka veel teise urnimatuse jäänuseid.[46]

Pikkade ja koos nendega esinevate ümmarguste kääbaste levikuala on väga lai ning selles eraldatakse kolm põhilist rühma: Pihkva, Polotski ja Smolenski oma. Kääpaid on küll juba ammust ajast kaunis palju uuritud, kuid nende massilisust ja laialdast levikuala arvestades on neil tänapäeva nõuetele vastavaid kaevamisi toimetatud siiski alles vähe. Seepärast on mitmed nendega seotud põhilised küsimused seni lõplikult lahendamata[47], nagu eeskätt nende algse lähtekoha küsimus. Lahkarvamusi on ka nende etnilise kuuluvuse kohta. Teatavasti omistati need kääpad varem enamasti idaslaavlaste

---

[38] С. А. Тараканова, Псковские городища. *КСИИМК 62*, Москва 1956, lk. 40 jj., joon. 20 (ülal vasakul).

[39] Moora, Об оловянных украшениях, joon. 1 : 1; 2 : 1; 3; И. В. Дайга, К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. *CA 1960, № 3*, joon. 5 : 33—36.

[40] Moora, EZL I, Tafelband, tahv. III : 11; EZL II, lk. 474 jj.

[41] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 342 jj.

[42] S. Laul, Tekstiilijälgedest keraamikaleidudel Eestis. *PVF*, lk. 98, tahv. IV : 6; V : 6.

[43] Laul, Virunuka tarandkalmed, lk. 344 jj.; R. Snore, Die Hügelgräber und Steinsetzungen der römischen Kaiserzeit bei Salenieki (Lettland). *ÕES Ar. 1932*, Tartu 1935, joon. 9 : 5, lk. 296; Шноре, Цимермане, joon. 2 : 12, lk. 180.

[44] М. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. *Труды ПОКЭ I*, lk. 162 jj.

[45] Laul, Virunuka tarandkalmed, tahv. III—IV, lk. 322 jj., 347 jj.

[46] See urn (AI 4461 : 6) vastab suuruse, profiili ja suhteliselt peeneteralise koostise poolest ühest Loosi kääpast 1888. a. saadud urnile (AI 1747 : 1). Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, tahv. VI : 2.

[47] И. И. Ляпушкин, Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). *Культура Древней Руси*. Москва 1966, lk. 128 jj.

hulka kuuluvaile krivitši hõimudele.[48] Uuemad uurimised on aga pikkades kääbastes — eriti Polotski ja Smolenski rühmas — avastanud hulga baltipäraseid jooni, mispärast mitmed uurijad on hakanud kahtlema nende kuuluvuses slaavlastele ja pidama neid baltlaste või slaavistunud baltlaste matusepaikadeks.[49]

Mis puutub Kagu-Eesti alal levinud kääbastesse, siis on H. Moora, järgnedes S. A. Tarakanovale, ja ka M. Schmiedehelm sidunud neid mõningate siia siirdunud krivitšite asustusrühmadega. Oma seisukohta on H. Moora põhjendanud peamiselt keeleteaduslike andmetega.[50] Siiski ei tohiks olla kahtlust, et slaavlaste ekspansiooniga alanud hõimude liikumises võis Kagu-Eestisse tulla ka balti ja võib-olla mõningaid teisigi etnilisi elemente. Võib mainida, et tugev balti — nimelt latgalite — kultuuri mõju annab end tunda ka Kagu-Eesti I aastatuhande teise poole linnuste materjalis.

Viimaste aastate kaevamised lubavad mõnevõrra täpsustada asustuskäiku ja etniliste vahekordade kujunemist Kagu-Eesti idapoolses piirivööndis.

Nagu eespool öeldud, ulatusid siia Kagu-Eesti läänepoolsetelt tihedamalt asustatud aladelt itta siirdunud asustusrühmad 3.—4. sajandil, mida tunnistavad siin sel ajal tekkinud tarandkalmed. Siiasamasse ilmus 5.—6. sajandil pikki ja ümmargusi kääpaid, mis mitme tunnuse järgi kuuluvad Pihkva rühma ja ühtlasi selle kalmetüübi varasemate esindajate hulka.[51] Loosi kivikalme oli tarvitusel veel 5.—6. sajandil, võib-olla hiljemgi. Kõnnu kivikalme püsis kasutusel kuni 5. sajandini. Seega eksisteerisid siin 5.—6. (ja 7.?) sajandil kõrvuti nii tarandkalmed kui ka kääpad. Kui esimeste kujunemine oli võrdlemisi stabiilne ja kulges samasuguselt kui mujalgi Kagu-Eestis, siis kääbaste osas võib isegi juba Kagu-Eesti piirivööndi väikesel alal eraldada mitmesuguseid kujunemisvorme.

Juba varem uuritud Lindora kääbaste[52] konstruktsioonis ei ole märgata erilisi kokkupuutemomente kivikalmetega. Võimalik, et need rajati mõne krivitšite (või slaavistunud baltlaste?) asustusrühma poolt. Mõnevõrra teistsuguse pildi saime Loosi kääpast, kus võisime konstateerida tarandkalmete mõju nii ehituses (kivirida) kui ka keraamikas. Kahjuks on selle suure kalmistu teised kääpad enamasti lõhutud ja nende kohta säilinud andmed ebamäärased. Andmetes nimetatud kiviringid võivad olla baltipärane nähtus.[53] Lahtiseks peab jääma ka ühe sloveenipäraseks sopkaks arvatud kõrge kivituumikuga kääpa etniline kuuluvus, seda enam, et ka sopkakujuliste kalmete rühmitamine on esialgu väga skemaatiline.[54]

Kõnnu kääbas, nagu nägime, on nii ehituselt kui ka keraamika poolest väga lähedane hilisematele kivikalmetele, mille tarandiline struktuur oli juba lagunenud. Nii need asjaolud kui ka Kõnnu kääpa vahetu lähedus kõrval olevale kivikalmele teevad peaaegu võimatuks oletuse, et see kääbas võiks olla ehitatud kellegi teise kui sellesama, arvatavasti omavahelise sugulusega seotud kollektiivi poolt, kes mattis oma surnuid kivikalmesse. Nähtavasti olid Kõnnu kääpa ehitajad käesoleval juhul üle võtnud kääbastes esineva matmisviisi (urnimatuse) ja kääpa üldise kuju, rajades selle oma tavakohasele kividest alusele. Mõnel juhul on kivikalmete mõju märgata ka Pihkva rühma kääbaste kujunemisele. Nii on juba S. A. Tarakanova kivide esinemise Pihkva rühma kääbastes seostanud kivikalmete mõjuga. Rohkesti kive, kuigi enamasti mitte kääpa põhjas, vaid kuhjatises, esineb näiteks mõnes Petserist 9 km lõuna pool Verepkovo külas asunud kääpas. Ühest sealsest kääpast on leitud samasugune pannal nagu Kõnnu oma (joon. 2:8).[55]

Ei ole võimatu, et pikkade kääbaste kujunemisele kahe-kolme väiksema kääpa ühendamise teel, nagu seda võib konstateerida Kagu-Eestis, on avaldanud mõju tarandkalmete struktuuri põhimõte, mille järgi tarandid liideti üksteise külge.

Käesolevas kirjutises vaadeldud Kagu-Eesti alal oli I aastatuhande teisel poolel tekkinud

---

[48] С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. *CA XIX*, Москва 1954, lk. 77 jj.; В. В. Седов, Кривичи. *CA 1960, № 1*, Москва 1960, lk. 48 jj.

[49] Е. А. Шмидт, Археологические памятники второй половины I тысячелетия на территории Смоленской области. *Материалы по изучению Смоленской области V*, Смоленск 1963, lk. 113; Е. А. Шмидт, Длинные курганы у д. Слобода Глушица. Rmt-s: П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва—Ленинград 1963, lk. 188; Ляпушкин, Археол. памятники, lk. 129 jj., 134.

[50] H. Moora, Arheoloogilised väliuurimised Eesti NSV alal 1950. ja 1951. aastal. *TA Toim. 1952, nr. 1*, lk. 123 jj.; Moora, Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil, lk. 109 jj.

[51] Седов, Кривичи, lk. 51 jj.

[52] Schmiedehelm, Kääbaskalmistud Lindoras, lk. 22 jj.

[53] Sealsamas, lk. 19 jj.; J. S. Boubrig, Notizen über alte Gräber in der Umgegend Werro's und einige daselbst unternommene Ausgrabungsversuche, so wie über Spuren alter Kirchen im Kirchspiele Neuhausen. *Verh. GEG I : 3*, Dorpat 1844, lk. 88 jj.

[54] Ляпушкин, Археол. памятники, lk. 130 jj.

[55] O. Saadre 1937. a. kaevamisaruanne AI-s. Pannal AI 3576 : III : 2.

segaasustus. Samalaadse segaasustuse olemasolu Läti territooriumi idapoolses piirivööndis on kindlaks teinud V. Urtāns.[56] Kagu-Eesti piiriäärse vööndi segaasustust iseloomustab mitte ainult kahe erineva kalmetüübi kõrvuti esinemine, vaid ka asjaolu, et käābaste eneste vahel on erinevusi, mistõttu võib arvata, et needki võiksid olla ehitatud erinevate etniliste rühmituste poolt. Käābaste etnilise kuuluvuse üksikasjalikum selgitamine, samuti kui nende täpsem lokaalne ja kronoloogiline liigitamine nõuaksid aga veel palju ulatuslikke kaevamisi, sealhulgas vähemalt mõne kääbastiku täielikku läbiuurimist.

Vaatamata sellele, et Kagu-Eesti idavööndi rahvastik koosnes I aastatuhande teisel poolel mitmest etnilisest elemendist, on nende kalmistud — kivikalmed ja kääpad — ometi ühesugusel viisil levinud maadel, mis sobisid eeskätt viljakasvatusele kui kõikide siin asunud rühmituste põhilisele elatusharule. Et liivakääbaste kuhjamise komme tingib nende paiknemist liivastes kohtades, siis on jäänud mulje, nagu leviks nendega seotud asustus eeskätt liivikutel, vastandina tarandkalmetele, mis asuvad viljakamatel maadel. Käābaste leviku üksikasjalikum selgitamine on aga näidanud, et need asuvad samuti viljakasvatuseks sobivatel maadel või nende vahetus läheduses (tahv. I). Laialdastel liivastel aladel, näiteks Petseri ja Värska vahel, kus põlluharimiseks sobivaid muldasid ei ole, puuduvad ka kääpad. Et lahendada küsimust, kas ja millisel määral viljakasvatuse tase ja viisid nimetatud etnilistel rühmadel erinesid, oleks vaja nii uusi ulatuslikke arheoloogilisi kaevamisi kui ka omaaegse loodusliku keskkonna detailsemat uurimist.

[56] V. Urtāns, Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. *AE VIII,* Rīgā 1968, lk. 67, 83.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ И ОБ ЭТНИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЭСТОНИИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

М. Шмидехельм и С. Лауль

Резюме

В юго-восточной Эстонии в I тысячелетии н. э. были распространены погребальные памятники двух типов. Для западной и средней ее частей характерны каменные могильники оградочной конструкции, а для восточной и особенно юго-восточной окраины ее — могильники из длинных и круглых курганов.

Наиболее ранние каменные могильники с оградками, заложенные во 2 в., концентрируются в виде двух компактных групп на северо-западе и юге юго-восточной Эстонии. В 3 в. население этих центров распространилось дальше в зону подзолистых супесчаных почв, опоясывающую Отепяскую и Хааньяскую возвышенности (табл. I). Распространение населения по подножиям названных возвышенностей было обусловлено, по-видимому, пригодностью имеющихся там легких супесчаных почв для примитивного земледелия, в то время как центральные их части в первой половине I тысячелетия оставались еще незаселенными.

В 1965—1969 гг. исследовались два могильника в полосе соприкосновения погребальных памятников обоих упомянутых типов. В Лоози (Выруский район) имелся каменный могильник и 31 курган (рис. 1). Восточная часть каменного могильника включала 3 оградки, а западная была разрушена (табл. II). Могильник содержал трупосожжения 3—6 вв. Находки (рис. 2 : 1—4, 6, 7) встречались главным образом в оградках. Под конец погребали также в краевой насыпи, но уже без могильного инвентаря.

Могильник в Кынну (Тартуский район) содержал каменный могильник и 8 курганов. Каменный могильник в своей раскопанной части (табл. III) по конструкции и способу погребения соответствует Лоозискому могильнику. Найденные в нем предметы (рис. 2 : 5) относятся к 3—5 вв.

Судя по инвентарю обоих исследованных каменных могильников, население распространялось на восточную окраину юго-восточной Эстонии в 3 в., сохраняя тесные связи с ранее заселенной территорией западного подножия Хааньяской возвышенности.

В 5—6 вв. на восточную окраину юго-восточной Эстонии проникают могильники из длинных и круглых курганов (табл. I). В основном они соответствуют псковской группе этих курганов, для которой типична зольно-угольная прослойка в насыпи. Однако раскопки последних лет обнаружили в них некоторые разновидности, объясняемые влиянием соседства с каменными могильниками, а возможно, также этническими условиями.

Исследованные курганы в Линдора (Выруский район) и в некоторых других местах по своему характеру и керамике стоят ближе всего к типичным курганам псковской группы. Возможно, что они оставлены, как это уже предполагалось раньше, некоторыми проникшими сюда группами кривичей и смешавшихся с ними группами славянизированных балтов.

Раскопанный длинный курган в Лоози (рис. 1, табл. IV) перерезан рядом камней, очень напоминающим стенки оградок каменных могильников, с которыми его связывает и керамика (ср. рис. 3 : 1 и 2). В северо-восточной части кургана, образовавшей первоначально особый круглый курган, были обнаружены урна и в ней три формочки для литья оловянных предметов второй половины I тысячелетия (рис. 4). Этническую принадлежность лоозиских курганов трудно определить, тем более, что большинство из них сильно разрушено. По сохранившимся старым сведениям многие курганы были окружены каменным венцом, а раскопанный в 1839 году курган имел в основании высокий конус из камней наподобие новгородских сопок.

Круглый курган в Кынну (табл. III) имел в основании каменную кладку, вполне соответствующую кладкам поздних частей каменных могильников с оградками, по-

терявших уже свою конструкцию (начиная с конца 4 в.). В кургане найдены железная пряжка 5—6 вв. (рис. 2 : 8) и раздавленная урна с покрытием (рис. 3 : 3—4). Такие сосуды (один из них текстильный) типичны для каменных могильников юго-восточной Эстонии середины I тысячелетия. Кыннуский курган по своему расположению, конструкции и керамике настолько связан с каменными могильниками, что его скорее всего можно приписать к той же этнической группе, которой был выстроен непосредственно соприкасавшийся с ним каменный могильник.

Таким образом, восточная пограничная полоса юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия, по-видимому, была заселена смешанным населением из прибалтийско-финских, славянских и балтских этнических элементов. Основой экономики всех их было земледелие, что отражается на одинаковом характере расселения по участкам, пригодным для земледелия.

ÜBER DIE BESIEDELUNG UND DIE ETHNISCHEN VERHÄLTNISSE SÜDOSTESTLANDS IM I. JAHRTAUSEND

M. Schmiedehelm und S. Laul

Zusammenfassung

Im Südosten Estlands waren im I. Jahrtausend Grabanlagen von zwei Typen verbreitet. Für den Westen und Süden waren Steinsetzungen vom Tarandgräbertypus charakteristisch, für den Osten und insbesondere den Südosten — Hügelgräberfelder.

Die älteren, im 2. Jh. angelegten Tarandgräberfelder konzentrieren sich hier in zwei kompakten Gruppen — die eine im Nordwesten, die andere im Süden Südostestlands. Im 3. Jh. verbreitete sich von hier die Besiedelung weiter in die die Höhen von Otepää und Haanja umgebenden Zonen der lehm- und sandhaltigen Bleicherdeböden (Taf. I). Die Gebundenheit der Besiedelung an die Randgebiete der genannten Höhen lässt sich offenbar durch die Eignung der dort vorhandenen leichteren Sandböden für den primitiven Bodenbau erklären. Die Rücken der Höhen waren in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends noch unbesiedelt.

1965—1969 wurden im Kontaktgebiet der Steinsetzungs- und der Hügelgräber zwei Gräberfelder untersucht. Das in Loosi (Rayon Võru) gelegene Gräberfeld bestand aus einer Steinsetzung und 31 Hügelgräbern (Abb. 1). Der östliche Teil des Steinsetzungsgräberfeldes umfasste 3 Taranden, der westliche war zerstört (Taf. II). Das Gräberfeld enthielt Brandbestattungen aus dem 3.—6. Jh. Die Beigaben (Abb. 2:1—4, 6, 7) lagen vornehmlich in den Taranden. In der späten Periode der Benutzung des Gräberfeldes hat man auch in der Randpackung bestattet, jedoch ohne Beigaben.

Die Grabanlage in Kõnnu (Rayon Tartu) bestand aus einer Steinsetzung und 8 Hügelgräbern. Der bisher blossgelegte Teil der Steinsetzung (Taf. III) glich im Aufbau und in den Ausmassen der Steinsetzung in Loosi. Die hier gehobenen Funde (Abb. 2 : 5) stammen aus dem 3.—5. Jh.

Auf Grund des Fundstoffes dieser beiden Tarandgräber lässt sich feststellen, dass der östliche Teil Südostestlands im 3. Jh. besiedelt wurde, wobei dieses Gebiet mit dem älteren, am westlichen Rande der Haanja-Höhe gelegenen Kulturzentrum in engen Beziehungen stand.

Im 5.—6. Jh. verbreiteten sich in der östlichen Randzone Südostestlands aus Lang- und Rundhügeln bestehende Gräberfelder. Im allgemeinen entsprechen diese Hügelgräber der Pskowschen Gruppe solcher Grabanlagen, für welche eine Asche-Kohlen-Schicht am Boden der Sandaufschüttung typisch ist. Daneben haben aber die Grabungen der letzten Jahre einige Varianten der Hügelgräber hervorgebracht, welche sich sowohl durch eine Beeinflussung seitens der benachbarten Steinsetzungsgräber als möglicherweise auch durch gewisse ethnische Verhältnisse erklären lassen.

Die bereits früher untersuchten Hügelgräber in Lindora (Rayon Võru) und einigen anderen Orten entsprechen in ihrem Aufbau und der Keramik am meisten den typischen Hügelgräbern der Pskowschen Gruppe. Es ist möglich, — wie dies auch schon früher angenommen worden ist —, dass solche Hügelgräber die Hinterlassenschaft einiger ins südostestländische Gebiet vorgedrungener Gruppen von Kriwitschen und mit ihnen vermischten slawisierten Balten bilden.

Den Langhügel in Loosi (Abb. 1 und Taf. IV) durchquerte eine Reihe von Steinen, welche stark an die Einfriedungen der Taranden in den Steinsetzungsgräbern erinnert. Mit den letzteren verbindet das Hügelgrab auch die glattwandige Keramik (vgl. Abb. 3 : 1 und 2). Am nordöstlichen Ende des Langhügels, wo ursprünglich ein besonderer kleiner Rundhügel stand, kam eine Urne zum Vorschein, welche 3 tönerne Gussformen (Abb. 4) aus der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends zum Giessen von Zinnschmuck enthielt. Die ethnische Zugehörigkeit der Erbauer der Loosischen Hügelgräber ist schwer festzustellen, um so mehr, als die Mehrzahl dieser Hügel stark beschädigt ist. Nach alten Angaben seien viele von ihnen ehemals von einem Steinkreis umgeben gewesen. Ein 1839 aufgedeckter Hügel enthielt einen konusförmigen Steinkern ähnlich den nowgoroder Sopka-Gräbern.

Der Rundhügel in Kõnnu (Taf. III) wies im inneren eine Steinlagerung auf, welche vollständig denen der späten Teile der südostestländischen Tarandgräber entspricht, deren regelmässige Konstruktion sich im 5.—6. Jh. auflöste. Der Hügel lieferte eine eiserne Schnalle des 5.—6. Jh. (Abb. 2 : 8) und zwei als Urne mit Bedeckung benutzte Tongefässe, davon ein textilkeramisches (Abb. 3 : 3—4). Solche Gefässe sind für die Tarandgräber Südostestlands aus der Mitte des I. Jahrtausends typisch. Durch seine Lage unmittelbar neben dem Tarandgräberfeld, durch seinen Aufbau und die Keramik ist der Rundhügel von Kõnnu so eng mit den Steinsetzungsgräbern verbunden, dass man ihn wohl am ehesten derselben ethnischen Gruppe zuschreiben kann, welche das Tarandgräberfeld errichtet hatte.

Somit war das östliche Grenzgebiet Südostestlands in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends von einer gemischten Bevölkerung besiedelt, welche scheinbar aus ostseefinnischen, slawischen und baltischen ethnischen Elementen bestand. Die ökonomische Grundlage aller dieser ethnischen Gruppen bildete der Bodenbau, was in der Lage der Gräberfelder an Orten mit anbaufähigem Boden zum Ausdruck kommt.

ГОРОДИЩА СЕБЕЖСКОГО ПООЗЕРЬЯ

В. В. Седов

Археологическое исследование себежских городищ эпохи раннего железа было начато в 1928 г., когда несколько укрепленных поселений бассейна верхнего течения реки Великой осмотрел А. А. Спицын. К сожалению, материалы разведок исследователь опубликовать не успел.[1] В 1950-х годах городища Себежского поозерья были обследованы Ф. Д. Гуревич и С. А. Тараканової.[2] Керамический материал, собранный в процессе разведок и небольших раскопок, не был подробно описан, в результате чего эти памятники получили в литературе неверную интерпретацию. Себежские городища сопоставлялись с юхновскими, и на этом основании П. Н. Третьяковым было высказано предположение о переселении части днепровских балтов из Подесенья в район себежских озер.[3] В 1966 и 1967 гг. изучение городищ Себежского поозерья было продолжено. На двух из них (Стояки и Фомино) произведены раскопочные работы.

Древнейшие поселения эпохи раннего железа в исследуемом районе расположены на изолированных холмах или занимают высокие части моренных гряд. Обычно они хорошо защищены естественным рельефом и не имеют искусственных валов и рвов. Типичными являются городище Припечь, исследованное в 1966 г., и Себежское городище, известное по небольшим раскопкам С. А. Тараканової. Первое из них устроено на ледниковом останце, со всех сторон окруженном широкой болотистой луговиной, по которой протекает небольшая речка. Размеры площадки городища 55×45 м, высота над окружающей местностью 8—8,5 м. Себежское городище расположено на берегу озера и занимает высокий, с очень крутыми склонами холм, являющийся возвышенным концом моренной гряды. Размеры площадки поселения 80×40 м. К этому же типу принадлежат поселения Мидино, Красиково и другие.

Эта группа памятников характеризуется лепной керамикой темно-серой, буроватой или черноватой окраски, содержащей значительную примесь крупной дресвы. Поверхность сосудов снаружи из-за выступающих зерен дресвы бугристая. Механическая прочность слабая. Орнаментированные фрагменты встречаются очень редко. Орнамент — ямочки, нанесенные палочкой в верхней части сосудов. У большин-

---

[1] Архив А. А. Спицына в ЛОИА, дело 218.

[2] Ф. Д. Гуревич, Археологические памятники Великолукской области. *КСИИМК 62*, Москва 1956, стр. 95—107; С. А. Тараканова, Себежские городища и курганы. *Труды ПОКЭ I*, стр. 111—117.

[3] П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва—Ленинград 1966, стр. 234.

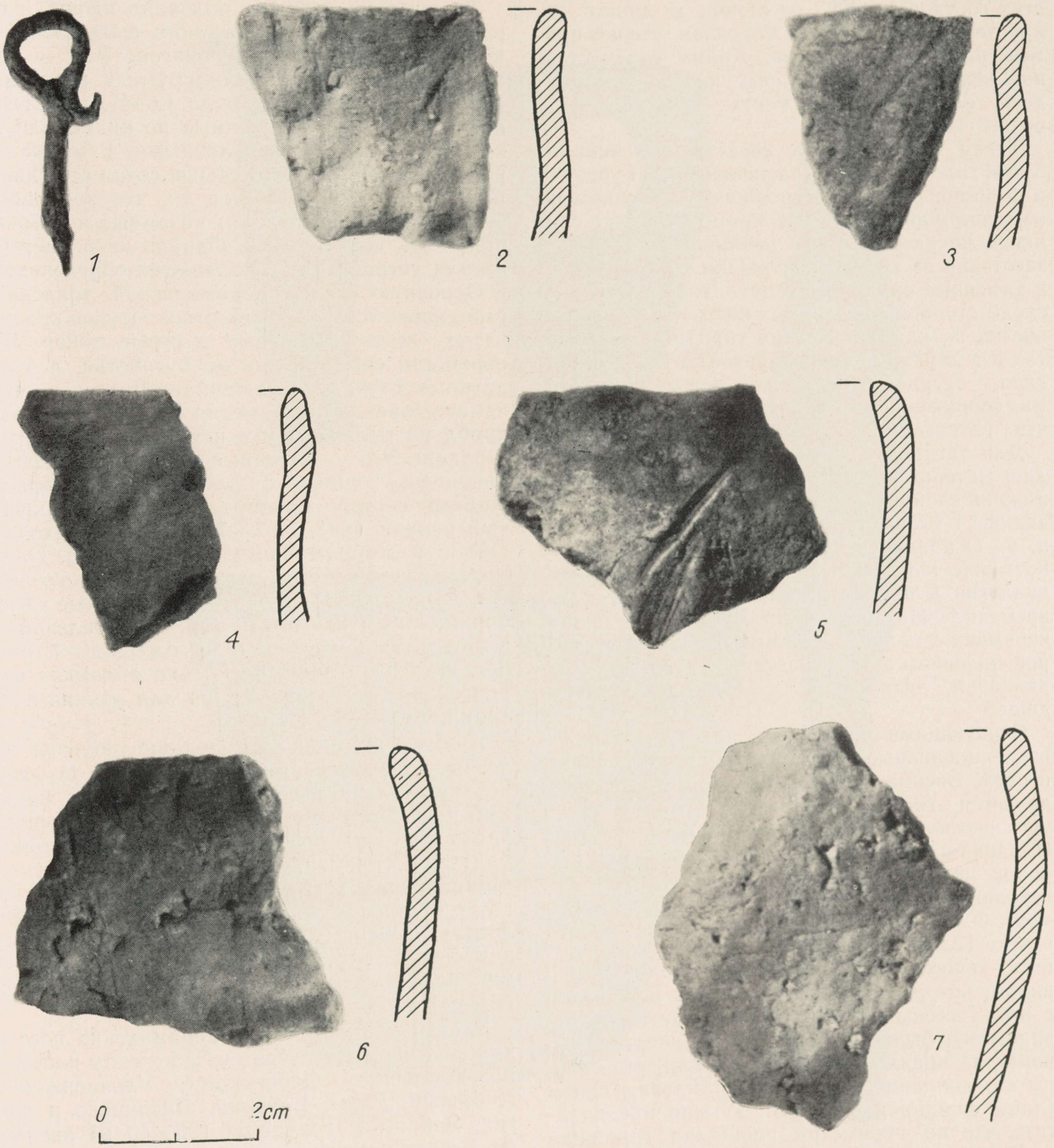

Рис. 1. Фрагмент железной булавки и керамика из городища Стояки.

ства сосудов переход от стенок к днищу закруглен. Форма сосудов баночная, стенки прямые, непрофилированные. Кроме гладкостенной керамики, в некоторых поселениях найдены единичные фрагменты текстильной и штрихованной посуды.

Такая же керамика свойственна нижним слоям городищ Жуки (раскопки Ф. Д. Гуревич) и Фомино. В первом городище, устроенном на вершине моренной гряды, кроме обломков глиняной посуды, найдены различные поделки и заготовки из кости — проколки, долота, тесла и каменные орудия — долота, топор. Открыты следы столбовых наземных построек и развалы очагов из камней. Как на городище Фомино, так и в Жуках нижние горизонты культурного слоя с бугристой керамикой лежат под валами, сооруженными в поздний период жизни этих поселений.

Для датировки древнейших себежских городищ материалов мало. Ф. Д. Гуревич отнесла нижний слой городища Жуки ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков н. э. Основанием для датировки послужил костяной и каменный инвентарь, находящий аналогии в прибалтийских памятниках этого времени.[4] На основе находок текстильной керамики с мелкими четкими отпечатками второй половины I тысячелетия до н. э. С. А. Тараканова датировала и Себежское городище.[5]

Следующими по времени являются городища, защищенные с напольной стороны валом и рвом. Весьма характерным для этой группы является городище Стояки, которое было устроено на мысу, образованном изгибом реки Идрянки (левый приток реки Великой) и широкой поймой безымянной речки. Площадка городища имела овальные очертания, ее размеры 30×15—17 м, высота над уровнем воды в реке 12,5 м. С напольной стороны городище было защищено рвом шириной около 15 м и валом, который позднее был срыт и сброшен в ров. Склоны городища очень крутые и, по-видимому, были подрезаны в древности. Раскопки на краях городища показали, что склоны его дополнительно были промазаны слоем глины толщиной 5—15 см. Можно предполагать, что по периметру площадка городища была обнесена стеной, устроенной из вертикальных столбов-стояков, ямы которых зафиксированы раскопками, и горизонтальных бревен, концы которых запускались в пазы стояков.

Раскопками вскрыта половина площади городища. Толщина культурного слоя до 0,4 м. Изучено свыше десятка очагов. Это — ямы округлых и неправильно-округлых очертаний размерами от 0,9×0,5 м до 1,6×1,6 м, глубиной 0,2—0,4 м, выложенные по краям или по склонам сильно прокаленными камнями. В районе очагов открыто свыше сотни столбовых ям. Бесспорным является то, что жилищами этого поселения служили наземные постройки столбовой конструкции. Однако их размеры и детали устройства не поддаются определению.

Основную массу керамической коллекции городища составляют обломки сосудов красноватых, желтовато-бурых и серых тонов. Поверхность сосудов уже не бугристая, а в отдельных случаях оглаженная. Дресва в тесте присутствует, но ее заметно меньше и она раздроблена мельче, чем в керамике древнейших городищ. Это — баночные или слабо профилированные горшки с расширенным верхом. Иногда сосуды приобретают профилированный венчик (рис. 1 : 2—7; 2 : 4). Переход от стенок к днищам часто имеет выступ. Орнаментация на сосудах отсутствует. Исключение составляют два фрагмента, украшенные неглубокими круглыми ямками. Текстильной и штрихованной керамики на городище Стояки нет, встречено лишь несколько обломков бугристой посуды, характерной для ранних поселений.

Кроме керамики на городище найдены железная посоховидная булавка (рис. 1: 1), наконечник втульчатого копья (рис. 2: 3) и железный нож. Посоховидная булавка имеет многочисленные аналогии в памятниках восточнобалтских племен. Подобные находки из Мокрядинского городища на Смоленщине П. Н. Третьяков относит к концу I тысячелетия до н. э. — первым векам н. э.[6] Этим же временем датирует Е. А. Шмидт железные и бронзовые булавки, изогнутые в виде пастушеского посоха, с городища Новые Батеки.[7]

Керамика, идентичная керамике из поселения в Стояках, встречена в Себежском поозерье на городищах Язбовском[8], Ульяновщине[9], Добрыши, Рябы, Барсуки, Литвиново и других. Язбовское городище (35×40 м) занимало высокий холм, с трех сторон омываемый озером Глубоким, а с четвертой защищенный искусственным валом. Раскопками С. А. Тара-

[4] Гуревич, стр. 97, 99.
[5] Тараканова, стр. 117.
[6] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва—Ленинград 1963, стр. 88.
[7] Там же, стр. 171.
[8] Тараканова, стр. 115—117.
[9] Гуревич, стр. 100—102.

Рис. 2. Вещи из себежских городищ. 1, 2 — Фомино; 3, 4 — Стояки.

кановой открыты очаги, одинаковые с описанными выше, и столбовые ямы. Городище Ульяновщина устроено на останце среди болот, его размеры 50×20 м. Раскопками исследованы остатки железоплавильных горнов, сложенных из глины. Найдены каменная зернотерка, рыболовный крючок, посоховидная булавка и нож с горбатой спинкой. Ф. Д. Гуревич относит это поселение к 3—4 вв. н. э.

Последнюю группу себежских городищ эпохи раннего железа составляют поселения, имеющие целую систему валов и рвов. Одним из них является городище близ дер. Фомино. Оно устроено на конце большой гряды ледникового происхождения. Овальная площадка городища имела размеры 36×27 м и была защищена по периметру невысоким валом. Раскопками установлено, что внешние склоны вала были вымощены небольшими камнями. С трех сторон городище имело высокие и крутые склоны, а с северной стороны на пологом склоне было устроено три ряда валов и рвов.

Городище оказалось двухслойным. Нижние горизонты культурного слоя, края которых уходили под вал, содержали раннюю бугристую керамику. Верхние же горизонты слоя характеризовались глиняной посудой, близкой к керамике городища Стояки. От последней керамика городища Фомино отличалась лишь меньшим содержанием дресвы и присутствием песка в глиняном тесте. Чаще встречаются сосуды с заглаженной поверхностью. Формы сосудов те же, орнаментация отсутствует. К этому горизонту культурного слоя относятся также находки кусков болотной руды, железных шлаков, кузнечных инструментов (рис. 2:1, 2), пращевого камня и глиняного пряслица.

К этому же типу памятников принадлежит и городище Жуки, известное по раскопкам Ф. Д. Гуревич. Его овальная площадка (размерами 55×50 м) с северной и южной сторон ограждалась параллельно насыпанными валами высотой до 1 м, которых с одной стороны было шесть, с другой — три. Валы разделялись рвами, глубина которых равнялась 0,5—0,8 м, ширина — 3—4 м. Непосредственных данных для датировки себежских городищ, огражденных несколькими рядами валов и рвов, не имеется.

Место себежских городищ эпохи раннего железа вполне определенно. Их керамический материал полностью идентичен глиняной посуде синхронных поселений Смоленского Поднепровья и Витебско-Полоцкого течения Западной Двины.[10] Детальное сопоставление керамики себежских и смоленских городищ, в настоящее время наиболее изученных, показывает, что совпадают не только формы сосудов и техника их изготовления, но и эволюция глиняной посуды. Бугристая керамика себежских городищ полностью совпадает с аналогичной посудой Смоленщины, где такая керамика, судя по исследованиям Е. А. Шмидта, относится ко второй половине I тысячелетия до н. э.[11] Керамика городища Стояки это то, что Е. А. Шмидт называет «сглаженно-исчерченной». Глиняная посуда верхних горизонтов городищ Фомино и Жуки сопоставима со смоленской, по терминологии Е. А. Шмидта, «песчанистой» керамикой.[12]

Сходна со Смоленщиной и эволюция укреплений себежских городищ. Городища типа Стояков в Себежском поозерье имеют многочисленные аналогии в таких смоленских памятниках, как Мокрядино, Тушемля (нижний слой) и т. д. Городищ, подобных себежским городищам с многовальной системой обороны, опять-таки много на Смоленщине — городища Вошкино, Прудки, Городок и другие. Таким образом, по имеющимся данным, себежские городища эпохи раннего железа относятся к кругу памятников днепро-двинской культуры. Себежское поозерье является северо-западной окраиной ареала этой культуры.

---

[10] Третьяков, Шмидт; Третьяков, стр. 170—174; К. П. Шут, Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. *Древности Белоруссии*, Минск 1966, стр. 166—182.

[11] Е. А. Шмидт, Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I-го тысячелетия до н. э. *Материалы по изучению Смоленской области 4*, Смоленск 1961, стр. 354—355.

[12] Третьяков, Шмидт, стр. 156, 157.

SEBEŽI JÄRVEDEALA LINNUSED

V. V. Sedov

Lühikokkuvõte

Viimased uurimised Pihkva oblasti Sebeži järvedeala linnamägedel võimaldasid detailselt tundma õppida nende kaitseehitusi ja keraamika arengut ning kinnitada nende kuuluvust Dnepri-Dvinaa kultuuri muististe hulka. Varase rauaaja vanimad asulad olid I aastatuhande teisel poolel e.m.a. ehitatud looduslikele kõrgendikele ega omanud kunstlikke valle. Neile on iseloomulikud muhkliku pinnaga purgikujulised savinõud. Teise rühma kuuluvad linnused, mis ehitati viimaseil sajandeil e.m.a. ja meie ajaarvamise algul, olid kaitstud valli ja kraaviga. Üks sellistest on 1967. aastal uuritud Stojaki linnus. Nende linnuste keraamika on siledate, veidi profileeritud seintega (joon. 1, 2). Vanema rauaaja kõige hilisemate linnuste kindlustussüsteem koosnes mitmest vallist ja kraavist. Savinõud erinevad eelmistest oma koostiselt, milles on liiva. Kui arvestada analoogiat Smolenski piirkonna linnustega, kuuluvad need linnused meie ajaarvamise I aastatuhande keskele ja kolmandasse veerandisse.

DIE BURGBERGE IM SEENGEBIET VON SEBEŽ

W. W. Sedow

Zusammenfassung

Neue Untersuchungen der Burgberge des Sebežgebietes ermöglichten es, ihre Befestigungsanlagen und die Entwicklung ihrer Keramik genau kennenzulernen und ihre Zugehörigkeit zur Dnepr-Dwina-Kultur mit Sicherheit festzustellen. Die frühesten Siedlungen der älteren Eisenzeit wurden hier ohne künstliche Befestigungen auf natürlichen Bodenerhebungen angelegt. Charakteristisch sind hier Tongefässe zylindrischer Form mit «höckeriger» Oberfläche. Diese Siedlungen stammen aus der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends v.u.Z. Die Burgen der zweiten Gruppe sind mit einem künstlichen Wall und Graben befestigt. Die Keramik wird jetzt glattwandig und ein wenig profiliert (Abb. 1, 2). Hierher gehört der in 1967 untersuchte Burgberg in Stojaki. Die Burgen dieser Gruppe gehören in die letzten Jahrhunderte vor u.Z. und in den Anfang u. Z. Das Befestigungssystem der spätesten Burgen der älteren Eisenzeit besteht aus mehreren Wällen und Gräben. Der Ton der Gefässe erhält jetzt eine Beimischung von Sand. Auf Grund ihrer Gleichartigkeit mit den Burganlagen des Smolensker Gebietes lassen sich die jüngsten sebežer Burgen um die Mitte und ins dritte Viertel des I. Jahrtausends datieren.

EESTI NAISTE NOATUPED

J. Selirand

Iseloomulikeks leidudeks II aastatuhande algusest pärinevates naisehaudades Eesti territooriumil on nn. tupenoad. Harilikult on haudades säilinud noad, kuna orgaanilisest ainest — tavaliselt nahast, puust või tohust — tuped on enamikul juhtudel hävinud. Osa noatuppi on aga kaetud pronksplekist naastudega. Selliseid pronksplekist noatupepealistisi on teada üle poolesaja, kusjuures oma valdavas enamikus on need leitud maa-alustest kalmistutest.

Hauda on noatuppi pandud rõivaste traditsioonilise osana. H. Moora järgi kuulus vöö külge kinnitatud tupenuga II aastatuhande alguses ja hiljemgi eesti naise piduliku ülikonna juurde.[1] Et surnud maeti pidulikes rõivastes, siis ongi noatuppi leitud esijoones vaagnaluude läheduses luustike vasakul või paremal küljel. Ometi ei olnud naiste tupenugadel ainult ehte funktsioon ja praktiline otstarve, vaid neile omistati ühtlasi teatud maagilist tähendust. Viimasele osutab tõsiasi, et II aastatuhande alguses oli naistel kombeks kanda muude ripatsite hulgas ka luust ja pronksist noakujulisi kaitseripatseid. Pealegi pole tupenuge leitud ainult vöö läheduses, vaid neid on hauda kaasa antud otseselt panustenagi.[2]

Oma kujult jagunevad pealistised kahte rühma: suurem osa on ühtlaselt laiad, kuna teistel on laiend suupoolses osas.

Ühtlaselt laiu noatupepealistisi on seni leitud 33. Ilustatud on need seestpoolt hoolikalt väljakummitud mustriga, mille järgi võib selles pealististerühmas eristada veel mitut alarühma.

Kõigepealt mainiksime Riuma kivikalmest (Viljandi raj.) leitud ornamendita noatupepealistist.[3] Otsustades muu kalmest leitud materjali järgi, võib seda noatuppe pidada pärinevaks II. sajandist.

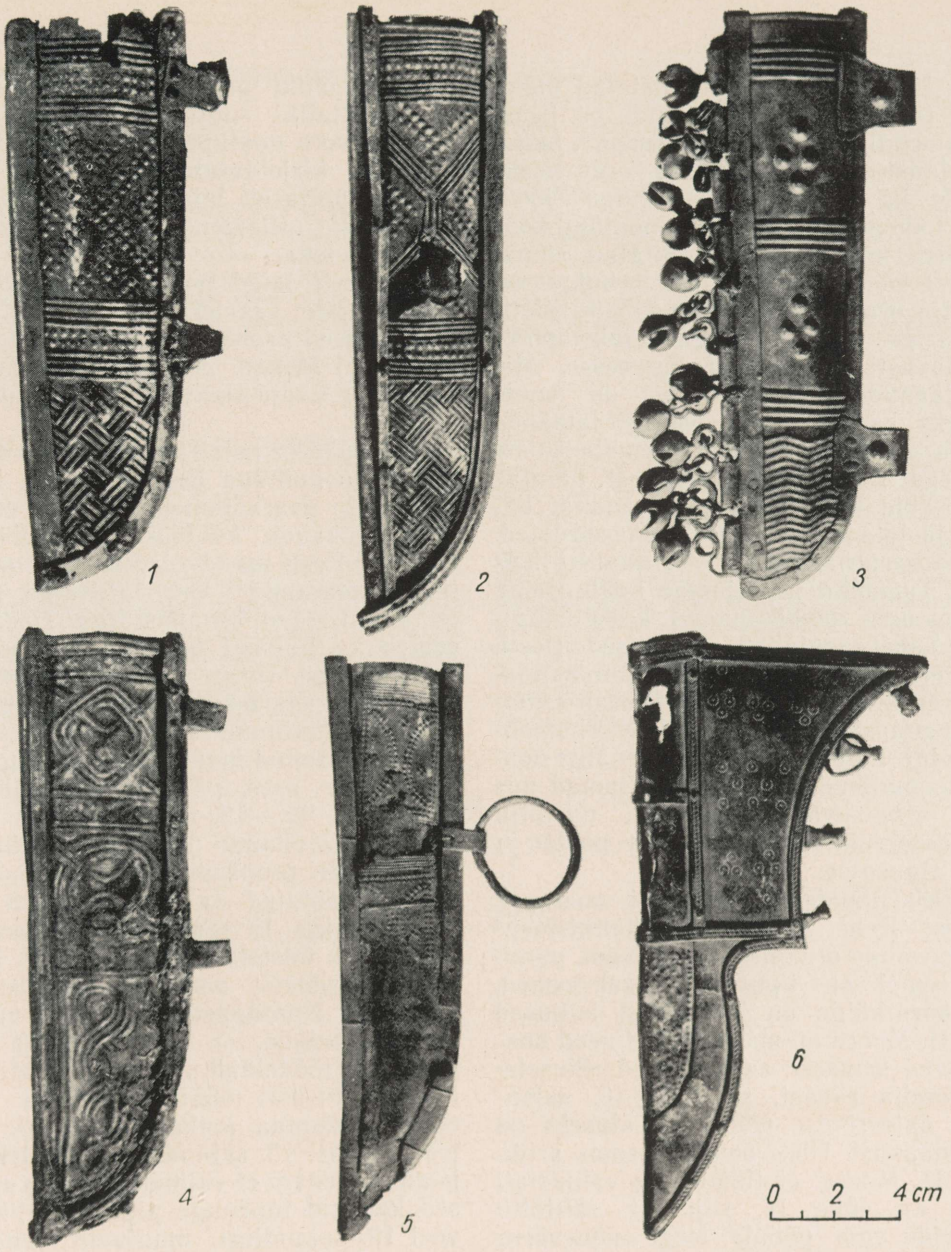
Rakvere rajoonis asuvast Inju kalmest leitud noatupe ornament moodustub seest väljapoole kummitud ja paralleelsete ridadena paigutatud kühmukestest (joon. 1:5). Et pealistise tipuosa pole säilinud, siis ei saa ka kindlasti otsustada, kas ornament on olnud jagatud kaheks või kolmeks väljaks. H. Moora on selle matuse kalmest

---

[1] H. Moora, Eesti rahvarõivaste arenemise ajaloost. *Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult.* Tallinn 1957, lk. 15. Vrd. H. Moora, Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal. *AK Toim. IV,* Tartu 1926, lk. 16.

[2] Näiteks leiti 1964. a. autori juhatusel toimunud Kaberla kalmistu (Harju raj.) kaevamistel haudadest nr. 156 ja 179 nuga koos tupega haua peatsist kolju lähedalt, hauas nr. 181 asus tupenuga vasaku õlavarreluu peal.

[3] J. R. Aspelin, Muinaisjäännöksiä suomen suvun asumusaloilta — Antiquités du Nord Finno-Ougrien, V. Helsinki 1884, nr. 1981 = Tallgren, ZAE II, joon. 145.

Joon. 1. Pronksplekist noatupepealistisi Eesti kalmistutest. 1 — Kaberla, 2 — Küti, 3 — Rohe, 4 — Tammiku, 5 — Inju, 6 — Haimre (AI 4116 : 181; 3992 : 17; 3515 : 1; 4200 : 50; 570 : 4; 2727 : 229).

leitud mündi järgi dateerinud aega 1000. aasta ümber; õigem tundub selle paigutamine 11. sajandi esimesse poolde.[4]

Neljateistkümnel noatupel[5] on ornament kõrgemale kummitud joontega jagatud kahte ossa: suupoolse osa ornamendi moodustavad kühmu-

[4] H. Moora, Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit II. *ÕES Ar. 1929*, Tartu 1931, lk. 30. AI kogus selle leiukompleksi (570 : 1—18) hulgas münt puudub. Noatupe kaasleidudeks on 2 ühendharulist kaksikristpeanõela, prismakujuliste otstega hoburaudsõlg ja 13 plettmustriga käevõru, mille järgi otsustades matus pärineb 11. sajandi esimesest poolest.

[5] Lahepera (H. Moora, Die Vorzeit Estlands. *Veröffentl. AK VI*, Tartu 1932, joon. 48:4), Küti (AI 3992 : 58), Kaberla (J. Selirand, Kaberla maa-alune kalmistu (13.—17. sajand). *MKA*, joon. 16 : 1; AI 4116 : 41, 155, 181, 197, 207, 220; AM 2515 : 3 — 2 eks.) ja Jägala (AM 279 : 2; LVM 59492) maa-aluseist kalmistuist ning Edise (Aspelin, nr. 1910) kivikalmest.

kesed, kuna kitsam tipuosa on ilustatud punutismustriga (joon. 1:1). Peale nende on kaheosalise ornamendiga veel neli noatuppe[6], millel erinevalt eelmistest on suupoolses osas lisaks kühmukestele ka kõrgemale kummitud jooni (joon. 1:2). Laheperas leiti selline noatupp koos kaksikristpäiste nõelte külge kinnitatud rinnakee ja rohkete käevõrudega; viimaste hulgas on valatud lainja ornamendiga ning kitsaid plett- ja rombmustriga võrusid. Kogu leiukompleks kuulub nähtavasti 12. sajandi algusesse. Mis puutub ülejäänud tuppedesse, siis on nende iseloomulikeks kaasleidudeks prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed, väikeste ühendharuliste ristpeanõeltega rinnakeed ja kolmest pronkstraadist keeratud käevõrud — 12. sajandi teisele poolele ja 13. sajandi algusele omased ehted.

Neljal noatupepealistisel[7] on ornament kolmeväljaline. Tammiku ja Pajumaa noatuppedel on suupoolses osas rombikujundid, keskel ringi- ja tipuosas kaheksakujulised punutised (joon. 1:4). Mallavere ja Põltsamaa Kuningamäe noatuppedel on erinevalt eelmistest tipuosas samalaadne punutismuster kui kaheosalise ornamendiga tuppedelgi. Kolmeosalise ornamendiga noatuppede iseloomulikud kaasleiud on samad mis kaheosalise ornamendiga tuppedel, mistõttu neidki võib dateerida 12. sajandi teise poolde ja 13. sajandi algusesse.

Lõpuks tuleb nimetada veel kaht noatuppe Vaimastverest Rohe maa-alusest kalmistust.[8] Nende kolmeosaline ornament on lihtsam, punutismustri asemel on tipuosas siksak-jooned, seljapoolse ääre külge on kinnitatud kuljused (joon. 1:3). H. Moora on märkinud, et need noatuped kuuluvad samasse aega tuntud rõivasteleiuga Parisselja rabast, s. t. 14.—15. sajandisse.[9] Leiu dateerimise põhiliseks aluseks on sealsed tinanaastud. Ühes oma hilisemas artiklis[10] näitas H. Moora, et tinanaaste valmistati Baltimaadel ka enne 14. sajandit, mistõttu Parisselja leidu võib pidada isegi mõnevõrra vanemaks. Seega võivad Vaimastvere noatupedki pärineda vanemast ajast. Arvestades ka asjaolu, et 14.—17. sajandi kalmistutest pole saadud ühtki pronksplekist noatupepealistist, võib küllaltki suure tõenäolisusega väita, et Vaimastvere noatuped kuuluvad 13. sajandisse.

Peale kirjeldatute on Eestist leitud veel seitsme ühtlaselt laia noatupepealistise katkendeid, mille ornamenti pole aga võimalik enam kindlaks teha.

Ühtlaselt laiad noatuped olid omased Eesti mandriosale, saartel neid ei kantud. Levinud olid sellised pronksplekist noatupepealistised ka Soomes.[11] Mõned noatuped on Eesti mandrilt viidud ka vadja-slaavi aladele, ulatudes Novgorodigi.[12]

Noatuped laiendiga suupoolses osas olid iseloomulikud Eesti saartele, kust neid on leitud ligi paarkümmend — 9 tervet ja katkendeid ligikaudu kümnest või rohkemast noatupest.[13] Eesti mandri lääneosast on leitud kolm sellist noatuppe.[14] Osa laiendiga noatuppedest on kaunistatud ornamendiga (joon. 1:6), aga esineb ka lihtsaid ornamendita pealistisi. Selline noatupe vorm pärineb algselt liivlastelt, kuid Eesti saartel on see edasiarendamist leidnud ja muutunud siis kohalikuks erivormiks, mis on ulatunud mandrilegi. Noatuped laiendiga suupoolses osas pärinevad kaasleidude järgi otsustades 12.—13. sajandist.

II aastatuhande algusest pärinevad naiste noatuppede pronksplekist pealistised on hoolikalt valmistatud ja kaetud hästi kujundatud ornamendiga. Et samalaadse ornamendiga pealistised on üksteise täpsed vasted, tuleb arvata, et pronksplekist noatuppi valmistati vähestes keskustes. Noatuppede suhteliselt väike arv osutab aga sellele, et pronksplekiga pealistatud, hoolikalt töödeldud noatuped olid 12.—13. sajandil, vähemal määral ka juba 11. sajandil, eesti ühiskonna jõukamate perede naiste eheteks. Pärast 13. sajandit pronksplekist noatupepealistisi enam ei valmistatud.[15] Kuigi eesti naised kandsid tupenuge piduliku ülikonna juures veel 19. sajandilgi, muutusid nende noatuped 14. sajandist alates lihtsamaks.

---

[6] Küti (AI 3992 : 17), Kaberla (AI 4116 : 112, 123) ja Mallavere (AM 3856 : 5) maa-aluseist kalmistuist.

[7] Mallavere (AI 4109 : 6) ja Tammiku (AI 4200 : 50) maa-aluseist kalmistuist, Pajumaa (Aspelin, nr. 1940= =RK, tahv. 28: 2=Tallgren, ZAE II, joon. 144) kivikalmest ja juhuleid Põltsamaa Kuningamäelt (Tallgren, ZAE II, tahv. VIII : 2=Moora, Eestlaste kultuur, joon. 14 : 1).

[8] AI 3515 : 1, 2.

[9] Moora, Eesti rahvarõivaste ajaloost, lk. 16, 18.

[10] Х. Моора, Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. *Munera Archaeologica Josepho Kostrzewski*, Poznań 1963, lk. 365.

[11] Aspelin, nr. 1483; Kivikoski, EZF II, joon. 916, 1149.

[12] А. А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. *MAP 20*, tahv. XVIII : 10; П. И. Засурцев, Новгород, открытый археологами. Москва 1967, joon. 30.

[13] Saartelt leitud noatuppede kohta vt. A. Kustin, Saaremaa ja Muhu muistised feodalismi tärkamise perioodist (11.—13. saj.). Tallinn 1962, lk. 168 jj. (käsikiri AI-s); A. Kustin, Kalmistu XIII—XIV sajandist Karjas, Saaremaal. *TA Toim. 1958, nr. 1*, lk. 51; A. Kustin, Randvere kivikalmistu Saaremaal. *MKA*, lk. 88 jj.

[14] Haimre (AI 2727 : 229; 3988 : 55) ja Maidla (AI 3512 : 1) kalmetest.

[15] Hilisemate noatuppede kohta vt. A. Viires, Eesti rahvapärane puutöödus. Tallinn 1960, lk. 38—40.

НОЖНЫ ОТ НОЖЕЙ ЭСТОНСКИХ ЖЕНЩИН

Ю. Селиранд

Резюме

В Эстонии в женских погребениях начала II тысячелетия н. э. найдено более пятидесяти покрытых бронзовым листом ножен от ножей. Такие ножи служили украшением, употреблялись в быту и имели также известное магическое значение. Ножны были двух видов. Для материковой Эстонии были типичны ножны одинаковой ширины, которых пока найдено 33 (рис. 1 : 1—5). На островах по образцу ливских ножен развилась особая их форма с расширением в верхней части. Там, помимо 9 целых ножен этого типа, найдены и фрагменты от примерно еще 10 экземпляров. Кроме того, имеется 3 экземпляра таких ножен из западной части материковой Эстонии (рис. 1 : 6). Ножны с тщательно обработанными бронзовыми накладками служили предметом украшения имущих женщин. В 14 веке такие нарядные ножны вышли из употребления, хотя вплоть до 19 века в праздничную одежду эстонских женщин входил и нож, носимый, однако, уже в более простых ножнах.

DIE MESSERSCHEIDEN DER ESTNISCHEN FRAUEN

J. Selirand

Zusammenfassung

In Estland sind in Frauengräbern aus dem Beginn des II. Jahrtausends u.Z. mehr als ein halbes hundert bronzebelegte Messerscheiden gefunden worden. Das in einer Scheide getragene Messer diente als Schmuck und hatte zugleich praktischen Zweck sowie eine gewisse magische Bedeutung. In Gebrauch waren zweierlei Messerscheiden. Für das estländische Festland waren gleichbreite Messerscheiden typisch. Solcher sind bisher 33 gefunden worden (Abb. 1 : 1—5). Auf den Inseln entwickelte sich nach dem Vorbild der livischen Messerscheiden eine Sonderform mit einer Verbreiterung des oberen Teiles. Von solchen Messerscheiden sind 9 ganze Exemplare und Bruchstücke von etwa 10 weiteren gefunden worden; ausserdem stammen 3 Messerscheiden dieser Art aus dem Westen des estländischen Festlands (Abb. 1 : 6). Die Messerscheiden mit sorgfältig ausgearbeitetem Bronzebelag gehörten zum Schmuck der wohlhabenden Frauen. Seit dem 14. Jh. kamen derartig verzierte Messerscheiden ausser Gebrauch, obwohl Messer in schlichteren Scheiden noch bis zum 19. Jh. zur festlichen Kleidung der estnischen Frauen gehörten.

О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПРИБАЛТИКИ СО СРЕДНИМ ПОВОЛЖЬЕМ И ПРИУРАЛЬЕМ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. П. Смирнов

Наиболее ранние следы этнических связей Прибалтики с населением Средней Волги и Приуралья относятся по крайней мере ко времени неолита и ранней бронзы, когда происходило проникновение финно-угорских племен на запад. Находки текстильной керамики на ранних городищах Прибалтики свидетельствуют об инфильтрации племен дьяковской культуры. С другой стороны, на территории дьяковской культуры встречается посуда со штрихованной поверхностью, характерной для Прибалтики.[1] Племена ананьинской культуры, обитавшие в западном Приуралье и на Средней Волге, распространили свое влияние на значительных пространствах северной полосы Восточной Европы. Весьма характерная керамика этой культуры встречается и на Самарской Луке и по Верхней Волге. Широкое распространение получили металлические изделия ананьинских племен. Они встречены под Архангельском, на территории Финляндии и в Поднепровье, в районе Чигирина, Киева, а также у Мелитополя.[2] В Эстонии были найдены копья ананьинского типа, а также булавки со спиральными головками и так называемые посоховидные. Одна такая булавка встречена в богатом женском погребении Акозинского могильника № 66, датируемом 6—5 вв. до н. э.[3] Такие булавки, только несколько меньшего размера, довольно часты на поселениях дьяковской культуры и в Прибалтике, где они найдены в погребениях примерно в начале и в первых веках н. э.[4] Наличие указанных булавок и копья свидетельствует о культурных связях Среднего Поволжья с Прибалтикой, хотя в настоящее время и трудно решить вопрос, где сложился прототип таких булавок. В своей докторской диссертации, посвященной проблеме древнейших финно-угров, А. Х. Халиков отметил большую роль ананьинской культуры в формировании не только пермской группы финно-угров, но и поволжской и западной групп. Нельзя пройти и мимо кельтов меларского типа, которые встречены в Восточной Прибалтике, Швеции и на Средней Волге. Здесь они известны в Младшем Волосовском могильнике вместе с кельтами ананьинского типа, в Акозинском могиль-

---

[1] Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин 1959, стр. 174.

[2] А. В. Збруева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. *МИА 30*, Москва 1952, стр. 187, рис. 16.

[3] А. Х. Халиков, Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. *Труды Марийской археологической экспедиции II*, Йошкар-Ола 1962, табл. XIII : 11 и стр. 88.

[4] Н. Моога, EZL II, стр. 168 и сл.; Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 199, рис. 55.

нике, и в отдельных местах Среднего Поволжья.

В. А. Городцов на основании находки умбона и кельта меларского типа датировал Младший Волосовский могильник 11—9 вв. до н. э. Из этого же могильника происходят два бронзовых копья сейминского типа, а также и шестигранные кельты.

При публикации материала Акозинского могильника А. Х. Халиков назвал меларский тип акозинским, мотивируя новый термин большим числом кельтов, найденных на Средней Волге в Акозинском могильнике. При этом следует отметить, что кельты акозинского типа представляют собой ряд вариантов, занимающих промежуточное место между меларским и ананьинским типами.

Как было доказано в свое время, ананьинский тип сформировался на основе сейминского.[5] Может быть, для некоторых вариантов ананьинских кельтов послужил прототипом и меларский кельт.

Отмеченные материалы — кельты, булавки и умбоны позволяют говорить о культурных связях между Прибалтикой и Средней Волгой в ранний железный век. Несомненно, были и этнические продвижения из Прикамья на запад. Однако нельзя всю огромную территорию севера Восточной Европы считать областью, занятой племенами ананьинской культуры, как это сделали В. Ф. Генинг и Н. И. Словцова. Они склонны считать, что находка типичной ананьинской посуды дает право на это. Такая посуда прослежена на среднем течении Вишеры, на Печоре, Вычегде и даже на побережьях озер Лача, Вожа и р. Онеги, на поселениях каргопольской культуры.[6]

Распространение ананьинской керамики позволило В. Ф. Генингу и Н. И. Словцовой прийти к выводу о смешанном населении, образовавшемся в результате перекрестных браков. Они склонны видеть в населении Сухоны, Вычегды и Северной Двины однородное население, занимавшее лесную зону северо-востока Европы. Здесь, как они утверждают, в раннем железном веке существовал единый этнический массив с чрезвычайно близкими, даже родственными друг другу племенными группами. По их мнению, общие черты в материальной культуре различных племенных групп, обитавших на северо-востоке Европы, были обусловлены не близостью их общественно-экономического строя, а этническим родством.[7] В названной области, к сожалению, материальная культура значительно сложнее, и там наряду с ананьинской посудой бытует посуда, покрытая сеткой. По-видимому, мало учитывать присутствие какого-либо типа керамики, следует привести и количественный показатель. Тогда было бы ясно, что данная область принадлежит не к ананьинской культуре, а к местной. Поэтому можно говорить об инфильтрации населения из Прикамья, которое было поглощено аборигенами. Это аборигенное население и определило своеобразие культуры. Несомненно, тесные этнические связи создали благоприятную обстановку для деловых связей Прикамья с Прибалтикой. По-видимому, они возникли еще в эпоху бронзы, когда на значительной территории существовали родственные культуры. Во всех районах обнаружены достаточно близкие комплексы керамики, имеющие ряд общих характерных признаков.[8]

Однако расцвет культурных связей Среднего Поволжья и Прикамья с Прибалтикой относится не к ананьинской, а к пьяноборской эпохе. Прежде всего необходимо отметить, что в это время пьяноборские племена в достаточном количестве проникали на правобережье Волги и далее на Запад. Если еще недавно можно было говорить, что наиболее западной точкой распространения пьяноборских племен были Нижняя Ока и Сура, то теперь эту границу следует отнести значительно дальше и можно уже сказать, что вся область дьяковской культуры испытала влияние проникновения пьяноборских племен. На многих городищах дьяковской культуры найдены предметы типично пьяноборского типа, на что в свое время обратила внимание Е. И. Горюнова.[9] П. Н. Третьяков считал, что предметы пьяноборского типа на верхней Волге были изготовлены местными мастерами по привозным образцам. Не исключается возможность, что пьяноборские мастера, оседая в разных местах Волго-Окского междуречья, передали свои навыки местному населению. Сами пьяноборцы вряд ли проникали в Прибалтику, но деловые связи с населением этого края бесспорны. Среди материала прибалтийских могильников можно отметить ряд предметов, аналогичных поволжским. Так, например, во втором могильнике в Кохтла-Ярве был найден несомкнутый

[5] Збруева, стр. 107.

[6] В. Ф. Генинг и Н. И. Словцова, О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности. *Ученые записки Пермского государственного университета 148*, Пермь 1967, стр. 53.

[7] Генинг, Словцова, стр. 54.

[8] Там же, стр. 58.

[9] Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. *МИА 94*, Москва 1961, стр. 30.

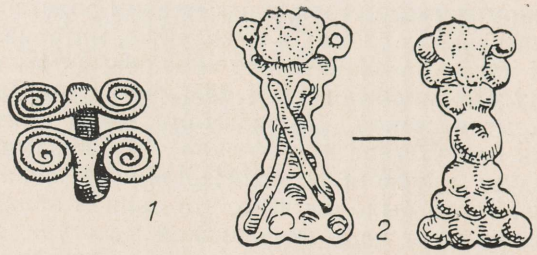

Рис. 1. Перстень (1) из могильника в Кохтла-Ярве и бляшка (2) из могильника Е в Ябара. (По М. Х. Шмидехельм.)

перстень, вместо щитка которого были четыре спирали, по две на каждом конце (рис. 1 : 1). М. Х. Шмидехельм склонна датировать большинство погребений этого могильника 3 в. н. э.[10] Такой же перстень был обнаружен в Таутовском могильнике в Чувашии. В числе фатьяновских погребений оказалось вводное погребение № 3, в котором были найдены предметы, характерные для финно-угорских племен I тысячелетия н. э. Среди стеклянных золоченых бусин, пластинчатой круглой пряжки, височного кольца в виде небольшой спирали с коротким штырем, заканчивающимся двумя пирамидками, находился и перстень пластинчатый, несомкнутый, концы которого образуют по две спирали с каждой стороны. Таутовский перстень совершенно идентичен экземпляру из могильника Кохтла-Ярве.[11] Следует отметить при этом, что перстни этого типа широко распространены в Прибалтике, известны в Латвии, Западной Литве, Калининградской области; известны они и в более позднем материале Латвии, где совершенно идентичные экземпляры датируются 13 в. н. э.[12] Аналогичный перстень известен в числе находок из могильника Е в Ябара.[13]

Внимание привлекают круглые застежки, украшенные по периметру полусферическими выступами. У некоторых поверхность бляхи сплошная, с выступом в центре, у других ажурная.[14] В Прибалтике варианты таких застежек известны из могильника Трийги (Раквереский район).[15] У этой фибулы пластинка ажурная, украшенная по периметру полусферическими выступами, а в центре — высоким конусом, орнаментированным выступами с шариками. М. Х. Шмидехельм отмечает ряд близких по типу застежек, редко находимых в Калининградской области, в Латвии и Эстонии. Отмечает она и близкую находку с Березняковского городища, которая стоит ближе к пьяноборским, чем к эстонским образцам. Несомненно, в оценке указанных фибул М. Х. Шмидехельм права, отмечая их восточное происхождение.[16] Они сходны с фибулами, найденными и на Каме, и в Прибалтике, где они датируются первыми веками н. э.

В Приуралье, на средней Волге и по нижнему течению Оки встречаются подковообразные фибулы с гнездами для эмали.[17] На некоторых из них отсутствуют гнезда для вставки эмали. Такие образцы, по-видимому, следует приписать местным мастерам. Возможно, что из Прибалтики, кроме подковообразных, попали крестообразные фибулы, которые, как было установлено В. А. Городцовым, использовались в качестве нашивных бляшек. У таких фибул отсутствовала игла.

К числу бляшек, попавших из области пьяноборской культуры, следует отнести нашивные бляшки в виде двух треугольников, составленных из полусферических выступов, соединенных в вершине треугольников (рис. 1 : 2). В Эстонии такой тип украшений был найден в могильнике Е в Ябара.[18] Аналогичные украшения известны с Троицкого и Медведовского городищ дьяковской культуры.[19] По своему облику эти бляшки принадлежат к числу пьяноборских вещей. Возможно, что бляшки квадратной формы с выступающими полусферами по углам служили прототипом для более поздних блях.[20] Более простыми являются бляшки крестообразной формы из Холуйского могильника[21], и, наконец, этого же типа бляшки известны в вымской культуре в бассейне Вычегды из раскопок Э. А. Савельевой. Эти бляшки более позднего времени, 12—13 вв. н. э. Наиболее ранней является бляшка из

[10] Шмидехельм, Археологические памятники, рис. 34 : 10, стр. 139—140.

[11] Н. В. Трубникова, О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. *Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР XVI*, Чебоксары 1958, стр. 239.

[12] Moora, EZL II, стр. 463; LKS, табл. LIV : 4.

[13] Шмидехельм, Археологические памятники, рис. 25 : 13.

[14] Древности по раскопкам А. А. Синицына в 1898 г. Ленинград 1933, табл. X : 6; В. Ф. Генинг, Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. *Вопросы археологии Урала 4*, Свердловск 1962, стр. 21, рис. 97, 68, 29, 11.

[15] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 160, рис. 43 : 2.

[16] Там же, стр. 40.

[17] Горюнова, стр. 32, рис. 9.

[18] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 101, рис. 25 : 1.

[19] Горюнова, стр. 32, рис. 9 : 13, 14.

[20] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 138, рис. 33 : 4.

[21] Горюнова. рис. 57 : 2.

могильника Кохтла-Ярве, относимая к 3 в. н. э.

Несомненно, западными являются браслеты, найденные М. Р. Полесских в Ражкинском могильнике. Они изготовлены из массивной пластины с выступами и напоминают по форме браслеты из Мощинского клада.[22]

О культурных связях между Прибалтикой и Поволжьем можно говорить и на основании спиральных браслетов, которые появляются в Прибалтике довольно рано, а в Поволжье проникают со времени 6—7 вв. н. э., не получая такого широкого распространения. М. Х. Шмидехельм прослеживает их в могильниках северо-восточной Эстонии в первых веках н. э.[23] В пределах Латвии они встречаются с первых веков н. э. и бытуют до первых веков II тысячелетия.[24] Их можно встретить в могильных комплексах Нукшинского могильника.[25] Эти браслеты известны и на территории Швеции. В Поволжье они представлены в Подболотьевском могильнике и в ряде могильников мери, например в Сарском.[26] В незначительном количестве они встречаются у мордвы, примером чего может служить Крюковско-Кужновский могильник.[27] В настоящее время трудно еще решить вопрос, откуда пришла эта форма: с востока в Прибалтику или наоборот. Однако то обстоятельство, что в Прибалтике спиральные браслеты встречаются несколько раньше и представлены различными вариантами, свидетельствует о том, что о Прибалтике можно говорить как о первичной области сложения этого типа украшений.

Для установления культурных взаимосвязей немаловажное значение имеют гривны глазовского типа. Они представлены бронзовыми и серебряными экземплярами, сделанными из круглой в сечении проволоки, несколько тоньше в центре, и имеющими по бокам винтообразную нарезку или очень тонкую, или более широкую. Очень своеобразен запор в виде многогранных головок или же петли и многогранника. Запоры нередко орнаментированы. В Приуралье гривны этого типа встречаются не только в погребениях, но и в кладах. Большое внимание уделил им Т. Арне, который установил их дату — 9—11 вв., отметив, что наибольшее количество таких гривен происходит из Глазовского уезда. С датой, установленной Т. Арне, согласился и А. А. Спицын. Материал раскопок древнеудмуртских могильников позволил прийти к выводу, что более массивные гривны с широкой винтовой нарезкой относятся к раннему времени — 9—10 вв., а более тонкие с узкими нарезками — к 11 веку.

То обстоятельство, что гривны глазовского типа распространены главным образом в Приуралье и на Северной Волге, давало основание считать этот край местом, где сформировался данный тип украшений. С другой стороны, в Прибалтике представлены прототипы, которые датируются значительно более ранним временем, главным образом, 3—4 вв. н. э. Ранние гривны представлены там различными вариантами.[28] Сюда относится также один из вариантов гривен, происходящий из могильника Е в Ябара.[29] Это обстоятельство позволяет говорить о Прибалтике как области, где сформировался данный тип украшения.

По-видимому, в какой-то мере западное влияние отражают украшения костромской мери 11—12 вв. н. э. Об этом можно судить по нагрудным украшениям подтреугольной формы, соединенным цепочкой; этот прием широко распространен в Прибалтике[30], но почти не встречается в Поволжье и Приуралье.

Приведенные примеры достаточно определенно свидетельствуют о связях населения Прибалтики с Приуральем и Средней Волгой, начавшихся довольно рано и просуществовавших длительное время. Говоря о средних веках, нельзя забывать о булавке скандинавского типа, найденной в начале 20 века на могильнике Чем-Шай в Глазовском районе Удмуртской АССР. Большую роль в развитии торговых и культурных связей сыграло государство волжских болгар, которое служило центром связей между арабским востоком и западом. Большое число кладов восточных монет, находимых на пути от болгар до Прибалтики, достаточно убедительно свидетельствует об этом. На протяжении длительного времени Среднее Поволжье и Приуралье были связаны культурными и торговыми связями с далекой Прибалтикой.

---

[22] М. Р. Полесских, Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. *СА 1959, № 4,* стр. 206, рис. 4 : 1.

[23] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 199.

[24] LKS, табл. XI : 14; XXVII : 4; XXXI : 6; XLVIII : 3; Моога, EZL II, стр. 445 и сл.

[25] Э. Д. Шноре, Т. Я. Зейд, Нукшинский могильник. *МИАЛ 1,* Рига 1957, табл. XIV—XVI.

[26] Горюнова, рис. 55 : 12.

[27] П. П. Иванов, Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск 1952, табл. XI : 5; XIV : 5, 6; XVI : 5.

[28] Моога, EZL II, стр. 278 и сл.

[29] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 97, рис. 23 : 2.

[30] Горюнова, рис. 96 : 8; Шноре, Зейд, табл. III : 3; LKS, табл. XLVI : 4.

BALTIMAADE KULTUURISIDEMETEST KESK-VOLGA JA URAALI ALADEGA ESIAJAL

A. P. Smirnov

Lühikokkuvõte

Arheoloogilised andmed tõendavad, et soomeugrilasi on liikunud Uraalist Ida-Baltimaadele hiljemalt juba neoliitikumis. Keraamika järgi otsustades võime rääkida Djakovo kultuuri hõimude ja riibitud keraamika kultuuri hõimude vastastikusest infiltreerumisest. Iseäranis elavad kultuuri- ja kaubasidemed Kesk-Volga ja Uraali alade ning Baltimaade vahel on olnud meie ajaarvamise I aastatuhandel. Seda tunnistavad mõlemal alal levinud ehted, mille prototüübid leiduvad kas Pjanobori kultuuri või Baltimaade meie ajaarvamise esimeste sajandite arheoloogilises materjalis (joon. 1).

ÜBER DIE KULTURBEZIEHUNGEN ZWISCHEN DEM OSTBALTIKUM UND DEN GEBIETEN AN DER MITTLEREN WOLGA UND AM URAL IM ALTERTUM

A. P. Smirnow

Zusammenfassung

Das archäologische Material bezeugt das Eindringen der Fenno-Ugrier aus dem Uralgebiet ins Ostbaltikum spätestens im Neolithikum. Das keramische Material erlaubt uns, von einer gegenseitigen Infiltration der Stämme der Djakowo-Kultur und derjenigen der Strichkeramik zu reden. Besonders lebhaft wurden die gegenseitigen Kultur- und Handelsbeziehungen zwischen dem mittleren Wolgagebiet und dem Ural einerseits und dem Baltikum andererseits im I. Jahrtausend u.Z. Davon zeugt eine Reihe von Schmuckgegenständen, deren Prototypen in dem Material entweder der Pjanoborkultur oder derjenigen des Baltikums der ersten Jahrhunderte u.Z. zu finden sind (Abb. 1).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ДРЕВНЕГО САЛАСПИЛСА И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКА

А. Стубавс

В период существования Ливонского государства каменный замок Саласпилс играл важную роль, обеспечивая северным землям Ливонского ордена непосредственную связь с орденскими территориями в Курземе и Земгале. Он давал возможность ордену держать под контролем очень важный для Ливонии путь по Даугаве после того, как епископский замок на острове Мартиньсала был разрушен.[1] Саласпилсский замок был построен орденом на правом берегу Даугавы, в 18 км от Риги. Его основные укрепления в виде правильного четырехугольника занимали площадь в 1200 м^2. На востоке был расположен форбург, а на западе — вспомогательные укрепления и оборонительная башня на обрывистом берегу Даугавы. Замок был возведен к 1380 г.[2] Постройки его частично сгорели в 1577 г.[3] После Ливонской войны замок в значительной мере утратил свое военное значение и полностью не восстанавливался. В политической истории Ливонии Саласпилс (Neu-Kirchholm) известен тем, что здесь 30 ноября 1452 г. был подписан договор между рижским архиепископом и Ливонским орденом, определявший условия господства обеих сторон над Ригой.[4] Отдельные остатки укреплений замка сохранились до наших дней.

Археологическими раскопками 1967—1968 гг.[5] памятник исследован на площади 1120 кв. м. Добыто 1037 инвентарных единиц разных предметов, 16 монет, черепки керамики, кости животных, строительные детали и т. д. Памятник привлекает внимание главным образом потому, что в ходе раскопок установлены два периода заселенности его ареала, предшествовавшие времени возведения замка, о существовании которых ранее не было сведений. Всего саласпилсский каменный замок претерпел четыре крупные перестройки, о которых сви-

---

[1] K. Löwis of Menar, Die Düna von der Ogermündung bis Riga und der Badeort Baldohn. Riga 1910, стр. 66.

[2] K. Löwis of Menar, Burgenlexikon für Alt-Livland. Riga 1922, стр. 70.

[3] A. Tuulse, Die Burgen in Estland und Lettland. *Verh. GEG XXXIII*, Tartu 1942, стр. 236.

[4] T. Zeids, Feodalisms Livonijā. Rīgā 1951, стр. 111.

[5] В данной статье рассматриваются лишь находки, добытые в ходе раскопок. О строительных конструкциях см. краткие сведения: А. Стубавс, Раскопки в Саласпилсе. *Археологические открытия 1967 года*, Москва 1968, стр. 270—271 и *Археологические открытия 1968 года*. Москва 1969, стр. 378—380; A. Stubavs, Arheoloģiskie izrakumi Salaspilī 1967. g. *Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu un entnogrāfu 1967. gada pētījumu rezultātiem*, Rīgā 1968, стр. 72—75; A. Stubavs, Arheoloģiskie izrakumi Salaspilī 1968. g. *Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnografu 1968. gada pētījumu rezultātiem*, Rīgā 1969, стр. 47—51.

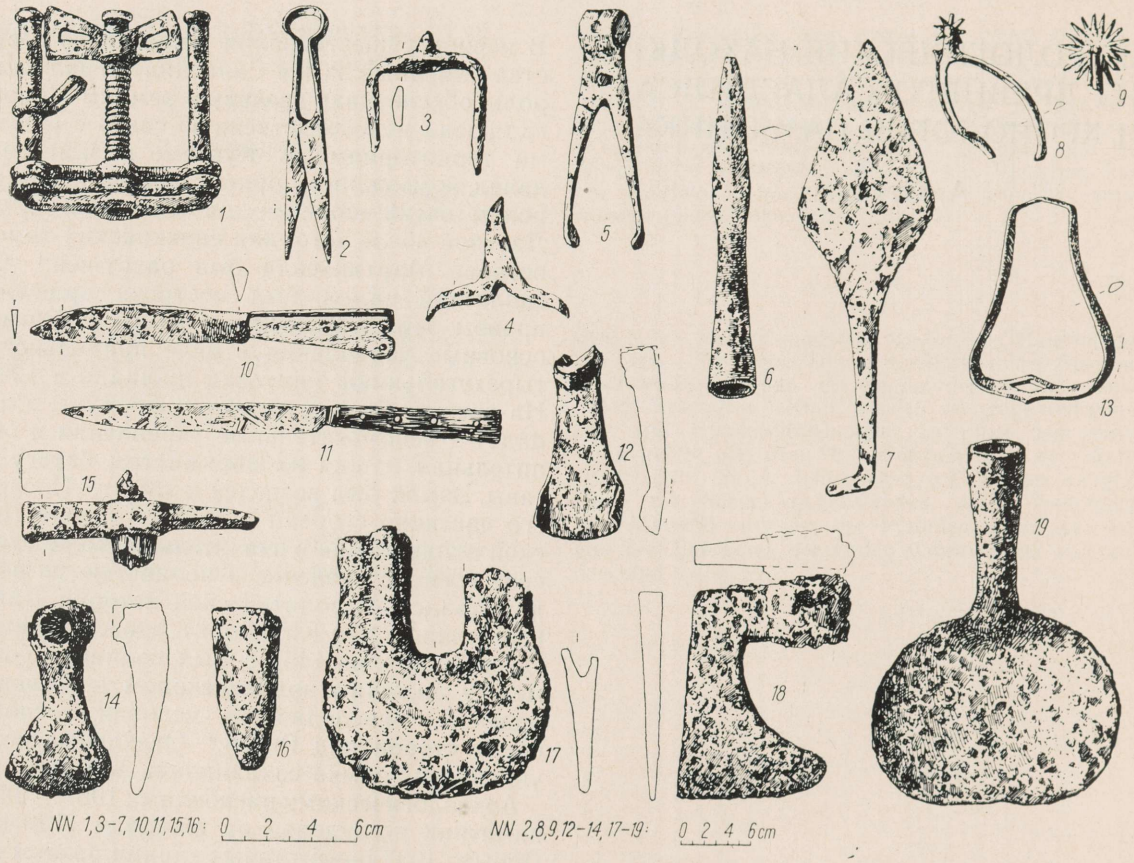

Рис. 1. Саласпилс. Железные предметы. 1 — тиски, 2 — пружинные ножницы, 3 — шип, 4 — пешня для хождения по льду, 5 — щипцы для литья свинцовых пуль, 6, 7 — наконечники копий, 8 — шпора, 9 — колесико шпоры, 10, 11 — ножи, 12 — тесло, 13 — стремя, 14 — мотыга, 15 — молот, 16 — наковальня, 17 — оковка лопаты, 18 — секира, 19 — угольная лопата. (1, 2, 5, 8 — 16, 19 — из слоя каменного замка; 7, 17, 18 — из поселения.)

детельствует и стратиграфия памятника, выявившая четыре слоя в районе замкового двора. О хронологии верхнего слоя каменного замка приблизительное представление, помимо вещевого материала, дают найденные здесь монеты, несмотря на то, что часть из них была в обращении сравнительно долго. Монеты, найденные в первом слое замкового двора и в щелях вымостки, относятся, главным образом, к чеканке середины и второй половины 16 в.[6] Второй слой датируется первой половиной 16 в., частично уже и 15 веком.[7] Представление о нижних горизонтах каменного замка дают обнаруженные здесь предметы, керамика, характер строительства и типы строительных материалов.

Саласпилс представлял собой типичный центр ливонского рыцарства, поэтому материал находок весьма односторонен и характеризует этот памятник, главным образом, в военном аспекте. В отличие от архиепископских замков и хозяйственных центров Ливонии (Рига, Кокнесе и др.) для Саласпилса 14—16 вв. не являются характерными ни большая хозяйственная активность, ни оживленные и обширные торговые связи. Немногочислен и материал, освещающий уровень и технику земледелия.

Из отраслей ремесла лучше всего представлены местная выплавка и обработка железа, так как на кузнечную продукцию в замке существовал большой спрос. Имелась потребность в массовом производстве оружия, различного рода железных и стальных орудий, металлических строительных принадлежностей. Во всех слоях замка в большом количе-

[6] Шиллинг города Риги 1570 г.; таллинский шиллинг Иоанна III (1568—1592); шиллинг города Риги 1572 г.; ливонский шиллинг рижской чеканки 1538 г. (Германа Брюггенея).

[7] Монета тартуского епископа Бартоломея Савиерва (1440—1459); ливонский шиллинг рижской чеканки 1535 г. (Германа Брюггенея); шиллинг рижского архиепископа Иоанна VI Амбунди (1418—1424).

стве обнаружен железный шлак, найдены кусок крицы, долота, молот с остатками железного клина рукоятки (рис. 1 : 15, размеры — 10,3×2,5×1,6 см, вес — 173 г). С развитием огнестрельного оружия росло потребление и свинцовых пуль, которые отливались в двухчастной каменной форме (рис. 2 : 15). Формы такого типа позволяли добиться сравнительно высокой производительности труда, однако еще более производительными были щипцы для литья свинцовых пуль (рис. 1 : 5 — концы сведены). Половина щипцов аналогичного типа добыта отдельной находкой из раскопок А. Зариней поселения Лаукскола в Саласпилсе.[8] Другими орудиями труда, относящимися к этому периоду, являются угольная лопата (рис. 1 : 19), шарнирные и пружинные ножницы (рис. 1 : 2), циркуль (рис. 2 : 14), мотыга, напильник, сверло, шилья, фрагменты топоров, тесло с отверстием для рукоятки (рис. 1 : 12). Подобного рода орудия применялись для выдалбливания деревянных предметов еще в 19 в. Отверстие для рукоятки саласпилсского тесла аналогично таковому у тесла 12—13 вв. из эстонского городища Отепя[9], а лезвие указывает на аналогию с удлиненным теслом 11 в. из Новгорода.[10]

Количественно более значительной категорией орудий труда и предметов обихода являются ножи (47 экз.), представленные двумя типами, — черенковые и с клепаной рукояткой (рис. 1 : 10, 11). Пять ножей имели черенки из оленьего рога. В этой группе выделяются три экземпляра с фигурным концом черенка в виде стилизованной головы оленя (рис. 1 : 10).

Некоторые предметы, пришедшие в негодность в результате износа или поломки, приспособлены для других функций: железная мотыга выкована из поврежденного топора (рис. 1 : 14), бронзовый скребок для чистки рыбы изготовлен из фрагмента поврежденного сосуда (рис. 3: 9), у которого нижний край был заточен.

Относительно многочисленны находки оружий и предметов, связанных с военной техникой. Более всего в Саласпилсе было найдено так называемых немецких арбалетных наконечников стрел — втульчатых (рис. 2 : 8, 9 — 18 экз.) и черенковых (рис. 2 : 12, 13 — 10 экз.). Втульчатые наконечники арбалетных стрел по классификации А. Ф. Медведева относятся к его 8-му типу, который, помимо Латвии, был распространен на Руси к западу от линии Новгород—Смоленск—Киев. Они датируются 13—15 вв.[11], однако в Саласпилсе обнаружены также в слое 16 в.[12] Все черенковые наконечники арбалетных стрел из Саласпилса принадлежат к 15—16-му типам Медведева. Они обнаружены главным образом в нижнем слое замка (14—15 вв.), что указывает на совпадение времени их употребления с общей, установленной для них датировкой от конца 12 до 14 вв.[13]

Шпоры со звездчатым колесиком получили распространение в Западной Европе[14] и Польше[15] с конца 13 в.; шпоры из Новгорода датируются 14—15 вв.[16] Ближайшую аналогию железной шпоры из Саласпилса с треугольной в сечении дугой и восьмиконечной звездочкой-колесиком (рис. 1 : 8 — концы обломаны) представляет собой железная шпора с треугольной в сечении и орнаментированной дугой, восьмиконечной звездочкой-колесиком, железной пряжкой у одного и крюком у другого конца дуги из IX погребения могильника в Валгалес Веги.[17] Кроме того, в этом погребении найдена еще одна железная шпора с дугой круглого сечения и 10-конечной звездочкой-колесиком, а также железный широколезвийный топор, железный наконечник копья с восьмигранной втулкой и ромбовидным сечением пера. Э. Штурмс датирует могильник 14 в.[18] Тем же временем или несколько позднее (14—15 в.) может быть датирована саласпилсская шпора. На рис. 3 : 7 изображена железная пряжка с петлей, принадлежавшая шпорам такого же типа. Железное колесико бо́льшего размера в виде 18-конечной звездочки добыто из второго слоя (рис. 1 : 9).

Примерно 14—15 вв. датируется найденное железное стремя (рис. 1 : 13).

Небольшая (7,4×3×2,6 см, вес — 248 г) призматическая наковаленка (рис. 1 : 16) служила для ювелирной работы. Однако в Салас-

---

[8] ИИЛ 128 : 522.

[9] A. Viires, Eesti rahvapärane puutööndus. Tallinn 1960, стр. 33—34, рис. 12.

[10] Б. А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции II, МИА 65*, Москва 1959, стр. 31, рис. 17 : 3.

[11] А. Ф. Медведев, Ручное метательное оружие. *Свод археологических источников, Е 1—36*, Москва 1966, стр. 94—95, табл. 31 : 8; 15 : 9, 20.

[12] ИИЛ 126 : 415, 433.

[13] Медведев, стр. 95—96, табл. 31 : 29, 19.

[14] A. Demmin, Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen. Leipzig 1891, стр. 618.

[15] Z. Hilczerówna, Ostrogi polskie z X—XIII wieku. Poznań 1956, стр. 65, табл. VIII.

[16] А. Ф. Медведев, Оружие Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции II*, стр. 191.

[17] МИЛ 61947 : 3.

[18] E. Šturms, Izrakumi Valgales Veģu ugunskapos. *Vēstures atziņas un tēlojumi*, Rīgā 1937, стр. 365.

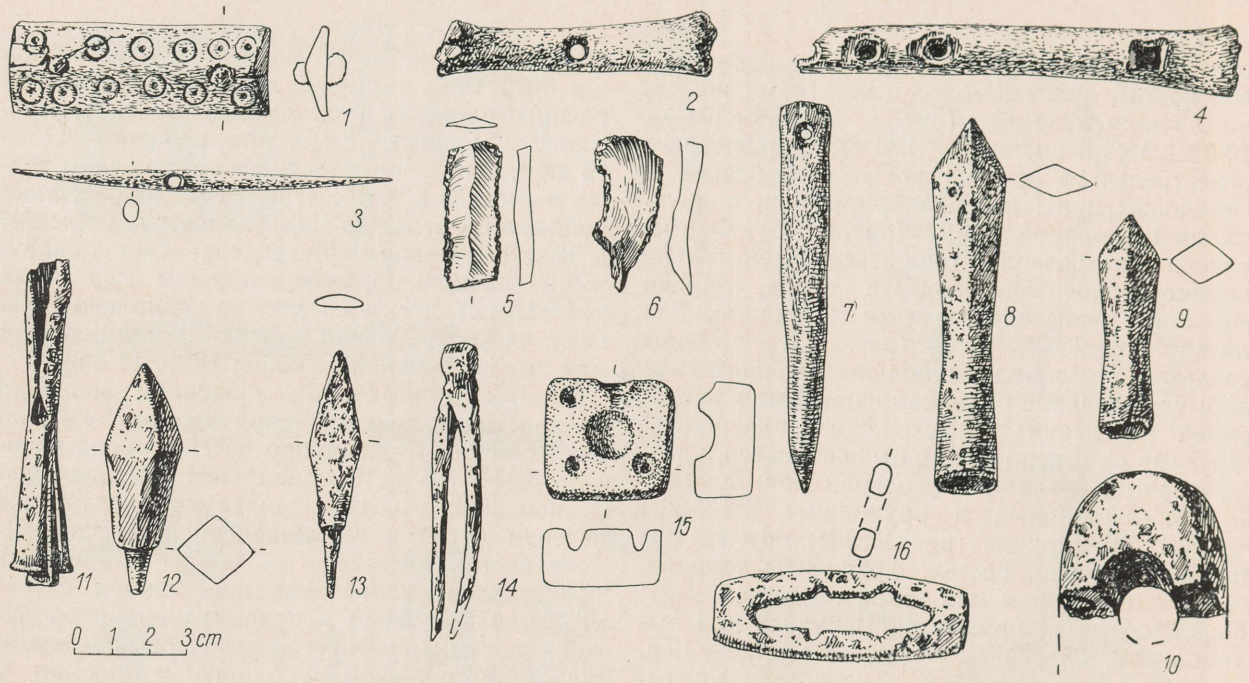

Рис. 2. Саласпилс. Костяные (1—4, 7), кремневые (5, 6), каменные (10, 15) и железные (8, 9, 11—14, 16) предметы. 1 — поперечина гребня, 2 — игрушка «жужжалка», 3 — остроконечник для ловли рыбы на живца, 4 — свирель, 5 — ножевидная пластинка, 6 — сверло, 7 — шило, 8, 9, 12, 13 — наконечники стрел, 10 — фрагмент топора, 11 — наконечник шомпола, 14 — циркуль, 15 — форма для литья свинцовых пуль, 16 — огниво. (8, 9, 12—15 — из слоя каменного замка; 1—4, 16 — из поселения; 5—7, 10 — из древнейшего слоя.)

пилсе не обнаружено признаков высокой степени развития ювелирного ремесла: украшений найдено мало, технология их изготовления простая. В числе украшений, относящихся к периоду каменного замка, следует упомянуть янтарные (рис. 4 : 3), стеклянные (рис. 4 : 7) и костяные (рис. 4 : 8) бусины (последняя от четок), бронзовый штампованный бубенец с одной прорезью (рис. 4 : 4), бронзовый перстень с рифленым желобком по краю (рис. 4 : 5), бронзовый перстень с витой средней частью (рис. 4 : 6), бронзовые оковки пояса (рис. 4 : 9, 15, 16), бронзовую подкововидную фибулу с витой дугой и дегенерированными звериными головками на концах (рис. 3 : 2) и подвеску — двойной конек (рис. 3 : 3, бронзовые бубенчики отсутствуют). Последняя является типичным ливским украшением, представленным во всех памятниках даугавских ливов. В раскопках могильника на Мартиньсала (под руководством А. Зариней) в 332-м погребении такая подвеска[19] обнаружена вместе с тордированной подковообразной фибулой с уплощенными концами, бронзовой фибулой с четырьмя выступами, крестовидными подвесками и шейным украшением, состоящим из раковин каури, подвесок и трех ливонских монет чеканки первой четверти 15 в. Подвески в виде двойного конька упомянутого типа встречаются также в комплексах, датируемых второй половиной 14 в.

Остальные металлические принадлежности одежды также отличаются простотой (рис. 4 : 1, 10, 11). Лишь найденная во втором слое нитка золотой парчи является свидетельством роскоши праздничной одежды немецких феодалов.

Интересной и пока единственной на территории Латвии находкой этого рода являются найденные во втором пласте первого слоя (16 в.) железные тиски (рис. 1 : 1; 9,3×8,5—9,2×1—1,8 см).[20] Конструкция и размер тисков позволяют предполагать, что они могли применяться для пыток или в качестве орудия ремесленника. По-видимому, средняя поперечина свободно перемещалась в боковых стойках, в то время как верхняя поперечина с помощью винта поднималась вверх. Поэтому в тиски одновременно могли быть помещены (завинчены) два небольших объекта. Пыточные тиски применялись для сдавливания больших

[19] ИИЛ 128 : 338.

[20] Аналогичные орудия экспонированы в Государственном историческом музее Эстонской ССР в Таллине и в Пайдеском краеведческом музее.

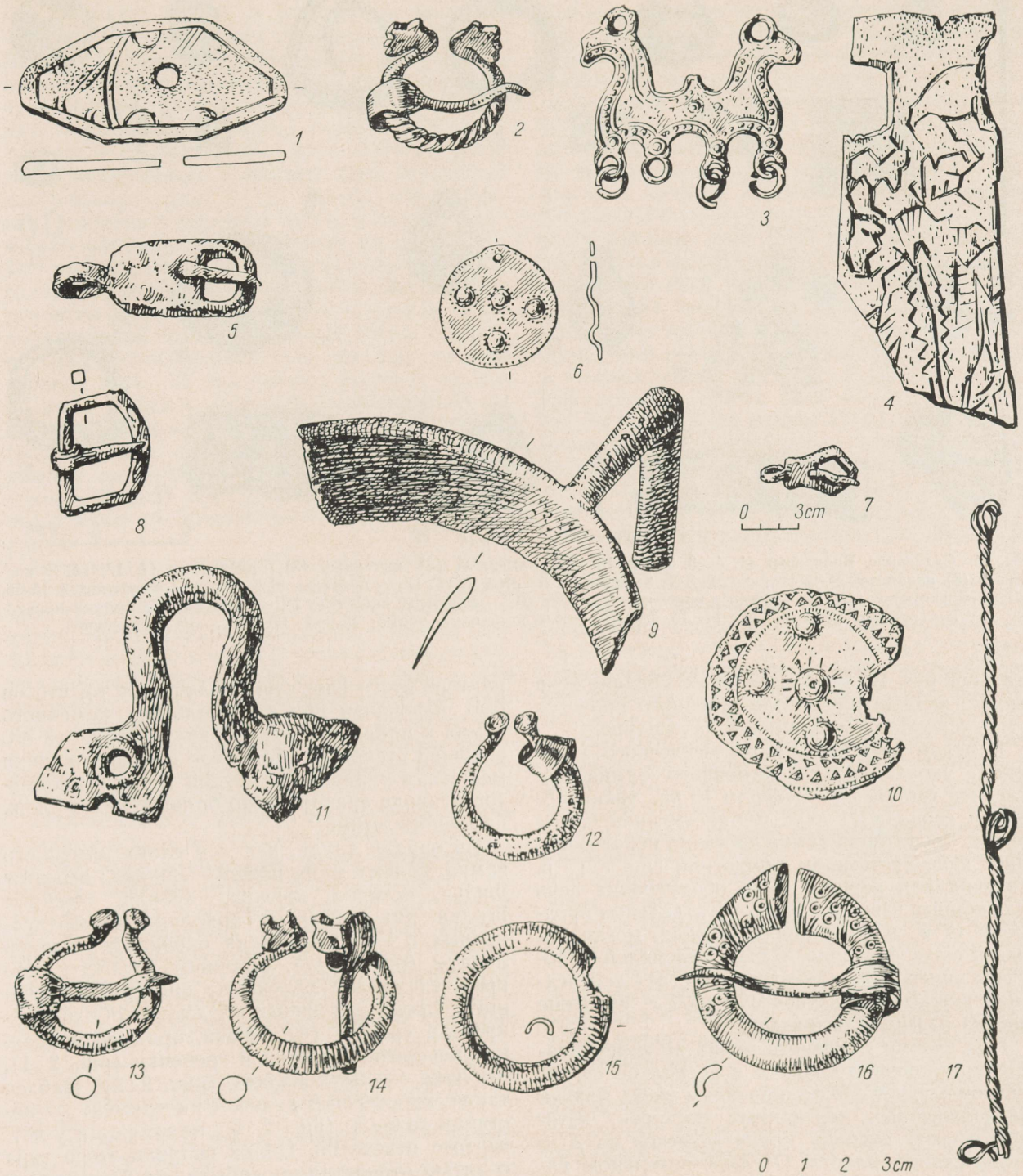

Рис. 3. Саласпилс. Костяные (1, 4), бронзовые (2, 3, 6, 9—16) и железные (5, 7, 8) предметы. 1, 15 — обкладки, 2, 12—14, 16 — фибулы, 3, 6, 10 — подвески, 4 — фрагменты пластинки, 5, 7 — пряжки шпор, 8 — пряжка, 9 — фрагмент сосуда, 11 — ушко от котла. (1—4, 6, 7, 9, 11 — из слоя каменного замка; 10, 12—17 — из поселения.)

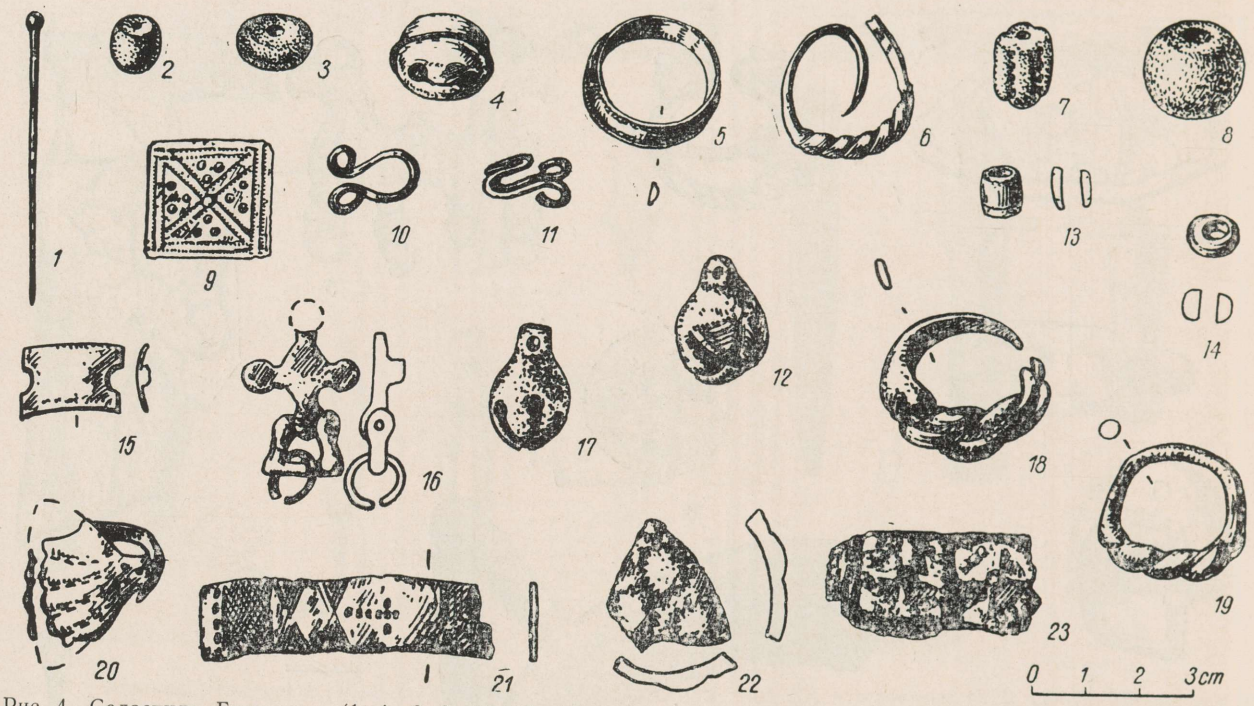

Рис. 4. Саласпилс. Бронзовые (1, 4—6, 9—12, 15—23), каменный (2), янтарный (3), стеклянные (7, 13, 14) и костяной (8) предметы. 1 — булавка, 2, 3, 7, 8, 13, 14 — бусины, 4, 12, 17 — бубенцы, 5, 6, 18—20 — перстни, 9, 15, 16, 23 — оковки пояса, 10, 11 — петля и крючок от одежды, 21 — фрагмент браслета, 22 — фрагмент (орнаментированной головки жезла?). (1—11, 15, 16 — из слоя каменного замка; 12—14, 17—23 — из поселения.)

пальцев рук. Об использовании в средние века такого рода пыток в ходе судебного процесса свидетельствуют указания в литературе.[21]

В целом датировка археологического материала саласпилсского каменного замка последней третью 14 — концом 16 вв., таким образом, совпадает с данными письменных источников. Территория замка частично использовалась в хозяйственном отношении еще в 17 в. (в западном корпусе была оборудована печь для обжига извести). Поэтому отдельные предметы 17 в., в особенности оружие, могли попасть сюда случайно. Близ Саласпилса находится укрепление «Звиедру сканстис» («Шведские шанцы»), у которого в 1605 г. польские войска разгромили шведов.[22]

Под слоями каменного замка за коричневатой прослойкой толщиной в несколько сантиметров следует слой с остатками очень близко расположенных деревянных построек, который в свою очередь подразделяется на 2—3 строительных пласта. О самостоятельном характере этого слоя свидетельствует то, что он был перекопан при строительстве каменного замка и продолжается на западе также за его внешней стеной. В этом слое находок оружия меньше, а украшений, орудий труда и предметов обихода сравнительно больше, чем в слоях каменного замка.

Из орудий труда, как и в слоях каменного замка, больше всего ножей — 29 экз.; имеются шилья, острога, крючки, зубила, швейные иголки, два шиферных пряслица, импортированных с Руси, железная оковка деревянной лопаты (рис. 1 : 17), фрагмент верхнего жернова, точильные бруски из шифера и песчаника. Среди различных предметов обихода — кресала (рис. 2 : 16), ключи, орнаментированная поперечина костяной гребенки (рис. 2 : 1), игрушка — «жужжалка» (рис. 2 : 2). Найден также простейший духовой инструмент — костяная свирель (рис. 2 : 4), поломанная у четвертого отверстия. Целая свирель этого типа с пятью отверстиями добыта на Турайдском городище.[23] Обнаруженное костяное остроконечное орудие рыбной ловли на живца (рис. 2 : 3) с отверстием посредине представляет со-

[21] Der Grosse Brockhaus, 6. Leipzig 1930, стр. 375; T. Zemzars, Spīdzināšana kā procesa elements Vidzemē. *Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, Nr. 1*, Rigā 1938, стр. 159, 172.

[22] История Латвийской ССР, I. Рига 1952, стр. 191.

[23] См. статью В. Уртана в настоящем сборнике стр. 226 и сл.

бой вариант орудия, 3 экземпляра которого найдены на Талсинском городище[24] и 1 — в Вецдоле[25]. Острия его пропускаются под кожу живца, и поскольку один конец его немного короче другого, то при сильном рывке он становится вертикально в пасти хищной рыбы.

В числе оружия в этом слое найден боевой топор неизвестного в Латвии типа. Железный топор-секира (рис. 1 : 18) сильно корродирован, особенно в обушной части, поэтому невозможно определить, сохранился ли весь обух. Он принадлежит к типу топоров с узким сплошным четырехугольным обухом, в котором рукоятка закрепляется клином, а иногда — дополнительной заклепкой у края обуха. На территории Чехословакии этот тип был распространен в 14—15 вв., причем большей частью он имел широкое лезвие.[26] Саласпилсская секира, похожая по форме на один экземпляр из Чехословакии, датируемый 14 в., была, по-видимому, изготовлена на месте. Лезвие ее более узкое (13 см), чем у большинства топоров этого типа из Центральной и Западной Европы.

Наконечники, аналогичные железному наконечнику копья с широким ромбовидным пером (рис. 1 : 7), имеются среди материалов из раскопок Терветского и Ерсикского городищ 12—13 вв.[27]; сходны с ними и четыре наконечника, найденные А. Бухгольцем в 1897 и 1899 гг. при раскопках замка на Мартиньсала.[28] По данным новейших раскопок, замок на Мартиньсала существовал с конца 12 до второй половины 14 в.[29] Саласпилсский экземпляр датируется примерно 13 в.

Подковообразная фибула со стилизованными концами в виде звериных головок и с поперечно рифленой дугой (рис. 3 : 14) принадлежит к типу, который первоначально появился, вероятно, на о. Готланд и оттуда распространился в Прибалтику. В Финляндии фибулы этого типа датируются 1050—1150 гг.[30] Саласпилсская фибула с несколько дегенерированными концами более поздняя, она относится к 12—13 вв. Подковообразные фибулы с расширенными концами иногда встречаются в качестве импортных предметов вне территории Прибалтики (например, на Новогрудском городище в слое второй половины 12 в.)[31]. У саласпилсской фибулы (рис. 3 : 16) узкая пята булавки свидетельствует о сравнительно раннем происхождении — 12 в., а пустотелая дуга — о более позднем периоде — 13 в., возможно и позднее. Позднюю форму представляют и обе подковообразные фибулы с уплощенными концами (рис. 3 : 12, 13). 13—14 веками датируются бронзовый перстень с витой передней частью (рис. 4 : 18) и бронзовый орнаментированный перстень с щитком (рис. 4 : 20). К этому же периоду относятся также фрагмент бронзового лентовидного браслета (рис. 4 : 21) и бронзовые бубенцы (рис. 4 : 12, 17). Бусина ярко-зеленого стекла (рис. 4 : 14) датируется 12—13 вв. (ближе к типу 13 в.). Стеклянные цилиндрические серебристые бусы распространены в археологических памятниках на территории Латвии со второй половины 11 до первой половины 12 в.[32] Саласпилсская бусина с имитацией серебряной фольги (рис. 4 : 13) относится к 12 в.

Второй период датируется в Саласпилсе 12—14 вв., причем это место было наиболее интенсивно заселено с 13-го и до середины 14 в. Между этим и последующим периодом существования каменного замка не было значительного промежутка. Этот период заселенности Саласпилса хронологически почти полностью совпадает с существованием каменного замка на одном из даугавских островов — на Мартиньсала (напротив Саласпилса). Тем не менее в материальной культуре и этническом составе между обоими памятниками существовала заметная разница. В первый период существования замка на Мартиньсала (до середины 13 в.) здесь на первый план выступали ливские элементы; преобладание их было ощутимо и во втором периоде (начиная с середины 13 в.), несмотря на то, что появилось больше вещественного материала немецкого происхождения.[33] Находки и строительные остатки в поселении Саласпилс также свидетельствуют о наличии ливского элемента, однако здесь находят выражение и некоторые черты материальной культуры балтов. В найденном здесь материале наблюдаются и известные приметы куршского происхождения. В строительстве,

---

[24] A. Karnups, Talsu pilskalns (1936. gada izrakumi). *Vēstures atziņas un tēlojumi*, Rīgā 1937, стр. 340, рис. 23.

[25] M. Atgāzis, 1967. g. izrakumi Vecdolē. *Referātu tēzes, 1967. g.*, стр. 50.

[26] E. Wagner, Kroje, zbroj a zbraně doby předhusitské a husitské. Praha 1956, стр. 19, табл. V : 2—6.

[27] ИИЛ 24 : 791/1957; F. Balodis, Jersika. Rīgā 1940, стр. 56, табл. X : 2.

[28] МИЛ 64844 : 504, I 2543, I 2544, 41A613.

[29] E. Mugurevičs, Mārtiņsalas pils un baznīca. *Referātu tēzes 1967. g.*, стр. 63—68.

[30] Kivikoski, EZF II, стр. 30, табл. 122:978.

[31] Ф. Д. Гуревич, Прибалтийский импорт в Понеманье в 10—13 вв. *БРФ*, стр. 55, табл. II : 4.

[32] Э. С. Мугуревич, Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига 1965, стр. 73—74.

[33] Э. С. Мугуревич, Раскопки на острове Мартиньсала. *Археологические открытия 1967 года*, стр. 278.

особенно в конструкции и функциональном использовании печей (с глинобитным подом), много сходного с материалом Кокнесского, Терветского и Талсинского городищ 12—13 вв. Влияние немецкой культуры выражено слабо. По-видимому, состав населения в этот период здесь был смешанным.

Древнейший культурный слой, лежавший непосредственно на материке, в значительной мере потревожен строительством последующих периодов. Материала этого периода пока добыто мало: немного штрихованной и гладкостенной грубой керамики, редкие предметы из камня, кремня и кости (рис. 2 : 5, 6, 7,10). Штрихованная керамика из Саласпилса принадлежит к виду, встречающемуся в укрепленных поселениях I тысячелетия до н. э. — рубежа нашей эры.[34] Фрагмент простого каменного топора (рис. 2 : 10), по-видимому, характерен для подгруппы, датируемой эпохой поздней бронзы — раннего железа.[35] Еще более широкими хронологическими рамками характеризуется ножевидная кремневая пластинка (рис. 2 : 5). Судя по малочисленности археологического материала, это место было заселено в течение непродолжительного времени в I тысячелетии до н. э. и на рубеже нашей эры или же использовалось лишь в качестве убежища в момент опасности. В последующий период (1—4 вв.) городища-убежища стали преобладающим типом городищ на территории Латвии.[36]

Древний Саласпилс с его тремя различными периодами заселенности представляет собой один из памятников густо заселенного района нижнего течения Даугавы с их многослойной стратиграфией. В последние годы в данном районе изучен ряд памятников такого же характера.

[34] Я. Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига 1967, стр. 107—108, табл. XXXII : 1, 7, 8; Э. Мугуревич, Укрепленное поселение начала нашей эры в западной Латвии (Курземе). *БРФ*, стр. 144—146; Э. Д. Шноре, Асотское городище. *МИАЛ II*, Рига 1961, стр. 12, 110, рис. 12.

[35] Граудонис, стр. 83, табл. I : 1, 3.

[36] H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952, стр. 88.

MUISTSE SALASPILSI ARHEOLOOGILISED LEIUD JA KRONOLOOGIA

A. Stubavs

Lühikokkuvõte

1967.—1968. aastal läbiviidud Salaspilsi ordulinnuse (Neu-Kirchholm, ehitatud enne 1380. aastat, 1557. aastal osaliselt hävitatud) kaevamistel avastati selle all kaks vanemat kultuurkihti. Artiklis käsitletakse muistise kronoloogiat, kusjuures autor tugineb leiuainese analüüsile ja numismaatilisele materjalile. Ordulinnus kuulub ajavahemikku 14. sajandi viimasest kolmandikust kuni 16. sajandi lõpuni (iseloomulikud leiud joon. 1 : 1, 2, 5, 8—16, 19; 2 : 8, 9, 12—15; 3 : 1—4, 6, 7, 9, 11; 4 : 1—11, 15, 16). Enne seda, 12. sajandist kuni 14. sajandi keskpaigani, oli samal kohal asula (leiud joon. 1 : 7, 17, 18; 2 : 1—4, 16; 3 : 10, 12—17; 4 : 12—14, 17—23) tihedalt paiknevate puust elu- ja majapidamishoonetega. Kuigi Salaspilsi asula eksisteeris osaliselt samal ajal kui naabruses asunud Mārtiņsala (Holmi) piiskopilinnus, on mõlema muistise leiumaterjalis selgesti avalduvaid erijooni. Nähtavasti elas Salaspilsi asulas nii liivi kui ka balti hõimudest pärinevaid inimesi. Salaspilsi vanimast asustusperioodist — I aastatuhandest e.m.a. ja meie ajaarvamise I aastatuhande algusest — on säilinud vaid väheseid leide, peamiselt riibitud ja siledapinnaliste savinõude kilde (joon. 2 : 5—7, 10).

DIE ARCHÄOLOGISCHEN FUNDE AUS DEM ALTEN SALASPILS UND DIE ZEITSTELLUNG DIESES DENKMALS

A. Stubavs

Zusammenfassung

Bei den Ausgrabungen, die 1967—1968 auf dem Gelände der Ordensburg Salaspils (Neu-Kirchholm, erbaut vor 1380; 1557 teilweise zerstört) durchgeführt wurden, liessen sich unter der aus der Zeit des Bestehens der Ordensburg stammenden Schicht zwei weitere Schichten feststellen, die ältere Besiedlungsperioden vertreten. Im vorliegenden Artikel wird das Problem der Zeitstellung dieses Denkmals der Betrachtung unterzogen, wobei sich der Verf, auf die Analyse des Fundstoffs mit Einschluss numismatischen Materials stützt. Die Ordensburgperiode umfasst den Zeitabschnitt vom letzten Drittel des 14. Jahrhunderts bis zum Ende des 16. Jahrhunderts (charakteristische Funde — Abb. 1 : 1, 2, 5, 8—16; 19; 2 : 8, 9, 12—15; 3 : 1—4, 6, 7, 9, 11; 4 : 1—11, 15, 16). Die Burg wurde auf einem alten Siedlungsort erbaut, wo Wohn- und Wirtschaftsbauten aus Holz dicht nebeneinander standen. Zur mittleren Besiedlungsperiode gehört der Zeitabschnitt vom 12. Jahrhundert bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts (Abb. 1 : 7, 17, 18; 2 : 1—4, 16; 3 : 10, 12—17; 4 : 12—14, 17—23). Diese Periode trifft zeitlich mit dem Bestehen der benachbarten Bischofsburg Mārtiņsala (Holm) zusammen. Jedoch weist der Fundstoff beider Denkmäler einen klar ausgeprägten Unterschied auf, der durch den gemischten Bestand der Bevölkerung in Salaspils (Liven und angehörige baltischer Völkerschaften) bedingt ist. Von der ältesten Besiedlungsperiode — dem I. Jahrtausend v.u.Z. und dem Anfang des I. Jahrtausends u.Z. — sind nur geringe Kulturüberreste vorhanden, vor allem eine Anzahl Scherben von Binsenstrich- und glattwandiger Keramik u.a. Funde (Abb. 2 : 5—7, 10).

КАМЕННЫЙ МОГИЛЬНИК В ЛАЗДЫНИ

Э. Шноре

Раскопки каменного могильника в Лаздыни Лайдзского сельсовета Талсинского района были вызваны поступлением в Исторический музей в Риге археологических предметов, обнаруженных там при вспашке. По сведениям местных жителей камни могильника нередко использовались для строительства.

Исследование могильника было проведено автором статьи в 1933—1934 гг. по заданию тогдашнего Управления памятниками.[1]

Могильник, расположенный в 300 м к северу от двора хутора Лаздыни, не выделялся особыми внешними признаками — ровное поле на месте могильника имело лишь едва заметное возвышение (рис. 1). Пейзаж окрестности оживлялся протекающей по глубокому оврагу речкой Роя в 100 м к западу от могильника.

Длина могильника с запада на восток составляла примерно 42 м, наибольшая ширина его в западной части достигала 20 м, а на восточной окраине — только 10 м (табл. V). Наиболее сильно пострадала от разрушений южная часть могильника, наименее поврежденной оказалась каменная кладка в центральной части могильника и частично на его восточной окраине.

Для каменной кладки могильника в Лаздыни характерны ориентированные с севера на юг или с северо-запада на юго-восток параллельные четырехугольники в 2,5—4 м длиной и в 1,5—2 м шириной. Они отделены друг от друга рядом больших валунов и состоят из двойной, в редких случаях — тройной кладки мелких камней (рис. 2).

Верхняя часть каменной кладки могильника обнаружилась под дерном на глубине 12—25 см, а нижняя часть залегала на глубине 35—45 см. Здесь повсеместно прослеживался материковый глинистый гравий и большие камни были уложены прямо на материке. Судя по тому, что под каменной кладкой не оказалось погребенной почвы, следует считать, что место для могильника было заранее расчищено.

Культурный слой могильника имел темную окраску, переходящую в более светлую по мере приближения к материку. Находки, как и остатки костей, чаще всего обнаруживались в компактной кладке мелких камней. Вблизи них прослеживались отдельные мелкие угольки и следы пепла. Только в квадрате *23 m* обнаружены остатки кострища диаметром 1,5 м и толщиной 15 см, где имелись также мелкие косточки.

---

[1] Вещи хранятся в МИЛ: № 7647; 7648; 8091; 8214 : 1—46; 8989 :1—100; 8990 : 1—2; 8991 : 1—4.

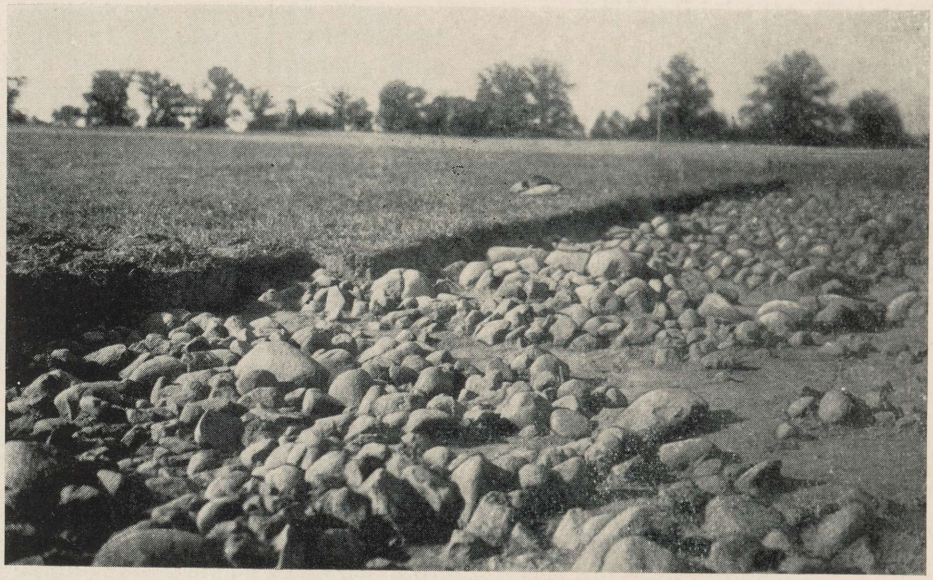

Рис. 1. Центральная часть могильника с юго-запада.

Рис. 2. Боковые окаймления отдельных четырехугольных частей могильника.

В могильнике представлены как трупосожжения, так и трупоположения с преобладанием первого вида погребения. Если в южной и юго-восточной частях могильника прослеживались исключительно трупоположения, то в западной части преобладали трупосожжения. От первых сохранились лишь редкие остатки костей. В большинстве случаев на этот вид погребения указывало лишь расположение могильного инвентаря при полном отсутствии костей. Ввиду того, что могильник пострадал от разрушений, не всегда удавалось выявить бесспорные погребальные комплексы.

Среди трупоположений выделяется ряд типичных для данного могильника захоронений: с двумя плоскими бронзовыми спиралями — височными кольцами (кв. *20 с*), с двумя браслетами и шейной гривной (кв. *5 j*, рис. 3), с 8

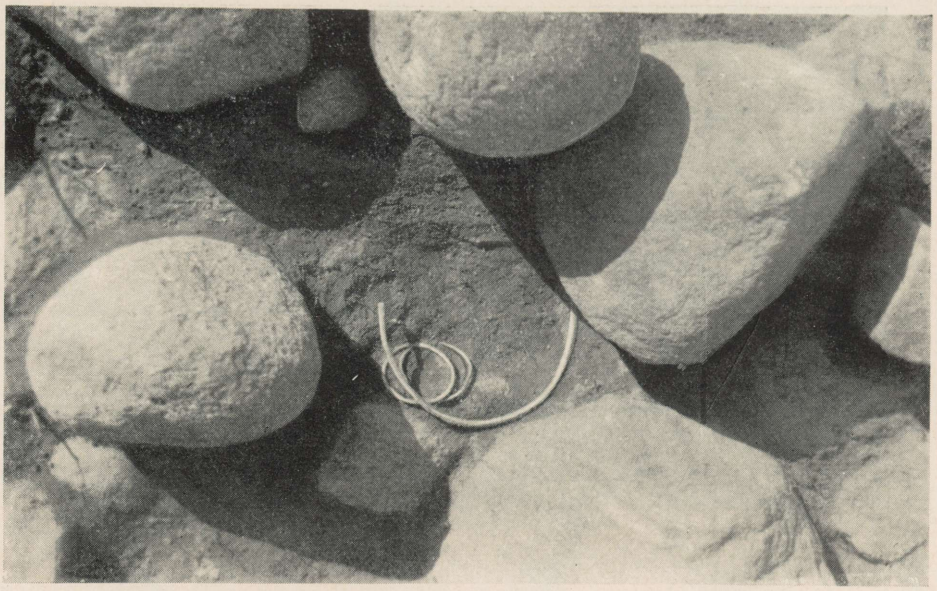

Рис. 3. Погребение с двумя браслетами и шейной гривной.

браслетами и булавками (кв. *22 к*), с браслетом и ножом с выпуклой спинкой (кв. *14 к*), с однолезвийным мечом (кв. *33/34* g_1). Особо следует отметить трупоположение с 21 бронзовым браслетом на предплечье руки (кв. *36* g_1, рис. 4). Наряду с вещами иногда прослеживались остатки бересты, которой, возможно, были покрыты умершие.

Остатки трупосожжений иногда располагались гнездами, но чаще в культурном слое обнаруживались только отдельные кальцинированные косточки. Так, мужское трупосожжение с узколезвийным топором (кв. *23 к*) содержало только незначительное количество пережженных косточек, а другое — только огниво (кв. *10 d*). В одном случае горсть кальцинированных костей была помещена в сверток из бересты длиной 20 см и шириной 7 см.

Раскопками выявлено 146 единиц находок, наибольшее число из которых составляют бронзовые украшения. Случайной находкой, впервые обратившей внимание на существование рассматриваемого могильника, является шейная гривна с высокими конусообразными концами (рис. 5 : 4). От гривны сохранились лишь массивная дуга и один из концов, орнаментированный рифлеными параллельными линиями. Лаздыньская гривна массивнее, чем другая гривна такого же типа, обнаруженная в Варвес Стрики в северной части Курземе. Большинство исследователей датируют такие гривны второй половиной или концом I тысячелетия до н. э.[2] Можно согласиться с тем, что массивность гривны из Лаздыни свидетельствует о поздней ее датировке — рубеже н. э.

Для могильника в Лаздыни обычны шейные гривны другого типа, представленные в 17 экземплярах (рис. 5 : 2, 3). Они изготовлены из проволоки круглого сечения и имеют утолщенные концы и нередко утонченную в разрезе сегментовидную среднюю часть. На концах некоторых из этих гривен обнаружен орнамент из параллельных дуге желобков. Нахождение таких гривен в погребальных комплексах вместе с браслетами разрешает сомнения относительно назначения этих изделий, которые иногда высказывались ввиду их небольшого размера (диам. 9,6—14 см). Возможно, что они имели практическое значение в одежде захороненных в могильнике женщин. За исключением одного, эти предметы найдены в центральной и западной частях могильника. На возможность происхождения изделий этого вида из латенских форм указал профессор Х. Моора[3], которым приведены и немногочисленные параллели к ним. Найденный в Наккила—Пенттала, в Финляндии, экземпляр[4]

[2] Я. Я. Граудонис, Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига 1967, стр. 100—101.

[3] Moora, EZL II, стр. 438—440.

[4] U. Salo, Die frührömische Zeit in Finnland. *SMYA 67*, Helsinki 1968, табл. 41:6.

Рис. 4. Погребение с 21 браслетом на предплечье.

совершенно тождественен некоторым гривнам из Лаздыни.

Особую группу находок составляют плоские спирали — височные украшения, обнаруженные в 14 экземплярах (рис. 5 : 14). Они изготовлены из проволоки круглого сечения диаметром около 2,5 мм и нередко имеют заостренные концы. Наиболее крупные экземпляры имеют до шести оборотов, но встречаются и спирали в полтора оборота. Наиболее близкие параллели к ним найдены в кургане А в Курмайчяй в Литве[5], датируемые второй половиной I тысячелетия до н. э. О раннем бытовании этих изделий свидетельствуют находки плоских спиралей на укрепленном поселении Клангюкалнс[6]. Две плоские спирали — случайные находки из Звардес Гринерты — происходят из могильника, где под захоронениями 6—10 вв. были вскрыты костяки в скорченном положении.[7] На плоскую спираль как излюбленный орнаментальный мотив конца бронзового и раннего железного века указал уже Х. Моора.[8] Как показали литовские материалы, такие украшения носили еще и во 2 веке н. э.[9]

Наибольшим числом — 51 экземпляром — представлены браслеты. Среди них следует выделить группу тонких браслетов прямоугольного сечения (32 экз.) с близко сходящимися концами (рис. 5 : 11), 21 из которых является украшением похороненной женщины. Тождественное, состоящее из 28 схожих браслетов, украшение было обнаружено при трупоположении в каменном могильнике в Порвоо на юге Финляндии.[10] Браслеты этого типа датируются началом нашей эры.[11] Немногими экземплярами представлены более массивные браслеты этого вида с немного закругленной внешней стороной (рис. 5 : 10).

Браслеты круглого сечения (5 экз.) имеют дугу почти равномерной толщины (рис. 5 : 12) и, судя по своему архаичному виду, хронологически близки к первой группе. Девять браслетов имеют сегментовидное сечение (рис. 5 : 13). Они, как и предыдущие, изготовлены из тонкой проволоки, но более характерны для верхней каменной кладки могильника.

В двух случаях обнаружены посоховидные булавки. Одна из них изготовлена из круглой в сечении проволоки равномерной толщины (рис. 5 : 7), вторая имеет утолщенную в разрезе ромбовидную головку (рис. 5 : 6) и напоминающий более ранние прототипы этого вида украшений боковой изгиб головки. Сере-

[5] P. Kulikauskas, Žalvario amžiaus pilkapiai Kurmaičiuose. *Gimtasai kraštas 1943*, рис. 8, стр. 19322.

[6] R. Šnore, Izrakumi Doles pag. Klaņģu pilskalnā. *Senatne un Māksla 1936, I*, рис. 7:19; Граудонис, стр. 99.

[7] Раскопки Э. Шноре 1935 г., отчет в МИЛ.

[8] Moora, EZL II, стр. 473.

[9] Senovės lietuvių papuošalai I. *Lietuvių liaudies menas*, Vilnius 1958, рис. 66, стр. 343.

[10] A.-L. Hirviluoto, Früheisenzeitliches Gräberfeld auf dem Pikku Linnanmäki von Porvoo. *SM 1968*, Tapiola 1968, стр. 12—13, рис. 5.

[11] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 37—38.

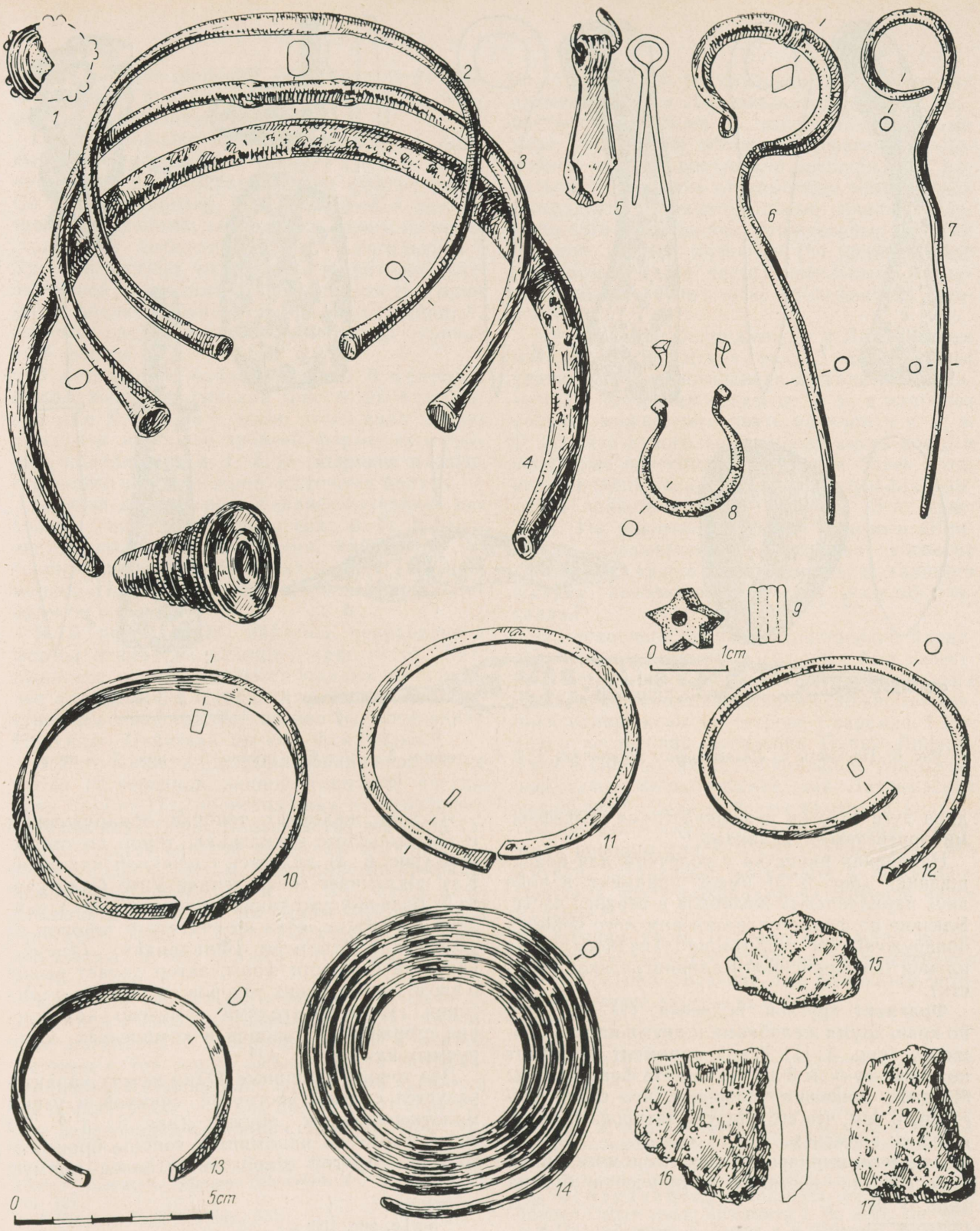

Рис. 5. Предметы из Лаздыньского могильника. 1 — подвеска, 2—4 — шейные гривны, 5 — пинцетка, 6, 7 — булавки, 8 — фибула, 9 — костяная бусина, 10—13 — браслеты, 14 — височное кольцо, 15—17 — керамика.

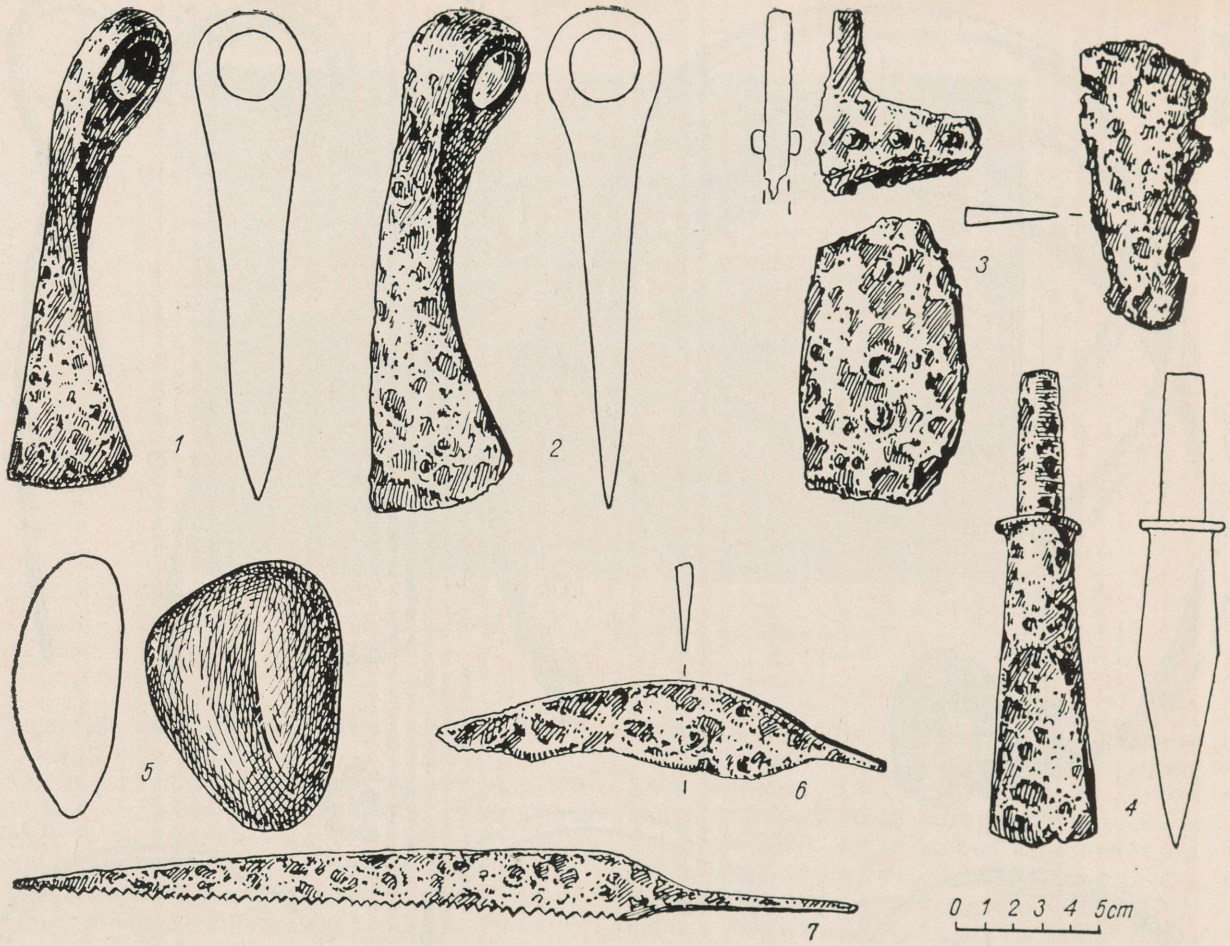

Рис. 6. Предметы из Лаздыньского могильника. 1, 2, 4 — топоры, 3 — меч, 5 — огниво, 6 — нож, 7 — пила.

дина дуги головки украшена тремя рельефными поперечными валиками.[12]

Найденная пинцетка с колечком для подвешивания (рис. 5 : 5) имеет орнамент в виде двух параллельных желобков в верхней части. Близкие по форме пинцетки римского периода обнаружены на территории западнобалтских племен (в современной Калининградской области).[13]

Фрагмент круглой подвески (?) украшен по краю двумя желобками и двумя парами шишечек (рис. 5 : 1). Такой орнамент украшает подвески-лунулы 3 и 4 вв. н. э. На фрагменте из Лаздыни шишечки уплощены, что свидетельствует о том, что его следует датировать более поздним временем.

Одним экземпляром в инвентаре могильника представлена костяная пятилучевая бусина (рис. 5 : 9).

Из трех железных топоров, обнаруженных в Лаздыньском могильнике, топор со стержнем (рис. 6 : 4) является случайной находкой. Как показывает составленная Унто Сало карта[14], большинство таких топоров (5 экз.) найдено в Эстонии, если не считать 8 топоров из депозита в Малмсби (Финляндия). Основываясь на схожести форм, автор делает вывод о ввозе финляндских топоров этого вида из Эстонии. Исследователями отмечено нахождение стержневых топоров в комплексах, датируемых началом н. э.[15]

Два топора проушные. Один из них характеризуется сильно изогнутой спинкой и узким молоткообразным обухом (рис. 6 : 1).[16] По своей форме он напоминает топоры бронзового века. Другой топор имеет более прямую

[12] Moora, EZL II, стр. 169, 172, 173.
[13] W. Gaerte, Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1929, рис. 191.
[14] Salo, рис. 106.
[15] Шмидехельм, Археологические памятники, стр. 160; Moora, EZL II, стр. 508.
[16] Там же, стр. 494, рис. 74 : 2.

спинку и более широкий обух (рис. 6 : 2). По сравнению с предыдущим он может быть отнесен к более позднему времени.

Одной наиболее древней находкой из Лаздыньского могильника следует считать однолезвийный меч, сохранившийся фрагментами. По форме рукоятки, прикрепленной к лезвию тремя заклепками, он является одним из представителей латенских форм в могильнике.[17] Кроме известных уже ранее с территории Латвии мечей этого вида [18], здесь найден еще один меч в Абелю Дубуры (Екабпилсский район) [19], который представляет собой поздний дериват этой формы.

В могильнике найдены также 3 железных ножа с выпуклой спинкой (рис. 6 : 6). Как указал уже Х. Моора [20], ножи этого вида можно отнести к наиболее древней форме этих орудий, получивших в 3—5 вв. широкое распространение на территории восточных балтов.

Особый интерес представляет случайная находка — ножевидная пила (рис. 6 : 7). В отличие от схожего с ней орудия, найденного на территории западнобалтских племен (в современной Польше) [21], лаздыньская пила имеет прямую спинку.

В 6 экземплярах найдены неправильной формы огнива из кварцита (рис. 6 : 5). Лаздыньские огнива являются одними из наиболее архаичных в Прибалтике. Точное соответствие им представляет огниво из могильника Наккила—Пенттала на юге Финляндии.[22]

В могильнике в Лаздыни обнаружено также около 10 черепков лепной глиняной посуды (рис. 5 : 15—17), происходящих от небольших сосудов двух типов. Большинство черепков характеризуется сильной примесью мелкой дресвы и плохим обжигом. Как видно по профилю одного из черепков (рис. 5 : 16), сосуд имел утолщение по краю. На одном черепке виден орнамент (рис. 5 : 15). Несколько черепков обожжены лучше и имеют гладкую поверхность.

Каменная кладка могильника в Лаздыни до известной степени напоминает оградки каменных могильников северной Латвии и южной Эстонии с той лишь разницей, что четырехугольники Лаздыньского могильника являются «незамкнутыми» — у них отсутствуют поперечные перегородки на концах. Как это характерно для каменных могильников западнофинских племен, также и Лаздыньский могильник разрастается с востока на запад. Очевидно, по мере увеличения оставившей могильник семейной общины постепенно расширялся и могильник. В отличие от каменных могильников с оградками четырехугольные кладки Лаздыньского могильника, огороженные рядами больших камней, являются (по крайней мере в некоторой своей части) могильными сооружениями одиночных, а не коллективных захоронений.

Из анализа обнаруженного в Лаздыньском могильнике инвентаря видно, что наиболее ранние находки могильника восходят, по-видимому, к последним векам до н. э., а наиболее поздние можно датировать началом 5 в. н. э. О том, что в могильнике могли иметь место и некоторые впускные захоронения более позднего времени, свидетельствует случайная находка подковообразной фибулы 15 в. (рис. 5 : 8). На раннюю датировку вещевого комплекса Лаздыньского могильника косвенно указывают также однородность и характер состава использованного для изделий металла.[23]

До недавнего времени единственной параллелью Лаздыньскому могильнику был известный могильник в Наккила—Пенттала на юге Финляндии. В последнее время схожие могильники обнаружены на острове Сааремаа.[24] Недавно исследован могильник Пикку Линнанмяги в Порвоо, на юге Финляндии, содержавший такое же погребение, как Лаздыньский могильник.[25] Схожие черты каменной кладки, так же как и сходство форм изделий, послужили поводом для У. Сало предполагать, что жители, оставившие могильник в Наккила—Пенттала, были выходцами из северной части Курземе.[26]

Северная часть Курземе еще мало исследована. Дальнейшее изучение ее памятников имеет большое значение для выяснения истоков культуры курземских ливов.

---

[17] M. Jahn, Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit. *Mannus-Bibliothek 21,* Leipzig 1916, стр. 137.

[18] Moora, EZL II, стр. 524.

[19] Екабпилсский краеведческий музей, № 437.

[20] Moora, EZL II, стр. 538.

[21] Gaerte, рис. 194 : h.

[22] Salo, табл. 40 : 3.

[23] Проверка 17 изделий, произведенная в лаборатории Института истории АН Латв. ССР инженером-реставратором Дз. Хоферте методом приближенного количественного спектрального анализа, выявила их принадлежность к группе оловянистых бронз. Совсем иной состав (с наличием 8,2% цинка) показал анализ лаздыньской подковообразной фибулы. Отсутствие цинка в бронзовых сплавах характерно именно для эпохи бронзы (ср. A. Bezzenberger, Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1904, стр. 103).

[24] По сообщению Х. Моора и В. Лыугаса. В. Лыугасом исследовался в 1966 г. могильник в Пунапэа.

[25] Hirviluoto, стр. 5—36.

[26] Salo, стр. 229.

KIVIKALME LAZDIŅIS

E. Šnore

Lühikokkuvõte

Lazdiņi kivikalmet (Talsi rajoon, Laidze k/n) uuris autor aastail 1933—1934. See kohati lõhutud kalmistu (joon. 1), pindalaga umbes 600 m², oli ida-lääne suunas pikliku kujuga (tahv. V). Kalmistu omapäraks olid 2,5—4 m pikkused ja 1,5—2 m laiused nelinurksed kiviladem ed, mille põhja-lõuna- või loode-kagusuunalised pikemad küljed olid äärestatud suuremate kividega (joon. 2). Esines nii laiba- kui ka põletusmatuseid (joon. 3, 4). Lazdiņi kalmistu iseloomulikeks leidudeks on jämenevate otstega kaelavõrud (joon. 5 : 2, 3), oimurõngad (joon. 5 : 14), karjasekeppnõelad (joon. 5 : 6, 7), käevõrud (joon. 5 : 10—13), samuti kirved (joon. 6 : 1, 2, 4), võsanoad (joon. 6 : 6) ja tulusekivid (joon. 6: 5). Keraamikat leiti vaid kümmekond killu (joon. 5 : 15—17).

Leiumaterjali järgi otsustades hakati kalmistusse matma veidi enne meie ajaarvamise algust, leidude enamik kuulub aga 1.—2. sajandisse m.a.j. Umbes 4. ja 5. sajandi vahetusel on kalmistu kasutamine lõppenud.

Sellele omapärasele kalmevormile, mida Lätist mujalt ei ole teada, esineb vasteid Saaremaal ja Lõuna-Soomes.

DIE STEINSETZUNG IN LAZDIŅI

E. Šnore

Zusammenfassung

Die Steinsetzung in Lazdiņi im Norden Kurzemes (Rayon Talsi, Dorfgemeinde Laidze) wurde in den Jahren 1933—1934 von E. Šnore untersucht. Die etwa 600 m² umfassende, nicht mehr intakte Steinsetzung (Abb. 1) zog sich in O-W Richtung hin (Taf. V) und zeichnete sich durch längliche N-S und NW-SO orientierte, mit grösseren Steinen eingefriedete, viereckige (2,5—4 m lange und 1,5—2 m breite) Steinlagerungen aus (Abb. 2). Im Gräberfeld wurden Skelett- (primäre) und Brandbestattungen beobachtet (Abb. 3, 4). Unter den Funden sind für dieses Gräberfeld typische Halsringe mit verdickten Enden, Schläfenschmuck, Nadeln, Armringe (Abb. 5) sowie Äxte, Strauchmesser und Feuerschlagsteine (Abb. 6) zu vermerken.

Den Funden nach zu urteilen fällt die Entstehung des Gräberfeldes in die Zeit kurz vor Beginn u.Z., die Mehrzahl der Funde dürfte jedoch dem 1.—2. Jahrhundert u.Z. angehören. Um 400 haben die Bestattungen im Gräberfeld aufgehört.

Zu dieser eigenartigen und in Lettland vorläufig einzig dastehenden Grabform gibt es Entsprechungen auf der Insel Saaremaa (Estland) und im südlichen Finnland.

МАНЖЕТООБРАЗНЫЕ БРАСЛЕТЫ В ЛИТВЕ

А. Таутавичюс

Известным археологам фактом является богатство погребальных памятников Литвы и Латвии металлическими изделиями. Значительную часть погребального инвентаря составляют бронзовые и серебряные украшения, очень разнообразные по форме. Многие из них поступили в музеи Литвы в первой половине 20 в. как случайные находки из погребений, разрушенных вспашкой или другими земляными работами. Поэтому некоторые изделия приходилось датировать исключительно по типологическому методу. В последнее время некоторые предметы таких же типов были обнаружены при раскопках в комплексах погребального инвентаря. Это до известной степени дает возможность уточнить их хронологию.

В некоторой мере можно уточнить и хронологию бронзовых манжетообразных браслетов с трехгранным ребром посредине. Эти сделанные из тонкой бронзовой жести браслеты имеют цилиндрическую форму и часто покрыты богатым геометрическим орнаментом. Отдельные их экземпляры поступили в Шяуляйский и Каунасский музеи уже в 20—30-х годах.

В 1938 г. И. Пузинас впервые проследил типологическое развитие этих браслетов. По его мнению, они возникли из более узких массивных трехгранных браслетов 5—6 вв., которые в 6—7 вв. постепенно расширялись, а примерно к концу 8 в. приняли манжетообразную форму и таковыми употреблялись в 9—10 вв.[1] Такая датировка манжетообразных браслетов была действительна в археологии Литвы до настоящего времени.[2] Таким же образом они датируются и латвийскими археологами.[3]

В 1966 г. в грунтовом могильнике Паэжярис (Шилалский район) было вскрыто 133 трупоположения 7—8 вв.[4] Некоторые из них были частично разрушены при вспашке, а также и любительскими раскопками. В погребениях сохранились только незначительные фрагменты костей и погребальный инвентарь. На основании последнего 35 погребений следует отнести к женским. В десяти из них найдены манжетообразные браслеты.[5]

Пять женщин были похоронены с двумя такими браслетами (по одному на каждой руке, погребения № 23, 78, 95 и 128), а остальные

---

[1] J. Puzinas, Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys. *Senovės IV,* Kaunas 1938, стр. 268—269.

[2] Senovės lietuvių papuošalai, I. *Lietuvių liaudies menas,* Vilnius 1958, рис. 500, стр. 356; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, стр. 346, 490.

[3] LKS, табл. XLVIII:10; J. Graudonis, Mūkukalna depoziti. *AE VI,* Rīgā 1964, стр. 77.

[4] Материалы раскопок хранятся в ИЭМ Лит. ССР.

[5] Погребения № 23, 41, 52, 58, 78, 95, 100, 114, 122, 128.

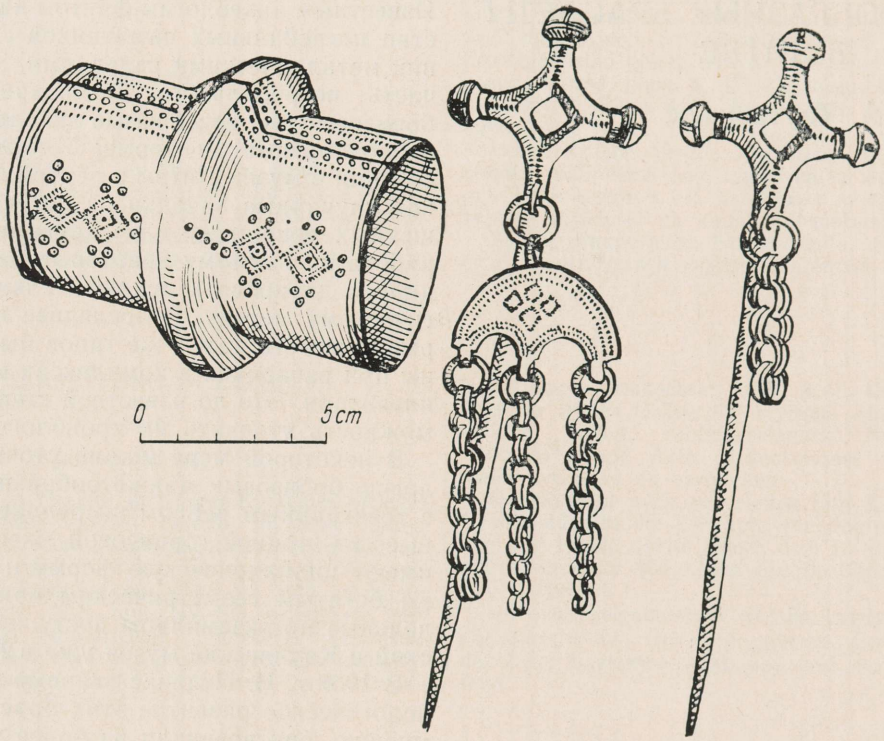

Рис. 1. Некоторые украшения из погребения № 95 в Паэжярис.

имели по одному манжетообразному браслету. Только в погребении № 58 вместе с манжетообразным браслетом был найден и браслет с утолщенными концами. Остальной инвентарь этих и остальных женских погребений составляли крестовидные булавки (часть которых имела еще ромбовидный сквозной прорез в центре головки, рис. 1), булавки с раструбовидной головкой (рис. 2), каменные пряслица, железные шилья и ножи, подвески в виде кленовых плодов, спиральные перстни, мелкие янтарные бусины и другие изделия.

Все 15 манжетообразных браслетов из могильника в Паэжярис изготовлены из тонкого бронзового листа и имеют тщательно отшлифованную поверхность, покрытую геометрическим орнаментом. Их ширина 7—8,5 см, по краям имеются небольшие желобки. До настоящего времени случайно найденные браслеты этого типа, как уже упоминалось, в основном датировались 9—10 вв. Погребальный инвентарь из могильника Паэжярис свидетельствует о том, что манжетообразные браслеты с трехгранным ребром посредине следует датировать более ранним временем, а именно 7—8 веками, так как только к этому периоду можно отнести наиболее поздние раструбовидные булавки и крестообразные булавки с ромбической прорезью. Эти украшения датируются в основном 6—7 веками, частично они употреблялись еще и в 8 в.[6], а в более поздних памятниках они уже не встречаются. Датировка погребений могильника в Паэжярис 7—8 веками подтверждается и погребальным инвентарем мужских погребений. В них, кроме наконечников копий, широких коротких мечей и ножей, найдены втульчатые топоры, арбалетовидные фибулы, посохообразные железные булавки, спиральные перстни и т. д. На исследованном участке не обнаружено ни одной подковообразной фибулы, которые так характерны для мужских погребений 9—12 вв.

В связи с хронологией манжетообразных браслетов с ребром посредине следует отме-

[6] Puzinas, стр. 262—263, 265; Senovės lietuvių papuošalai, I, рис. 326, 327, 337, стр. 351; Kulikauskas, Kulikauskienė, Tautavičius, стр. 338, 341, 343.

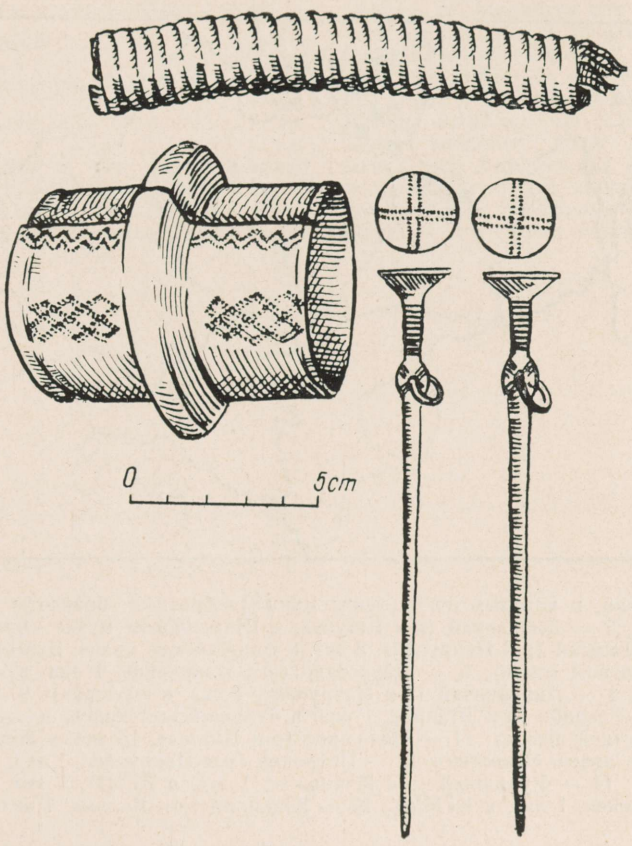

Рис. 2. Некоторые украшения из погребения № 114 в Паэжярис.

тить и тот факт, что в соседнем с Паэжярис могильнике в дер. Упина в 1966 г. было вскрыто 106 погребений 9—11 вв. Но в погребениях этого периода не было обнаружено ни одного экземпляра манжетообразных браслетов.[7] Эти украшения отсутствуют в исследованных погребениях 9—12 вв. могильников Бикавенай (Шилутский район)[8], Жвиляй (Шилалский район)[9], Юодсоде (Тельшяйский район)[10]. Нет их также в вскрытых женских погребениях 9—10 вв. могильников северной части Литвы, например в Линксмучяй (Пакруойский район)[11], Папиле (Акмянский район)[12], Валдамай (Шяуляйский район)[13] и др. Таким образом, до настоящего времени манжетообразные браслеты с ребром посредине в исследованных на территории Литвы погребениях 9—10 вв. не обнаружены.

Из сопоставления этих фактов видно, что манжетообразные браслеты с ребром посредине на территории Литвы носили женщины в основном в 7—8 веках. По-видимому, они вышли из моды уже в начале 9 в.

Следует добавить несколько слов об ареале распространения этих браслетов. До последнего времени считали, что они характерны только для северной части центральной Литвы. В настоящее время уже известно 16 могиль-

[7] Материалы раскопок хранятся в ИЭМ Лит. ССР.

[8] Раскопки 1967 и 1968 гг., вскрыто 260 погребений, материалы раскопок там же.

[9] Раскопки 1968 г., вскрыто 10 погребений, материалы раскопок там же.

[10] Раскопки 1958 и 1960 гг. Тельшяйского краеведческого музея, где и сохраняются материалы.

[11] Раскопки 1948 и 1949 гг. под руководством П. и Р. Куликаускасов. Вскрыто 89 погребений, материалы раскопок находятся в ИЭМ Лит. ССР. R. Volkaitė-Kulikauskienė, Linksmučių (Pakruojo raj. Šiaulių srt.) kapinyno 1948 m. tyrinėjimų duomenys. *Lietuvos istorijos instituto darbai I,* Vilnius 1951, стр. 279—314; O. Navickaitė, Plokštinių kapinynų tyrinėjimai Lietuvoje 1948—1958 m. *Iš lietuvių kultūros istorijos III,* Vilnius 1961, стр. 89—94.

[12] Раскопки 1955 г. Шяуляйского музея «Аушра». Вскрыто 16 погребений. Материалы раскопок в музее «Аушра». Navickaitė, стр. 96—97.

[13] Раскопки 1963 г. Вскрыто 21 погребение. Материалы раскопок в ИЭМ Лит. ССР.

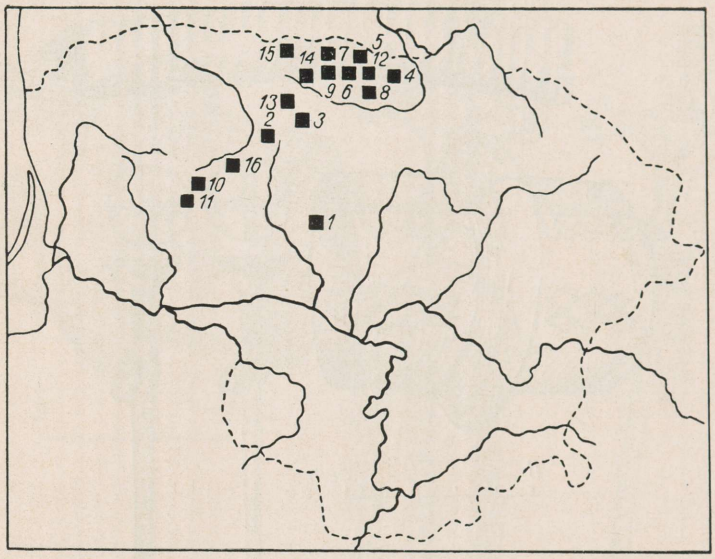

Рис. 3. Литовские могильники, в которых обнаружены манжетообразные браслеты с ребром посредине. 1 — Вежлаукис (р-н Расейняй), 2 — Вилканчай (р-н Шяуляй, в Шяуляйском музее «Аушра»); 3 — Винкшненай (р-н Шяуляй, в «Аушра»); 4 — Дягесяй (р-н Пакруойис, 2 экз. в Биржайском краев. музее); 5 — Жеймялис (р-н Пакруойис, 2 экз. в местном школьном музее); 6 — Лауксодис (р-н Пакруойис, 1 экз. в «Аушра»); 7 — Лепорай (р-н Йонишкис, 2 экз. в КГИМ); 8 — Линкавичяй (р-н Пакруойис, 1 экз. в «Аушра»); 9 — Линксменай (р-н Йонишкис, 1 экз. в «Аушра»); 10 — Пагрибе (р-н Шилале, 1 экз. в Тельшяйском краев. музее, 2 экз. в Шилалском отделе краев. общества, 2 экз. в местной школе); 11 — Паэжярис (р-н Шилале, 15 экз. в ИЭМ Лит. ССР, 2 экз. в КГИМ, 2 экз. в Шилалском отделе краев. общества); 12 — Петроняй (р-н Пакруойис, 1 экз. в «Аушра»); 13 — Рачяй (р-н Шяуляй, 2 экз. в «Аушра»); 14 — Рудишкяй (р-н Йонишкис, 1 экз. в КГИМ, 5 экз. в «Аушра»); 15 — Рукуйшяй (р-н Йонишкис, 1 экз. в КГИМ); 16 — Юнкиляй (р-н Кяльме, 1 экз. в Аушра»).

ников, в которых найдены манжетообразные браслеты с ребром посредине. Распространение этих могильников изображено на карте (рис. 3). В музеи из них поступило 47 таких браслетов, кроме того, имеются 4 экземпляра без точного местонахождения[14]. Картографирование известных нам мест нахождения браслетов показывает, что они в некоторой степени были известны и на территории жемайтов. Таким образом, манжетообразные браслеты с ребром посредине являлись украшением жемайтских и земгальских женщин, живших на территории Литвы в 7—8 вв. Они вместе с общими формами булавок, головных венцов, некоторых шейных гривен и других изделий свидетельствуют о близких связях этих двух родственных соседних племен.

[14] В КГИМ местонахождение 1 экз. неизвестно, другой найден на берегах р. Дубиса и третий происходит из коллекции в Дукштас, в которой находились археологические находки из разных местностей; 1 экз. находится в Кедайняйском краеведческом музее.

MANSETIKUJULISED KÄEVÕRUD LEEDUS

A. Tautavičius

Lühikokkuvõte

Kuni viimase ajani valitses arheoloogilises kirjanduses arvamus, et mansetikujulisi käevõrusid kanti Leedus 8. sajandi lõpust kuni 10. sajandini. Uued suletud leiud (joon. 1, 2), eriti 1966. aastal kaevatud naisehauad Paežerise maa-alusest kalmistust Šilale rajoonis, aga kinnitavad, et mansetikujulised käevõrud harjaga keskosas pärinevad 7.—8. sajandist. Leedu muuseumides on neid käevõrusid 51 eksemplari, millest 47 on saadud 16 kalmistust (joon. 3). Neid kanti žemaitide ja semgalite alal, mis — nagu mõnede teistegi ühiste ehtevormide olemasolu — osutab tihedatele sidemetele mõlema sugulashõimu vahel.

DIE MANSCHETTENFÖRMIGEN ARMRINGE IN LITAUEN

A. Tautavičius

Zusammenfassung

Bis in die letzte Zeit herrschte in der archäologischen Literatur die Meinung, dass die manschettenförmigen Armringe mit Mittelgrat in Litauen vom Ende des 8. Jhs. bis ins 10. Jh. getragen wurden. Neue geschlossene Funde (Abb. 1, 2), besonders aus manchen Frauengräbern des 1966 untersuchten Flachgräberfeldes Paežeris im Bezirk Šilale haben aber bewiesen, dass die manschettenförmigen Armringe bereits in dem 7.—8. Jh. in Brauch waren. In den Museen Litauens liegen insgesamt 51 manschettenförmige Armringe vor, von denen 47 aus 16 Gräberfeldern stammen (Abb. 3). Diese Armringe wurden sowohl von Žemaiten als auch von Semgallen getragen, was neben manchen anderen gemeinsamen Schmuckformen auf nahe Beziehungen zwischen diesen beiden miteinander verwandten Stämmen hinweist.

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ЮЖНОЙ СКАНДИНАВИИ С ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.[1]

М. А. Тиханова

В течение долгого времени в археологической литературе господствовало мнение об огромном значении в первой половине I тысячелетия н. э. воздействия на Центральную, Северо-западную Европу и скандинавские страны южнорусского (северопонтийского «готского») культурного потока. С этим потоком были связаны многие явления прикладного искусства, появление атрибутов и украшений одежды, в первую очередь подвязных и двупластинчатых фибул, некоторых видов оружия (мечи с кольцевой рукоятью, определенные виды наконечников копий), бронзовых ведерок с косыми каннелюрами, а также погребальных сооружений с каменными обкладками, самого обряда трупоположения, круговой керамики и, наконец, рунической письменности.

Такая преувеличенная оценка была впервые опровергнута в начале 40-х годов И. Вернером, а в дальнейшем подверглась развернутой критике в работе Б. Шернквист, в части же двупластинчатых фибул — в исследовании К. Раддаца[2] и совсем недавно в работе советского археолога А. К. Амброза[3]. Тем не менее и в настоящее время традиционная, хотя неаргументированная точка зрения находит еще применение особенно в отношении вышеупомянутых типов фибул. Между тем, как показал А. К. Амброз, местом возникновения двучленных прогнутых фибул с узкой ножкой является область древних пруссов, включающая и современную Калининградскую область, и Нижнее Повисленье, откуда они распространяются в конце 2 или в начале 3 века на юг, где и становятся в различных своих вариантах наиболее типичными атрибутами одежды носителей черняховской культуры.[4]

---

[1] В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором 30 мая 1968 г. в Петрозаводске. См. *Тезисы докладов Четвертой Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии I*, Петрозаводск 1968, стр. 159—162.

[2] J. Werner, Die beiden Zierscheiben des Thorsberger Moorfundes. *Römisch-Germanische Forschungen 16*, Berlin 1941, стр. 48—49, 54; B. Stjernquist, Simris. On cultural connections of Scania in the Roman iron age. *AA Lund 2*, Bonn—Lund 1955, стр. 145 и сл.; K. Raddatz, Eine Fibel aus Zugmantel. *Saalburg-Jahrbuch XIII*, 1954, стр. 54.

[3] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. *Свод археологических источников, Д1-30*, Москва 1966, стр. 7, 58—62, 77—80.

[4] Там же, стр. 61—62. Некоторые оговорки имели место и раньше. Так, И. Э. Форсандер, признавая действенность южнорусского культурного потока в других его проявлениях, возражал против понтийско-германского происхождения фибул с подвязной ножкой. Обосновывал он свое возражение более ранним их появлением в бывш. Восточной Пруссии и ставил вопрос о принесении их в Южную Россию германцами. См.

Что касается двупластинчатых фибул, в которых большинство исследователей видело дальнейшее развитие подвязных фибул и также выводило их из северного Причерноморья, то, как показал К. Раддац, они восходят к одной из форм провинциальноримских фибул и никак не связаны с подвязными.[5] Положение это развил А. К. Амброз, показав и распространение этих фибул на нашей территории, в основном в западных ее областях.[6] Выяснение истории возникновения и развития подвязных и двупластинчатых фибул лишает теорию готопонтийского воздействия ее главного аргумента.[7]

Новейшие исследования отчетливо показывают неосновательность утверждений о северочерноморском (готском) происхождении целого ряда других предметов и явлений.

Так, мечи с кольцевой рукояткой известны как оружие, перенятое римской конницей от сармат сразу же после маркоманнских войн, а возможно и несколько раньше. Мечи этого типа применялись в римском войске уже в позднем 2 и раннем 3 веках, о чем свидетельствуют и римские надгробия, и находки мечей в пределах римского мира, в частности в римских лагерях.[8]

Бронзовые наконечники копий с инкрустацией серебром, датируемые 3 веком, притом и его первой половиной (пять из них с руническими надписями[9]), совершенно неизвестны на нашем юге. Они в основном сосредоточены на севере — в Скандинавии, Центральной Европе и единично встречаются восточнее (знаменитое ковельское копье, найденное на Волыни[10]), а также в юговосточной Польше (в Розвадуве[11]).

Что касается бронзовых ведерок с косыми, волнообразными каннелюрами, в которых Х. Ю. Эггерс (мнение его поддерживает К. Маевский) видит солдатские котелки, изготовленные в мастерских восточных провинций Римской империи, возможно в северопричерноморских городах[12], то находки их сосредоточены на северо-востоке Центральной Европы, в том числе в Северо-восточной Польше, и полностью отсутствуют на юге. Датируются они второй половиной 2 века, частично — началом 3 века. Родиной их большинство исследователей считает запад — римские провинции Бельгика или Нижнюю Германию.[13]

Ничем не обоснованы и утверждения, восходящие еще к Г. Косинна и его школе, а позднее поддержанные рядом исследователей, о связи с южнорусским культурным потоком захоронений в каменных ящиках и камерах, сложенных из камня.[14] Каменные сооружения в виде каменных кругов, вымосток и обкладок хорошо были известны на северо-западе Европы, в частности в Дании и Шлезвиге[15], еще в

J. E. Forssander, Provinzialrömisches und Germanisches. Stilstudien zu den schonischen Funden von Sösdala und Sjörup. *VII Meddelanden från Universitets Historiska museum 2. Årberättelse 1936—1937,* Lund 1937, стр. 183 (А. К. Амброз эту работу не упоминает).

[5] Raddatz, Eine Fibel, стр. 54. В позднейшей своей работе К. Раддац не отрицал южнорусского происхождения подвязных фибул, он указывал лишь на споры, связанные с датировкой, и путь, по которому этот тип достиг германских племен. Сам он отмечал прямые связи Поэльбья с Южной Россией. См. K. Raddatz, Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. *Offa-Bücher 13,* Neumünster 1957, стр. 111.

[6] Амброз, Фибулы, стр. 76—82.

[7] Там же, стр. 62.

[8] М. А. Тиханова, О находке римского оружия на Южной Волыни — коробочковидный наконечник ножен меча из кости благородного оленя. *КСИА 116,* Москва 1969, стр. 36—39; J. Werner, Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. *Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. Sitzungsberichte 1966, Heft 4,* стр. 17—18; H. J. Kellner, Zu den römischen Ringknaufschwertern und Dösenortbändern in Bayern. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 13, 1966,* Mainz 1968, стр. 190—201.

[9] В Эвре-Стабю (Норвегия), Дамсдорфе-Мюхеберге (Бранденбург), Мос (Готланд), Розвадуве (Польша) и в Сушично близ Ковеля (Волынской обл. УССР). A. Nadolski, Kilka uwag o inkrustowanych grotach oszczepów z późnego okresu rzymskiego. *Slavia Antiqua II, 1949/50,* стр. 240 и сл.; Werner, Das Aufkommen, стр. 32, 43—44 и рис. 14; W. Krause, Die Runeninschriften im älteren Futhark, I. Text mit Beilagen von Herbert Jankuhn. II. Tafeln. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-Hist. Klasse, III Folge, No. 65,* Göttingen, стр. 75—82.

[10] A. Szumowski, Grot z runicznym napisem z Suszyszna. *Wiadomości Archeologiczne II,* Warszawa 1876, стр. 49—61; W. Krause, Der Speer von Kowel — ein wiedergefundenes Runendenkmal. *Germanien 1941, 29,* стр. 450—464.

[11] M. Śmiszko, Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadówa nad Sanem. *Wiadomości Archeologiczne XIV,* Warszawa 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX.

[12] H. J. Eggers, Der römische Import im freien Germanien. Hamburg 1951, стр. 56; K. Majewski, Importy rzymskie w Polsce. Warszawa—Wrocław 1960, стр. 45—46.

[13] J. Werner, Zur Herkunft und Stellung der Hemmoorer Eimer und der Eimer mit gewellten Kannelüren. *Bonner Jahrbücher 140/141,* 1936, стр. 406—410; W. Łęga, Handel między państwem rzymskim z Pomorzem nadwiślańskim od I w. przed n. e. do VI w. n. e. *Przegląd Archeologiczny X,* Poznań—Warszawa 1958, стр. 9.

[14] W. Schulz, Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. *Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte I,* Berlin 1953, стр. 41.

[15] C. J. Becker, Førromersk Jernalder i Syd- og Midtjylland. København 1961, стр. 64; R. H. Behrens, Schwissel. Ein Urnengrab der vorrömischen Eisenzeit aus Holstein. *Offa-Bücher 22,* Neumünster 1968, стр. 18—22.

позднелатенское время и не могут находиться в связи с припонтийской территорией.

Таким образом, все аргументы сторонников теории культурного воздействия, идущего с юго-востока, оказались несостоятельными.

В то же время исследования последних лет, проведенные советскими археологами, и раскрытые ими памятники первой половины I тысячелетия, особенно 3—4 вв., вскрывают обратное воздействие Северо-Западной Европы и Южной Скандинавии на Восточную Европу, притом не только в отношении отдельных категорий вещей, но и гораздо более существенных явлений.

Раскопками на территории Южной Волыни, в частности раскопками автора настоящей статьи поселения у с. Лепесовка, хорошо датируемого всем комплексом находок временем конца 2 — третьей четверти 4 веков н. э., были вскрыты большие наземные жилища, в большинстве своем состоящие из двух частей, т. е. совмещающие под одной кровлей помещение для жилья человека и помещение для скота или производственного назначения. Все они в плане прямоугольные, ориентированные, как правило, с запада на восток и со стенами из плетня или кольев, обмазанных глиной.[16] Такой тип жилища, ранее совершенно неизвестный на территории лесостепной полосы Восточной Европы, появился во вполне сложившемся виде на Южной Волыни не только в Лепесовке, но и в ряде других пунктов, а также в верховьях Западного Буга и левых притоков Днестра, в Среднем Поднепровье, на его право- и левобережье и в междуречье Днестра и Прута в Молдавии.[17] Между тем жилища именно такого типа хорошо были известны в Ютландии в период позднего латена; особенно характерны они для раннеримского времени, доживая вплоть до позднеримского. Прослеживаются они и в других районах Дании, в Голландии и на северо-западе Германии.[18] Среди памятников Молдавии особый интерес представляет комплекс, вскрытый Э. А. Рикманом у с. Будешты Криулянского района, который сочетает в себе и поселение с жилищами близкого к лепесовским типа, и могильник. Среди погребальных сооружений последнего отчетливо прослеживаются северные черты, а именно каменные конструкции и вымостки, хорошо известные в погребениях Ютландии, Зеландии, Фюна, Борнхольма и Южной Швеции. Каменные конструкции, или просто накрытие погребений камнями, наблюдаются и в других пунктах междуречья Днестра и Прута (в Балцатах, Малаештах), а также на порожистом и Нижнем Днепре — в Привольном, Гавриловке и др.[19]

Прямым свидетельством связей Восточной Европы с Южной Скандинавией являются и так называемые фибулы — монстры (или фибулы «чудовищного типа» — по терминологии А. К. Амброза). Две такие фибулы были найдены в упомянутом выше могильнике у с. Будешты[20], третья также в Молдавии — случайная находка у с. Манганешты-Василика на р. Прут[21]. Фибулы эти серебряные, покрытые золотым листком, принадлежат к типу двучленных, с очень высоким кососрезанным приемником булавки и украшены накладными

---

[16] М. А. Тиханова, Раскопки на поселении у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. *СА 1963, № 2*, стр. 182—183 и рис. 2; она же, Днестровско-Волынская экспедиция 1960—1961 гг. *КСИА 102*, Москва 1964, стр. 49—51 и рис. 17; она же, Раскопки поселения у с. Лепесовка. *VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР*, Москва 1966, стр. 210—212; она же, Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. *КСИА* (в печати).

[17] Тиханова, Раскопки поселения, стр. 214; А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский, Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы. *МИА 139*, Москва 1967, стр. 35—61; Е. В. Махно, Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. *Археологічні памъятки УРСР III*, Київ 1952, стр. 234 и рис. 2; Э. А. Рикман, Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). *МИА 82*, Москва 1960, стр. 302—321.

[18] J. Brøndsted, Nordische Vorzeit III. Neumünster 1963, стр. 85—90, 123—136, 180—186, 245—248; Тиханова, Раскопки поселения, стр. 210—212.

[19] Э. А. Рикман, Погребальные обряды Будештского могильника. *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*, Кишинев 1964, стр. 110, 120, 128; он же, Памятник эпохи великого переселения народов по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты. Кишинев 1967, стр. 42; Becker, стр. 64; Brøndsted, стр. 133 и сл., 191 и сл.; Stjernquist, стр. 5—40; Г. Б. Федоров, Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут). *МИА 82*, Москва 1960, стр. 253—301; Ю. В. Кухаренко, Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном (по материалам раскопок Днепростроевской археологической экспедиции). *СА XXII*, Москва 1955, стр. 130—152; Э. А. Сымонович, Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. *СА XXIV*, Москва 1955, стр. 289—306; он же, Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. *МИА 82*, Москва 1960, стр. 192—252.

[20] Э. А. Рикман, Раскопки у с. Будешты. *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики*, Кишинев 1960, стр. 212, 214 и рис. 15 : 2, 3; он же, Памятник, стр. 31, рис. 37 : 4, 5; Амброз, Фибулы, стр. 68 и табл. 12, 16.

[21] N. Moroşan, O fibula particulara germanica din epoca imperialo-romana gasită in Basarabia. Chişinău 1935; он же, Kaiserzeitliche Fibel aus Vasilica (Bessarabien). *Germania 19, 1935*, стр. 36—40, рис. 1—2; Амброз, Фибулы, стр. 68.

дисками. Эта немногочисленная группа фибул датируется рубежом 2—3 вв. н. э. или началом 3 в. и представляет форму, типичную для стран, примыкающих с запада к Балтийскому морю. Эти фибулы распространены в основном в Дании, а также на Борнхольме и Готланде, встречаются они и на территории бывшей Восточной Пруссии, в том числе в Калининградской области. Находят такие фибулы исключительно в богатых женских погребениях. Фибулы эти особенно интересны тем, что четыре из них несут на себе рунические надписи на обратной стороне приемника, т. е. невидимо для глаз. Все четыре найдены в Дании — две в Зеландии (в Химлингойе и Верлосе), а две — в Ютландии (в Несбьерге и Норлинге).[22]

Северного, видимо датского, происхождения является и серебряная двучленная подвязная фибула (серии III А. К. Амброза) с богатым набором колец и декоративной кнопкой из раскопок Херсонесского некрополя, произведенных А. С. Уваровым еще в 1853 г. Судя по найденным вместе с нею монетам, она относится к 3 или 4 веку.[23] Такого же типа и три депаспортизованные фибулы из собрания Государственного Эрмитажа, о которых, как предполагает А. К. Амброз, быть может упоминал и О. Альмгрен.

Все вышеизложенное свидетельствует об определенных связях Восточной Европы, в частности Молдавии, с Южной Скандинавией.

В осуществлении этих связей большое значение, несомненно, имел морской путь, пришедший в конце 2-го — начале 3-го вв. (после маркоманнских войн) на смену сухопутному «янтарному» пути. Он связал западные провинции империи с Северной и Восточной Европой — от устья Рейна через Данию и далее по Балтийскому морю в устье Вислы и вверх по этой реке и Западному Бугу к левым притокам Днестра. Именно этим путем, в котором Зеландия играла большую роль, причем не только перевалочного пункта — посредника, в Северо-восточную Польшу и западные районы нашей страны попадали изделия западногерманских и южноскандинавских (зеландских) мастеров, например ведерко типа *Hemmoor* в погребении в Рудке на Волыни, ведерко с косыми канелюрами в Пилипках Бельского повята Польши (бывш. Гродненской губ.), вероятно обоянская стеклянная патера[24], молдавские и херсонесские фибулы и т. д.

Все возрастающее значение северного морского пути по Балтийскому морю в первой половине 3 в. н. э. справедливо подчеркивается рядом западноевропейских, польских и финских ученых.[25] Еще ранее отмечал это и Х. А. Моора в своем труде, посвященном железному веку Латвии. Значение морского пути подчеркивают и наши литовские коллеги.[26]

Как уже говорилось выше, с северочерноморским (готским) культурным потоком долгое время связывали появление и происхождение рунической письменности, несмотря на то, что сами рунические надписи хронологически противоречат такому предположению. В археологическом материале нет также никаких данных для подтверждения возникновения рун у берегов Черного моря. Древнейшие рунические надписи на изделиях из металла и кости, относящиеся к рубежу 2—3 вв. или к первой половине 3 в., в основной своей массе локализуются в Южной Скандинавии — в Зеландии, Ютлан-

---

[22] Амброз, Фибулы, стр. 67; Werner, Das Aufkommen, стр. 28, 29, 41—42, рис. 13 и табл. 15; Krause, стр. 32—33, № 10, табл. 6; стр. 33—34, № 11, табл. 7; стр. 36—37, № 13, табл. 8; стр. 37—39, № 13а, табл. 8; Brøndsted, стр. 260, 429; E. Moltke, Runeindskriften på rosetfibulen fra Nøvling. *Kuml 1963*. Århus 1964, стр. 37—41; Э. А. Макаев, Язык древнейших рунических надписей, лингвистический и историко-филологический анализ. Москва 1965, стр. 103, № 38; стр. 104, № 57; стр. 108, № 106. В другом более позднем погребении (№ 35, 4 века) того же могильника в Химлингойе была обнаружена бронзовая двупластинчатая фибула также с рунической надписью.

[23] Амброз, Фибулы, стр. 67—68 и табл. 15 : 27.

[24] М. А. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры. *СА 1957, № 4*, стр. 192 и рис. 17; Отчет Археологической комиссии за 1913—1915 гг., стр. 185—186; Werner, Zur Herkunft, стр. 410, № 46; Л. А. Мацулевич, Погребение варварского князя в Восточной Европе. *ИГАИМК 112*, Москва—Ленинград 1934, стр. 80—81.

[25] W. Gaerte, Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1929, стр. 207; Werner, Zur Herkunft, стр. 407; он же, Die beiden Zierscheiben, стр. 54, 55, 68; он же, Das Aufkommen, стр. 21—22; J. Kostrzewski, Prehistoria ziem Polskich. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów. Warszawa 1939—1948, стр. 336; K. Majewski, Importy rzymskie na ziemiach slowiańskich. Wrocław 1949, стр. 24; он же, Importy rzymskie w Polsce, стр. 42; E. Konik, Śląsk starożytny i imperium Rzymskie. *Biblioteka archeologiczna 9*, Warszawa—Wrocław 1959, стр. 51; K. Jażdżewski, Poland. London 1965, стр. 150; Lęga, стр. 9; E. Kivikoski, Finland. London 1967, стр. 84.

[26] Moora, EZL II, стр. 591—592; М. М. Михельбертас, Римские металлические предметы в Литве. *СА 1965, № 3*, стр. 168, 175; он же, Римский импорт в Литве. Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс 1965, стр. 12, 15; Р. Волькайте-Куликаускене, Успехи археологической науки в Литовской ССР. *СА 1967, № 3*, стр. 103. Приходится сожалеть, что В. В. Кропоткин в своей работе, посвященной экономическим связям Восточной Европы, совершенно обошел этот вопрос. См. В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. Москва 1967.

дии, Сконе, т. е. в местах предположительного обитания герулов (ерулов), изгнанных затем с их родины данами и выступающих, как известно, во второй половине 3 в. вместе с готами у берегов Черного моря. Если Южная Скандинавия и не является «прародиной» рунической письменности, то все же именно здесь были найдены древнейшие рунические надписи, исполненные мастерами, в которых ряд исследователей видит древних герулов.[27]

[27] O. Friesen, De germanska, anglofriska och tyske runorna. *Nordisk kultur VI*, København—Oslo—Stockholm 1933, стр. 3—79; N. Åberg, Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa. Bilderatlas mit erläuterndem Text. Kopenhagen 1936, стр. 51; Werner, Das Aufkommen, стр. 34, сн. 55 и рис. 15; Krause, стр. 57—59; Brøndsted, стр. 272, 431; Макаев, стр. 29—43.

LÕUNA-SKANDINAAVIA SIDEMETEST IDA-EUROOPAGA I AASTATUHANDE ESIMESEL POOLEL M. A. J.

M. A. Tihhanova

Lühikokkuvõte

Kaua aastaid valitses arheoloogia-alases kirjanduses seisukoht, et Musta mere põhjaranniku «gooti» kultuur on avaldanud suurt mõju Kesk- ja Põhja-Euroopa kultuurilisele arengule. Sellega seostati teatavate sõletüüpide, kivisillutisega kalmete, ruunikirja jm. levikut. Musta mere ranniku kultuurimõju ülehindamisele on vastu vaielnud juba mitmed välismaised autorid ja 1966. aastal ka nõukogude arheoloog A. Ambros. Sellest hoolimata püsib veel see vana, kuigi argumenteerimata seisukoht.

Viimaste aastate uurimistööd Nõukogude Liidus tõendavad seevastu Loode-Euroopa, iseäranis Lõuna-Skandinaavia kultuurimõju Ida-Euroopale. Lõuna-Volõõnias, sealhulgas autori poolt juhatatud asulakaevamistel Lepessovka küla juures (2. sajandi lõpp — 4. sajandi kolmas veerand), leiti nelinurksete ehituste jäänuseid. Neis on ühe katuse all olnud elamu ja tall (või tööruum). Seda laadi elamuid tuntakse juba hilislateeni ja rooma ajast Jüütimaalt, Taani saartelt, Hollandist ja Loode-Saksast. Eriti tähtis on seesuguste ehituste ja samas paikneva kivisillutisega kalmistu olemasolu Tšernjahhovo kultuuri asulas Moldaavias. Ida-Euroopa ja Lõuna-Skandinaavia vahelisi sidemeid tõendavad ka «monstroossed» sõled kõrge nõelahoidjaga, mis on põhjamaist päritolu. Vanimad ruunikirjad esinevad aga metall- ja luuesemetel 200. aasta paiku või 3. sajandi esimesel poolel peaasjalikult Själlandil, Jüütimaal ja Skånes, seega heruulide oletataval asumisalal enne seda, kui nad koos gootidega Musta mere poole liikusid.

Mainitud suhtlemises oli 2. sajandi lõpust või 3. sajandi algusest alates suur tähtsus mereteel üle Läänemere, millel tähtsat osa etendas Själlandi saar.

ZUR FRAGE DER VERBINDUNGEN SÜDSKANDINAVIENS MIT OSTEUROPA IN DER ERSTEN HÄLFTE DES I. JAHRTAUSENDS u.Z.

M. A. Tichanowa

Zusammenfassung

Seit langen Jahren herrschte in der archäologischen Literatur die Ansicht einer ausserordentlichen Bedeutung des nordpontinischen «gotischen» Kulturstroms für die kulturelle Entwicklung Mittel- und Nordeuropas. Mit diesem Kulturstrom brachte man die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss, die Fibeln mit halbrunder Kopfplatte, die Gräber mit Steinpackung, die Runenschrift u.a. in Verbindung. Eine solche Überschätzung des nordpontinischen Kulturstroms wurde von mehreren ausländischen und 1966 auch vom sowjetischen Archäologen A. Ambros bestritten. Dessenungeachtet blieb die alte, wenngleich unargumentierte Ansicht bestehen.

Die in den letzten Jahren in der Sowjetunion angestellten Untersuchungen bezeugen im Gegenteil den Einfluss Nordwesteuropas und Südskandinaviens auf Osteuropa. Ausgrabungen in Südwolhynien, darunter die der Verfasserin auf der Siedlung beim Dorfe Lepesowka (Ende des 2. — drittes Viertel des 4. Jhs.) weisen auf der damaligen Erdoberfläche rechteckige, meistens zweiteilige Gebäude nach, die unter einem Dache einen Wohnraum und einen Stall (oder Produktionsraum) vereinigten. Wohngebäude dieser Art sind bereits in der Spätlatène- und in der römischen Zeit aus Jütland, den dänischen Inseln, Holland und Nordwestdeutschland bekannt. Unter den moldawischen Denkmälern der Tschernjachowo-Kultur sind die Siedlung Budeschty mit Häusern dieser Art und das daselbst befindliche Gräberfeld mit einigen Steinpackungen besonders wichtig.

Einen Beweis der Verbindungen Osteuropas mit Südskandinavien bieten die «monströsen» Fibeln mit hohem Nadelhalter, welche nordischer Herkunft sind. Die ältesten Runeninschriften treten an Gegenständen aus Metall und Bein um 200 oder in der ersten Hälfte des 3. Jhs., hauptsächlich in Seeland, Jütland und Schonen, d.h. in dem vermutlichen Siedlungsgebiet der Herulen auf, die mit den Goten zusammen ans Schwarze Meer gelangten.

Bei diesen Verkehrsbeziehungen gewann der Seeweg über die Ostsee, auf welchem Seeland eine beträchtliche Rolle spielte, vom Ende des 2. — Anfang des 3. Jhs. an eine grosse Bedeutung.

О НЕКОТОРЫХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

П. Н. Третьяков

Древности раннего железного века в области Верхнего Поднепровья стали известны сравнительно недавно — в результате археологических исследований последних десятилетий. Оказалось, что в те отдаленные времена, в I тысячелетии до н. э. и в начале н. э., обширная область верхнего течения Днепра принадлежала четырем группам племен, несколько отличавшимся друг от друга по деталям культуры. В левобережье по Десне обитали юхновские племена, получившие свое имя по городищу у д. Юхново, находящемуся вблизи Новгорода-Северского. Их соседями были многочисленные днепро-двинские племена, жившие по верховьям Днепра, Сожа и Десны, в прилегающей к ним части бассейна Западной Двины, а также по Верхней Оке. В начале I тысячелетия н. э. «днепро-двинцы» и «юхновцы» продвинулись в западные области Волго-Окского междуречья, где образовалась своеобразная группировка, известная главным образом по материалам городищ верхнего течения Москвы-реки. На северо-западе днепровского бассейна — по Друти, Березине и левым притокам Припяти лежала область племен, особенностью которых являлась глиняная посуда с орнаментальной штриховкой. От Днепра их поселения широкой полосой шли далеко на запад, охватывая бассейн Немана и Нерис (Вилии), а также значительные пространства по Западной Двине, главным образом в нижнем ее течении. И, наконец, на юго-западе Верхнего Поднепровья простирались владения милоградских племен, названных так по имени городища у д. Милоград, находящегося на правом берегу Днепра вблизи устья Березины. «Милоградцам» принадлежало поречье Днепра от низовьев Березины до впадения Десны, берега Припяти и ее правых притоков, нижнее течение Сожа и Ипути.

Судя по археологическим данным и сопоставлению их с результатами гидронимических исследований, эти группировки раннего железного века принадлежали к балтской (летто-литовской) семье. Их материальная культура во многом была близка к культуре древнего населения юго-восточной Прибалтики.[1]

Несмотря на то, что Верхнее Поднепровье не имело своего цветного металла — меди и других металлов, входивших в состав бронзовых сплавов — для верхнеднепровских племен раннего железного века было характерно обилие бронзовых изделий, главным образом украше-

---

[1] П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва—Ленинград 1966, стр. 163—189.

ний. Они составляли специфическую, так сказать «этнографическую» особенность культуры восточных балтов, которые были очень искусными литейщиками-ювелирами. Бронзовые изделия они изготовляли различными способами, чаще всего путем отливки в твердые формы, вырезанные из камня, или в глиняные формы, сделанные по восковым моделям. Обломки готовых изделий, их «полуфабрикаты», мелкие утерянные вещи, а также орудия ювелиров — литейные формочки и льячки — встречаются в Верхнем Поднепровье буквально на каждом городище. Изучение бронзовых изделий позволяет восстановить не только некоторые детали быта восточных балтов, но и определить отдельные стороны исторической обстановки, в условиях которой развивалась их культура, выявить их экономические связи. Эти же изделия служат нередко основным источником решения вопросов хронологии.

В настоящей статье речь пойдет далеко не о всех бронзовых предметах, найденных на верхнеднепровских городищах I тысячелетия до н. э. и начала н. э., а лишь об одной их серии — украшениях с тонкими «кружевными» узорами, сделанными техникой «воскового вязания». До недавнего времени изделия такого рода в средней полосе Европейской части СССР считались археологами специфической особенностью древней финно-угорской культуры. Первая находка «кружевных» восточнобалтских украшений раннего железного века, обнаруженная в начале нашего столетия у с. Подгорцы на севере Киевской области, была отнесена к финно-угорским древностям раннего средневековья или середины I тысячелетия н. э.[2] Из многочисленных новых данных видно, что в I тысячелетии до н. э. предметы такого рода имели распространение не у финно-угров, а в среде восточных балтов. Поэтому напрашивается вопрос, не из Поднепровья ли и его периферии в начале нашей эры техника «воскового вязания» распространилась у соседних волго-окских финно-угорских племен? У последних своеобразные формы «кружевных» украшений, как известно, бытовали в I тысячелетии н. э. до раннего средневековья включительно.

Таким образом, данная группа бронзовых изделий служит одним из источников изучения отношений и связей, существовавших некогда между восточными балтами и финно-угорским населением. Это тема, которой постоянно интересовался Х. А. Моора, являвшийся крупнейшим специалистом в области археологии балтов и финно-угорских племен.

На основании сравнительных археологических и этнографических материалов можно предположить, что в раннем железном веке у днепровских балтов изготовлением бронзовых украшений занимались преимущественно женщины. Это было одним из их «домашних рукоделий». Только их руки могли вылепить из воска и провощенных нитей тонкое и замысловатое кружево — модели бронзовых шейных украшений, браслетов, булавок, застежек, подвесок. Вылепленная из воска модель заливалась тонкотертой или отмученной глиной и таким образом оказывалась внутри глиняной формы. Когда глина высыхала, форму клали в огонь. Воск при этом выгорал, и образовавшиеся пустоты через специальное отверстие в форме заливали расплавленным металлом. Чтобы вынуть изделие, форму разбивали. Следовательно, она служила только один раз для отливки единственного предмета. А сколько было при этом неудачных отливок, когда не все тонкие извилины формы заполнялись бронзой! Тогда надо было все начинать сначала. Литье по восковой модели — это большое искусство и огромный кропотливый труд. Широкое бытование литья по восковым моделям свидетельствует об архаичности производства, о том, что ювелирное дело обслуживало узкий круг потребителей, не было рассчитано на обмен. Впоследствии, когда изготовление металлических украшений у восточных балтов вышло за рамки семейной общины, когда вещи стали изготовляться на продажу, литье по восковым моделям уступило место более прогрессивным приемам ювелирного дела. Это привело, однако, к появлению более простых, стандартных изделий: древнее искусство сменилось ремеслом.

На верхнеднепровских городищах встречено множество обломков глиняных литейных форм. Многие из них служили для изготовления очень сложных «кружевных» украшений (рис. 1: 1, 2). В археологической литературе такие украшения рассматриваются нередко как наборные, спаянные из мелких деталей, отлитых в формах или свернутых и сплетенных из бронзовой проволоки.[3] Такой прием изготовления металлических украшений действительно имел место в древней металлургии. Был он знаком,

---

[2] В. Е. Козловська, Брондзові прикраси з с. Підгірців на Київщині. *Український музей I*, Київ 1927, стр. 45; П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. *МИА 5*, Москва 1941, стр. 79.

[3] Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. *МИА 94*, Москва 1961, стр. 98—101, 175—178.

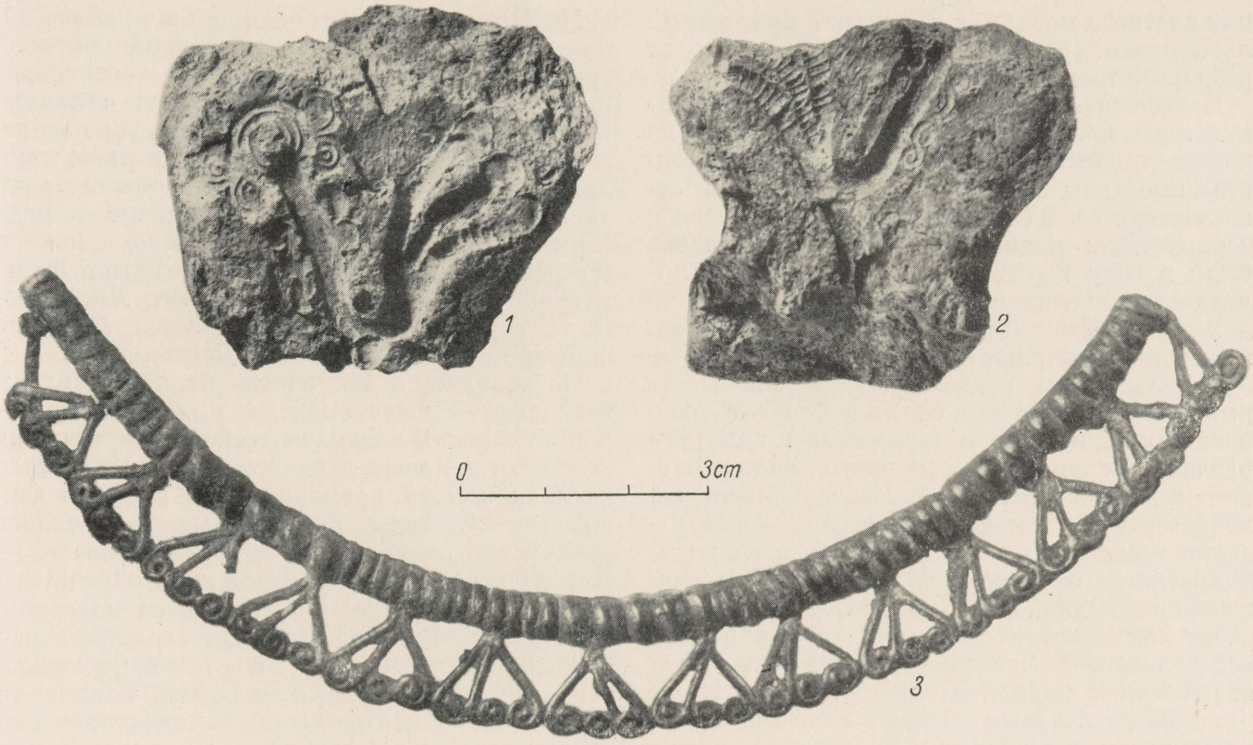

Рис. 1. Обломки глиняных литейных формочек из городища Новые Батеки (1, 2), и бронзовое изделие из Мокрядинского городища (3).

вероятно, и восточным балтам. Но в раннем железном веке в их среде «кружевные» ажурные украшения чаще всего отливались из бронзы целиком, о чем свидетельствуют обломки глиняных литейных формочек. Бронзовую проволоку нельзя было заплести в тонкие косички или свернуть в миниатюрные плотные спиральки, составляющие бронзовое «кружево». Модели таких изделий изготовлялись из воска и провощенных нитей.

Литье по восковым моделям имело в древности весьма широкое распространение — оно было известно во всех центрах древней металлургии. В Верхнее Поднепровье это искусство проникло, по-видимому, из тех местностей, население которых было поставщиком цветного металла для днепровских балтов. Главным образом они получали металл из Среднего Поднепровья, сначала от чернолесских (предскифских) племен, а затем — от населения Скифии. Об этом свидетельствуют бронзовые изделия, происходящие из верхнеднепровских городищ. Нередко они повторяют формы чернолесских украшений, в частности проволочных браслетов со спиральными концами, таких же перстней, особенно же литых по восковой модели браслетов с рельефным спиральным орнаментом.[4] Излюбленный в чернолесской среде орнамент из спиралей нашел дальнейшее развитие в верхнеднепровском ювелирном деле. В скифское время у восточных балтов, особенно у южных их группировок, встречались не только бронзовые трехгранные наконечники стрел скифских типов, но широко были распространены и серьги с круглым умбоновидным щитком и бронзовые булавки скифских форм. Позднее в западной части Волго-Окского междуречья серьги скифского типа легли в основу большой серии ажурных умбоновидных украшений.

Найденные на верхнеднепровских и верхнеокских городищах массивные литые браслеты с крупной зернью свидетельствуют о знакомстве восточных балтов и с латенской металлургией Средней Европы, которая, возможно, являлась для них другим источником получе-

[4] А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. *КСИИМК XLIII*, Москва 1952, стр. 90—94, 96; его же, Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев 1961, стр. 157—174, Е. А. Шмидт, Хозяйственные и культурные связи племен, населявших Смоленщину в раннем железном веке. *Материалы по изучению Смоленской обл. VI*, Смоленск 1967, стр. 249.

ния цветного металла.[5] Впрочем, с браслетами латенского характера восточные балты могли познакомиться и через скифов.

Неизбежная зависимость ювелирного дела от культуры поставщиков цветного металла не помешала днепровским балтам иметь свои собственные типы изделий, и, что особенно существенно, свой специфический стиль. Если у чернолесских племен Среднего Поднепровья были в ходу изготовленные по восковым моделям украшения с рельефными узорами, то для днепровских балтов особенно характерными стали ажурные «кружевные» украшения.

В дальнейшем, когда накопится значительный материал, можно будет определить особенности, присущие металлическим изделиям различных группировок восточных балтов раннего железного века. Уже сейчас видно, что по ассортименту и формам милоградские изделия несколько отличались от юхновских; те и другие — от днепро-двинских. Образовавшаяся в западной части Волго-Окского междуречья восточнобалтская группировка в первой половине I тысячелетия также имела свои излюбленные формы изделий из бронзы. Ниже речь пойдет главным образом о металле днепро-двинских, юхновских и упомянутых волго-окских племен, непосредственно граничащих с финно-угорским миром.

Одним из характерных «кружевных» изделий восточных балтов являются шейные украшения — гривны, представленные на городищах, к сожалению, лишь обломками.

Самая эффектная среди них — гривна из Мокрядинского городища на Смоленщине — представляла собой бронзовый обруч, передняя часть которого снабжена кружевом из плоских спиралей на длинных ножках (рис. 1 : 3).[6] Обломок подобной гривны происходит из москворецкого Мамонова городища.[7] Оба изделия по времени предшествуют рубежу нашей эры. Возможно, что аналогией им, более простой по оформлению, является гривна из городища с текстильной керамикой Малявница, находящегося у д. Новоселки в среднем течении р. Оки, то есть в глубине финно-угорской территории.[8]

На Мокрядинском городище был найден обломок и другой более массивной ажурной гривны, относящейся по форме к серповидным.[9] Частью подобной же гривны является, по-видимому, обломок серебряного украшения, найденный В. В. Седовым на смоленском городище — Церковище.[10] Передняя расширенная часть этой гривны была оформлена в виде семи параллельных «косичек». Еще ближе к серповидной мокрядинской гривне стоит фрагментированная гривна из Южного Долбатовского городища, расположенного в бассейне р. Судости, правого притока Десны.[11]

На городищах восточных балтов найдены несколько десятков бронзовых ажурных наверший булавок. В археологической литературе их нередко называют дьяковскими, что является наследием того времени, когда в рамки дьяковской культуры археологами включались древности очень широкой территории — Волго-Окской области, Верхнего Поднепровья и Подвинья. Первые находки таких наверший сделаны на Верхней Оке. Впоследствии они были встречены как на Оке, так и на юхновских городищах на Десне и Сейме, а также на днепро-двинских городищах Смоленского Поднепровья.[12] Это было одно из характерных украшений восточных балтов в I тысячелетии до н. э. — начале н. э. По форме и орнаменту они более или менее однообразны: обычно их сравнивают с листом дерева или пером птицы. Бронзовое навершие увенчивало железную булавку. Но встречались булавки и сплошь бронзовые, цельнолитые. Обломок одной из них был найден А. Н. Лявданским на городище Лукесы в бассейне Зап. Двины [13], обломок другой происходит из Подмосковья с Барвихинского городища [14]. Булавки из городищ Смоленщины отличаются разнообразием форм. В финно-угорскую среду бронзовые навершия не проникали. Булавки не являлись там традиционным предметом убора, если не считать

---

[5] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт, Древние городища Смоленщины. Москва—Ленинград 1963, стр. 47, 48, 162—167.

[6] Третьяков, Шмидт, стр. 90.

[7] В. И. Качанова, О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. *Археологические памятники Москвы и Подмосковья*. Москва 1954, стр. 30.

[8] П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. *ИГАИМК 106*, Москва—Ленинград 1934, стр. 171.

[9] Третьяков, Шмидт, стр. 89—90.

[10] В. В. Седов, Городище Церковище. *КСИА 102*, Москва 1964, стр. 72—74.

[11] В. А. Падин, Юхновские поселения Средней Десны. *СА 1966, № 2*, стр. 142—143.

[12] Напр., Е. И. Горюнова, Городище Торфель. *КСИИМК XXXI*, Москва 1950, стр. 154; А. Е. Алихова, Древние городища Курского Посемья. *МИА 113*, Москва 1962, стр. 124; Третьяков, Шмидт, стр. 164, 166.

[13] А. Н. Ляўданскі, Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рек Сажа, Дняпра и Касплі у Смаленскай губ. *Працы Археолёгичнай камісіі Беларускай Акадэміі навук II*, Менск 1930, стр. 326.

[14] П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э. *СА 1957, № 2*, стр. 70.

маленьких булавок со спиральными головками, находимых в нижних слоях дьяковских городищ. Одно навершие булавки происходит из Палецкого городища, расположенного на притоке Средней Оки — р. Осетре. Это, кажется, самая восточная находка такого рода.[15] По форме это навершие отличается от обычных, оно имеет вид круглой спирали.

В среде восточных балтов, расселившихся в западной части Волго-Окского междуречья, большое распространение получили умбоновидные подвески (вероятно, височные), прообразом которых послужили серьги скифского типа. В I тысячелетии до н. э. такие серьги имели широкое распространение у восточных балтов, о чем свидетельствуют не только их частые находки, но и формочки для их изготовления, происходящие из милоградских, юхновских и днепро-двинских городищ. Умбоновидные подвески из западной части Волго-Окского междуречья относятся к первой половине I тысячелетия н. э. Они сохраняют форму древних серег, в частности имеют такой же изогнутый крючок для подвешивания. Но от древних они отличаются бóльшими размерами и богатым, нередко «кружевным» оформлением. Если древние серьги изготовлялись в жестких формах, то их поздние художественные дериваты делались по восковым моделям. Такие украшения происходят из городищ Троицкого-Щербинского, Барвихинского и многих других.[16]

В небольшой статье невозможно перечислить все бронзовые изделия восточных балтов, изготовленные по восковым моделям «кружевного плетения». К ним относятся состоящие из спиралей треугольные подвески, прямоугольные украшения из комбинации полукруглых бляшек, спиралек и имитации шнура, небольшие кольцевые застежки, зооморфная подвеска и т. д. Было бы интересно рассмотреть опубликованные недавно С. А. Изюмовой богатейшие материалы верхнеокского Сатинского городища, где наряду со скифскими трехгранными наконечниками стрел, пластинками панциря, булавками и серьгами были найдены ажурные навершия булавок и две уникальные круглые «кружевные» бляхи. На городище обнаружено множество обломков литейных формочек, свидетельствующих о том, что литье по восковым моделям производилось здесь в значительных масштабах. Время городища — середина и вторая четверть I тысячелетия до н. э.[17]

Но и приведенных данных вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что бронзовые изделия «кружевного стиля», отлитые по восковым моделям, были обычным элементом культуры восточных балтов с середины I тысячелетия до н. э. В тот период в финно-угорской среде такие украшения не встречались. Их не знало население, оставившее ананьинские и раннепьяноборские древности в Волгокамии. Вещи, изготовленные там по восковым моделям, не имели с восточнобалтскими «кружевными» ничего общего. Отдельные «кружевные» украшения, найденные на древних дьяковских городищах Волго-Окского междуречья (с текстильной керамикой), происходят несомненно из среды восточных балтов. Лишь в позднепьяноборских и кошибеевских могильниках первой половины I тысячелетия н. э. впервые появились местные украшения, изготовленные техникой «воскового вязания», — кольцевые застежки, шумящие подвески. Но они первоначально были значительно примитивнее и грубее украшений восточных балтов.[18]

Только в рязанских и других волго-окских финно-угорских могильниках второй четверти I тысячелетия н. э. и последующего времени появились высококачественные «кружевные» украшения. По наблюдениям В. В. Седова, наиболее сложные из них — большие нагрудные застежки-бляхи — были особенно характерны для погребений с восточной ориентировкой, которые по своему инвентарю сближаются с древностями балтов.[19]

То, что культура древних балтов оказывала прогрессивное воздействие на соседние финно-угорские группировки, известно уже давно. Об этом неоднократно писали А. М. Тальгрен, Х. А. Моора, П. П. Ефименко и другие исследователи. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что искусство изготовления предметов «кружевного стиля», получившее в I тысячелетии н. э. широкое распространение в волго-окской финно-угорской среде, тоже скорее всего берет свое начало от балтов Поднепровья.

---

[15] Раскопки А. В. Дмитриевской в 1927 г. (Зарайский музей).

[16] А. Ф. Дубынин, Троицкое городище Подмосковья. *СА 1964, № 1*, стр. 178—198; И. Г. Розенфельдт, Щербинское городище. *СА 1964, № 1*, стр. 165—176; А. Ф. Дубынин, И. Г. Розенфельдт, Раскопки Щербинского городища в 1963 г. *КСИА 107*, Москва 1966, стр. 103—110; Третьяков, К вопросу об этническом составе, стр. 70.

[17] С. А. Изюмова, О бронзолитейном производстве Сатинского городища. *СА 1967, № 1*, стр. 122—139.

[18] Напр., А. А. Спицын, Древности бассейнов рек Оки и Камы. *МАР 25*, С.-Петербург 1901, табл. V : 12, 16; VI : 26 и др.

[19] В. В. Седов, Рязанско-окские могильники. *СА 1966, № 4*, стр. 86—104.

MÕNEDEST VARASE RAUAAJA PRONKSESEMETEST DNEPRI ÜLEMJOOKSULT

P. N. Tretjakov

Lühikokkuvõte

Artiklis käsitletakse Dnepri ülemjooksu piirkonna varase rauaaja (I aastatuhat e. m. a. ja meie ajaarvamise algus) pronksehteid. Need valmistati savivalemites vahamudelite järgi nn. vahapunutistehnikas (joon. 1). Kuni viimase ajani peeti arheoloogide seas selliselt valmistatud esemeid Volga-Okaa ala soome-ugri hõimudele iseloomulikuks kultuurielemendiks. Neil olid niisugused ehted levinud meie ajaarvamise esimestest sajanditest kuni varase keskajani.

Viimase paari aastakümne arheoloogilistel uurimistöödel saadud andmed tõendavad, et Ida-Euroopas olid mainitud tehnikas valmistatud esemed kõigepealt levinud Dnepri jõgikonna idabalti hõimudel, kellelt need meie ajaarvamise algul levisid naabruses asuvatele soome-ugri hõimudele. Seega aitab kõnesoleva esemeterühma uurimine valgustada mõningaid külgi idabalti hõimude ja Volga-Okaa ala soome-ugri hõimude vahelistest suhetest ja ühendustest ajaarvamise vahetuse paiku. See on teema, millega kaua ja viljakalt tegeles akadeemik H. Moora.

EINIGE BRONZENE SCHMUCKGEGENSTÄNDE DER FRÜHEN EISENZEIT AUS DEM OBEREN DNEPRGEBIET

P. N. Tretjakow

Zusammenfassung

Im Artikel werden einige aus dem oberen Dneprgebiet stammende Gegenstände der frühen Eisenzeit (I. Jahrtausend vor u. Z. und Beginn u. Z.) behandelt. Solche Gegenstände (Abb. 1) wurden in tönernen Formen nach Wachsmodellen gegossen, die aus wächsernen oder wachsgetränkten Fäden spitzenartig «geflochten» waren. Bis vor kurzem wurden diese Schmuckstücke von den Archäologen als typische Bestandteile der Kultur der finnisch-ugrischen Stämme des Wolga-Oka-Gebietes betrachtet, wo derartige Gegenstände von den ersten Jahrhunderten u. Z. an bis ins frühe Mittelalter verbreitet waren.

Auf Grund der Ergebnisse archäologischer Forschungen der beiden letzten Jahrzehnte werden aber im Artikel Angaben vorgebracht, die schliessen lassen, dass Schmuckstücke des genannten Stils anfangs bei den ostbaltischen Stämmen des Dneprgebietes weite Verbreitung hatten und von dort aus, scheinbar zu Beginn u. Z., auch zu den benachbarten finnisch-ugrischen Stämmen gelangten.

Diese Beobachtungen geben die Möglichkeit, einige Züge der Beziehungen zu beleuchten, welche um die Zeitwende zwischen den Ostbalten und den Finno-Ugriern des Wolga-Oka-Gebietes bestanden — ein Thema, mit dem sich der Akademiker H. Moora viel und erfolgreich beschäftigte.

LISANDEID VADJA MATERIAALSE KULTUURI UURIMISELE KIRDE-EESTI ALAL

V. Trummal

Eesti territooriumil seovad nii keele kui ka arheoloogia andmed kunagiste vadjalaste kultuuriga eeskätt Peipsi põhja- ja looderanniku metsaseid ning liivaseid alasid.[1] Sellest edela pool asuv endise Tartumaa kirdeosa kannab Henriku «Liivimaa kroonikas» Vaiga nimetust, mille tähendust kui vadjalaste asumisala on selgitanud lingvistid. P. Ariste on veel paljusid teisigi nimetatud piirkonna kohanimesid seostanud kunagise vadja asustusega.[2]

Kõnesoleva piirkonna arheoloogiliste muististe hulgas esineb rida kääbaskalmistuid (joon. 1). Neist kääbastest saadud panuste, aga ka nende ümbruskonnast teada olevate juhuleidude seost vadja kultuuriga on käsitlenud H. Moora ühes oma varasemas artiklis[3], pidades silmas peamiselt nn. vadjapäraste ehtetüüpide levikut. Hiljem, arvestades ka uuemaid kaevamistulemusi, on artikli autor selle piirkonna muistiseid analüüsinud seoses vene-eesti suhete uurimisega 9.—13. sajandi alguse arheoloogilise ainese põhjal.[4] Ka vene nõukogude arheoloogid on avaldanud mitmeid uusi seisukohti naabruses asuvate Loode-Vene alade muististe ja nendes kajastuvate slaavi ning läänemeresoome hõimude etniliste vahekordade kohta.[5] Viimaseid arvestades ja mitmeti täiendades pühendasid H. Moora ja A. Moora vadja ja isuri hõimude etnilise ajaloo jälgimisele kogu nende levikualal ühe oma viimastest ühiselt kirjutatud artiklitest.[6]

Alljärgnevas tuuakse veel mõningaid lisandeid seni avaldamata arheoloogilisest materjalist, mille seos Kirde-Eesti vadja kultuuriga paistab olevat ilmne. 1929. aastal avaldatud H. Moora artiklis on kokku võetud varasemate, üsna piiratud ulatusega kaevamiste andmed eeskätt Kuremäe (12), Türsamäe, Lähtepea (13), Kaltri (6) ja Mäksa (7) kalmistutest.[7] Pärast

---

[1] H. Moora, Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. *EA*, lk. 115—116.

[2] P. Ariste, Vadja kohanimedest. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost.* Tallinn 1965, lk. 95.

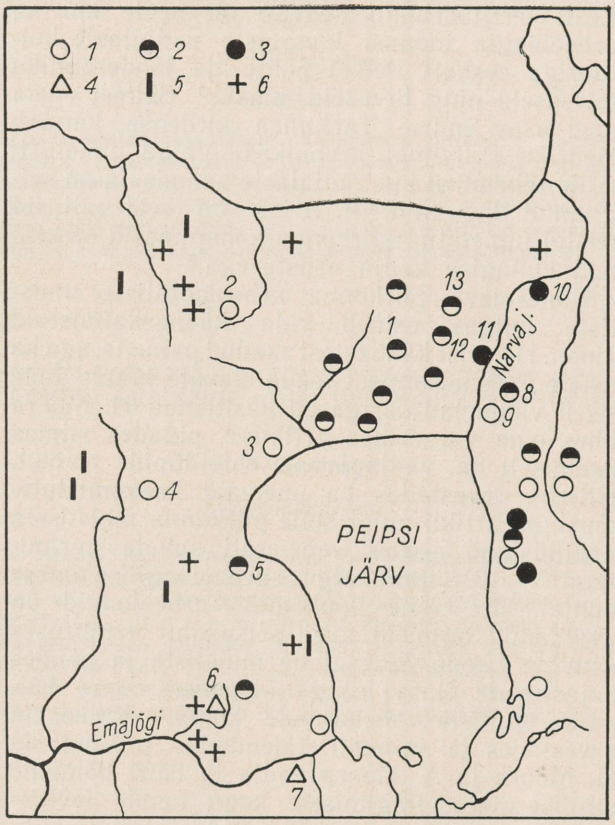
[3] H. Moora, Wotische Altertümer aus Estland. *ESA IV*, Helsinki 1929, lk. 272—283.

[4] В. К. Трумма л, Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII века. Автореферат кандидатской диссертации. Тарту 1955, lk. 14—16.

[5] В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). *СА XVIII*, Москва 1953, lk. 190—229; vt. ka В. В. Седов, Кривичи и словене. Автореферат кандидатской диссертации. Москва 1954; В. В. Седов, Славянские курганные черепа верхнего Поднепровья. *СЭ 1954, № 3*, lk. 12—18.

[6] Х. А. Моора и А. Х. Моора, Из этнической истории води и ижоры. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*, lk. 63—85.

[7] Moora, Wotische Altertümer, lk. 273—277.

Joon. 1. Vadja-slaavi ja eesti kalmistute levik. 1 — vadjapärased, 2 — vadja-slaavi, 3 — slaavipärased kääpad, 4 — vadjapärane maa-alune kalmistu, 5 — eesti kivikalme, 6 — eesti maa-alune kalmistu. (1 — Jõuga, 2 — Palasi, 3 — Vadi, 4 — Roela, 5 — Alatskivi, 6 — Kaltri, 7 — Mäksa, 8 — Olgin-Krest, 9 — Skarjatina, 10 — Kriuši, 11 — Kuningaküla, 12 — Kuremäe, 13 — Lähtepea).

seda on 1950-ndatel aastatel H. Moora ja E. Ariste juhtimisel ulatuslikumalt uuritud Jõuga (1) kääpaid lisakus.[8] Kui enamik Kirde-Eesti eelnimetatud kääbaskalmistuid koosneb keskmiselt 10—12 kääpast, siis Jõugal on ligi 300 kääbast, mis sisaldavad rikkalikku leiumaterjali.

Laskumata alljärgnevas kogu Kirde-Eesti alalt praegu teadaoleva arheoloogilise materjali lähemasse iseloomustamisse[9], tooksime siinkohal esile peamiselt need momendid, mis vaadeldava ala asustuse ja etniliste ning kultuuriliste olude uurimisel senistele andmetele lisa pakuvad.

Kirde-Eesti kääbaste levik on seotud siinset sooderikast piirkonda läbivate, okaspuumetsaga kaetud liivaseljandikega, mõnel pool ka jõe- või järvekalda liivikutega. Kääpad ise on väikesed (keskmine läbimõõt 4—5 m, kõrgus 0,75—0,85 m) ümarad liivakuhjatised. Kääpa põhjal leidub söe- ja tuhajäänuseid, mõnikord paksema kihina. Surnud on maetud põletamata, seliliasendis kääpaalusesse hauda. Kääbaste selline asukoht, suurus ja ehitus vastavad üldiselt ka Loode-Vene alade vadja-vene segaasustuspiirkonna kääbastele.[10]

Samal ajal aga esineb peale ülalnimetatud tunnuste näiteks Jõuga ja Kuremäe kääbastes sageli kiviringe ümber kääpa jalami. Sama nähtust leiame ka Narva jõe kaldail asetsevais kääbastes Kuningakülas (11), Olgin-Krestis (8) ja Kriušis (10). Analoogilist traditsiooni esineb kogu Leningradi oblasti loodeosas, sealt lõuna poole aga väheneb järjest kiviringide või kivilademe esinemine kääbastes.[11]

Kirde-Eesti ja Loode-Vene eelkirjeldatud kääbaste üldisel taustal äratab mitmete kääbaste juures tähelepanu matmisviisi mõningane erinevus. Näiteks Jõugal (XXII kääbas), aga ka Roelas (4) ja Palasis (2) leiame keskmistest suuremaid kääpaid, millel murukamara all on tihe paekivilade.[12] Kaltris teada olev maa-alune matus on samuti kaetud kivilademega. Jõuga XXII kääpal ulatus kivilade jalamist veidi kõrgemale, samasugune kitsas kivilade läbis kääbast diagonaalselt loode-kagu suunas, jaotades viimase kahte ossa (nagu kaheks tarandiks). Väiksemaist kividest lade jätkus kuhjatise alumises kihis. Surnud olid selles kääpas maetud reastikku, vähemalt kahes teineteise kohal lasuvas kihis. Luustikke leiti kokku neliteist, neist ülemises kihis kuus, alumises kaheksa. Samasugust «korruselist» matmist analoogilise kivikattega või ka kiviringidest ümbritsetud kääpaisse näeme mitmel pool Loode-Vene alalgi.[13]

V. Sedov, kes Loode-Vene laialdase arheoloogilise materjali põhjal on eristanud sloveenide ja krivitšite kääpad kronoloogiliselt ja teatud etniliste rühmadena, nimetab sealsete kääbaste hulgas ülalkirjeldatud kääpatüüpi korruseliseks

[8] E. Ariste ja H. Moora kaevamisaruanded 1949. ja 1950. a. AI-s.

[9] Viimane on esitatud: V. Trummal, Vene-eesti vastastikused suhted IX sajandist kuni XIII sajandi alguseni. Tartu 1955, lk. 317—360 (käsikiri TRÜ Teaduslikus Raamatukogus).

[10] Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском у. *ЗОРСА V, вып. 1*, С.-Петербург 1903, lk. 67—76.

[11] Trummal, Vene-eesti suhted, lk. 321 jj.

[12] H. Moora pidas Palasi kääpaid Tudu lähedal, samuti Vadi (3) kääpaid Avinurmes nende kivilademega kuhjatise, viimaseid aga vadjapärase kohanime tõttu vadjalaste matusepaikadeks. Vt. Х. А. Моора и А. Х. Моора, lk. 66.

[13] А. А. Спицын, Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. *МАР 29*, С.-Петербург 1903, lk. 79—80.

(ярусные курганы).[14] Tema arvates tuleb selliseid kivikonstruktsiooniga kääpaid pidada soome sugu hõimude, eeskätt vadjalaste kääbasteks. Seda väidet põhjendab ta nende kääbaste silmapaistvate erinevustega slaavi kääpaist — kivikonstruktsioon ehituses, vadjapärased ehtetüübid ning soome sugu hõimudele omased antropoloogilised tunnused. Korruseliste kiviladega kääpaid leidub teiste hulgas suhteliselt vähe ning neid esineb peamiselt Novgorodimaa metsastel, asustuseks vähesobivail loodealadel, kuhu slaavlaste kolonisatsioon kohe ei ulatunud.

On huvitav märkida, et selles piirkonnas, eeskätt Luuga jõe suudmes ja Isuri platool, on teada ka varasemaid seda tüüpi kääpaid, mis sisaldavad põletusmatuseid.[15] N. Rörich kirjeldab põletusmatustega kääpaid Lissino küla juures, kusjuures ta märgib keset liivakääbaste rühma kiviladega kaetud ja kividega rombikujuliselt ümbritsetud madalaid kuhjatisi.[16] Viimaste kirjeldus, eeskätt kivide kasutamine kalmes, meenutab mõneti eestlaste traditsioonilisi kivikalmeid. Luuga suudmeala matused on C. A. Nordman eelnimetatud töös dateerinud 9.—11. sajandisse, Lissino kääpad võivad olla veelgi varasemad. On võimalik, et viimati nimetatud kalmed Loode-Vene äärepiirkondades on seotud siinse varasema vadja asustusega. Analoogilist kivikonstruktsioonide kasutamist kääbastes esines vadjalastel veel hiljemgi, 12.—14. sajandil, seoses laibamatusega. Kuigi puuduvad uuemad uurimused mainitud kalmete kohta, näitavad olemasolevad andmed ometi mingit kauget geneetilist seost vadja hõimude matmiskommete vahel.

Kõige eelneva põhjal võime ka kirjeldatud Jõuga XXII kääbast, samuti Kaltri, Roela ja Palasi kalmeid nende kivikonstruktsiooni tõttu üsnagi suure tõenäolisusega pidada vadjalaste matmispaikadeks. Seda kinnitab ka nendest kääbastest saadud vadjapärane ehtematerjal, mis dateerib need 13.—14. sajandisse.[17]

Enamik Kirde-Eesti arheoloogiliselt uuritud liivakääpaid aga sarnaneb nii oma ehituse kui ka leiumaterjali poolest Loode-Vene segaasustusega alade või puht-slaavi kääbastega.[18] Seda kinnitavad veel mõned üksikasjad. Paljudel Kirde-Eesti kääbastel, kus puudus kivilade või kiviring, esines kääpa jalamil savikiht; mõnikord oli see ka kääpa põhjal, kuhu oli maetud surnu ning kus leidus põlemisjälgi söe- ja tuhakihi näol. Selliseid põlemisjälgedega savipõhju on A. Vassar pidanud kultusasemeiks, leides neid ka ühes varasemas, I aastatuhande teise poole kääbastikus Peipsi läänekaldal Savastveres.[19] Niisuguseid «kultusasemeid» näeme väga mitmel pool nn. Volhovi tüüpi sopkades[20], Gnjozdovo slaavi kääbastes Smolenski lähedal[21], mõnikord ka Laadoga lõunaranniku kääbastes[22]. Nii oli vastav komme seotud slaavlaste matmisrituaaliga, millest olid ilmselt mõjustatud Jõuga ja ka varasemad Savastvere savipõhjaga kääpad.

Jõuga VIII kääpa põhjalt leiti kaks luustikku, kääpa teisest äärest aga kaks paekividest laotud kollet. Koldekivide ümbruses ilmnes tugevaid põlemisjälgi, sealtsamast leiti tõenäoliselt kahe savinõu kilde, mis olid liivas laiali pillatud. Viimane asjaolu näitab, et nõud olid purustatud tahtlikult kohapeal. Analoogilisi detaile matmiskombestikus kohtame ka slaavi kalmetes.[23]

Mis puutub Kirde-Eesti kääbaste leiumaterjali, siis on see väga ühekülgne — puuduvad nn. toredustooted, töö- ja tarberiistu esineb väga vähe, relvadest rääkimata. Põhilise inventari moodustavad lihtsale külaelanikkonnale kuulunud pronksehted. Viimased olidki varasemates käsitlustes peamiseks etniliste suhete uurimise allikaks. Eespool tsiteeritud varasemas kirjanduses on õigustatult peetud vadja kultuurile iseloomulikuks mitmesuguseid pronksist linnu- või pardikujulisi ripatseid, omapärase plettornamendiga laiu, keskelt nõgusaid pronksplekist käevõrusid, eeskätt aga paljuhelmelisi oimuehteid, millel mõnikord vaheldumisi klaashelmeste ja kaurikarpidega esineb pronksplekist kuulikesi.[24] Selliseid ehteid näeme eeskätt hilistes Jõuga kääbastes ning Kaltri ja Mäksa maa-alustes matustes. V. Sedovi arvates on need tüüpilised

---

[14] С е д о в, Кривичи и словене, lk. 9—10.

[15] C. A. N o r d m a n, Karelska järnåldersstudier. *SMYA XXXIV:3,* Helsingfors 1924, lk. 100.

[16] Н. К. Р е р и х, Экскурсия Археологического Института 1899 г. в связи с вопросами о финских погребениях в С.-Петерб. губ. *Вестник Археологического института XIII,* 1899, lk. 107—109.

[17] M o o r a, Wotische Altertümer, lk. 275; vt. ka T r u m m a l, Vene-eesti suhted, lk. 340 jj.

[18] T r u m m a l, Vene-eesti suhted, lk. 331—347.

[19] A. V a s s a r a kaevamisaruanne Savastverest 1935. a., AI-s, lk. 4.

[20] В. И. Равдоникас, Старая Ладога. *CA XI,* Москва—Ленинград 1949, lk. 41—42, joon. 51, 53.

[21] Д. А. Авдусин, Гнездовские курганы. Смоленск 1952, lk. 23.

[22] С. Н. Орлов, Могильник в Старой Ладоге. *Ученые записки Ленинградского государственного университета № 80. Серия исторических наук, вып. 10,* Ленинград 1941, lk. 124.

[23] А. С[п и ц ы н], Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовичем в Смоленской губ. *ЗОРСА VIII, вып. 1,* С.-Петербург 1906, lk. 188.

[24] M o o r a, Wotische Altertümer, lk. 277—278, joon. 2:1, 2; 4; samas ka vastav varasem kirjandus.

vadja hõimuehted, mis sagedaste leidudena tulevad ette juba 12. sajandist alates, näiteks Luuga ääres ja Peipsi-tagustes kääbastes. Veelgi arvukamalt esineb neid 13.—14. sajandil.[25] Viimane asjaolu näitab, et vadjalastel püsisid kohati veel üsna tugevad hõimutraditsioonid isegi siis, kui osa neist oli juba slaavistunud või slaavistumas.

Hoopis arvukamalt, võrreldes eelmainitud ehtetüüpidega, esineb Kirde-Eesti kääbastes mitmeid slaavi oimurõngaste tüüpe, mida varasemas kirjanduses on ekslikult peetud samuti vadjapärasteks. Hiljem on B. Rõbakov ja V. Sedov näidanud, et ovaalsete ning rombikujuliste laienditega oimurõngad, mida leidub Jõugal, Kuremäel jm., olid iseloomulikud sloveenidele.[26] V. Sedovi arvates ei esine seda tüüpi oimurõngaid vadjalaste varasemates kalmetes, näiteks Luuga—Koporje aladel. Seal said need tuntuks alles 12.—13. sajandil, mil vastav oimurõngatüüp levis ka mujale põhja ja lääne poole.[27]

Slaavipärasteks tuleb pidada ka Jõuga kääbastes üsna arvukalt leiduvaid käevõrukujulisi seotud otstega oimurõngaid, mida eelnimetatud autorid peavad krivitšite hõimuehteiks.

Kirde-Eesti kääpaist saadud savinõud on valmistatud potikedral. Nii Jõugalt, Kuremäelt kui ka Kuningakülast leitud keraamika sarnaneb tüüpilise slaavi joon- ja laineornamendiga keraamikaga.[28] Kodanlik arheoloogia ei võtnud seda materiaalse kultuuri etnilise kuuluvuse hindamisel tavaliselt arvesse. Potikedral valmistatud keraamika levik vadja kultuuri alal Loode-Venes, samuti kõne all olevais Kirde-Eesti kääbastes on siiski üheks slaavlastega tiheda suhtlemise tunnuseks. Samal ajal on huvitav märkida, et Jõuga ja Kuremäe, samuti Olgin-Kresti savinõud erinevad oma kujult (madalad, laia suuavaga) mõneti tüüpilistest slaavi nõudest, sarnanedes kõigiti isuri-vepsa aladel tuntud samasuguste käsitsi valmistatud savinõude kujuga.[29] B. Rõbakovi andmeil on Novgorodimaa loodeosas, isuri—vadja aladel levinud kedrakeraamika samuti analoogilise kujuga[30], matkides niisiis varasemat kohalikku keraamikat. Potikedral nõude valmistamise tehnoloogia omandati aga slaavlastelt.

Muu leiumaterjal, mida lähemalt on iseloomustatud nii tsiteeritud H. Moora kui ka käesoleva artikli autori töös, peegeldab etnilisi vahekordi vähemal määral. Eeltoodud leiuandmed näitavad, et Kirde-Eestis algas käsitletud kääbastega seotud asustuse levik 12. sajandil. Asustuse levik toimus peamiselt 12.—13. sajandil ning jätkus mingil määral kuni 15. sajandini. Loode-Vene alade uurijate andmeil on slaavlaste kolonisatsioon 11.—12. sajandi paiku nihkunud üha kaugemale Novgorodimaa põhja- ja loodepoolseile äärealadele. Sellega seoses tuleb tõenäoliselt vaadelda ka Peipsimaa põhja- ja loodepoolsete alade asustamist, kuhu siirdeid levis järk-järgult, erinevail aegadel. Esmajärjekorras tekkisid kääpad 11. sajandi paiku Narva jõe idakaldale, seejärel siit lääne suunas Kirde-Eesti alale.[31] Mis puutub varasemaisse vadja siirdeisse, siis H. ja A. Moora on neid seostanud eeskätt lõunapoolsete vadjalastega, kes, lähtudes Oudovast lõuna pool asuvailt aladelt, siirdusid I aastatuhande teisel poolel elama Peipsi äärekaldale.[32] Kindlaid arheoloogilisi tõendeid on selle kohta esialgu vähe. Kirde-Eesti osas aga puuduvad seni vastavad varasemad leiud vadja siirete kohta.

On raske öelda, kui suure osa 12.—13. sajandi siirdlaste hulgas moodustasid puht-vadja perekonnad, kuid nende olemasolule vihjavad kahtlemata eelkirjeldatud traditsioonilised vadjapärased nähtused, samuti tugevad vadja keele elemendid Kodavere murrakus. Enamik siinsest kunagise vadja kultuuri alalt lähtunud elanikkonnast oli aga juba kahtlemata seotud slaavistumise protsessiga. Üsna ilmekalt kinnitab seda peale traditsiooniliste slaavi ehete leviku ka Kirde-Eesti, eeskätt Jõuga kääbastest saadud antropoloogiline materjal. K. Margi andmeil erineb see nii Lääne- kui ka Kesk-Eesti omast, vastab aga kõigiti Loode-Vene segaelanikkonna kääbaste antropoloogilisele materjalile. Alutaguse kääpaist saadud koljudel on nina lähedane slaavi tüübile, näokuju aga vadja tüübile.[33]

---

[25] Седов, Этнический состав, lk. 193—195.

[26] Седов, Кривичи и словене, lk. 11.

[27] Седов, Этнический состав, lk. 194; vt. ka Nordman, lk. 70, joon. 44—50.

[28] Trummal, Vene-eesti suhted, lk. 329—331.

[29] Л. А. Голубева, [Рецензия книги] В. В. Пименов, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. *СА 1967, № 1*, lk. 306.

[30] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. Москва 1948, lk. 173.

[31] Trummal, Vene-eesti suhted, lk. 347—360.

[32] Х. А. Моора и А. Х. Моора, lk. 65.

[33] К. Ю. Марк, Палеантропология Эстонской ССР. Автореферат кандидатской диссертации. Москва—Таллин 1953, lk. 12—13; vt. ka K. Mark, Paleoantropoloogilistest uurimistest Eesti NSV-s. *TA Toim. 1953, nr. 4*, lk. 519.

К ИССЛЕДОВАНИЮ ВОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЭСТОНИИ

В. Труммал

Резюме

На северном и северо-западном побережье Чудского озера примерно с 12 по 15 вв. распространялся ряд курганных групп, связанных с водской культурой (рис. 1). В статье дан краткий обзор материалов этих курганов, имеющих отчасти некоторые чисто водские признаки (так называемые ярусные курганы в могильнике Йыуга, многие курганы с каменной кладкой или каменным венцом, водские типы женских украшений). Однако основная масса курганов очень близка к славянским. Среди их инвентаря встречаются височные кольца словен и кривичей, гончарная керамика славянского типа. В общем как археологический, так и антропологический материал из этих курганов свидетельствует о смешанном водско-славянском населении, которое, начиная с 12 века, стало проникать на рассматриваемую территорию из более восточных областей.

ZUR UNTERSUCHUNG DER WOTISCHEN KULTUR IN NORDOSTESTLAND

V. Trummal

Zusammenfassung

Etwa vom 12. Jh. an und bis ins 15. Jh. hinein verbreitete sich am nördlichen und nordwestlichen Ufer des Peipsisees eine Reihe von Hügelgräberfeldern, die mit der Kultur der Woten in Zusammenhang standen (Abb. 1). Der Artikel bietet eine kurze Übersicht über diese Gräber, die zum Teil wotische Züge aufweisen (die sog. etagenförmigen Hügelgräber in Jõuga, viele Hügel mit einer Steinlagerung oder einem Steinkreis, Frauenschmuck von wotischem Typus). Die meisten dieser Hügelgräber stehen entsprechenden slawischen Grabanlagen nahe (unter den Beigaben finden sich Schläfenringe von der bei den Slowenen und Kriwitschen gebräuchlichen Art, Drehscheibenkeramik von slawischem Typus). Im allgemeinen spricht aber sowohl das archäologische, als auch das anthropologische aus diesen Gräbern stammende Material dafür, dass wir es hier mit einer gemischten wotisch-slawischen Bevölkerung zu tun haben, die vom 12. Jh. an aus östlicher gelegenen Landstrichen in das hier behandelte Gebiet einwanderte.

KUMNA HÕBEAARE

E. Tõnisson

1965. aasta sügisel leiti Kumna ehk Knoobuse külas endise Poolaka talu maal (praegu Keila sovhoosi Partisani osakond), Keilast 1,5 km põhja pool, Tallinnast umbes 20 km edelas (joon. 1) põldu kividest puhastades hõbeaare. Leiukoha juures on suur lõhenenud kivi. Aardesse kuuluvad 18 rinnalehte, 4 hoburaudsõlge, 3 käevõru, ristripats, mõned ehete katkendid, hõbedakang (joon. 2) ja 20 münti.[1] Esemed olid asetsenud lähestikku, osalt koos, 20—30 cm sügavuses. Sealtsamast leitud savinõukillud pärinevad kahest käsitsi vormitud nõust, milles aare oli nähtavasti peidetud.

1968. aasta kevadistel põllutöödel tulid umbes samast kohast nähtavale veel kaks käevõru, kee koos loomapeaotsalise ripatsi ja medaljoniga, katkine spiraalvõru ja pronksist kaalukapsel (joon. 3).[2] Kuigi pole päris kindel, kas mainitud esemed olid peidetud eraldi või koos eelmistega, võib mõlemaid leide siiski tinglikult üheks aardeks pidada.

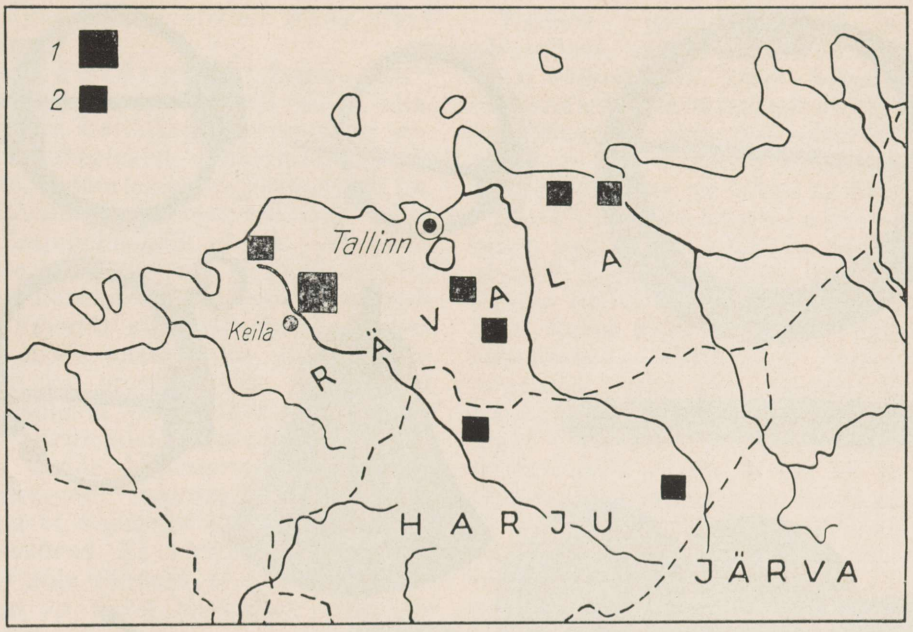
Keila ümbrusest on aardeid leitud juba varemgi. Mainitagu nendest eriti üht, mis avastati 1929. aastal Metsakülas, Kumna aarde leiukohast umbes 1 km põhja pool. See sisaldas 51 (25 araabia, 20 hedeby, 4 saksa, 1 böömi, 1 itaalia) 9.—10. sajandi münti ja hõbeehete (sealhulgas rinnalehe) ning hõbedakangide katkendeid.[3]

Kumna leiu hõbeehted esindavad suurelt osalt tüüpe, mis on tuntud teistest Eesti aaretest. Sellisteks on kõigepealt õhukesed ümmargused, mõnevõrra varieeruva läbimõõduga rinnalehed.[4] Ornament on geomeetriline. Domineerivad rist, romb, silmusnelinurk, s. o. motiivid, mis korduvad üldiselt teistelgi Eesti alalt leitud rinnalehtedel. Eraldi nimetatagu kaht suhteliselt suuremat ja kumeramat ristikujutusega eksemplari.[5] Koos tavaliste ümmarguste rinnalehtedega kuulub aardesse ka üks trapetsikujuline eksemplar.[6] Kõigil rinnalehtedel on neediga külgekinnitatud pronkskand.

Otsustades Kostivere, Muhu linnuse jt. vastavate aarete vanuse järgi, kodunesid rinnalehed Eesti alal eriti 13. sajandi algusest alates. Nende peamiseks levikualaks 13.—14. sajandil oli esijoones Põhja-Eesti. Halvast hõbedast või

---

[1] AM 18136:1—51.
[2] AM 19093:1—5.
[3] A. Friedenthal, Der Münzfund von Kumna. *Beiträge zur Kunde Estlands XVIII,* Reval 1932/34, lk. 5—13; E. Tõnisson, Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. *MKA,* lk. 188.
[4] AM 18136 : 1—19.
[5] AM 18136 : 2, 3.
[6] AM 18136 : 1.

Joon. 1. Kumna (1) ja teised (2) 12. sajandi lõpu — 13. sajandi aarded Rävalas ja Harjus.

pronksist rinnalehti on leitud ka kalmistutest.[7] Rinnalehtede arvukust ja ornamenti arvestades pole kahtlust, et nad on tehtud kohapeal ja et neid võib pidada üheks iseloomulikumaks eestipäraseks ehteliigiks.[8] Nad püsisid kasutusel 16.—17. sajandini, kusjuures hilisemaid rinnalehti on teada üle kogu Eesti.

Eesti rinnalehed on tõenäoliselt kujunenud mõnevõrra väiksematest, kaelakee küljes kantud ümmargustest ripatsitest, mida on teada juba 11. sajandist mitmelt poolt Läänemere ümbruse maadest, sealhulgas Soomest[9] ja liivi aladelt Lätis[10]. Mainitud ripatsid on nähtavasti omakorda arenenud müntidest, mida samuti on tihti ripatsitena kaelakee külge kinnitatud. Eestist on leitud ainult üksikuid selliseid ripatseid[11] ja paistab, et need ei olnud eriti levinud. Tõenäoliselt mõjustasid meie rinnalehtede kujunemist mitte niivõrd kohalikud, kuivõrd vastavad «välismaised», esijoones nähtavasti liivi ripatsid. Öeldut võiks kinnitada kaks suhteliselt varajast, umbes 3,5-cm läbimõõduga rinnalehte — oma mõõtmetelt on need alles lähedased ülalmainitud ripatsitele — Painvere aardest (Pärnu raj.), millesse kuulus veel neli õhukesest hõbeplekist õõneskumera ristlõikega liivipärast käevõru.[12] 12. sajandi rinnalehtedest mainitagu veel nelja eksemplari Paunküla II aardest (Harju raj.).[13]

Mis puutub trapetsikujulistesse rinnalehtedesse, siis on neid lisaks Kumna eksemplarile (joon. 2:6) Eestist teada veel kaks: üks Liikva aardest, teine Kaberla kalmistust (mõlemad Harju rajoonis).[14] Ornamendilt, milles esinevad stiliseeritud taimeväädid ja plettmotiiv, on kõik kolm eksemplari omavahel üsna sarnased. Kumna rinnalehe erinevuseks on selle keskosas kaks väätidest moodustuvat stiliseeritud palmetikujutust. Viimastes kajastub side eriti vene aladelt, aga samuti Skandinaaviast jm., Ida-

[7] Näiteks Kaberla kalmistust Harju rajoonis (AI 4116 : 139 jt.).

[8] Võrdlemisi arvukalt tuleb rinnalehti ette ka Karjalas ja Soomes. Vrd. K i v i k o s k i, EZF II, joon. 1049—1055; C. A. N o r d m a n, Karelska järnåldersstudier. *SMYA XXXIV*, Helsinki 1924, joon. 44, 45, 47, lk. 70 jj.

[9] K i v i k o s k i, EZF II, joon. 747—749.

[10] E. T õ n i s s o n, Liivlaste muistised Vidzemes (10. saj. — 13. saj. algus). Tallinn 1968, lk. 372, joon. 22:6; 91:3, 4 (käsikiri AI-s).

[11] Näiteks üks eksemplar Munalaskme kalmest (Harju raj.). Vt. J. S e l i r a n d, Eesti mandri kalmed 11.—13. sajandil, Tallinn 1966, tahv. XXXI : 2 (käsikiri AI-s).

[12] T õ n i s s o n, Eesti aardeleiud, joon. 27 : 3, 4, 7, lk. 202.

[13] AI 4289:109—112; T õ n i s s o n, Eesti aardeleiud, lk. 191.

[14] Esimene T a l l g r e n, ZAE II, tahv. V : 17. Teine E. K i v i k o s k i artiklis käesolevas kogumikus, joon. 5.

Joon. 2. Kumna hõbeaare. 1965. aastal leitud esemed (AM 18136 : 1—31).

Baltimaadel esijoones liivi aladelt teada oleva taimornamendiga.[15]

Kumna aarde käevõrudest kuulub neli[16] Eestis ulatuslikult levinud suhteliselt laiade, enamasti õõneskumera ristlõikega, kitsenevate otstega, õhukesest hõbeplekist väljataotud võrude tüüpi. Mõõtmete, proportsioonide, ornamendi jm. tunnuste järgi võib nende seas eristada mitut rühma. Tüübi kujunemiskäik ei ole veel päris selge. Vastavate aarete vanuse järgi otsustades levisid õhukesed hõbekäevõrud Eestis 12. sajandi lõpust või 13. sajandi algusest alates. Umbes samal ajal või mõne aastakümne võrra varem tulid kasutusele ka pronksplekist väljataotud käevõrud. Kõnesolevat tüüpi hõbe- ja pronksvõrusid esineb võrdlemisi arvukalt Põhja-Läti alal, kusjuures nende lähtevormiks paistavad seal olevat kitsamad, tugevasti õõneskumera ristlõikega, juba 11. sajandist esijoones liivi aladelt tuntud käevõrud. Et viimaseid on leitud Eestistki[17], siis pole võimatu, et nad mõnevõrra avaldasid mõju ka Eesti käevõrude edasisele kujunemiskäigule.

Vaadeldava võrutüübi ühe rühma moodustavad umbes 4 cm laiused hõbedast eksemplarid, mille ornamendis esinevad omapärased geomeetrilised kujundid. Sellised käevõrud on levinud esijoones Rävala-Harju alal. Sellesse rühma kuuluvad ka Kumna võrud. Kõik kõnesolevad käevõrud on omavahel niivõrd sarnased, et võib oletada nende valmistamist ühes või paaris keskuses. Tõsi, nad ei ole täiesti üheaegsed. Kui näiteks 1968. aastal päevavalgele tulnud kaks Kumna käevõru on peaaegu uued, siis 1965. aastal leitud eksemplarid on tugevasti kulunud ja ilmselt pikka aega kantud. Ka ornamendidetailidelt on mõlemad võrupaarid omavahel veidi erinevad.

Viies Kumna käevõru[18] on keeratud kolmest traadist; eseme mõlemas otsas on väike nupuke. Eesti aaretes esineb üksikuid teisigi mitmest traadist keeratud või punutud käevõrusid, mis üldiselt osutavad idapoolsetele ühendustele.

Katkine spiraalvõru[19] on valmistatud plekiribast, mille välisküljel on madal hari. Võru säilinud ots lõpeb S-kujulise konksuna. Sellised konksud on iseloomulikud eriti rombilise ristlõikega spiraalvõrudele-hõbedakangidele, mida on eriti arvukalt teada Ojamaalt.[20] Üksikuid eksemplare on leitud ka Eestist.[21]

Hoburaudsõlgedest on kolmel rombilise ristlõikega kaar ja fasseteeritud nuppotsad.[22] Seda tüüpi sõled on hästi tuntud nii Eestist kui ka mujalt Läänemere-äärsetest maadest. Kahel Kumna sõlel on kaarel pahk koos kolmnurkse, tõenäoliselt kirvest imiteeriva laiendiga. Kuigi võib nõustuda H. Salmo arvamusega, et selline sõletüüp tekkis algselt Ojamaal[23], on ometi tõenäoline, et järgnevalt valmistati neid nii Eestis kui ka mujal kohapeal. Otsustades vastavate aarete ja haudade vanuse järgi, levisid rombilise ristlõikega ja fasseteeritud nuppotstega sõled Eestis 12. sajandist alates.[24] Mõnevõrra varem, nimelt 11. sajandi teisel poolel, esines neid aga juba liivi aladel Lätis.[25] Võimalik, et kõnealuse sõletüübi väljakujunemisel Eestis ongi kaasa mõjunud vastavad liivi eeskujud.

Neljas Kumna hoburaudsõlg on suhteliselt suur, lameda pikiharjalise kaarega ja õhukeste plaaditaoliste otstega.[26] Selliseid hoburaudsõlgi esineb ka mitmes teises Põhja-Eesti, eriti Virumaa aardeleius. Nende enamik on valmistatud ilmselt kohapeal. Vastavate aarete vanuse järgi otsustades levisid nad alates 12. sajandi lõpust.[27] Võimalik, et seesuguste, Ida-Baltimaadel üldiselt võõrapärase kaarekujuga sõlgede kujunemist on mõjustanud idapoolsed eeskujud.

Hõbetraatidest punutud kett loomapeaotsalise ripatsiga[28] — nagu ka samalaadne kett ja ripatsid Padiküla aardes[29] — on tõenäoliselt

[15] Trapetsi- resp. kirvekujuliste rinnalehtede leviku ja päritoluga seotud küsimusi on lähemalt vaadeldud E. Kivikoski artiklis, vt. käesolev kogumik lk. 88 jj. E. Kivikoski arvates on see rinnalehetüüp tekkinud Eestis. Võib nõustuda sellega, et Eestist leitud vastavad eksemplarid on tõepoolest kohapeal valmistatud. Kas aga mujalt leitud seda tüüpi rinnalehed on Eesti päritolu või valmistatud siinsete eeskujude järgi, pole siiski kindel. Nii on Soome rinnalehtedel esinev joomasarve kujutus võõras mitte ainult Eesti rinnalehtedele, vaid kogu siinsele muistsele ornamentikale. Joomasarve kujutuse esinemine mõnedel Eesti hauakividel on tõenäoliselt seotud hilisemate välismõjudega.

[16] AM 18136 : 26, 27; 19093 : 1, 2.

[17] Vt. viide 12.

[18] AM 18136 : 24.

[19] AM 19093 : 3.

[20] M. Stenberger, Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit II. Lund 1947, joon. 35 : 2—4; 36 : 3—10; 39 : 9; 40 : 3—6 jt.

[21] Vrd. Tõnisson, Eesti aardeleiud, lk. 214, tahv. XXVIII : 1.

[22] AM 18136 : 21, 22, 23. Lisaks Eestist varem teada olevaile oli rida seda tüüpi sõlgi Angerja aardes (AI 4340, Rapla raj.), mis tuli päevavalgele 1963. aastal.

[23] H. Salmo, Finnische Hufeisenfibeln. *SMYA 56*, Helsinki 1956, lk. 61.

[24] Tõnisson, Eesti aardeleiud, lk. 219; Selirand, lk. 439. A. Kustini arvates võivad siiski mõned Saaremaalt leitud seda tüüpi sõled kuuluda juba 11. sajandi teise poolde. Vt. A. Kustin, Saaremaa ja Muhu muistised feodalismi tärkamise perioodist (11. sajandist kuni 13. sajandi alguseni). Tallinn 1962, lk. 379 (käsikiri AI-s).

[25] Tõnisson, Liivlaste muistised, lk. 352.

[26] AM 18136 : 20.

[27] Tõnisson, Eesti aardeleiud, lk. 219.

[28] AM 19093 : 4.

[29] Tõnisson, Eesti aardeleiud, tahv. XVIII.

Joon. 3. Kumna hõbeaare. 1968. aastal leitud esemed (AM 19093 : 1—5).

Skandinaavia päritolu. Ainulaadsemaks esemeks on keti juurde kuuluv hõbedast medaljon, mille pealmisel, eraldi külgejoodetud plaadil on niellotehnikas teostatud loomakujutus (joon. 3:1,5). Analoogilist loomakujutust esineb näiteks Skandinaavia päritoluga ümmargustel sõlgedel, mida mõned eksemplarid on leitud ka Eestist.[30] Loomakujutust tuleb ette ka üksikutel rinnalehtedel.[31] Kumna medaljonil oleva figuuriga sarnane tagasipööratud peaga looma kujutus esineb ühel Haapsalust leitud katkisel hõbeplaadil.[32] Eriti lähedase analoogiana mainitagu loomafiguuri ühel Soomest leitud hõberistil.[33] Jättes kõrvale Kumna medaljoniga seotud probleemide üksikasjalikuma arutelu, võib siiski arvata, et nii nagu kogu kett koos ripatsiga on ka medaljon Skandinaavia päritolu.

Kumna aarde ristripats[34] esindab nii Ida-Baltimaadel, Soomes kui ka Venes ja Skandinaavias laialdaselt levinud tüüpi. Selliseid riste — enamik pronksist — on valmistatud ilmselt mitmel pool, sealhulgas ka Ida-Baltimaadel.

Koos kirjeldatud ehetega kuuluvad Kumna aardesse veel sõlenõel ja kaks sõrmuse katkendit.[35] Viimastest on üks keeratud kahest traadist, kuna teine on valmistatud plekiribast.

Lisaks ehetele on Kumna aardes veel kaalukapsel[36], hõbedakang ja 20 münti. Hõbedakang[37] kuulub nn. valatud kangide hulka, mis olid laialdaselt levinud Läti ja Leedu territooriumil, Vene aladel, samuti Ojamaal. Eesti alalt on neid seni leitud võrdlemisi vähe.[38]

Mündid pärinevad ligi kahte sajandit hõlmavast ajavahemikust.[39] Vanimad mündid kuuluvad 11. sajandi esimesse poolde. Hiliseim münt pärineb 13. sajandi algupoolelt. Enamik münte on saksa, osa rootsi, üks taani päritolu. 6 saksa münti kuuluvad 11. sajandisse, ülejäänud mündid 12. sajandi teise poolde — 13. sajandi algupoolde. Viimastest moodustavad kompaktsema rühma Knut Erikssoni (1167—1196) aegsed rootsi mündid. Üht saksa penni (vermitud 1170. a. paiku) on kasutatud ripatsina, mida tunnistab mündis olev neediauk pronksist kanna jäänusega.

Kumna aarde ehted esindavad üldiselt tüüpe, mis on iseloomulikud 12. sajandi lõpule ja 13. sajandile. Kui arvestada ka hiliseima mündi vermimisaega, siis võib aarde tõenäoliseks peitmisajaks pidada 13. sajandi teist või kolmandat aastakümmet.

Kumna aare koosneb enamikus ehetest, vähemal määral (mündid, hõbedakang) maksevahendina kasutatud hõbedast. Enamik ehteid on sealjuures ilmselt kohalikku päritolu. Oma koosseisult sarnaneb Kumna aare teiste, esijoones Põhja-Eestist tuntud 12. sajandi lõpu — 13. sajandi aardeleidudega (nende levikut vt. joon. 1), mis samuti koosnevad enamikus ehetest, kuna maksevahendina kasutatud hõbeda osatähtsus on suhteliselt väiksem. Loomulikult võidi vajaduse korral ka ehteid kasutada maksevahendina. Sellele osutavad nii Kumna kui ka mitmes teises aardes esinevad katkiraiutud ehted. Kogu kõnesolev aareterühm erineb selgesti varasematest, 10.—12. sajandi esimese poole aaretest, mis koosnevad valdavalt müntidest, kuna ehteid esineb neis ainult üksikuid ja needki on enamikus võõra päritoluga.

Kumna ja teiste samaaegsete aarete koosseis tunnistab, et Põhja-Eesti ülikuperede kätte oli 12. sajandi lõpul ja 13. sajandi algul kogunenud silmapaistvait palju hõbedat. Kuigi hõbeda sissevool siia algas juba varem, hoogustus see eriti nähtavasti 12. sajandi teisel poolel. See kõneleb kahtlemata kaubitsemise ja välisühenduste osatähtsuse märkimisväärsest kasvust Põhja-Eestis. Seda kinnitab ka tõsiasi, et Põhja-Eesti rannikul oli välja kujunenud rida rahvusvaheliselt tuntud sadama- ja kaubitsemiskohti, millest

---

[30] Tallgren, ZAE II, joon. 177, 178.

[31] Eestist: Tallgren, ZAE II, tahv. XIII : 6; praeguse Leningradi oblasti territooriumilt: А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. *MAP 20*, С.-Петербург 1896, tahv. VI : 19.

[32] Tallgren, ZAE II, tahv. XII : 10.

[33] Kivikoski, EZF II, joon. 1062. C. A. Nordmani järgi on mainitud rist pärit Ojamaalt. C. A. Nordman, Gotländisch oder deutsch — ein Silberkruzifix von Halikko im Eigentlichen Finnland. *AA XV*, København 1944, lk. 29 jj.

[34] AM 18136 : 25.

[35] AM 18136 : 28, 29, 30.

[36] AM 19093 : 5.

[37] AM 18136 : 31.

[38] Tõnisson, Eesti aardeleiud, lk. 226.

[39] AM 18136 : 32—51. Mündid määras Eesti NSV Riikliku Ajaloomuuseumi teaduslik töötaja V. Sõerd, kellele autor avaldab siinkohal tänu lahke kaasabi eest. Alljärgnevalt Kumna müntide loetelu:

1. saksa, Konrad II, 1027—1039, Mainz;
2. saksa, Konrad II, 1027—1039, Duisburg;
3. alamsaksa, tundmata müntla, 11. saj. I pool;
4. saksa, Heinrich III, 1046—1056, Worms;
5.—6. saksa, Heinrich IV, 1056—1105, Dortmund;
7. saksa penn, 1170. a. paiku, Münster;
8. brakteaadi katkend, saksa, 12. saj. lõpp?
9.—10. brakteaat, saksa, lähemalt tundmata, 12. saj. lõpp;
11.—12. saksa, Kölni peapiiskop Dietrich, 1208—1212;
13.—19. rootsi, Knut Eriksson, 1167—1196 (Kalmaris või Visbys(?) vermitud brakteaadi tüüpi mündid);
20. taani, Valdemar II (1202—1241) ja peapiiskop Anders Sunesson.

mitmete kaitseks olid rajatud linnused.[40] Keskseimaks nendest oli ilmselt sadam ja kaubitsemiskeskus koos linnusega praeguse Tallinna kohal. Vastavalt põlistele kogukondlikele rannakasutustavadele kuulusid mainitud sadamad, turukohad ja linnused ümbruskonna külade valdusesse.[41] See aga tähendas, et faktiliselt kontrollisid neid ümbruskonna ülikud [42], kelle kätte oli üha enam koondumas kõigi kogukondlike küsimuste otsustamine.

Paistab, et suur osa Põhja-Eestisse kogunenud hõbedast pärineb Skandinaaviast, eriti Ojamaalt. Seda kinnitab skandinaaviapäraste ehete esinemine nii Kumna kui ka Kostivere, Padiküla jt. Põhja-Eesti aaretes. Seda kinnitavad ka Skandinaavia mündid ja brakteaadid Kumna ja Padiküla aardes. Sidemed Skandinaavia ja Ojamaaga on jälgitavad eriti Rävala aaretes. On põhjust arvata, et enamik siinsest hõbedast on saadud Tallinna sadama ja kaubitsemiskoha kaudu. Osa hõbedat on nähtavasti saadud ka karjala, isuri ja vene kaubitsejatelt.[43] Et hõbe oli maksevahendiks, ei jäänud loomulikult kogu saadud hõbe Põhja-Eestisse pidama, vaid rändas siit edasi. On tõenäoline, et Põhja-Eesti ülikute kaubitsemises etendas märkimisväärset osa vahendus väljastpoolt tulnud kaubitsejate ja kaugemal sisemaal elava rahvastiku vahel. Hõbeda ringlemise lähem selgitamine vajaks kahtlemata põhjalikumat eriuurimust. Põhja-Eesti sadamakohtade kaudu väljaveetavate saaduste hulgas olid nähtavasti tähtsal kohal teravili ja kariloomad.[44] Sisseveetavatest kaupadest mainitagu hinnalisemate riidesortide, relvade, hõbeda jm. kõrval eriti soola. On tõenäoline, et osa soola ja muid kaupu läks Põhja-Eesti sadamakohtade kaudu Soome ja Karjalasse.

Kumna ja teised samaaegsed aardeleiud tunnistavad, et Põhja-Eesti etendas juhtivat osa eesti hõbesepise arengus, eriti selle silmapaistvas esiletõusus alates 12. sajandi lõpust. On märkimisväärne, et suurem osa kohalike hõbeehete tüüpe kujunes just siin. Ühtlasi nähtub aaretest, et Põhja-Eesti ülikute kätte oli selleks ajaks hõbedat kogunenud rohkem, kui seda vajati vahetult kaubitsemiseks, s. o. ringlemisfääris.

Kõigest eelöeldust võib nähtavasti teha järelduse, et Põhja-Eesti, esijoones Rävala ülikute ühiskondlik ja varanduslik seisund tugines mitte ainult maavaldusele, vaid üsna suurel määral ka kaubitsemisvõimalustele ning välisühendustele. Sellega kaasnesid tõenäoliselt teatud erijooned kogu siinses ühiskondlik-majanduslikus korras. Paistab, et maavalduse ja maaviljelusega seotud küsimused ei olnud siin niivõrd ainuotsustavad kui Eesti sisemaal.

Põhja-Eesti ühiskondlik-majanduslikust olukorrast tingituna pidid siin ilmselt teravamini avalduma taani-saksa vallutuse tagajärjed. Suhteliselt kiiresti kulgevale maade läänistamisele ja mõisate tekkimisele lisandus olulise tegurina kohalike ülikute seniste rannakasutamise ja kaubitsemisega seotud võimaluste ning õiguste piiramine. Esimeseks raskeks löögiks oli kahtlemata Rävala eestlaste senise tähtsaima sadama ja kaubitsemiskeskuse Tallinna vallutamine. Tallinnast sai mitte ainult vallutajate tähtsaim sõjaline tugipunkt Põhja-Eestis — geograafiliste eelduste ja juba varem väljakujunenud ühendusteede süsteemi tõttu kujunes Tallinnast ka saksa kaupmeeste tähtsaim keskus Soome lahe ääres. Vallutajate sõjalist jõudu kasutades püüdsid saksa kaupmehed enda kätte haarata esijoones kogu siinse ülemerekaubanduse. Tallinna esiletõusu tõttu kaotasid teised Soome lahe lõunaranniku sadama- ja kaubitsemiskohad senise tähtsuse. On loomulik, et kõik see ei toimunud vastupanuta. Võimalik, et just sellest kokkupõrgete ja sisemise pinge situatsioonist tulebki otsida põhjusi, miks Põhja-Eestis alates 13. sajandi teisest ja kolmandast aastakümnest peideti terve rida suuri aardeid.

---

[40] H. Moora, Einige Ergebnisse der Burgbergforschung in Ostbaltikum. *SM 1967*, Helsinki 1967, lk. 95, 96; H. Moora, Über den ostbaltischen Handel im 12.—13. Jahrhundert. *Archeologia Polski XIII : 2*, Wrocław 1969, lk. 523, 524.

[41] P. Johansen, Die Estlandliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen—Reval 1933, lk. 262 jj., eriti lk. 265.

[42] Moora, Über den ostbaltischen Handel, lk. 524.

[43] Tõnisson, Eesti aardeleiud, lk. 235, 236.

[44] Х. А. Моора, Х. М. Лиги, К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.). *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963*, Вильнюс 1964, lk. 88.

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ВЕЩЕЙ ИЗ КУМНА

Э. Тыниссон

Резюме

В 1965 и 1968 гг. недалеко от Кейла, в 20 км на юго-запад от Таллина (рис. 1) в деревне Кумна (или Кноо-бусе) был найден клад серебряных вещей, в который входили 18 нагрудных бляшек, 4 подковообразные фибулы, 5 браслетов, цепь, подвеска в форме крестика, спиральный обруч, бронзовая коробочка для гирек (рис. 2, 3) и 20 монет. К кладу относятся также фрагменты двух лепных глиняных сосудов. Большинство украшений местного происхождения и представляет собой типы, известные и из других кладов северной Эстонии. Цепь с медальоном и подвеской в виде головки животного (рис. 3 : 1, 5) происходит, вероятно, из Скандинавии, в частности с о-ва Готланда. Монеты (немецкие, шведские, одна датская), по определению В. Сыэрд, были отчеканены в период от начала 11 в. до начала 13 в. По-видимому, клад был зарыт во втором или третьем десятилетии 13 в.

Клад из Кумна и другие клады из древней «земли» Рявала свидетельствуют о том, что социальное и имущественное положение здешней знати опиралось не только на владение землей, но и в значительной мере на торговлю и внешние связи, чему способствовали также расположенные на побережье гавани и торговые пункты. Судя по составу кладов, серебро в значительной мере ввозилось из Скандинавии, особенно с о-ва Готланда, частично получали его и от карело-ижорских и русских купцов.

В результате особенностей социально-экономического строя последствия датско-немецкого завоевания сказывались в Рявала острее, чем в остальной Эстонии. К введению ленной системы здесь прибавились еще ограничения в пользовании побережьем и в торговых правах. В напряженности внутренних условий, по-видимому, кроются причины, почему в 13 веке в северной Эстонии было зарыто значительное количество больших кладов.

DER SILBERSCHATZ VON KUMNA

E. Tõnisson

Zusammenfassung

In den Jahren 1965 und 1968 wurde in der Nähe von Keila, etwa 20 km südwestlich von Tallinn (Abb. 1), beim Dorf Kumna ein Silberschatz gehoben, welcher 18 Zierbleche, 4 Hufeisenfibeln, 5 Armringe, eine Kette, einen kreuzförmigen Anhänger, einen Spiralring, eine bronzene Kapsel für Gewichte (Abb. 2, 3) und 20 Münzen enthielt. Zum Schatz gehören ferner Scherben von zwei handgeformten Tongefässen. Die meisten Schmucksachen sind örtlicher Herkunft und gehören Typen an, die auch aus anderen nordestländischen Schatzfunden bekannt sind. Die Kette mit dem Tierkopfanhänger und dem Medaillon (Abb. 3:1, 5) stammt aus Skandinavien, möglicherweise von Gotland. Die Münzen (deutsche, schwedische, eine dänische, bestimmt von V. Sõerd) sind im Zeitabschnitt vom Anfang des 11. Jhs. bis zum Anfang des 13. Jhs. geprägt worden. Der Schatz ist scheinbar im zweiten oder dritten Jahrzehnt des 13. Jhs. vergraben worden.

Der Fund von Kumna und die übrigen gleich alten Schätze aus der Landschaft Rävala zeugen davon, dass die gesellschaftliche und wirtschaftliche Stellung der hiesigen vornehmen Oberschicht nicht nur auf dem Grundbesitz, sondern in bedeutendem Masse auch auf Handel und auswärtigen Beziehungen beruhte, deren Entwicklung durch die an der Küste gelegenen Häfen und Handelsorte gefördert wurde. Nach dem Bestand der Schätze zu urteilen kam das Silber zum grossen Teil aus Skandinavien, besonders von Gotland. Auch kam Silber durch die Vermittlung karelisch-izhorischer und russischer Kaufleute.

Bedingt durch die Art der wirtschaftlichen und sozialen Ordnung traten die Folgen der dänisch-deutschen Eroberung in Rävala besonders scharf hervor. Zur Einführung des Lehnsystems gesellte sich hier noch als wesentlicher Faktor die Beschränkung der Nutzung der Küste und des Handelsrechts der Oberschicht. In der daraus entstandenen innenpolitischen Spannung sind wohl die Gründe zu suchen, weshalb in Nordestland im 13. Jh. eine Anzahl grosser Silberschätze vergraben wurde.

ДРЕВНЕЙШИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ

В. Уртан

Латышские народные музыкальные инструменты исследовались этнографами и историками музыки, которые использовали в основном этнографические, фольклорные, лингвистические и письменные источники.[1] Некоторые музыкальные инструменты или их детали известны и в археологическом материале Латвии (рис. 1).

Простейшим видом духового инструмента является дудка-свистелка. Хорошо датированная и пока древнейшая костяная дудка (рис. 2 : 1) найдена на Даугмальском городище в 3-м жилище раскопа М.[2] Лепная керамика со штрихованной, гладкой или облитой поверхностью, железная коса, точило и плоское каменное пряслице из жилища позволяют датировать дудку серединой I тысячелетия н. э. Инструмент сделан из трубчатой кости птицы, на поверхности вырезано треугольное отверстие, верхний конец срезан косо на обе стороны, длина предмета достигает 75 мм, ширина 6—7 мм, толщина 7,5—9 мм. Дудка действует и теперь. Дудка 6—7 вв. найдена и на городище Кентескалнс.[3] Такие инструменты применялись для приманки птиц и зверей, для сигнализации, в детских играх и вряд ли их можно считать настоящими музыкальными инструментами.

Много общего с дудкой имеет свирель с несколькими голосовыми отверстиями. Костяная фрагментарная свирель с сохранившимися четырьмя голосовыми отверстиями (рис. 2 : 2), найденная на песчаном берегу Большого Лудзенского озера, может относиться и к неолиту, так как рядом находится Юриздикская неолитическая стоянка. Но здесь существовало также селище более позднего времени, поэтому хронология свирели является спорной.[4]

Две фрагментарные костяные свирели и деревянная затычка от свирели или дудки обнаружены в селище на оз. Арайшу. Затычка, круглая в разрезе, с конусовидным концом и сохранившейся корой в средней части, имеет аналогии в этнографическом материале. Селище на острове оз. Арайшу принадлежало латгалам и датируется 9—10 вв.[5] Подобная фраг-

---

[1] A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. Petrograd 1918, стр. 718—737; Jurjānu Andrejs, Latvju tautas mūzikas materiāli, IV. Rīgā 1912; J. Brauns, No latviešu instrumentālās mūzikas vēstures. *Latviešu mūzika.* Rīgā 1962, стр. 115—130.

[2] Раскопки В. Уртана в 1967 г.

[3] Раскопки А. Стубавса в 1958 г.

[4] Свирель найдена в 1958 г. (приобрел Р. Шноре).

[5] Я. Апалс, Раскопки поселения на озере Арайшу. *Археологические открытия 1967 года,* Москва 1968, стр. 275—277.

Рис. 1. Карта находок археологических музыкальных инструментов на территории Латвии. 1 — дудка-свистелка, 2 — свирель, 3 — труба (мундштук), 4 — сигнальный рог, 5 — варган.

ментарная свирель найдена и на Кокнесском городище в 8-м слое X раскопа, датируемого автором раскопок 12 в.[6]

Свирели иного типа из городищ Алтене[7] (рис. 2 : 3) и Турайда (рис. 2 : 4), а также из поселения в Саласпилсе[8] сделаны из более массивных трубчатых костей, концы которых утолщены. Длина свирели с пятью голосовыми отверстиями, принадлежавшей ливу из Турайдского городища, 125,5 мм, ширина — 12,5—23 мм и толщина в средней части — 10 мм.

Рисунок игрока на свирели или даже на вертикальной флейте, украшавший печь в жилище земгальского бронзолитейщика, сохранился на глиняной обмазке этой печи 13 в. из Терветского городища (рис. 3).[9]

Археологические свирели обнаружены на территории древних латгалов, селов, земгалов и ливов. Были известны они и немецкому населению. Бытовали костяные и деревянные экземпляры музыкальных инструментов. Поверхность костяных свирелей хорошо отполирована. Аналогичные духовые инструменты известны в польском, русском и скандинавском археологическом и иконографическом материале.[10]

Древним духовым музыкальным инструментом является труба. Археологи и лингвисты указывают, что латышское название пастушьей трубы (*taure*) вместе с другими скотоводческими и земледельческими терминами перенято эстонским языком (*tõri*) очень рано.[11] Были прямые и слегка согнутые трубы из дерева, коры и металла. Берестяные и медные трубы часто упоминаются в латышском фольклоре. Нижняя часть трубы расширена, мундштук — деревянный или костяной. Костяной мундштук (рис. 2 : 5), аналогичный этнографическим, найден при раскопках форбурга Терветского городища, принадлежавшего земгалам.[12]

В окрестности Яунгулбене в конце прошлого века был обнаружен отлитый бронзовый духовой инструмент с поломанным тонким кон-

[6] A. Stubavs, Arheoloģiskie izrakumi Koknesē 1966. gadā. *Referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1966. gada pētījumu rezultātiem*, Rīgā 1967, стр. 36.

[7] Раскопки Я. Граудониса в 1963 г.

[8] Раскопки А. Стубавса в 1953 и 1968 гг. См. статью А. Стубавса в настоящем сборнике, стр. 186, рис. 2 : 4.

[9] E. Brīvkalne, Daži amatniecības darinājumi Tērvetes pilskalnā. *AE VI*, Rīgā 1964, стр. 102—104.

[10] J. Kostrzewski, Kultura prapolska. Warszawa 1962, стр. 406; О. И. Давидан. Староладожские изделия из кости и рога. *Археологический сборник Эрмитажа 8*, Ленинград—Москва 1966, стр. 112, рис. 3 : 4; H. Stolpe, Sur les découvertes faites dans l'île de Björkö. *Compte-rendu du Congrès archéologique de Stockholm*, 1876, рис. 8; H. Jankuhn, Die Ausgrabungen in Haithabu. Berlin—Dahlen 1943, рис. 79.

[11] Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. *ВЭИ*, стр. 71; П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. *ВЭИ*, стр. 13.

[12] Brīvkalne, стр. 110, рис. 2 : 8.

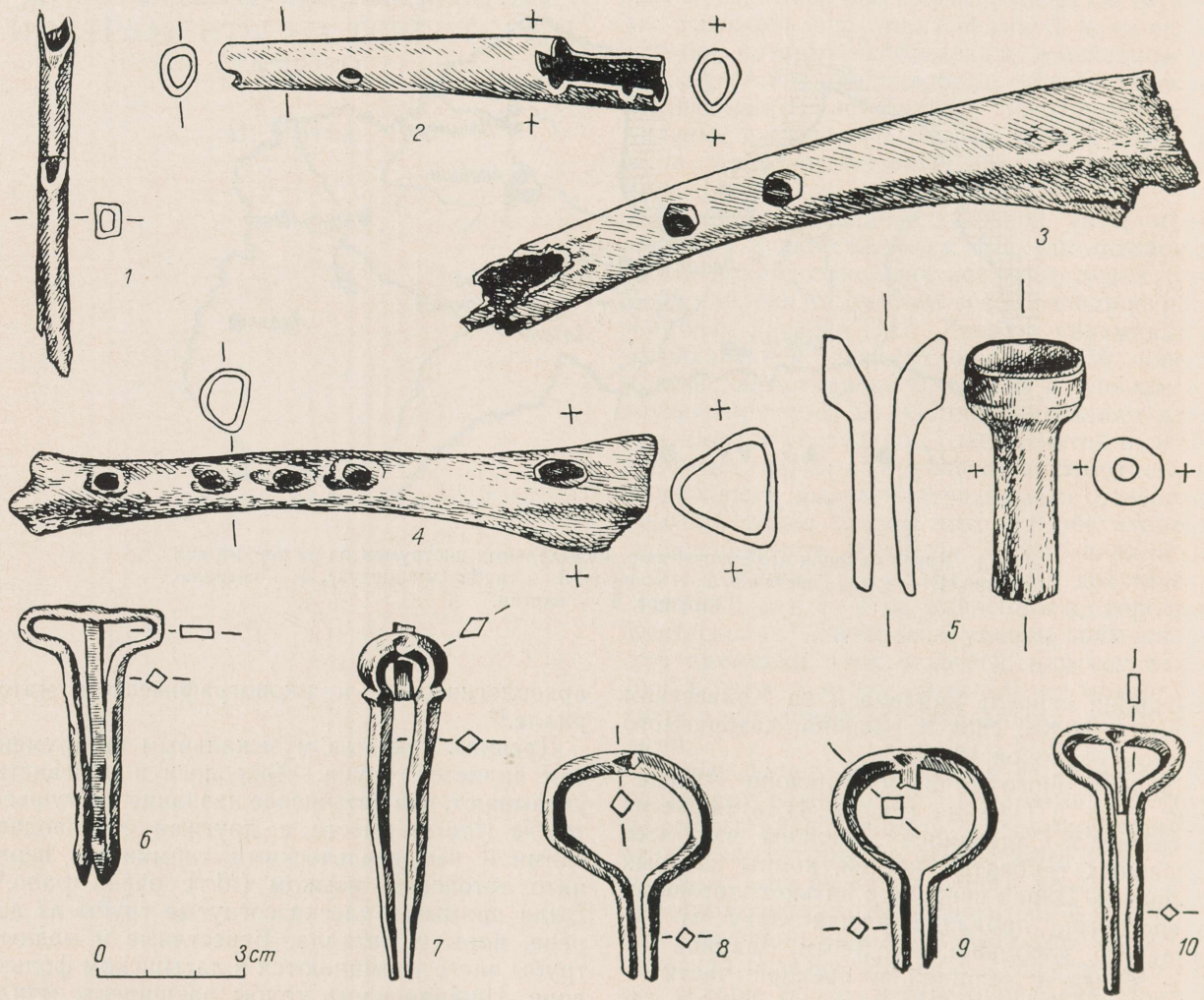

Рис. 2. Археологические музыкальные инструменты из Латвии. 1 — дудка-свистелка, городище Даугмале, Рижский р-н (МИЛ А12051:232); 2 — свирель, поселение Юриздика около г. Лудза (ИИЛ 50:1); 3 — свирель, городище Алтене, Стучкинский р-н (ИИЛ 79:18); 4 — свирель, городище Турайда, Рижский р-н (Сигулдский музей 840); 5 — мундштук от трубы, форбург Терветского городища, Добельский р-н (ИИЛ 20:206); 6, 7 — варганы, замок Вецдоле, Рижский р-н (ИИЛ 123:461, 223); 8—10 — варганы, замок Валмиера (МИЛ А9965:539, 546, 671). (1—5 — кость, 6 — бронза, 7—10 — железо.)

цом (рис. 4).[13] Поверхность инструмента, которая имеет орнаментацию, напоминающую бересту, наискось пересекают два параллельных жгута. У расширенного конца имеется ушко (у другого конца ушко отсутствует) для подвешивания инструмента, который состоит из двух частей, втыкаемых концами одна в другую. На месте их соединения видно утолщение. Описанный предмет, длина которого достигает 426 мм, диаметр 17—27 мм, хотя и похож на скандинавские духовые инструменты бронзового века, скорее всего представляет собой сигнальный рог более позднего времени. Приближенный количественный спектральный анализ показал, что примеси бронзы[14] имеют аналогии в позднем бронзовом веке Латвии. Эту случайную находку все же трудно датировать бронзовым веком, так как имеются и более поздние параллели, тем более, что по некоторым данным она найдена вместе с погребальными древностями латгалов 8—13 вв. Более поздний рог известен из Эстонии (из епископского замка в Отепя).

[13] RK, стр. 100, табл. 3 : 20.

[14] Sn — 3, Pb — 1, Bi — 0,05, Ag — 1, Sb — 2, As — 0,8, Fe — 0,008, Ni — 1, Mn — 0,001, Co — 0,025, Au — <0,01.

Рис. 3. Игрок на свирели. Рисунок на глиняной обмазке 13 века. Городище Тервете, Добельский р-н (ИИЛ 24:17 — образец).

Музыкальные инструменты варганы найдены в раскопках немецких замков в Вецдоле (рис. 2:6,7) [15] и Валмиера (рис. 2:8,9,10) [16]. Это железные или бронзовые подковообразные изделия с двумя ножками и плоским металлическим язычком между ними. Длина варганов 46—70 мм, ширина подковообразной части — 18,5—35 мм. Варган прикладывается к открытому рту или к зубам играющего, который ударяет пальцами по язычку. Получается дребезжащий звук, высота которого изменяется от положения рта, служащего в данном случае резонатором.[17] Варганы из Вецдоле датируются 13 — серединой 14 вв., а найденные в Валмиерском замке — 14—17 вв. Хотя варганы обнаружены в немецких замках, предполагают, что ими пользовались и местные жители. Как показывает этнографический материал музеев Тарту и Таллина, варганы были довольно популярны в Эстонии и их ковали мест-

[15] M. Atgāzis, 1966. gada izrakumi Vecdolē. *Referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1966. gada pētijumu rezultātiem*, Rīgā 1967, стр. 24; M. Atgāzis, *Māksla 1968, Nr. 3 (39)*, стр. 52—53.

[16] Раскопки Э. Шноре в 1937 г.

[17] А. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. Москва—Ленинград 1928, стр. 225.

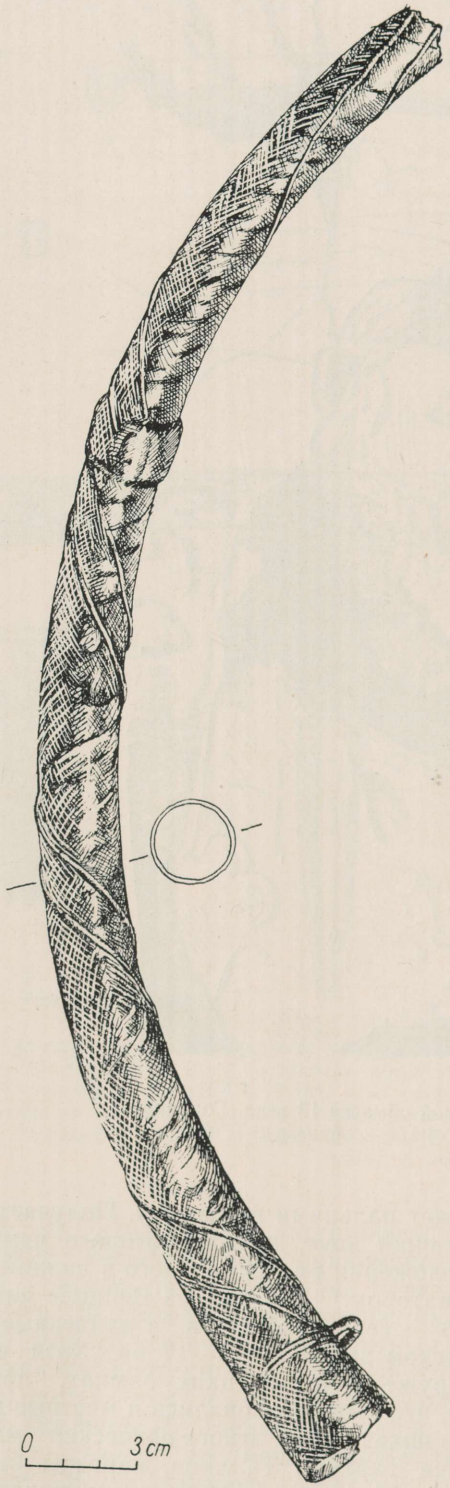

Рис. 4. Сигнальный рог из окрестности Яунгулбене, Гулбенского р-на (МИЛ ДМ I 1856).

ные мастера. В латышском этнографическом материале варганы менее известны.

Варганы из Вецдоле и Валмиера имеют аналогии среди литовского археологического материала (Тракайский замок), в Белоруссии (Друцкое городище) [18], Молдавии (Екимауцкое городище) [19], Новгороде [20] и в этнографическом материале многих стран Европы и Азии.

Древним жителям Латвии были известны и струнные музыкальные инструменты. В археологических и письменных источниках соседних земель они были известны уже в I — начале II тысячелетия.[21] Описывая бой 1208 г. между латышами и эстонцами у Беверины, автор хроники Ливонии упоминает, как нам кажется, о смычковом струнном музыкальном инструменте, который мог иметь «пронзительный звук»: «Священник их, мало обращая внимания на нападения эстов, взошел на замковый вал и, пока другие сражались, молился богу, играя на музыкальном инструменте. Услышав пение и пронзительный звук инструмента, язычники, не слышавшие этого в своей стране, приостановились и, прервав битву, стали спрашивать о причине такой радости».[22]

О большой древности латышской *kokle* (*kanklės* — у литовцев, *kaandla* — у ливов, *kantele* — у финнов, *kannel* — у эстонцев), которая имеет много общего с гуслями, свидетельствует этимология этого слова, восходящая к латинскому *cano* (я пою) и греческому *καναχή* (звучание).[23] На городище Тервете, над развалинами постройки начала 13 в., на глубине 268 см был обнаружен небольшой обуглившийся кусок твердого дерева (березы), орнаментированный мелкой резьбой. Автор раскопок предполагает, что это, возможно, фрагмент от *kokle*.[24]

Нет сомнений, что древние жители Латвии знали и другие, еще более древние духовые, ударные и струнные музыкальные инструменты, открытие которых — дело будущего.

---

[18] Л. В. Алексеев, Полоцкая земля. Москва 1966, стр. 161, рис. 38.

[19] Г. Б. Федоров, Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. *КСИИМК 56*, Москва 1954, стр. 18, рис. 7.

[20] Б. А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *МИА 65*, Москва 1959, стр. 117, рис. 103.

[21] Kostrzewski, стр. 404—405; Б. А. Колчин, Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода. *Славяне и Русь*. Москва 1968, стр. 66—71.

[22] Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Москва—Ленинград 1938, XII : 6.

[23] J. Brauns, Viljo|mākslas attīstība Latvijā. Rīgā 1962, стр. 16—17.

[24] Brīvkalne, стр. 100, 103, 104, рис. 21.

VANIMAD MUUSIKARIISTAD LÄTI TERRITOORIUMIL

V. Urtāns

Lühikokkuvõte

Arheoloogilisi muusikariistu on leitud peaaegu kõigist Läti osadest (joon. 1). Puhkpillidest on teada kaks luuvilet (joon. 2:1), kaheksa luust vilepilli (joon. 2:2—4), luust pasunahuulik (joon. 2:5) ja pronksiaegse luuriga sarnanev pronksist signaalsarv (joon. 4). Enamikus kuuluvad need muusikariistad 5.—13. sajandisse, välja arvatud Ludza lähedalt Jurizdika muistsest asulast leitud vilepill (joon. 2:2), mis võib pärineda isegi neoliitikumist. Āraiši asulast on leitud 9. sajandi vile või vilepilli puutopend. Tērvete linnuse 13. sajandi ahju savivaabal on säilinud joonis vilepilli või flööti mängivast muusikandist (joon. 3). 13.—17. sajandisse kuuluvaid parmupille (joon. 2:6—10) on leitud Vēcdole ja Valmiera ordulinnusest, kuid neid tundis ka kohalik elanikkond. Keelpillide, eriti läti kandle kasutamist kinnitavad kirjalikud ja lingvistilised andmed, võib-olla aga ka teatav 13. sajandi arheoloogiline leid Tērvete linnamäelt.

ARCHÄOLOGISCHE MUSIKINSTRUMENTE VOM TERRITORIUM LETTLANDS

V. Urtāns

Zusammenfassung

Archäologische Musikinstrumente sind beinahe in allen Teilen Lettlands zu Tage gekommen (Abb. 1). Von Blasinstrumenten sind bekannt: 2 Pfeifen (Abb. 2:1) und 8 Blockflöten (Abb. 2:2—4) aus Knochen, das knöcherne Mundstück (Abb. 2:5) eines Hornes, ein bronzenes Signalhorn (Abb. 4), den bronzezeitlichen Luren ähnlich. Diese Funde gehören in die Zeit vom 5.—13. Jh., mit Ausnahme einer Blockflöte (Abb. 2:2) aus der Siedlung von Jurizdika unweit Ludza, die bereits aus dem Neolithikum stammen kann. In der Siedlung Āraiši ist der hölzerne Pfropfen einer Pfeife oder Blockflöte gefunden worden. Auf dem Lehmbewurf eines Ofens des 13. Jhs. auf dem Burgberg Tērvete hat sich die Darstellung eines Musikanten erhalten, der eine Block- oder Querflöte bläst (Abb. 3). Maultrommeln des 13.—17. Jhs. (Abb. 2:6—10) sind in den Ordensburgen Vēcdole und Valmiera entdeckt worden, doch waren sie auch der örtlichen Bevölkerung bekannt. Die Benutzung von Saiteninstrumenten, insbesondere der lettischen *kokle* wird durch schriftliche und sprachliche Quellen, vielleicht auch durch einen gewissen Fundgegenstand aus dem 13. Jh. vom Burgberg Tērvete bezeugt.

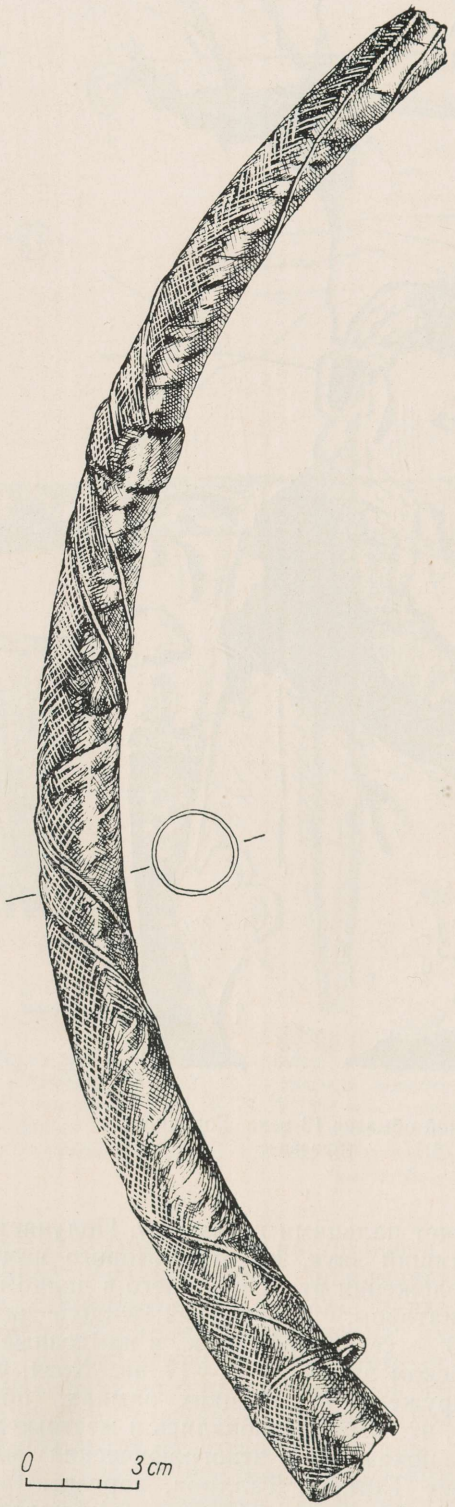

Рис. 4. Сигнальный рог из окрестности Яунгулбене, Гулбенского р-на (МИЛ ДМ I 1856).

ные мастера. В латышском этнографическом материале варганы менее известны.

Варганы из Вецдоле и Валмиера имеют аналогии среди литовского археологического материала (Тракайский замок), в Белоруссии (Друцкое городище) [18], Молдавии (Екимауцкое городище) [19], Новгороде [20] и в этнографическом материале многих стран Европы и Азии.

Древним жителям Латвии были известны и струнные музыкальные инструменты. В археологических и письменных источниках соседних земель они были известны уже в I — начале II тысячелетия.[21] Описывая бой 1208 г. между латышами и эстонцами у Беверины, автор хроники Ливонии упоминает, как нам кажется, о смычковом струнном музыкальном инструменте, который мог иметь «пронзительный звук»: «Священник их, мало обращая внимания на нападения эстов, взошел на замковый вал и, пока другие сражались, молился богу, играя на музыкальном инструменте. Услышав пение и пронзительный звук инструмента, язычники, не слышавшие этого в своей стране, приостановились и, прервав битву, стали спрашивать о причине такой радости».[22]

О большой древности латышской *kokle* (*kanklės* — у литовцев, *kaandla* — у ливов, *kantele* — у финнов, *kannel* — у эстонцев), которая имеет много общего с гуслями, свидетельствует этимология этого слова, восходящая к латинскому *cano* (я пою) и греческому *καναχή* (звучание).[23] На городище Тервете, над развалинами постройки начала 13 в., на глубине 268 см был обнаружен небольшой обугливший кусок твердого дерева (березы), орнаментированный мелкой резьбой. Автор раскопок предполагает, что это, возможно, фрагмент от *kokle*.[24]

Нет сомнений, что древние жители Латвии знали и другие, еще более древние духовые, ударные и струнные музыкальные инструменты, открытие которых — дело будущего.

---

[18] Л. В. Алексеев, Полоцкая земля. Москва 1966, стр. 161, рис. 38.

[19] Г. Б. Федоров, Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. *КСИИМК 56*, Москва 1954, стр. 18, рис. 7.

[20] Б. А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *МИА 65*, Москва 1959, стр. 117, рис. 103.

[21] Kostrzewski, стр. 404—405; Б. А. Колчин, Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода. *Славяне и Русь*. Москва 1968, стр. 66—71.

[22] Генрих Латвийский, Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. Москва—Ленинград 1938, XII : 6.

[23] J. Brauns, Viljo|mākslas attīstība Latvijā. Rīgā 1962, стр. 16—17.

[24] Brīvkalne, стр. 100, 103, 104, рис. 21.

VANIMAD MUUSIKARIISTAD LÄTI TERRITOORIUMIL

V. Urtāns

Lühikokkuvõte

Arheoloogilisi muusikariistu on leitud peaaegu kõigist Läti osadest (joon. 1). Puhkpillidest on teada kaks luuvilet (joon. 2:1), kaheksa luust vilepilli (joon. 2:2—4), luust pasunahuulik (joon. 2:5) ja pronksiaegse luuriga sarnanev pronksist signaalsarv (joon. 4). Enamikus kuuluvad need muusikariistad 5.—13. sajandisse, välja arvatud Ludza lähedalt Jurizdika muistsest asulast leitud vilepill (joon. 2:2), mis võib pärineda isegi neoliitikumist. Āraiši asulast on leitud 9. sajandi vile või vilepilli puutopend. Tērvete linnuse 13. sajandi ahju savivaabal on säilinud joonis vilepilli või flööti mängivast muusikandist (joon. 3). 13.—17. sajandisse kuuluvaid parmupille (joon. 2:6—10) on leitud Vēcdole ja Valmiera ordulinnusest, kuid neid tundis ka kohalik elanikkond. Keelpillide, eriti läti kandle kasutamist kinnitavad kirjalikud ja lingvistilised andmed, võib-olla aga ka teatav 13. sajandi arheoloogiline leid Tērvete linnamäelt.

ARCHÄOLOGISCHE MUSIKINSTRUMENTE VOM TERRITORIUM LETTLANDS

V. Urtāns

Zusammenfassung

Archäologische Musikinstrumente sind beinahe in allen Teilen Lettlands zu Tage gekommen (Abb. 1). Von Blasinstrumenten sind bekannt: 2 Pfeifen (Abb. 2:1) und 8 Blockflöten (Abb. 2:2—4) aus Knochen, das knöcherne Mundstück (Abb. 2:5) eines Hornes, ein bronzenes Signalhorn (Abb. 4), den bronzezeitlichen Luren ähnlich. Diese Funde gehören in die Zeit vom 5.—13. Jh., mit Ausnahme einer Blockflöte (Abb. 2:2) aus der Siedlung von Jurizdika unweit Ludza, die bereits aus dem Neolithikum stammen kann. In der Siedlung Āraiši ist der hölzerne Pfropfen einer Pfeife oder Blockflöte gefunden worden. Auf dem Lehmbewurf eines Ofens des 13. Jhs. auf dem Burgberg Tērvete hat sich die Darstellung eines Musikanten erhalten, der eine Block- oder Querflöte bläst (Abb. 3). Maultrommeln des 13.—17. Jhs. (Abb. 2:6—10) sind in den Ordensburgen Vēcdole und Valmiera entdeckt worden, doch waren sie auch der örtlichen Bevölkerung bekannt. Die Benutzung von Saiteninstrumenten, insbesondere der lettischen *kokle* wird durch schriftliche und sprachliche Quellen, vielleicht auch durch einen gewissen Fundgegenstand aus dem 13. Jh. vom Burgberg Tērvete bezeugt.

ДЕРЕВЯННЫЙ ИДОЛ ИЗ САРНАТЕ

Л. Ванкина

На Сарнатской неолитической торфяниковой стоянке, расположенной в западной части Латвии на побережье Балтийского моря, была найдена большая деревянная скульптура.[1] По отделке и ситуации находки можно предположить, что она представляет собой древнего идола. Наряду с ранее известными деревянными фигурками водоплавающей птицы и зверей, янтарными, костяными, роговыми, а также глиняными фигурками человека, зверей и птиц новая находка дополняет наши сведения об искусстве и верованиях населения Прибалтики в неолитическую эпоху.

Деревянный идол был найден на площади «жилища А» сарнатского типа[2] в нижней части культурного слоя под свалившимся деревянным настилом размерами 4×2 м, который состоял из лежавших вдоль и поперек толстых и тонких бревен с отесанными концами. Все бревна и жерди, а иногда и кора между ними принадлежали деревьям лиственных пород, большей частью березам, сохранившимся иногда даже с сучьями. Толстые бревна настила лежали в направлении В—З, а две более длинные жерди настила шли в направлении С—Ю. Настил напоминал собой повалившийся плетень: бревна пересекали друг друга и их невозможно было снять послойно (рис. 1, 2). Под настилом было обнаружено дерево длиной 3 м вместе с корнями, упавшее вершиной вниз, очевидно, вместе с плетнем. Рядом лицом вниз лежал деревянный идол, голова которого была придавлена деревом. В части ног фигура была поломана. Восточный край настила (по-видимому, верхняя часть плетня) на 70 см ушел в глубину, в то время как на западе бревна стали появляться уже на глубине 24 см. Возможно, что в древности площадка перед плетнем лежала ниже последнего, а идол возвышался над окрестностью.

В южной части настила было обнаружено песчаное пятно с угольками, на котором когда-то горел огонь. В том же слое в раскопе были найдены типичные для Сарнатской стоянки деревянные предметы, детали сетей, керамика, а недалеко от идола на глубине 70 см — глиняный горшок с отверстиями (цедилка) сарнатского типа, деревянный ковшик с обгорелой ручкой, череп кабана и т. д.

Находки, условия их залегания, а также радиокарбонный анализ углей и костного ма-

---

[1] Раскопки автора в 1959 г.

[2] Характеристику Сарнатского поселения и его жилищ дает книга: Л. В. Ванкина, Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига 1970.

Рис. 1. Верхний слой деревянной изгороди святилища в Сарнате (крестиком обозначен идол).

Рис. 2. Нижний слой деревянной изгороди святилища в Сарнате (крестиком обозначен идол).

Рис. 3. Деревянный идол из Сарната и рисунок его головной части.

териала со стоянки[3] позволяют датировать идол серединой или третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Это пока самый древний деревянный идол на побережье Балтийского моря. Этим же временем датируются известные сарнатские деревянные скульптуры водоплавающей птицы и зверей.

Длина идола (рис. 3) достигает 168 см. Высечен он из ствола дерева лиственной породы. Оба конца ствола отесаны. На торце, на расстоянии 46 см от конца, в грубых чертах высечено лицо безбородого мужчины. На торце оставлена кора, которая условно обозначает волосы или головной убор. Голова и ноги отделены от туловища зарубками. Ноги обозначаются сплошным узким концом ствола с выступом на месте колен. Идол вырублен в общих чертах без мелких деталей. На поверхности заметны следы обработки каменными орудиями. К сожалению, лицо идола повреждено, а дерево сильно истлело от длительного пребывания в земле. Эти повреждения в какой-то мере мешают воссоздать первоначальный облик скульптуры.

Большие деревянные фигуры были найдены на Шигирской и Горбуновской торфяниковых стоянках. Одна из горбуновских фигур наиболее сходна с сарнатским идолом, но в отличие от него имеет бородатое лицо.[4]

Сведения об идолах встречаются также в этнографическом материале и в письменных источниках многих народов. Так, например, некоторые народности Сибири (енисейские эвенки) из поколения в поколение передавали деревянные или костяные человеческие изображения, считающиеся защитниками рода.[5] Жители острова Борнео также устанавливали перед домом под деревом деревянный столб с грубо вырубленной головой человека.[6] В случае особых событий или болезни и т. д. под этим деревом происходили жертвоприношения и обряды.

В протоколе церковной ревизии 1740 г. в Друстском приходе в Северной Латвии указано, что в одной из усадеб под большим деревом стояли идолы, перед которыми происходили жертвоприношения.[7]

По-видимому, сарнатская деревянная фигура также являлась воплощением домашнего духа или идолом. По всей вероятности, в древности идол находился на площадке под растущим деревом. Площадка была обнесена изгородью. Перед идолом производились жертвоприношения и разводился огонь. Очевидно, мы имеем дело с древним святилищем, в центре которого и находился деревянный идол.

[3] А. А. Лийва, Э. О. Ильвес, Л. Ю. Янитс, Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. *Археология и естественные науки.* Москва 1965, стр. 47.

[4] Д. Н. Эдинг, Новые находки на Горбуновском торфянике. *МИА 1*, Москва 1940, табл. V : 1.

[5] Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник. *МИА 47*, Москва 1956, стр. 245.

[6] M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, VI. Berlin 1926, стр. 24.

[7] K. Bregžis, Baznīcu vizitāciju protokoli. Rīgā 1931, стр. 100.

PUUST IIDOL SÄRNATEST

L. Vankina

Lühikokkuvõte

1959. aastal leiti Lääne-Lätis asuva Särnate asula kaevamisel 168 cm pikkune puust iidol (joon. 3), mida katsid varisenud puutüved ja ridvad (joon. 1, 2). Nähtavasti oli iidol seisnud kasvava puu all ja seda oli ümbritsenud puutara. Iidoli ees ohverdati ning tehti tuld. Radioaktiivse süsiniku analüüsi, keraamika ja teiste leidude põhjal kuulub iidol III aastatuhande keskpaika või kolmandasse veerandisse e. m. a. ning on vanimaks selliseks leiuks Baltimaadel.

EINE HÖLZERNE GÖTZENFIGUR AUS SÄRNATE

L. Vankina

Zusammenfassung

Im Areal des Wohngebäudes A der Moorsiedlung Särnate an der Westküste Lettlands wurde 1959 unter einer niedergestürzten Lage von Balken (Abb. 1, 2) eine hölzerne Götzenfigur von 168 cm Länge entdeckt (Abb. 3). Die Figur war schon seit alters her beschädigt. Die Fundumstände weisen darauf hin, dass sie ursprünglich auf einem kleinen eingezäunten Platz unter einem Baum stand. Vor dem Götzen wurde geopfert und Feuer gemacht. Auf Grund der Radiokarbonanalyse, der Keramik und anderer Funde ist die Götzenfigur in die Mitte oder das dritte Viertel des III. Jahrtausends v. u. Z. zu datieren.

KUUDE LEIU VÕIMALIKUST SEOSEST VILJANDI ÜLESTÕUSUGA 1223

A. Vassar

Hiliste arheoloogiliste muististe ühendamine ajalooliste sündmustega, mis on teada varajaste kirjalike allikate kaudu, on oluline mitmes suhtes. Kõigepealt aitab see siduda kahte erinevat allikaliiki, ühtlasi aga neid vastamisi rikastada. See võimaldab anda muistisele isikulise näo ning kronoloogilise kinnispunkti, parimal juhul teda seostada isegi ajaloolise isikuga, kirjalikele teadetele aga sugeneb sellest eluolulist konkreetsust. Seostatuina kõnelevad mõlemad tunduvalt rohkem kui üksikult, avades sügavamalt hõredates faktides peituvad mitmetahulised aspektid.

Alles siis, kui H. Mooral õnnestus Lõhavere linnus lõplikult samastada Sakala vanema Lembitu kantsiga ning usutavalt siduda selle põlemiskihid preester Henriku kroonikas kirjeldatud sõjasündmustega, võis ta jõuda järeldustele, millest need erinevad allikad eraldi täiesti vaikivad.[1]

Muidugi võivad sellised katsed ka luhtuda või halvemal juhul isegi valepärimusi sünnitada. Nii juhtus näiteks asjaarmastaja J. Luiga oletuste puhul seoses Madisepäeva lahingukoha mõistatamisega.

Palju on juttu olnud sellest, et aarde- ja peitleiud on suurel määral seostatavad poliitiliste sündmustega, eelkõige sõdade ja sisevõitlustega. Kuivõrd see nii on, vajab muidugi laiema materjali võrdleva analüüsi põhjal selgitamist.[2] Igal juhul: nagu linnusedki, on just see leiuliik peale ühiskondlik-majandusliku külje kõige lähemal poliitilisele ajaloole. Kõiki neid seostamisvõimalusi tuleks uurida koos laiemal alal läbi mitme sajandi, et jõuda vähegi tõenäolistele järeldustele.

Esemeliste leidude hulgas esineb kõikjal peale müntide ka teisi asju, mis kindlasti on väljastpoolt sisse toodud. Peamiselt on need seotud kaubandusega, eriti klaasist ja väärismetallist nõud, ehted jm. esemed, samuti relvad. Nende kõrval tuleb ette ka üksikuid unikaalseid asju, mille sattumine hoopis kaugele oma valmistamis- või päritolukohast pole enam seletatav kaubavahetusega. Võiks arvata, et just unikaalsed importasjad (ükskõik mis materjalist või mistahes leiuliigist) on ajaliselt täpsemini määratavad ning seostatavad mingi erakordse sündmusega. Nende registreerimine ulatuslikumal alal, leviku, leiutingimuste ja ajalise jaotumise analüüs aitaksid peale mitmesuguste muude kül-

---

[1] H. Moora ja O. Saadre, Lõhavere linnamägi. *MEL*, lk. 181.

[2] Tulemuslikult on seda tehtud: Г. Ф. Корзухина, Русские клады IX—XIII вв. Москва—Ленинград 1954; E. Tõnisson, Eesti aardeleiud 9.—13. sajandist. *MKA*, lk. 238.

Joon. 1. Pronkskauss Kuudest.

gede, nagu välissuhted, nende iseloom, ühiskondlik tähendus, tõenäoliselt välja selgitada ka teatud poliitiliste sündmuste piirjooni. Eestis võiks see tulemusi anda või-olla juba I aastatuhande teisest poolest alates.

Üheks sääraseks leiuks on nn. keiser Otto kauss, mida korduvalt on publitseeritud ja käsitletud.[3] Tänaseni on see Eestis jäänud ainulaadseks esemeks. Kauss (joon. 1) on tehtud õhukesest pronksplekist ja suure oskusega töödeldud; rikkalikult ilustatud sisepinnale on joodetud neljast metalliribast rist medaljonidega otstes ja keskel. Täpsema valmistamiskoha ja -aja määramine on tekitanud lahkarvamusi. Kõige tõenäolisemalt on tegemist siiski Magdeburgi metallitööga 12. sajandi esimesest poolest (eri uurijad on kaussi dateerinud 10. sajandi keskpaigast kuni 12. sajandi teise pooleni).[4] Ollakse üksmeelel, et kauss oli kasutusel katoliikliku liturgilise nõuna, kusjuures H. v. Bruiningk veenvalt tõestas, et ta oli määratud kiriku sisseõnnistamisel püha õliga salvimise juures tarvitamiseks.

Nõu otstarbest lähtudes jõudis sama autor arvamusele, et kuigi kauss oli tema poolt ettetoodud kaalutlustel valmistatud juba 10. sajandil, sattus ta Liivimaale alles 13. sajandi alg-

[3] Kõige üksikasjalikuma analüüsina vt. H. v. Bruiningk, Ein liturgisches mittelalterliches Bronzebecken, die sogenannte Kaiser-Otto-Schale, im Dommuseum zu Riga. *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1902*, Riga 1903, lk. 108—149 (2 tahvliga); kirjandus kuni 1920-ndate aastate alguseni on viidatud Tallgren, ZAE II, lk. 137; seejärel ilmunud: P. E. Schramm, Die Magdeburger Patenen mit dem Bilde Ottos des Grossen. *Thüringisch-Sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst, XVII*, Halle a. d. S. 1928, lk. 1—8; T. Poklewski, Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. *Acta Archaeologica Universitatis Lodziensis Nr. 9*, Łódź 1961, lk. 39, 85; Riia Ajaloomuuseumist viidi kauss 1940. aastal Saksamaale ja tema praegune asukoht on teadmata, vt. T. Pāvele, Latvijas 11.—13. gs. bronzas b|odas. *AE VI*, Rīgā 1964, lk. 127, 132.

[4] Schramm, lk. 3 ja 6; C. A. Nordman, Karelska järnåldersstudier. *SMYA XXXIV : 3*, Helsinki 1924, lk. 44; Poklewski, lk. 47.

kümnendeil. «Tollal, ühel paljudest sõdadest pärismaalastega või paganlike naaberrahvastega, võidi see juhuslikult röövida ja matta, võib-olla päästis selle meie jaoks maa sees aga ka mingi muu juhus hoopis hilisemast ajast.»[5] Viimase võimaluse vastu räägib asjaolu, et nõul puuduvad tuntavamad kulumise jäljed, mis oleksid paratamatud sagedase või väga pikaajalise tarvitamise korral. Bruiningki arvamust vaagna Liivimaale toomise aja ja viisi kohta püüdis konkretiseerida P. Johansen, kelle järgi nõu on võinud siia tuua Lippe Bernhard, kes oli mõni aeg Dünamünde kloostri abt ja hiljem Seloonia-Semgallia esimene piiskop. Johanseni arvates võis nõu võitlustes Magdeburgi peapiiskopi vastu sattuda saagina Bernhardi kätte, kes selle siis patulunastuse korras Viljandi Risti kabelile annetas.[6] Hüpotees on esitatud siiski vaid kõrvalepõikena, ilma et oleks kaalutud üksikasjade ajalist ja muud sobivust.

Mõlemad uurijad on jätnud kasutamata need küsimuse selgitamise võimalused, mis peituvad vaagna leiutingimustes.

Kuidas võis selline omal ajal hinnatud kiriklik ese sattuda talupoeglikku ümbrusse[7], paika, kus kunagi pole asunud kirikut ega kabelitki? Nõu otstarve välistab võimaluse olla sinna sattunud kaubanduslikul või muul rahuliku suhtlemise teel, isegi pärast ümbruskonna rahva ristiusustamist. Seda kinnitab samuti Bruiningki tähelepanek, et koduse tarbenõuna pole vaagnat ilmselt kunagi kasutatud. Järelikult tuleb eeldada mingit erakordset sündmust, millega ühenduses säärane nõu sattus talupoegade kätte ja vajas peitmist. Leiusuhted näivad andvat selleks mõningase pidepunkti.

Vaagna leidis 1886. aasta suvel Viljandist umbes 9 km (otsejoones 7,5 km) ida pool asuva Kuudevita (ka Mati ehk Madise) talu peremees Matt Anton talust pool kilomeetrit eemal endise nn. Katariina kanali lähedalt kündmisel. Tegemist oli madalamal asuva uudismaaga, mis eelmisel aastal oli karjamaast üles haritud. Et rukis tuli halvasti üles, künti põld ümber uuesti külvamiseks. Seejuures sattus ader vaopõhjas, maapinnast umbes poole jala sügavuses mingile ümmargusele kõvale asjale, mille kündja kiviks pidades labidaga välja kaalus, sellega nõu serva rikkudes. Takistus osutus kummuli asetatud pronksvaagnaks. Selle all olnud pronksist lahtine käevõru, mille otsad ulatunud teineteisest mööda. Leidja oli võru minema visanud, sest see oli must ja paistis väärtusetu. Järelotsimisel seda enam ei leitud. Vaagnast 3—4 jalga eemal vaopõhjas leidnud kündja veel raudkirve, mis tookord jäi leidja kätte, sest tasu suhtes ei jõutud kokkuleppele. Viljandi pastori L. Krügeri kirjelduse järgi oli kirves mingi laia kitsaskirve vaheline keskvorm neljakandilise, allapoole tugevasti kitseneva varreauguga, ilma silmalappideta. Kirve lehe pikkus oli 19 cm, suurim laius 9,3 cm, tera kaarjas, välisserv veidi kumer, sisemine tugevasti nõgus. Samasuguseid kirveid olevat suurel hulgal leitud ka Viljandi lossivaremetes teostatud väljakaevamistel.[8] Suure erinevuse tõttu vaagna ja kirve vanuses kaheldi nende leiulises kokkukuuluvuses. H. v. Bruiningk esitas siiski mitu võimalust: vaagna ja kirve kokkukuuluvuse korral määrab matmise aja kirve vanus; leidja püüdis mujalt leitud kirvest hiljem kõrge tasu lootuses siduda hinnaliseks osutunud kausiga; võib-olla maeti kirves juhuslikult samasse kohta, kuhu varem oli maetud kauss; kausi peitja pani sinnasamasse hiljem ka kirve. Nendest võimalustest osutub mitmesugustel kaalutlustel kõige tõepärasemaks esimene.

Omaaegseid uurijaid viis segadusse suur vahe vaagna ja kirve vanuses, mis ulatus kahe-kolme sajandini. Ometi asetas H. v. Bruiningk vaagna mahamatmise samuti 13. sajandisse, sidumata seda aga kirvega. Kahjuks on kirvest teada ainult kõige üldisem kirjeldus, kuid selle järgi otsustades ei ole võimatu tema kuulumine 13. sajandisse. Kirikunõuga üheaegse mahamatmise poolt räägib seegi, et sealtsamast pole saadud mingeid muid leide, kuigi seal otsis juba leidja ning 1895. aasta augustis teostas R. Hausmann kohapeal hoolika järelkaevamise. Viimane ei andnud vähimatki, millest Hausmann järeldas, et «kuulus kauss pidi olema sinna sattunud puht-juhuslikult»[9].

Kolme eseme leidmine ühest kohast ja samas sügavuses viitab pigemini kas peitleiule või hauale. Tõsi küll, mingeid luid ei märgatud 1886. ega 1895. aastal, niivõrd madala matmise

---

[5] Bruiningk, lk. 143 jj.; hiljem avaldatud arvamus, et kauss on maha maetud umbes 11. sajandil (R. Indreko, Viljandimaa muinasaeg. Tartu 1935, lk. 43, vrd. lk. 47), pole lähemalt põhjendatud.

[6] P. Johansen, Lippstadt, Freckenhorst und Fellin in Livland. Werk und Wirkung Bernhards II zur Lippe im Ostseeraum. *Westfalen-Hanse-Ostseeraum.* Münster Westf. 1955, lk. 147.

[7] Kuude kausi ainuke, kuid mõnevõrra lihtsam vaste, mis on valmistatud samas töökojas, leiti 1913. aastal Halle linnas ehitustöödel. M. Sauerlandt, Ein frühmittelalterliches Bronzebecken. *Zeitschrift für christliche Kunst 32*, Düsseldorf 1919, lk. 49 jj. Bruiningk (lk. 133) märkis õigusega, et Eesti kalme- ja peitleidudes kuni 13. sajandini pole peale Kuude leitud ühtegi eset, mida võiks kaheldamatult pidada mingiks kirikunõuks.

[8] Bruiningk, lk. 110 ja 111.

[9] *Jahresbericht der Felliner litterar. Gesellschaft für die Jahre 1890 bis 1895,* Fellin 1898, lk. 29 ja 30.

puhul aga võis luustik olla täielikult hävinenud. Esemete asetus — vaagen koos käevõruga, kirves 90—120 cm eemal — sobiks nende kokkukuuluvuse korral rohkem laibahaua kui peitleiuga. Leiukoha eraklik asend ja luude puudumine räägivad ometi rohkem peitleiu kasuks. Miks pidi keegi maetama üksikult eraldi, samal ajal kui kogukonna kalmistu oli vaid pool kilomeetrit eemal? Pealegi matsid sakalased oma surnuid vabadusvõitluse ajal põletatult, eriti protestiks vallutusega kaasaskäiva ristiusu pealesurumise vastu. Asjaolu, et kündja leidis kirve vaagnast veidi eemal, ei tarvitse olla primaarne, sest kirvest märkas ta alles pärast pronksnõu väljakaevamist. On mõeldav, et kirves asus algselt vaagna peal, kuid juba uudismaa tegemisel jäi adratera ette ning kanti kündjale märkamatult veidi eemale. Kirve kuulumine peitleidu on haruldane, kuid siiski esineb kirveid vähemalt kahes Vene aardes 10.—13. sajandil, nimelt Smolenski lähedal Gnjozdovos ja Kiievis.[10] Viimases oli kirves asetatud aaret sisaldava savinõu alla, nõu aga kaetud pannitaolise rauaga. Kuude peitleius võis kirves olla ühtaegu raskuseks vaagnal ning selle maagiliseks kaitsjaks, käevõru aga sümboliseerida vaagna peitjat kui omanikku. Igal juhul ei saa leiu koosseisu pidada juhuslikuks.

Vaagna peitmise põhjuste selgitamisel peame leiukoha ümbruskonnas eeldama mingit sündmust, millega seoses eriotstarbeline kiriklik ese võis sattuda talupoegade kätte ning seda tuli peagi tagaotsijate eest varjata. Sääraseks sündmuseks on kõige suurema tõenäolisusega sakalaste ülestõus Viljandis 29. jaanuaril 1223, mil nad pühapäevase messi ajal linnuse kiriku sisse piirasid ning sundisid sakslased alistuma. «Sõnamurdjad võtavad nad kohe kinni, seovad neid käsist ja jalust, röövivad kogu nende vara, raha, hobused ja jagavad selle omavahel... Mõned neist läksid veel teise linnusesse, mis oli Pala ääres, ja käskisid seal teha samuti ja tapsid teel oma preestri koos teistega.»[11]

Viljandi linnus koos Maarjale pühendatud kirikuga oli Sakalas vallutajate esimene kindlustatud keskus, mis alles veidi aega enne ülestõusu oli valmis saanud. Esimese Sakalas ehitatud kiriku sisseõnnistamiseks oligi nähtavasti Viljandisse toodud nn. *patena chrismalis*, talupoegade kätte võis see aga kõige tõenäolisemalt langeda ainult kiriku minekuga ülestõusnute täielikku võimusesse. Just selline olukord kujuneski jaanuari lõpul 1223. Nagu Henriku kroonika kinnitab, kasutasid eestlased samuti ära kõik sakslastelt võetud relvad (mille hulka arusaadavalt kuulusid ka sõjakirved).

Järelikult pidi Kuudest pärit meeste kätte sattuma ka muud saksa sõjameeste ja kaupmeeste vara. Kuude kalmistu rikkaliku leiumaterjali hulgas leidubki üksikuid katkendeid esemetest, mis ei ole kohalik toodang. Nendest kõige olulisem on mingi kollakasrohekast iriseerivast pressitud klaasist ampulli servakatkend, mis leiti 1895. aasta väljakaevamistel.[12] M. Schmiedehelmi andmetel on üks saksa eriteadlane Berliinist kindlaks määranud selle päritolu varaislami kultuuripiirkonnast 8.—10. sajandil, seega tooduks võib-olla kuskilt Mesopotaamiast või Pärsiast. On usutav, et nii kauget päritolu klaasampull võis jõuda Viljandisse alles 13. sajandi algul koos ristisõdijatega. Oma kujult sobiks see väga hästi püha õli hoidmiseks ning oleks samuti kui pronkskausski liturgilise otstarbega. Tähelepanu väärib, et vaagna medaljonil kujutatud keiser Otto hoiab paremas käes keraja kujuga õlinõu, mis võiks sarnaneda kõnesoleva ampulliga, kui sellele lisada kõrgem kaas.[13] Kiriku sisseõnnistamise juures eeldabki H. v. Bruiningk vaagna kõrval veel päris õlinõu (*chrismatorium, ampulla, pyxis*) olemasolu.[14] Nagu näeme, leidubki viimase vaste tõepoolest ka Kuudes, ainult et kalmistu panuste (või ohverandide?) hulgas. Lahtiseks jääb, kas sellest sinna meelega vaid üks kild pandi.

Kuude kalmistus esineb veel mõningaid teisigi ebatavalisi leide, nagu arvatava soomusrüü katkendeid, võõrapärane kaheteraline nuga ja hoburaudsõlg, mis võivad kuuluda vabadusvõitluse aega.[15]

Kalmistust saadud leidude järgi otsustades on Kuudes asunud põline sugukondlik keskus, mis käesoleva aastatuhande algsajanditel kujunes kohaliku üliksuguvõsa asupaigaks. Piirkonna kaitsekeskuseks oli ilmselt Naanu linnus, eesti feodaliseeruva üliku kants 12. sajandi lõpul ja järgmise algul.[16] Võimalik, et siin on tegemist sama üliksuguvõsaga, mis vajab edaspidi detailsemat väljaselgitamist. Kuude on Naanuga võrreldes igal juhul vanem ja põlisem

[10] Корзухина, lk. 11, 89, 116.

[11] Heinrici Chronicon Livoniae. Editio altera. Recognoverunt Leonid Arbusow et Albertus Bauer. *In usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi.* Hannoverae 1955, XXVI : 5.

[12] Vilj. M, tahv. 47 : 8.

[13] Vrd. Bruiningk, lk. 115 ja 116; Hallest leitud nõu medaljoni vt. Schramm, tahv. I ja II : 1.

[14] Bruiningk, lk. 142; kahjuks puudub Kuude klaasampulli katkendil põhjaosa, et otsustada, kas see oli kerajas, mingi madala jalaga või nõgus — viimasel juhul oleks ühtekuuluvus vaagnaga veelgi ilmsem.

[15] Vilj. M, tahv. 34 : 31; 28 : 15 ja 35 : 18.

[16] H. Moora, Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s. *MAL*, lk. 78—79.

keskus, mille jõukus avaldub ka 13. sajandi algul. Kahe liturgilise nõu leidmine just siit kinnitab selle keskuse aktiivset osavõttu võitlusest saksa vallutajate vastu.

Ülestõusu ajal äravõetud varade jagamisel vähemalt kahe kirikunõu sattumine Kuudesse — kui see oletus on paikapidav — võimaldab teha mõningaid muidki järeldusi.

Kõigepealt tähendaks see seda, et Kuudest pidi keegi (või mõned) kuuluma ülestõusu ettevalmistavate ja läbiviivate vandenõulaste hulka. Henriku «Liivimaa kroonikas» mainitaksegi, et pärast alistumist ja ristimist elas sakalasi koos ordurüütlitega Viljandi linnuses ja et just need sakalased panidki toime linnuse ülevõtmise. Konspiratiivsuse ja ootamatuse säilitamiseks ei saanudki ülestõusjad siia tolleks pühapäevaks suuremaid abivägesid kokku tõmmata. Isegi Pala kants vallutati alles Viljandi ülestõusjate poolt. Kroonikast ei selgu, kes olid need sakalased, kes koos ordurüütlitega linnuses elasid. Tolle aja tavasid arvestades olid need valitud mehed, kes üksikute kogukondade esindajatena pidid kindlustama rahva alistumuses-oleku, järelikult ülikute hulgast.

Ülestõusjad jagasid omavahel ordurüütliteli ja kaupmeestelt saagiks saadud relvad, hobused, rõivad, raha. Erakordsem saak, mille hulka tuleb arvata ka kirikuvara, läks aga arvatavasti eeskätt väljapaistvama asendiga isikute, mõne vanema või juhtivama üliku-vandenõulase kätte. Püha õli nõud võisid omada erilist tähtsust võimusümbolitena. Niisiis kinnitaks seegi asjaolu Kuudest pärineva vandenõulase (või mitme) ühiskondlikku asendit Viljandi ülestõusus.

Sellega seoses väärib tähelepanu veel üks koht Henriku «Liivimaa kroonikas», kus ühelainsal korral, kuid kõrvuti Lembituga mainitakse Sakala vanemat nimega *Vytamas*.[17] Kroonika väljaandjate arvates langes too koos teiste vanematega Madisepäeva lahingus.[18] Meeste *mas*-lõpuga isikunimesid esineb 13.—15. sajandi allikates Sakala alalt teisigi, kuid nime esiosa on üldse haruldane.[19] Ainulaadse nime esiosa säilis Kuudevita (-viita) põlistalude nimes. Kas tohime sellest oletamisi järeldada, et Lembitu võitluskaaslase ja ühe Sakala vanema asupaika tuleks otsida Kuudest?

Teatavasti vallutati Viljandi ja Pala linnus sakslaste poolt juba 1223. aasta augustis ning ülestõus Sakalas suruti lõplikult maha mõni aeg hiljem. Tartu langemine võttis viimased vastupanulootused. Ordurüütlid ja vaimulikud kindlustasid end Sakalas uuesti, eestlastel tuli hakata maksma kümnist. Peale selle said sakslased täielikult tasutud kõige eest, mis neilt oli ära võetud ja kahju tekitatud.[20] Sündmuste selline kulg sundiski saagiks saadud kiriklikku vara kas tagastama — see võis aga kaasa tuua karistuse — või peitma. Igal juhul ei olnud allaheidetutel sääraste asjadega enam midagi peale hakata.

Arusaadavalt jääb arheoloogiliste leidude ühendamise katse kirjalikes allikates toodud sündmustega ikkagi vaid tõenäolisuse piiridesse. Ühtlasi toob ta kohe kaasa uusi küsimusi ja tööhüpoteese. Nende lahendamine ja usutavaks tegemine, kogu kirjutise algul mõlgutatud kavatsuse teostamine nõuab aga aega ning uusi leide.

---

[17] Heinrici Chronicon Livoniae, XXV : 2.

[18] S e a l s a m a s, lk. 143.

[19] D.-E. S t o e b k e, Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg 1964, lk. 81; *mas*-lõpu kohta lk. 121.

[20] Heinrici Chronicon Livoniae, XXVIII : 9.

О ВОЗМОЖНОЙ СВЯЗИ НАХОДКИ ИЗ КУУДЕ С ВОССТАНИЕМ 1223 Г. В ВИЛЬЯНДИ

А. Вассар

Резюме

Очень редко удается связать археологическую находку с каким-нибудь ранним политическим событием или с исторической личностью. Кажется, возможность для такой попытки предоставлена бронзовым сосудом литургического характера, называемым «чашей кайзера Оттона» (рис. 1), найденным в 1886 г. в Кууде близ Вильянди и повторно уже опубликованнным. Этот предмет церковного назначения попал в крестьянскую среду, по-видимому, в связи с восстанием крестьян земли Сакала в Вильянди 29 января 1223 г. После подавления восстания необходимо было скрыть чашу, которую зарыли вместе с бронзовым браслетом, а возможно также с железным топором позднего типа; оба эти предмета утеряны. В могильнике, находящемся на расстоянии $^1/_2$ км от места находки чаши, был обнаружен фрагмент от края ампулы из прессованного стекла, происходящей с Ближнего Востока. Эта ампула тоже могла быть привезена крестоносцами как сосуд для хранения священного масла и попасть в руки эстонцев во время восстания. Если эти предметы действительно попали в Кууде описанным путем, то это обстоятельство проливает некоторый свет и на само восстание, и на происхождение одного из его вождей. Возможно, что в Кууде следует искать место жительства *Vytamas*'а, одного из старейшин Сакалаской земли.

ÜBER DEN VERMUTLICHEN ZUSAMMENHANG ZWISCHEN DEM FUNDE VON KUUDE UND DEM AUFSTAND IN VILJANDI VOM J. 1223

A. Vassar

Zusammenfassung

Nur selten gelingt es, einen archäologischen Fund mit einer frühen politischen Begebenheit oder einer historischen Persönlichkeit in Zusammenhang zu bringen. Es scheint, dass die Möglichkeit eines solchen Versuches durch ein liturgisches Bronzebecken, die sog. Kaiser-Otto-Schale (Abb. 1) geboten wird, die 1886 in Kuude, unweit Viljandi gefunden und mehrmals veröffentlicht worden ist. Dieses Kirchweihgerät ist scheinbar in Verbindung mit dem Aufstand der Sakalaner in Viljandi am 29. Januar 1223 in bäuerliche Umgebung geraten. Nach der Unterdrückung des Aufstands musste das Gefäss verborgen werden — es wurde mit einem bronzenen Armring zusammen vergraben; vielleicht gehörte zum Funde auch noch eine eiserne Axt von spätem Typus — beide Gegenstände sind verloren gegangen. In einem etwa 1/2 km vom Fundort dieser Sachen liegenden Gräberfeld ist ein Bruchstück vom Rande einer Ampulle aus gepresstem Glas gefunden worden, das irgendwoher aus dem Nahen Osten stammt. Auch diese Ampulle kann durch die Kreuzfahrer als Behälter für heiliges Öl nach Viljandi gekommen und während des Aufstands in die Hände der Esten geraten sein. Wenn die Vermutung, dass diese Sachen auf solchem Wege nach Kuude gelangt sind, richtig ist, so dürfte dieser Umstand auf den Aufstand von 1223 neues Licht werfen, indem er uns einen Hinweis auf die Herkunft eines Anführers der Aufständischen geben könnte. Es ist möglich, dass auch der Wohnsitz eines der Ältesten der Sakalaner, *Vytamas*, in Kuude zu suchen ist.

К ЭТНИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ I — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ У ЛИТОВСКОГО ВЗМОРЬЯ

Р. Волкайте-Куликаускене

С самого начала н. э. в Литве у побережья Балтийского моря были распространены грунтовые могильники, заменившие преобладавшие здесь до нашей эры курганы. Изменение погребальных обрядов, т. е. переход от курганов к грунтовым могильникам, происходило постепенно, о чем ярко свидетельствуют исследованные на названной территории курмайчяйские погребальные памятники в районе Кретинга. Здесь были исследованы курганы второй половины I тысячелетия до н. э., могильник переходного характера от курганов к грунтовому могильнику, датируемый двумя последними веками до н. э. и самым началом н. э., и, наконец, две группы грунтовых погребений — 2—3 и 3—4 веков н. э.[1] Таким образом, начало н. э. является как бы переходным этапом. С того времени у Литовского взморья преобладают исключительно грунтовые могильники.

Грунтовые могильники первых веков н. э. сохранили много черт, свойственных более ранним курганам. Ярче всего эти черты выражены в характерных каменных венцах, которые раньше окружали курган или могилы, расположенные у подножия кургана, а в первых веках н. э. — отдельные грунтовые погребения. Таким образом, для грунтовых могильников первых веков н. э. характерными были каменные венцы, обрамляющие отдельные могилы, так что весь могильник состоял как бы из целой сети каменных ограждений.

Грунтовые могильники с каменными венцами вокруг могил известны вплоть до 6 в. н. э. В течение столетий их форма постепенно менялась. Для самых древних грунтовых могильников характерны круглые венцы диаметром 4—5 м. В них проявлялась непосредственная связь с венцами, окружавшими курганы. В первых веках н. э. венцы стали меньше и иногда принимали неправильную полукруглую форму; четко определенную, почти четырехугольную форму они приобрели лишь в 5—6 вв. н. э., в самом конце своего существования.

Для всех этих могильников характерны трупоположения и обильный погребальный инвентарь, который клался в могилу в определенном порядке. Орудия труда и оружие (в основном наконечники копий) лежали у головы умершего. Сюда же клались римские монеты, коробочки с туалетными принадлежностями и т. д. Только украшения лежали в местах, соответствующих их назначению. Своеобразным инвентарем этих могильников являлись минна-

---

[1] P. Kulikauskas, Kurmaičių kapinynas. *Lietuvos archeologiniai paminklai. Lietuvos pajūrio I—VII a. kapinynai.* Vilnius 1968, стр. 12—56. Там же, на стр. 12 в прим. 3 указана вся литература по этому вопросу.

тюрные изделия, особенно миниатюрная керамика, которая, как правило, находилась тоже у головы умершего.[2]

Исследовано свыше 20 могильников такого характера; все они распространены у самого побережья Балтийского моря. Южная их граница — устье реки Немунас, северная — река Швентойи. Северо-восточная граница проходит около озера Плателяй, где исследован самый крайний могильник этого рода в местности Рекете (рис. 1). На территории теперешней Латвии, у ее взморья, таких погребальных памятников не обнаружено. Правда, на самом юге имеются погребения с каменными венцами, но они менее правильных форм[3] и могут быть интерпретированы как периферийные по отношению к территории распространения грунтовых могильников данного характера.

Уже давно литовские языковеды К. Буга,[4] А. Салис[5] и др., опираясь на данные письменных источников, утверждали, что литовское побережье было заселено куршскими племенами, причем они, правда, имели в виду более позднее время, чем то, к которому относятся описанные нами могильники. Археологи, исследовав такую обильную и своеобразную группу погребальных памятников, старались определить их этническую принадлежность. Однако мнения их расходились. М. Альсейкайте-Гимбутене не сомневалась в их куршском происхождении.[6] Р. Римантене предполагала, что они оставлены скалвами.[7] Х. Моора решал этот вопрос более дифференцированно, считая, что северная часть этих могильников принадлежала куршским племенам, а южная их часть была оставлена скалвами.[8] Свое мнение он обосновывал тем, что именно в северной части, около Клайпеды, должен был находиться центр куршских племен, в то время как устье Немунаса по данным письменных источников было заселено скалвами. В последнее время в введении указанной книги, посвященной характеристике данных могильников, было высказано новое мнение.[9] Могильники с каменными венцами первых веков н. э. приписываются здесь жителям земли *Ламата*, которая упоминается в письменных источниках первой половины 13 века. Однако это мнение не решает этнического вопроса прежде всего потому, что в письменных источниках речь идет о *Ламате* как о территориально-административной, а не как об этнической единице.[10]

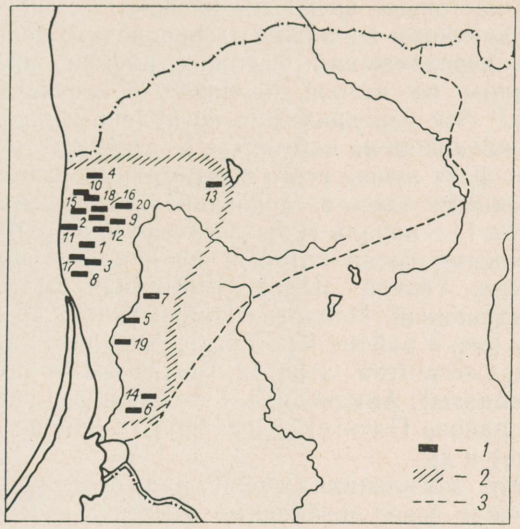

Рис. 1. Распространение могильников с каменными венцами в Литве. 1 — могильники, 2 — граница территории их распространения, 3 — южная и юго-восточная граница распространения куршей по А. Салис.

Хочется присоединиться к мнению М. Альсейкайте-Гимбутене, считавшей, что эти могильники были оставлены куршами. Трудно согласиться с тем, что скалвы жили так далеко на севере, как предполагает Р. Римантене. Более приемлемым является мнение Х. Моора, однако оно должно относиться к могильникам конца I — начала II тысячелетия н. э. Именно в то время обнаружились различия между грунтовыми могильниками северной и южной частей Литовского взморья. В первой же половине I тысячелетия н. э. грунтовые могильники с каменными венцами составляли своеобразную, резко выделяющуюся культурную единицу, оставленную одной и той же племенной группой — куршами. Но дальнейшая их история, которую помогают осветить исследованные за последние годы многочисленные более поздние могильники на этой территории, нуждается в новой интерпретации.

---

[2] Характеристике этих могильников посвящена книга «Lietuvos pajūrio I—VII a. kapinynai», см. прим. 1.

[3] M o o r a, EZL II, стр. 40—47; H. M o o r a, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952, стр. 66—68.

[4] K. B ū g a, Aisčių praeitis vitų vardų šviesoje. *Rinktiniai raštai III*, Vilnius 1961, стр. 738; см. также карту на стр. 739.

[5] A. S a l y s, Die žemaitischen Mundarten. *Tauta ir Žodis VI*, Kaunas 1930, стр. 193—198.

[6] M. A l s e i k a i t ė - G i m b u t i e n ė, Kapų tipai Lietuvoje proistoriniais laikais. *Gimtasai kraštas 31*, стр. 27.

[7] Р. Я б л о н с к и т е - Р и м а н т е н е, О древнейших культурных областях на территории Литвы. *СЭ 1955, № 3*, стр. 9—10.

[8] Х. А. М о о р а, Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. *КСИИМК 53*, Москва 1954, стр. 8—9.

[9] Lietuvos pajūrio I—VII a. kapinynai, стр. 11.

[10] S a l y s, стр. 187—188.

В настоящее время мы располагаем данными, дающими возможность проследить некоторые передвижения балтских племен, происшедшие во второй половине I тысячелетия н. э.[11] Эти передвижения коснулись и племен, проживавших на побережье Балтийского моря. Этот факт лучше всего иллюстрируется произведенными здесь исследованиями могильников конца I — начала II тысячелетия н. э., самыми крупными среди которых являются Аукштакиемис, Генчай, Яздай, Кяйлейкяй, Лайвяй, Лаздининкай, Паланга, Пришманчяй, Рудайчяй (все в районе Кретинга), Андуляй, Гиркаляй, Скомантай, Страгна, Вежайчяй (в районе Клайпеды), Акменскине, Гинталишке, Гуделяй (в районе Плунге), Юргайчяй (в районе Шилуте) и др.

Эти могильники имеют ряд особенностей. Прежде всего необходимо отметить своеобразие погребальных обрядов: более ранние погребения, особенно конца 8, 9 и отчасти 10 вв., содержали трупоположения, а в 10 веке появились погребения с трупосожжением, число которых с каждым столетием возрастало. В начале II тысячелетия преобладал уже обряд трупосожжения. Он постепенно укреплялся, что дает возможность проследить его эволюцию, которая особенно ярко выражается в устройстве могилы. Самыми ранними погребениями с трупосожжением были захоронения в большом долбленом гробу, более поздними — в небольших деревянных ящиках. Самую позднюю и основную массу захоронений составляли трупосожжения прямо в выкопанной в земле яме.[12] Этот постепенный переход от трупоположения к трупосожжению свидетельствует о происходивших каких-то внутренних изменениях среди жителей данной территории, которые являлись отражением процесса формирования литовской народности.[13]

Как погребения с трупоположением, так и погребения с трупосожжением отличаются обилием инвентаря. В женских погребениях очень много украшений. Они в основном бронзовые и отличаются некоторой массивностью, но вместе с тем изящными формами и богатым орнаментом. Преобладают витые шейные гривны с петельчатыми концами, подковообразные фибулы разных форм, булавки с треугольными и крестовидными головками, спиральные, массивные и лентовидные браслеты. Стеклянные и янтарные украшения встречаются реже, но все же гораздо чаще, чем в других районах, здесь обнаружены украшения, покрытые листовым серебром.

В мужских погребениях, кроме украшений, много оружия. Основную группу его составляют железные наконечники копий, но очень часто представлены и боевые ножи и мечи. Самое большое количество мечей найдено именно в этих могильниках. Реже встречаются боевые топоры. Кроме того, в мужских погребениях мы нередко находим предметы конского снаряжения и даже захоронения самих коней.

Самым характерным явлением для могильников данной территории является наличие среди погребального инвентаря миниатюрных изделий. Преобладают миниатюрные орудия труда (мотыги, косы, топоры, орудия для прядения, витья поясов и т. д.), миниатюрная керамика и миниатюрное снаряжение коней. Необходимо отметить, что отсутствуют миниатюрное оружие и украшения.

Целый ряд особенностей в погребальном ритуале — ориентировка скелета в могиле, распределение погребального инвентаря, постепенный переход от трупоположения к трупосожжению, миниатюрные изделия — говорят о непрерывной связи между погребальными памятниками первых веков н. э. и памятниками конца I — начала II тысячелетия.

Все это как бы говорит о том, что на Литовском взморье проживала та же самая этническая группа — курши, но более глубокий анализ погребального инвентаря могильников конца I — начала II тысячелетия, а также исследования грунтовых могильников, произведенные в последние годы на данной территории, дают возможность проследить некоторые происшедшие здесь этнические изменения.

В данном периоде заметны некоторые, хотя и небольшие, различия между могильниками, расположенными в северной части Литовского взморья, и могильниками, исследованными поблизости от устья р. Немунас. Ценные данные по этому вопросу получены из раскопок могильника в дер. Юргайчяй, проведенных в 1967 году[14]. Здесь исследовано 23 погребения 8—

---

[11] В. В. Седов, Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореферат докторской диссертации. Москва 1966; Э. Д. Шноре, Я. Я. Граудонис, И. А. Лозе, К вопросу об этногенезе населения Прибалтики. *Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений*, Рига 1966, стр. 17—21.

[12] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius, Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius 1961, стр. 378—388.

[13] Там же, стр. 516—518.

[14] Л. Накайте, Раскопки в дер. Юргайчяй (Шилутский р-н). *20 лет. Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций Института истории АН Литовской ССР 1948—1967 гг.*, Вильнюс 1968, стр. 65—67.

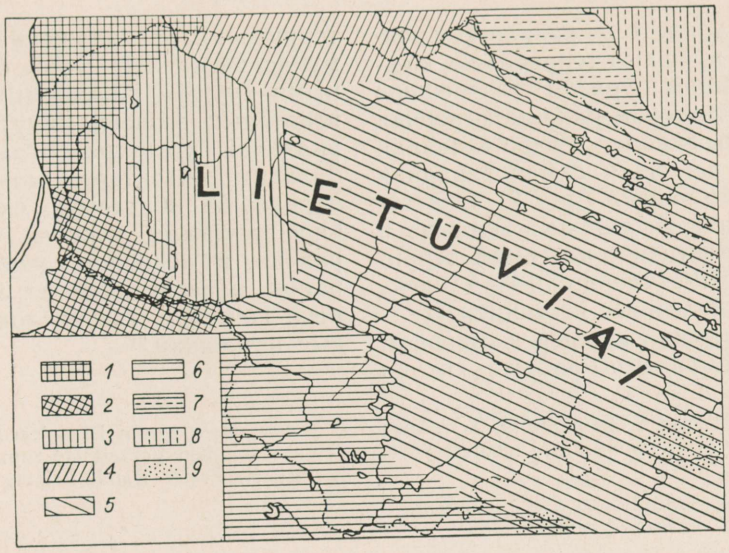

Рис. 2. Балтские племена на территории теперешней Литвы и в соседних районах в начале II тысячелетия. 1 — курши, 2 — скалвы, 3 — жемайты, 4 — земгалы, 5 — аукштайты, 6 — ятвяги, 7 — селы, 8 — латгалы, 9 — восточные славяне.

9 вв., 22 из которых содержат трупоположения и только одно — трупосожжение. Найденный в них погребальный инвентарь позволил выявить и тем самым обобщить своеобразие могильников, расположенных на юге изучаемой территории.

Эти различия отмечаются прежде всего в женском головном уборе. Привлекают внимание найденные в женских погребениях могильника Юргайчяй серебряные сердцевидные подвески, которыми украшались шапочки. Остатки аналогично украшенных шапочек были в свое время найдены в могильниках Вежайчяй.[15] Необходимо отметить и своеобразные бронзовые булавки для прикрепления женского головного убора. Они представляют собой длинные пруты с расплющенной средней частью. Кроме могильника Юргайчяй, такие булавки известны из грунтовых могильников в Поцяй[16] и Линкунай[17]. Такие украшения головного убора совершенно неизвестны из могильников северной части Литовского взморья. Все это свидетельствует о существовании значительных различий в женском костюме, которые больше всего заметны в головном уборе.

Кроме того, для могильников южного ареала характерным является то, что здесь чаще, чем в северной части Литовского взморья, встречаются мужские погребения, сопровождаемые конскими. В Юргайчяй обнаружено 5 таких погребений; они известны в Никелай и Паулайчяй того же Шилутского района[18], в Скомантай Клайпедского района[19] и т. д. В могильниках, расположенных севернее, преобладал обычай класть в могилу только предметы конского снаряжения.

Все эти наблюдения дают возможность сделать предварительный вывод о том, что во второй половине I тысячелетия н. э. произошла некоторая перегруппировка балтских племен у побережья Балтийского моря. Вряд ли является случайным тот факт, что на Литовском взморье меньше, чем в других местах, обнаружено погребальных памятников 7—8 веков. Возможно, что именно в этом отражаются происшедшие в то время передвижения проживавших здесь племен. Можно предполагать, что часть куршских племен в то время постепенно передвигалась в северном направлении. На Ли-

[15] Alt-Preussen 1939, № 4, стр. 119—120.

[16] Senovė I, Kaunas 1935, стр. 72—73.

[17] Местность Линкунай находится на левой стороне реки Немунас вне Литовской ССР, но исследованный здесь могильник принадлежит той же самой культурной группе. См. C. Engel, Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus secundus*, стр. 313—324.

[18] J. Puzinas, Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys. Kaunas 1938, стр. 111—115.

[19] Senovė I, стр. 70—71.

товском взморье в конце I — начале II тысячелетия обитаемую куршами территорию можно очертить следующим образом: теперешние Скуодасский и Кретингский районы, северная часть Клайпедского района, северо-западная часть Плунгеского района и самая западная часть Мажейкяйского района (рис. 2). Обитаемая куршами территория тянулась дальше в направлении реки Вента и теперешней территории Латвийской ССР. Именно здесь в 9 веке упоминают о них письменные источники.[20]

Во время передвижения куршей в северном направлении обитаемая ими раньше южная территория, расположенная при устье реки Немунас, заселялась очень близкими и родственными куршам племенами скалвов. На основе некоторых вышеупомянутых отличий в материальной культуре, отражающейся в погребальном инвентаре, можно приблизительно определить обитаемую скалвами территорию. Она занимала южную часть Клайпедского района, в основном теперешний Шилутский район, и переходила на левую сторону устья реки Немунас, где их локализуют и письменные источники.[21]

[20] Vita Sancti Anscharii per S. Rembertum. *Scriptores rerum Svecicarum medii aevi, tomus II,* Upsaliae 1828, стр. 173—260.

[21] Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Erster Band. Leipzig 1861, стр. 151.

LEEDU RANNIKU I AASTATUHANDE JA II AASTATUHANDE ALGUSE MAA-ALUSTE KALMISTUTE ETNILISEST KUULUVUSEST

R. Volkaitė-Kulikauskienė

Lühikokkuvõte

Läänemere Leedu rannikualal levivad meie ajaarvamise algusest kuni 13. sajandini maa-alused kalmistud. 1.—6. sajandi kalmistuile on iseloomulikud üksikuid haudu ümbritsevad kiviringid, mistõttu kogu kalmistu koosneb nagu kiviringide võrgust. Need kalmistud väljendavad selgesti eristuvat ühtset kultuuri, mis on kuulunud ühele hõimurühmale — kuršidele (joon. 1). 7.—8. sajandist pärinevaid haudu esineb suhteliselt vähem. Eriti rohkesti on kalmistuid aga I aastatuhande lõpust ja II aastatuhande algusest. Kaheldamatult on need otseses seoses meie ajaarvamise esimeste sajandite matmispaikadega. Ometi on viimaste aastate uurimised võimaldanud jälgida mõningaid erinevusi Leedu ranniku põhja- ja lõunaosa maa-aluste kalmistute vahel. Sellele tuginedes arvab autor, et I aastatuhande teisel poolel on kuršid liikunud edasi põhja poole, tänapäeva Läti NSV territooriumile, kuna varem kuršide poolt asustatud territooriumi lõunaosas asusid neile väga lähedased sugulashõimud — skalvid. I aastatuhande lõpul ja II aastatuhande algul elasid kuršid vaid Leedu ranniku põhjaosas, skalvid olid aga juba Neemeni suudmealal, kus neid mainivad kirjalikud allikadki (joon. 2).

ZUR ETHNISCHEN FRAGE BETREFFS DER FLACHGRÄBERFELDER AUS DEM I. UND DEM BEGINN DES II. JAHRTAUSENDS AN DER MEERESKÜSTE LITAUENS

R. Volkaitė-Kulikauskienė

Zusammenfassung

Vom Beginn unserer Zeitrechnung an verbreiten sich im Küstengebiet Litauens an der Ostsee Flachgräberfelder, die bis in das 13. Jh. andauern. Die Gräberfelder des 1.—6. Jh. werden durch aus Steinen gesetzte Einfassungen charakterisiert, welche jedes einzelne Grab umgeben, so dass das ganze Gräberfeld gewissermassen wie ein Netz von Steineinfassungen aussieht. Diese Gräberfelder bilden eine deutlich hervortretende kulturelle Einheit, die Hinterlassenschaft ein und derselben Stammesgruppe — der Kurschen (Abb. 1). Das 7. und 8. Jahrhundert sind durch weniger Gräberfelder vertreten. Besonders zahlreiche Grabanlagen gibt es hier aber aus dem Ende des I. und dem Beginn des II. Jahrtausends, die zweifellos mit den Gräberfeldern der ersten Jahrhunderte u. Z. in ununterbrochenem Zusammenhang stehen. Die Untersuchungen der letzten Jahre haben aber einige Unterschiede zwischen den Gräberfeldern des nördlichen und denen des südlichen litauischen Küstengebietes an den Tag gebracht. Sich auf alle diesbetreffenden Tatsachen stützend kommt die Verfasserin zur Ansicht, dass die Kurschen in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends nach Norden ins heutige lettische Territorium vorgedrungen sind, während in den südlichen, von ihnen bisher besiedelten Landstrich den Kurschen sehr nahe stehende, ihnen verwandte Stämme der Skalven eindrangen. Am Ende des I. und am Anfang des II. Jahrtausends bewohnen die Kurschen nur noch den nördlichen Teil der litauischen Küste, während das Mündungsgebiet des Nemen bereits von den Skalven besiedelt ist, wo sie auch laut schriftlichen Quellen zu finden sind (Abb. 2).

LÜHENDID
СОКРАЩЕНИЯ
ABKÜRZUNGEN

KIRJANDUS — ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ — LITERATUR

AA = Acta Archaeologica I —. København 1930 —.

AA Lund = Acta Archaeologica Lundensia, series in 4°. Lund 1954 —.

AE = Arheoloģija un etnogrāfija. Rakstu krājums I —. Rīgā 1957 —.

AK Toim. = Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti toimetused I—VII — Veröffentlichungen des Archäologischen Kabinetts der Universität Tartu I—VII. Tartu 1923—1942.

БРФ см. PVF.

Congressus Secundus = Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. *Acta Universitatis Latviensis. Philologorum et Philosophorum ordinis series, tomus I, supplementum I.* Rigae 1931.

EA = Eesti rahva etnilisest ajaloost. Artiklite kogumik. Tallinn 1956.

EM Ar. = Etnograafiamuuseumi Aastaraamat — Ежегодник Этнографического музея XVI —. Tartu 1959—.

ERM Ar. = Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat I—XV. Tartu 1925—1947.

ESA = Eurasia Septentrionalis Antiqua I—XII. Helsinki 1926—1938.

FM = Finskt Museum. Helsingfors 1894 —.

GU = Livländische Güterurkunden (1207—1545), Bd. I, II. Hrsg. von H. v. Bruiningk u. N. Busch. Riga 1908, 1923.

Handlingar = Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Stockholm 1789 —.

ИГАИМК = Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград 1921—1935.

Kivikoski, EZF II = E. Kivikoski, Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text, II. Porvoo — Helsinki 1951.

КСИА = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР 81 —. Москва 1960 —.

КСИЭ = Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Москва—Ленинград 1946—.

КСИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР 1 — 80. Москва—Ленинград 1939—1960.

LKS = Latviešu kultūra senatnē. Rīgā 1937.

LUB = Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Erste Abteilung, Bd. I—VI hrsg. von F. G. v. Bunge, Bd. VII—IX von H. Hildebrand, Bd. X—XI von Ph. Schwartz, Bd. XII von Ph. Schwartz und A. v. Bulmerincq. Reval — Riga — Moskau 1853—1910.

LUB (2) = Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abteilung, Bd. I—III. Hrsg. von L. Arbusow (sen.). Riga — Moskau 1900—1914.

MAL = Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik I — Древние поселения и городища. Археологический сборник I. Tallinn 1955.

МАР = Материалы по археологии России, т. 3 — 37. С.-Петербург 1888—1918.

MEL = Muistse Eesti linnused. 1936.—1938. a. uurimiste tulemused. Tartu 1939.

МИА = Материалы и исследования по археологии СССР. Москва—Ленинград 1940 —.

МИАЛ = Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига 1957 —.

MKA = Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II — Древние могильники и клады. Археологический сборник II. Tallinn 1962.

Moora, EZL I, II = H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., I. Teil: Die Funde, II. Teil: Analyse. *ÕES Toim. XXV, XXIX,* Tartu 1929, 1938.
ПСРЛ = Полное собрание русских летописей.
PVF = Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade arheoloogiast — От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Tallinn 1966.
ПВЛ = Повесть временных лет. Москва—Ленинград 1950.
RK = Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896.
СА = Советская археология. Москва 1957 —.
СА I—XXX = Советская археология (сборник) I—XXX. Москва—Ленинград 1936—1959.
Sb. GEG s. ÕES Ar.
СЭ = Советская этнография. Москва 1945 —.
SM = Suomen Museo. Helsinki 1894 — .
SMYA = Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja—Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Helsinki 1874 — .
Шмидехельм, Археологические памятники = М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин 1955.
ЗОРСА = Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. 1—13. С.-Петербург 1851—1918.
Tallgren, ZAE II = A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis, II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VIII:1,* Dorpat 1925.
TA Toim. = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised — Известия Академии наук Эстонской ССР 1952—1955. Ühiskonnateaduste seeria — Серия общественных наук 1956—1966. Ühiskonnateadused— Общественные науки 1967 —. Tallinn.
Труды ГИМ = Труды Государственного исторического музея. Москва 1926 —.
Труды ПОКЭ = Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I—II. Москва 1959.
ВЭИ = Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Таллин 1956.
Verh. GEG s. ÕES Toim.
Veröffentl. AK s. AK Toim.
ÕES Ar. = Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1861—1938. Tartu (Dorpat) 1863—1940.
ÕES Toim. = Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused — Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—XXXIV. Tartu (Dorpat) 1840—1943.

AINEKOGUD — МУЗЕИ И АРХИВЫ — MUSEEN UND ARCHIVE

AI = Eesti NSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut — Институт истории Академии наук Эстонской ССР. Tallinn.
AM = Eesti NSV Riiklik Ajaloomuuseum — Государственный Исторический музей Эстонской ССР. Tallinn.
EM = Eesti NSV Riiklik Etnograafiamuuseum — Государственный Этнографический музей Эстонской ССР. Tartu.
Gotlands Fornsal = Museum Gotlands Fornsal. Visby.
ИЭМ Лит. ССР = Историко-этнографический музей Литовской ССР — Istorijos-etnografijos muziejus Lietuvos TSR. Vilnius.
ИИЛ см. LVI.
КГИМ = Каунасский государственный исторический музей — Kauno Valstybinis istorinis muziejus. Kaunas.
ЛОИА = Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
LVI = Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Vēstures institūts — Институт истории Академии наук Латвийской ССР. Rīgā.
LVM = Latvijas PSR Vēstures Mūzejs — Музей истории Латвийской ССР. Rīgā.
МИЛ см. LVM.
NM = Nationalmuseum — Kansallismuseo. Helsinki.
SHM = Statens Historiska Museet. Stockholm.
TRÜ = Tartu Riiklik Ülikool — Тартуский государственный университет. Tartu.
Valga M = Valga Rajoonidevaheline Koduloomuuseum — Валгаский межрайонный краеведческий музей. Valga.
Vilj. M = Viljandi Rajoonidevaheline Koduloomuuseum — Вильяндиский межрайонный краеведческий музей. Viljandi.

SISUKORD — СОДЕРЖАНИЕ — INHALT

Harri Moora 2. III 1900 — 2. V 1968 . . . 5

Харри Альбертович Моора 2/III 1900—2/V 1968 11

Harri Moora 2. III. 1900 — 2. V. 1968 . . . 17

A. Viires (Tallinn), Harri Moora ja eesti etnograafia 23

А. Вийрес, Харри Альбертович Моора и эстонская этнография 28

A. Viires, Harri Moora und die estnische Ethnographie 32

Harri Moora erialased tööd — Труды Харри Альбертовича Моора по специальности — Fachschriften von Harri Moora 36

J. Antoniewicz (Warszawa), Studies of the Balto-Slavonic contacts in the 6th — 8th centuries in northern Poland 45

J. Antoniewicz, Balti-slaavi kokkupuudetest Põhja-Poolas 6. — 8. sajandil. *Lühikokkuvõte* . . 49

Е. Антоневич, О балто-славянских соприкосновениях в Северной Польше в 6—8 вв. *Резюме* 49

W. Antoniewicz (Warszawa), Ein Medaillon mit der Darstellung der betenden Mutter Gottes (Maria Orans) aus Kekomäki in Karelien . . . 50

W. Antoniewicz, Medaljon palvetava jumalaema (Maria Orans) kujutusega Karjalast. *Lühikokkuvõte* 56

В. Антоневич, Медальон с изображением молящейся богоматери (Maria Orans) из Карелии. *Резюме* 56

M. Aun (Tallinn), Läätsa kivikalme Tartu rajoonis . 57

М Аун, Каменный могильник в Ляэтса Тартуского района. *Резюме* 61

M. Aun, Das Steingräberfeld Läätsa im Bezirk Tartu. *Zusammenfassung* 62

Я. Граудонис (Рига), Строительство на Икшкильском Винакалнсе 63

J. Graudonis, Ehitused Ikšķile Vīnakalnsil. *Lühikokkuvõte* 68

J. Graudonis, Der Ausbau des Vīnakalns bei Ikšķile. *Zusammenfassung* 68

Ф. Д. Гуревич (Ленинград), О времени возникновения городов на территории Белоруссии . . 69

F. D. Gurevitš, Linnade tekkimise ajast Valgevene territooriumil. *Lühikokkuvõte* 73

F. D. Gurewitsch, Über die Zeit der Entstehung der Städte in Belorussland. *Zusammenfassung* 73

Н. Н. Гурина (Ленинград), Верхневолжские макролиты в свете новых исследований . . . 74

N. N. Gurina, Ülem-Volga makroliidid uute uurimiste valgusel. *Lühikokkuvõte* 80

N. N. Gurina, Die Makrolithen vom Oberlauf der Wolga im Lichte neuer Forschungen. *Zusammenfassung* 80

L. Jaanits (Tallinn), Kultuuri arengupidevusest Eestis üleminekul keskmiselt nooremale kiviajale . 81

Л. Янитс, О беспрерывности развития культуры в Эстонии при переходе от мезолита к неолиту. *Резюме* 87

L. Jaanits, Über die Lückenlosigkeit der Kulturentwicklung in Estland beim Übergang von der mittleren zur jüngeren Steinzeit. *Zusammenfassung* 87

E. Kivikoski (Helsinki), Zu den axtförmigen Anhängern der jüngsten Eisenzeit 88

E. Kivikoski, Hiliseima rauaaja kirvekujulistest ripatsitest. *Lühikokkuvõte* 94

Э. Кивикоски, О топоровидных подвесках позднего железного века. *Резюме* 94

П. Куликаускас (Вильнюс), Археологические исследования городищ в Литве в 1967—1968 гг. . 95
P. Kulikauskas, Linnuste uurimisest Leedus aastail 1967—1968. *Lühikokkuvõte* 101
P. Kulikauskas, Burgbergforschungen in Litauen in d. J. 1967—1968. *Zusammenfassung* . . 101
A. Kustin (Tallinn), Unikaalne leid Saaremaalt . 102
А. Кустин, Уникальная находка с о-ва Сааремаа. *Резюме* 106
A. Kustin, Ein unikaler Fund von der Insel Saaremaa. *Zusammenfassung* 106
V. Luho (Helsinki), Ein Geweihgegenstand aus Finnland 107
V. Luho, Sarvese Soomest. *Lühikokkuvõte* . . 110
В. Лухо, Роговое изделие из Финляндии. *Резюме* 110
V. Lõugas (Tallinn), Sõrve laevkalmed . . . 111
В. Лыугас, Ладьевидные могильники в Сырве. *Резюме* 117
V. Lõugas, Die Schiffsgräber von Sõrve. *Zusammenfassung* 118
K. Mark (Tallinn), Eesti territooriumi kiviaja elanike antropoloogilisest kuuluvusest 119
К. Марк, Об антропологической принадлежности населения Эстонии в каменном веке. *Резюме* . 121
K. Mark, Über die anthropologische Zugehörigkeit der steinzeitlichen Bevölkerung Estlands. *Zusammenfassung* 121
М. Михельбертас (Вильнюс), Фибула с эмалью из Рудишкяй (Северная Литва) 122
M. Michelbertas, Emailsõlg Rūdiškiaist (Põhja-Leedu). *Lühikokkuvõte* 125
M. Michelbertas, Eine Emailfibel aus Rūdiškiai (Nordlitauen). *Zusammenfassung* . . . 125
А. Молвыгин (Таллин), Тамзеский клад монет начала 13 века 126
A. Molvõgin, Tamse mündiaare 13. sajandi algusest. *Lühikokkuvõte* 132
A. Molvõgin, Ein Münzfund aus dem Beginn des 13. Jahrhunderts aus Tamse. *Zusammenfassung* 132
T. Moora (Tallinn), Surnute põletamise kohast Rakke lähedal 133
Т. Моора, Место трупосожжений близ Ракке. *Резюме* 137
T. Moora, Eine Toten-Verbrennungsstätte in der Nähe von Rakke. *Zusammenfassung* 137
Э. Мугуревич (Рига), Упомянут ли город Лудза в письменных источниках 12 века? 138
Ē. Mugurevičs, Kas mainitakse Ludza linna 12. sajandi kirjalikes allikates? *Lühikokkuvõte* . . 141
Ē. Mugurevičs, Wird die Stadt Ludza in den Geschichtsquellen des 12. Jhs. erwähnt? *Zusammenfassung* 141
Р. Римантене (Вильнюс), Древнейшая пряжа в Литве 142
R. Rimantienė, Vanim kedrus Leedus. *Lühikokkuvõte* 146
R. Rimantienė, Die ältesten Gespinste in Litauen. *Zusammenfassung* 146
O. Saadre (Tallinn), Padise Vanalinna mägi . . 147
О. Саадре, Городище *Ваналинна мяги* в Падизе. *Резюме* 152
O. Saadre, Der Burgberg *Vanalinna mägi* in Padise. *Zusammenfassung* 153
M. Schmiedehelm ja **S. Laul** (Tallinn), Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel
М. Шмидехельм и С. Лауль, О распространении населения и об этнических условиях на юго-востоке Эстонии в I тысячелетии. *Резюме* . 164
M. Schmiedehelm und S. Laul, Über die Besiedelung und die ethnischen Verhältnisse Südostestlands im I. Jahrtausend. *Zusammenfassung* 165
В. В. Седов (Москва), Городища Себежского Поозерья 166
V. V. Sedov, Sebeži järvedeala linnused. *Lühikokkuvõte* 171
W. W. Sedow, Die Burgberge im Seengebiet von Sebež. *Zusammenfassung* 171
J. Selirand (Tallinn), Eesti naiste noatuped . . 172
Ю. Селиранд, Ножны от ножей эстонских женщин. *Резюме* 175
J. Selirand, Die Messerscheiden der estnischen Frauen. *Zusammenfassung* 175
А. П. Смирнов (Москва), О культурных связях Прибалтики со Средним Поволжьем и Приуральем в эпоху древности и средневековья . . . 176
A. P. Smirnov, Baltimaade kultuurisidemetest Kesk-Volga ja Uraali aladega esiajal. *Lühikokkuvõte* 180
A. P. Smirnow, Über die Kulturbeziehungen zwischen dem Ostbaltikum und den Gebieten an der mittleren Wolga und am Ural im Altertum. *Zusammenfassung* 180
А. Стубавс (Рига), Археологические находки из древнего Саласпилса и хронология памятника . 181
A. Stubavs, Muistse Salaspilsi arheoloogilised leiud ja kronoloogia. *Lühikokkuvõte* 188
A. Stubavs, Die archäologischen Funde aus dem alten Salaspils und die Zeitstellung dieses Denkmals. *Zusammenfassung* 188
Э. Шноре (Рига), Каменный могильник в Лаздыни 189
E. Šnore, Kivikalme Lazdiņis. *Lühikokkuvõte* . 196
E. Šnore, Die Steinsetzung in Lazdiņi. *Zusammenfassung* 196
А. Таутавичюс (Вильнюс), Манжетообразные браслеты в Литве 197
A. Tautavičius, Mansetikujulised käevõrud Leedus. *Lühikokkuvõte* 200
A. Tautavičius, Die manschettenförmigen Armringe in Litauen. *Zusammenfassung* 201
М. А. Тиханова (Ленинград), К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. 202
M. A. Tihhanova, Lõuna-Skandinaavia sidemetest Ida-Euroopaga I aastatuhande esimesel poolel m. a. j. *Lühikokkuvõte* 206
M. A. Tichanowa, Zur Frage der Verbindungen Südskandinaviens mit Osteuropa in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. *Zusammenfassung* 206
П. Н. Третьяков (Ленинград), О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья 207
P. N. Tretjakov, Mõnedest varase rauaaja pronksesemetest Dnepri ülemjooksult. *Lühikokkuvõte* 212
P. N. Tretjakow, Einige bronzene Schmuckgegenstände der frühen Eisenzeit aus dem oberen Dneprgebiet. *Zusammenfassung* 212
V. Trummal (Tartu), Lisandeid vadja materiaalse kultuuri uurimisele Kirde-Eesti alal 213
В. Труммал, К исследованию водской культуры на северо-востоке Эстонии. *Резюме* . . 217
V. Trummal, Zur Untersuchung der wotischen Kultur in Nordostestland. *Zusammenfassung* . . 217
E. Tõnisson (Tallinn), Kumna hõbeaare . . . 218
Э. Тыниссон, Клад серебряных вещей из Кумна. *Резюме* 225
E. Tõnisson, Der Silberschatz von Kumna. *Zusammenfassung* 225
В. Уртан (Рига), Древнейшие музыкальные инструменты на территории Латвии 226
V. Urtāns, Vanimad muusikariistad Läti territooriumil. *Lühikokkuvõte* 231

V. Urtāns, Archäologische Musikinstrumente vom Territorium Lettlands. *Zusammenfassung* . . . 231
Л. Ванкина (Рига), Деревянный идол из Сарнате 232
L. Vankina, Puust iidol Sārnatest. *Lühikokkuvõte* 235
L. Vankina, Eine hölzerne Götzenfigur aus Sārnate. *Zusammenfassung* 235
A. Vassar (Tallinn), Kuude leiu võimalikust seosest Viljandi ülestõusuga 1223 236
А. Вассар, О возможной связи находки из Кууде с восстанием 1223 г. в Вильянди. *Резюме* 240
A. Vassar, Über den vermutlichen Zusammenhang zwischen dem Funde von Kuude und dem Aufstand in Viljandi vom J. 1223. *Zusammenfassung* 241
Р. Волкайте-Куликаускене (Вильнюс), К этническому вопросу грунтовых могильников I — начала II тысячелетия, расположенных у литовского взморья 242
R. Volkaitė-Kulikauskienė, Leedu ranniku I aastatuhande ja II aastatuhande alguse maa-aluste kalmistute etnilisest kuuluvusest. *Lühikokkuvõte* 246
R. Volkaitė-Kulikauskienė, Zur ethnischen Frage betreffs der Flachgräberfelder aus dem I. und dem Beginn des II. Jahrtausends an der Meeresküste Litauens. *Zusammenfassung* . . 246

Lühendid — Сокращения — Abkürzungen . . 247

Институт истории Академии наук Эстонской ССР. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ХАРРИ МООРА. Художественное оформление Л. Круусмаа. На эстонском, русском, немецком и английском языках. Издательство «Валгус». Таллин, Пярнуское шоссе, 10.

Toimetajad A. Haljamaa, N. Lassmann, H. Abo ja V. Rummel. Kunstiline toimetaja M. Niin. Tehniline toimetaja T. Linkvist. Korrektorid A. Kalberg ja E. Kask.

Laduda antud 23. III 1970. Trükkida antud 13. VII 1970. Formaat 56×84/8. Trükipoognaid 31,5 + 5 lisa. Tingtrükipoognaid 28,31. Arvestuspoognaid 27,10. Trükiarv 1500. MB-06904. Tellimuse nr. 1825. H. Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Ülikooli 17/19. I. Hind rbl. 4.02.

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00783842 0

Rbl. 4.02

JB
2289
7838420

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00783842 0

STUDIA ARCHAEOLOGICA IN MEMORIAM HARRI MOORA

JB
2289
7838420

Rbl. 4.02

IN MEMORIAM
HARRI MOORA

STUDIA
ARCHAEOLOGICA
IN MEMORIAM

HARRI MOORA

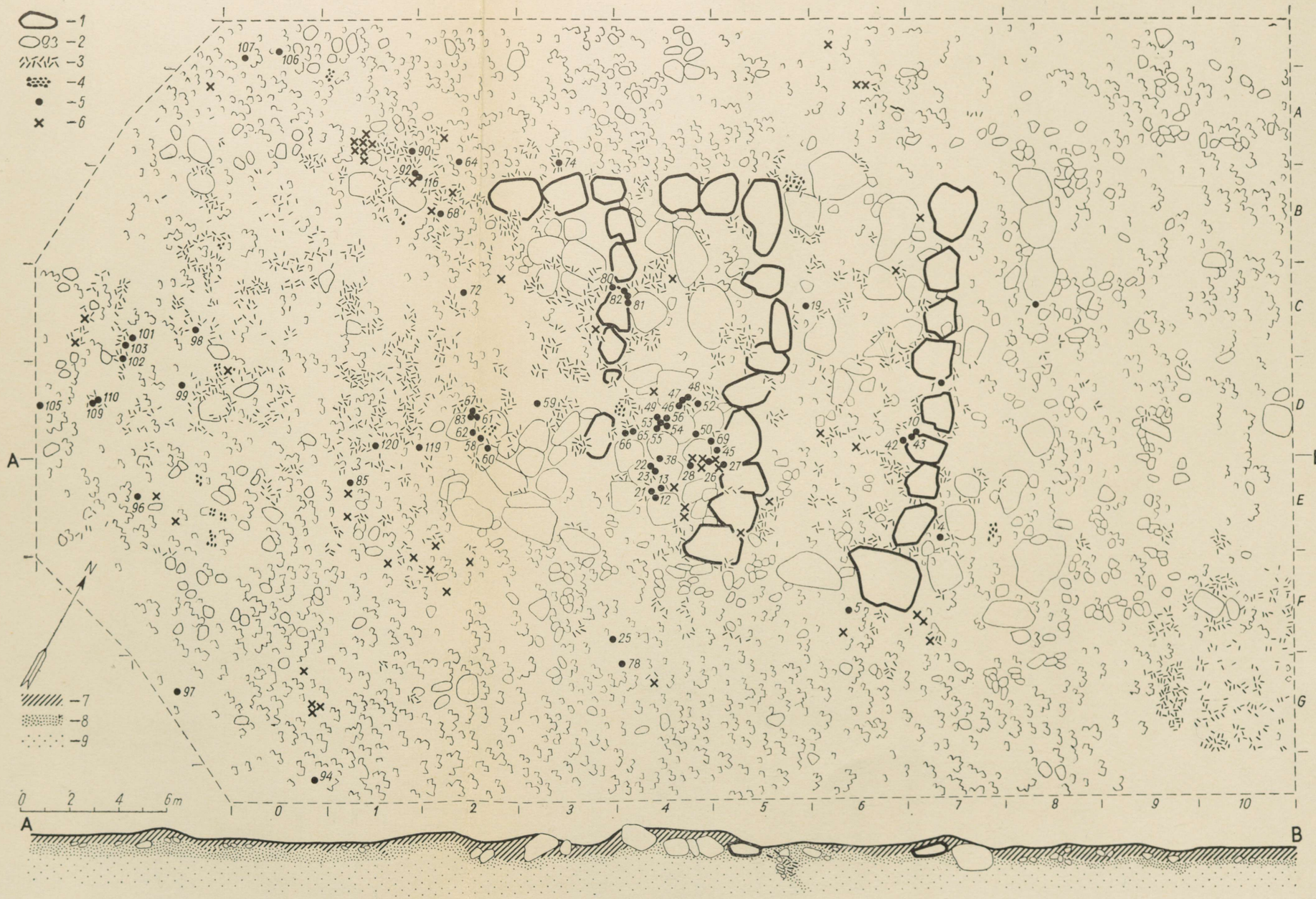

Kalmistute levik Kagu-Eestis I aastatuhandel.

1 — kääbas, 2 — kivikalme, 3 — erodeerunud leetliivmullad ja kruus, 4 — mitmesuguselt leetunud saviliiv- ja liivsavimullad, 5 — liivased alad, 6 — soostunud alad, 7 — kõrgustiku piir, K — Kõnnu, L — Loosi.

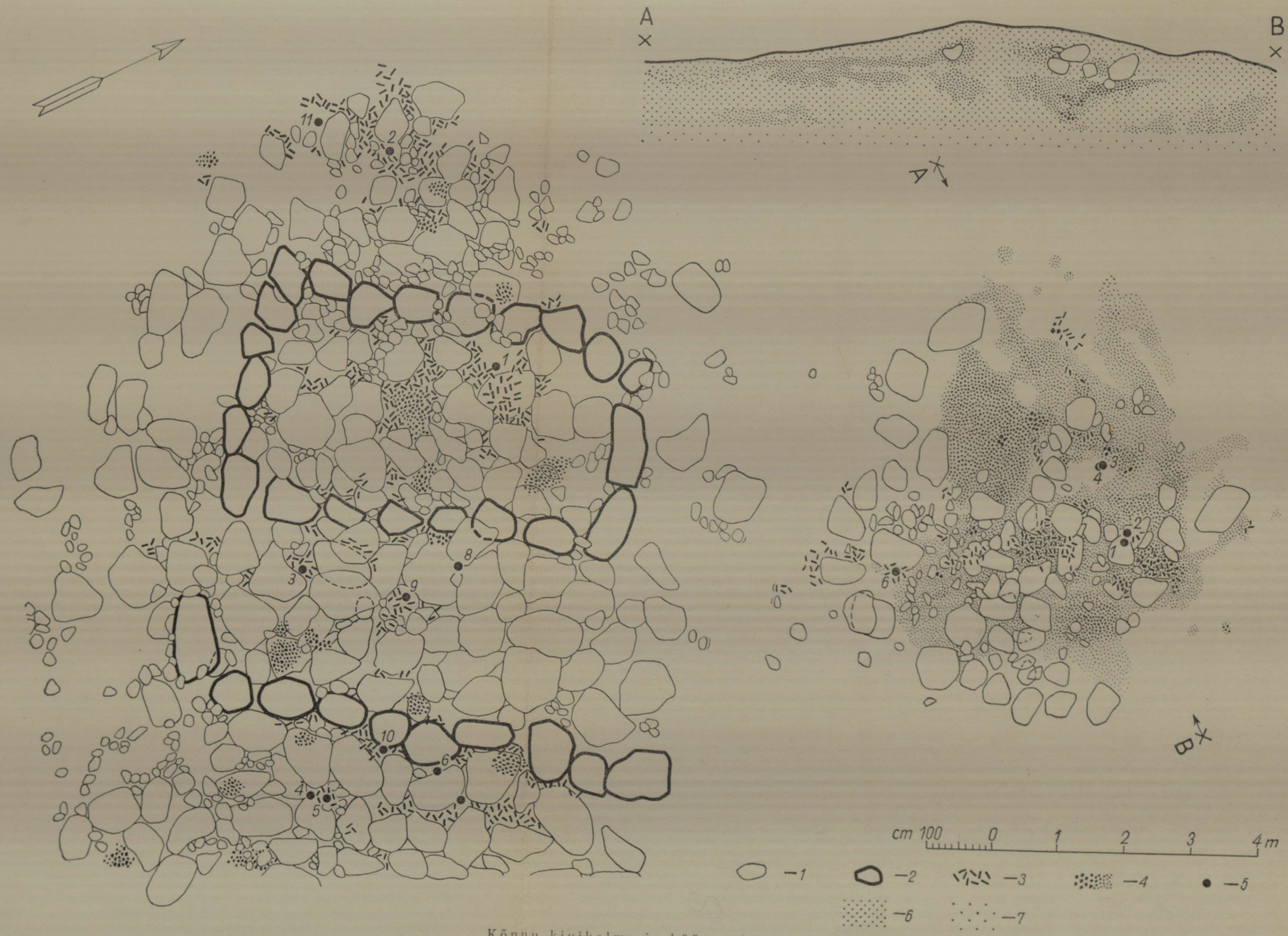
(M. Schmiedehelmi ja S. Laulu artikli juurde.)

Loosi kivikalme plaan.

1 — tarandimüüri kivi, 2 — täite- ja äärevare kivi, 3 — põlenud luud, 4 — süsi ja söene liiv, 5 — metall- või klaasleid, 6 — keraamika.

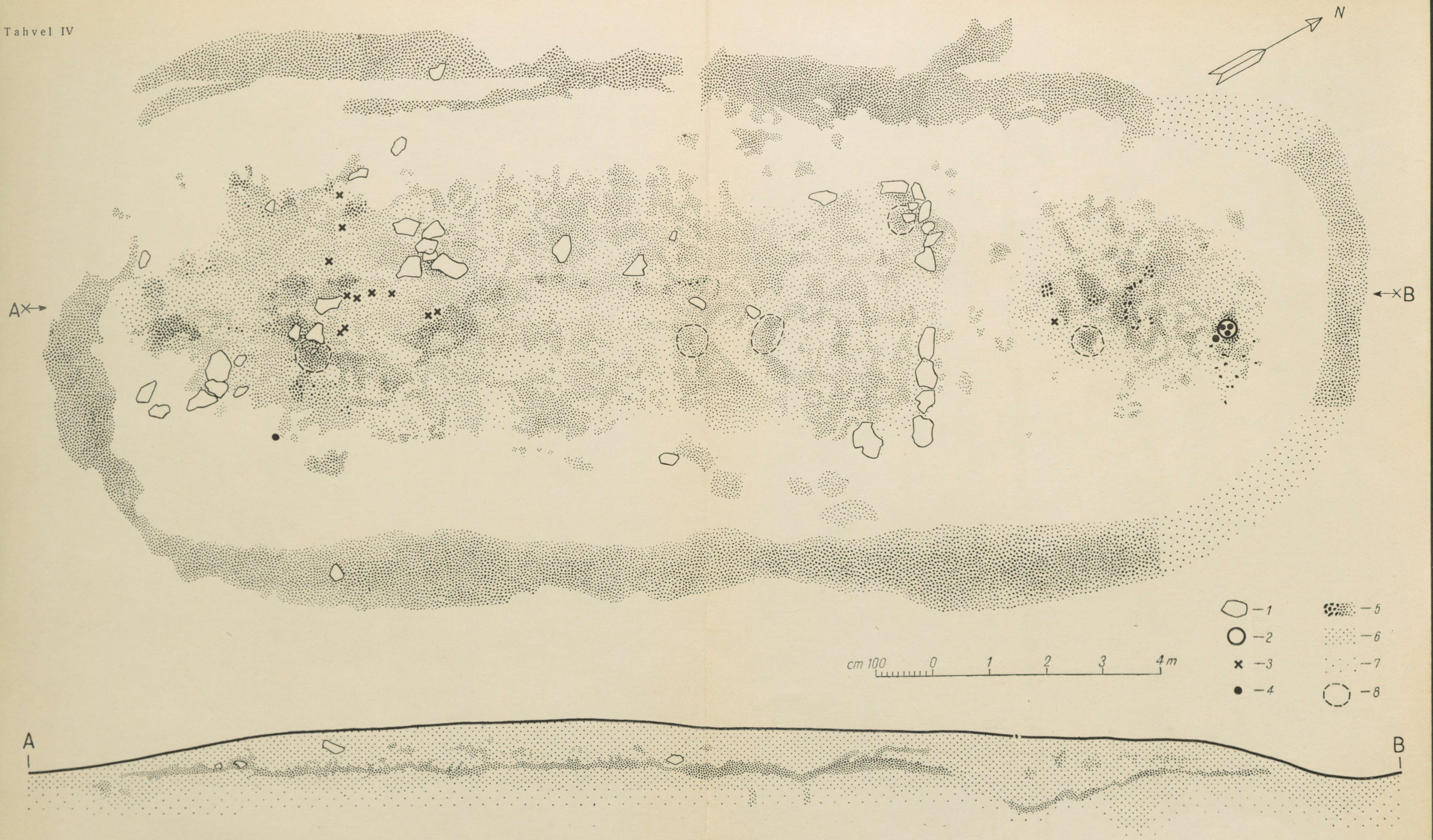
(M. Schmiedehelmi ja S. Laulu artikli juurde.)

Kõnnu kivikalme ja kääpa plaan.

1 — kivi, 2 — tarandimüüri kivi, 3 — põlenud luud, 4 — süsi ja söene liiv, 5 — leid, 6 — kollane liiv ja 7 — puutumatu valge liiv (kääpa läbilõikel).

(M. Schmiedehelmi ja S. Laulu artikli juurde.)

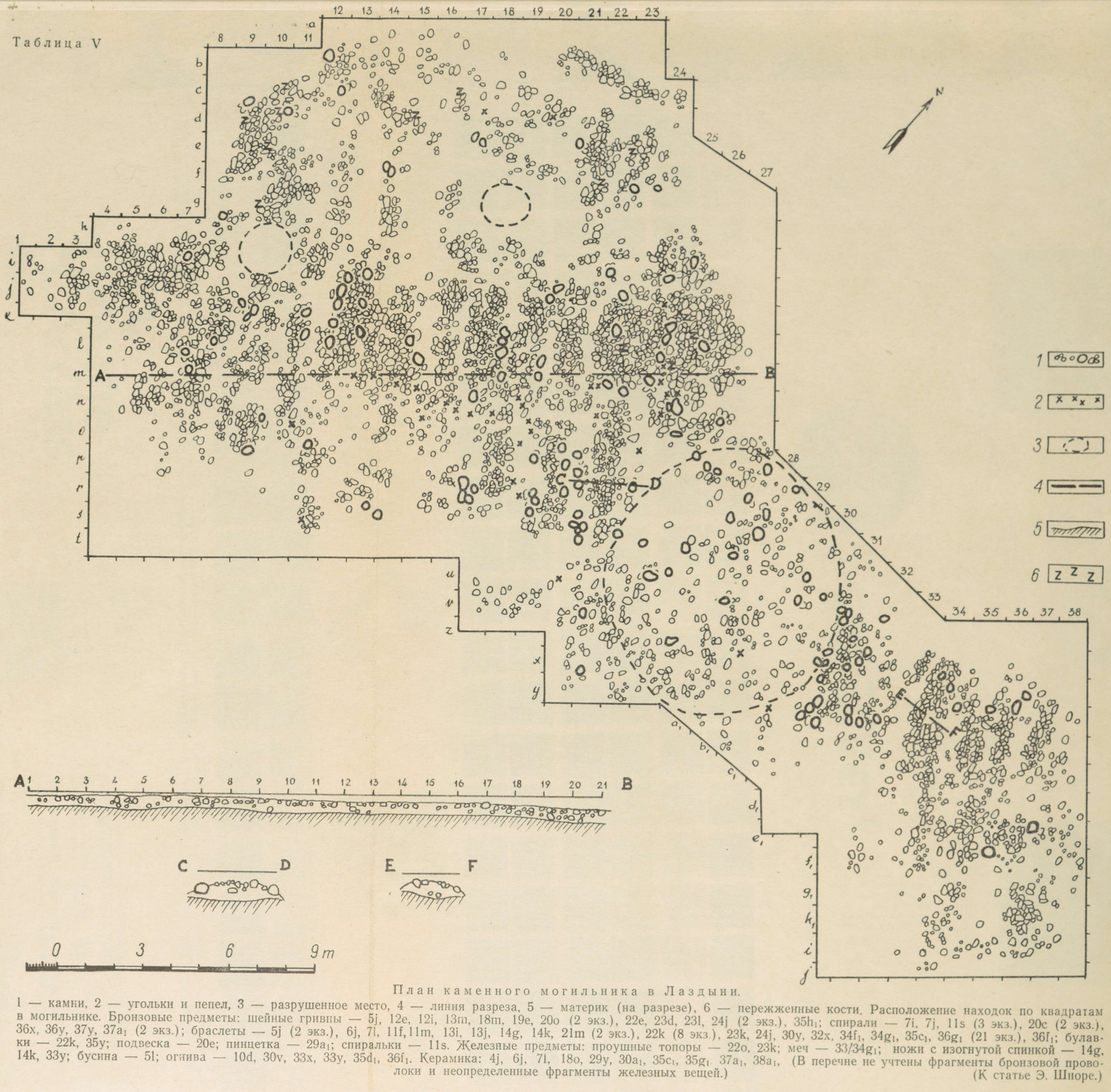

Loosi kääpa plaan.

1 — kivi, 2 — urn, 3 — muu keraamika, 4 — muu leid, 5 — süsi ja söene liiv, 6 — kollane või punane liiv (läbilõikel), 7 — valge puutumatu liiv (läbilõikel), 8 — puutumatusse liiva ulatuv söene laik (skemaatiliselt).

(M. Schmiedehelmi ja S. Laulu artikli juurde.)

Таблица V

План каменного могильника в Лаздыни.

1 — камни, 2 — угольки и пепел, 3 — разрушенное место, 4 — линия разреза, 5 — материк (на разрезе), 6 — пережженные кости. Расположение находок по квадратам в могильнике. Бронзовые предметы: шейные гривны — 5j, 12e, 12i, 13m, 18m, 19e, 20o (2 экз.), 22e, 23d, 23l, 24j (2 экз.), 35h_1; спирали — 7i, 7j, 11s (3 экз.), 20c (2 экз.), 36x, 36y, 37y, 37a_1 (2 экз.); браслеты — 5j (2 экз.), 6j, 7l, 11f,11m, 13i, 13j, 14g, 14k, 21m (2 экз.), 22k (8 экз.), 23k, 24j, 30y, 32x, 34f_1, 34g_1, 35c_1, 36g_1 (21 экз.), 36f_1; булавки — 22k, 35y; подвеска — 20e; пинцетка — 29a_1; спиральки — 11s. Железные предметы: проушные топоры — 22o, 23k; меч — 33/34g_1; ножи с изогнутой спинкой — 14g, 14k, 33y; бусина — 5l; огнива — 10d, 30v, 33x, 33y, 35d_1, 36f_1. Керамика: 4j, 6j, 7i, 18o, 29y, 30a_1, 35c_1, 35g_1 37a_1, 38a_1, (В перечне не учтены фрагменты бронзовой проволоки и неопределенные фрагменты железных вещей.)

(К статье Э. Шноре.)